

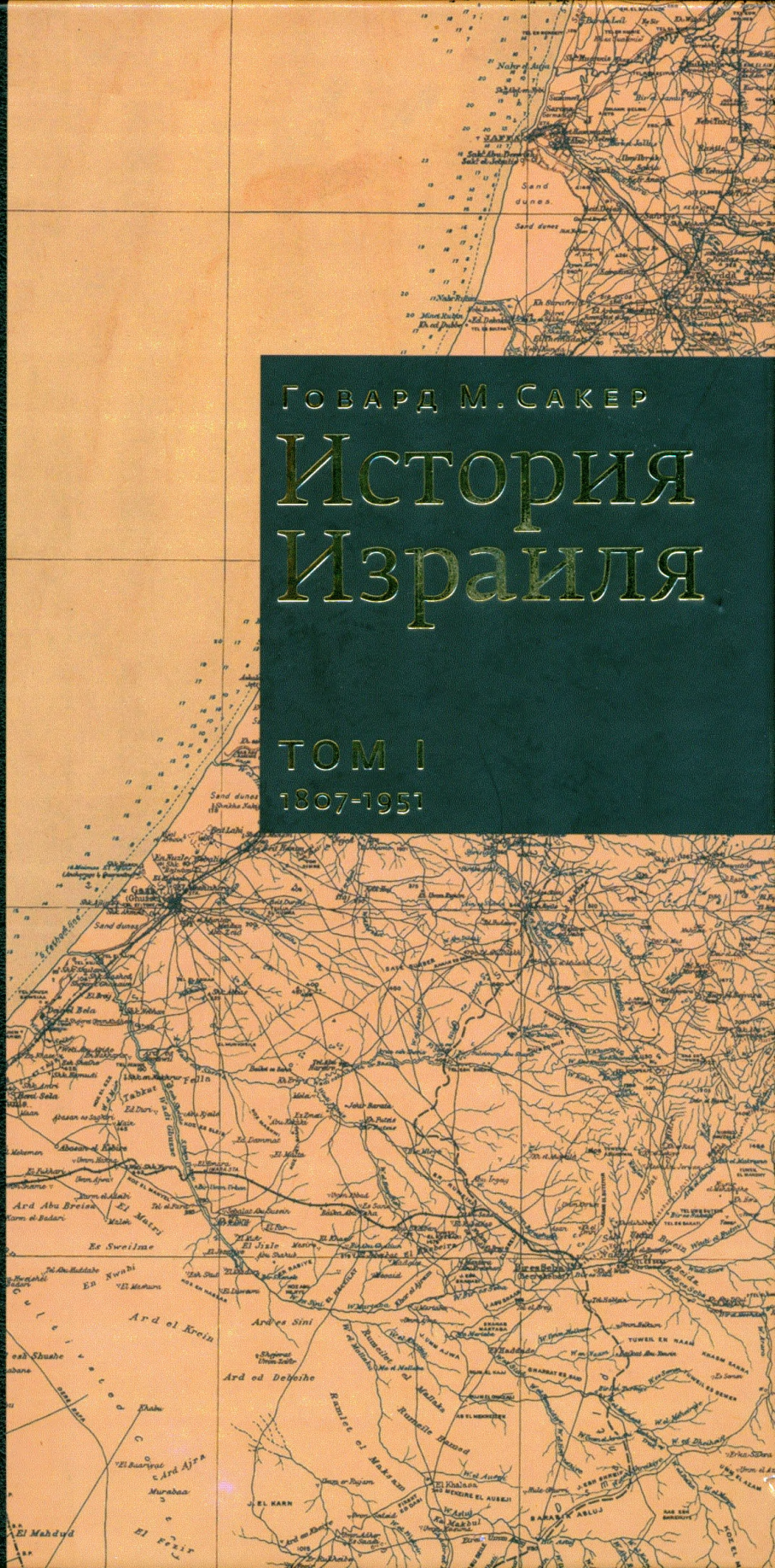
ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ГОВАРД М. САКЕР

История Израиля

ТОМ I
1807-1951

HOWARD M. SACHAR

A History of Israel

From the Rise
of Zionism
to Our Time

---

volume I

1807-1951

ГОВАРД М. САКЕР

История Израиля

От зарождения
сионизма
до наших дней

ТОМ I

1807–1951

При поддержке
семьи Аминовых и Фонда Ави Хай

МОСКВА, 2011

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ СИОНИЗМА
ДО НАШИХ ДНЕЙ. ТОМ 1. 1807–1951

Говард М. Сакер

Первое издание на русском языке

Главный редактор БОРУХ ГОРИН

Руководитель проекта МЕНАХЕМ ЯГЛОМ

Отвественный редактор МАРИНА ГУТГАРЦ

Перевод глав I–XIII ВЛАДИМИР ОРЕЛ, *глав XIV–XVI* ВИКТОР ГОПМАН

Литературные редакторы КСЕНИЯ АГАЛЛИ,

КОНСТАНТИН КЛЮШНИКОВ

Научный редактор ЛЕОНИД ПРАЙСМАН

Корректор ВИКТОРИЯ РЯБЦЕВА

Координатор РЕГИНА-РАХЕЛЬ ШКОЛЬНИК

Художественное оформление АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Верстка АЛЕКСЕЙ ТУБОЛЬЦЕВ

Ответственный за выпуск ЯКОВ РАТНЕР

Издательство благодарит ДАВИДА РОЗЕНСОНА
за участие в разработке этой серии

Говард М. Сакер

C15 История Израиля : в 3 томах. : Перевод с английского Виктора Гопмана /
Говард Морли Сакер — М: Книжники; Текст; 2011 — (История евреев)

ISBN 978-5-9953-0124-0 (“Книжники”)

ISBN 978-5-7516-0972-6 (“Текст”)

Том 1 : От зарождения сионизма до наших дней : 1807–1951. —
2011. — 636[4] с.

ISBN 978-5-9953-0125-7 (“Книжники”)

ISBN 978-5-7516-0973-3 (“Текст”)

Первый том “Истории Израиля. От зарождения сионизма до наших дней” Говарда М. Сакера, видного американского ученого, посвящен предьстории создания Государства Израиль и первым годам его существования. В книге показано зарождение и развитие палестинофильского и сионистского движений, титаническая роль Т. Герцля в создании сионизма. Читатель познакомится с историей первых волн еврейских переселенцев, создавших в Палестине базу для развития современной промышленности и сельского хозяйства. Автор рассказывает о противостоянии арабскому террору и об усиливавшейся враждебности со стороны британских властей. В книге отражена значительная роль, сыгранная евреями Палестины во Второй мировой войне, и героическая борьба за создание еврейского государства, приведшая к победе над арабскими армиями в ходе Войны за Независимость.

При подготовке предисловия и глав I–XIII использован перевод на русский язык из издания: Говард М. Сакер. История Израиля. От возникновения сионизма до создания государства Израиль. В 2-х томах. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1991

© Текст. Говард Морли Сакер. 2007

© Издание на русском языке. “Книжники”, “Текст”. 2011

© Издание на русском языке. Фонд Ави Хай. 2011

Семья Аминовых посвящает это издание
светлой памяти прадеда
ГИРША БЕН ЯАКОВА ЗАБАРСКОГО из Одессы,
чьи заслуги берегут потомков его,
идущих путями Торы и заповедей.
Да будет память его
благословенна!

מוקדש ע"י משפחת אמנוב
לעילוי נשמת אבי סבנו
ר' הירש בן ר' יעקב זברסקי
יהי זכרו ברוך
איש ק"ק אודסה
זכותו יגן על יוצאי חלציו
אשר בחרו בדרך תורה ומצוות

Содержание

Предисловие	13
<i>Глава I. Рост еврейского национализма</i>	
Аккультурация и историческая память	13
Предшественники сионизма	18
Европейский национализм и перемены в России	25
Палестина как прибежище и возможность возрождения	29
Ховевей Цион	33
<i>Глава II. Возвращение начинается</i>	
Связь с землей	36
Палестина и европейская мысль	40
Старый ишув	43
Старый ишув пробуждается	46
Первая алия	48
“Известный благотворитель”	52
Плацдарм расширяется	55
<i>Глава III. Герцль и возникновение политического сионизма</i>	
Безукоризненный европеец	60
“Еврейское государство”	63
От теории к практике. Сионистский конгресс	67
Кайзер и султан	75
Британский вариант	81
Ахад га-Ам, “восточники” и Демократическая фракция	87
Последнее дипломатическое усилие и “Угандийский кризис”	90
Герцль: подведение итогов	95

Глава IV. Развитие ишува

Сионизм после Герцля	100
Становление сионистских партий	102
Социалистический сионизм	105
Вторая алия.	109
“Завоевание труда”	112
Коллективные поселения	116
Союз стражников	120
Торжество иврита	122
Борьба ишува за политическое самоутверждение	125

Глава V. Декларация Бальфура

Палестинские евреи и война.	130
Ближний Восток и военная политика Великобритании	134
Истоки англо-сионистского альянса	139
Неоценимое посредничество	143
Qui pro quo дружбы с евреями	146
Рождение декларации	151
Еврейский легион и освобождение ишува	159

Глава VI. Установление мандата

Определение границ.	163
Преждевременные надежды в Святой земле	165
Упразднение военной администрации и перетолкование мандата	171
“Конституция” мандата	179
Функционирование мандата	182
Начатки самоуправления	185

Глава VII. Создание еврейского национального очага

Возрождение Сионистской организации	190
Позиции американских сионистов.	
Борьба за землю и источники финансирования	192
Иммиграция и идеология	197
Новая утопия на земле.	201
Голоса халуцим	207
Рост городского населения. Борьба за рабочее единство	210
Создание Еврейского агентства	216

Глава VIII. Истоки арабско-еврейской конфронтации

Арабы и евреи в домандатный период	221
Палестинские арабы	227
Отсутствие дальновидности. Новые проявления насилия	233
Последствия беспорядков	237
Неопределенность целей	243
Ответ ревизионистов	250
Пятая алия. Рост капиталистического сектора	257
Обострение политической борьбы в сионистском движении	260

Глава IX. Отступничество Великобритании

Вмешательство стран Оси	266
Накануне арабского восстания	269
Арабское восстание начинается	272
Комиссия Пиля	275
Доклад Пиля и общественное мнение	278
Колебания в связи с разделом	282
Возобновление арабского восстания	285
Укрепление еврейской самообороны	289
Великобритания отказывается от раздела Палестины	294
Лондонская конференция за круглым столом	298
Белая книга 1939 года	301

Глава X. Палестина во Второй мировой войне

Успехи и неудачи англичан	307
Единственный союзник	310
Трагедия и спасение	319
Сионисты и Англия	326
Усиление боевого духа в ишуве	328

Глава XI. Ишув против мандата

Послевоенная ситуация: позиции евреев и англичан	337
США и проблемы беженцев	344
Объединенная англо-американская комиссия	349
Усиление еврейского экстремизма	356
Нелегальная иммиграция	361
Последняя попытка англичан: план Моррисона—Грэйди и лондонские переговоры	365

Глава XII. Рождение Государства Израиль

Палестинский вопрос на повестке дня ООН	375
Доклады специальной комиссии ООН	381
США делают выбор	385
Голосование в ООН	391
Реакция на раздел	394
Раздел под угрозой	401
Евреи ускоряют развитие событий	405
Рождение Израиля	412

Глава XIII. Война за независимость

Арабские государства готовятся к вторжению	419
Евреи противостоят вторжению	422
Израиль сохраняет равновесие сил	425
Битва за Иерусалим	430
Первое перемирие	433
Территориальные и демографические изменения	438
Предложение Бернадота	444
Битва за Негев	448
Последняя кампания палестинской войны	452
Переговоры о перемирии	456

Глава XIV. Развитие израильской государственности

Основы системы государственного управления	464
Законодательная и исполнительная власть	470
Двуглавая судебная власть	475
Кризис израильской демократии	478
Общинная структура в иностранном государстве	520

Глава XV. Возвращение в страну отцов и борьба за экономическое выживание

Двери распахнуты	528
Иммиграция из стран Востока	530
Шок абсорбции	541
Усилия по расселению репатриантов и обеспечению их продуктами питания	544
Кризис израильской экономики	549
Роль общественного сектора	552

Возобновление процесса репатриации, корни социального кризиса	558
Североафриканская болезнь	564
Оживление экономики	570

Глава XVI. В поисках мира и безопасности

Сущность израильской внешней политики	577
Палестинская комиссия по примирению (ПКП), статус Иерусалима	579
Арабские беженцы: судьба оставленной собственности	586
Арабские беженцы: репатриация или переселение	591
Вспышки приграничного насилия	597
Демилитаризованные зоны и отряды федаинов	600
Движущие силы арабской воинственности	607
Причины арабской воинственности	611
Израиль смотрит на Запад	618
В поисках дружбы с СССР	623
Кризис совести: договоренность с Германией	627
Люксембургское соглашение и Шилумим	631
Некоторые итоги	636

Предисловие

Для истории такой маленькой страны это слишком толстая книга. Однако, после того как при жизни одного поколения на Ближнем Востоке последовательно произошли четыре кризиса¹, чреватых серьезными последствиями, можно утверждать, что Израиль оказывает на современный мир поистине сейсмическое воздействие, и это не требует особых доказательств. Можно сказать даже, что евреи — независимо от наличия у них государства — и в древности, и в наше время постоянно и самым существенным образом влияли на организованное общество. Как ни парадоксально, теоретики сионизма рассчитывали на то, что возрождение государственности в Эрец-Исраэль наконец-то избавит еврейский народ от этого уникального и тяжелого свойства, — ведь сионисты (если не иметь в виду сионистов религиозных) вдохновлялись не столько идеей особой миссии², сколько стремлением к норме. Дальше мы сможем проанализировать неоднозначные результаты их деятельности.

Хотя книга предназначена в основном для студентов и для широкого круга читателей, хочу надеяться, что подробное рассмотрение некоторых проблем, относящихся к Ближнему Востоку в целом, окажется полезным и для специалистов-историков.

- 1 История Израиля доведена в книге до окончания Второй Ливанской войны (август 2006 г.). В период от провозглашения независимости в 1948 г. до этого времени Государство Израиль шесть раз вступало в войны с арабскими странами: Война за независимость (1948–1949 гг.); Синайская кампания (1956 г.); Шестидневная война (1967 г.); Война Судного дня (1973 г.), Первая Ливанская война (1982–1984 гг.), Вторая Ливанская война (12 июля — 14 августа 2006 г.).
- 2 Идея особой миссии, избранности еврейского народа, отраженная в Библии, составляет отличительную черту еврейского национально-религиозного сознания. На избранный народ возлагаются особые обязательства и нравственная ответственность, его конечное избавление от бедствий и зла станет спасением для всего мира.

Рост еврейского национализма

Аккультурация и историческая память

9 февраля 1807 г. почетный караул французских гренадеров, отбивая барабанную дробь, выстроился перед входом в парижский Отель де Вилль. Затем туда проследовала процессия в составе семидесяти одного человека. Собравшиеся заняли места в нарядно украшенном банкетном зале. Бородатый раввин в темной одежде, подобающей его званию, постучал председательским молотком, призывая присутствующих к порядку. В зале были одни евреи. Они собрались для участия в Синедрине¹, названном так в честь верховного органа власти у евреев в Эрец-Исраэль в период римского господства. Синедрин был ликвидирован римлянами в 425–426 гг., однако теперь — к изумлению французов, да и самих евреев — он возродился, повинувшись повелению Наполеона Бонапарта. Согласно желанию императора евреи Франции, которым всего за пятнадцать лет до этого было даровано равноправие, должны были принять на себя гражданские обязанности в ходе официальной церемонии — насколько это допускала еврейская традиция.

Примерно 30 тыс. французских евреев в сентябре 1791 г. было предоставлено равноправие, однако это едва ли объяснялось их популярностью в христианской Франции. Скорее, роль определяющего фактора сыграл безграничный рационализм французов, уже приведший к падению *ancien régime* (старого режима), — казалось, окончательное торжество справедливости возможно лишь в том случае, если будут уравнены в правах все жи-

1 Синедрин — верховный орган политической, религиозной и юридической власти у евреев до 70 г. н. э. в Иерусалиме, а после разрушения Иерусалима — в Явне. После подавления восстания Бар-Кохбы — в различных городах Палестины. Состоял из 71 члена.

тели страны без исключения. Так или иначе, революционная власть и ее наследник Наполеон отдавали себе отчет в том, что Франция не сумеет удержаться в числе великих держав, если смирится с пережитками сословной и групповой замкнутости, в том числе с “геттообразной” автономией еврейства. Нельзя было пренебречь и внушительными дивидендами, которые должны были принести ничем не ограниченное движение еврейского капитала и более свободное предпринимательство. Похоже, Наполеон сознавал всю выгоду установления равноправия, — потому и распространил его действие на евреев, населявших завоеванные им земли в Западной и Центральной Европе. Взамен он ожидал от евреев определенных проявлений преданности. Наполеон требовал однозначных заверений в том, что раввинская юрисдикция² ушла в прошлое, что евреи раз и навсегда отказываются от идеи национальной обособленности, корпоративного статуса и, не в последнюю очередь, — от своей традиционной надежды на национальное возрождение в Палестине. Император французов получил должные заверения. Благодарные за честь, оказанную их религиозным чувствам, члены воскрешенного Синедриона подтвердили, что жизнь их общины будет согласована с общей государственной жизнью. Более того, они официально заявили, что отныне раввинские законы будут применяться исключительно к вопросам религиозной традиции и практики, и выразили свою политическую лояльность по отношению к Франции. Французские евреи, по утверждению Синедриона, “более не составляют нации” и раз и навсегда отказываются от мечты о массовом исходе на родину предков — в Эрец-Исраэль. Ясно было, что этим обязательствам суждено оказать существенное влияние на жизнь еврейства и что оно не ограничится пределами одной Франции. Хотя евреи Западной Европы, освобожденные революцией, наполеоновскими армиями и вынужденными к этому под давлением французов другими государствами, и составляли в 1807 г. не более полу-миллиона человек (а полвека спустя — около 750 тыс.), — они были “аристократией” еврейства. К середине столетия они укрепили те права, которые были дарованы им в республиканско-наполеоновскую эпоху, и могли теперь строить дома, путешествовать, заниматься предпринимательством и

- 2 Раввинское судопроизводство — в Новейшее время раввинские суды, рассматривающие религиозные дела частного (развод, бракосочетание и т. п.) и административного характера. В средневековых еврейских общинах раввинские суды были оплотом национальной автономии; членам общины запрещалось в случае внутренних конфликтов обращаться в нееврейский суд. Раввинские суды в разных странах придерживались общих основ талмудического законодательства. На основе судебных решений, принятых на протяжении веков по различным вопросам, сложилась огромная литература, способствующая развитию еврейского права. В Новое время, вследствие эмансипации, евреи все чаще стали обращаться к государственным судам.

ремеслами по собственному выбору. Втайне они были убеждены, что достигли равенства в основном благодаря собственным усилиям, а не терпимости христиан. Верные историческому решению Синедриона, евреи показали себя достойными товарищами по оружию, преданными общему делу гражданами и хорошими переводчиками с одного языка на другой.

Более того, чтобы удержать полученные гражданские свободы, западные евреи как в Соединенных Штатах, так и в Европе стремились усвоить складывавшееся на протяжении XIX века представление, что преданность национальному государству несовместима с культурным плюрализмом. Все большее число их опускало в своих религиозных ритуалах традиционные упоминания Сиона, все чаще говорили они о пришествии Мессии³ не столько в смысле возвращения в Эрец-Исраэль, сколько в контексте мистического “конца дней” и эры “всеобщего братства”. В конечном счете представление о будущем еврейских общин, сформулированное Синедрионом, заложило основу мышления для немцев, французов и американцев “Моисеева вероисповедания” — для тех, кто стремился не отличаться от окружающих христиан. Таким образом, основной результат решений, принятых Синедрионом в начале XIX в., состоял не в отказе от еврейской корпоративной автономии и ностальгической тоски по Сиону, а во все возрастающем стремлении западных евреев отказаться от их исторически сложившегося уклада жизни во всех его главных аспектах, в частности этническом и культурном.

Эта тенденция к эмансипации и включению в окружающую культуру разительно отличалась от модели развития трехмиллионного еврейского населения Восточной Европы (к 1850 г. оно составляло почти три четверти мирового еврейства). Больше всего “восточников” проживало в России (около 4% всего населения империи), и там они были самым презируемым и угнетенным из национальных меньшинств. Царское правительство, так же как и невежественное, по большей части неграмотное крестьянство, рассматривало евреев в рамках средневекового стереотипа — как хриstopродавцев, отравителей колодцев или, в лучшем случае, как ростовщиков и паразитов-посредников. Подход государства к этим незванным иноверцам, “унаследованным” Россией в результате разделов

3 Мессия (Машиах, буквально “помазанник”), согласно религиозным представлениям иудаизма, — идеальный царь, потомок Давида, который будет послан Богом, чтобы осуществить избавление народа Израиля. Идея Мессии выражает веру пророков Израиля в наступление времени, когда сильный духом вождь, обладающий земной властью, принесет полное политическое и духовное освобождение народу Израиля и его земле, а также мир, благоденствие и моральное совершенство всему роду человеческому.

Польша в XVIII в.⁴, заключался в том, чтобы отгородить их от основной части страны чертой оседлости, в которую преимущественно входили недавно присоединенные западные губернии. Фактически евреи проживали в одном огромном гетто, но и там их вытесняли из пограничных городов, ограничивали в профессиональных занятиях, стремились не допустить к участию в органах местного самоуправления. При Николае I (1825–1855 гг.), деспотичном самодержце, процарствовавшем до середины столетия, было уничтожено еврейское местное самоуправление, а в армии и в государственных школах еврейских детей почти неприкрыто склоняли к переходу в христианство. Как ни парадоксально, все эти усилия царизма, направленные на слияние евреев с христианским большинством, дали обратный эффект. Насильно замкнутые в собственной среде, сознательно изолированные от окружающих христиан, русские евреи сохранили неколебимую этноцентричность и упрямо, ничем не поступаясь, придерживались своих религиозных и общинных традиций, *кашрута*⁵, иудейской веры и языка идиш.

Среди самых замечательных черт культурного наследия русских евреев, бесспорно, было сохранение памяти о родине предков, об утраченном и оплакиваемом Сионе, ставшем святыней в их ритуале и фольклоре. Знаменательно то, что на протяжении столетий еврейского рассеяния — и вплоть до современности — Сион в не меньшей степени, чем Бог, является доминантой в еврейском религиозном и общественном сознании. Раввинская литература и *мидраши*⁶, молитвенники, средневековые литературные трактаты отражают непреходящее и всеобщее устремление к Святой земле. Поэты, философы, мистики, литургисты в Испании, Северной Африке и Европе традиционно соперничали друг с другом в стремлении выразить тоску народа Израиля по утраченной национальной колыбели. Правда, на Западе память о Сионе в XIX в., несомненно, поблекла и, более того, сознательно изгонялась секуляристами и реформистами. Однако

- 4 В 1772 г. Россия, Пруссия и Австрия осуществили первый раздел Польши; в 1793 г. Россия и Пруссия — второй раздел; в 1795 г. Россия, Пруссия и Австрия — третий раздел. К России были присоединены территории с большим количеством проживавших там евреев. Приводятся разные данные об их численности. Видимо, число евреев на территориях, присоединенных к России, составляло 600–800 тыс. человек.
- 5 *Кашрут* — дозволенность или пригодность с точки зрения *Галахи*. Понятие *кашрута* относится к широкому кругу юридических и ритуальных проблем, от правомочности свидетелей до ритуальной пригодности предметов культа, тканей, посуды. В обиходе термин *кашрут* чаще всего связан с вопросами пригодности пищи к употреблению.
- 6 *Мидраш* — “рассуждение”, “толкование”; метод изучения Писания, основанный на восприятии библейского текста как единого целого, имеющего множество смысловых уровней, а также литературный жанр, основанный на этом методе. Развивался на протяжении более чем тысячелетнего периода, вплоть до позднего Средневековья.

для русских евреев, изолированных в черте оседлости и прочно связанных с накопленными за столетия священными книгами, Святая земля являлась отнюдь не отвлеченной идиллией, упоминаемой в колыбельных песнях и в беседах за общим столом. Память об утрате оставалась незаживающей раной. В девятый день еврейского месяца *ав*, когда отмечается разрушение Храма Шломо⁷, восточноевропейские евреи постились и скорбели так, словно были непосредственными свидетелями и жертвами этой древней катастрофы. Трижды в день молились они о восстановлении Иерусалима. Их молитвы о дожде и урожае были составлены так, что на ум приходила не скованная льдами Россия, а субтропическая Святая земля. Все еврейские праздники — *Песах*, *Ханука*, *Суккот*, *Шавуот*⁸ — воскрешали в памяти покинутой национальный очаг. Однако, несмотря на это, евреи черты оседлости противостояли всем попыткам “поторопить события”. В XVII и XVIII вв. они уже не раз сталкивались с эксцессами, связанными с появлением и ересями различных лжемессий. Мессиянство скорее преобразовалось в ожидание той прекрасной эры, которая одна и может служить знаком окончательного возрождения Эрец-Исраэль. “Тебе никогда не удастся приблизить приход Машиаха, — предупреждал престарелый раввин молодого Хаима Вейцмана⁹. — Человек должен многое сделать, многому научиться, многое узнать, чтобы стать достойным этого”. И все же в народной памяти восточноевропейского еврейства жило не абстрактное представление западных евреев о всеобщем братстве, а, скорее, мистическое видение того, как еврейский народ возвращается в реально возрожденный Сион.

7 Храм — религиозный центр евреев, построен в Иерусалиме царем Шломо в середине X в. до н. э. и разрушен вавилонскими войсками в 586 г. до н. э. Второй храм был восстановлен в 516 г. до н. э. Храм был перестроен и значительно расширен во время правления Ирода I. Разрушен римлянами в 70 г. н. э.

8 *Песах* — праздник, увековечивающий память об исходе евреев из Египта (XIII в. до н. э.) и избавлении их от рабства.

Ханука — праздник в память о чуде при освящении Иерусалимского храма после победы Маккавеев, возглавивших восстание против греческого владычества (167 г. до н. э.). В 164 г. до н. э. Иерусалим был освобожден; одного сосуда с освященным маслом хватило для светильников Храма на неделю. Победа Маккавеев привела к созданию независимого Иудейского царства.

Суккот — праздник в память о сорокалетнем странствии евреев по пустыне после исхода из Египта. В *Суккот* строятся шалаши-*сукки*, напоминающие о том, что евреи жили в пустыне в шалашах.

Шавуот — праздник в память о даровании Торы на горе Синай.

9 Вейцман Хаим (1874–1952) — один из лидеров сионистского движения, президент Всемирной сионистской организации (1920–1931 гг.; 1935–1946 гг.), первый президент Израиля; крупный ученый-химик.

Предшественники сионизма

Если на ранних стадиях своего формирования еврейский национализм многое почерпнул из мессианских упований, то нет ничего удивительного в том, что переложение их применительно к современности принадлежало перу ортодоксального раввина. Следует признать, что в жизни рабби Йеѓуды Алкалая почти не было знаков будущего прозрения. Алкалай родился в конце XVIII в. и был малоизвестным раввином в маленькой сефардской общине в Землине под Белградом. Однако в 1839 г. он поразил прихожан своей синагоги, выпустив в свет ивритский учебник на ладино¹⁰ *Дархей ноам* (“Приятные пути”), в предисловии к которому упомянул о необходимости создания еврейских колоний в Святой земле для подготовки к национальному возрождению. Позднее, в других сочинениях, среди которых приобрела известность книга *Шма Исраэль* (“Слушай, Израиль”)¹¹, Алкалай отмечал, что необходимость усилий, направленных на это высшее реальное и духовное достижение, была предсказана самими “надежными текстами” еврейской традиции. Разве не указывает каббала¹², что повсеместные действия верующих евреев должны предшествовать приходу Мессии? В это время, в 1840 г., благодаря усилиям влиятельных лидеров западного еврейства в Дамаске были освобождены из тюрьмы несчастные евреи, попавшие туда из-за кровавого навета¹³. В этом “чуде”, произошедшем в результате энергичных действий светских лиц, Алкалай усмотрел начало, за которым должны были последовать новые этапы возрождения — уже в Палестине. В своей небольшой книжке *Минхат Йеѓуда* (“Дар Иудеи”), изданной в 1834 г., Алкалай утверждал:

“В Писании сказано: “Вернись, о Господи, к десяткам тысяч семейств Израилевых”... [Однако] к кому должен снизойти Господь? К деревьям и камням? По-

- 10 Ладино — в широком значении еврейско-испанский язык, разговорный и литературный язык евреев — потомков выходцев из Испании. Большая часть лексики и грамматическая структура восходят к диалектам испанского языка Средних веков; влияние иврита проявляется в сфере религиозной терминологии.
- 11 *Шма Исраэль* — стихи из Пятикнижия, содержащие провозглашение идеи монотеизма: “Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, един есть”. *Шма Исраэль* занимает в еврейской духовной жизни и истории одно из центральных мест. *Шма Исраэль* предписывается читать евреям утром и вечером. *Шма Исраэль* читали евреи, совершающие *Кидуш ѓа-Шем*, ее произносит умирающий. Это первая молитва ребенка.
- 12 Каббала (ивр. “получение”, “предание”) — эзотерическое еврейское теософское учение с элементами мистики и магии, стремящееся постигнуть скрытый смысл Торы и других священных книг, заключающих, по мнению каббалистов, символическое описание Бога и Божественного откровения.
- 13 Кровавый навет — обвинение евреев в убийстве иноверцев (главным образом христиан) для использования их крови в ритуальных целях.

сему для того, чтобы началось возрождение душ наших, должны мы побудить по меньшей мере 22 тысячи к возвращению в Святую землю. Это — неперемненное условие того, чтобы Божественное присутствие снизошло на нас. Впоследствии же Господь подаст нам и всему Израилю новые знаки Своего благоволения”.

На протяжении последующих тридцати пяти лет Алкалай продолжал пропагандировать свою идею, а концу жизни переселился в Палестину, подавая пример другим. Энергичный раввин скончался в 1878 г., но до этого успел сплотить небольшую группу последователей. Любопытно, что одним из его учеников был Шимон-Лейб Герцль, дед Теодора Герцля¹⁴. Впрочем, Теодора Герцля связывало с Алкалаем не только это обстоятельство; подобно землинскому раввину, он считал, что для достижения еврейского национального единства необходимо создание всемирной организации, в которую входили бы и состоятельные западные евреи.

Примечательно, что идею, близкую высказанной Алкалаем, развивал его современник и коллега — ортодоксальный раввин Цви-Гирш Калишер¹⁵. Он возглавлял большую общину в польском городе Торне в Восточной Пруссии и имел немало последователей. Поэтому неудивительно, что он нашел почтительных слушателей, когда, как и Алкалай, увидел в триумфальном шествии западной эмансипации евреев предвестье мессианского возрождения в Палестине. Калишер изложил свои взгляды в опубликованном в 1843 г. двухтомном труде *Эмуна йешара* (“Праведная вера”), а в 1862 г. завершил изложение своих идей в книге *Дришат Цион* (“Стремление к Сиону”). В этих сочинениях Калишер при помощи ссылок на многочисленные библейские тексты и талмудические *респонсы*¹⁶ доказывает следующее: возрождение евреев, предсказанное пророками, может быть осуществлено естественным путем, то есть самими евреями, для этого не следует дожидаться пришествия

14 Герцль Теодор (1860–1904) — основатель политического сионизма, провозвестник еврейского государства, создатель Всемирной сионистской организации, автор книги “Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса”, провозгласившей, что еврейский вопрос можно решить только путем создания независимого еврейского государства.

15 Калишер Цви-Гирш (1795–1874) — раввин, поборник еврейского национального возрождения в Эрец-Исраэль. Главным делом его жизни была проповедь заселения Эрец-Исраэль. Калишер считал, что не только приход Мессии принесет избавление, но и целенаправленные человеческие усилия. Поэтому возвращение в Эрец-Исраэль и занятие там продуктивным трудом (особенно сельскохозяйственным) он рассматривал как естественный акт спасения, за которым наступит чудесное избавление в конце времен.

16 Респонсы — жанр раввинистической литературы, письменные разъяснения и решения по *галахическим* и судебным вопросам, которые даются признанными учеными в ответ на запросы общин и отдельных лиц. Запросы повторяются во введении к ответу и потому сохраняются вместе с ним.

Мессии; надлежит безотлагательно приступить к колонизации Палестины и возобновить жертвоприношения в Святой земле¹⁷. Калишер писал:

“Не стоит полагаться на утверждение, что Машиах возвестит о своем приходе, протрубив в большой *шофар*¹⁸, так, что содрогнутся все обитатели Земли. Напротив, возрождение начнется с того, что филантропы окажут поддержку, а народы дадут свое согласие на то, чтобы Израиль собрался из рассеяния в Святую землю”.

По убеждению Калишера, лишь тогда, когда множество богобоязненных и ученых евреев поселится в Иерусалиме, Создатель услышит их молитвы и приблизит день Избавления.

Но одних молитв недостаточно. Отступая от традиционной ортодоксии настолько, что некоторые коллеги заклеили его взгляды как еретические, Калишер призывал к следующему: создать общество богатых евреев для осуществления колонизации Сиона; переселить в Святую землю евреев из разных стран; готовить молодежь для самообороны; основать в Эрец-Исраэль сельскохозяйственное училище, где евреи смогут обучаться земледелию и ремеслам. Все это отнюдь не противоречит изучению Торы¹⁹ — “предлагаемая нами политика упрочит достоинство Торы...”. Идеи Калишера оказались достаточно привлекательными для того, чтобы овладеть умами немногочисленных, но влиятельных современников, которые, присоединившись к нему, основали “Общество по заселению Эрец-Исраэль”. Кроме того, по инициативе Калишера Альянс²⁰, широко известная филантропическая организация французского еврейства, предоставила первоначальную субсидию для создания сельскохозяйственной школы в Святой земле. Эта шко-

17 Жертвоприношение — одна из древнейших форм еврейского культа; принесение в дар Богу предметов, обладающих реальной или символической ценностью для жертвователя. До разрушения Второго храма (70 г. н. э.) являлось основной формой культа. После разрушения Храма жертвоприношение заменяется молитвой. Однако еврейство, на протяжении веков уповавшее на восстановление Храма, рассматривало возобновление жертвоприношений в нем как одно из условий прихода Мессии.

18 *Шофар* — духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога барана или козла. В библейскую эпоху в *шофар* трубили во время массовых процессий, созывая граждан, оповещая о начале военных действий или приближающемся бедствии. После разрушения Храма в *шофар* стали трубить в ходе утренней молитвы в *Рош га-Шана* и после молитвы на исходе *Йом Китура* (Судного дня).

19 Тора (буквально “учение”, “закон”) — в еврейской традиции собирательное название свода законов, данных Богом евреям через Моше; в узком смысле Пятикнижие (первые пять книг Библии) и его рукописный список (свиток Торы).

20 Альянс (Всемирный еврейский союз) — первая современная международная еврейская организация. Основана в 1860 г. в Париже для оказания помощи евреям во всем мире, защиты их интересов и распространения просвещения в еврейской среде.

ла, *Микве Исраэль*, была открыта в 1870 г. близ Яфо. Следует отметить, что деятельность Алкалая и Калишера пришлось на середину XIX в. — золотую пору либерализма, эпоху, внушавшую оптимизм относительно дальнейшей эмансипации европейских евреев. И действительно, призывая к поселению в Палестине, оба раввина ни в коей мере не ссылались при этом на практическую выгоду или необходимость. Именно это обстоятельство, наряду с традиционной неприязнью евреев-ортодоксов к тому, чтобы “торопить события”, объясняет прохладную в целом реакцию на воззрения предтеч сионизма. В лучшем случае, идеи обоих раввинов рассматривали как модернизированное продолжение мессианских чаяний, которые по-прежнему пронизывали духовную жизнь восточноевропейского еврейства.

Кроме того, в середине столетия и в России наступила своего рода “мессианская эра”. В 1855 г. на престол вззошел Александр II, энергично взявшийся за проведение государственных реформ, предполагавших, в частности, несравненно более гуманный подход к евреям. Отвергнув политику своего отца относительно насильственного обращения в христианство, новый царь незамедлительно ликвидировал институт кантонистов²¹ и уравнял евреев при отбывании рекрутской повинности с остальным населением империи. Затем ряд императорских указов дал возможность значительному числу евреев поселиться вне черты оседлости, а выпускникам университетов было предоставлено право поступать на государственную службу. Евреям было разрешено участвовать в выборах в земские органы власти, избираться в присяжные заседатели в судах и расширять область своей профессиональной деятельности. Ответом восточноевропейского еврейства на эти начинания были не только надежда и благодарность, но и стремление к самоанализу. В 1860-х гг. в ряде крупных городов черты оседлости, в первую очередь в портовом городе Одесса, образовался довольно значительный средний класс. Эта новая буржуазия первой откликнулась на гуманистические веяния, проникавшие в Россию с Запада.

21 Кантонисты (*нем.* Kantonist — “военнообязанный”, от Kanton — “округ”) — 1) В Пруссии с 1733 по 1813 г. — военнообязанные рекруты, подлежащие призыву в одном из округов (кантонов), каждый из которых комплектовал свой полк. 2) В России с 1805 г. кантонистами называли несовершеннолетних солдатских детей, числившихся за военным ведомством, а также взятых принудительно для подготовки к военной службе малолетних бродяг, детей евреев, раскольников, польских повстанцев, цыган и пр. Возраст призыва в кантонисты — с 12 лет. Еврейских детей часто забирали в кантонисты начиная с восьмилетнего возраста. До достижения 18 лет они направлялись в батальоны кантонистов, затем большинство попадало оттуда в школы кантонистов. Основной целью призыва еврейских детей в армию было обращение их в православие. В 18 лет еврейских рекрутов направляли в армию для прохождения двадцатипятилетней военной службы. Срок пребывания в кантонистах в срок военной службы евреям не засчитывался.

Перед евреями-предпринимателями открывались новые возможности, и они начали задаваться вопросом, не пора ли всем евреям Российской империи “осовремениться”, стать более “продуктивными”²², не пришло ли время изменить жизненный уклад и освободиться от пут косного традиционного образования. Период пробуждения секуляризма известен в еврейской истории под названием *Гаскала*²³. Ранние представители *Гаскалы*, стремясь уйти от грязи и обособленности еврейских местечек, символа культурной отсталости, искали гармонию в природе и красоте, любви и труде. Так, поэт Миха-Йосеф Лебенсон²⁴ писал:

Я жил среди ветвей, в тени зеленой.
Увы! Я разлучен с зеленой кроной,
Не шелестит мне листьями она.
Так что мне жизнь? И в чем ее цена?

С точки зрения живших в России публициста Моше-Лейба Лилиенблюма²⁵ и великого поэта *Гаскалы* Йеѓуды-Лейба Гордона²⁶, гармоническое развитие, духовное обогащение могут быть достигнуты благодаря общению, культурным связям с окружающим христианским населением. “Будь евреем в шатре

- 22 Продуктивизация — общественно-экономический процесс перехода населения из сферы непродуцирующего труда в продуктивную. С конца XVIII в. ряд европейских государств провозгласил проведение этой политики по отношению к евреям. Идея продуктивизации труда стала одной из ведущих в *Гаскале* (см. след. примечание).
- 23 *Гаскала* (ивр. “просвещение”) — еврейское идейное, просветительское, культурное, литературное и общественное течение, возникшее во второй половине XVIII в. в Западной Европе, выступавшее против культурно-религиозной обособленности евреев и видевшее в усвоении светского еврейского образования и продуктивизации труда залог улучшения положения еврейского народа.
- 24 Лебенсон Миха-Йосеф (1828–1852) — поэт периода *Гаскалы*; жил в Вильно. Писал на иврите; в его поэзии преобладает лирическое начало. Создал первые в литературе на иврите образцы любовной лирики. Много занимался переводами из европейской литературы на иврит, в основном с немецкого языка.
- 25 Лилиенблюм Моше-Лейб (1843–1910) — писатель и публицист периодов поздней *Гаскалы* и *Ховевей Цион*. Будучи последовательным сторонником *Гаскалы*, он считал, что развитие просвещения не решит еврейских проблем. После погромов начала 1880-х гг. одним из первых выступил с идеей откупить Эрец-Исраэль у турецкого правительства и сосредоточить там большинство евреев. Один из руководителей движения *Ховевей Цион*, последовательный сторонник сионизма.
- 26 Гордон Йеѓуда-Лейб (1830–1892) — поэт, прозаик и публицист, писавший преимущественно на иврите, один из самых известных поборников просвещения в России. Будучи последовательным критиком отрицательных явлений в жизни еврейского общества, Гордон считал обособленность евреев главной причиной их бедствий. Он решительно боролся с ассимиляторскими тенденциями и с теми, кто отрывается от всего национального.

своим и человеком, выходя из него” — так выразил Гордон радикальное кредо *Гаскалы*. Иными словами, соблюдай еврейские традиции в кругу домашних и в синагоге, но вне этого живи здоровой, “общей” русской жизнью.

Ориентируясь на культурную эмансипацию и секулярную деятельность на русской почве, литература *Гаскалы* на первый взгляд отделилась от традиционного мессианского устремления к Сиону. Однако именно ей мы в значительной степени обязаны рядом положений, которые позже были усвоены сионистской идеологией. Например, призывая еврейское общество к “продуктивизации”, литература *Гаскалы* воспевала труд земледельца и рабочего. Пафос гармоничного физического труда позднее был подхвачен халуцианским движением²⁷. Кроме того, *Гаскала* идеализировала новый тип секулярного еврея, освободившегося от религиозного обскурантизма, трезво смотрящего на мир. Но самая важная заслуга *Гаскалы* в том, что она вернула к жизни иврит. До середины века иврит был достоянием синагоги и религиозной школы, а повседневным языком восточноевропейского еврейства оставался идиш. Писатели еврейского Просвещения обратились к ивриту как к средству национального самовыражения. Возможно, ими руководили и социальные мотивы, стремление отмежеваться от говорящего на идише пролетариата. Однако основная причина заключалась в том, что евреи, осознав свою изоляцию, должны были стать не просто образованными членами русского общества (как это случилось в предшествующие десятилетия с еврейскими завсегдатаями немецких салонов), а просвещенными людьми, помнящими о своем национальном культурном наследии. Использование классического иврита в качестве литературного языка неизбежно вызывало к жизни целый пласт исторических ассоциаций. При описании на иврите современной еврейской жизни, ее косности и узости использовались слова, вызывающие глубокие библейские ассоциации. Таким образом подчеркивался контраст между жалким бытом еврейского местечка и легендарной (и идеализированной) славой древнего Сиона.

В изображении писателей *Гаскалы* Сион представлял древней идиллией или, словами Лебенсона, “страной, где обитают музы, где каждый цветок — псалом, каждый кедр — Божественное песнопение, каждый камень — книга и каждая скала — скрижаль”. В экзотически расцветенных исторических ро-

27 *Халуцим* (ед. ч. *халуц*, букв. “пионер”, “первопроходец”) — активисты заселения и освоения Эрец-Исраэль. Халуцианское движение возникло в России во время революции 1905–1907 гг., сопровождавшейся кровавыми еврейскими погромами. Участники движения составили большинство второй и третьей *алии* (см. примечание на с. 48). *Халуцим* были увлечены идеей национального возрождения еврейского народа на его исторической родине в сочетании с социальной справедливостью и с необходимостью для евреев заниматься тяжелым физическим трудом. *Халуцим* создавали кибуцы в отдаленных районах страны, работали на прокладке дорог.

манах Кальмана Шульмана и Авраама Мапу²⁸ библейская Палестина изображалась страной древней славы, населенной могучими земледельцами и воинами, эпическими героями, бесстрашными людьми. В 1870-х гг. в журналах, выходивших на иврите, этот библейский идеал продолжал развиваться вполне в традиционном духе. Однако одновременно с этим все чаще стали раздаваться голоса, выражающие обеспокоенность тем, что просвещение может нарушить духовную связь молодежи, получившей светское образование, с судьбами еврейского народа. Эта тема предостережения особенно красноречиво звучала у Переца Смоленскина²⁹. Белорусский еврей, основатель и издатель ивритского литературного ежемесячника *Г'а-Шахар* ("Рассвет"), Смоленскин написал шесть романов и множество очерков; его сочинения в значительной мере заложили основы реалистической литературы на иврите. Весьма существенно и то, что он первым среди известных писателей выступил с предостережениями относительно возможных опасностей *Г'аскалы*.

Разочаровавшись, как и русские славянофилы, в фальшивом блеске Запада, Смоленскин опасался, что экстремизм *Г'аскалы* подтолкнет евреев к отказу от их древнего наследия. В 1872 г. на страницах *Г'а-Шахар* появилось самое популярное его эссе — *Ам олам* ("Вечный народ"), страстная апология еврейской национальной самобытности:

"Те, кто ослеп по собственной воле, призывают нас стать такими же, как и все другие народы. И я повторяю вслед за ними: будем и мы, как другие народы, стремиться к знанию и постигать его, устраняясь от зла и безумия... Да, будем, как и все другие народы, гордиться той породой, из которой мы высечены, будем, как и все, дорожить своим языком и славой своего народа".

По мнению Смоленскина, западноевропейское понимание иудаизма как вероисповедания обанкротилось. Та же судьба постигла и идею Гордона о существовании еврея "в шатре своем и вне его". Пришло время нравственного и политического возрождения еврейского народа как национального целого. В более поздних работах Смоленскин утверждал, что для упрочения националь-

- 28 Шульман Калман (1819–1899) — поэт, прозаик, публицист, просветитель периода *Г'аскалы*. Его исторические повествования посвящены событиям истории Эрец-Исраэль. Автор ряда научно-популярных книг; перевел на иврит "Всемирную историю" Вебера.
- Мапу Авраам (1808–1867) — первый беллетрист периода *Г'аскалы*, писал на иврите. Его романы, посвященные истории Эрец-Исраэль, изобилующие сложными поворотами сюжетов, создавались под влиянием произведений А. Дюма и Э. Сю.
- 29 Смоленскин Перец (1842–1885) — издатель, журналист, один из предшественников движения *Ховевей Цион*. Писал на иврите. Критиковал отрицательные стороны еврейской жизни, он был решительным противником идей ассимиляции, религиозного реформизма в иудаизме. В последние годы жизни активно проповедовал идею возвращения евреев в Эрец-Исраэль.

ного идеала необходимо многое, в том числе и колонизация Эрец-Исраэль. Однако еще до этого, задолго до начала российских погромов 1880-х гг., безошибочный инстинкт подсказал Смоленскину, что решающую роль в процессе национального возрождения может сыграть пробуждение в сердцах его соплеменников чувства национальной гордости. Он был первым, кто начал успешное интеллектуальное наступление на *Гаскалу* с ее иллюзиями секулярного обновления, которое якобы могло разрешить еврейский вопрос в Европе.

Европейский национализм и перемены в России

То, что в среде русского еврейства появились зачатки сионистских идей, объясняется не только импульсом, полученным от мессианства и *Гаскалы*, но и общим развитием в XIX в. националистических движений в Европе. «Воспримем сердцем пример итальянцев, поляков и венгров, — писал в одной из своих статей рабби Калишер. — Если другие народы боролись только во имя своей национальной чести, то насколько же больше усилий должны приложить мы — ведь нашим долгом является... прославление Господа, избравшего Сион!» Движение «Молодая Германия»³⁰ оказало сильнейшее влияние на Миху-Йосефа Лебенсона, прожившего три года в Берлине; на Смоленскина и Леона Пинскера³¹, в разное время побывавших в Вене, глубоко подействовал венгерский национализм. Элизер Перельман (Бен-Йегуда)³², ставший свидетелем того, как идея панславизма охватила Балканы во время Русско-турецкой войны 1877 г., вопрошал: «Разве мы достойны возрождения менее других наций? А как же наш народ, наш язык, наша земля?»

- 30 «Молодая Германия» — общественное движение 30–40 гг. XIX в. в Германии. Родоначальником движения был Л. Берне. Он и другие участники движения (К. Гуцков, Л. Винбарг, Г. Лаубе и др.) выражали стремление к политическим и гражданским свободам общества, к социально-критическому искусству.
- 31 Пинскер Леон (1821–1891) — один из основателей палестинофильского движения в России; в книге «Автоэмансипация» (1882) дал анализ психологических и социальных корней антисемитизма; предвосхищая идеи сионизма, призывал к созданию еврейского национального центра. Он был одним из инициаторов и председателем Катовицкого съезда (1884), на котором выдвинул идею палестинофильского движения как возвращения евреев к сельскохозяйственному труду и создания в Эрец-Исраэль еврейской сельскохозяйственной базы.
- 32 Перельман Элизер (Бен-Йегуда; 1858–1922) — пионер возрождения иврита в качестве разговорного языка. Он сыграл выдающуюся роль в создании современного иврита. В 1910 г. начал публикацию труда «Полный словарь древнего и современного иврита». В 1890 г. по его инициативе был основан *Ваад ха-лашон ха-иврит* («Комитет языка иврит»), председателем которого он оставался до конца жизни. Комитет явился предшественником Академии языка иврит, созданной по предложению Перельмана в 1920 г.

Пожалуй, наиболее своеобразно пробуждение национального чувства проявилось у Моисея Гесса³³, выходца из ортодоксальной еврейской семьи, жившей в Бонне. Выросший в посленаполеоновскую эпоху и испытавший на себе влияние немецкой литературы и науки, Гесс уже в молодости постепенно разочаровался в религии и перестал соблюдать еврейские обряды. В наказание он был изгнан из фирмы, принадлежавшей его отцу. Начались странствия Гесса по Германии; к этому периоду относятся его первые литературные опыты. Некоторое время он учился в Боннском университете. Он был тогда “высоким, костистым человеком с доброжелательным взглядом и по-петушиному задранной шеей” — так позднее описывал Гесса его однокашник Карл Маркс. Гесс проповедовал любовь, гуманизм, справедливость и сочувствие бедным. В сущности, он был приверженцем утопического социализма, а попав в Париж, зашел так далеко, что, движимый состраданием и социалистическими убеждениями, женился на проститутке. Отдавая должное гегельянской традиции изучения истории, бытовавшей в Германии того времени, Гесс опубликовал в 1837 г. свою первую книгу “Священная история человечества в изложении молодого Спинозианца”. Книга прошла незамеченной. Затем Гесс обратился к политической журналистике.

По-видимому, интерес к еврейству вновь появился у него как реакция на неискоренимый антисемитизм “космополитической” Западной Европы. В 1857 г. внимание Гесса привлекли труды рабби Калишера, и он занялся систематическим изучением еврейской истории. Тогда же он прочел Мадзини³⁴ и был глубоко взволнован тем, что мечта этого революционера об объединении Италии воплотилась в жизнь. Размышления о социальных и национальных проблемах нашли свое отражение во второй книге Гесса — “Рим и Иерусалим”, опубликованной в 1862 г. “После двадцатилетнего отчуждения я вновь среди своего народа”, — писал автор. Затем Гесс признавал, что, сталкиваясь с европейским национализмом и изучая проблемы народности, он убедился в том, что прежнее его космополитическое представление об отсутствии у народов национальных особенностей устарело. Каждый народ развивает собственные индивидуальные черты, имеет самобытные стремления, собственную “миссию”. Эту точку зрения подтверждают “происходящие ныне в Италии” события, где “на развалинах

33 Гесс Моше (Мозес; 1812–1875) — один из первых немецких социалистов, активный участник революции 1848 г. В книге “Рим и Иерусалим” призвал к созданию еврейского государства.

34 Мадзини Джузеппе (1805–1872) — один из вождей национально-освободительного движения в Италии. Основатель подпольной революционной организации “Молодая Италия”. Во время революции 1848–1849 гг. возвратился в Италию, с марта по июль 1849 г. возглавлял Триумвират (правительство Римской республики). Публицист, литературный критик, издатель журналов.

клерикального Рима поднимается возрожденный итальянский народ”. Затем Гесс утверждал, что то, что оказалось возможным для итальянцев, и не только для них, должно быть достигнуто и евреями, которые до сих пор составляют в Европе “великую национальную проблему”. Если “миссия” есть у итальянцев, значит, есть она — и в не меньшей мере — и у евреев в Палестине. “Только национальное возрождение может возродить религиозный гений евреев и вновь возвысить его до пророческого вдохновения”.

В книге “Рим и Иерусалим” заключалось на удивление много из того, что вошло в более поздние сионистские доктрины. В ней, например, уже содержалось утверждение, которое мы найдем у Бера Борохова³⁵ и других социалистов-сионистов, о том, что возвращение в Эрец-Исраэль станет насущно необходимым, когда еврейство откажется от роли исторической аномалии, социального паразита, живущего среди чужих народов. Только на земле предков еврейский труд может быть организован на “правильных социалистических” началах. За два десятилетия до Пинскера Гесс предупреждал, что национальный очаг даст евреям последний (и самый благоприятный) шанс сделаться “нормальными” людьми, избавиться от той роли, которая в историческом плане породила антисемитизм. Гесс, как позднее и Герцль, предвидел, что правительства ряда стран проявят заинтересованность и будут готовы сотрудничать во имя возрождения под их эгидой еврейской государственности на Ближнем Востоке, а “еврейские князья” — Ротшильд, Монтефиоре и другие миллионеры — окажут большую помощь в финансировании и организации еврейской колонии в Палестине. Эти и другие прозрения сделали книгу Гесса поразительным образцом идеологического провидения. И тем не менее она оставила еврейство, каким оно было в 1862 г., равнодушным. За пять лет было распродано всего 200 экземпляров книги; целых пятьдесят лет ее не переводили на английский язык. На иврите книга Гесса вышла в свет только в 1899 г. Лишь столетие спустя роль Гесса как предвестника сионизма была оценена: в 1962 г. его останки были перенесены из Германии в Израиль и с государственными почестями захоронены на берегу озера Кинерет.

Примечательно суровое предупреждение, высказанное Гессом: на повестку дня поставлен вопрос не только об осуществлении религиозных и национальных идеалов в Палестине, но и о самом физическом существовании еврейства. Дело в том, что этническая теория Гесса подчеркивала не только различия между нациями, но и фундаментальную антипатию, разделявшую их, в особенности — неприязнь немцев по отношению к евреям. “Мы всегда будем

35 Борохов Бер (1881–1917) — ученый и общественный деятель, один из лидеров социалистического сионизма. Переселение евреев в Эрец-Исраэль и хозяйственно-экономическое развитие должны были послужить, по его мнению, основой для классовой борьбы еврейского пролетариата. Публицистика Борохова оказала влияние на возникающее еврейское рабочее движение в Европе и США.

чужими среди других народов”, — утверждал он. Актуальность его тревоги вскоре нашла себе подтверждение. Правда, превращению сионизма из теории в реальное движение за выживание способствовал не столько лженаучный немецкий расизм, сколько взрыв жесточайшего русского национализма. В 1860—1870-х гг. в Российской империи набирало силы славянофильство, сочетавшее традиции православия с великорусским шовинизмом. Гибель Александра II в 1881 г. от рук революционеров и воцарение его сына Александра III положили начало периоду реакции. Приверженец идеи национальной однородности как основы имперской власти, новый царь рассматривал подвластные ему этнические меньшинства в качестве источника постоянной опасности для самодержавия. Практически сразу же началась кампания по дискриминации нерусских национальностей — поляков, эстонцев, латышей, финнов, армян, туркмен и других — в административной и культурной сферах.

Евреи не случайно снова оказались жертвами особенно настойчивых преследований — среди всех национальных меньшинств Российской империи они по-прежнему были самыми бесправными и вызывающими подозрение властей. К моменту проведения переписи 1897 г. евреев в стране насчитывалось около 5 млн, 94% из них проживали в губерниях черты оседлости, которая занимала около 20% территории России. 49% евреев проживали в городах, 33% — в местечках, 18% — в сельской местности. Для правительства это компактно проживающее, сплоченное еврейское население стало объектом не только усиленной русификации, но и борьбы с революционными настроениями. Власти решили объявить революционную деятельность следствием еврейского заговора. В 1881 г. по густо населенным евреями областям Южной России и Украины прокатилась инспирированная свыше волна погромов, унесшая с собой несколько десятков жизней и причинившая колоссальный материальный ущерб. Спустя год правительственная комиссия под председательством министра внутренних дел графа Николая Игнатьева подала императору доклад, в котором прямо говорилось, что избранная Александром II политика терпимости не оправдала себя и поэтому к русскому еврейству следует применить суровые меры. Затем, 3 мая 1882 г., Александр III утвердил временные правила, запрещавшие евреям селиться в сельской местности, приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов и арендовать земельные угодья, торговать по воскресеньям и в дни христианских праздников. Новые ограничения не касались только лиц, имевших высшее образование. В русских гимназиях и университетах была введена процентная норма приема еврейской молодежи. Ряд профессий был для евреев закрыт. В результате репрессивных мер, совпавших по времени с развитием промышленности, экономические основы жизни русского еврейства вскоре были сильно подорваны. К концу века почти 40% евреев Российской империи полностью или частично жили за счет благотворительности и помо-

щи родственников из-за границы. Серьезная угроза нависла над самим физическим существованием народа. Таким образом, политика правительства достигла своей цели. “Одна треть вымрет, одна выселится, одна треть бесследно растворится в окружающем населении”, — утверждал обер-прокурор Синода, вдохновитель реакционного антисемитского курса Александра III и Николая II Константин Победоносцев³⁶. В других областях Восточной Европы, в австрийской Галиции и Румынии экономический кризис достиг почти такого же размаха. Еврейские общины этих областей, увеличивающиеся за счет беженцев из России, почти бесправные (как, например, в Румынии), с трудом поддерживали свое существование.

Палестина как прибежище и возможность возрождения

Временные правила 1882 г., погромы 1881–1882 гг. и их последствия — все это окончательно подорвало слабые надежды русского еврейства на развитие и достижение равенства в условиях царского режима. Угасла и надежда на обновляющую силу просвещения — профессора и студенты университетов так же, как правительственные чиновники и темное крестьянство, с готовностью присоединились к новой антиеврейской кампании. “Я хотел отдать все силы и энергию служению интересам родной страны, — жаловался в своем дневнике Хаим Хисин³⁷, студент-медик, — чтобы честно выполнять обязанности гражданина... Но нам вдруг указали на дверь. Для еврейской обидчивости это чересчур”. Лев Леванда³⁸, один из рыцарей *Гаскалы*, так выражал свои чувства на страницах журнала *Га-Шахар*: “Когда я думаю о том, что было для нас сделано, о том, как нас учили любить Россию и русское слово, о том, как нас призывали открыть свой дом русской речи и всему русскому... и о

36 Победоносцев Константин (1827–1907) — государственный деятель, юрист. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Синода. Преподавал законоведение будущим императорам Александру III и Николаю II, играл основную роль в проведении реакционного курса в царствование Александра III и в первый период царствования Николая II. Вдохновитель принятия самых жестоких антиеврейских мер.

37 Хисин Хаим (1865–1932) — один из пионеров освоения Эрец-Исраэль, приехавший с группой молодежи из России в 1882 г. В 1887 г. вернулся в Россию, затем изучал медицину в Европе; участник первых Сионистских конгрессов. В 1905 г. окончательно поселился в Эрец-Исраэль, способствовал созданию первых рабочих поселений.

38 Леванда Лев (1835–1888) — русско-еврейский писатель и публицист, один из ведущих сотрудников журнала *Га-Шахар*. Совершил духовную эволюцию от идеи необходимости ассимиляции еврейства до призыва к пробуждению национального сознания и покупке земли в Эрец-Исраэль.

том, как нас теперь отвергают и преследуют... сердце мое наполняется жгучей безысходностью, от которой не избавиться”. Но выход, разумеется, существовал. Одним из следствий кризиса был рост еврейского социализма — движения, в которое вскоре влились сотни тысяч рабочих и членов их семей. Но и в среде еврейского пролетариата подспудно вызревало понимание того, что самый простой и эффективный выход — эмиграция из России. При этом обычно предполагалось, что убежище можно найти в Соединенных Штатах.

Однако для многих евреев возможность оставаться где бы то ни было этническим меньшинством была уже неприемлемой. Моше Лиленблюму, одному из деятелей *Гаскалы*, пришлось в течение двух дней прятаться от русских погромщиков, бесчинствовавших в его квартале. “В одно мгновение исчезли все мои прежние идеалы, — писал он впоследствии. — Нет нам места ни здесь, ни в других христианских землях”. С тех пор Лиленблюм считал возвращение в Палестину единственным решением еврейского вопроса, этому были посвящены его многочисленные статьи. В 1882 г. он писал:

“Это страна, где успокоились предки наши в незапамятные времена; как жили они, так и мы будем жить. Отправимся же в страну, где найдут успокоение наши души, которые в течение тысячелетий мучили убийцы. Начнем с малого, но придем к процветанию”.

Смоленкин, последний из великих деятелей *Гаскалы*, также отказался от прежнего представления о еврействе как об исключительно “духовном” единстве и начал призывать к массовой эмиграции в Палестину. “Пора распространить эту идею, — писал он в 1881 г., — и создать фонды для помощи тем, кто захочет обосноваться в Эрец-Исраэль. Во имя пути к Сиону следует забыть о покое, пока не засияет заря и не начнется наше выздоровление”.

Вероятно, убеждение Лиленблюма и Смоленкина, что прибежище евреи смогут обрести лишь в Палестине, было естественным продолжением мессианской традиции и идей *Гаскалы*, а также отчасти опиралось на опыт национальных движений в Европе. Тем не менее, как ни велико было их разочарование в прежних иллюзиях, ни Смоленкин, ни Лиленблюм (не говоря уже об Алкалае и Калишере в более ранний период) не сумели убедительно доказать, что волна христианских предрассудков не пойдет на спад и не прекратится в результате политических изменений в России. Сотни тысяч еврейских либералов и социалистов по-прежнему были убеждены в этом, и, казалось, подтверждение их надежд можно было найти в Западной Европе и в Америке. Если даже древние предания народа о Палестине не могли возбудить энтузиазма в этих утративших веру скептиках, что же вообще могло заставить их вернуться в пустынную Палестину? Как выяснилось, один довод в пользу Палестины все-таки существо-

вал. Он был облачен в форму “строго научного” анализа условий жизни еврейства.

Леон Пинскер родился в просвещенной еврейской семье в Одессе — городе, который в середине XIX в. стал интеллектуальным центром *Гаскалы*. Он получил образование в русской гимназии, а затем изучал медицину в Московском университете. Во время Крымской кампании Пинскер добровольно пошел в армию врачом, его деятельность во время борьбы с эпидемией холеры завоевала общее признание. При Александре II, в эпоху либеральных реформ, Пинскер отдал дань оптимизму, характерному для 1860-х гг. Сохраняя преданность еврейству, он часто публиковал в *Га-Шахар* статьи, в которых выражал свою веру в русскую терпимость и еврейское Просвещение. На этом этапе Пинскер, подобно Смоленскину, связывал будущее евреев с возможностью культурного развития в рамках российского плюрализма. Однако в 1871 г. в Одессе произошел погром. Глубоко потрясенный им, Пинскер на семь лет отстранился от общественной жизни, пытаясь понять, почему потерпел крах столь дорогой ему идеал Просвещения. Его разочарование еще более усилилось после политических событий 1881 г. — убийства Александра II и наступления реакции. Шестидесятилетний Пинскер решил отправиться в Европу, чтобы встретиться там с еврейскими деятелями и изложить им свой план национального возрождения. “Я вложил в мою аргументацию всю душу, — писал он впоследствии Льву Леванде. — Я привел множество фактов, пытаюсь затронуть их сердца”. Судя по всему, он не добился успеха. Но за несколько месяцев пребывания в Берлине Пинскер написал эссе, вышедшее на немецком языке в сентябре 1882 г. Он назвал свою работу “Автоэмансипация”.

В ней Пинскер развивал свой основной тезис: нормальные взаимоотношения между народами основаны на взаимоуважении, однако у евреев нет надежды на уважение, потому что они лишены необходимой для этого предпосылки — национального равноправия. “У еврейского народа нет родины, — писал Пинскер, — нет центра притяжения, нет собственного правительства, нет представительного учреждения”. В его существовании есть нечто фантомное; он обладает рядом черт, присущих нации, за исключением самого необходимого элемента — собственной страны. “Есть что-то неестественное в народе без своей земли — он подобен человеку без тени”. Поэтому евреи внушают другим страх, а этот страх переходит в ненависть. Если же “человечество предубеждено против нас в силу врожденных неискоренимых социальных и антропологических причин”, то не дадут результата любые попытки устранить это явление с помощью просвещения, ассимиляции, рассеяния или ультрапатриотизма евреев. Решение проблемы, утверждал Пинскер, заключено не в обретении эмансипации, полученной от других народов, а в согласованных усилиях еврейства, направленных на возрождение своего национального очага. Только встав на этот путь, евреи добьются признания

других наций. “Да будет “теперь или никогда” нашим паролем! — восклицал Пинскер. — Горе нашим потомкам... если мы упустим этот момент!” Вместе с тем для “научной объективности” Пинскера было характерно то, что он не настаивал на колонизации именно Палестины. “Можно выбрать небольшую территорию в Северной Америке или суверенный пашалык³⁹ в азиатской Турции...” Самым важным для него был факт признания национального и территориального суверенитета еврейского народа.

До Пинскера никто еще так логично не устанавливал связь между гонениями на евреев и отсутствием у них собственной страны. Он впервые проанализировал антисемитизм как сложный и глубокий социальный феномен, имеющий мало отношения к развитию образования и прогресса. Поэтому “Автоэмансипация” почти мгновенно вызвала сочувственную реакцию читателей. Гордон и Лилиенблюм, как и другие апологеты *Гаскалы*, не скупились на похвалы. Вскоре Пинскер стал одним из главных авторитетов для русского еврейства, он находился в самом центре зарождавшегося сионистского движения. Как и Герцль впоследствии, он предпочел бы, чтобы руководство сионистского движения находилось на Западе. Пинскер мало верил в русское еврейство, обнищавшее и ослабленное ограничениями царского режима. С его точки зрения, только западные, особенно немецкие, евреи обладали политическим влиянием и финансовыми средствами, необходимыми для создания национального очага. Однако в течение последующих полутора лет, в 1882–1883 гг., именно в среде западной еврейской “аристократии” Пинскеру не удалось добиться сколь угодно существенного отклика. В результате ему все больше приходилось опираться на своих последователей-сионистов в Восточной Европе. “Это самая цельная, самая надежная часть нашего движения”, — признавал он. В 1884 г. при поддержке д-ра Макса Мандельштама⁴⁰ из Киева и профессора Германа Шапиры⁴¹ из Гейдельберга Пинскер приступил к организации отдельных групп своих последователей в национальное движение.

39 Пашалык — в Османской империи провинция или область, находившаяся под властью паши.

40 Мандельштам Макс (1839–1912) — врач-офтальмолог, деятель сионистского и территориалистского движений. В 1881 г. основал комитет помощи жертвам погромов. Странник массовой эмиграции евреев из России, Мандельштам стоял у истоков палестинофильского движения, был среди руководителей территориалистов; он также одним из первых в России примкнул к сионистскому движению. Мандельштам энергично поддержал проект Т. Герцля.

41 Шапира Герман (Цви-Гирш; 1840–1898) — математик, общественный деятель, публицист. Активный деятель палестинофильского, а затем сионистского движения. Ему принадлежит идея создания Еврейского национального фонда и Еврейского университета. В 1884 г. в Гейдельберге основал палестинофильское общество *Цион*, целью которого было создание еврейских сельскохозяйственных поселений в Эрец-Исраэль.

Ховевей Цион

В конце 1870-х гг., за несколько лет до воцарения Александра III и начала погромов, в сотнях городов и местечек черты оседлости стали образовываться палестинофильские кружки и клубы. Некоторые из них назывались просто “партиями” или “собраниями”, другие носили название *Эзра* или *Маккавей*⁴², и все они входили в движение *Ховевей Цион* (“Ревнители Сиона”). Его участников объединяло общее кредо: “Для народа Израиля нет иного спасения, кроме создания собственного государства в Эрец-Исраэль”. Следуя классическим образцам других национальных движений Европы, некоторые из этих групп начинали с создания курсов иврита и еврейской истории, хоров, гимнастических кружков, организаций самообороны. Собрания проводились тайно, поскольку палестинофильство, как и другие движения национальных меньшинств, в царской России не имело легального статуса. Дело осложнялось тем, что в *Ховевей Цион* не было централизованного руководства.

В этих условиях Пинскер, ставший благодаря всеобщему признанию стихийным лидером нарождавшегося палестинофильского движения, выступил в 1884 г. с инициативой созыва конференции представителей *Ховевей Цион*. Во избежание конфликта с царскими властями решено было собраться в Катовице, городе в немецкой Силезии. На открытии присутствовали 34 делегата. В качестве первоочередной была принята задача финансирования еврейских поселений в Палестине, поскольку, по общему мнению, только в Эрец-Исраэль народ Израиля сможет создать жизнестойкое общество и нацию. Центр *Ховевей Цион* находился в Одессе. Оттуда его председатель Пинскер направлял в Палестину возрастающий поток евреев-эмигрантов. В этом заключался определенный парадокс, поскольку сам Пинскер был противником постепенного переселения. Он считал, что сначала следует сплотить сторонников движения в Европе, а потом созвать международный еврейский конгресс, который поставил бы еврейский вопрос перед правительствами мира. Однако на конференции эта точка зрения не нашла поддержки, и в дальнейшем Пинскер посвятил свои усилия задаче колонизации Палестины, чему сам он придавал куда меньшее значение.

Как показало время, Пинскер, а затем и Герцль не сумели в полной мере оценить значение постепенной колонизации и скрытые в ней возможности. В 1890 г. движение *Ховевей Цион* добилось определенного, хотя и неофици-

42 В качестве названий для этих организаций выбраны имена героев еврейской истории. Эзра (V в. до н. э.) — духовный вождь еврейства Эрец-Исраэль в период исхода из вавилонского пленения. Маккавей — священническая семья, глава которой Матитьягу поднял в 167 г. до н. э. народное восстание против иноземного господства, приведшее к воссозданию независимого Иудейского царства.

ального, признания со стороны русского правительства, но не как национальная организация, а как “Общество вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Палестине и Сирии”. Впоследствии деятельность Пинскера по пропаганде эмиграции в Святую землю имела большой успех в среде европейского еврейства. Пинскер умер в 1891 г., успев создать идеологическую базу и организационную структуру *Ховевей Цион*, упорядочить деятельность в области колонизации Палестины и добиться того, чтобы движению не грозили в России преследования государственной власти.

В 1890-х гг. идеи *Ховевей Цион* быстро распространились в Европе и Америке, получили широкую поддержку в Румынии. В Габсбургской империи движение возглавили в основном выходцы из Восточной Европы, жившие в Вене. Одним из них был Смоленский. Позже к нему присоединился д-р Натан Бирнбаум⁴³ — автор термина “сионизм”. В Берлине группы *Ховевей Цион* были основаны студентами из России. Видное место среди них занимали Лео Моцкин⁴⁴, Хаим Вейцман и Шмарьягу Левин⁴⁵. Такие же группы позже были организованы и студентами из немецких евреев, в том числе будущими лидерами немецкого сионизма — Вилли Бамбусом и Артуром Хантке.⁴⁶ В Англии организация *Ховевей Цион* была основана выдающимися представителями сефардской общины — полковником Альбертом Голдсмитом⁴⁷ и Эли д’Авигдором (ее отделения получили название “шатров”). Благодаря эмигрантам из России и нескольким известным раввинам — Густаву Готхайлю,

- 43 Бирнбаум Натан (1864–1937) — писатель и философ, один из основоположников сионистской идеологии; впоследствии примкнул к еврейскому религиозному ортодоксальному движению и стал одним из его идеологов и лидеров.
- 44 Моцкин Лео (Арье-Лейб; 1867–1933) — сионистский лидер, участник Сионистских конгрессов; в 1909–1910 гг. выпустил книгу “Еврейские погромы в России” — исследование антиеврейских выступлений с начала XIX в. до революции 1905 г. В годы Первой мировой войны Моцкин возглавлял копенгагенское отделение Всемирной сионистской организации. Был одним из создателей и руководителей Комитета еврейских делегаций на Парижской мирной конференции. В 1925–1933 гг. возглавлял Исполнительный комитет Всемирной сионистской организации и избирался председателем ряда Сионистских конгрессов.
- 45 Левин Шмарьягу (1867–1935) — сионистский деятель, писатель. В 1896–1904 гг. — казенный раввин в Гродно и Екатеринославе. Участник Сионистских конгрессов с 1903 г. В 1906 г. был депутатом Первой Государственной думы. Один из инициаторов создания Техниона. В 1924 г. поселился в Эрец-Исраэль, занимался в основном сионистской деятельностью.
- 46 Хантке Артур (1874–1955) — деятель сионистского движения. В 1910–1920 гг. был президентом Сионистской федерации Германии. С 1926 г. проживал в Эрец-Исраэль; был исполнительным директором *Керен ха-Йесод*.
- 47 Гольдсмит Альберт-Эдвард (1846–1904) — сионистский деятель и полковник английской армии. Был президентом общества *Ховевей Цион* Великобритании.

Вениамину Сольду⁴⁸ и Маркусу Ястрову⁴⁹ — группа последователей *Ховевей Цион* появилась в начале 1880-х гг. даже в Соединенных Штатах. Таким образом, к началу деятельности Герцля в Европе и Америке уже были заложены основы широкого сионистского движения. Именно участники этого движения составили большинство последователей Герцля, а также 90% делегатов Первого Сионистского конгресса в 1897 г.

В конце XIX в. идеи сионизма захватили, конечно, лишь авангард мирового еврейства, но ими уже нельзя было пренебречь. Истоки сионизма восходят отчасти к еврейской обрядности и традиции, для которой мессиянский образ Сиона был такой же реальностью, как география диаспоры. Сионизм укрепил связи с ортодоксальными верующими, введя в свой календарь ряд традиционных еврейских праздников, соотносившихся с героическими эпизодами еврейской истории и сельскохозяйственными сезонами в Палестине. Поэтому вполне естественно, что после 1881 г., когда перед еврейством особенно остро встала проблема избавления от преследований, идея возвращения на родину была для части религиозных деятелей привлекательнее, чем перспектива переселения в эмансипированные страны Запада. Кроме того, черпая вдохновение в еврейском национализме и видя в нем пример для себя, сионисты позаимствовали у *Гаскалы* две особенно важные составляющие нового движения: иврит с его библейскими ассоциациями и убеждение в том, что еврейский вопрос следует решать предельно твердо и последовательно, опираясь на логику и отказавшись от фаталистического погружения в традиционную ортодоксию. Если бы не этот жесткий прагматизм, неизвестно, смогла бы еврейская интеллигенция России усвоить безжалостный анализ положения, данный Пинскером. Именно ее восприимчивость позволила сионизму придать свойственной восточноевропейским евреям склонности к миграциям идеологическую устремленность, которую они сохранили и в Эрец-Исраэль несмотря на все трудности.

48 Сольд Вениамин (1829–1902) — раввин, деятель палестинофильского и сионистского движений. В 1858 г. эмигрировал из Австро-Венгрии в США. В 1859 г. стал раввином общины в Балтиморе. Во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) Сольд выступил с резким осуждением рабовладельческих штатов. Один из создателей палестинофильского, а затем сионистского движения в США.

49 Ястров Маркус-Мордехай (1829–1903) — раввин, специалист в области еврейской лексикографии и истории. В 1858 г. был назначен синагогальным проповедником прогрессивной конгрегации немецкоязычных евреев Варшавы, активно участвовал в польском освободительном движении. В 1861 г. Ястров был арестован российскими властями, а в 1862 г. выслан из страны. В 1866 г. эмигрировал в США, где до 1892 г. был раввином ортодоксальной общины Филадельфии. Был вице-президентом Федерации американских сионистов.

Глава II.

Возвращение начинается

Связь с землей

На полпути между Цфатом и Нагарией, на севере Израиля, возвышается на тысячу метров над уровнем моря изрезанная террасами гора Га-Ари, с которой одновременно открывается вид и на Средиземное море на западе, и на озеро Кинерет на юго-востоке. Поворачивая на запад, дорога ведет прямо к находящейся у уступа горы деревушке Пкиин, застроенной домишками из песчаника. Здесь живут вперемешку друзья¹, арабы и евреи. У въезда в деревню стоит старинная синагога. По преданию, два резных камня, встроенных в кладку ее стен, взяты из древнего Храма, разрушенного римлянами почти две тысячи лет назад. В такую же глубокую старину уходят корни семьи Заинати, которая молится в этой синагоге. Члены семьи гордятся тем, что они — единственные израильские евреи, предки которых не покидали Святой земли с тех времен, когда здесь существовало последнее еврейское государство. Щуплые и смуглые евреи Пкиина, одинаково свободно говорящие на иврите и по-арабски, возделывают землю, разводят шелковичных червей и сохраняют свои святыни и историческую память. Скрывая добродушную усмешку, они позволяют глазеть на себя туристам, пораженным тем, что видят “самых настоящих” евреев.

Действительно, они и есть “самые настоящие” — эти внешне схожие с арабами евреи, воплощение всегда сохранявшейся реальной связи еврейства с Палестиной. Пусть римляне опустошили всю страну в период между 70-м и 135-м гг. н. э.², пусть перебили 600 тыс. человек, а еще 300 тыс. обратили в раб-

1 Друзы — религиозная этническая группа, возникшая в начале XI в. в результате раскола в исмаилизме (течение шиитского ислама).

2 В 66–73 гг. н. э. в Иудее, бывшей тогда провинцией Римской империи, происходило восстание, подавленное римлянами с большим трудом. Последний оплот восстав-

ство — даже после этого здесь каким-то чудом уцелело несколько тысяч евреев. Неся бремя непомерных налогов, не имея права вернуться в свою древнюю столицу, они поселились в Галилее, обрабатывали землю, занимались ремеслами. В позднеримскую эпоху уцелевшая от разгрома еврейская община сумела возродиться. На протяжении трех столетий города, деревни и поля процветали и простирались даже до Прибрежной равнины. Еврейская культура обнаруживала признаки необыкновенной жизнестойкости. Например, как раз в этот период был составлен Иерусалимский Талмуд³. Более того, еврейское население продолжало численно расти после арабского завоевания в VII в. и при турках-сельджуках⁴, в XI в. оно насчитывало 300 тыс. человек.

Однако это многообещающее развитие было прервано с приходом крестоносцев. При христианах уничтожение евреев приобрело такой размах, что в 1169 г., когда Биньямин из Туделы, испанский путешественник, посетил Святую землю, он нашел там всего тысячу еврейских семей. Однако и в эти времена евреи упорно держались за свою землю. Через восемнадцать лет Салах ад-Дин (Саладин), султан Египта, нанес крестоносцам⁵ сокрушительное поражение, и это стало началом процесса, в результате которого столетие спустя последние из них были изгнаны из Палестины. Затем, при мусульманском правлении, склонном к терпимости, мизерные остатки еврейского населения Палестины начали увеличиваться за счет переселенцев, которые прибывали из Северной Африки и из Европы — главным образом, из Испании, где тогда существовала самая большая в диаспоре еврейская община. Кстати, еще до начала деятельности инквизиции в Испании около пяти тысяч евреев-сефардов (*Сфарад* на иврите — Испания) уже заняли доминирующее положение в общине Святой земли. В их среде ассимилировались араби-

ших — крепость Масада — пал в 73 г.; защитники крепости покончили с собой. Это восстание получило название Первой Иудейской войны. Вторая Иудейская война (132–135 гг. н. э.) — мощное антиримское восстание под предводительством Бар-Кохбы. В 133 г. восставшие захватили Иерусалим. По размаху движение обрело масштабы войны, представлявшей угрозу для Римской империи.

- 3 Талмуд (*ивр.* “учение”, “изучение”) — обширный свод религиозной литературы, регламентирующий религиозно-правовые нормы иудаизма; содержит толкование Закона, устные предания и т. д. Существуют два Талмуда: Иерусалимский Талмуд, созданный в период между началом III в. и концом второй половины IV в. в ешивах Тверии, Кейсарии и Ципори, и Вавилонский Талмуд, созданный в III–VII вв. в Вавилоне.
- 4 Сельджуки — тюркские племена, названные по имени их предводителя Сельджука (X — начало XI вв.). В 40–80 гг. XI в. завоевали часть Средней Азии и Ближнего Востока. С 40-х гг. XI в. государство сельджуков стало распадаться на отдельные султанаты. В конце XI в. крестоносцы вытеснили их из Палестины.
- 5 Салах ад-Дин (Саладин; 1138–1193) — египетский султан, возглавивший борьбу против крестоносцев. В 1187 г. армия под его командованием разбила войска Иерусалимского королевства крестоносцев и захватила Иерусалим.

зированной евреи — *мустаарибин*, а диалект сефардов — ладино — стал общедоступным языком палестинского еврейства.

Однако самым важным импульсом, толкнувшим десятки тысяч сефардов к бегству, была, конечно, деятельность инквизиции, а затем и декрет 1492 г. об изгнании евреев из Испании. Не менее 8 тыс. сефардов переселилось в Палестину. Это событие совпало с завоеванием Леванта в 1517 г. османскими турками; первое столетие турецкого правления оказалось неожиданно благоприятным для евреев. Затем в Палестину из Средиземноморья устремилась новая волна переселенцев, среди них было множество каббалистов, приверженцев книги *Зо́гар*⁶ — произведения еврейского мистицизма, в котором предрекалось неминуемое возрождение Божественного присутствия в реальном мире. В испанских событиях каббалисты усмотрели предзнаменование, требующее возвращения на землю предков, где надлежало ожидать прихода Мессии. Многие из них поселились в оставленном крестоносцами городе Цфате. Причиной этого было то, что в окрестности Цфата находилась могила рабби Шимона бар Йохая, считавшегося автором *Зо́гара*. В XVII–XVIII в. к ним присоединились новые поселенцы — ашкеназы, евреи из Центральной и Северной Европы (*Ашкеназ* на иврите — Германия). Большинство среди них составляли хасиды⁷. Как и многие сефарды, хасиды были приверженцами каббалистической литературы и мистиками, хотя более эмоционально-экстатического толка. К началу XVIII в. сефардско-ашкеназское население Цфата составляло 16 тыс. человек. Хотя часть переселенцев получала благотворительную помощь из-за границы, большинство жителей зарабатывало на жизнь лудильным и сапожным ремеслом, торговлей пряностями, а иногда и земледелием.

В других районах Палестины еврейское население было значительно малочисленнее. Сефарды попробовали было, заручившись разрешением османского султана, создать общину в древней Тверии (Тиберии), но им не удалось привлечь туда поселенцев. Позднее от подобных попыток пришлось отказаться из-за сопротивления местных арабов, однако и по сей день в этом небольшом городе на берегу озера Кинерет среди сравнительно недавно при-

6 *Зо́гар* (ивр. “сияние”, полное название *Сефер ха-Зо́гар* [“Книга сияния”]) — священная книга каббалистов, написанная в форме комментариев к Пятикнижию; приписывается рабби Шимону бар Йохая (II в. н. э.), но создана в основном в XIII в.

7 Хасиды (ивр. “благочестивые”) — последователи хасидизма, широко распространенного религиозного движения, возникшего среди евреев Восточной Европы во второй четверти XVIII в. и существующего в различных странах мира, где проживают евреи. Для хасидов характерны: повышенная эмоциональность, проявляемая во время молитв и при исполнении *мицвот*; появление нового типа духовного лидера — харизматического цадика; предпочтение искреннего религиозного чувства ригорической обрядности. Основателем хасидизма был Израэль бен Элиэзер — Бааль-Шем-Тов (Бешт).

ехавших еврейских иммигрантов живет небольшое число темнокожих евреев, говорящих по-арабски. Аналогичные попытки создать общину были и в Хевроне, известном тем, что там похоронены еврейские патриархи⁸. Однако даже в 1890 г., во время расцвета еврейской колонизации Хеврона, там едва ли насчитывалось более 1500 человек, в большинстве своем сконцентрированных вокруг трех-четырёх религиозных школ. Но основной задачей *ишув*⁹ было еврейское возрождение Иерусалима — города, где некогда находился древний Храм; он считался по праву главным среди других “святых городов” Палестины, куда входили еще Цфат, Хеврон и Тверия. Однако с самого начала все попытки утвердиться в Иерусалиме были почти заведомо обречены. После I в. н. э. в течение трех с половиной столетий римского правления ни одному еврею не было позволено ступить на землю разоренной столицы. В эпоху арабского владычества горстка евреев вернулась туда, и небольшая община существовала даже при крестоносцах. Однако со второго столетия османского господства жизнь евреев и христиан становилась все труднее и труднее. В 1700 г. группа, состоявшая из полутора тысяч ашкеназских евреев под руководством рабби Йегуды Хасида Галеви предприняла героическую попытку поселиться в Иерусалиме. Около 500 из них умерло, так и не достигнув Святого города, а из числа переселившихся через двадцать пять лет сохранилась лишь община из 30 семей. “Сборщики налогов подстерегают нас в засаде и, подобно волкам и львам, готовы пожрать нас”, — писал один из них. Голландский еврей Симон ван Гельдерн, побывавший в Иерусалиме в 1776 г., обнаружил там около 2 тыс. говоривших по-арабски сефардов и марокканских евреев и всего лишь нескольких выходцев из Европы. “Через пятьдесят лет в этой стране не останется ашкеназов”, — писал он.

- 8 Патриархи — родоначальники еврейского народа: Аврагам, Ицхак, Яков. Согласно Библии, в пещере Махпела, купленной Аврагамом неподалеку от древнего города Кирьят-Арба (Хеврон), похоронены патриархи и их жены: Сара, Ривка, Лея.
- 9 *Ишув* (ивр. букв. “заземленное место”, “население”, а также “заселение”) — собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль. Бытовало главным образом до создания Государства Израиль. Термин *ишув* в его буквальном значении неоднократно встречался в Талмуде, чаще всего применительно к населению вообще, а также к еврейскому населению Эрец-Исраэль. Видимо, во второй половине XIX в. ашкеназскую общину Эрец-Исраэль стали называть *ишувом* в противовес еврейским общинам в других странах. После 1882 г. возникло выражение “новый *ишув*”, означавшее часть еврейского населения, занятого производительным трудом, в противовес “старому *ишуву*”, то есть строго ортодоксальной части евреев, которая жила в основном за счет *халуки* (см. примечание на с. 45). По мере укрепления органов еврейского самоуправления и их роли в защите общих интересов всех евреев в Эрец-Исраэль, это противопоставление стиралось, и название *ишув* распространилось на все еврейское население страны.

Ван Гельдерн не преувеличивал. Османская администрация вела себя все более жестоко, и даже некогда процветавшее еврейское население Цфата к 1800 г. сократилось до 3 тыс. человек. С начала XIX в. арабские разбойники беспрепятственно хозяйничали в Галилее и периодически устраивали набеги на этот маленький городок в горах. В 1837 г. Цфат пережил сильное землетрясение — самое страшное стихийное бедствие в истории современной Палестины. После этого наиболее энергичные из жителей города переселились в Иерусалим и Хеврон. Две тысячи человек, которые остались в Цфате, были в большинстве своем престарелыми ультрарелигиозными евреями, ничем не отличавшимися от своих соплеменников в Иерусалиме. Всего в четырех “святых городах” в это время жило около 6 тыс. евреев. Доведенные поборами и тиранией властей до последнего предела, они считали покаяние сутью своей мученической жизни.

Палестина и европейская мысль

Если у этих остатков палестинского еврейства в XIX в. и сохранялась какая-то капля надежды, то лишь потому, что Палестина, представления о которой прежде были окутаны туманом легенд, начала вызывать общественный интерес. Вторжение Наполеона в Египет в 1798 г., русская угроза, нависшая над Османской империей на рубеже столетия, завоевание Сирии вице-королем Египта Мухаммадом-Али в 1830-х гг., Крымская война в 1850-х гг.¹⁰, захват Великобританией Кипра в 1878 г. и Египта в 1882 г. — все это превратило Восток в новую и важную арену мировой политики. Подобно другим странам Ближнего Востока, Палестина вновь появилась на глобусе и стала предметом внимания всей Европы — это повлекло за собой улучшение коммуникаций, рост туризма и археологических исследований.

Это развитие совпало по времени с подъемом протестантского евангелизма в Великобритании и даже способствовало ему. Одним из основных моментов в этой разновидности викторианского благочестия был вновь возродившийся интерес к Святой земле. Кроме того, внимание протестантских богословов теперь обратилось на евреев, которые рассматривались уже не как богоубийцы, а как изгнанники из Святой земли, живые свидетели истины Божьей в грешном мире. Характерными для этого направления

¹⁰ Крымская война (1853–1856 гг.) — война России с коалицией Турции, Франции и Великобритании за господство на Ближнем Востоке. Война закончилась поражением России.

были взгляды Эдварда Эшли, седьмого графа Шефтсбери. Влиятельный политический деятель середины XIX в., Шефтсбери был увлечен мистической идеей возрождения народа Израиля в Святой земле при помощи Британии. Это возрождение положит начало цепи божественных проявлений, предвещающих Второе Пришествие. Евангелизм получил в это время столь широкое распространение, что Шефтсбери и его последователи отнюдь не воспринимались как отвлеченные мечтатели. Даже к такому страстному поборнику сионистской идеи, как Лоренс Олифант¹¹, деловые люди в Англии относились с полной серьезностью. Олифант происходил из религиозной семьи, его жена была также глубоко религиозна. Поступив на дипломатическую службу, он побывал во множестве стран — от Канады до Японии, а кроме того, немало путешествовал по собственной инициативе. Он страстно верил в то, что вскоре богоизбранный народ возродится в своей исторической колыбели и тем самым ускорит пришествие Мессии. Как и Шефтсбери, Олифант много времени посвящал пропагандистской деятельности и выступлениям с призывом к еврейскому национальному возрождению.

К середине столетия идея возрожденного Сиона стала настолько популярной в Англии, что отразилась в творчестве самых выдающихся поэтов и писателей романтической школы. Так, яркий романтик своего времени Бенджамин Дизраэли¹² воспевал дело еврейского возрождения в раннем романе “Давид Алрой”¹³: “Вы спрашиваете меня, чего я желаю? Мой ответ — национального бытия... Вы спрашиваете меня, чего я желаю? Мой ответ — Земли обетованной”. Другие авторы Викторианской эпохи приписывали евреям (как и другим народам — шотландцам, грекам, болгарам) пламенный национализм, который повсеместно признавался залогом будущего Европы. В стихотворении “О, плачьте, как плакали вы...”, одном из самых широко цитируемых произведений из цикла “Еврейские мелодии”, лорд Байрон горько сетовал:

Нора — у зверя, у людей — страна,
Могила лишь — Израилю дана.

- 11 Олифант Лоренс (1829–1888) — английский писатель и путешественник, религиозный мистик, деятельный сторонник возрождения еврейского народа в Эрец-Исраэль.
- 12 Дизраэли Бенджамин, лорд Бисконфильд (1804–1881) — английский государственный деятель и писатель. Родился в еврейской семье. В 13 лет был крещен по воле отца. В 1868 г., а затем в 1874–1880 гг. — премьер-министр Великобритании. Дизраэли всегда выступал в защиту прав евреев и подчеркивал свое еврейское происхождение.
- 13 Алрой Давид (настоящее имя Менахем бен Шломо; XII в.) — вождь мессианского движения в Курдистане, возникшего в результате гонений на евреев в этой области. Алрой был провозглашен Мессией; вскоре движение было разгромлено, он пал жертвой предательства или был казнен. Большинство сведений об Алрой носят легендарный характер.

Сэр Вальтер Скотт воплотил возвышенную мечту о возрожденном Сионе в образе Ребекки, экзотической героини “Айвенго”. Точно так же Джордж Элиот¹⁴ в монологе еврея — героя романа “Даниэль Деронда” — выражает подлинно христианское стремление к тому, чтобы “униженный еврей не остался без защиты на суде народов... И зачтется миру, как зачтется Израилю”. Примечательно, что все эти романтические и мистические откровения никак не принимали в расчет практических нужд самих евреев, которые относились к ним с недоверием и считали пустой болтовней.

“Христианский сионизм”, хотя и не вызывал доверия у евреев, был популярен европейским политикам, ищущим решения “восточного вопроса”. Так, Наполеон, вторгшись в Палестину в апреле 1799 г. во время восточной кампании, обратился к евреям Азии и Африки с патетическим призывом встать под его знамена и восстановить свою древнюю столицу в Иерусалиме. “Израильтяне, восстаньте!” — гласило его воззвание.

“Изгнанники, восстаньте! Вслушайтесь! Ныне наступил миг, который, быть может, не повторится еще тысячу лет: ныне вы можете потребовать восстановления своих гражданских прав наравне со всеми народами мира, прав, которых вы были бесстыдно лишены на протяжении тысячелетий; вы можете заявить о своем политическом национальном существовании среди других народов, вы можете гласно и раз и навсегда заявить о своем свободном естественном праве поклоняться Богу согласно вашей вере...”

Несчастное еврейское население Иерусалима, не говоря уже о прочих евреях Азии и Северной Африки, едва ли обратило внимание на эти риторические упражнения. Но Наполеон не смог взять город Акра, который защищал турецкий гарнизон при поддержке британского флота, и был вынужден поспешно отступить в Египет.

Однако через сорок лет министры иностранных дел стран Европы собрались в Лондоне, чтобы урегулировать кризис, вызванный вторжением Мухаммада-Али в Сирию и Палестину. Английский министр иностранных дел Пальмерстон, убежденный Шефтсбери и его единомышленниками, считал, что евреи мечтают вернуться в Сион и что их присутствие в Святой земле послужит турецким (и английским) интересам. Поэтому Пальмерстон обратился к своему послу в Стамбуле со следующим письмом:

14 Элиот Джордж (псевдоним, настоящее имя Мэри Энн Эванс, 1819–1880) — английская писательница. В ее романе “Даниэль Деронда” выражена мечта о возрождении еврейской национальной жизни в Эрец-Исраэль. Книга оказала значительное воздействие на формирование взглядов ряда палестинофилов и сионистов.

“В настоящее время среди евреев, рассеянных по Европе, существует глубокое убеждение в том, что приближается время возвращения их народа в Палестину... Чрезвычайно важно, чтобы султан поощрял евреев к возвращению... поскольку богатства, которые они привезут с собой, увеличат достояние во владениях султана. Кроме того, еврейский народ, вернувшись под власть и покровительство султана по его приглашению, послужит в будущем преградой коварным планам Мухаммада-Али и его преемников”.

Позже, во время Крымской войны и Ливанского кризиса 1860 г.¹⁵, христианские поборники сионизма во Франции выдвинули идею о том, что еврейское буферное государство в Палестине может способствовать реализации внешнеполитических целей французского правительства. Еще больший интерес к этим планам возник в ходе Берлинского конгресса в 1878 г. Как мы увидим далее, эти тайные планы без малейших изменений были вновь возрождены во время Первой мировой войны.

Старый ишув

В поделенной между провинциями Бейрут и Сирия Палестине царил в начале XIX в. административная сумятица. В течение столетий турки управляли ею с таким безразличием и беспомощностью, что в Палестине то и дело случались вооруженные стычки между местными пашами, а бедуинские разбойничьи шайки терроризировали местное население, составлявшее к 1840 г. 400 тыс. человек. Торговля почти утонула. Развитие этого сельскохозяйственного региона было заторможено из-за жесточайших налогов, воинских наборов, принудительного труда, засухи и налетов саранчи. Евреев, проживавших в основном в четырех “святых городах”, к началу XIX столетия насчитывалось 5–6 тыс. человек. Если бы Палестина так и осталась забытой окраиной Османской империи, это незначительное меньшинство пришло бы со временем к полному упадку и исчезновению. Однако возникновение “восточного вопроса” свидетельствовало о том, что Турция все в большей степени попадала в зависимость от Западной Европы, а за поддержку в борьбе с Россией Стамбулу пришлось заплатить не только обещаниями реформ, но и тем, что в 1840 г. вновь были подтверждены договоры с европейскими странами, дающие их представителям особые привилегии на территории Османской империи. Суть их сводилась

15 Ливанский кризис 1860 г. — вооруженный конфликт между друзьями и христианами-маронитами, вызвавший отставку в Ливан французского экспедиционного корпуса.

к тому, что проживающим в Турции европейцам гарантировался юридический и финансовый иммунитет под покровительством консулов соответствующих стран. Более того, согласно англо-турецкой договоренности, достигнутой в 1864 г. стараниями британского консула в Иерусалиме, это покровительство распространялось также на евреев — жителей Святой земли. В результате получение этих привилегий способствовало росту иммиграции европейских евреев. К 1856 г. еврейское население Палестины превысило 17 тыс. человек.

В большинстве своем новые иммигранты были фанатично религиозными людьми. Именно поэтому более трети из них предпочло поселиться в Иерусалиме, который никак нельзя было считать привлекательным в экономическом и социальном отношении. Мусульманское большинство Иерусалима согласно было терпеть соседство культурно ассимилированных и владеющих арабским языком сефардов и других средиземноморских евреев, но к пришлым ашкеназам мусульмане относились с нескрываемой враждебностью. Несмотря на новый статус иммигрантов под покровительством Великобритании, уделом ашкеназов на многие годы оставалась жизнь в гетто, статус зимми¹⁶ (означавший ущемление в правах), насмешки, издевательства, а иногда и убийства без суда и следствия. При этом старожилы-сефарды не оказывали новым иммигрантам поддержки — их тревожило, как бы появление единоверцев из Европы не подорвало их положения коренных жителей. И все же, находясь под покровительством консула, ашкеназская община в Иерусалиме продолжала расти. Медленно и с трудом она отстаивала свои религиозные и гражданские права.

Даже если бы новые иммигранты имели достаточные финансовые средства, их жизнь в Иерусалиме едва ли была бы легкой. Иерусалим — некогда древняя столица, а к этому времени провинциальный турецкий город с 17 тыс. населения, теснившегося в пределах средневековой крепости, влчил свое существование в грязи и разрухе. Никаких санитарных мер здесь не предусматривалось и не принималось. Год за годом в городе свирепствовали эпидемии тифа и дизентерии. Тем, кто все-таки решил поселиться здесь, оставалось только смириться с теснотой и скученностью. Городские ворота в сумерках запирались, и запоздалые путники должны были проводить ночь под открытым небом, рискуя стать добычей бедуинских разбойников. Особенно тяжелой и опасной была в Иерусалиме жизнь евреев. Ашкеназы принимали меры для самозащиты, строя дома вплотную друг к другу,

16 Зимми (*араб.* “покровительствуемый”) — термин мусульманского права, определяющий юридический статус евреев и христиан (людей Писания), живущих под “покровительством” мусульманского государства. Зимми платили особый налог и должны были носить особую одежду или отличительные знаки. Им запрещалось вступать в брак с мусульманами, владеть рабами-мусульманами, ездить верхом и т. д.

замкнутыми четырехугольниками. Большая часть их находилась в квартале Хурва — там сохранились развалины поселения, основанного в XVIII в. рабби Йеѓудой Хасидом Галеви. Как правило, кварталы принадлежали определенным европейским общинам, которые обеспечивали существование их жителей. Так, иммигранты из Варшавы получали субсидии от варшавского *колеля*¹⁷, переселенцы из Вильно — от виленского *колеля*, евреи из Венгрии — от мадярского *колеля* и т. д.

Так или иначе, лишь немногие евреи в Палестине и, в частности, в Иерусалиме могли прокормиться самостоятельно. В истории сионизма вся еврейская община того времени в Эрец-Исраэль именуется *ѓа-ишув ѓа-яшан* — “старый *ишув*”. Этот *ишув*, состоявший из людей, вдохновлявшихся исключительно религиозной целью — жить, молиться и умереть на Святой земле, — находился в полной зависимости от благотворительности евреев за пределами Палестины. В 1860-х гг. регулярно собиравшиеся и распределявшиеся подаяния, известные как *халука*¹⁸, составляли около трети общего дохода палестинских евреев и 50% дохода иерусалимских. По свидетельству Людвиг Августа Френкеля, в 1856 г. из всего шеститысячного еврейского населения Иерусалима лишь 47 человек занимались торговлей и около 150 были ремесленниками.

И все же, несмотря на ограничения, условия жизни в Палестине во второй половине XIX в. постепенно улучшались. Во всяком случае, наблюдался определенный прогресс в общественной безопасности — появилась даже возможность передвигаться по Палестине без оружия. В 1869 г. через горы была проложена первая дорога между Яфо и Иерусалимом. Экономическое развитие обеспечивалось растущими капиталовложениями христианских религиозных организаций и еврейских филантропов; совершенствовались приемы земледелия. В это время еврейское население, пользуясь покровительством европейских консулов и принимая участие в расширении контактов с Европой, выросло с 5–6 тыс. человек в 1800 г. до 17 тыс. в середине XIX в., а к 1881 г. превысило 25 тыс. человек. Около 9 тыс. поселенцев проживало в Тверии, Цфате и Хевроне. Меньшие по численности еврейские колонии были в Яфо и других населенных пунктах. В Иерусалиме ашкеназы и сефарды составляли более половины населения. За немногими исключениями, эта община оставалась пассивной, косной и замкнутой; су-

17 *Колель* — термин, имеющий два основных значения: 1) землячество, преимущественно ашкеназов старого *ишув*, выходцев из одной страны, получавших пособие из средств, собираемых в этой стране; 2) высшее талмудическое учебное заведение.

18 *Халука* — денежные отчисления евреев диаспоры в пользу евреев Эрец-Исраэль; в более широком значении (особенно с конца XVIII в.) — организованная система материальной поддержки общинами диаспоры малоимущих евреев, живущих в Эрец-Исраэль по религиозным мотивам.

ществова за счет помощи извне, она пребывала в оцепенении, живя неясными воспоминаниями и древними преданиями.

Старый ишув пробуждается

Не все, однако, было столь безнадежно в жизни старого *ишува*. Начиная с 1830-х гг. то и дело предпринимались попытки активизировать еврейское население Святой земли. Первым этим занялся самый почитаемый еврей прошлого столетия сэр Мозес Монтефиоре, жизнь и судьба которого тесно переплелись с золотым веком еврейской эмансипации. Богатый лондонский финансист, Монтефиоре был удостоен в Англии рыцарского титула за свою неустанную филантропическую деятельность. Немалую долю энергии и средств он обратил на пользу своим единоверцам, рассеянным по миру. Дожив до 101 года, Монтефиоре много раз выступал в защиту евреев — перед двумя русскими императорами и перед двумя турецкими султанами, перед прусским королем и перед персидским шахом, перед вице-королем Египта и марокканским султаном, не говоря уже о множестве принцев, прелатов, дипломатов и политиков.

Главной целью деятельности Монтефиоре было создание жизнеспособной еврейской общины в Палестине. Ортодоксальный еврей, вдохновляемый верой в возрождение избранного народа на Святой земле, он семь раз побывал в Палестине между 1827 и 1875 гг., чтобы способствовать этому. С самого начала он считал, что решение фундаментальной проблемы укоренения евреев в Палестине заключается в пробуждении их творческой и жизненной активности, направленной на самостоятельную жизнь. Поэтому Монтефиоре договорился в 1838 г. с Мухаммадом-Али, вице-королем Египта и (в то время) правителем Сирии и Палестины, о приобретении земель, на которых евреи могли бы спокойно жить и трудиться. Однако дело все время тормозилось корыстными турецкими и египетскими чиновниками, и Монтефиоре так и не удалось заручиться разрешением на создание крупных поселений. Зато он добился определенных успехов в создании ссудных фондов и лечебниц для неимущих евреев, а также в покупке предназначенных для евреев небольших земельных участков за пределами тесного и грязного Иерусалима, в частности в других районах Палестины. Каждый раз, приезжая в Палестину, Монтефиоре организовывал что-то новое: основывал в Иерусалиме школу для девочек, где они обучались домоводству; давал средства для постройки ветряной мельницы, чтобы обеспечить потребность *ишува* в муке; открывал благотворительные склады на деньги, предоставленные им самим и другими состоятельными евреями.

Впоследствии почтенный филантроп признавался, что недооценивал трудности превращения обитателей гетто и пассивных верующих в деятельных фермеров и рабочих. Однако влияние Монтефиоре все-таки сказывалось на экономической жизни в Святой земле. По его инициативе в 1855 г. группа иерусалимских евреев купила землю, на которой сорок лет спустя возникло поселение Моца. Благодаря Монтефиоре французский государственный деятель Адольф Кремье¹⁹ тоже занялся проблемами палестинского еврейства. В 1870 г. Альянс, президентом которого был Кремье, создал *Микве Израэль*, первую еврейскую сельскохозяйственную школу в Палестине. Постепенно события в Святой земле заставили евреев, живущих там, не рассчитывать исключительно на *халуку*. Во время Крымской войны Палестина была блокирована и отрезана от европейских благотворительных фондов, в результате чего над *ишувом* нависла угроза гибели. Именно тогда многие, в том числе и ортодоксы, осознали, что их детям придется либо трудиться, либо умирать с голоду. Поэтому в 1856 г. несколько десятков еврейских юношей поступили учиться в школу Лемеля. Это учебное заведение было незадолго до этого открыто в Иерусалиме на средства, полученные по завещанию австрийского еврея — промышленника Симона фон Лемеля. Программа его включала и общеобразовательные, и религиозные предметы. Тем не менее ашкеназский раввинат Иерусалима, опасаясь возможного вольнодумства тех, кто получал в школе светское образование, пригрозил отлучением семьям, пославшим туда своих детей. Угроза подействовала на ашкеназов, и какое-то время в школе учились только сефарды. Несмотря на эту неудачу, нашлись другие люди, убежденные ортодоксы, которые пришли к выводу, что *халука* не основывается ни на религиозности, ни на здравом смысле. В 1869 г. лидер этой группы Моше-Йоэль Саломон и шестеро его друзей купили участок земли за городской стеной. Названный позже *Нахалат Шива* (“Надел семерых”), этот участок был одним из первых в истории иерусалимского еврейства самостоятельных земельных приобретений за пределами Старого города. В 1875 г. еще одна группа иерусалимских жителей купила участок, находившийся за другой городской стеной и получивший название *Меа Шеарим* (“Сто ворот”). Эти попытки были вызваны не просто стремлением вырваться из тесноты Старого города, но и решимостью начать трудовую жизнь, свободную от пристального внимания иерусалимского раввината. Очевидно, желание это разделяли многие евреи Иерусалима, хотя только после Первой мировой войны число покинувших пределы Старого города превысило количество оставшихся.

19 Кремье Изаак-Адольф (1796–1880) — французский государственный деятель, один из руководителей французского еврейства, юрист. Как президент Альянса (см. 12-е прим. к разделу “Предшественники сионизма”, гл. I) многократно защищал интересы евреев Европы и Ближнего Востока.

Кроме того, в 1875 г. Саломон с помощью друзей и единомышленников занялся поиском пригодных для сельского хозяйства земель. На это ушло почти три года; поиски навлекли на Саломона яростные нападки ашкеназских раввинов, которые с подозрением относились к проявлению деловой инициативы, потому что боялись лишиться благотворительной помощи из-за границы. Наконец, в 1878 г. подходящий участок был найден и куплен в долине Шарон, в пяти милях от Яфо. Это было дикое и заброшенное, удаленное от дорог место, где нельзя было рассчитывать на защиту турецкой полиции. Зато почва там оказалась плодородной, а воду можно было брать из протекавшей неподалеку реки Яркон. Для первых 26 семей, поселившихся там, были быстро построены глинобитные дома. Саломон и его товарищи назвали поселение Петах-Тиква (“Врата надежды”).

К несчастью, река изобиловала не только водой, но и личинками комаров — возбудителей малярии. В первый же год существования поселения почти все жители заболели малярией. Часть их умерла, часть покинула это место. Те, кто выжил, страдали не только от болезней, но и от голода в ожидании первого урожая. Когда же урожай был собран, среди иерусалимских евреев не нашлось покупателей — их религиозные руководители не простили Саломону его “ереси”. Хуже того, на второй год Яркон вышел из берегов и затопил поселение, разрушив глинобитные домики. Сломленные физически и морально, еврей-земледельцы оставили его и вернулись в Иерусалим. Петах-Тиквы как не бывало! Казалось, уже ничто не могло поднять дух приунывших пионеров-ортодоксов.

Первая алия²⁰

Между 1882 и 1903 гг. в Палестину прибыло 25 тыс. евреев — такого наплыва здесь не было со времен указа 1492 г. об изгнании евреев из Испании. Эту иммиграцию обычно называют первой *алией*, однако фактически их было две: одна в 1882–1884 гг., вторая — в 1890–1891 гг. Многие из репатриантов были убежденными сионистами и прибыли в Палестину под влиянием и под покровительством *Ховевей Цион* и *Билу* (см. ниже). Однако значительная часть, может быть даже большинство, были просто беженцами, спасавшимися от преследований в царской России, и верующими, желавшими посвятить остаток жизни изучению Торы и молитве. 95% новых репатриантов обосновалось

²⁰ Алия (*ивр.* “восхождение”, “подъем”) — 1) процесс возвращения евреев в Эрец-Исраэль; 2) группа евреев, прибывающая в Эрец-Исраэль из какой-либо страны в определенный промежуток времени на постоянное место жительства.

в Иерусалиме, Яфо, Хевроне и Хайфе. Лишь немногие из них открыли свои лавки и мастерские. Большинство сохраняло приверженность *халуке*. Довольно скоро стало ясно, что, хотя у европейского движения *Ховевей Цион* и появилось немало последователей, но для роли иммиграционного агентства оно непригодно. Бесспорно, руководителями многих филиалов *Ховевей Цион* были люди решительные и способные, такие, как Лев Леванда и Йосеф Фин²¹ в Вильно, историк Шауль Рабинович²² в Варшаве, рабби Шмуэль Могилевер²³ в Белостоке, д-р Макс Мандельштам в Киеве. Руководство *Ховевей Цион* в течение ряда лет питало наивные надежды на поддержку со стороны Альянса и других еврейских организаций на Западе, однако все эти могучие филантропические общества не проявили ни малейшего сочувствия сионизму.

В конце концов за создание плацдарма в Палестине решила взяться группа убежденных молодых сионистов. В январе 1882 г. 30 таких энтузиастов собрались в Харькове на квартире студента Исраэля Белкинда²⁴, чтобы обсудить “судьбы нации”. В большинстве своем они были выходцами из достаточно обеспеченных семей и либо учились в университете, либо уже занимались профессиональной деятельностью. В их мировоззрении сочетались страстный еврейский национализм и пламенное российское народничество. Для этих молодых людей (что вообще характерно для того поколения русского студенчества) социальные реформы были неотделимы от национального становления. Поэтому после продолжительной дискуссии группа пришла к выводу, что следует немедленно приступить к возрождению еврейской жизни в Палестине на основе “продуктивизации”, не дожидаясь широкомасштабной помощи еврейства в целом. Тут же было образовано общество содействия эмиграции, получившее затем название *Билу* (аббревиатура ивритских слов “Дом Яакова! Вставайте и пойдем”). На последующих собраниях девятнадцать человек выразили желание оставить университет и работу и немедленно отправиться в Эрец-Исраэль. Остальные взялись за подбор новых кандидатов для создания

- 21 Фин Шмуэль-Йосеф (1818–1890) — писатель, представитель *Гаскалы*; один из первых членов *Ховевей Цион*, один из основателей литературного журнала *Пирхей Цафон* (1841–1844) — первого периодического издания на иврите в России. Автор энциклопедического словаря биографий выдающихся евреев — *кнсет Исраэль* и словаря языка иврит.
- 22 Рабинович Шауль (1845–1910) — историк и общественный деятель. Один из лидеров *Ховевей Цион*; инициатор созыва Катовицкой конференции, глава центра *Ховевей Цион* в Варшаве. Перевел на иврит 11-томную “Историю евреев” Г. Греца.
- 23 Могилевер Шмуэль (1824–1898) — раввин и общественный деятель, основоположник религиозного течения в движении *Ховевей Цион*. Считался одним из крупнейших талмудических авторитетов своего времени. Странник сотрудничества светских и религиозных кругов в палестинофильском движении.
- 24 Белкинд Исраэль (1861–1929) — один из основателей *Билу*, в 1882 г. прибыл в Эрец-Исраэль; преподавал в школе, основанной Альянсом в Иерусалиме, основал в Яфо первую школу с преподаванием на иврите.

образцовой сельскохозяйственной колонии в Палестине. “У нас нет капитала, — отмечал в своем дневнике один из основателей *Билу* Хаим Хисин, — но мы уверены, что, попав в Палестину, сумеем обосноваться там. Со всех сторон мы ощущаем горячую поддержку идее колонизации Эрец-Исраэль; нам уже обещана помощь различных обществ и влиятельных частных лиц”.

Помощь эта должна была прийти не от обедневших организаций *Ховевей Цион*, а от английского евангелиста Лоренса Олифанта. Побывав в 1879 г. в Румынии, где в это время происходили антисемитские эксцессы, Олифант стал очевидцем трагического положения еврейских беженцев. Затем он присутствовал на конференции *Ховевей Цион* в Яссах и сразу почувствовал, какие возможности таит в себе нарождающееся палестинофильское движение. После этого неутомимый англичанин отправился в Стамбул, надеясь уговорить турецкое правительство дать евреям разрешение на колонизацию Святой земли. В Турции ему ничего не удалось добиться, тогда Олифант поехал в Палестину, чтобы ознакомиться с положением дел на месте. В 1880 г. он выпустил книгу “Земля Гильад”, посвященную идее, к которой он обращался уже не раз: еврейская иммиграция под британским покровительством позволит Англии обрести военную сферу влияния на Ближнем Востоке. обстоятельно излагая свой проект возрождения Палестины, Олифант подчеркивал, что задача выполнима, но требует средств. А деньги, как он впоследствии уверял своих друзей-евреев, можно получить у английского правительства или у еврейских филантропов, живущих в Англии.

Сведения об этих возможностях дошли до молодых членов *Билу*, и они с нетерпением начали ждать, когда же обещание осуществится. Прошли недели, потом — месяцы. К сожалению, Олифант довольно скоро понял, что Великобритания, за четыре года до этого занявшая Кипр, вовсе не заинтересована в том, чтобы снова возбуждать недовольство Османской империи. Что касалось богатых евреев, то Олифанту пришлось самому убедиться в том, что уже было и так известно: почти все без исключения богатые и влиятельные евреи выступали против сионистской идеи. В июле 1882 г. в Харькове узнали, что англичанин ничего не добился, и члены *Билу* решили больше не ждать. Полагая, что неудача Олифанта является временной, они перенесли свою штаб-квартиру из Харькова в Одессу, и уже в конце месяца четырнадцать из них отплыли в Стамбул. Несколько недель спустя туда пришло печальное известие о том, что Олифант исчерпал свои возможности и, судя по всему, ничем не сможет им помочь. После этого билуицы в унынии начали готовиться к самостоятельной экспедиции в Палестину. Перед отправкой они выступили с довольно цветистой декларацией, в которой изложили свои цели. Декларация клеймила капиталистическую собственность на землю как зло, принесенное цивилизацией, и предостерегала против колонизации Палестины на “гнилой основе” старого стиля. Билуи-

цы постановили, что каждый член их организации, не состоящий в браке, должен в течение трех лет отработать на образцовой сельскохозяйственной ферме. Затем он сможет выполнять роль наставника в других, вновь созданных поселениях. “Израиль на своей земле, на земле пророков, — говорилось в декларации, — станет новым, социально справедливым обществом, ибо в этом заключается смысл возвращения народа в Эрец-Исраэль”.

В конце июля группа билуйцев, состоящая из тринадцати юношей и одной девушки, отплыла в Палестину и через пять дней прибыла в Яфо. Первые их впечатления от этого грязного портового города едва ли были благоприятными. Остановившись на скверном постоялом дворе, они повстречали первых “настоящих” палестинских евреев — изможденных людей в лапсердаках, ожидавших парохода, чтобы вернуться в Европу. Но молодых пионеров это не смутило. Стремясь приобрести хотя бы минимум агрономических знаний, прежде чем организовывать собственную ферму, они обратились в *Микве Исраэль* — школу, основанную Альянсом за двенадцать лет до этого. Там они работали за гроши под началом французских агрономов, не питавших ни малейшей симпатии к “фантазиям” новоявленных сионистов. Билуйцев безжалостно изматывали одиннадцати-двенадцатичасовой работой в поле, так что они оказались на грани отчаяния. “Надсмотрщики все подгоняли и подгоняли нас, — жаловался Хисин, — не давая ни минуты отдыха. Им было велено... выбить из нас “дурь” и вынудить нас уехать назад”. Молодые люди еще больше пали духом, когда из Одессы не прибыло ни подкрепления, ни финансовой помощи. Более того, османские власти к этому времени начали систематически ограничивать иммиграцию и запретили продажу земли европейским евреям. Впоследствии эти препятствия научились обходить с помощью подкупа и другими способами, но летом 1882 г. у билуйцев было мало оснований для оптимизма. Кроме того, болезни подрывали их стремление к деятельности. И где было взять фонды для создания собственной образцовой колонии — главной цели их приезда в Палестину?

Едва ли не в последний момент им оказали помощь два иерусалимских еврея — Залман Левонтин²⁵ и Йосеф Файнберг²⁶. За год до этого они начали собирать в Палестине и в Европе деньги на приобретение земли. С по-

25 Левонтин Залман-Давид (1856–1940) — один из ранних деятелей еврейского заселения Эрец-Исраэль. В 1903 г. по поручению Всемирной сионистской организации основал в Эрец-Исраэль банк, названный “Англо-Палестинской компанией” (ныне банк *Леуми ле-Исраэль*); активно содействовал приобретению земли для новых поселений и экономическому развитию *шнува*.

26 Файнберг Йосеф (1855–1902) — пионер еврейского заселения Эрец-Исраэль, один из основателей Ришон-ле-Циона. Был одним из инициаторов активной деятельности барона Э. де Ротшильда по созданию еврейских поселений в Эрец-Исраэль, но в скором времени выступил решительным противником администрации Ротшильда в поселениях.

мощью посредника-сефарда, турецкого подданного, они сумели купить участок в 400 дунамов²⁷ (около 100 акров) в восьми милях к востоку от Яфо. Иерусалимские семьи, вложившие деньги в приобретение этой земли и построившие там свои хибарки, назвали новый поселок Ришон-ле-Цион — “Первый в Сионе”. Левонтин и Файнберг, тронутые порывом билуйцев, убедили единомышленников принять молодых людей. Одиннадцать пионеров *Билу* поселились в отведенной им временной постройке. Вложив последние гроши в общий фонд, будущие фермеры принялись расчищать поля для посевов, сеять кукурузу, высаживать овощную рассаду. Увы, сельскохозяйственный сезон уже закончился. Через два месяца подошли к концу деньги и запасы продовольствия — и над поселенцами, в частности над билуйцами, нависла вполне реальная угроза голода. Пионеры потеряли всякую надежду: пятеро решили вернуться в *Микве Исраэль*, шестеро — в Россию.

В это время существовало уже несколько еврейских сельскохозяйственных поселений. Петах-Тиква, заброшенная за несколько лет до этого, была вновь заселена европейскими иммигрантами. Несколько сотен членов *Ховевей Цион*, приехавших из Румынии, приобрели землю на западном склоне горы Кармель — они назвали свое поселение Самарин. Другие члены этой группы поселились в Галилее, основав там поселение Рош-Пина. В начале 1883 г. еще одно сельскохозяйственное поселение, Йесуд-га-Маала, было создано в Галилее польскими активистами *Ховевей Цион*. Ни в одном из этих первых поселков не был принят принцип кооперативности и взаимопомощи, провозглашенный *Билу*, — поселенцы были “буржуазными индивидуалистами”, каждый обрабатывал свой собственный участок. Однако их любовь к земле была ничуть не слабее, чем у молодых мечтателей из Ришон-ле-Циона, и тягот на их долю выпало ничуть не меньше. Почти никто из них не имел в Европе опыта земледелия. Теперь поселенцев и их семьи изводили насекомые, периодически грабили бедуины, они быстро начали ослабевать от болезней, жары и просто от непосильного труда. Кое-кто перебрался в города, другие вернулись в Европу. Подобно билуйцам в Ришон-ле-Ционе и Гедере, они исчерпали свои силы и готовы были бросить явно безнадежное дело.

“Известный благотворитель”

Спасение пришло, откуда не ждали. Хотя Ротшильды всегда были той первой инстанцией, к которой евреи обращались за благотворительной помо-

²⁷ Дунам — мера площади, принятая в Израиле; равна 1000 квадратным метрам.

щью, эта прославленная банкирская династия отрицательно относилась к еврейскому национализму и уже не раз отклоняла просьбы *Ховевей Цион* о финансовой помощи. Тем не менее барон Эдмон де Ротшильд, принадлежавший к французской ветви семейства, время от времени оказывал поддержку тем, кто пытался превратить евреев в “тружеников”, в “нормальных” людей, способных работать на земле. Осенью 1882 г. он согласился принять Йосефа Файнберга, одного из двух основателей Ришон-ле-Циона, который приехал в Европу и отчаянно пытался изыскать хоть какие-то финансы, чтобы спасти свою ослабевшую колонию. Рассказ Файнберга о самоотверженности пионеров тронул знаменитого банкира до слез. Он немедленно дал 30 тыс. франков, необходимых для устройства в Ришон-ле-Ционе колодца, и пообещал и в дальнейшем предоставлять помощь. Вскоре после этого Ротшильд направил в Палестину французского специалиста-агронома для обучения билуйцев и нанял директора *Микве Исраэль* для руководства Ришон-ле-Ционом. Барон оплатил также дюжине семей обучение в *Микве Исраэль* и заверил их, что впоследствии обеспечит их землей (так возникло поселение Экрон). Затем Ротшильд взял под свое покровительство еще две борювшиеся за жизнь колонии — Самарин (переименованный в честь его отца в Зихрон-Яаков) и Рош-Пину. При этом Ротшильд потребовал, чтобы его вклад не был предан гласности. В течение многих лет пожелание барона исполнялось. Поселенцы с некоторой таинственностью называли своего анонимного патрона “известный благотворитель”.

С течением времени сионистские поселения стали для Ротшильда основным объектом филантропической деятельности. С 1884 по 1900 г. он израсходовал 6 млн долларов на землю и жилье для колонистов, на их обучение, покупку сельскохозяйственной техники и скота, на рытье колодцев и постройку лечебниц, синагог и домов для престарелых. Где бы ни основывался новый поселок, он мог рассчитывать на щедрость Ротшильда. Даже жители Петах-Тиквы обратились к нему за поддержкой, и в 1888 г. 28 семей в этом поселении существовали на его средства. Когда основывались другие колонии — Мишмар-га-Ярден, Хадера, Эйн-Зейтим, Метула, Хардуф, предполагалось, что “известный благотворитель” придет на выручку, если сами поселенцы не справятся с делом.

Правда, помощь Ротшильда отнюдь не означала, что колонистам давалась полная свобода действий и что они могли распоряжаться на фермах по собственному разумению. Не таков был барон. Те специалисты, которых он присылал из Франции и из *Микве Исраэль*, становились управляющими, отвечающими за повседневную жизнь колоний. Вскоре в положении поселенцев произошли коренные перемены. Теперь они получали субсидии не по количеству вложенного труда, а в соответствии с размером семьи или даже в зависимости от того, удалось ли им угодить управляю-

щему. Более того, они не имели права решать, что сеять и что продавать. Так, например, управляющие решили, что Ришон-ле-Цион и еще несколько поселений должны специализироваться на виноградарстве. После этого на деньги барона в Ришон-ле-Ционе были сооружены винные погреба. Когда выяснилось, что вина не выдерживают конкуренции на европейском рынке, их скупил сам Ротшильд по цене, на 20% превышавшей среднюю.

Такая опека не только лишала поселенцев инициативы, но и подрывала их моральный дух. Им тяжело было сознавать свою зависимость от капризных управляющих, которые начали вмешиваться даже в их частную жизнь. Хорошо понимая, что без финансовой поддержки Ротшильда они обречены на голод, колонисты все же открыто выражали свое недовольство тем, что превратились в “рабов”. Жаловались они и на то, что неоднократная замена одних сельскохозяйственных культур другими — винограда миндалем, маслин пшеницей — приводит к неоправданной затрате сил; идут годы, а поселенцы все еще не могут обеспечить себя и не уверены в завтрашнем дне. Комитеты *Ховевей Цион* в Одессе и Стамбуле только усугубляли положение, обвиняя жителей Ришон-ле-Циона в “измене” первоначальной цели, заключавшейся в создании образцового кооперативного поселения. Упреки достигли своей цели. Девять билуйцев, оставшихся в Ришон-ле-Ционе и в *Микве Исраэль* под покровительством Ротшильда, пребывали в отчаянии, охватившем их еще в первые голодные дни.

Осенью 1884 г. неожиданно вновь возникло альтернативное решение. Йехиэль Пинес²⁸, эмигрировавший из России в Палестину в 1878 г., привез с собою небольшую сумму, собранную несколькими группами *Ховевей Цион*. Взяв дополнительные ссуды, Пинес организовал в 1882 г. в Иерусалиме для билуйцев курсы для обучения ремеслам. После этого на оставшиеся деньги он купил 2800 дунамов земли под Явне, в нескольких милях от моря, и передал эту землю билуйцам. В декабре 1884 г. измученные, но не потерявшие надежды молодые люди, которых оставалось теперь восемь, отправились на новое место. Они назвали его Гедера. Снова им пришлось жить всем вместе в деревянной хибарке. Снова не было у них ни волов, ни

28 Пинес Йехиэль-Михаэль (1843–1913) — публицист, педагог и общественный деятель, один из провозвестников религиозного сионизма. Был сторонником преобразования еврейской жизни, но выступал против религиозных реформ, считая, что они ведут к ассимиляции. Некоторые основные идеи Пинеса были в дальнейшем развиты Ахад га-Амом (см. примечание на с. 58). В 1878 г. прибыл в Эрец-Исраэль как представитель фонда М. Монтефиоре. Сыграл большую роль в пропаганде иврита, организовал Общество возврата к ремеслам, приобретал земли для еврейских поселенцев с помощью фондов *Ховевей Цион* и на свои средства, один из руководителей движения *Ховевей Цион*.

коров, а средств едва хватало на то, чтобы как-то протянуть несколько месяцев да купить лозы для виноградников. Притом что земля как нельзя лучше подходила для виноградарства, должно было пройти еще три с половиной года, прежде чем билуйцы собрали бы урожай, способный принести прибыль. До этого им, чтобы прокормиться, предстояло выращивать озимую пшеницу и ячмень, а летом — дурру²⁹.

Но здесь их ждали новые испытания. Не посоветовавшись со специалистами, присланными в Палестину Ротшильдом, молодые энтузиасты неправильно посеяли зерновые, и им пришлось довольствоваться урожаем редьки и картошки. К началу 1886 г. положение стало отчаянным. Не имея сил защищать свою землю, билуйцы беспомощно наблюдали, как арабский скот травит их посевы. Хисин писал в дневнике:

“А когда наши соседи-арабы увидели, что мы ходим в лохмотьях, живем в хижине и терпим нужду... они вторглись на нашу землю и, пользуясь нашей беспомощностью, захватили целые участки... Они обнаглели до того, что стали даже нападать на нас, а нам оставалось только стискивать зубы... Дух наш был сломлен. Не зная, куда деваться от позора, мы сидели, погруженные в мучительные раздумья”.

Большинство из них в конце концов не выдержало. “Что за беспросветное существование! — восклицал Хисин. — Я уезжаю из этой страны и вернусь, только если сумею построить здесь свою жизнь собственными руками”.

Но это казалось почти невероятным. Гедера не пропала только благодаря щедрости Ротшильда. Те, кто остался в поселении, отказались от идеи кооперативной фермы. Подобно колонистам в Ришон-ле-Ционе, Петах-Тикве и других местах, они начали принимать помощь из Парижа и заदेशево нанимать на работу арабов. Однако первые билуйцы отказались от помощи и не пошли на эту моральную капитуляцию. К концу 1880-х гг. все они покинули Гедеру: одни переселились в города, другие вернулись в Европу. Эксперимент в области “социальной справедливости” закончился явным крахом.

Плацдарм расширяется

В Восточной Европе, как и в Палестине, волна палестинофильского энтузиазма, поднявшаяся в начале 1880-х гг., к середине десятилетия пошла

29 Дурра — однолетнее травянистое растение рода сорго, из семян которого изготавливают муку и крупу.

на убыль. В результате неудач поселенческого движения, а отчасти и препятствий со стороны турецких властей эмиграция в Палестину заметно уменьшилась. В течение нескольких лет организация *Ховевей Цион* находилась в упадке. Без официального статуса в России она не могла осуществлять сбора денег в черте оседлости. Возможности для расширения финансовой базы *Ховевей Цион* возникли только в 1890 г., когда царское правительство разрешило этой организации действовать в качестве “Общества вспомоществования евреям-земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине”. Перемена названия имела значение для властей. Одно дело — национализм одного из этнических меньшинств, и совсем другое — желательное для государства поощрение еврейской эмиграции. Таким образом, начиная с 1890 г. Общество, открывшее постоянное представительство в Одессе, сосредоточило свои усилия на сборе средств (от 20 до 30 тыс. долларов в год) и на руководстве эмиграцией. В результате в 1890–1891 гг. в Палестину выехало не менее 3 тыс. русских и румынских евреев.

В 1890 г. “Одесский комитет” — так организация *Ховевей Цион* с тех пор называлась в сионистских кругах — открыл в Яфо бюро под руководством инженера Зеэва Темкина, еврея из России. Энергичный и добросердечный Темкин, не откладывая, принялся за обеспечение новых иммигрантов землей и работой. Уже на первых порах он добился результатов, заслуживающих внимания. Минувя ограничения османских властей, он сумел через посредников приобрести по поручению *Ховевей Цион* несколько больших земельных участков, которые были перепроданы частью поселенцам, частью — земельным компаниям. Таким образом были основаны два важных сельскохозяйственных поселения — Реховот и Хадера, неподконтрольных ротшильдовским управляющим, а позже — ряд менее значительных поселений. Благодаря финансовой помощи Темкина началось возрождение Гедеры, и к концу 1890-х гг. ее жители наконец сумели добиться хороших урожаев овощей и зерновых. Кроме того, нашлась работа для иммигрантов и в городах, они занимались ремеслами и торговлей. Центром иммиграции стал Яфо, куда каждый месяц сотнями прибывали посланцы *Ховевей Цион*, члены религиозных общин, посредники по продаже земли, торговцы и сельскохозяйственные рабочие. Среди свидетельств и воспоминаний первых репатриантов есть характерные строки переселенцев из Румынии:

“Трудно описать романтическое чувство, надежду, свет и радость, которые наполняли их сердца... когда они пустились в путь в страну своих отцов, чтобы возродить еврейское земледелие. Каждый яркими красками рисовал в воображении картину своего будущего уголья в Эрец-Исраэль... Каждый мечтал о своем

пшеничном поле, огороде и птичнике... В земле, где течет молоко и мед³⁰, конечно же, есть и маслины, и миндаль, и смоквы, и другие экзотические плоды”.

Впрочем, жизнь репатриантов из Румынии, основавших сельскохозяйственную колонию Беэр-Товия, оказалась далеко не идиллической. Спасаясь от малярии, они вскоре оставили это поселение. Так же поступили начинающие земледельцы и в ряде других мест. Стало ясно, что кратковременный рассвет 1890-х гг. покоился на шатком фундаменте. Энтузиазм, с которым Темкин покупал новые участки, не соответствовал его финансовому опыту, в результате чего подскочили цены на землю. У многих новых иммигрантов не хватало денег, чтобы купить участки, а те, кто все-таки приобрел их, обычно были не в силах окупить первоначальные затраты. В конце концов “Одесский комитет” направил в Палестину инспекцию. Прибывшая на место комиссия немедленно приостановила деятельность Темкина, и он вернулся в Европу. Однако ущерб уже был нанесен. Разочарование испытывал не только “Одесский комитет”. Тяжесть земледельческого труда в Палестине, губительные эпидемии малярии и дизентерии, а также бесчисленные препоны, чинившиеся османскими властями, все большие ограничения в покупке земли оказались не по силам многим сотням поселенцев. Во второй половине 1890-х гг. пароходы, заходившие в Яфо, принимали на борт больше пассажиров, чем высаживали.

Тем временем, узнав о конфликтах в опекаемых им поселениях, Ротшильд посетил Палестину, приплыв туда на своей яхте в декабре 1898 г. Увиденные им достижения, конечно, произвели на него впечатление. Загорелые, мускулистые поселенцы, которые верхом сопровождали его, по крайней мере, в физическом отношении казались воплощением мечты барона о новом типе энергичных еврейских земледельцев. Но от Ротшильда не ускользнули и симптомы безынициативности еврейского плантаторства, все больше и больше зависящего от наемного арабского труда. Поэтому он известил колонистов, что собирается постепенно сокращать субсидии. Он не отказывал в финансовой помощи, однако теперь эта помощь направлялась только на нужды школ и общественных учреждений. Отныне земледельцы должны были обеспечивать себя сами. Вернувшись в Париж, барон приостановил субсидирование виноградников в Ришон-ле-Ционе. Более того, он формально отказался от личного контроля над поселениями и передал бразды правления Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО)³¹.

30 Земля, текущая молоком и медом — обозначение изобилия и богатства Эрец-Исраэль, заимствованное из Библии. “И сказал Я вам: вы владеете землею их, и вам отдаю в наследие землю, в которой течет молоко и мед” (Левит, 20:24).

31 Еврейское колонизационное общество (ЕКО) — филантропическая организация, основанная финансистом и филантропом бароном де Гиршем в 1891 г. для содействия коло-

Тем не менее, за немногими исключениями, переход на сельскохозяйственное самообеспечение еще долгое время оставался номинальным. Лишь немногие поселенцы могли полагаться исключительно на собственные источники существования. Рассматривая ЕКО как независимый орган управления, Ротшильд в то же время передал ему 14 млн франков из своих средств. Для земледельцев была создана особая система кредита, представители ЕКО (уже не назначавшиеся управляющими) по-прежнему давали агрономические консультации, вели бухгалтерские книги и, несмотря на недовольство барона, нанимали все больше арабских рабочих. Таким образом, все оставалось под контролем “известного благотворителя” — пусть теперь и неофициально. Он раскрыл свое инкогнито в 1901 г., когда оспаривал альтернативные предложения, касавшиеся ферм ЕКО. “Я создал палестинский *ишув*, — настаивал Ротшильд. — Я, и никто другой. Поэтому ни колонисты, ни какие-либо организации не вправе вмешиваться в мои планы и высказывать по этому поводу свои суждения”.

В таком положении *ишув* находился к концу XIX столетия. В Палестине в это время проживало почти 50 тыс. евреев. Большинство из них, однако, было сконцентрировано в четырех “святых городах”, а половина полностью или частично зависела от благотворительной помощи (*халуки*). Сельское население в составе Первой *алии* насчитывало не более 5 тыс. человек, живших в 20 поселениях (почти столько же поселений было заброшено); 15 из них находились на субсидии ЕКО. Каковы бы ни были их достижения, экономически они по-прежнему находились в обременительной зависимости от огромного рынка дешевой арабской рабочей силы. В 1898 г. поля Зихрон-Яакова, где проживало 200 евреев, обрабатывались тысячей арабов. В Ришон-ле-Ционе 38 еврейских колонистов пользовались трудом более чем 300 арабских семей, живших в хижинах, построенных рядом с поселком. Школы в еврейских колониях были в основном французскими — их организовывали ЕКО и Альянс. Сочетание французского образования с нравами, царившими в соседских арабских деревнях, перечеркивало всякую надежду на возникновение самостоятельной еврейской культуры. Кроме того, сколько-нибудь ощутимый рост еврейского населения казался делом отдаленного будущего, поскольку турецкие власти чинили бесчисленные препоны дальнейшей колонизации.

Кризис в самом его начале был замечен Ашером Гинцбергом, одним из руководителей *Ховевей Цион* в России, писавшим под псевдонимом Ахад га-Ам³² — “Один из народа”. Уже в 1889 г. в статье “Не тем путем” Ахад

низации Аргентины евреями-эмигрантами из Восточной Европы; впоследствии общество оказывало помощь евреям и в других странах, в т. ч. в России и Эрец-Исраэль.

32 Ахад га-Ам (Гинцберг Ашер-Гирш; 1856–1927) — еврейский публицист и философ, теоретик “культурного сионизма”; призывал превратить Эрец-Исраэль в духовный и культурный центр еврейского народа.

ѓа-Ам предупреждал сионистов, что не стоит искать козла отпущения по поводу неудач в Палестине и не следует возлагать вину на Ротшильда или на *халуку*. Он утверждал, что еврейское движение национального возрождения в Европе само по себе не способно обеспечить крупное начинание по колонизации Святой земли. Когда два года спустя Ахад ѓа-Ам побывал в Палестине, худшие его опасения подтвердились: *ишув* был проникнут ощущением безнадежности. После этого писатель гневно выступил против “обанкротившейся” политики колонизации “в час по чайной ложке”. Во время своей второй поездки в 1893 г. Ахад ѓа-Ам был возмущен, в частности, тем, что не мог сойти на берег Яфо, пока не дал взятку турецким чиновникам, и тем, что не получил разрешения на посещение Иерусалима (хотя два года спустя ему удалось туда попасть). Ахад ѓа-Ам настаивал на том, что необходимо мобилизовать западных евреев и с их помощью организовать международное общество по созданию *ишува*. Только такая организация сможет добиться от османских властей разрешения на иммиграцию, а затем сумеет купить и подготовить земли для “систематической и упорядоченной колонизации”.

В этом, без сомнения, выразилась вся ирония еврейской истории. Ахад ѓа-Аму суждено было стать самым влиятельным представителем “культурного сионизма” (в противовес “сионизму политическому”), а впоследствии — суровым критиком тех, кто делал основную ставку на создание самостоятельного еврейского национального очага в Палестине. Тем не менее он был первым, кто указал на уязвимость *ишува* и опасность его вырождения, поднял свой голос, обращаясь к глубинам еврейской традиции, и тем самым стал предтечей Теодора Герцля, достигшего вершины сионистского провидения.

Глава III.

Герцль и возникновение политического сионизма

Безукоризненный европеец

2 июня 1895 г. барон Морис де Гирш принял посетителя в гостиной своего парижского особняка. Бельгийский еврей, инициатор строительства Трансбалканской железной дороги, де Гирш был одним из выдающихся финансистов своего времени и заметной фигурой в области еврейской филантропии. Десятью годами раньше он вложил миллионы франков в план массового переселения русских евреев в Аргентину. Но эксперимент не удался. Менее 3 тыс. человек согласились на переезд, так что к началу XX в. в Аргентине проживало, вероятно, всего 7 тыс. еврейских иммигрантов. Тем не менее бельгийский миллионер упорно продолжал передавать значительные суммы на нужды беженцев в Европе и Латинской Америке. Его щедрость и финансовая сметка вызывали глубочайшее уважение и у евреев, и у христиан. И вот 24 мая 1895 г. он получил с утренней почтой письмо, в котором его просили о встрече. Автором письма был Теодор Герцль, писатель и журналист, имевший международную известность; составлено оно было с чувством собственного достоинства, явно отличаясь от тех льстивых прошений, которыми обычно был завален рабочий стол барона. “Все, что Вы делали до сих пор, было столь же великодушным, сколь и ошибочным. Столь же дорого стоящим, сколько и бесполезным. До сих пор Вы оставались только филантропом... Я покажу Вам, как Вы можете стать кем-то большим”. Раздосадованный и заинтригованный одновременно, де Гирш согласился на встречу.

В гостиную барона вошел посетитель необычной, запоминающейся наружности — горящие темные глаза, правильные черты лица, густая “ассирийская” борода. Держался он с подчеркнутым аристократизмом. Менторский тон, в котором гость изложил свое дело де Гиршу, граничил с вызовом.

“Вы подкармливаете нищих, — спокойно произнес Герцль, обращаясь к барону. — До тех пор пока евреи будут праздно существовать за счет благотворительных фондов, они останутся немощными трусами”. Евреям необходимо, продолжал он, политическое воспитание, чтобы они сумели добиться самообеспечения, а потом и самоуправления на своей собственной земле. Но когда Герцль стал развивать эту тему, раздраженный и возмущенный де Гирш перебил его, и завязался горячий спор. Этот спор вскоре закончился тем, что собеседники начали кричать друг на друга. На следующий день во втором письме Герцль повторил свои возражения против финансовой программы де Гирша: “Известно ли Вам, что Вы избрали чудовищно реакционную политику, она хуже политики самого деспотичного из самодержцев! К счастью, не в Ваших силах воплотить ее в жизнь”. Де Гирш не удостоил это письмо ответа.

“Что представляет собой этот Герцль, — спрашивал он позже у главного раввина Парижа Цадока Кана, — если он позволяет себе высказывания, находящиеся в таком противоречии с принципами европейского образа мышления и с основной традицией Синагрии в жизни западного еврейства?”

Однако Герцль был абсолютным европейцем. Он родился в 1860 г. в Будапеште в семье богатого банкира, прекрасно учился, чтобы получить все преимущества австро-венгерского гражданства. Его родители сохраняли лишь номинальную связь с иудаизмом: посещали “либеральную” (реформистскую) синагогу¹ и отмечали главные еврейские праздники. Теодор Герцль прошел обряд *бар-мицвы*² и даже учился в школе еврейской общины. Однако и сам он, и его семья желали, чтобы Теодор проявил себя на поприще немецкой культуры. Он поступил на юридический факультет Венского университета, а затем, став доктором юриспруденции в 1884 г., служил в судах Вены и Зальцбурга. Однако все свободное время он посвящал литературной работе — писал пьесы и эссе и меньше чем через год вообще ушел со службы.

Любимым жанром Герцля был фельетон — комментарий к злободневным событиям общественной и культурной жизни. Вскоре к нему пришел успех. Безукоризненное изящество и легкость стиля, присущие Герцлю, заслужили признание читателей. В 1887 г. он короткое время был редактором отдела фельетона в газете “Винер альгемайне цайтунг”, затем занимал различные ответственные посты в редакциях, а через четыре года получил лестное приглашение работать парижским корреспондентом ведущей австрийской газеты “Нойе фрайе пресе”. К этому времени ему исполнился трид-

1 Реформизм — движение за пересмотр, либерализацию законов и обрядов иудаизма. Возникло в начале XIX в. в Германии, со второй половины XIX в. развивается в основном в США.

2 *Бар-мицва* (ивр. “сын заповеди”) — обряд, который совершается по достижении еврейским мальчиком 13 лет и одного дня; с этого момента он считается взрослым и принимает на себя обязательство соблюдать все заповеди иудаизма.

цать один год. Герцль, несомненно, сделал блестящую профессиональную карьеру. Но его личная жизнь сложилась не слишком удачно. Его красивая и богатая жена Юлия Нашауэр отличалась нервной неуравновешенностью. После того как у четы Герцлей родилось двое детей, Юлия почти все время находилась в истерическом состоянии, которое, возможно, только усугублялось вмешательством любящей матери Теодора. Супруги все чаще жили врозь, а после рождения третьего ребенка фактически расстались.

В это время Герцля все больше начинал тревожить еврейский вопрос. В университетские годы он усвоил модную тогда либеральную точку зрения, согласно которой религиозные и расовые предрассудки в конце концов исчезнут благодаря просвещению. Этому убеждению он придерживался довольно долго. Более того, он разделял некоторое пренебрежение ассимилированных евреев по отношению к “не тем” евреям. Однако рост националистического антисемитизма сказывался все сильнее, особенно в сочинениях Евгения Дюринга и Эдуарда Дрюмона³. Карл Луегер, христианский социалист и кандидат в мэры Вены, использовал юдофобию в политических целях. Наконец, в 1891 г. друг Теодора Генрих Кана покончил с собой, вероятно, под влиянием депрессии, вызванной столкновениями с юдофобией, и это потрясло Герцля. Юношеский оптимизм исчез без следа. Начиная с 1892 г. в своих корреспонденциях из Парижа он все чаще останавливается на антисемитизме в столице Франции. Одновременно он пытается найти лекарство от этой злокачественной социальной болезни. Как возможное решение он обдумывает “добровольный и почетный переход” еврейских масс в христианство. В этих заметках Герцль пытается представить себе это событие — оно происходит “при свете дня, в воскресный полдень. Торжественная праздничная процессия под колокольный перезвон [шествует] гордо и с достоинством...”.

Герцль вскоре отказался от этой идеи. Столь же быстро отверг он и про-тосионистский вариант, с которым познакомился, читая роман Дюма-сына “Жена Клода”. Герцлю было ясно, что ожидать перемены в отношении народов Европы к евреям — значит тешить себя иллюзиями. В ноябре 1894 г.

3 Дюринг Евгений (1833–1921) — немецкий философ, занимался политэкономией и вопросами права. Ему принадлежит антисемитская работа “Еврейский вопрос как расовый и культурный вопрос”. Один из основных теоретиков расового антисемитизма. Дрюмон Эдуард-Адольф (1844–1917) — французский журналист, основатель антисемитской партии. В 1886 г. была опубликована книга Дрюмона “Еврейская Франция”, выдержавшая за короткий срок около 100 изданий. Автор утверждал, что евреи, как представители низшей расы, стремятся погубить Францию. В 1889 г. он основал “Национальную антисемитскую лигу” во Франции, а в 1891 г. — газету “Либр Пароль”. Он развил бурную антисемитскую деятельность во время дела Дрейфуса (см. примечание на с. 63). В 1898 г. был избран в парламент, где организовал парламентскую антисемитскую группу, насчитывавшую 18 депутатов.

он написал пьесу “Новое гетто” — первое его крупное литературное произведение, посвященное исключительно еврейскому вопросу. Главным героем ее был высоконравственный еврей-юрист, доктор Якоб Самуэль, нанятый аристократом-христианином в качестве адвоката угольной компании. После того как шахту затопило водой и компания разорилась, ее владелец оскорбил Самуэля. Последовала дуэль, во время которой адвокат был смертельно ранен. Умирая, он воскликнул: “Евреи, братья мои, вы не сможете жить дальше, если не вырветесь из гетто”.

Еще до процесса Дрейфуса⁴ Герцль серьезно задумывался над решением еврейского вопроса, а после ареста и издевательств над Дрейфусом, капитаном французской армии, проблема встала перед ним особенно остро. Герцль писал впоследствии, что, когда он услышал антисемитские призывы толпы, кричавшей “Смерть евреям!”, он пережил критический момент. Впервые с начала своей сознательной жизни он стал посещать синагогу и задумал роман на еврейскую тему, в котором собирался изобразить возрождение Земли обетованной народом-мучеником. Видимо, зимой или весной 1895 г. он направил письмо Морису де Гиршу, а девять дней спустя отправился на встречу с бароном-филантропом, окончившуюся перебранкой.

“Еврейское государство”

Столкновение с де Гиршем не обескуражило Герцля, оно побудило журналиста энергично взяться за формулировку новой сионистской идеи. Через несколько дней он начал записывать свои мысли о еврейском вопросе:

“В течение некоторого времени я был занят работой чрезвычайной важности... Она предстает передо мной как некое величественное видение. Дни и недели прошли, прежде чем это видение завладело мною целиком, проникло в мое внутреннее “я”, оно со мною повсюду, оно сопровождает любой прозаический разговор... оно тревожит и опьяняет меня. К чему это приведет, пока невозможно даже представить. Но мой опыт говорит, что, даже оставаясь мечтой, видение это великолепно и я должен доверить его бумаге. Название — “Земля обетованная””.

4 Дрейфус Альфред (1859–1935) — офицер французского Генерального штаба, еврей. В 1894 г. был привлечен к суду по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии. Дело Дрейфуса, вызвавшее крупнейший политический кризис во Франции, расколовший страну на два лагеря: дрейфусаров и антрирейфусаров, сопровождавшееся чудовищной антисемитской пропагандой и еврейскими погромами и поставившее страну на грань гражданской войны, закончилось в 1906 г. полным оправданием подсудимого.

Так начинается удивительный дневник Герцля. На протяжении последующих девяти лет своей сионистской деятельности, почти до самой смерти, он продолжал методически делать записи. Дневник этот представляет собой выдающееся литературное произведение. На первых страницах описывается то видение, под магнетическим действием которого потрясенный автор находился постоянно — “когда шел по улице, стоял, лежал ночью в постели, сидел за столом”. “Прежде всего, я должен владеть собой, — писал Герцль. — Мне кажется, что для меня кончилась жизнь и началась мировая история... Еврейское государство необходимо всему миру”. Одна из ранних “глав” дневника была названа “Обращение к Ротшильдам”. Герцль намеревался огласить его перед собравшейся на совет банкирской семьей и, если понадобится, позднее сделать основой книги.

Между тем в июле 1895 г. Герцль убедил владельцев “Нойе фрайе прессе” назначить его редактором отдела фельетонов, что позволило ему вернуться домой и заняться сионистскими делами. Уже в августе он встретился с главным раввином Вены д-ром Морицем Гюдеманом и прочел ему “Обращение к Ротшильдам”. Раввин предложил опубликовать его, и Герцль обсудил это предложение со своим другом д-ром Максом Нордау⁵. Крепыш с густой бородой, Нордау был на одиннадцать лет старше Герцля. Он получил медицинское образование, но затем приобрел литературную известность как автор множества книг, обличающих пороки и лицемерие тогдашнего европейского общества. Кроме того, большую часть жизни Нордау считал себя космополитом, пока, подобно Герцлю, не столкнулся с делом Дрейфуса. Когда Герцль прочитал ему “Обращение”, Нордау пришел в восторг. Он обнял друга и воскликнул: “Если ты сошел с ума, то, значит, вместе со мною! Рассчитывай на меня — я с тобой!” С этого момента Нордау стал ближайшим соратником Герцля.

Тогда же Нордау предложил Герцлю посетить своего близкого друга Израэля Зангвила⁶, выдающегося англо-еврейского романиста, человека, пользовавшегося большим авторитетом у евреев Великобритании. Знакомство с Зангвилем могло принести существенную пользу. Герцль согласился и отправился в Лондон, где встретился с Зангвилем в ноябре 1895 г. Писатель с

5 Нордау Макс (псевдоним, настоящее имя Меир-Симха Зюдфельд; 1849–1923) — философ, писатель и общественный деятель, один из основателей Всемирной сионистской организации. Основной создатель Базельской программы сионистов; вице-председатель первых шести Сионистских конгрессов и председатель четырех последующих — с седьмого по десятый.

6 Зангвил Израэль (1864–1926) — еврейский писатель, публицист, общественный деятель. Его романы “Дети гетто” (1892) и “Повелитель нищих” (1894) посвящены жизни евреев в Англии — в современности и в прошлом. Принимал активное участие в деятельности Всемирной сионистской организации. После того как угандийский проект Т. Герцля был отвергнут Седьмым Сионистским конгрессом, вышел из Сионистской организации и основал Еврейское территориальное общество.

уважением выслушал своего гостя и даже ввел его в общество *Макаби*, объединявшее влиятельных евреев Англии. “Никому не ведомый венгр, — писал впоследствии Зангвил, — как с неба свалился и представил слушателям первый вариант своего плана на выразительной смеси немецкого, французского и английского”. Идеи Герцля были приняты доброжелательно, хотя в целом их никто не поддержал. Тем не менее Герцль был вдохновлен результатами поездки и, вернувшись в Вену, принялся сокращать и редактировать материалы “Обращения к Ротшильдам”, пока не придал им строгую форму эссе, получившего название “Еврейское государство”.

Название это было вызовом, брошенным в лицо антисемитам и тем ассимилированным западным евреям, которые предпочитали употреблять такие эвфемизмы, как “иудей”. Подзаголовок “Опыт современного решения еврейского вопроса” звучал не менее определенно. В предисловии Герцль заявил:

“Мысль, которую я хочу изложить в этом сочинении, уже очень стара. Я говорю о восстановлении еврейского государства.. Я только начерчиваю колесики и зубчики для постройки машины исключительно в той надежде, что найдутся лучшие механики, чем я, которые.. исполнят это дело лучше моего.. Еврейское государство — это мировая потребность, и, следовательно, оно будет создано”.

Первая глава начиналась с категорического утверждения, что ненависть к евреям — неустранимое жизненное явление, от которого нельзя избавиться по чьей-либо воле. Еврейский вопрос, собственно говоря, не является ни социальным, ни религиозным. “Это национальный вопрос, и, чтобы решить его, мы должны в первую очередь превратить его в проблему мировой политики, решение которой может быть достигнуто лишь сообществом цивилизованных народов”.

Далее Герцль развивал свой основной тезис. “Мы народ — единый народ, — утверждал он. — Повсюду мы искренне пытались слиться с теми национальными сообществами, среди которых мы живем, стремясь лишь сохранить веру своих отцов. Но нам этого не позволяли”. Осталось единственное решение — исход, возвращение евреев, живущих по всему миру в рассеянии, на их собственную землю. “Основу даст политический принцип, средства предоставит техника, а движущей силой станет еврейская трагедия”. Герцль полагал, что Европа окажет содействие еврейскому исходу. “В обществе на оставленные евреями места придут христиане. Отток будет постепенным, спокойным и с самого начала приведет к прекращению антисемитизма”. Основная часть сочинения представляла собой подробное обсуждение реализации исхода и переселения евреев. Необходимо было, утверждал Герцль, раз и навсегда покончить с принципом “постепенного еврейского проникновения”, который в то время осуществлялся в Аргентине и Палестине. Сначала требуется меж-

дународное признание за евреями права на массовое переселение. В качестве места пригодны и Аргентина, и Палестина, хотя логично остановить выбор на Палестине, “нашей незабвенной исторической родине”.

Следует создать две организации — “Еврейское общество” и “Еврейскую компанию”. “Общество” будет законным представителем самой идеи, а “Компания” будет представлять собой фонд с долевым капиталом в 50 млн фунтов стерлингов, предоставленных “крупными еврейскими финансистами”. Если это не удастся, придется организовать массовый сбор денежных пожертвований. На эмиграцию, бесспорно, уйдут десятилетия. Однако, создавая собственное государство, евреи начнут строить его на основе новейших научных, технических и социальных принципов. Так, например, будет поощряться частная инициатива, но лишь если она одновременно послужит общественным интересам. Женщины будут пользоваться равными с мужчинами правами. В области культуры планы Герцля были менее определенными. Он практически оставил без внимания проблему национального языка и только мимоходом заметил, что им едва ли станет иврит или идиш. Может быть, он представлял себе некую языковую федерацию по типу швейцарской. В любом случае, главным для него было не это, а эмиграция и создание еврейской нации. А для этого необходима была пропаганда среди масс.

“Эта идея должна сиять так, чтобы достигнуть самых нищих еврейских лачуг. Наш народ пробудится от унылой спячки. И тогда жизнь каждого из нас приобретет новый смысл... Я верю, что великолепная еврейская раса поднимется на земле. Маккавеи восстанут вновь!.. Мы станем, наконец, жить как свободные люди на своей собственной земле и умирать у себя на родине”.

“Еврейское государство” было опубликовано в Вене 14 февраля 1896 г. Вскоре появились английский и французский переводы этой брошюры.

Касаясь вопроса о том, как мог европеизированный, далекий от еврейской традиции человек создать столь поразительное произведение, нелишне напомнить, что Герцль жил в многонациональной и многоязычной империи. Будучи одновременно евреем и австро-венгерским гражданином, он отнюдь не отгораживался от окружающего мира — в отличие от живших в царской России Лилиенблюма и Пинскера. В Австро-Венгрии общество было плюралистичным, здесь не вызывало удивления стремление этнических и национальных меньшинств добиться власти в более широких имперских рамках. Так, например, многие юристы, защищавшие интересы представителей своих народов — чехов, хорватов или словенцев, — сами были полностью германизованы и в языковом, и в культурном отношении. Поэтому не было ничего странного в том, что говорящий по-немецки еврей вроде Герцля, не

имеющий глубоких познаний ни в еврейском языке, ни в еврейской исторической традиции, тем не менее выступал за самобытность евреев. Впрочем, если в австро-венгерской традиции и имелись подобные прецеденты, они начисто отсутствовали у евреев. Предшествующие доктрины их национализма, даже “научный” подход Пинскера, прямо восходили к значительно более глубокому пониманию и связи с еврейской традицией. Герцль же, ничего не зная о Смоленскине и Пинскере, не придавал того значения культурному пробуждению как главной задаче возрождения еврейской нации, которое придавали ему ориентированные на иудаизм восточноевропейские евреи. Напротив, Герцль не делал никакого различия между “настоящими” евреями России и ассимилированными евреями Западной Европы. Его знаменитая фраза “Мы народ — единый народ” отражала универсализм, который мог возникнуть скорее на почве западного гуманизма, чем в изоляции, присущей религиозному традиционализму российского еврейства.

Сионизм Герцля и в других отношениях был явлением уникальным. Впервые сионистская идея была высказана человеком с широким мировоззрением, талантливым политическим обозревателем и журналистом. “Еврейское государство”, благодаря своей стройной композиции и блестящему стилю автора, сделало сионизм темой, доступной для европейских читателей, университетских профессоров, государственных деятелей — всех тех, кто формировал общественное мнение. Еще важнее то, что Герцль рассматривал возможность решения еврейского вопроса, основываясь не только на принципиальной и перспективной идее еврейской государственности, но и на обращении за содействием к ведущим европейским державам. С самого начала он ввел сионизм в русло международной политики.

От теории к практике. Сионистский конгресс

Несмотря на все перечисленные достоинства, “Еврейское государство” поначалу не вызвало большого восторга. Пресса Центральной Европы, шокированная экстравагантностью идей одного из самых известных ее представителей, посмеивалась над Герцлем, называя его “еврейским Жюлем Верном”. Типичной была реакция газеты “Мюнхенер альгемайне цайтунг”, охарактеризовавшей брошюру Герцля как “фантастическую химеру фельетониста, разум которого помутился от еврейского энтузиазма”. Стефан Цвейг позже вспоминал:

“Когда эта короткая брошюра вышла в свет, я еще учился в гимназии. Но я хорошо помню, как зажиточных еврейских горожан Вены охватило удивление и раз-

дражение. “Что случилось, — брюзжали они, — с этим некогда пронизательным, остроумным и культурным автором? Что за глупость он выдумал и написал? С какой стати нам отправляться в Палестину? Мы говорим по-немецки, а не на иврите. Прекрасная Австрия — наша родина. Разве плохо нам при добром императоре Франце-Иосифе? Разве мы недостаточно зажиточны? Разве нам грозит опасность?.. Почему же он, говоря от имени евреев и поддерживая иудаизм, подбрасывает доводы нашим злейшим врагам и пытается нас изолировать, хотя мы с каждым днем все прочнее сливаемся с миром немецкой культуры?”

Даже главный раввин Гюдеман, в сочувствии которого Герцль не сомневался, теперь изменил точку зрения и опубликовал статью, в которой осуждал происки еврейского национализма.

Однако реакция читателей не сводилась лишь к презрению и возмущению. “Еврейское государство” было горячо воспринято в *Кадиме* — сионистском студенческом обществе Вены, осыпавшем Герцля похвалами и пригласившем его в качестве лектора. Давид Вольфсон⁷, ведущий кельнский сионист, был настолько потрясен брошюрой, что немедленно отправился в Вену, чтобы встретиться с автором. Через Вольфсона Герцль познакомился затем с лидерами немецкой организации *Ховевей Цион*: Хантке, Лёве⁸, Бамбусом и другими. От них он впервые узнал о работах Пинскера и Гесса, а также о мощном процессе сионистского возрождения в Восточной Европе.

Одним из тех, кто весной 1896 г. поспешил познакомиться с Герцлем, был протестантский священник Уильям Хехлер⁹, капеллан британского посольства в Вене. Хехлер принадлежал к той удивительной когорте идеалистов и мистиков, которые были одержимы идеей возвращения мирового

7 Вольфсон Давид (1856–1914) — соратник и друг Герцля, один из видных членов сионистского движения; на Первом Сионистском конгрессе по его предложению были приняты две эмблемы: бело-голубое знамя (впоследствии знамя Государства Израиль) и термин *шекель* (так называлась древнееврейская денежная единица; в настоящее время название денежной единицы в Израиле) для обозначения членских взносов участников движения. После смерти Герцля — один из руководителей Всемирной сионистской организации.

8 Лёве Генрих (1869–1951) — один из пионеров сионистского движения в Германии, исследователь еврейского фольклора. В 1897 г. организовал по поручению Первого Сионистского конгресса Объединение сионистов Германии. В 1933 г. переселился в Эрец-Исраэль.

9 Хехлер Уильям Генри (1845–1931) — христианский сионист. В 1885–1910 гг. — священник в церкви при посольстве Великобритании в Вене. В 1880-х гг. выступал за предоставление убежища российским евреям в Эрец-Исраэль. После публикации книги “Еврейское государство” Т. Герцля стал его ближайшим другом и преданным помощником. Опубликовал книгу “Теодор Герцль. Воспоминания” (1929).

еврейства в Сион. Этому он посвятил книгу “Возрождение евреев в Палестине, заповеданное пророками”. Появление “Еврейского государства” привело англичанина к выводу, что Герцль — новый пророк, посланный Господом, “чтобы исполнить заповеданное”. Впоследствии Хехлер помог Герцлю получить аудиенцию у великого герцога Баденского, дяди германского кайзера. Один из самых либеральных членов императорской семьи, великий герцог сочувственно отнесся к мечте Герцля о еврейском государстве и пообещал обсудить этот вопрос со своим племянником. Герцль вступил в контакт с еще одним представителем христианского мира — погрязшим в долгах польским эмигрантом графом Филиппом Михалем Невлинским, у которого были обширные связи в европейских светских кругах и даже среди членов царствующих домов. Заинтересовавшись сионистской идеей, а еще больше возможными еврейскими субсидиями, Невлинский вызвался на роль официального эмиссара Герцля, прежде всего при османском дворе. 15 июня 1896 г. Герцль и Невлинский отбыли в Стамбул, чтобы получить там аудиенцию у султана Абдул-Хамида II.

Благодаря связям Невлинского и щедрой раздаче подарков Герцль был принят великим визирем и министром иностранных дел. Оба чиновника с интересом отнеслись к неожиданному предложению гостя. План, намеченный в “Еврейском государстве”, заключался в том, что “влиятельные еврейские финансисты” помогут Османской империи избавиться от хронических недугов экономики, а Турция взамен разрешит евреям селиться в Палестине. Об этом предложении было сообщено султану, но оно не произвело на Абдул-Хамида должного впечатления. “Когда мою империю расчленият, — гласил его ответ, — им, может быть, удастся заполучить Палестину даром. Но расчленить можно только ее труп. Пока империя жива, я никогда на это не соглашусь”. Однако Герцль не отчаивался. Для него это означало лишь то, что исполнение его мечты откладывается на время.

После этого он отправился в Лондон — здесь он надеялся организовать “Еврейское общество”. Вновь выступая перед членами *Макаби*, Герцль довольно осторожно охарактеризовал задачу общества: “Получение территории, гарантированное международным правом... для тех евреев, которые не могут ассимилироваться”. Однако Герцля ожидал вежливый отпор — ассимилированные англо-еврейские джентльмены сочли его план слишком радикальным. Он вернулся в Париж. Там 18 июля 1896 г. он наконец добился встречи с бароном Эдмоном де Ротшильдом. Беседа была напряженной. Ротшильд произнес горячий монолог, направленный против идеи еврейской государственности. Когда Герцлю удалось вставить слово и он предложил самому Ротшильду возглавить политическое руководство “движением”, барон наотрез отказался от этой идеи: какой смысл переправлять 150 тысяч нищих в Палестину! “Весь план строился в расчете на вас, —

печально заметил Герцль. — Если вы отказываетесь... придется мне пойти другим путем. Я разверну агитацию, и тогда контролировать массы станет еще труднее”.

Это была не пустая угроза. К этому времени Герцль добился такой популярности, о которой раньше не смел и мечтать. Хотя царская цензура запретила публикацию “Еврейского государства” в России, экземпляры брошюры нелегально переправлялись из Центральной Европы в черту оседлости, где имя Герцля стало легендарным. Хаим Вейцман в своей автобиографии вспоминал:

“Этот призыв прозвучал как гром среди ясного неба... По сути дела, в “Еврейском государстве” не содержалось ни одной новой для нас идеи... Не идеи, а стоящая за ними личность привлекала нас. Эта личность была воплощением смелости, ясности и энергии. Уже тот факт, что к нам обращается европеец, не обремененный нашими предрассудками, был привлекателен сам по себе. Мы были правы, когда инстинктивно ощутили, что “Еврейское государство” явило нам не столько концепцию, сколько историческую личность”.

К Герцлю шел поток телеграмм и благодарственных писем от организаций *Ховевей Цион* в Болгарии, Галиции, России и Палестине; все призывали “нового Моисея”¹⁰ возглавить движение. Более того, когда Герцль возвращался в Вену после первой своей поездки в Стамбул, на вокзале в Софии его встречали сотни поклонников. Его привезли в софийскую синагогу, и там собравшиеся приветствовали его как нового Мессию и пытались целовать ему руки. Во время безуспешной в целом поездки в Лондон Герцля приветствовала возбужденная толпа на митинге, созванном в его честь в Ист-Энде еврейскими эмигрантами из России. “Меня окружает какой-то ореол”, — не без удовольствия отмечал Герцль в своем дневнике. 21 июля 1896 г., через три дня после неудачной беседы с Ротшильдом, он писал Якобу де Хаасу, своему лондонскому “адъютанту”: “Реагировать на эту ситуацию можно одним-единственным способом: надо немедленно организовать еврейские массы”.

Идея проведения “всеобщего сионистского дня”, которая в конечном счете привела к созыву Сионистского конгресса, была предложена Герцлю в январе 1897 г. Вилли Бамбусом и Теодором Злочисти, членами общества *Кадима*. После этого в течение нескольких месяцев продолжались консультации с западноевропейскими сионистами. Съезд австро-венгерских сиони-

10 Моисей (Моше) — в еврейской традиции пророк, вождь, освободитель и законодатель, сплотивший израильские племена в единый народ и выведший его из египетского плена.

стов, собравшийся в Вене в начале марта, высказался за созыв международного конгресса. Однако, когда были разосланы официальные приглашения на конгресс, который должен был состояться в конце августа в Мюнхене, западноевропейское еврейство пришло в ярость. Передовицы в еврейских газетах Германии клеймили предстоящее собрание сионистов как предательство по отношению к немецкому отечеству и угрозу иудаизму. *Ложа Бней Брит*¹¹ в Мюнхене добилась того, что мюнхенская еврейская община отказалась от сотрудничества с Герцлем. Письмо, распространенное исполнительным комитетом Ассоциации раввинов Германии, точно отразило реакцию немецких евреев на сионизм:

“Ассоциация раввинов Германии считает необходимым дать следующие разъяснения:

1. Попытки так называемых сионистов основать еврейское национальное государство в Палестине противоречат мессианским чаяниям иудаизма, содержащимся в Священном Писании и в позднейших источниках.
2. Иудаизм обязывает верующих со всей преданностью служить родине, где они живут, и защищать ее национальные интересы всем сердцем и всеми силами... Как религия, так и патриотизм возлагают на нас обязанность просить всех, кому дорого благополучие иудаизма, оставаться в стороне от вышеназванных сионистских устремлений и особенно от конгресса, проведение которого планируется, несмотря на все предупреждения”.

В конце концов Герцль согласился провести конгресс в швейцарском городе Базеле. Это был единственно возможный компромисс. Аскетичный венский фельетонист преобразился в динамичную деятельную личность. Он отдавал подготовке конгресса все силы, переписывался с сионистскими лидерами Европы, следил за тем, чтобы повестка дня конгресса была доведена до сведения всех крупных еврейских общин, и добивался, чтобы делегатами были избраны только самые выдающиеся их представители. В Базель он выехал заблаговременно, 5 августа, чтобы лично наблюдать за последними этапами подготовки. Вскоре начали прибывать делегации представителей 17 стран, в том числе Соединенных Штатов, Алжира, Палестины, а также государств Западной и Восточной Европы. Всего приехало 204 делегата.

Заседания начались 29 августа в концертном зале Штадт-Казино. Сионистское знамя развевалось перед входом в здание. Все было выдержано в торжественном стиле: Герцль попросил делегатов явиться на конгресс во фраках и белых галстуках. На галерее теснились зрители — евреи и христи-

11 *Бней Брит* (ивр. “Сыны завета”) — одна из наиболее старых и многочисленных еврейских общественных организаций. Основана в Нью-Йорке в 1843 г.

ане. Ведущие газеты Европы прислали на конгресс репортеров — Герцль, несомненно, со всей серьезностью относился к реакции общественного мнения. Когда он поднялся, чтобы произнести обращение к конгрессу, все делегаты встали и приветствовали его овацией, длившейся четверть часа. Бен-Ами¹², один из делегатов из России, был так растроган “великолепным, возвышенным образом, царственным видом и манерами этого человека, его глубоким взглядом, в котором читались спокойное величие и невыразимая печаль”, что чуть было не воскликнул: “Да здравствует царь сей!” Если бы это приветствие дошло до ушей Герцля, оно не вызвало бы у него возражений. Единственный сын любящих родителей, вундеркинд, человек с европейской известностью, ясно сознающий свою красоту, подчеркнутую величественными манерами, Герцль считал роль вождя единственно соответствующей его дарованиям. Если уж ему пришлось вступить в контакт с говорящим на идише восточноевропейским еврейством, то эту роль он готов был принять только в качестве “царя иудейского”. “Мой отец станет первым сенатором еврейского государства”, — писал он в своем дневнике.

Когда аплодисменты наконец смолкли, Герцль заговорил. Начало его речи было так же решительно, как вводные фразы “Еврейского государства”: “Мы собрались здесь, чтобы заложить краеугольный камень здания, которое станет прибежищем еврейского народа”. Далее Герцль отметил, что современные средства сообщения сделали возможным собирание рассеянного по миру еврейства. “Антисемитизм воссоединил нас и укрепил... Наше возвращение к самим себе произошло под его воздействием... Сионизм — это возврат к еврейству еще до возвращения в страну евреев”. Поэтому конгрессу предстоит заняться определением путей “духовного возрождения и воспитания еврейского национального сознания”. Отдав должное восточноевропейской еврейской культурной традиции, Герцль, однако, подчеркнул, что самого неотложного внимания требуют практические условия жизни еврейства. Прежние методы постепенной колонизации Палестины, не имеющие опоры в международном праве, более не годятся. Отныне требуется новая, “официальная” организация, которая будет непосредственно заниматься еврейским вопросом — энергично и постоянно.

Обращение прозвучало торжественно и внушительно, но одновременно в нем чувствовались умеренность и сдержанность. Фейерверк риторики Герцль оставил для Нордау, который превосходно справился с задачей. Вкратце коснувшись тяжелого положения восточноевропейских евреев, он

12 Бен-Ами (псевдоним, настоящее имя Марк Рабинович; 1854–1932) — еврейский писатель, писал на русском языке и на идише. Главная тема — жизнь евреев России в черте оседлости.

заговорил о кризисе эмансипации, о социально-политической дилемме, с которой столкнулись евреи Западной Европы, названные Нордау “новыми марранами”¹³. “Великий грех, — провозгласил звенящим голосом Нордау, — позволить народу, способностей которого не отрицают даже злейшие его враги, выродиться до интеллектуального и физического убожества... Еврейство в отчаянном положении и взывает о помощи. Главная задача конгресса — установить, как можно помочь”.

В ходе конгресса Герцль, накопивший большой опыт за время репортерской работы во французском парламенте, умело председательствовал и руководил дискуссией. Следуя заранее подготовленной повестке дня, он предоставлял слово представителям разных стран для докладов о положении евреев — лишь делегаты от России хранили молчание. Затем Нордау предложил программу, которая была заблаговременно разработана комиссией подготовительного совещания. Чтобы не вызывать возражений Турции, юристы комиссии осторожно определили цель сионизма как создание в Палестине “обеспеченного публичным правом убежища для еврейского народа”. Для достижения этой цели конгресс постановил: поощрять поселение в Палестине еврейских земледельцев, рабочих и ремесленников; объединять еврейство в сионистские группы; укреплять еврейское национальное самосознание; вести дипломатическую деятельность с тем, чтобы заручиться поддержкой правительств разных стран.

Затем конгресс принял постановление о создании Сионистской организации. Исполнительными органами Сионистской организации стали Большой исполнительный комитет, названный позже просто Исполнительным комитетом, составленный из представителей национальных сионистских федераций, и Малый исполнительный комитет, ставший позже Правлением, все члены которого жили в Вене. Членом Сионистской организации мог быть всякий, кто принимал Базельскую программу и платил ежегодный взнос в размере *шекеля*, приравненного к австро-венгерскому шиллингу. Герцль был единогласно избран председателем Сионистской организации. Трехдневная дискуссия была завершена пением еврейского гимна *Га-Тиква* — “Надежда”, написанного Нафтали-Герцем Имбером¹⁴, и единодушным выражением благодарности Герцлю. После этого присутствующие в общем порыве поднялись и со слезами заключили друг друга в объятия. Под бурные аплодисменты молодые делегаты на руках пронесли Герцля че-

13 Марраны — евреи, подвергшиеся насильственному крещению в Испании и Португалии, и их потомки, втайне сохранявшие верность иудаизму полностью или частично.

14 Имбер Нафтали-Герц (1856–1909) — еврейский поэт, писавший на иврите. В 1882 г. прибыл в Эрец-Исраэль в качестве секретаря Л. Олифанта (см. примечание на с. 41), там им было написано стихотворение *Га-Тиква*, ставшее гимном сионистского движения, а с 1948 г. — государственным гимном Израиля.

рез зал. Впоследствии он писал в своем дневнике: “Если бы я хотел в одной фразе подвести итоги Базельского конгресса, я, не предавая этого огласке, сказал бы: в Базеле я основал еврейское государство”.

Вероятно, самым ценным опытом Герцля, приобретенным во время конгресса, было первое близкое знакомство с представителями восточно-европейского еврейства. Такой мощи Герцль не ожидал увидеть. Делегаты из России оказались не невежественными попрошайками, какими он их представлял себе, а блестящими знатоками европейских языков, юристами, врачами и учеными. На Герцля произвела впечатление их нравственная сила. “У них есть то внутреннее единство, которое утратили западные евреи”, — признавал он в своем дневнике. Конгресс в большей мере, чем это мог предвидеть Герцль, дал мощный импульс сионистской пропаганде во всем мире. Помимо уже существовавших групп *Ховевей Цион*, возникли еще сотни обществ, влившихся в Сионистскую организацию. Сионизм и антисионизм — вот что стало злобой дня в глазах еврейства, вдохнуло новую жизнь в деятельность общин.

Сионистская организация стала воплощением “Еврейского общества”, задуманного Герцлем. Теперь он намеревался создать “Еврейскую компанию” — банк, который должен был получить название “Еврейского колониального банка”. Сперва Герцль рассчитывал учредить этот банк с долевым капиталом в 2 млн фунтов стерлингов в Лондоне. Однако выяснилось, что отнюдь не все богатые евреи собираются жертвовать деньги для банка, и вскоре стало очевидно, что жизненно важная, но тяжелая задача финансового обеспечения грозит растянуться на много лет и что именно она может стать камнем преткновения для сионистского движения¹⁵. Герцля это не испугало. Количество членов Сионистской организации постоянно росло. В августе 1898 г. в Базеле состоялся Второй Сионистский конгресс, на котором присутствовало уже 349 делегатов. При этом делегация от России (включая живописных горских евреев Кавказа в сапогах и черкесках) увеличилась вдвое. Среди новых делегатов были и те, кто впоследствии выдвинулся в руководство движения: Хаим Вейцман, Нахум Соколов¹⁶, профессор Колумбийского университета Ричард Готтхейль и молодой реформистский раввин из США Стивен Вайз¹⁷. Англию представляли

15 Еврейский колониальный банк — финансовый орган Сионистской организации — был основан в Лондоне в марте 1899 г. В 1902 г. создана дочерняя компания банка — Англо-Палестинское общество (позже — Англо-Палестинский банк).

16 Соколов Нахум (1859–1936) — один из учредителей периодических печатных изданий на иврите в Российской империи, писатель, журналист; известный деятель сионистского движения, в 1931–1935 гг. — президент Всемирной сионистской организации.

17 Вайз Стивен Сэмюэл (1874–1949) — реформистский раввин и сионистский деятель. В 1897 г. создал Нью-Йоркскую федерацию сионистских обществ, в 1898 г. —

главный раввин Мозес Гастер, Норман Бентвич¹⁸ и Леопольд Гринберг. Это был представительный форум. Герцль находился в приподнятом настроении. На Втором конгрессе были сделаны подробные сообщения не только о положении евреев диаспоры, но и о палестинском еврействе. Лео Моцкин, которого Сионистская организация направила в Палестину, выступил с предупреждением, что при действующих юридических ограничениях массовое переселение в Святую землю невозможно. С другой стороны, по мнению Герцля, о постепенном переселении малочисленных групп также не могло быть речи — такой подход был несовместим с поставленной им задачей. Поэтому конгресс одобрил третий вариант: стремиться к упрочению палестинского *ишува* путем колонизации и развития его экономики и одновременно предпринимать все возможные дипломатические усилия, чтобы получить “чартер” — разрешение на переселение евреев в Святую землю.

Кайзер и султан

Герцлю не нужно было лишней раз напоминать о важности “чартера”. Он не переставал думать об этом, даже когда был занят подготовкой к конгрессам. “Чартер” как инструмент государственной политики широко использовался уже почти три столетия; с его помощью создавались целые государства, в том числе американские колонии.

В 1890-х гг. была проведена железная дорога Берлин — Багдад, немецкие банки осуществили значительные вложения в экономику Турции, и Османская империя постепенно начала втягиваться в сферу немецкого влияния. Герцль понимал, что турецкое правительство благоприятно отнесется

Федерацию американских сионистов. В 1936–1938 гг. — президент Американской сионистской организации; в 1936 г. основал Всемирный еврейский конгресс. Принимал активное участие в борьбе с нацизмом и организации помощи его жертвам.

18 Гастер Мозес (Моше; 1856–1939) — раввин, филолог. В 1885 г. за протест против преследований евреев в Румынии был изгнан из страны и поселился в Великобритании. Преподавал славянскую литературу в Оксфордском университете; сопровождал Л. Олифанта в поездке в Эрец-Исраэль (1879). Один из организаторов первых поселений румынских евреев в Эрец-Исраэль — Рош-Пины и Зихрон-Яакова. Был президентом Сионистской федерации Англии.

Бентвич Норман де Маттос (1883–1971) — английский сионист, юрист. В 1920–1931 гг. — генеральный прокурор британской мандатной администрации в Палестине, в 1932–1951 гг. — профессор факультета международных отношений в Иерусалимском университете, в 1933–1936 гг. — глава комиссии Лиги Наций по проблеме еврейских беженцев из Германии.

к “чартеру” на сионистское переселение в Палестину при условии, что кайзер Вильгельм II окажет на него необходимое воздействие. Герцль обдумал и то, чем можно заинтересовать кайзера. Как он объяснил великому герцогу Баденскому, руководство сионистского движения состояло из немецкоязычных евреев, языком их конгрессов также был немецкий, и, безусловно, сионизм поможет трансплантировать элементы немецкой культуры на Восток. “Нам нужен протекторат, — многозначительно заметил Герцль, — и лучше всего — германский”. В сентябре 1898 г. Герцля принял посол Германии в Вене граф Филипп Эйленбург, друг и доверенное лицо кайзера. План сионистов произвел впечатление на посла, и на следующий день он устроил Герцлю встречу с князем Бернхардом фон Бюловом, министром иностранных дел (а впоследствии канцлером) Германии, который в это время находился в австрийской столице. Беседа эта, правда, оказалась безрезультатной — Бюлов остался равнодушен к идее Герцля.

Затем в октябре Эйленбург неожиданно известил Герцля, что кайзер согласен дать ему аудиенцию во время своего предстоящего визита в Стамбул. Герцль был растерян. У него все еще не было банка — финансового органа, который он считал абсолютно необходимым как для ведения переговоров, так и для колонизации. В последующие недели ему так и не удалось заручиться гарантией дополнительных фондов в Лондоне. Однако Эйленбург уговаривал Герцля не откладывать дело из-за финансовых затруднений и уверял, что кайзера уже удалось заинтересовать его идеей. “Чудесно! Чудесно! — записывал в дневнике Герцль. — Вмешательство Германии и протекторат обеспечены”. 13 октября он выехал поездом в Стамбул в сопровождении Давида Вольфсона и еще двух немецких сионистов. В столице Турции пришлось прождать несколько дней. Туркам ничего не сообщили об этой встрече, и 18 октября аудиенция состоялась в резиденции, где разместились кайзер и фон Бюлов.

К этому времени лидер сионистов почувствовал себя увереннее. Он знал, что слабое место Вильгельма — тщеславие. “Я оделся весьма тщательно, — писал впоследствии Герцль. — Особенно удачно были подобраны перчатки изысканного серого оттенка”. Манеры Герцля, его аристократическая осанка и красноречие, безусловно, произвели впечатление на германского императора. Во время часовой беседы Вильгельм дал понять, что его интерес к сионизму имеет в некоторой степени антисемитский характер. “В среде вашего народа есть люди, которым было бы очень хорошо отправиться в Палестину”, — изрек кайзер. На это Герцль ответил, что от враждебных предрассудков всегда страдают лучшие, а не худшие евреи. Тут Бюлов, присутствовавший при встрече, заговорил о том, что евреи участвуют в революционных партиях. Но Герцль пояснил, что благодаря сионизму это участие сойдет на нет. Затем он изложил свой план “чартера” для поселения евреев в Палестине

и подчеркнул те выгоды, которые принесет германский протекторат самой Германии и Турции. Кайзер с пониманием отнесся к такому подходу и сказал, что поговорит об этом с султаном. “Оставьте ваш адрес фон Бюлову, — сказал император в заключение беседы. — Мы с Бюловым обсудим ваш план. Только скажите вкратце, что именно мне следует предложить султану”. ““Чартер”, разрешающий создать компанию под германским покровительством”, — ответил Герцль. “Хорошо”, — кивнул кайзер, пожал Герцлю руку и удалился.

12 ноября Герцлю снова была назначена аудиенция у императора. Встреча состоялась неподалеку от Иерусалима. Герцль воспользовался случаем и огласил обращение, написанное им и его товарищами по пути в Палестину. На этот раз, чтобы избежать враждебной реакции турок, в документе говорилось не о “чартере”, а просто о “земельной компании” для поселения евреев под германским покровительством. Однако на этот раз кайзер проявил заметную сдержанность. Он ограничился похвалой тем еврейским поселениям, которые успел увидеть. Ирригация в Палестине потребует больших денег, заметил император, но у евреев денег хватает. Последовал обмен любезностями, и на этом аудиенция закончилась. Несколько дней спустя по пути в Европу Герцль прочел официальное немецкое коммюнике о посещении кайзером Палестины. Оно было подчеркнуто нейтральным и сообщало только, что Вильгельм II проявил “благодарный интерес” к сельскому хозяйству Палестины и процветанию Османской империи.

Герцль понимал объективные причины, которые помешали Вильгельму обсудить сложную проблему сионистского протектората с Абдул-Хамидом. Он предполагал, что Бюлов должен был указать на опасность такой попытки. Герцль был прав: сопротивление исходило от министра иностранных дел. Много лет спустя в своих мемуарах Бюлов отрицал даже самый факт аудиенции, данной сионистам:

“Сперва Вильгельм II с энтузиазмом отнесся к сионистской идее, поскольку он надеялся таким образом избавить свою страну от многих нежелательных элементов (т. е. евреев-радикалов. — *Прим. автора*). Тем не менее, когда турецкий посол в Берлине, сопровождавший нас в... поездке, довел до нашего сведения, что султан отрицательно относится к идее сионизма и независимого еврейского государства, кайзер отказался принять сторонников сионизма в Палестине”.

Своим друзьям Бюлов говорил, что богатые евреи более или менее равнодушны к сионизму, а с “пархатыми польскими жидами” он не желает иметь никакого дела. Тем не менее в последующие месяцы Герцль прилагал все старания, чтобы возобновить прерванные отношения, посетил Эйленбурга и великого герцога Баденского. Выраженное ими сочувствие было единственным результатом.

Для Герцля наступила мрачная пора. Он опасался, что теперь, после поездки на Восток, на него будут смотреть как на фантазера или — хуже того — как на авантюриста. Впрочем, возобновив сионистскую деятельность — уже без прежних своих мистических взлетов, — он остался верен дипломатическому пути. На этот раз Герцль возлагал свои надежды на султана. 30 марта 1899 г. он, потратив немало собственных денег, послал Невлинского в Стамбул, чтобы добиться там аудиенции у турецкого владыки. Через три дня Невлинский неожиданно умер. Герцль был потрясен, но от своих намерений не отказался. На Третьем Сионистском конгрессе, собравшемся в августе, он подтвердил, что непосредственная цель сионистской политики — получение “чартера” на поселение в Палестине — осталась прежней. Затем он попросил Нордау, профессора Готтхейля из Нью-Йорка и Макса Боденхеймера¹⁹, немецкого юриста, сопровождавшего его в поездке в Османскую империю, подготовить проект “чартера”. В то же время, пытаясь добиться встречи с султаном, Герцль израсходовал немало личных средств для подкупа турецких чиновников в Европе.

Несмотря на эти усилия, среди сионистов, особенно среди восточно-европейских евреев, зрело недовольство дипломатией Герцля. Шли годы; положение евреев в России и Румынии становилось невыносимым, многотысячный поток искавших спасения беженцев затопил Центральную и Западную Европу. Неудивительно, что на Четвертом Сионистском конгрессе, собравшемся в августе 1900 г. в Лондоне, царили уныние и растерянность. Кроме того, издатели “Нойе фрайе прессе” были недовольны тем, что Герцль пренебрегает своими журналистскими обязанностями. Состояние его, расходуемое на сионистские цели, стремительно таяло. “Ветер задул над жнивьем, — записал Герцль в своем дневнике 30 января 1901 г. — Я чувствую, что осень моя близка. Впереди — угроза оставить мир, не достигнув цели, а детей — без наследства”.

Летом 1900 г. Герцль обратил внимание на возможного посредника при контактах с султаном — семидесятилетнего венгерского еврея Арминуса Вамбери²⁰. Выступая в разное время как исследователь, путешественник и

19 Боденхеймер Макс-Исидор (1865–1940) — ближайший соратник Герцля, один из основателей Всемирной сионистской организации. В 1907–1914 гг. был директором Еврейского национального фонда.

20 Вамбери Арминус (1832–1913) — путешественник и специалист по Востоку. Родился в ортодоксальной еврейской семье в Венгрии. Полиглот, изучивший самостоятельно основные европейские языки, а также арабский, турецкий и персидский. Переехал в Стамбул, принял ислам и поступил на службу в Министерство иностранных дел Турции. Совершил ряд путешествий в азиатские страны и написал несколько книг, в том числе “Путешествия и приключения в Центральной Азии”. Перешел в протестантизм и стал профессором на кафедре восточных языков Будапештского университета. Сохранив связи в Турции, он помог Т. Герцлю получить аудиенцию у султана Абдул-Хамида II в 1901 г.

политический агент Англии и Турции, Вамбери занимал в тот момент должность профессора восточных языков в Будапештском университете. За свою жизнь он успел сменить пять вероисповеданий и, будучи евреем по рождению, мало интересовался своим народом. Однако в глазах Герцля имел значение тот факт, что Вамбери был близок к семье султана — эти отношения сложились значительно раньше, когда он был учителем иностранных языков у принцессы Фатимы, любимой сестры Абдул-Хамида. В конце концов, пожившись на испытанный метод щедрого подкупа, Герцль склонил Вамбери на свою сторону. Поначалу, однако, казалось, что эти деньги вложены так же неудачно, как и до этого. Однако 7 мая 1901 г. из Стамбула пришла телеграмма от Вамбери, требовавшего срочного приезда Герцля: султан согласился его принять. Три дня спустя Герцль в сопровождении Вольфсона и Александра Марморека²¹ прибыл в столицу Турции. Теперь он не обольщался надеждами. “И вот через пять лет я снова здесь, — писал он в дневнике, — в том же номере гостиницы “Ройял”, где я останавливался с Невлинским, когда только брался за дело. Я смотрю из окна после стольких перемен и вижу не изменившуюся бухту Золотой Рог. Но красота больше не трогает меня”. Шли дни, турецким чиновникам вновь были розданы взятки. Наконец 17 мая Герцль был принят султаном во время банкета. В дневнике он писал так:

“Он все еще стоит у меня перед глазами, этот повелитель умирающей грабительской Порты, низкорослый, неуклюжий, со скверно выкрашенной бородой... Крючковатый нос полишинеля, желтые зубы с зияющим прогалом в правом верхнем углу рта, феска, нахлобученная на его плешивую голову, торчащие уши... Я по-прежнему вижу его дряхлые руки в плохо натянутых перчатках и не по размеру большие манжеты. Блеющий голос, робкий тон, боязливый взгляд. И этот призрак царствует!”

Султан старался быть любезным, наградил Герцля орденом и без конца подчеркивал свое дружелюбное отношение к евреям.

Герцль, в свою очередь, рассказал султану старинную притчу о мальчике, который спас льва, избавив его от занозы. “Ваше Величество — лев, и, возможно, я смогу помочь вам и извлеку занозу. Такой занозой, — продолжал Герцль, — мне представляется государственный долг Османской империи. Если от него избавиться, к Турции снова вернутся жизненные силы”. Затем лидер сионистов поведал султану, что евреи могут пополнить его казну в обмен на “декларацию решений, благоприятных для еврейства”. Обра-

21 Александр Марморек (1865–1923) — французский бактериолог и сионистский деятель, сыграл выдающуюся роль в создании противотуберкулезной сыворотки. Один из ближайших друзей Т. Герцля и активный участник сионистского движения, глава Сионистской федерации Франции.

дованный султан предложил, чтобы составление заявления было поручено его придворному ювелиру — еврею. На это Герцль с улыбкой ответил, что готов лично подготовить текст декларации. Двухчасовая беседа завершилась уверениями во взаимном уважении. На следующий день Герцль обсудил с великим визирем и министром финансов свой план относительно компенсации государственного долга Турции. Он указал, что еврейский синдикат мог бы в течение трех лет выкупить долговые обязательства Турции. Султан, со своей стороны, должен будет выдать евреям “чартер” на создание земельной компании в Палестине. Затем, предоставив чиновникам обдумывать это предложение, Герцль вернулся в Вену, убежденный в том, что многолетние усилия вот-вот принесут результат.

Действительно, как только известие об аудиенции у Абдул-Хамида стало достоянием гласности, репутация сионистского движения и его лидера существенно укрепилась. Герцль не сомневался в том, что наконец-то сумел добиться условий, которые позволят получить полтора миллиона фунтов, необходимые для уплаты за “чартер”. Но его снова ожидало разочарование. Никто из Ротшильдов не проявил интереса к плану. Семья Монтефиоре в Лондоне тоже осталась безучастной. Хуже того, некоторые из ближайших соратников Герцля, в том числе Нордау, равнодушно отнеслись к обещаниям султана. Денег не давал никто. Герцль был в отчаянии. “Я остался без гроша, — писал он д-ру Максу Мандельштаму 18 августа, — а кучка негодяев, владеющих деньгами, меня даже не выслушала... Это нечто неслыханное! Через 50 лет люди будут плевать на могилы этих скупцов...” Когда 26 декабря 1901 г. в Базеле собрался Пятый Сионистский конгресс, Герцлю оставалось говорить лишь о тех “больших надеждах”, которые вселила в него весенней встреча с султаном.

В то же время он сообщил Абдул-Хамиду, что ведет плодотворные переговоры с коллегами в Париже и Лондоне и вскоре сделает более конкретные предложения. Султан поймал Герцля на слове. 5 февраля 1902 г. он вызвал лидера сионистов в Стамбул, чтобы “получить информацию” о положении дел. Во время встреч с османскими чиновниками в турецкой столице девять дней спустя Герцль попытался выиграть время. Решившись на рискованный шаг, он заявил, что прежде, чем будет получена финансовая компенсация, султан должен проявить добрую волю, дав евреям концессию на создание земельной компании. Великий визирь не принял этого предложения. Самое большое, на что готов был согласиться султан, это заявление о покровительстве евреям-беженцам, рассеянным на территории империи “за исключением Палестины”, от которой Турция не собиралась отказываться. Герцль отверг эту идею. Он объяснил, что европейские евреи, живущие в империи, и так пользуются покровительством западных стран, но им требуется “национальная” гарантия. Визирь воздержался от ответа.

По дороге в Вену Герцль размышлял над предложением Иззат-бея, первого секретаря Абдул-Хамида. Оно заключалось в том, чтобы создать основу для влияния в Турции путем приобретения концессий на разработку полезных ископаемых. “Возьмите наши финансы под свой контроль, — сказал Иззат-бей, — и вы станете хозяевами положения”. Тогда вопрос о “чартере”, возможно, удастся поднять снова. Герцля увлекла эта идея. После некоторой борьбы он добился от сионистского акционерного общества, чтобы оно поместило в турецкие банки кредиты на сумму 3 млн франков. Гарантом выступал Еврейский колониальный банк. Однако эти меры уже позабыли. Когда Герцль вернулся в Стамбул в июле 1902 г. для продолжения переговоров с турецкими чиновниками, он сделал ошеломительное открытие: турки, надеясь получить большой заем у Франции, использовали предложение сионистов как козырь в торговле с французскими финансистами, которых представлял министр иностранных дел Морис Рувье.

Британский вариант

В 1902 г. меланхолия Герцля, вызванная явным провалом многолетних дипломатических усилий, усугубилась напряженной атмосферой в самой Сионистской организации. Едва ли он мог найти утешение в том, что число членов организации во всем мире не слишком быстро, но неуклонно увеличивалось. Утешить его не могло ни культурное возрождение, охватившее восточноевропейское еврейство, ни даже образование скромного по финансовым возможностям Еврейского колониального банка и Еврейского национального фонда²², предназначенного для приобретения земли в Палестине. Все это было проявлением того постепенного развития, которого он надеялся избежать, сделав решающий шаг.

По мере того как все четче формировались идеи сионистского движения, то же происходило с антисионизмом. Ряд выдающихся интеллектуалов из числа представителей немецкого еврейства, в том числе философ Герман Коген²³ и Людвиг Гейгер, видели в сионизме движение “столь же опасное

22 Еврейский национальный фонд — фонд сионистского движения для приобретения и освоения земель в Эрец-Исраэль. Основан в 1901 г. на Пятом Сионистском съезде в Базеле, до 1920 г. был единственным финансовым органом Сионистской организации.

23 Коген Герман (1842–1918) — немецкий философ, основатель одного из главных течений неокантианства, т. н. марбургской школы. Коген отвергал сионизм, усматривая в национальном понимании иудаизма измену мессианскому идеалу.

для германского духа, как социал-демократия и ультрамонтанство”²⁴. В Австрии сионизм поддерживали лишь немногие интеллектуалы, во Франции поддержки не было вообще. В Англии Люсьен Вольф²⁵, секретарь Объединенного комитета по иностранным делам Англо-еврейской ассоциации и *Борд оф Депьютиз*²⁶, рассматривал идеи Герцля как “бессовестное предательство, лишь провоцирующее антисемитизм”. В Соединенных Штатах реакция была столь же отчужденной. Съезд американских реформистских раввинов, собравшийся в Питтсбурге за десять лет до публикации “Еврейского государства”, официально заявлял: “Мы считаем себя не нацией, а лишь религиозной общиной и потому не ожидаем ни возвращения в Палестину... ни восстановления каких бы то ни было законов, относящихся к еврейскому государству”. После Сионистского конгресса реформистские раввины закрепили позицию Герцля как “сиономанию” и исключили тех, кто сочувствовал сионизму, из Союза американских еврейских конгрегаций.

Лишь в контексте этих неудач и растущей активности антиссионистов можно понять изменения, внесенные Герцлем в его тактику. В 1902 г. он был полностью отвергнут палестинской идеей — пожалуй, даже в большей мере, чем во времена написания “Еврейского государства”, поскольку общение с русскими сионистами помогло ему осознать центральную роль Сиона в еврейской традиции. Однако он недооценивал трудности, препятствующие получению “чартера” на поселение в Святой земле. Более того, уже в 1898 г., столкнувшись с тяжелыми условиями жизни евреев в Галиции, Герцль на какое-то время задумался над тем, чтобы “найти для движения реальный территориальный вариант, сохранив цель возвращения к Сиону на будущее”. 1 июля 1898 г. он писал в дневнике: “Может быть, мы можем получить у Англии Кипр. Стоит подумать даже о Южной Африке или Аме-

24 Ультрамонтанство — направление в католицизме, отстаивающее идею неограниченной власти Ватикана и его право вмешиваться в управление государствами.

25 Вольф Люсьен (1857–1930) — английский публицист и историк, основатель и многолетний президент Еврейского исторического общества Великобритании. Решительный противник сионизма.

26 *Борд оф Депьютиз* (The Board of Deputies of British Jews, “Совет депутатов британских евреев”) — головная организация евреев Великобритании, учрежденная в 1760 г., представительный статус которой в 1835 г. был признан правительством Великобритании. Первоначально в *Борд оф Депьютиз* входили лишь представители синагог, и только в XX в. туда были введены представители других организаций. В XIX в. организация добивалась разрешения евреям не работать в субботу, защищала евреев, подвергавшихся гонениям в разных странах. В XX — начале XXI в. *Борд оф Депьютиз* активно борется с проявлениями антисемитизма в разных странах, заботится об укреплении безопасности, благосостояния и статуса Израиля, отстаивает и охраняет интересы, религиозные права и культуру евреев и еврейских общин в Великобритании.

рике в качестве прибежища до того времени, когда распадется Османская империя”. Однако в последующие годы Герцль вел переговоры с немцами и турками, не принимая во внимание этих альтернатив. Между тем в начале 1902 г. английский парламент учредил комиссию для изучения проблемы “угрозы дешевой рабочей силы”, возникшей в результате притока русских евреев в лондонский Ист-Энд. В связи с этим Леопольд Гринберг, журналист и известный английский сионист, понял, что для Герцля появилась возможность выступить перед представительной аудиторией. Благодаря содействию Гринберга, комиссия пригласила Герцля в качестве “эксперта по еврейскому вопросу”. 7 июля Герцль предстал перед членами комиссии, рассказал об ужасающих условиях жизни восточноевропейского еврейства и выразил надежду, что Великобритания и впредь будет предоставлять убежище эмигрантам оттуда. При этом он добавил: “Если вы решите, что они здесь нежелательны, следует найти какое-либо другое место, куда они могли бы переселиться, не вызывая тех проблем, которые встают здесь. Этих проблем можно избежать, если найти для беженцев очаг, который юридически будет признан еврейским”. Таким образом Герцль косвенно упомянул о сионистском решении вопроса.

До выступления перед комиссией Герцль встретился с одним из ее членов — лордом Натаниэлем Ротшильдом²⁷, человеком, поддержка которого была жизненно необходима для создания “земельной компании”. В разговоре Герцль упомянул Синайский полуостров и Кипр как возможные места массового поселения евреев. Ротшильд не возражал. По собственному почину он передал текст речи Герцля Джозефу Чемберлену²⁸, министру колоний Великобритании. Пылкий и энергичный сторонник имперской политики, Чемберлен славился своим умением использовать представителей народов британских колоний в качестве надежной опоры имперской политики. Возможно, и евреи могли бы выступить в этой роли. Он с интересом слушал, когда Герцль не без труда объяснял ему по-английски, что Палестина остается главной целью сионизма, но переговоры о возможности

27 Ротшильд Натаниэль-Майер (1840–1915) — английский финансовый, политический и общественный деятель. В 1865–1885 гг. — член палаты общин, в 1885–1915 гг. — палаты лордов. Много лет был директором Государственного банка Англии. Ротшильд возглавлял Конгрегацию объединенных синагог и считался главой евреев Великобритании. Вел активную кампанию против ограничения иммиграции евреев в Англию. Помог Т. Герцлю в налаживании контактов с британскими государственными деятелями.

28 Чемберлен Джозеф (1836–1914) — государственный деятель Великобритании. Занимал пост министра по делам колоний, два раза встречался с Герцлем и предложил от имени Великобритании территории на Синае, а затем в Уганде для массового поселения евреев. Переговоры Чембрлена с Герцлем были первым официальным признанием Герцля в качестве полномочного представителя еврейского народа со стороны одной из великих держав.

“чартера” затягиваются. “У меня есть время на переговоры, — сказал лидер сионистов, — но его нет у моего народа. Мой народ умирает с голоду в черте оседлости”. В ответ на это Чемберлен заверил Герцля в своей симпатии по отношению к евреям и попросил его указать “какое-нибудь местечко в британских владениях, которое еще не колонизировано белыми поселенцами, — тогда и поговорим”.

Обрадованный Герцль принялся излагать Чемберлену свой план колонизации Кипра или Эль-Ариша на севере Синайского полуострова. Англичанин сразу же отверг кипрский вариант и заговорил о Египте. “Нет, — улыбнулся Герцль. — В Египте мы селиться не станем. Там мы уже жили”²⁹. Со своей стороны, он обратил особое внимание на вариант Эль-Ариша — пустынной области, которая не входила в состав “целостного” Египта и представлялась перспективной в плане широкомасштабного освоения. Кроме того, Эль-Ариш особенно мог привлечь сионистов как область, где находится гора Синай. Предложение заинтересовало Чемберлена, и на следующий день он устроил встречу Герцля с министром иностранных дел лордом Лансдауном. Лансдаун сердечно принял посетителя и предложил сионистской миссии вступить в переговоры непосредственно с генеральным представителем Великобритании в Египте лордом Кромером. Герцль был счастлив. Подготовив меморандумы и проведя еще несколько совещаний в Лондоне, он поручил Леопольду Гринбергу³⁰ провести переговоры с лордом Кромером. Кроме того, Герцль сформировал техническую комиссию, возглавляемую инженером Леопольдом Кесслером, куда вошли также специалист по землеустройству, архитектор, несколько агрономов и врач. Гринберг немедленно отправился в Каир.

Однако почти сразу же у представителей сионистов возникли затруднения в переговорах с Кромером и с египетским государственным деятелем, будущим премьер-министром Бутросом Гали. У обоих политиков план не вызвал ни малейшего энтузиазма. Сам Герцль отправился в Каир в марте 1903 г. Кромер показался ему “самым противным англичанином” из всех, кого он встречал. Бутрос Гали произвел на Герцля еще худшее впечатление. Не без опасений лидер сионистов ознакомил их с предварительным докладом технической комиссии Кесслера. Комиссия сочла Эль-Ариш пригодным для поселения европейцев, а также для разведения табака и хлопка при

29 Т. Герцль имеет в виду “египетский плен”, из которого Моше вывел еврейский народ. В еврейской традиции Древний Египет — “дом рабства”.

30 Гринберг Леопольд-Якоб (1861–1931) — журналист и сионистский деятель в Англии. Редактор, а с 1907 г. — главный редактор “Джуиш Хроникл”, основной еврейской газеты Великобритании. Один из первых английских сионистов. Оказывал большую помощь Герцлю в организации его выступлений перед английскими евреями и в установлении связей с представителями британского политического мира.

наличии ирригации — а ирригация нильской водой была вполне реальной, хотя и обошлась бы недешево. Тем не менее через два месяца Кромер известил сионистов, что египетское правительство отвергло план именно ввиду “невозможности ирригации”. Это было, конечно, лишь отговоркой. Позже выяснилось, что египетским властям попросту не понравилась мысль о еврейском анклав³¹ на их территории. Герцля охватила черная меланхолия. “Все кончено”, — записал он в дневнике 11 мая.

Можно предполагать, что в это время Герцль был готов отказаться от Палестины в качестве места для будущего государства. Страдания русского и румынского еврейства, бесспорно, глубоко его волновали. В то же время ему не давала покоя необходимость в ближайшее же время поразить своих последователей весомой дипломатической удачей — он опасался, что в противном случае сионистское движение просто задохнется из-за нехватки положительных стимулов. К тому же Герцль не знал, сколько еще лет сможет вести за собой сионистов. Он страдал сердечной аритмией, а состояние его основательно пострадало от крупных транспортных расходов, подкупа чиновников и субсидий. О чем он размышлял, можно понять, прочитав роман “Альтнойланд”³², который Герцль написал в этот период. Исходным толчком для этой книги послужила поездка в Палестину в 1898 г. Черновик был написан в июле 1899 г., вновь к роману Герцль вернулся в марте 1902 г. и закончил его.

Этой книге был присущ тот же недостаток, что и всем пьесам и многим полемическим работам Герцля. Персонажи “Альтнойланд” — лишенные жизненности выразители различных идеологий и программ. Главный герой Фридрих Левенберг, прототипом которого, очевидно, был сам Герцль, — уставший от света венский адвокат. Познавший разочарование в любви, потрясенный антисемитизмом габсбургской Австрии, он принимает приглашение немецкого аристократа Кингскурта и отправляется с ним в кругосветное путешествие на яхте. По пути они останавливаются у берегов Палестины. Их поражает отсталость страны, ее вымирающий *ишув*. Несмотря на внушающий надежду вид отдельных сионистских поселений, еврейских ферм и пастбищ, Левенберг заключает, что “нет ничего более мертвого, чем еврейский народ”. Путешественники плывут дальше.

И вот двадцать лет спустя, в 1923 г., Левенберг и Кингскурт на обратном пути вновь попадают в Святую землю. Они потрясены произошедшими переменами. Портовый город Хайфа, в который они зашли, стал процветающим международным центром, “самой спокойной и удобной

31 Анклав — часть территории государства, со всех сторон окруженная территориями других государств и не имеющая выхода к морю.

32 “Альтнойланд” — в русском переводе “Страна возрождения” (1902); в переводе на иврит Н. Соколова — “Тель-Авив” (1903).

гаванью Средиземноморья”. Путешествуя по Палестине, переименованной еврейскими жителями в Альтнойланд, они видят все новые и новые цветущие города и основанное на ирригации развитое сельское хозяйство. Получая электричество от гидроэлектростанции на реке Иордан, страна превратилась в образец технического прогресса. Под руководством сионистов бывшие еврейские беженцы преобразились в нацию процветающих земледельцев, промышленников и торговцев. На основе кооперации создан новый социально-экономический порядок. Женщины пользуются полным равноправием. Разнообразные возможности для трудоустройства, медицинская помощь, социальное обеспечение престарелых, бесплатное образование — все это доступно для всех. Арабы и евреи живут в дружбе и добрососедстве. “Евреи сделали нас богатыми, — говорит почтенный араб Рашид-бей. — Почему мы должны их ненавидеть? Они относятся к нам, как братья, — почему нам их не любить?” Обновленная страна изменила жизнь всего мирового еврейства. После переселения большей части народа в Палестину европейское еврейство утратило экономическую конкурентоспособность, в результате чего исчез антисемитизм. Эмансипация наконец стала реальностью. “Не сон ли это, не мечта ли?” — задает себе вопрос Левенберг. Роман кончается фразой: “Но если вы захотите, это не будет сказкой”.

Хотя книга и не имела коммерческого успеха, в сионистской среде к ней отнеслись с уважением. Однако именно читатели-сионисты с особенной остротой подметили слабые места романа. Например, на редкость заурядно выглядела в изображении Герцля нарождающаяся культура новой страны, развитие языковых и интеллектуальных достижений Европы на еврейской почве. Иврит, разумеется, занимает подобающее место в новом обществе, но наравне с французским, немецким, итальянским, испанским и идишем. Те, кто критиковал книгу, утверждали, что Герцль не сумел описать и должным образом оценить будущую ивритскую школу, театр, прессу; не представлял он себе и жизни, целиком пропитанной языком иврит. Короче говоря, “Альтнойланд” представлялась читателям политической реакцией на угнетение евреев, но не более того. На самом деле Герцль не меньше, чем “практические сионисты”³³, был сторонником самобытной еврейской культуры в Палестине, однако он полагал, что эта культура спонтанно разовьется в условиях нормального, независимого существования, которого и надлежит добиться сионистам. Так или иначе, резкая полемика по поводу романа между “практическими сионистами”, в боль-

33 “Практический сионизм” — одно из течений в сионистском движении, которое, в отличие от “политического”, полагало, что следует сосредоточиться на практической деятельности по укреплению и увеличению *ишува*, не дожидаясь официального статуса.

шинстве своем восточноевропейскими евреями, и “политическими сионистами”, сторонниками дипломатического решения, только выявила те разногласия, которые существовали вот уже несколько лет и теперь грозили расколоть движение.

Ахад га-Ам, “восточники” и Демократическая фракция

Главным интеллектуальным оппонентом Герцля как лидера движения был склонный к дидактике и чрезмерно раздражительный писатель Ашер Гинцберг, более известный со времени своей критической атаки против *Ховевей Цион* как Ахад га-Ам. Родившийся на Украине в хасидской семье, Ахад га-Ам перенес в молодости типичные для еврейского юноши трудности — его пытливый ум находился в тисках обскурантистского уклада жизни черты оседлости. В семнадцать лет молодого человека женили (невесту он впервые увидел в день свадьбы) и определили в жалкое семейное “дело”, что не соответствовало его желаниям и способностям. Как и другие, зачастую забытые гении *Гаскалы*, он был неутомимым читателем, а читал Ашер Гинцберг на нескольких европейских языках. Его культурные горизонты значительно расширились после того, как он сначала поселился в Одессе, одном из центров еврейской культуры, а затем, в начале XX в., переехал в Лондон, где поступил на службу в английское отделение чайной компании Высоцкого.

Практически с самого начала своей деятельности этот худой, близорукий человек посвятил свою феноменальную эрудицию и литературный дар одной цели — решению “еврейского вопроса” (так он назвал одну из своих статей). Несмотря на то что позже Ахад га-Ам стал лидером “культурного сионизма”, из его ранних работ ясно, что его национальное чувство пробудилось, как это было с Герцлем, под действием антисемитизма. Более того, как и Герцль, Ахад га-Ам после нескольких жестоких погромов некоторое время поддерживал идею добровольной еврейской ассимиляции. Только после приезда в Одессу он стал активным членом *Ховевей Цион* и выступил с критикой тактики постепенного, без согласия турецких властей и законных гарантий, переселения маленьких групп в Эрец-Исраэль. В работе “Не тем путем” Ахад га-Ам призвал своих товарищей по *Ховевей Цион* пересмотреть отношение к вопросу о фактическом переселении в Палестину. Однако его цель заключалась не только в том, чтобы отсрочить колонизацию до тех пор, пока турки не дадут дипломатических и юридических гарантий, — он стремился к тому, чтобы еще до переселе-

ния в полной мере возродился национальный дух еврейского народа. “Ни двадцать, ни даже сто сельскохозяйственных колоний, — писал он, — не могут сами по себе привести нас к духовному возрождению... Так выберем же правильный подход: будем работать и укреплять идеал [духовного объединения]³⁴, пока не придет день, когда можно будет воплотить его в действительность”.

Эта статья вызвала возмущение членов *Ховевей Цион*, но еще более бурной была реакция на последующие работы Ахад га-Ама, где он писал об убогом существовании евреев в Святой земле. Читатели спрашивали, как возможно заложить основу для еврейского культурного возрождения, если отвергнуть здоровую социально-экономическую инфраструктуру *ишува*? Позже Ахад га-Ам изменил свои взгляды и признал, что сельскохозяйственные поселения в Палестине — вещь, заслуживающая внимания. Тем не менее он продолжал разрабатывать свою концепцию Эрец-Исраэль в первую очередь как национального духовного центра, необходимого для всемирного возрождения иудаизма. Именно это он считал истинной целью сионизма. Суровый и ясный стиль Ахад га-Ама был новшеством в иврите, а его призыв к духовному и культурному пробуждению народа начал оказывать действие даже на самых последовательных “практических сионистов”. Имя Ахад га-Ама вскоре стало самым известным в сионистской среде. Вейцман вспоминал о нем: “Он оказал сильнейшее влияние на студентов-евреев, приехавших из России в Европу... Появление очередной статьи Ахад га-Ама всегда было событием первостепенной важности. Его работы без конца читали и обсуждали... Он стал тем, чем Ганди был для многих индийцев, тем, чем Мадзини был за столетие до этого для “Молодой Италии””.

Для того чтобы способствовать развитию духовного и культурного идеала, Ахад га-Ам в 1899 г. основал в рамках *Ховевей Цион* особую группу элитарного характера — орден *Бней Моше* (“Сыновья Моисея”). Деятельность этого ордена имела большое значение. Им был создан фонд для покупки земли, который впоследствии был передан Еврейскому национальному фонду. Орден организовал в Яфо публикацию бюллетеней, дававших точную информацию о положении *ишува*, основал в Яфо первую ивритскую школу. Им была создана в Палестине сеть ивритских библиотек, в России учреждены первые светские дневные школы с преподаванием на иврите. Кроме того, орден *Бней Моше* основал влиятельное ивритское издательство *Ахиасаф*. После Первого Сионистского конгресса орден *Бней Моше* был распущен — динамический, активный сионизм Герцля неизбежно дол-

34 Здесь и далее в квадратных скобках внутри цитат приводятся примечания автора книги.

жен был вызвать больший энтузиазм у европейского еврейства, чем суровая концепция иудейского возрождения, сформулированная Ахад га-Амом.

Тем не менее именно он, этот невзрачный с виду эссеист, обладал огромным авторитетом у десятков тысяч восточноевропейских евреев, примкнувших к сионистскому движению. Безусловно, Ахад га-Ам не отличался излишней сдержанностью. В “Еврейском государстве” Герцля он подметил и безжалостно осудил отсутствие иудейского начала, а на Первый Сионистский конгресс явился не делегатом, а скорее гостем, как сам он впоследствии писал, “подобно плакальщику на свадебный пир”. В поздних статьях Ахад га-Ам утверждал, что “политический” сионизм является не органическим развитием еврейской традиции, а искусственным изобретением европеизированных западных евреев. С конца 1890-х гг. борьба Ахад га-Ама против “политического” сионизма и дипломатического руководства Герцля сделала его самым грозным и почитаемым критиком в сионистской среде. Его безжалостные выпады против “Альтнойланд” после публикации романа в конце 1902 г., презрительное отношение к представлениям Герцля о будущем европеизированном, многоязычном обществе в Эрец-Исраэль лишь усугубили наметившийся идеологический раскол.

Много лет спустя Вейцман вспоминал, какие тревожные чувства владели делегатами от России уже на первых Сионистских конгрессах. Прежде всего, “восточникам” были не по душе “элегантность и претензия на светскость”, которыми отличались руководители движения, выходцы из Центральной Европы. Это составляло резкий контраст с демократизмом представителей черты оседлости. Кроме того, “Герцль в погоне за великими людьми, монархами и правителями, которые должны были “дать” нам Палестину, устремлялся за миражами... Мы же совершенно не верили в благосклонность сильных мира сего...” (сам Вейцман через несколько лет изменил взгляды на этот счет). Однако особенно тревожило “восточников”, многие из которых с энтузиазмом поддерживали Ахад га-Ама, бросающиеся в глаза отсутствие “иудейского духа” в деятельности Герцля и ближайших его соратников. Стремясь выразить свою неудовлетворенность, Вейцман, Лео Моцкин и группа молодых делегатов из России создали в 1901 г. Демократическую фракцию.

Фракция имела известное влияние. На Пятом Сионистском конгрессе она поставила на обсуждение резолюцию (Герцль решил ее принять), в которой утверждалось, что “воспитание еврейского народа в национальном духе составляет существенную часть сионистской программы”. В той же резолюции предлагалось избрать комиссию по культуре, в которую должны были войти Вейцман и Ахад га-Ам. Кроме того, впоследствии в Восточной Европе была претворена в жизнь программа фракции относительно сионистской школьной системы. С другой стороны, одна из самых дорогих

Вейцману идея, идея основания Еврейского университета³⁵, оказалась преждевременной. Вокруг фракции сплотились те, кто был предан целям “духовного и культурного” сионизма. Это было очень важно. Ведь, в сущности, именно благодаря иудейскому культурному наследию Палестина занимала главное место в сердцах и умах русских евреев. Хотя Ахад га-Ам, подобно Герцлю, осуждал постепенное заселение Эрец-Исраэль как метод возрождения еврейского народа, его ученики — Вейцман, Моцкин и большинство восточноевропейских евреев — по-прежнему предпочитали методичную колонизацию почитаемой всеми Святой земли тому параличу бездействия, в котором надлежало ожидать, пока Герцль добьется “чартера” дипломатическим путем. Задолго до Шестого Сионистского конгресса (август 1903 г.) стало ясно, что план относительно Эль-Ариша зашел в тупик. Эта очередная неудача лишь укрепила фракцию во мнении, что теперь следует обратить усилия на нелегкую, скучную, но жизненно необходимую консолидацию *ишува* — насущно важного еврейского плацдарма в Сионе.

Последнее дипломатическое усилие и “Угандийский кризис”

Вернувшись после встречи с Кромером из Египта, Герцль в апреле 1903 г. остановился в Лондоне, чтобы встретиться с Чемберленом. Лидер сионистов сохранял оптимизм и надеялся, что план относительно Эль-Ариша принесет ощутимые результаты. Чемберлен, со своей стороны, тоже не отказался от мысли использовать евреев для укрепления имперской политики Великобритании. Именно с этой целью министр колоний неожиданно сделал Герцлю новое предложение. “Во время моих поездок, — сказал Чемберлен, — я подыскал для вас подходящую страну — Уганду (название “Уганда” было использовано не совсем точно — речь шла о территории, именовавшейся тогда “Британская Восточная Африка”, а затем вошедшей в состав Кении. — *Прим. автора*). На побережье жарко, но дальше от берега отличный климат, пригодный для европейцев. Вы сможете разводить там хлопок и сахарный тростник. Я сразу подумал: вот и страна для д-ра Герцля. Но ведь ему нужна только Палестина, и он согласится только на близлежащую область (то есть Эль-Ариш)”. “Да, — ответил Герцль. — База должна находиться в Палестине или вблизи от нее”.

35 Еврейский университет в Иерусалиме — крупнейший научный центр в Израиле, первый университет в мире, где преподавание ведется на иврите. В июле 1918 г. Х. Вейцман заложил первые 12 камней здания Еврейского университета. Первую лекцию в нем прочитал А. Эйнштейн в 1923 г.

Однако стремительное развитие событий в России изменило точку зрения Герцля. В мае в результате страшного погрома в Кишиневе погибло 45 евреев и было ранено еще 86; было разрушено полторы тысячи еврейских домов и лавок. Герцль был потрясен известиями об этой расправе, показавшей, какая участь уготована русскому еврейству. Поэтому, когда Чемберлен вскоре снова упомянул о Восточной Африке, на этот раз в разговоре с Леопольдом Гринбергом, Герцль написал в Лондон: “Посмотрим, что они нам предложат. Даже если под давлением экстренных обстоятельств мы и примем такое предложение, от Синая все равно не откажемся”. Он сообщил Чемберлену, что вскоре в Британскую Восточную Африку будет послана специальная сионистская комиссия. В то же время он попросил Гринберга подготовить “чартер” на еврейскую автономию в Африке. Гринберг с этой целью обратился в юридическую фирму “Ллойд Джордж³⁶, Робертс и компания”.

Когда Герцль 2 июля 1903 г. сообщил Нордау о предложении Чемберлена, старый друг не проявил энтузиазма, и Герцлю пришлось убеждать его, что Восточная Африка будет вовсе не заменой Палестины, а лишь плацдармом для будущего. Этот план можно будет использовать и в переговорах с султаном. “Мы должны ответить на события в Кишиневе, — подчеркивал Герцль, — и это наша единственная возможность..” Далее он писал: “Если мы с благодарностью примем предложение Чемберлена.. мы укрепим свои позиции и его симпатии к нам, мы поставим его в положение, когда он должен будет что-то для нас сделать, если наша комиссия.. вернется с отрицательными выводами. В отношениях с этой гигантской державой (Англией. — *Прим. автора*) мы уже получили признание в качестве силы, нацеленной на создание государства..” Эти рассуждения не могли не произвести впечатления, и Герцлю удалось убедить Нордау. Между тем английское министерство иностранных дел, ответственное за британский протекторат в Восточной Африке, уведомило Гринберга о том, что проблема потребует тщательного изучения после того, как сионистская комиссия закончит работу. “Затем, если будет избран район, устраивающий обе стороны, лорд Лансдаун будет рад рассмотреть предложения о создании еврейской колонии в благоприятном духе..” Итак, начало было обнадеживающее.

Пока шли эти переговоры, Герцль поспешно готовился к поездке в Петербург. Ему стало известно, что министр внутренних дел фон Плеве³⁷

36 Впоследствии Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945) был министром торговли, затем министром финансов, в 1916–1922 гг. — премьер-министром Великобритании.

37 Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) — российский государственный деятель. В 1902–1904 гг. — министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов. Один из наиболее ярких представителей реакционного курса, проводил открыто антисемитскую политику.

распорядился о введении новых ограничительных мер для сионистских организаций России. Полиция стала запрещать сионистские собрания, продажу акций Еврейского колониального банка и сбор пожертвований для Еврейского национального фонда. Некоторые сионистские лидеры были арестованы и находились в тюрьмах. Стало ясно, что под угрозой оказывается база русского сионизма. 7 августа 1903 г. Герцль был уже в Петербурге и добился немедленного приема у Плеве. Министр внутренних дел (“архиантисемит, пантера в наморднике”, как охарактеризовал его Герцль) любезно беседовал со своим посетителем по-французски. Он обнаружил весьма глубокую осведомленность в делах сионистского движения и подчеркнул заинтересованность правительства в том, чтобы Россию покинули “не поддающиеся ассимиляции” евреи. В последнее время, заметил Плеве, группа сторонников Ахад га-Ама призывает к укреплению еврейского национализма, а не к эмиграции, что противоречит стремлению России.

В ответ Герцль разъяснил, что в таком случае в интересах России разрешить сборы в пользу Еврейского колониального банка и Еврейского национального фонда. Эти учреждения не просто способствуют эмиграции, но одновременно и служат противовесом социалистическим тенденциям. Довод произвел впечатление на Плеве, который пообещал обсудить этот вопрос с императором. Дипломатический ход Герцля оказался удачным. Через неделю санкции против сионистских фондов были отменены, а легальный статус сионизма как движения, выступающего за эмиграцию, восстановлен. Герцль, остановившийся на обратном пути в Вильно, с энтузиазмом был принят тысячами благодарных сионистов. Однако он был потрясен многочисленными свидетельствами того, как обращается с евреями русская полиция. Герцлю стало ясно, что, если для русского еврейства не будет найдено убежище вне России, само физическое существование народа может оказаться под угрозой.

Сионисты всех направлений считали обстановку чрезвычайной. После кишиневского погрома, вспоминал Вейцман, “нормальная деятельность казалась бессмысленной... Наши мечты о Палестине, наши планы создания Еврейского университета отошли на задний план. Перед глазами стояла одна картина: кровь убитых мужчин, женщин и детей. Только крики жертв звучали у нас в ушах”. Когда 22 августа 1903 г. в Базеле открылся Шестой Сионистский конгресс, делегаты осознали, в какой мере стремление спасти восточноевропейских евреев завладело руководством движения. До этого на конгрессах было принято вывешивать на стене за столом президиума карту Палестины. Теперь на ее месте висела карта Восточной Африки. Герцль подтвердил, что руководство избрало новый курс: он сообщил делегатам о согласии Великобритании “рассмотреть в благоприятном

духе” предложение о создании еврейской колонии в Восточной Африке. Такая колония, “разумеется, не замена Сиона, — подчеркнул Герцль, — это лишь чрезвычайная мера, цель которой... не допустить гибели части нашего народа”. Затем Герцля сменил Нордау, заверивший слушателей, что план Уганды должен рассматриваться как промежуточный вариант и как основа для переговоров с британским правительством.

Поначалу эти обнадеживающие заверения, казалось, подействовали на делегатов. Шмарьягу Левин наблюдал, как реагирует конгресс на сообщение Герцля. “Все слушали с мучительным вниманием, — рассказывает он в автобиографии. — На лицах было написано удивление и восхищение, а не протест...” Однако, когда отзвучали аплодисменты и делегаты задумались над последствиями предложенного плана, в зале возникло приглушенное беспокойство. Первым его выразил вслух Йехиэль Членов, страстный поклонник Герцля и лидер восточноевропейских делегатов. “Все мы бесконечно рады, — заявил он, — что великая европейская держава, сделав это предложение, впервые со времен разрушения Храма признала справедливость национальных требований еврейского народа. Но с этой радостью связано и великое сожаление, ибо мы должны отклонить это предложение, так как наши интересы могут быть осуществлены только в Палестине”. Другие ораторы проявили куда меньшую сдержанность. Страсти накалились. Со всех сторон раздавались протесты и обвинения: “Самобийство!”, “Преступление!”, “Предательство!” Дело дошло до того, что резолюция о посылке комиссии в Восточную Африку при голосовании прошла лишь незначительным большинством: 295 — “за”, 177 — “против” при 100 воздержавшихся.

Но даже это не было победой Герцля. Мнения на конгрессе поляризовались. Одни делегаты сели на пол и заплакали, другие (в основном представители Восточной Европы, выступавшие против нового плана) покинули зал, устроив собственное собрание в другом помещении, и приняли решение о том, чтобы вообще не рассматривать никаких, даже временных, вариантов взамен Палестины. Когда Герцль настоял на том, чтобы выступить перед ними, его приняли холодно. Лидер сионистов в увещающем тоне напомнил им всю историю своих дипломатических усилий. Герцль убеждал, что ему Палестина дорога не меньше, чем им, но и добрыми отношениями с Великобританией пренебрегать не стоит. На следующий день стороны пришли к некоему подобию соглашения. Было решено, что в Восточную Африку будет направлена комиссия, но исключительно в ознакомительных целях и без права выступать от имени Сионистской организации. В то же время, чтобы уравновесить это решение, была образована палестинская комиссия, которой было поручено изучить условия жизни *ишува*.

Конечно, было бы чрезмерным упрощением считать, что это был раскол между “политическими” сионистами, представляющими Запад, и сторонниками “практического” и “культурного” сионизма из Восточной Европы, для которых Палестина сохраняла свое мистическое значение. Так, например, Нордау в душе был против посылки комиссии в Восточную Африку. Против этого предложения голосовали некоторые делегаты от западных стран, в том числе Мартин Бубер³⁸, Бертольд Фейвель, Генрих Леве, Ричард Готтхейль и Якоб де Хаас. И наоборот, в поддержку голосовали многие выходцы из Восточной Европы, среди них лидер сионистов-социалистов Нахман Сыркин³⁹, отец и брат Хаима Вейцмана — в общей сложности 81 человек. Среди воздержавшихся были такие уважаемые лидеры российского сионизма, как Лео Моцкин, Нахум Соколов и даже Йехиэль Членов. Однако самую резкую оппозицию план Уганды вызвал, бесспорно, у евреев из черты оседлости. Его обсуждали в каждом уголке сионистского мира. Предельно возмущенный Ахад га-Ам опубликовал статью, в которой объявлял об окончательном банкротстве “политического сионизма”.

Самым непримиримым противником плана Уганды стал русский сионистский лидер Менахем Усышкин⁴⁰, энергичный человек, деятельность которого была сосредоточена на приобретении земель в Палестине. Там он и находился во время конгресса. Поспешно вернувшись в Европу, он немедленно заявил о своем намерении “объявить войну” Герцлю. С этой целью он в конце октября 1903 г. созвал в Харькове чрезвычайную конференцию “практических” сионистов. Полностью отвергнув план Уганды, конференция направила делегацию в Вену с требованием, чтобы Герцль отказался от “авторитарных методов” и передал Исполнительному комитету (где было большое число представителей от Восточной Европы) право вырабатывать политические решения. Также было заявлено, что Герцль должен раз и навсегда отказаться от плана Уганды, иначе Сионистская организация лишится своих восточноевропейских фондов. Ультиматум был сформулирован жестко, и Герцлю пришлось проявить немало терпения,

- 38 Бубер Мартин (1878–1965) — философ, религиозный мыслитель, теоретик сионизма. С 1938 г. жил в Эрец-Исраэль; первый президент Израильской академии наук.
- 39 Сыркин Нахман (1868–1924) — основатель социалистического сионизма; в 1905 г. вышел из рядов Сионистской организации, основав с группой единомышленников новую партию (сионисты-социалисты). В 1909 г., убедившись в утопическом характере территориализма, вернулся в сионистское движение.
- 40 Усышкин Аврагам-Менахем-Мендель (1863–1941) — сионистский лидер. Принимал активное участие в палестинофильском движении. С 1885 г. — секретарь движения *Ховевей Цион*. Один из лидеров российских сионистов, возглавил борьбу против угандийского проекта Т. Герцля. С 1923 г. Усышкин — руководитель Еврейского национального фонда. Сыграл выдающуюся роль в деятельности по выкупу земли в Эрец-Исраэль.

чтобы убедить делегацию в том, что Палестина остается его главной целью. Однако сдержанность Герцля не дала никаких результатов, буря бушевала с прежней силой. Сторонники Герцля, возмущенные вызовом, брошенным их лидеру, энергично выступили против “харьковских бунтовщиков” в сионистской печати. В это время яростные дискуссии по “угандийскому вопросу” разгорелись и вне Европы, среди пионеров *ишува*, которые на собственном опыте познали тяжести жизни в Палестине. Как ни парадоксально, жители Зихрон-Якова зашли так далеко, что переименовали улицу Усышкина — в наказание харьковскому сионисту за его отношение к плану Уганды. В Иерусалиме великий Элиэзер Бен-Йегуда, создатель современного иврита, писал статьи в защиту плана Уганды. В спорах и дискуссиях разрушались родственные связи и многолетние дружбы.

Так или иначе, хотя кризис и ускорил триумф “практических” и “культурных” сионистов, которые в течение многих лет отвергали дипломатию Герцля, сам вопрос о Восточной Африке вскоре стал чисто академическим. Поселившиеся там английские колонисты решительно выступили против идеи массового переселения русских евреев. В результате министр иностранных дел Лансдаун начал проявлять в переписке с Герцлем все большую уклончивость, а затем Чемберлен высказал опасение, что Уганда, пожалуй, маловата для широкомасштабной еврейской колонизации. Герцль, вероятно, с облегчением вздохнул, когда выяснилось, что план становится неосуществимым. В конце концов, важен был сам контакт с Великобританией. “Вот увидите, — говорил он Максу Боденхеймеру, — придет время, и Англия сделает все, что в ее силах, чтобы Палестину передали нам и чтобы мы создали еврейское государство”. В апреле 1904 г., когда перспектива альтернативного решения потеряла актуальность, Исполнительный комитет собрался с целью примирения. Герцль торжественно заверил, что отныне только Палестина будет целью всех его усилий. Членов в ответ с удовлетворением констатировал, что Герцль “всемерно развивает деятельность, связанную с Палестиной, согласно программе, энергично и мудро”.

Герцль: подведение итогов

Ожесточенная междоусобная борьба не могла не сказаться на Герцле. Один из его друзей был изумлен тем, как изменился вождь сионистов. Как он впоследствии писал, Герцль, “облик которого раньше был внушительным, теперь ссутулился, лицо его пожелтело, глаза — эти зеркала, в которых отражалась его возвышенная душа, — потемнели, складки у рта выражали боль и гнев”. Поздней весной 1904 г. у Герцля был сердечный приступ, и 3 июня

он отправился на курорт Эдлах, чтобы поправить здоровье. Однако 1 июля он начал задыхаться и впал в беспамятство. К нему вызвали мать и детей. У постели больного дежурил капеллан Хехлер, преданный союзник Герцля с самого начала его сионистской деятельности и близкий друг. Днем 3 июля 1904 г. Герцль скончался в возрасте 44 лет.

В своем завещании лидер сионистов просил похоронить его в Вене, рядом с отцом, “до тех пор, пока еврейский народ не перенесет мои останки в Палестину”. Когда тело Герцля везли в столицу Австрии, весть о его смерти уже распространилась среди сионистов всего мира. Фракционным раздорам был немедленно положен конец. Потеря, которую все ощутили после его кончины, была невосполнимой. Даже Ахад га-Ам признал теперь, что в лице Герцля еврейский народ утратил великую личность, наделенную мессианскими чертами. Йосеф Клаузнер, выдающийся сионист и историк литературы, писал о том, что еврейство лишилось “чего-то царственного”. В некрологах Герцля называли “царем”, “пророком”. “Герцль допустил немало ошибок, — писал своей невесте Вейцман, — но у него были орлиная зоркость и могучая сила”. В том же письме Вейцман просил невесту носить траур. Похороны состоялись в Вене 7 июля. В процессии шло 6 тыс. человек. Стефан Цвейг вспоминал потом:

“... На кладбище началось смятение — множество людей внезапно бросилось к гробу с криками, рыданиями и воплями, в диком порыве отчаяния. Вокруг царило настоящее неистовство. Весь порядок похорон был нарушен стихийным экстатическим выражением скорби — ни до этого, ни после я не видел на похоронах ничего подобного. И только глядя на это неизмеримое горе, разрывавшее души, я впервые понял, сколько страсти и надежды принес в мир этот человек с помощью единственной идеи”.

Конечно, у Герцля имелись недостатки. Его манера держаться напоминала поведение даже не монарха, а диктатора. Возможно, сам того не сознавая, он подражал барону Ротшильду, не чувствуя, что это может вызывать раздражение. Несмотря на всю свою смелость и воображение, Герцль так и не смог выработать цельной позиции. Он надеялся, что благодаря дипломатическим усилиям можно будет избавиться от необходимости совершать идеологический выбор между еврейской культурной сплоченностью в диаспоре и эмиграцией в еврейское государство. Но величие Герцля выразилось в том, что он сумел придать вопросу о положении евреев характер актуальной международной проблемы. Благодаря его усилиям еврейский вопрос из прошений, валявшихся на письменных столах филантропов, перешел в донесения европейских дипломатов. Говоря словами Марвина Левенталя, Герцль “нанес сионизм на политическую карту”. Создав Сионистскую организацию, он дал

еврейскому народу представительство. Термин “сионизм” в скором времени зазвучал как нечто само собой разумеющееся в речах политических деятелей и стал предметом обсуждения у монархов и премьер-министров. Даже молодые приверженцы *Ховевей Цион* в России научились у Герцля приемам дипломатии, без которой сионизм был бы обречен оставаться в лучшем случае объектом эмоций и филантропических подачек.

Существенно и то, что Герцль оставил в наследство преемникам, в частности Вейцману и Соколову, не только свой нравственный пример. Он сумел установить целый ряд связей, которые потом пригодились вождям сионизма. Так, например, Артур Джеймс Бальфур⁴¹ был премьер-министром Англии в 1903 г., когда Герцль получил от англичан предложение о территории в Восточной Африке. Через три года, когда Бальфур впервые встретился с Вейцманом, английский государственный деятель вспомнил Герцля и его мечту о еврейском национальном очаге. По просьбе Герцля Ллойд Джордж в свое время разработал предварительный черновой вариант “чартера”, предоставлявшего евреям территорию в Восточной Африке, и активно защищал интересы сионистов во время парламентских дебатов по этому вопросу в 1904 г. Сэр Эдуард Грей и лорд Мильнер, имевшие такое значение для Вейцмана в 1917 г.⁴², до этого были в политическом отношении связаны с сионизмом благодаря Герцлю и его представителям во время переговоров об Эль-Арише и Восточной Африке. Герцль не только многое задумал, но и многое претворил в жизнь — от дипломатии на высшем уровне до терпеливой, утомительной работы с различными людьми и изыскания финансовых средств. “Все направляется из одного центра, целеустремленно и с пониманием далекой перспективы, — писал он барону де Гиршу в 1895 г., после их неудавшейся встречи. — Наконец я готов сказать Вам, какое знамя я собираюсь поднять. А Вы можете насмешливо спросить меня: “Что такое знамя? Тряпка на древке?” — “Нет, сударь мой, знамя — это не тряпка. Под знаменем Вы можете вести людей, куда хотите, — даже в Землю обетованную””.

16 августа 1949 г. останки Герцля были доставлены самолетом в Израиль и на следующий день похоронены на возвышенности в черте Иерусалима, названной горой Герцля.

41 Бальфур Артур Джеймс (1848–1930) — английский государственный деятель. В 1902–1905 гг. — премьер-министр Великобритании, в 1916–1919 гг. — министр иностранных дел. С именем Бальфура связана декларация британского правительства (Декларация Бальфура) о положительном отношении Великобритании к созданию еврейского национального очага.

42 2 ноября 1917 г. Декларация Бальфура была опубликована, что стало первым значительным политическим достижением сионистского движения. Большую роль в этом событии сыграла деятельность Х. Вейцмана, опиравшегося на поддержку ряда государственных деятелей Англии.

Глава IV.

Развитие ишува

Сионизм после Герцля

После смерти Герцля в руководстве Сионистской организации образовалась пустота, но момент был явно не подходящим для того, чтобы продлевать на неопределенный срок полномочия лидеров движения. Конфронтация между “политическими” и “практическими” сионистами по-прежнему сохранялась; ни дипломатические усилия, ни планы переселения в Палестину все еще не увенчались успехом. В результате Седьмой Сионистский конгресс, проходивший в Базеле с 27 июля по 2 августа 1905 г., был вынужден в срочном порядке заняться будущим движения. Подавляющим большинством голосов делегаты отказались от каких бы то ни было шагов, направленных на колонизацию вне пределов Палестины, и высказались за эмиграцию в Святую землю и активное развитие еврейского земледелия и промышленности. Итак, недвусмысленным образом было выражено неодобрение позиции Герцля, который ранее сосредоточивал все усилия исключительно на дипломатических переговорах. Такое же отношение к деятельности Герцля проявилось и при избрании нового председателя организации. Для сионистов с Герцлем прямо был связан только один выдающийся деятель движения — Нордау. Ему вначале и был предложен этот пост, но Нордау отказался, сославшись на то, что его жена — не еврейка. Кроме того, он сознавал, что как “политический” сионист не может рассчитывать на полную поддержку большинства евреев России. В результате компромисса между фракциями был избран Давид Вольфсон. Сорокадевятiletний Вольфсон почти идеально сочетал в себе этническую и идеологическую составляющие сионизма. Сын литовского раввина, он в возрасте двадцати лет приехал в Кельн и преуспел там в торговле лесом. Когда было опубликовано

но “Еврейское государство”, Вольфсон был уже крупной фигурой в *Ховевей Цион* — с этого времени он оказывал Герцлю огромную помощь как его представитель в среде российского еврейства.

В этой роли Вольфсон намеревался выступить и после избрания на пост председателя. Разумеется, теперь о блеске и оригинальности, присущих Герцлю, не могло быть и речи. Тонкой дипломатии первых лет сионистского движения как не бывало. Переговоры с турками практически прекратились. Вольфсон, бесспорно тяготевший к “политическому” сионизму, считал необходимым делать упор на практической работе и, надо сказать, весьма успешно справлялся со своими обязанностями. Еще до смерти Герцля Вольфсон организовал Англо-Палестинскую компанию, действовавшую в Палестине, и способствовал созданию Еврейского национального фонда, занимавшегося покупкой земли. Теперь, на посту председателя, он все яснее давал понять, что поддерживает политику постепенного упрочения палестинского *ишува*, — именно за такой подход и выступали представители восточноевропейского еврейства.

Несмотря на все эти компромиссы, на Десятом конгрессе в 1911 г. Вольфсон был смещен, и руководство перешло к президиуму, в составе которого явно преобладали выходцы из Восточной Европы. Собственно говоря, в этом выразилось не столько неодобрение деятельности самого Вольфсона, сколько превращение сионистской деятельности в повседневный тяжелый труд. На том же Десятом конгрессе была одобрена широкомасштабная деятельность по приобретению земли — этим занималось в Яфо Палестинское бюро под руководством Артура Руппина¹. Кроме того, по настоянию Вейцмана конгресс постановил, что отныне официальным языком сионистского движения признается иврит, преподавание которого в диаспоре приобрело новый размах. Было также высказано одобрение самостоятельному участию еврейских политических организаций в парламентских и местных избирательных кампаниях, в частности в Австро-Венгрии, — тем самым подчеркивалось наличие у евреев особых национальных интересов в рамках многонациональных государств.

Если, обратившись к столь обыденным проблемам, сионизм и не оказался в крупном выигрыше, то он ничего от этого не потерял. Окончательно выкристаллизовались форма и структура организации. Теперь конгрессы проводились раз в два года, и число делегатов на них неуклонно росло. Большое влияние приобрели федерации на местах. В России в 1905 г. сионисты выступили на выборах в Первую Государственную думу со сво-

¹ Руппин Артур (1876–1943) — экономист и общественный деятель. В апреле 1908 г. приехал в Эрец-Исраэль и приступил к обязанностям главы Палестинского бюро Сионистской организации. Руппина называли “отцом трудовых поселений”.

ей программой, и пятеро из двенадцати депутатов-евреев были избраны. Но 8 июня 1906 г. Дума была распущена. Выборы во Вторую Государственную думу проходили в обстановке резко усилившегося правительственного давления. Власти старались не допустить к участию в выборах избирателей с прогрессивными взглядами, особенно евреев. Было избрано четыре депутата-еврея, из них один — сионист. В Германии число членов Сионистской организации выросло с 1300 человек в 1901 г. до 8 тыс. членов в 1914 г., и хотя эти цифры не идут ни в какое сравнение с массовым размахом российского сионизма, в Германии в их числе был целый ряд выдающихся представителей еврейства, в том числе Отто Варбург, Курт Блюменфельд², а позднее — Альберт Эйнштейн. Одним из наиболее влиятельных членов организации в первые годы ее существования был уроженец Вены Мартин Бубер, семья которого была родом из Галиции, — он увлекал сотни немецких и австрийских студентов-евреев мистической трактовкой сионизма как движения, которому предстоит вновь объединить избранный народ на Святой земле.

В 1914 г. уже 127 тыс. евреев разных стран платили свои *шекели* (членские взносы) Сионистской организации. Ее объединения действовали даже в Южной Африке и Южной Америке. Повсюду создавались школы с преподаванием на иврите. Сионистская литература переводилась на множество языков. В тысячах еврейских домов и сотнях синагог полнились бело-голубые копилки Еврейского национального фонда. Повседневная работа “практического” сионизма, включавшая как колонизацию Палестины, так и культурную деятельность в диаспоре, стала значимым фактором еврейской жизни.

Становление сионистских партий

Свидетельством растущей мощи сионизма было и то, что внутри движения различные подходы и философские позиции начали приобретать политическое оформление. Начиная с 1902 г. наряду с национальными феде-

- 2 Варбург Отто (1859–1938) — биолог, активный деятель сионистского движения. По его инициативе основаны Палестинское бюро и Общество по освоению земель *ишува*. В 1911–1920 гг. Варбург был президентом Всемирной сионистской организации. С 1921 г. руководил научно-исследовательской сельскохозяйственной станцией в Реховоте. С 1925 г. возглавил кафедру ботаники в Еврейском университете.
- Блюменфельд Курт (1884–1963) — сионистский лидер, в 1923–1933 гг. председатель Немецкой сионистской федерации. Его трактовка сионизма оказала влияние на еврейских интеллектуалов Западной Европы, в том числе на А. Эйнштейна.

рациями стали действовать организации различной идейной направленности — такие, как *Мизрахи* и *Поалей Цион*. Их деятельность объединяла людей из разных стран. Как мы уже говорили, в эмоциональном плане сионизм немало почерпнул из религиозного мессианства. Теперь важную роль на конгрессах начало играть влиятельное меньшинство — религиозные сионисты, сознательно пошедшие на объединение ортодоксального иудаизма с еврейским национализмом. Толчок развитию религиозного сионизма дал рабби Шмуэль Могилеввер, эрудированный литовский талмудист, включившийся в практическую сионистскую деятельность после разгула реакции 1880-х гг. и ставший одним из первых лидеров *Ховевей Цион*. Решимость Могилеввера сотрудничать с такими заведомо далекими от религии людьми, как Герцль, отражала его намерение в ходе практической работы привлечь соратников по движению к иудаизму. Так, в обращении к Первому Сионистскому конгрессу Могилеввер заявлял, что возрождение Эрец-Исраэль — одна из важнейших заповедей Торы, однако подчеркивал, что иудаизм не станет менее обязательным для колонистов, когда Святая земля снова станет тем местом, где будет осуществляться духовная миссия еврейства.

Еще в 1893 г. Могилеввер основал общество, которое должно было пропагандировать его взгляды. Оно было названо *Мерказ рухани* (“Духовный центр”), или сокращенно — *Мизрахи*. Однако лишь благодаря стараниям рабби Ицхака-Якова Рейнеса³, одного из истинных гигантов в истории сионизма, общество *Мизрахи* превратилось в политическое движение. Рейнес поставил перед собой задачу совместить светское и религиозное образование в своей ешиве⁴ в Лиде. Он был одним из первых сторонников *Ховевей Цион*, затем поддерживал политический сионизм Герцля, а в 1902 г. превратил организацию *Мизрахи* во фракцию в рамках сионистского движения. Впрочем, гибкости Рейнесу хватало лишь на то, чтобы принять саму идею еврейского национализма. Как делегат ряда Сионистских конгрессов и автор множества книг по философии религии, он проповедовал идею двойного возрождения: Эрец-Исраэль и национального духа. Обе цели, по его утверждению, могут быть достигнуты лишь при условии строжайшей ортодоксии. До Первой мировой войны партию *Мизрахи* на Сионистских конгрессах обычно представляло не более десяти человек (впоследствии эта организация стремительно выросла). Тем не ме-

3 Рейнес Ицхак-Яков (1839–1915) — раввин; в 1902 г. созвал в Вильно конференцию раввинов-ортодоксов, которая определила принципы движения *Мизрахи*. В книге “Новый свет над Сионом” (1902) критиковал раввинские круги, враждебные сионизму. Огромное литературное наследие Рейнеса большей частью еще не опубликовано.

4 Ешива — институт, являющийся высшим религиозным учебным заведением и предназначенный для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда.

нее идеологическая неуступчивость *Мизрахи* приводила в отчаяние даже “культурных” сионистов, последователей Ахад га-Ама. Они, в свою очередь, недооценивали то обстоятельство, что сторонники *Мизрахи* делали сионизм приемлемым для евреев-традиционалистов, которых мог оттолкнуть не только сионистский секуляризм, но и мощная новая волна социалистического сионизма.

Питательной средой для социалистического сионизма послужила жизнь восточноевропейского еврейства. На начальном этапе индустриализации вся Россия испытала сильнейшее влияние марксизма, однако особенно горячо на это учение откликнулись русские евреи. Никакой другой народ Российской империи не понес такого ущерба одновременно и от ломки экономики, и от правительственного гнета. Так, например, по данным Всероссийской переписи 1897 г., более половины еврейского населения страны принадлежало к пролетариату, занятому в текстильной, металлообрабатывающей, строительной промышленности, а также в некоторых отраслях легкой индустрии. Еврейский рабочий класс в городах черты оседлости находился на экономической обочине и был обречен на нищету. Специалист по еврейской демографии Яков Лещинский оставил нам впечатляющее свидетельство: “Бедность и нищета, нужда и голод.. потогонная система.. туберкулез — таковы условия, в которых рабочие-евреи должны были бороться за социальные реформы и за идеалы грядущего социализма”.

Угнетаемые, обнищавшие, но грамотные и любознательные, еврейские рабочие энергично включились в социалистическое движение — отчаяние удваивало их решимость. Так, значительное число делегатов на Втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1903 г. составляли евреи. Правда, языком этой партии был русский, и в самой ее деятельности не было ничего специфически еврейского. Но еще до создания РСДРП в сентябре 1897 г. в Вильно на съезде представителей групп еврейских социал-демократов был создан Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России). Бунд сыграл активную роль в подготовке и проведении Первого съезда РСДРП в 1898 г. Бунд должен был стать орудием классовой борьбы и одновременно борьбы за права еврейской общины. Во время русской революции 1905–1907 гг. в Бунде состояло и платило членские взносы 30 тыс. человек. К этому следует добавить еще десятки тысяч сочувствующих. Одержимые борьбой за политическое и экономическое освобождение на российской почве, бундовцы склонны были рассматривать сионизм как “буржуазную утопию”. Для них поддерживать сионизм означало зависеть от произвола турецкого султана и других реакционных правителей, а также от щедрот еврейских капиталистов. Сионизм не принимал в расчет политических и экономических устремле-

ний евреев в самой России. Взбешенный лидер Бунда кричал на сионистском собрании: “Собирайте свои чемоданы! Повернитесь спиной к нашей жизни, нашей борьбе, нашим радостям и печалям... Оставьте же нас с миром. Не показывайте своей щедрости. Не бросайте нам милостыню... из окна своего купе”. Вейцман, в свою очередь, говорил, что бундовцы “позорно ассимилировались в том, что касается иудаизма, выродились, прогнали и начисто утратили нравственную ориентацию”.

С особенной яростью борьба между сионизмом и социализмом разгорелась после появления еврейских студентов, приехавших в университеты Европы из России и ставших интеллектуальной элитой европейского еврейства. В письме к Герцлю от 6 мая 1903 г. Вейцман сетовал на растущий радикализм молодежи. “Труднее всего нам бороться с еврейскими социал-демократами”, — признавался он. Конфронтация приобрела трагический характер — ведь и сионисты, и социалисты, как правило, в равной степени сохраняли свою приверженность еврейству и в равной степени ощущали потребность в том, чтобы создать свободное и справедливое еврейское общество.

Социалистический сионизм

Хотя попытки примирить сионизм с социализмом предпринимались еще за много лет до Первого Сионистского конгресса, серьезный интеллектуальный прорыв в этом направлении был осуществлен лишь в 1898 г. Нахманом Сыркиным. Сыркин родился в России, в обеспеченной еврейской семье. Будучи студентом Берлинского университета, он начал работать над синтезом сионистской и социалистической идеологий. Впервые он изложил свою идею, выступая перед группой цюрихских сионистов в 1898 г., а затем опубликовал по этому вопросу брошюру “Еврейский вопрос и социалистическое еврейское государство”. “Социализм сможет разрешить еврейский вопрос лишь в отдаленном будущем”, — заявлял Сыркин. Антисемитизм — явление, которое не удастся побороть сразу в ходе нормального социалистического развития, “и, в любом случае, классовая борьба едва ли сможет оказать помощь еврейскому среднему классу”. Поэтому еврейское государство — единственный решительный ответ на угнетение.

“Однако форма еврейского государства, — продолжал Сыркин, — является единственным спорным вопросом сионизма. Сионизм должен отвечать чаяниям еврейских масс, ибо без них движение окажется мертворожденным... Он

по необходимости должен слиться с социализмом... Современный политический сионизм борется за еврейское государство, основанное на праве частной собственности. Однако, чтобы еврейское государство возникло, оно должно с самого начала избежать всех зол современной жизни... В его основе должны находиться справедливость, государственное планирование и общественная солидарность”.

Однако манифест Сыркина, как и его более поздние работы, не вызвал почти никакой ответной реакции ни у социалистов, ни у сионистов. Социалисты только посмеивались над его попыткой объединить “утопический” социализм и ортодоксальный марксизм. Один бундовец выразил это в следующей эпиграмме:

Полумарксист, полуне звезда,
Полсионист, полуглупец,
Полуосел — но есть надежда,
Что станет полным наконец⁵.

С другой стороны, от Сыркина отвернулись и несоциалисты. Упорно проклиная “раввинов от сионизма”, высмеивая “буржуа”, ищущих расположения европейских монархов, Сыркин добился того, что для большинства в Сионистской организации, представлявшего средние классы, “социализм” стал ругательным словом. Но самым роковым его шагом было решение поддержать план Уганды. Когда Герцль поставил этот проект на обсуждение Шестого Сионистского конгресса, Сыркин восторженно приветствовал эту инициативу, обличая “романтическую привязанность” к бесплодной земле Палестины и к покровительству султанов, царей и кайзеров. Руководя впоследствии вместе с Израэлем Зангвилем Еврейским территориальным обществом (ЕТО)⁶, Сыркин уже так и не смог, даже в среде левых сионистов, вернуть себе того влияния, которым некоторое время пользовался.

5 Переделка эпиграммы А. С. Пушкина на известного государственного деятеля — новороссийского губернатора в 1823–1854 гг. князя М. С. Воронцова:

*Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуне звезда,
Полуподлец — но есть надежда,
Что станет полным наконец.*

6 Еврейское территориальное общество (ЕТО) — организация, созданная после Седьмого Сионистского конгресса (1905) И. Зангвилем с целью основать еврейское государство в любой части света, доступной для массовой колонизации. Благодаря ЕТО было организовано переселение нескольких тысяч евреев в Галвестон (Техас, США).

Несмотря на эти неудачи, деятельность Сыркина отразила растущую тенденцию к взаимопроникновению сионизма и социализма. В то время как он занимался пропагандой своих идей в Берлине, в России возникали группы, исповедовавшие социалистический сионизм и получившие название *Поалей Цион* (“Рабочие Сиона”). Сперва эти ячейки образовывались независимо друг от друга в различных еврейских общинах. Их единственное отличие от других сионистских организаций заключалось в том, что подавляющее большинство в них составляли представители рабочего класса. Одни группы видели будущее в реорганизации сионистского движения, другие боролись за обеспечение еврейского национального представительства в органах власти, а третьи, например в Центральной и Южной России, сохраняли верность классическому марксизму. Среди марксистов города Полтавы, где были ссыльные революционеры, и зародилось исключительно активное движение сионистов-социалистов. Именно там Бер Борохов, двадцатипятилетний студент, которого уже успели исключить из социал-демократической партии за “сионистский уклон”, сформулировал свою уникальную теорию сионистского марксизма.

Стремясь создать синтез двух идеологий, Борохов в 1905 г. выступил перед лидерами *Поалей Цион* в Полтаве и в течение трех часов читал свою работу “Классовая борьба и национальный вопрос”. Руководители движения сразу оценили это сочинение, увидев в нем долгожданное философское обоснование своей деятельности. Подход Борохова был выдержан в духе диалектического материализма, и работа его была переполнена обычными для марксизма сентенциями по поводу труда, капитала, стоимости и заработной платы. Оставаясь в этих детерминистских рамках, Борохов указывал, что евреи, будучи народом без земли, не способны эффективно включиться в чуждую экономическую систему. Возможно, еврейская буржуазия в этом преуспела, но пролетариату это заведомо не удастся — он занят, главным образом, на второстепенном производстве, вдалеке от источников сырья, основных коммуникаций и центров тяжелой промышленности, а следовательно, не в состоянии должным образом организовать борьбу против эксплуататоров. Согласно Борохову, эти трудности можно преодолеть лишь путем переселения евреев в их собственную страну. Только на своей территории в полной мере сумеет развернуться еврейское рабочее движение, только там оно сможет вести классовую борьбу и перейти к социальной революции.

Как марксист, Борохов не обуславливал выбор Палестины романтическими или националистическими соображениями. По его мнению, этот выбор определяется “стихийными” факторами. В других государствах, пояснял Борохов, способность абсорбировать иммиграцию ограничена. Поэтому необходима такая страна, где евреи смогли бы свободно трудиться во

всех областях экономики, где еврейские рабочие были бы заняты в основных отраслях промышленности и в сельском хозяйстве. Страна эта должна быть аграрной и малонаселенной. Такой страной и является Палестина, и потому естественно было предположить, что там “параллельно росту [еврейской] экономической независимости будет расти и [еврейская] политическая независимость”.

Сегодня нетрудно заметить, что концепция Борохова непоследовательна от начала до конца. Однако для обостренного классового сознания еврейского пролетариата России начала XX в. все выглядело иначе: казалось, что Борохов дедуктивно и математически точно обосновал теорию сионизма марксистскими положениями. Благодаря этому сионизм обрел интеллектуальную ценность в глазах десятков тысяч молодых евреев-социалистов. Ицхак Шимшелевич (известный впоследствии как Бен-Цви⁷, второй президент Израиля), сотрудничавший с Бороховым в Полтаве на заре деятельности *Поалей Цион*, вспоминал о нем как об “учителе” целого поколения сионистов. Следует, кроме того, добавить, что скрытая бороховская *Judenschmerz* (“еврейская скорбь”), вероятно, отражала бессознательный еврейский романтизм, присущий даже самым преданным его последователям-марксистам. После подавления революции 1905 г. Борохов бежал в Соединенные Штаты и вернулся в Россию только через двенадцать лет, после Февральской революции 1917 г. Во время одной из поездок он заболел пневмонией и умер в Киеве в декабре 1917 г. в возрасте 36 лет. В годы своего пребывания в Америке Борохов начал писать о полном сотрудничестве “всех классов еврейства” в сионистском движении и о Палестине как о стране, предназначенной для “всего еврейского народа”. В его статьях этого времени появляются забытые было понятия, вроде “еврейских масс” вместо “пролетариата”, и даже древнее словосочетание “Эрец-Исраэль”. Невеста Шимшелевича Рахель Янаит, обожавшая Борохова, как и тысячи других молодых социалистов ее поколения, чувствовала, что “снова живет еврейским прошлым, в то же время вступая в еврейское будущее”. Характерно, что, сама того не замечая, она тоже обнаружила абсолютно немарксистское иррациональное тяготение к Палестине, когда “внезапно, словно человек, пытающийся... приблизить приход Мессии, спросила [Шимшелевича]: “А когда же начнется этот неизбежный стихийный процесс?””

7 Бен-Цви (Шимшелевич) Ицхак (1884–1963) — один из виднейших руководителей *ишува*, второй президент Государства Израиль. Один из создателей в 1906 г. в Полтаве партии *Поалей Цион*. Сыграл выдающуюся роль в организации рабочего движения в Палестине; с 1931 г. — председатель, а с 1945 г. — президент высшего законодательного органа власти *ишува Ваад Леуми*. В 1952 г. избран президентом Государства Израиль. Был переизбран в 1957 г. и в 1962 г.

Вторая алия

До того как грянула и завершилась провалом революция 1905 г., даже члены *Поалей Цион* не испытывали желания “ускорить приход Мессии”. Характерна реакция Бен-Цви на вопрос его невесты: “С присущей ему обстоятельностью, — вспоминала она, — [он] объяснил, что, согласно социалистической теории, важно сначала преобразовать турецкий феодальный режим, а затем укрепить организацию еврейского труда, хотя до этого еще далеко...” Эта оценка ситуации в Палестине была, видимо, здоровой. На рубеже веков и старый, и новый *ишув* все еще находились почти в полной зависимости от помощи извне: старый *ишув* жил за счет *халуки*, новый полагался на филантропию Ротшильда и сионистов. Хотя к этому времени в Палестине насчитывалось более 50 тыс. евреев, из них лишь 5 тыс. проживало в 20 сельских поселениях. Первой *алие* не удалось создать еврея — “земледельца нового типа”. Артур Руппин, приехав в Палестину в 1907 г., стал свидетелем ужасающей картины. Позже он писал:

“Нельзя вообразить себе ничего печальнее, чем настроение колонистов... Старшее поколение, измученное и озлобленное двадцатью пятью годами тяжелого труда, не питало ни малейшей надежды на будущее и не испытывало ни тени радости от настоящего. Младшее поколение, получившее образование во французских школах, мечтало об одном — бросить сельское хозяйство, которое не смогло обеспечить их родителям спокойного существования, и найти себе занятие “лучше” за пределами колонии”.

“Неизбежный стихийный процесс” начал развиваться всерьез только после разгрома революции 1905 г. в России, который повлек за собой цепную реакцию погромов. Для евреев усиление политического и экономического гнета превратило это время в мрачайший период. Теперь под угрозой оказалось само их существование, поэтому массовая эмиграция за океан возобновилась и увеличивалась с каждым годом вплоть до начала Первой мировой войны. То, что некоторая часть эмигрантов направилась в Палестину, объясняется не только развитием событий в России и влиянием идеологии сионизма. Поколение Бен-Цви откликнулось на призыв, с которым обратился к диаспоре в 1907 г. сам *ишув*. Особенно велика была в этом роль Йосефа Виткина⁸, школьного учителя из отдаленной галилейской сельскохозяйственной колонии. Переселение в Палестину, по убеждению Витки-

8 Виткин Йосеф (1876–1912) — преподаватель и общественный деятель, один из ранних идеологов рабочего движения в *ишув*. В 1905 г. издал брошюру “Обращение к еврейской молодежи, сердце которой с ее народом и с Сионом”, в которой сформулировал принципы, ставшие основой рабочего движения периода второй алии.

на, не должно осуществляться на основе чистого доктринерства, и нельзя отказываться от него из-за предшествующих неудач в Святой земле. Теперь требуется только храбрость, мощные и объединенные усилия *халуцим*. Виткин писал:

“Главная причина наших заблуждений в том, что мы искали кратчайший путь и верили, что уже вплотную приблизились к цели. Поэтому мы строили воздушные замки... и с презрением отказывались от более длинной и трудной дороги, хотя она, возможно, и есть самая верная и, в конечном счете, самая короткая... Проснись, о молодежь Израиля! Приди на помощь своему народу. Народ твой при смерти. Спеш к нему! Сплотись, будь готова на жизнь и на смерть, забудь все дорогие привязанности детства, оставь их навсегда без тени сожаления и откликнись на призыв своего народа!...”

Этот красноречивый призыв не остался без ответа в Восточной Европе, потрясенной подавлением революции, он был наизусть затвержен ораторами *Поалей Цион* и нашел поддержку даже у таких далеких от социализма деятелей, как Йосеф-Хаим Бреннер и Аѓарон-Давид Гордон⁹. Бен-Цви по дороге с одного собрания *Поалей Цион* на другое внезапно задал себе вопрос, который беспокоил тысячи молодых русских сионистов: “Почему я здесь, а не там? Почему все мы здесь, а не там?” Перспектива халуцианства внезапно вновь стала привлекательной. Не все, кто решился эмигрировать, были идеалистами. Некоторые хотели таким образом избежать призыва в царскую армию, для других Палестина была местом, где можно было избавиться от российского гнета. Но для большинства из тех 30 тыс. евреев, которые отправились в Палестину в годы второй *алии*, между 1905 и 1914 гг., социалистический сионизм, одухотворенный призывом Виткина, стал основным катализатором.

Новых иммигрантов ожидала суровая жизнь. Рахель Янаит впоследствии писала, что в каждой сельскохозяйственной колонии, куда она приезжала, она слышала жалобы на усталость, отсутствие рабочих мест и тяжелые условия жизни. В самом большом еврейском поселении — Петах-Тикве — отношение обосновавшихся старожилов к новичкам было явно

9 Бреннер Йосеф-Хаим (1881–1921) — еврейский прозаик, писавший на иврите. С 1906 г. был активным деятелем *Поалей Цион*. С 1920 г. Бреннер — редактор ежемесячного журнала *Ѓа-Адома* (“Земля”) Рабочей партии *Ахдут ѓа-авода* (“Единство труда”). Был убит арабами в Яфо во время антиеврейских выступлений.
Гордон Аѓарон-Давид (1856–1922) — один из основателей и идеологов халуцианского движения; условием национального возрождения считал обращение евреев к производительному, главным образом сельскохозяйственному, труду, организованному на коллективистски-народнических началах.

недружелюбным, даже враждебным. Израэль Шохат, молодой иммигрант, вспоминал, что главной заботой жителей Петах-Тиквы было следить, чтобы как следует работали арабы... На рынке в центре города всю торговлю вели арабы, они продавали продукты, привезенные из своих деревень. Еще до зари сотни арабских поденщиков в поисках работы стекались в Петах-Тикву. Работа для них обычно находилась... Возникла проблема и с языком: все жители Петах-Тиквы говорили на идише. Разговорный иврит считался нелепой сионистской блажью. Но наиболее серьезной была проблема отношения к наемному еврейскому труду: нанимать на работу евреев считалось недопустимым.

Неприязнь старожилов к новичкам объяснялась не только неопытностью иммигрантов, но и их социалистическими убеждениями. Журнал цитрусоводов предупреждал, что новые “еврейские рабочие заинтересованы не только в труде и пропитании... Они стремятся к власти, к экономической и социальной диктатуре над сельским хозяйством и над самими хозяевами”. Столкнувшись с такими препятствиями, иммигранты, изголодавшиеся, оборванные, переходили из одного поселения в другое. Девятнадцатилетний Давид Бен-Гурион¹⁰, бывший студент, заболел малярией и едва не погиб. Врач настоятельно рекомендовал ему поскорее вернуться в Европу. “Все мои друзья и доброжелатели объясняли, что ничего постыдного в этом нет, — впоследствии писал Бен-Гурион. — Половина иммигрантов, приезжавших в те далекие дни в Палестину, едва сойдя на берег, возвращалась назад тем же пароходом”. В действительности таких было намного больше половины. 80% иммигрантов второй *алии*, пробыв в Палестине несколько недель или месяцев, вернулись в Европу или отправились дальше, в Америку.

Если две тысячи *халуцим* и удержались в Палестине, то лишь благодаря маленьким еврейским сельскохозяйственным колониям. Притом что эти поселения имели ограниченные возможности для трудоустройства, они все же предоставляли больше рабочих мест, чем в 1880-х гг., во времена билуйцев. Очень важна была и атмосфера товарищества. Более многочисленные, чем во времена первой *алии*, новые иммигранты в Яфо или Петах-Тикве собирались вечерами в тесных комнатках, делились друг с другом своими мечтами и мыслями. “Они обычно собирались на несколько часов, — вспоминал Шмуэль Даян¹¹, — спорили, дискутировали, потом снова сходились, набравшись новых сил, полные готовности бороться за реше-

¹⁰ Бен-Гурион Давид (1886–1973) — лидер еврейского рабочего движения в Эрец-Исраэль, первый премьер-министр Израиля.

¹¹ Даян Шмуэль (1891–1968) — один из организаторов первых кооперативных колоний в Эрец-Исраэль. Отец Моше Даяна (1915–1981) — военного и государственного деятеля.

ние главной проблемы нашей жизни — за “завоевание труда”¹². Едва успев прибыть в Палестину, иммигранты организовали группы *Поалей Цион* и объявили себя “партией нарождающегося палестинского рабочего класса, единственной революционной партией еврейских рабочих в Оттоманской империи”. В постановлении, выработанном на собрании в Рамле в 1906 г., Бен-Цви, Бен-Гурион и другие приверженцы социалистического сионизма подчеркивали значение классовой борьбы, а также провозглашали и несколько неуместное в отсталой, нищей Палестине требование “общественной собственности на средства производства”. Очевидно было, что это не обычные колонисты, что они не вписываются в старую сионистскую традицию XIX в.

“Завоевание труда”

Эти люди приехали в Палестину не только для того, чтобы построить социалистическое общество, — они хотели трудом преобразовать свою национальную и человеческую сущность. Для второй *алии* физический труд на земле Палестины играл особую роль. Юные мечтатели, бежавшие из нищеты черты оседлости, со всей искренностью упрекали себя в том, что были отчуждены от труда на земле. Эти настроения были характерны для России той эпохи. Русские писатели, от народников до всемирно почитаемого Толстого, видели в крестьянстве идеальное начало, и, несмотря на причастность российского мужика к погромам, еврейская интеллигенция восприняла этот романтический образ. Кроме того, почвенничество отражало и бессознательный протест против индустриальной революции, которая постепенно охватывала Восточную Европу и влекла за собой социальные перемены, подрывавшие экономическое благосостояние еврейства и способствовавшие развитию антисемитизма в городской мещанской среде. Следовательно, только сельское хозяйство могло принести евреям независимость. Будучи членами *Поалей Цион*, новые иммигранты помнили, что теоретики социализма, от Маркса до Ленина, ссылаясь на отсутствие евреев-крестьян, доказывали, что евреи не нация, а лишь особая социальная или функциональная группа. Именно это утверждение теперь предстояло опровергнуть. Немаловажно также и то, что на рубеже веков практически все пользовавшиеся влиянием сионистские авторы испытывали

12 “Завоевание труда” — один из главных принципов еврейского рабочего движения в Эрец-Исраэль, провозглашающий создание общества, где евреи сами будут исполнять все экономические функции, в том числе — заниматься физическим трудом.

антипатию к евреям диаспоры, лишенным корней, стоящим в стороне от общего развития. Еще в 1894 г. Хаим-Нахман Бялик¹³, величайший из ивритских поэтов, выразил трагедию народа, лишенного земли:

Не мои руки лелеяли вас, о колосья!
 Не мои руки взрастили вас.
 Не я вложил в этот труд свою силу,
 Не я буду радоваться урожаю.

Пробудившееся уважение к физическому труду разделял и современник Бялика, эссеист и романист Миха-Йосеф Бердичевский. Ницшеанец по убеждениям, Бердичевский неоднократно выступал с гневными обличениями иудаизма, который подрывает деятельное начало в еврейском народе. Занимаясь библейской критикой, он превозносил Иисуса Навина¹⁴ в противовес Моше (Моисею). Он идеализировал древнейшие еврейские племена, которые, лишь недавно расставшись с язычеством, еще не утратили душевных свойств, толкавших их на активные действия, даже на насилие и разврат.

Это презрение к чисто умозрительному иудаизму еще сильнее выразил Йосеф-Хаим Бреннер, литератор, писательская деятельность которого была связана с чертой оседлости, а позже с *ишувом*. Бреннер родился в Российской империи в 1881 г., в ранней юности участвовал в социалистическом движении, за революционную деятельность был арестован, потом бежал в Лондон, где недолгое время издавал газету на иврите. В 1909 г. он переселился в Палестину, где работал учителем в еврейской школе и приобрел широкую известность как эссеист. Популярность его тем более замечательна, что Бреннер язвительно клеймил и обличал не только ненавистную черту оседлости — от него доставалось также и *халуцим* второй *алии*. Они изображались в его очерках наивными и поверхностными идеалистами, слепо верящими в марксистское обоснование своего почвенничества. Для самого Бреннера труд был жизненной необходимостью. Он писал:

- 13 Бялик Хаим-Нахман (1873–1934) — выдающийся еврейский поэт Нового времени. В «Сказании о погроме» (1903) призывал евреев к сопротивлению, утверждая, что позор страшнее горя и смерти. Его произведения сформировали духовный облик целого поколения еврейства России, Восточной Европы и Эрец-Исраэль. Он освободил поэтический язык от штампов и канонов.
- 14 Иисус Навин был избран Богом и благословлен Моше в качестве преемника. Моше, великий законодатель, привел евреев к пределам Земли обетованной; Иисус Навин, вождь и военачальник, на протяжении 26 лет завоевывал землю Ханаанскую для своего народа.

“Я, сионист, не хочу иметь ничего общего со всей этой болтовней о “ренессансе”, о духовном возрождении... Мы не в Италии. Сионизм повелевает мне: “Пробил час... Еврейскому народу пора прекратить жить среди неевреев и зависеть от неевреев”... Еврейский дух? Пустые разговоры!.. Великое наследие? Набор слов!.. Пора дать честную самооценку: в нас нет ничего бесценного, мы не вызываем уважения. Только когда мы познаем тайну труда и поймем величие людей, живущих на своей собственной земле, мы заслужим звание Человека... Наш грех в том, что мы не трудились, а утвердиться можно только трудом”.

Хотя Бреннер не владел никаким ремеслом, он сопровождал рабочие бригады поселенцев в их странствиях по Палестине в качестве учителя иврита, вместе с ними ночевал в палатке, переносил с ними голод и болезни, часто выступал с лекциями, организовывал дискуссии. Он был убит во время арабских волнений 1921 г.

Дополнительный фактор личного участия сделал современника Бреннера — Агарона-Давида Гордона — самым видным из апологетов “религии труда”. В отличие от Бреннера и Бердичевского, а также от Сыркина и Борохова, Гордон был практиком по самому своему призванию. Он родился в России, учился в ортодоксальной еврейской школе, а потом пошел по пути, типичному для *Гаскалы*, — самостоятельно изучал иностранные языки и историю. Затем он получил спокойное место управляющего имением барона Гинцбурга и занимал его в течение двадцати трех лет. Свободные часы Гордон посвящал чтению Ницше и Толстого. Он создал собственную оригинальную философию сионизма как пути индивидуального возрождения. Когда в 1903 г. имение Гинцбурга было продано, Гордон в возрасте 48 лет остался без работы и принял решение, которое своей направленностью на духовный поиск напоминает решение Толстого ограничить свою жизнь Ясной Поляной. Гордон уехал в Палестину. Там ему предложили место конторщика в Петах-Тикве, но он предпочел заняться физическим трудом и работал на сборе цитрусовых. Впоследствии он нанимался на работу то в одном, то в другом поселении. Современник вспоминает: “Многие пионеры второй *алии* превосходили его трудолюбием и работали с полной самоотдачей. Однако в них чувствовалось стремление отличиться и доказать, что не только арабы, но и евреи умеют работать. Совсем по-другому трудился Гордон. Его труд был своего рода религией, чистой молитвой”. Для Гордона, как и для Бердичевского, будущее еврейства было связано с национальным возрождением. Однако, по мнению Гордона, жизненно важной составляющей этого возрождения является творчество, а основа творчества — труд. Без труда еврейство останется островком в арабском море. “Страна не станет нашей, и мы не станем народом этой страны. Тогда и здесь мы будем чужими”. Но интересы Гордона выходили за рамки политики. Только труд — та сила, ко-

торая раскрепощает индивидуальную, а в конечном счете и национальную энергию борющегося народа. В самой известной своей статье под названием “Немножко внимания” Гордон следующим образом развивает эту тему:

“В живом народе для огромного большинства труд всегда основа жизни. Не так обстоит дело у нас. Мы презираем труд... Только один путь ведет к нашему возрождению — путь созидательного труда, мобилизации всех национальных сил, абсолютной жертвенной преданности нашим идеалам и целям... Мы сможем создать народ лишь тогда, когда каждый из нас воссоздаст себя заново благодаря труду и естественной жизни”.

Страстный призыв Гордона к труду и обновлению отнюдь не ограничивался его сочинениями. Собственно говоря, писать он мог только при свече, поздней ночью, дни же были заняты практическим подтверждением его идеи — работой в поле рядом с молодыми *халуцим*. До последних дней жизни он оставался среди рабочих-иммигрантов, делил с ними ночлег, вместе с ними возделывал землю, жил их заботами. Этот немолодой человек с длинной толстовской бородой пользовался любовью окружающих и неизменно подбадривал тех, кто впадал в отчаяние. Жена, приехавшая вместе с ним в Палестину, умерла от малярии еще до Первой мировой войны. Единственный сын умер в России после революции. Сам Гордон, погибавший от рака, ни от кого не принимал жалости. Тех, кто приходил его навестить, он уговаривал уверовать в его учение обновляющего труда.

Несомненно, личное обаяние Гордона оказалось сильнее классовых догм *Поалей Цион*. Сам он презирал марксизм как теорию, апеллирующую к “стадному инстинкту” и “мешающую человеку черпать силы в самом себе”. В годы жизни в Палестине Гордон боролся против создания школ, ориентированных на партийную идеологию и классовые принципы. Чтобы противостоять этому педагогическому сектантству, его последователи в 1905 г. объединились в партию *Га-Поэль га-цаир* (“Молодой рабочий”). Этот союз был скорее идеологическим, чем политическим, и не мог соперничать с *Поалей Цион* в области пропаганды и организационной деятельности. Вместе с тем самые убежденные доктринеры из числа иммигрантов-социалистов ощущали единство своих установок с целями Гордона. В сущности, уважение к труду и людям труда было присуще и пионерам 1880–1890 гг. Просто в глазах первой *алии* физический труд отождествлялся с пасторальным идеалом возвращения в Эрец-Исраэль и был неотделим от библейского прославления жизни “под своей лозой и смоковницей”. Лишь незадолго до Первой мировой войны на первый план вышло представление о труде как источнике социального возрождения. Подобно Гордону, приехавшие после 1905 г. иммигранты упорно стремились зарабатывать на жизнь тяжелым физиче-

ским трудом и отказывались от более легких возможностей. Они одевались, как русские крестьяне, ели простую пищу, презирали роскошь и осуждали “материализм” старожиллов. Их общая цель, близкая Гордону в той же мере, что и Борохову, отразилась в песне *халуцим* того времени: “Мы приехали в Эрец-Исраэль, чтобы создавать страну и создавать себя”.

Коллективные поселения

Начало второй *алии* совпало с бурным ростом еврейских сельскохозяйственных поселений в Палестине. Этому в значительной степени способствовало основанное бароном де Гиршем Еврейское колонизационное общество (ЕКО). Среди новых колоний были созданные в 1901–1902 гг. Седжера, Месха (Кфар-Тавор), Менахемья и Явнеэль, а также Бейт-Ган (1904 г.). Позже к ним прибавились Мицпа (1908 г.) и Кинерет (1909 г.). Первоначально население их составляли фермеры или их дети из тех колоний, которые до этого находились под опекой барона Ротшильда. Они были опытными земледельцами. ЕКО предоставило им землю и займы, и через некоторое время новые колонии начали приносить скромный доход. В то же время более старые колонии на побережье, где на смену виноградарству пришло многоотраслевое хозяйство, впервые показали свою способность к экономической самостоятельности. В Петах-Тикве и во всей долине Шарон все большую выгоду приносило разведение цитрусовых. Однако обстоятельства складывались так, что управляющие ЕКО были заинтересованы не столько в предоставлении работы новым иммигрантам, сколько в “повышении производительности труда” в уже существующих колониях, поэтому они нередко прибегали к дешевому арабскому труду. Если бы эта тенденция продолжалась, неокрепшее сионистское начинание не имело бы никаких шансов на будущее.

Еще при Герцле Сионистская организация констатировала, что следует с большей энергией способствовать колонизации Палестины. Помощь новому *ишуву* впервые приобрела конкретные очертания в 1903 г., когда в Яфо открылся филиал Еврейского колониального банка. Сначала под названием Англо-Палестинской компании, а впоследствии — Англо-Палестинского банка эта дочерняя фирма предоставляла торговцам, промышленникам, фермерам и строительным компаниям ссуды под низкие проценты. Более того, после революции младотурок в 1908 г.¹⁵ надежды на смягчение от-

15 Революция младотурок 1908 г. — буржуазная революция в Османской империи, в результате которой был низложен султан Абдул-Хамид II и провозглашена конституционная монархия.

томанского режима побудили Сионистскую организацию открыть в Яфо свое первое представительство — Палестинское бюро. Предполагалось, что оно будет распределять помощь Еврейского национального фонда и осуществлять покупку земли. Первым руководителем Палестинского бюро стал тридцатидвухлетний немецкий еврей доктор Артур Руппин. Получив университетское образование в Берлине и в Галле, Руппин приобрел широкую известность своими социологическими исследованиями условий жизни еврейства, работал директором Бюро еврейской статистики в Берлине. Прежде чем принять новое назначение, Руппин провел в Палестине пять месяцев, изучая возможности для колонизации. Его заключение, изложенное в меморандуме, который был предназначен для Правления Сионистской организации, гласило, что *ишув* еще не созрел для автономии в рамках Оттоманской империи. Эта мечта Герцля сможет осуществиться, только когда евреи будут составлять больший процент населения Палестины и в их владении будет находиться значительная часть земель. Поэтому ближайшая задача состоит в том, чтобы трудоустроить тысячи новых иммигрантов. С этой целью Руппин предлагал купить до двух миллионов дунамов земли в Иудее и Галилее, воспользовавшись средствами Еврейского национального фонда, а затем передать их на льготных условиях иммигрантам, предварительно подготовив их к сельскохозяйственному труду на учебных фермах.

Эти рекомендации были приняты. Теоретически вся деятельность Палестинского бюро находилась под контролем Сионистской организации. Практически же Руппин проявил немало инициативы и гибкости в трактовке своих полномочий. Так, приступив к исполнению обязанностей, он немедленно начал заниматься городским строительством и развитием сельского хозяйства. Получив от Еврейского национального фонда ссуду в размере десяти тысяч фунтов, он организовал строительную компанию *Ахузат Байт*, целью которой было создание современного еврейского квартала в Яфо, и Палестинское землеустроительное общество — для приобретения и заселения участков в сельской местности. С помощью опытного специалиста по торговле землей Йеѓошуа Ханкина, который славился своим умением договариваться с арабами и турками, Палестинское землеустроительное общество приобрело большие участки в Иудее и Галилее, подготовило их для культивации и нарезало скромные наделы, подходящие для индивидуального фермерства. Таким образом компания за шесть лет основала девять новых поселений и увеличила земли *ишува* в разных областях Палестины на 50 тысяч дунамов. Иммигрантов расселяли и обучали на фермах Кинерета, Бен-Шемена и Хулды. Руппин иногда позволял себе рискованную игру, когда дело доходило до использования средств Еврейского национального фонда и других финансовых источников. Однако в 1913 г., отчитываясь в расходах перед Сионистским конгрессом, молодой социолог

подчеркивал, апеллируя к разбирающимся в финансах делегатам, что “наши фермы должны в настоящее время не давать прибыль, а служить другим, более значительным целям... Вместо дивидендов мы получим то, что намного важнее, — людей”.

Именно из этой идеи исходил Руппин, пестуя одно из самых замечательных новшеств *ишува* — *квуцу*, коллективное поселение. Собственно говоря, уже задолго до приезда Руппина в Палестину там начали возникать первые коллективные поселения. Напомним, что коллективистский этап прошли члены *Билу*, хотя их усилиям препятствовали ротшильдовские управляющие. И впоследствии иммигрантам удавалось выжить, только если они создавали общественные денежные фонды и совместно питались. Некоторые группы *халуцим* коллективно нанимались на цитрусовые плантации и виноградники. Такие же “производственные кооперативы” появились и в городах. Когда, например, в 1909 г. был основан Тель-Авив, одна группа взяла на себя работы по землеустройству, другая прокладывала дороги, третья тесала камни, четвертая строила дома. Во многих местах возникли кооперативные прачечные, кухни и пекарни. Однако молодые иммигранты второй *алии* были вынуждены срочно искать выход из-за тяжелых условий труда на фермах ЕКО. “Они не могли стать самостоятельными фермерами, плантаторами, эксплуататорами чужого труда, — писала приехавшая в составе второй *алии* Маня Вильбушевич (впоследствии — Маня Шохат¹⁶). — Этому препятствовали их социалистические принципы. Но они не были способны и конкурировать с арабами... Сама я никогда не верила, что можно прийти к “завоеванию труда”, применяясь к арабскому образу жизни”.

Зимой 1907–1908 гг. Маня Шохат с несколькими своими товарищами уговорила управляющего нерентабельной фермой ЕКО в Седжере разрешить им возделывать участок земли под их собственную ответственность. Получив скот, семена и оборудование (оплатить их предстояло из будущего заработка), четырнадцать юношей и четыре девушки приступили к работе на коллективистских принципах. Они распределили между собой обязанности, организовали общую кухню, вместе отдыхали, устраивали диспуты и были полны решимости полагаться только на себя и не использовать арабского труда, несмотря на все тяготы. Постепенно число энтузиастов выросло до пятидесяти. Среди них было и несколько иммигрантов из Йемена. Через полтора года был собран хороший урожай, одна пятая которого

16 Шохат Маня (Вильбушевич; 1879–1961) — деятель еврейского рабочего движения в России и сионистского движения. Участвовала в работе Бунда, а после выхода из него в 1901 г. стала одним из организаторов Еврейской независимой рабочей партии. В Эрец-Исраэль была среди основателей организации *Гй-Шомер*, занимавшейся защитой еврейских поселений. В 1907–1908 гг. участвовала в основании первого коллективного хозяйства в Эрец-Исраэль (прототип киббуца).

пошла на уплату долга ЕКО. “Мы раз и навсегда доказали, — писала Маня Шохат, — что экономика может быть построена на принципах коллективизма”. Доказав это, восемнадцать участников группы вернули земельный участок ЕКО, считая, что на их место придут постоянные поселенцы.

Теперь возникла проблема увеличения земельного фонда. Решающее значение в этом плане имела помощь Руппина. В 1909 г. по поручению Еврейского национального фонда он приобрел 1200 дунамов неосвоенной земли в Умм-Джуни, на берегу озера Кинерет. Вскоре после этого он собрал группу иммигрантов, которая начала работать на этом участке, применяя обычные методы, но дело кончилось неудачей. Однако через год ученики А.-Д. Гордона — 36 членов *Га-Поэль га-цаир* — попросили предоставить им Умм-Джуни для обработки земли. Идея коллективного поселения имела практический смысл, поэтому она привлекла не только социалистов. Руппин дал согласие и выделил пионерам довольно значительный участок рядом с Умм-Джуни, а в придачу — две глинобитные “спальни”, кое-какое необходимое оборудование и полдюжины мулов. Эксперимент был мучительным: долина Иордана оказалась сущим адом, члены маленькой коммуны страдали от малярии, однако их спасли дисциплина и организованность. Каждый день избранный ими комитет решал, кто выйдет в поле, а кто будет нести охрану ночью. Женщины работали по дому, готовили пищу, кормили животных. Соблюдалось полное равноправие. Это был настоящий коллективизм — и он оправдал себя. В 1911 г. был собран хороший урожай и куплен скот. К этому времени *квуца* получила название “Дганья”. Слава о ней быстро разнеслась по Палестине. Шмуэль Даян, ставший членом Дганьи в 1912 г., был восхищен, впервые испытав чувство самостоятельности. Впоследствии он писал:

““Свободный труд!” От этих слов дышалось глубже — это было не то, что рабство [на капиталистических фермах]. В работе, выполняемой самостоятельно, есть творчество, даже если это подсобный труд или административная деятельность... Мы свободны, мы сами себе наниматели и контролеры... Мы отвечаем только сами перед собой!”

Вдохновленные успехом Дганьи, другие группы, включавшие от десяти до тридцати человек, начали организовывать коллективные хозяйства на земле, предоставленной Еврейским национальным фондом. Эти группы создали *квучот* в Мерхавье и Ган-Шмуэле. На той же основе было возрождено нерентабельное старое поселение *Ховевей Цион* в Беэр-Товии. К 1914 г. существовало уже 14 таких хозяйств, половина из них были небольшими хуторами. Все поселенцы в этих колониях были преданы коллективизму как идеологической предпосылке, ведущей к “завоеванию труда”. Впрочем, в этом

было немало и практического смысла. *Квуцот* по сравнению с небольшими капиталистическими фермами давали более высокий доход. Хотя прибыль по западным меркам была мизерной и, случалось, члены *квуцы* бедствовали, они были совладельцами хозяйства с равными правами и равной ответственностью. Кроме того, они ощущали свое нравственное превосходство — чувство первопроходцев, преданных идеям равенства и социальной справедливости. Возможно, они не ошибались.

Союз стражников

В сентябре 1907 г. десять молодых людей собрались на чердаке в яфском доме Ицхака Бен-Цви. Перед ними выступал Исраэль Шохат. Он напомнил юношам, что “завоевание труда”, безусловно, предполагает и право евреев на самооборону. На протяжении нескольких месяцев Шохат переезжал с места на место, убеждая поселенцев взять на себя охрану тех земель, которые они возделывают. Он твердил, что немыслимо и далее придерживаться постыдной традиции и нанимать арабов и черкесов¹⁷ для охраны своей жизни и имущества. Так еврейский народ возродить не удастся! Да и сами наемные сторожа — все те же переодетые бандиты, презирающие поселенцев, шантажирующие их и вымогающие у них деньги. Если евреи способны возделывать землю, то неужели они не сумеют защитить ее? Сумели же члены *Поалей Цион* организовать силы самообороны, когда в России, в Гомеле, родном городе Шохата, начался погром¹⁸. Этот прецедент, говоривший о способности постоять за себя, имел огромное значение. В Палестине серьезно обсуждали это событие. Решающее собрание состоялось, наконец, в доме Бен-Цви. Там в сентябре 1907 г. была составлена программа секретного общества еврейской стражи, которое было названо *Бар-Гиора*¹⁹ — в честь прославленного героя еврейской истории. Члены общества взяли на себя обязательство нести охрану там, где это потребуется. Они, кроме того, решили говорить только на иврите и жить единым коллективом — их взгляды

17 Черкесы — общее наименование адыгов, появившееся в письменных источниках в период монгольских завоеваний XIII в. Черкесами называют переселившихся в Турецкую империю после окончания Кавказских войн в начале 1860-х гг. адыгов, абхазов, осетин и их потомков, проживающих ныне в Турции, Сирии, Иордании и Израиле.

18 Летом 1903 г. в Гомеле произошел погром, во время которого были убиты или тяжело ранены 20 человек, из них 12 евреев. Еврейская самооборона активно противостояла погромщикам.

19 Бар-Гиора Шимон — один из вождей антиримского восстания 67–73 гг. н. э. После падения Иерусалима был захвачен в плен и казнен в Риме.

базировались на принципах социалистического сионизма. Интересно, что члены *Бар-Гиора* были среди основателей *квуцы* в Седжере.

В Седжере будущие еврейские стражники предложили управляющему сельскохозяйственной школы, принадлежавшей ЕКО, нанять их для охраны. Управляющий отнесся к этой идее с недоверием. Тогда молодые энтузиасты выкрали мула из-под носа у сторожа-черкеса и на следующее утро вернули его в стойло. Управляющий сдался. С этого момента ферма была взята под охрану. Затем члены *Бар-Гиора* предложили свои услуги жителям соседних поселений. Это была рискованная инициатива. В конце 1908 г., после революции младотурок, контроль турецких властей в Палестине ослабел, и в сельской местности подлинными хозяевами стали арабские бандиты. И все же еврейское население Месхи (впоследствии — Кфар-Тавор) пошло на риск, уволило сторожей-марокканцев и наняло двух членов *Бар-Гиора*. Бар-гиоровцы обеспечили Месхе такую охрану, какой колония еще не знала: когда поселенцы отправлялись в поле, их сопровождали вооруженные всадники, и больше нападений на Месху не было.

Завоевав таким образом доверие двух поселений, Шохат и его товарищи в 1909 г. начали осознавать, что сил их маленькой организации недостаточно. Нужны были все новые стражники, чтобы нести службу в разных районах *ишува*. Для удовлетворения этой потребности общество *Бар-Гиора* реорганизовалось, взяв новое название: *Г'а-Шомер* (“Страж”). Устав организации лаконично определял ее задачу: создание общества еврейских стражников. При приеме требования к новым членам были столь суровыми, что за два последующих года начальная группа из восьми человек увеличилась лишь до 26 членов. Программа подготовки была исключительно жесткой. Будущих стражников обучали маневрированию в ночной обстановке, ориентировке на местности и разговорному арабскому языку. Те немногие, кого приняли в *Г'а-Шомер*, славились как великолепные наездники и меткие стрелки. Мускулистые и уверенные в себе вооруженные всадники внушали уважение арабам, которые называли их *москоби*, то есть “русские”, — храбрецы и хорошие охотники. Удаля еврейских стражей отразилась даже в арабском фольклоре, предания о них обрастали все новыми подробностями и преувеличениями.

Вскоре в сфере контроля *Г'а-Шомер* оказалась вся Нижняя Галилея: Явнеэль, Бейт-Ган, Менахемья, Шарона, Мицпа, Кинерет. К 1911 г. организация распространила свою деятельность и на Самарию. Оттуда слава о ней достигла Иудеи, а потом и побережья: в прибрежные поселения с крупными капиталистическими плантациями тоже начали приглашать членов *Г'а-Шомер*. Жалеть об этом не приходилось — несмотря на систематические нападения бедуинов, стражники всегда были начеку. Постепенно к ним начали обращаться из Ришон-ле-Циона, Бен-Шемена, Беэр-Якова. В 1914 г.

в одной только Иудее действовало четыре отряда *Га-Шомер*, а по всей еврейской части Палестины организация насчитывала сотню человек, всегда готовых выступить в случае опасности.

В это время *ишуву* требовалось уже больше охраны, чем мог предоставить *Га-Шомер*, и руководители этой организации пришли к выводу, что еврейская самооборона должна отказаться от профессионального подхода: в час опасности все работники и фермеры должны быть с оружием в руках. Хотя до начала Первой мировой войны не было возможности особенно расширить программу обучения, многие колонии стали вводить у себя систему самообороны. По общему мнению, успехи *Га-Шомер* имели не только практическое значение. Деятельность его членов воплощала в себе одновременно социалистическую доктрину и идею самообороны, принципы коллективизма и национальной солидарности. Перед войной легенды об отваге стражей значительно улучшили моральный климат *ишув*а. Арабы больше не обвиняли евреев в трусости, а *халуцим*-сионисты увидели перед собой реальный пример сплоченности и самопожертвования.

Торжество иврита

В предвоенные годы усилия сионизма, направленные на национальное становление, получили огромную поддержку благодаря возрождению языка иврит. Коренные изменения в этом отношении были ничуть не менее значительны, чем “завоевание труда”, ведь до начала XX в. в Палестине практически отсутствовало преподавание иврита. До конца 1870-х гг. немногочисленные еврейские школы Палестины были в подавляющем большинстве религиозными заведениями, где — в соответствии с отжившей ортодоксальной традицией — обучение велось на идише. В школе Лемеля, основанной в Иерусалиме в 1856 г., предметы преподавались на идише и на немецком, в начальных школах и ремесленных училищах, действовавших под покровительством Альянса, главным образом — на французском. Современный иврит как язык повседневной жизни возник только благодаря героическим усилиям выходца из России Элиэзера Перельмана, более известного как Бен-Йегуда.

Бен-Йегуда вырос в ортодоксальной семье и получил традиционное религиозное образование. Как и тысячи его сверстников, он прошел эволюцию от секуляризма *Гаскалы* к сионизму. Хотя он с энтузиазмом изучал еврейскую литературу, представление о языке как о важнейшей составляющей национального самосознания в современном мире зародилось у него, лишь когда он стал студентом Сорбонны и ясно осознал, какова роль сло-

весности в становлении французского национализма. “Я решил, — писал он своей невесте в 1880 г., — что нам для того, чтобы владеть собственной землей и жить самостоятельной политической жизнью, необходим язык, способный нас сплотить. Этот язык — иврит, но не иврит раввинов и ученых. Нам нужен иврит для обиходной и деловой жизни”. Через год двадцатитрехлетний Бен-Йеѓуда женился и вместе со своей женой, которой было тогда двадцать семь лет, отправился в Палестину. На борту парохода они поклялись отныне говорить только на иврите. Насколько известно, они не нарушили своего обещания.

Первые годы жизни в Палестине обернулись для молодой четы, как и для всех пионеров *ишува*, мучениями и нищетой. В Иерусалиме Бен-Йеѓуда кое-как перебивался уроками иврита в школе Альянса. Каждую свободную минуту он уделял редактированию ивритских газет, сменявших одна другую. Тираж этих газет обычно не превышал двухсот экземпляров. Иногда случалось, что Бен-Йеѓуду и его увеличившуюся семью выселяли из квартиры за неуплату; порою они голодали. Жизнь Бен-Йеѓуды осложнялась и из-за его непрерывных нападок на ортодоксов, которых он упрекал в нежелании использовать иврит в быту и в потворстве “социальному злу”, заключавшемуся в поддержке *халуки*. Разгневанные противники в отместку бросали камни в окна его конторы, доносили на него оттоманским властям, обвиняя в “предательстве” (за что он один раз ненадолго был посажен в тюрьму), и добивались от раввина отлучения Бен-Йеѓуды. Когда в 1891 г. его жена умерла от туберкулеза, оставив сиротами пятерых детей, ортодоксы не позволили похоронить ее на ашкеназском кладбище.

Со временем усилия Бен-Йеѓуды по внедрению иврита начали приносить плоды. Во всех сельскохозяйственных колониях подписывались на его газеты и покупали составленные им учебники. Он приобрел авторитет в *ишуве*, а потом и среди сионистов диаспоры. К началу века Бен-Йеѓуда был занят проектом, которому целиком посвятил остаток жизни, — он работал над словарем современного иврита. В книгах и других материалах, полученных от учеников из Европы, он неутомимо отыскивал семитские корни слов, пополняя лексический фонд иврита. В 1904 г., получив наконец скромную финансовую поддержку от Сионистской организации, барона Эдмона де Ротшильда и из других источников, Бен-Йеѓуда опубликовал первый том словаря. В сущности, это была энциклопедия иврита, монументальный научный труд. Бен-Йеѓуда успел завершить работу еще над тремя томами; после его смерти издание было доведено его преемниками до семнадцати томов, и словарь стал фундаментальной базой живого литературного языка.

Помимо этого, превращая иврит в разговорный язык, Бен-Йеѓуда в большой мере опирался на поддержку палестинских учителей. На рубеже веков

большинство учителей работало по найму в системе школ, созданной Организацией помощи немецких евреев — *Эзра* (“Помощь”). К 1914 г. эта организация открыла в Палестине 50 учебных заведений, где занимались семь тысяч детей. Хотя в качестве второго языка там преподавался главным образом немецкий, благодаря усилиям Бен-Йеѓуды в школах *Эзра*, как и в школах Альянса, стали обращать особое внимание на изучение иврита. Этому примеру последовали и школы, принадлежавшие сельскохозяйственным колониям. Кроме того, в 60 сионистских учебных заведениях преподавание велось исключительно на иврите. Успех программы Бен-Йеѓуды был определен решимостью пионеров-сионистов, особенно иммигрантов второй *алии*, освоить этот язык. Ясно, что говорившим на идише или на русском евреям было трудно пользоваться ивритом у себя дома или в поле — ведь для этого приходилось преодолевать естественное стремление расслабиться. Но эту повинность они исполняли с таким же упорством, с каким переносили все трудности жизни в Палестине. Большинство сионистски настроенных земледельцев и рабочих усвоили главный довод Бен-Йеѓуды: единство нации определяется общностью языка. Преподаватели, разделявшие взгляды Бен-Йеѓуды, в 1903 г. создали Объединение еврейских учителей, которое учредило специальные квалификационные экзамены.

Как ни парадоксально, успешному распространению иврита начала угрожать империалистическая экспансия Германии на Ближнем Востоке в период перед Первой мировой войной. Сознательно или бессознательно служа проводником немецкого влияния в Палестине, руководство школ *Эзра* начало вводить в программы ряд курсов, преподававшихся только по-немецки; все чаще требовалось сдавать экзамены на немецком языке. Особенно острый характер конфронтация немецкого и иврита приобрела при разработке плана создания политехнического института в Хайфе — Техниона. Деньги на Технион пожертвовал знаменитый магнат чайной торговли Вольф Высоцкий, Еврейский национальный фонд предоставил землю в Хайфе, а *Эзра* и ряд филантропов оплатили дополнительные расходы. В намерения руководства *Эзра* входило создание Техниона как центра системы образования *ишува*; кроме того, он должен был стать впечатляющим образцом немецкой культуры. Именно поэтому заместитель министра иностранных дел Германии Артур фон Циммерман лично добился от Константинополя согласия на сооружение первого здания института, строительство которого было завершено в 1913 г. Между тем немецкие евреи — члены административного совета Техниона — предложили вести в институте преподавание технических дисциплин исключительно по-немецки. Ими руководило не только пристрастие к Германии — немецкий язык был международным языком науки, а иврит обладал весьма скудной научной терминологией.

Однако это решение вызвало взрыв негодования у поселенцев-сионистов. Бен-Йеѓуду едва не хватил удар. “Улицы обагрятся кровью”, — предупредил он директора *Эзра*. По инициативе Бен-Йеѓуды еврейские студенты и учителя по всей Палестине устраивали митинги протеста. В октябре 1913 г. Объединение еврейских учителей объявило забастовку во всех школах *Эзра*. Студенты вышли на демонстрацию перед германским консульством в Иерусалиме. Как и план Уганды десятью годами раньше, кризис вокруг Техниона явно угрожал самой идее сионистского возрождения. Понимая, что поставлено на карту, Сионистская организация немедленно занялась созданием десятка новых ивритских школ в Палестине и развернула всемирную кампанию для привлечения дополнительных фондов. Наконец, спустя четыре месяца, в феврале 1914 г., “война языков” завершилась — после того, как административный совет Техниона пересмотрел свое решение и постановил, что преподавание будет вестись исключительно на иврите.

С тех пор *ишув* более не подвергал сомнению свою приверженность ивриту. После битвы за Технион Объединение еврейских учителей, используя субсидии Сионистской организации, основало педагогическое управление, отвечавшее за учебные программы и разработки для всех еврейских (неортодоксальных) школ Палестины, включая и школьную сеть *Эзра*. К 1916 г. мечта Бен-Йеѓуды начала сбываться. Перепись населения показала, что 40% жителей *ишува* (за вычетом старой ортодоксальной общины) считают иврит своим родным языком. Триумф Бен-Йеѓуды сопоставим с триумфом Герця и получил столь же широкое признание. Когда в декабре 1922 г. Бен-Йеѓуда скончался в Иерусалиме, 30 тыс. человек провожали его в последний путь и в течение трех дней палестинское еврейство соблюдало официально объявленный траур.

Борьба ишува за политическое самоутверждение

Поселенцы-сионисты стремились подчеркнуть свою лояльность по отношению к оттоманским властям, рассчитывая таким образом положить конец бесчисленным препятствиям, с которыми они сталкивались при попытках приобретения земли. Однако, несмотря на все усилия *ишува*, ему так и не удалось приспособиться к политической реальности. Трудность заключалась в том, что Палестина под турецким господством была разделена на несколько административных единиц. Правители в Бейруте и Иерусалиме обладали практически неограниченной властью и зачастую из-

давали противоречившие друг другу распоряжения. Правда, в обеих провинциях в административные советы входили руководители различных религиозных общин; однако это были чисто совещательные органы. После революции 1908 г. жителям Палестины было дано право избирать депутатов в турецкий парламент, и от Палестины действительно было делегировано пять человек. Однако и у парламентариев практически не было никакой реальной власти. Муниципальные советы, при избрании в которые действовал имущественный ценз, также не обладали сколько-нибудь заметным влиянием.

Впрочем, на евреев, по сути дела, не распространялись даже эти ограниченные, чисто теоретические возможности участия в управлении. Лишь немногие из них имели турецкое гражданство, потому что выгоднее было оставаться иностранными подданными под покровительством европейских консулов. Таким образом, в парламентских выборах евреи практически не принимали участия. Главный сефардский раввин входил в иерусалимский административный совет, но никакого влияния там не имел. В 1912 г. был образован совет иерусалимского санджака²⁰, где среди 13 выборных членов не было ни одного еврея; мало их было и в муниципальных советах, что объяснялось действием имущественного ценза. Так, например, в Иерусалиме, где евреи составляли большинство населения, в 1910 г. только трое из десяти членов совета представляли еврейскую общину. В 1912 г. в муниципальный совет входило четыре еврея, в 1914 г. — один.

Тем не менее в еврейской среде не вызывала сомнений необходимость каким-то образом сотрудничать с властями, чтобы упрочить свое положение в Святой земле. Главным препятствием этому служила разнородность *ишува*, в состав которого входили ашкеназы и сефарды, религиозные ортодоксы и светские евреи, представители различных политических течений из иммигрантов-сионистов. Несмотря на это, попытка создать представительный орган *ишува* все же была предпринята в сельскохозяйственных поселениях, где общественная жизнь была интенсивнее, чем в городах. По инициативе Ахад га-Ама, побывавшего в Палестине в 1900 г., несколько сотен еврейских колонистов-земледельцев избрали делегацию, которая должна была обратиться к барону Ротшильду с просьбой ослабить диктат его управляющих в сельскохозяйственных поселениях. Из этой попытки ничего не вышло. Через три года был создан Конгресс палестинских евреев — в его учреждении участвовало 2157 человек со всех концов Палестины. Вскоре в результате конфликта при обсуждении плана Уганды Конгресс был упразднен.

20 Санджак — основная административно-территориальная единица в Османской империи.

С другой стороны, среди новых иммигрантов второй *алии* было немало людей, имевших опыт организации еврейской общественной жизни еще в Восточной Европе. В 1907 г. несколько сотен таких иммигрантов основали Палестинский совет, который должен был координировать деятельность различных сионистских организаций в *ишув*. В течение двух лет заседания совета проходили от случая к случаю, после чего он раскололся в результате фракционной борьбы: сефардское большинство Иерусалима и Цфата не было заинтересовано в объединении с приехавшими из России сторонниками социалистического сионизма. В 1908 г. совет прекратил свое существование. Тем не менее, несмотря на целую цепь неудач, стремление к общественной жизни не ослабевало. Об этом свидетельствовали политические партии, клубы и союзы, которые продолжали возникать в *ишув* после революции младотурок. В 1913 г. Исраэль Белкинд снова попытался организовать общественное представительство *ишува*. Весной 1914 г. его план был рассмотрен и поддержан исполнительным советом федерации колоний Иудеи, однако началась война, и план не был реализован.

Тем не менее начатки местного и регионального самоуправления все-таки возникали. Поселения нередко согласовывали свои интересы, например, при постройке синагог или бурении новых колодцев. В начале века жители колоний, находящиеся под покровительством Ротшильда, проводили общие собрания, на которых принимались решения местного значения. В предвоенные годы были учреждены две региональные федерации колоний. Одна из них, федерация колоний Иудеи, занималась преимущественно созданием торговых объединений, приобретением современного сельскохозяйственного оборудования, наймом ветеринаров, организацией общества страхования домашнего скота, распространением информации по сельскому хозяйству. В 1913 г. поселенцы Нижней Галилеи, стремясь справиться с угрозой арабского бандитизма, образовали собственную федерацию. В отличие от иудейской, галилейская федерация продолжала действовать и после начала войны. Она обращалась к властям, когда требовалась помощь полиции, выделяла ссуды для нуждающихся и эвакуировала евреев из районов, где могли начаться боевые действия.

Итак, несмотря на отсутствие формальных органов, перед началом Первой мировой войны *ишув* стремился сформировать собственную структуру как самобытная и самоутверждающаяся община. С момента возникновения сионистского движения эта община никогда еще не увеличивалась так быстро, как в этот период. За первые шесть месяцев 1914 г. в Палестину репатриировалось не менее 6 тыс. евреев, а число уезжающих в Европу резко уменьшилось. К этому времени в Святой земле проживало около 85 тыс. евреев, что составляло куда больший процент по отношению ко всему на-

селению, чем в любой из стран диаспоры. И сфера профессиональных занятий палестинских евреев значительно расширилась. Развитие водного и железнодорожного транспорта предвещало ускорение экономического роста Палестины. Стали открываться первые еврейские промышленные предприятия, в том числе цементный и кирпичный заводы, завод по переработке сахарной свеклы и механические мастерские. Яфо, портовый город, связывавший Палестину с Европой, стал культурным и административным центром сионистской деятельности. Здесь открывались первые ивритские школы и представительства первых рабочих профессиональных союзов.

Рядом с Яфо, в котором проживало 6 тыс. евреев, возник новый пригород, и ему суждено было в будущем стать центром еврейской жизни в Палестине. Большинство населения неопытного портового Яфо составляли арабы. На протяжении нескольких лет Руппин вынашивал идею создания рядом с городом еврейского поселения. Наконец при поддержке Восьмого Сионистского конгресса глава Палестинского бюро получил согласие передать ссуду Еврейского национального фонда частной строительной компании *Ахузат Байт*. Она стала распродавать земельные участки будущим жителям. В 1909 г. на песчаных дюнах за городской чертой Яфо началось строительство, а к 1914 г. здесь вырос скромный квартал из 139 домов с садовыми участками, с населением в полторы тысячи человек. Новое поселение было названо Тель-Авив, “Холм весны”. Нахум Соколов использовал это название в качестве заглавия для переведенной им на иврит “Альтнойланд” Герцля. Рост городов сопровождался и развитием сельского хозяйства. Новой энергией наполнилась жизнь поселений, основанных в XIX в. энтузиастами *Ховевей Цион*. Особенно заметно это было по плантациям на побережье — выращиваемые там в больших количествах цитрусовые и виноград начали приносить доход. К 1914 г. еврейское население в сельской местности достигло 12 тыс. человек.

В какой же степени возвращение к Сиону стало обретать черты реальности — тогда, в 1914 г., за три года до Декларации Бальфура? Достаточно сказать, что к этому моменту вопрос о еврейском национальном очаге должен был рассматриваться европейскими правительствами всерьез. Пробуждению способствовали не только крепнущая Сионистская организация и ее учреждения — Еврейский национальный фонд и Англо-Палестинский банк. Большую роль в этом сыграл и значительный анклав в Палестине, 14% населения которого занималось сельским хозяйством. Многие поселенцы говорили на иврите; они знали, как обращаться не только с мотыгой, но и с винтовкой. Если бы в свое время не победил подход “практического” сионизма к созданию *ишува*, если бы мировое сионистское движение ожидало чуда — дарования ему государства, — возрождения в Палестине, без сомнения, не было бы. Таким образом, между 1905 и 1914 гг. были заложены

ны основы еврейского национального очага и определены его идеологические задачи. “Главное же, — отмечал Вейцман, — мы почувствовали реальность и поэтому после Декларации Бальфура взяли за дело, не чувствуя себя новичками”.

Глава V.

Декларация Бальфура

Палестинские евреи и война

Несмотря на бурное развитие *ишува*, после начала мировой войны он оказался самым уязвимым участком сионистского движения. Напомним, что еще в XIX в. ашкеназские евреи Палестины в случае угрозы их безопасности обращались к европейским консулам, полагаясь на их защиту. Теперь, когда прежние соглашения отошли в прошлое и Турция вступила в войну, дело приняло другой оборот. В первое время после начала военных действий лишь немногие европейские евреи решили принять турецкое подданство со всеми его сомнительными преимуществами, произвольным налогообложением и не внушающим доверия судопроизводством. Однако в результате бесчеловечного обращения властей с теми, кто не имел подданства, умонастроение *ишува* изменилось. 17 декабря 1914 г. Беха ад-Дин, известный своим деспотизмом престарелый губернатор Яфо, приказал немедленно изгнать из этого портового города 6 тыс. проживавших там евреев из России. В тот же день полиция, арестовав 700 человек, погрузила их на итальянский пароход и отправила в Александрию. Перепуганные палестинские евреи начали собирать свои пожитки. За последующий месяц 7 тыс. человек покинуло страну. Остальные — большая часть *ишува* — не располагали достаточными средствами и остались, с тревогой ожидая дальнейшего развития событий. В этот момент руководство *ишувом* взяли на себя религиозные и общинные лидеры, они призвали евреев принять турецкое подданство во избежание преследований. В течение нескольких недель этому совету последовало 12 тыс. евреев. За год число их удвоилось. Угроза массового изгнания постепенно утратила свою актуальность.

Однако были и другие опасности. До войны христиане и евреи имели обыкновение откупаться от военной службы уплатой специального налога. Теперь такой возможности не было. Лучшее, на что они могли рассчитывать как представители образованного сословия, была привилегированная “трудовая повинность” в тылу, поблизости от родных. К зиме же 1915 г. и эта привилегия превратилась в настоящее наказание. “Трудовая повинность” распространялась и на молодых, и на стариков, которых заставляли мостить дороги или работать в каменоломнях, держали впроголодь и запирали на ночь в бараках, кишущих насекомыми. Много людей умирало. Тех, кто заболел, объявляли симулянтами и сажали в тюрьму. Тем не менее на первых порах сторонников социалистического трудового сионизма не обескураживало такое обращение. Многие из них радовались возможности доказать свою лояльность оттоманским властям. Так, Бен-Гурион и Бен-Цви были среди тех, кто обратился к оттоманской администрации с просьбой разрешить еврейским формированиям участвовать в обороне страны. Эту идею поддержал Джемал-паша, командующий Четвертой армией и военный губернатор Палестины. Однако в последний момент его разубедил Беха ад-Дин, враждебно настроенный по отношению к национальным меньшинствам. Но некоторые молодые евреи все-таки попали на военную службу: одни были призваны, другие пошли добровольцами. Среди тех, кто был послан в офицерские училища, а затем направлен на фронт, были Моше Шарет (Черток) и Дов Хоз¹ (впоследствии — выдающиеся деятели *ишув*).

Джемал-паша вскоре наглядно продемонстрировал турецкую политику по отношению к сионистам. В феврале 1915 г., после неудачных военных действий в районе Суэцкого канала, он вернулся в Палестину и решил привести нетурецкое население страны в состояние полной покорности. Джемал-паша назначил Беха ад-Дина своим “секретарем по еврейским делам”. Тот приказал закрыть Англо-Палестинский банк; затем последовали запреты на выпуск газет, работу школ и политических учреждений. Сионистам была запрещена любая общественная деятельность. Еще более мрачные перспективы предвещало то обстоятельство, что под вопрос были поставлены права евреев на их землю. Арабов подстрекали к нападениям на еврейские поселения. Когда Бен-Гурион и Бен-Цви выразили протест по поводу этих мер, они были высланы из страны вместе с другими сионистскими лидерами. Обстановка в еврейских “трудовых батальонах” стано-

¹ Шарет (Черток) Моше (1894–1965) — деятель сионистского движения. Был министром иностранных дел Израиля в 1948–1953 гг., вторым премьер-министром Израиля в 1954–1955 гг.

Хоз Дов (1894–1940) — активный участник рабочего движения в Эрец-Исраэль, в 1925–1927 гг. — член муниципалитета Тель-Авива, с 1936 г. — заместитель мэра города.

вилась все мрачнее. Сотни молодых людей в кандалах были отправлены в тюрьмы в Дамаск и в Константинополь или осуждены заживо гнить на гранитных каменоломнях Тарсуса.

Палестинскому еврейству угрожали не только преследования Джемал-паши, тягот войны хватало и без этого. В результате английской морской блокады прекратилась помощь зарубежных филантропов и ввоз продовольствия. Урожай цитрусовых не был собран и погиб. Еврейских и арабских земледельцев обложили непосильными налогами, скот и продовольствие конфисковали, предоставив десяткам тысяч семей питаться одними кукурузными лепешками. За первые два года войны около 35 тыс. человек в Сирии, Ливане и Палестине умерли от голода; около 8 тыс. из них составляли евреи. Если *ишуву* удалось избежать еще большего голода, то не в последнюю очередь благодаря самодисциплине. Чрезвычайный комитет, образованный еврейскими организациями, распределял продукты среди бедных и безработных и даже учредил нечто вроде налога, который взимался с евреев Яфо и Тель-Авива; эти деньги предназначались для бесплатных столовых и организации общественных работ.

Весьма своевременной была и помощь влиятельных западноевропейских евреев. К ним принадлежал Артур Руппин. Немецкий гражданин, пользующийся уважением министра иностранных дел Германии Артура фон Циммермана, сторонника сионистов, он получил разрешение распределять в Палестине собранные за границей пожертвования. Еще важнее была деятельность посла Соединенных Штатов в Константинополе Генри Моргентау². Моргентау сам был евреем. На первых порах он был склонен к нейтралитету в отношениях с оттоманскими чиновниками. Однако его озабоченность положением евреев и других меньшинств определенно принималась в расчет — в нем видели представителя могучего нейтрального государства. Джемал-паша весной 1915 г. ослабил жестокие репрессивные меры и приостановил ссылки и аресты — в основном под давлением Моргентау. Кроме того, посол США добился от Турции согласия на то, чтобы американские корабли доставляли в Святую землю предметы первой необходимости и деньги. До тех пор пока дипломатические отношения между Вашингтоном и Константинополем не были прерваны в апреле 1917 г., именно этот тоненький ручеек помощи из-за границы поддерживал существование *ишува*.

Между тем изгнанники не простили турецким властям их жестокости. В марте 1915 г. около 10 тыс. палестинских евреев нашли убежище в Египте.

2 Генри Моргентау-старший (1856–1946) — финансист, дипломат и общественный деятель. В 1913–1916 гг. был послом США в Турции, уделял особое внимание защите армян и евреев на территории Османской империи.

Половина из них жила за счет средств еврейской общины в лагерях для беженцев в Габбари и Мафрузе. В спешке покинув Палестину, они оставили там дома, поля и семьи. Теперь, пребывая в состоянии вынужденной бездеятельности, они с неослабевающим вниманием прислушивались к рассказам о предстоящих операциях Антанты на Ближнем Востоке. Именно в среде этих непокорных молодых беженцев были предприняты первые попытки сформировать Еврейский легион³ для военных действий против турок в Палестине. Эта инициатива, исходившая от еврейского журналиста из России Владимира Жаботинского⁴, вызвала неоднозначную реакцию. С одной стороны, Великобритания выступала в союзе с ненавистным царизмом. С другой стороны, палестинские евреи опасались, что, если они не возьмут в руки оружие, их депортируют в Россию и заставят служить в русской армии (на самом деле на это предложение Англия ответила России отказом).

Среди эмигрантов выделялся Йосеф Трумпельдор, один из самых обаятельных и привлекательных людей в истории сионизма. Рослый, красивый человек, Трумпельдор был по профессии зубным врачом. Во время Русско-японской войны он пошел в армию добровольцем, был ранен, лишился руки, был награжден за храбрость, произведен в офицеры. Приехав в Палестину, он работал в галилейской *квуце*. Когда началась война, турки выслали Трумпельдора. Он немедленно отправился в Александрию, намереваясь записаться добровольцем в английскую армию. В Мафрузе он познакомился с Жаботинским и вместе с ним энергично взялся за создание Еврейского легиона. Хотя английские власти в Египте благосклонно отнеслись к этой идее, они все же стремились ограничиться созданием еврейского транспортного подразделения, которое участвовало бы в военных действиях за пределами Палестины. Несмотря на то что Жаботинский поначалу этому воспротивился, Трумпельдор положительно отнесся к плану англичан. Если сражаться придется с турками, настаивал он, “любой фронт — это путь к Сиону”. Таким образом, в марте — апреле 1915 г. около 500 евреев были зачислены в особое транспортное подразделение — Отряд погонщиков мулов. Им было разре-

3 Еврейский легион — воинское подразделение британской армии во время Первой мировой войны, состоявшее из еврейских добровольцев. Первой еврейской частью в британской армии стал Отряд погонщиков мулов, насчитывающий 650 бойцов, который участвовал в 1915 г. в Галлипольской десантной операции. После окончания операции отряд был распущен, а в 1917 г. началось формирование Еврейского легиона из беженцев из Палестины, английских и американских евреев-добровольцев. Еврейский легион принял активное участие в наступлении союзных войск на Палестину в 1917–1918 гг.

4 Жаботинский Владимир (Зеев; 1880–1940) — писатель и публицист, один из лидеров сионистского движения. Идеолог и основатель ревизионистского течения в сионизме.

шено носить на погонах *маген Давид*⁵. Подразделение должно было принять участие в готовящейся десантной операции на полуострове Галлиполи. Хотя Отрядом командовал английский офицер подполковник Джон Паттерсон⁶, душой его был Трумпельдор, произведенный в капитаны британской армии.

После высадки на галлиполийском побережье Отряд погонщиков мулов показал себя самым достойным образом. Солдаты подвозили на мулах припасы к переднему краю под ураганным огнем; восемь человек было убито, пятьдесят пять, в том числе и Трумпельдор, ранено. Еще 150 молодых евреев, находившихся в Египте, вызвались пойти добровольцами на смену раненым и убитым. Во время эвакуации из Галлиполи зимой 1915 г. Отряд погрузился на транспортное судно одним из последних. К этому моменту он уже прославился в сионистских кругах. Однако у евреев, остававшихся в Палестине, известия о нем вызывали озабоченность: турки могли отомстить за деятельность Отряда *ишуву*. Чтобы отвести от себя угрозу и продемонстрировать лояльность, большая группа евреев с криками прорешествовала по улицам Иерусалима, осыпая проклятиями “предателей”. Так или иначе, мужество Отряда погонщиков мулов не произвело никакого впечатления на английское командование: после окончания галлиполийской кампании подразделение было распущено. Тем не менее его создание, не получившее тогда признания ни у евреев, ни у англичан, было первым шагом в направлении сотрудничества между Великобританией и сионистским движением.

Ближний Восток и военная политика Великобритании

После того как разразилась мировая война, Ближний Восток приобрел особое значение в военных планах Антанты. С 1914 г. Великобритания строила свою ближневосточную политику на одном неизменном принципе — безопасности Суэцкого канала. Во время войны неприкосновенности этой

- 5 Маген Давид (*ивр.* “щит Давида”) — шестиконечная звезда, образованная двумя равносторонними треугольниками с общим центром, ориентированными противоположно друг другу. Маген Давид был изображен на флаге сионистского движения, а затем Государства Израиль.
- 6 Паттерсон Джон Генри (1867–1947) — британский офицер. Во время Первой мировой войны в 1915 г. был назначен командиром Отряда погонщиков мулов, состоящего из палестинских евреев. С этого времени стал активным сторонником сионизма. Сыграл большую роль в создании Еврейского легиона. В чине полковника командовал Первой частью легиона — 38-м батальоном королевских стрелков. Под его командованием батальон участвовал в освобождении Палестины. Написал книги: “С сионистами в Галлиполи” (1916), “С евреями в Палестинской кампании” (1922).

транспортной артерии, жизненно важной для английской торговли, дважды (в январе 1915 г. и в августе 1916 г.) угрожали операции турецкой армии. Хотя в обоих случаях вторжение было остановлено, эти попытки обратили внимание англичан на уязвимость Суэцкого канала со стороны Палестины. Чтобы предотвратить опасность, военные штабы в Каире приступили к интенсивной разработке новой политической стратегии. Она заключалась в том, чтобы поднять находившиеся под турецким господством, но не смирившиеся с ним народы на совместную борьбу против Турции. Эту идею впервые высказал выдающийся арабский деятель эмир Абдаллах ибн Хусейн⁷, старший сын Хусейна, хашимитского владыки Мекки и Медины. Еще перед войной Абдаллах посетил генерала Китченера⁸ в Каире и попросил у Великобритании помощи и защиты для династии своего отца от османского гнета. Через некоторое время англичане возобновили с ним переговоры, которые продолжались до начала войны в форме прямой переписки между самим Хусейном и сэром Генри Мак-Магоном, верховным комиссаром Великобритании в Египте.

Обмен письмами закончился тем, что осенью 1915 г. между Хусейном и Мак-Магоном была достигнута договоренность. В письме верховного комиссара Хусейну от 24 октября со всей определенностью говорилось, что Великобритания готова “признать и поддержать независимость арабов во всех областях, пределы которых были названы...” (речь шла обо всем арабском прямоугольнике, включая Сирию, Аравию и Месопотамию), за исключением “областей Сирии, находящихся к западу от районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо...”. В ответ на поддержку англичан хашимитские арабы должны были присоединиться к Антанте в войне против Турции. Более того, после войны новое арабское правительство должно было “искать совета и руководства только у Великобритании”. После того как стороны пришли к соглашению, в июне 1916 г. началось арабское восстание, которое возглавил второй сын Хусейна, эмир Фейсал. Помощь восставшим впоследствии оказывали английские советники, среди которых был Т. Э. Лоуренс⁹. В течение полутора лет это восстание, в котором участвовало от 10

- 7 Абдаллах ибн Хусейн (1882–1951) — первый король Хашимитского королевства Иордания. Принадлежал к роду Хашимитов, представители которого считают себя потомками Мухаммеда. Первый правитель Мекки. С 1921 г. при помощи Великобритании стал эмиром Трансиордании (с 1946 г. король Иордании), составлявшей часть подмандатной Палестины.
- 8 Китченер Гораций Герберт (1850–1916) — английский военный деятель. В 1900–1902 гг. — командующий армией в Англо-бурской войне. В 1911–1914 гг. — британский генеральный консул в Египте. С 1914 г. — военный министр.
- 9 Лоуренс Томас Эдвард (1888–1935) — английский офицер и писатель, известный под именем Лоуренса Аравийского, центральная фигура арабского восстания против Турции во время Первой мировой войны.

до 20 тыс. арабов, играло важную роль в ходе английских военных действий против турецкой армии в Аравии и Восточной Палестине.

Однако, вступив в соглашение с Хашимитами и позаботившись таким образом о своих послевоенных интересах, англичане не забыли и об интересах Франции. Оттоманская империя представляла собой угрозу не только для Суэцкого канала; кроме того, ее экономическая и политическая отсталость открывала большие возможности для укрепления имперской мощи западноевропейских стран. Сознавая открывающиеся возможности территориальной экспансии, Великобритания уведомила правительства Франции и России о намеченной договоренности с Хусейном. Хотя Мак-Магон старался обеспечить ключевую роль Великобритании в качестве “советника” в будущем арабском правительстве “плодородного треугольника”, он ясно дал понять Хусейну в письме от 24 октября 1915 г., что Западная Сирия остается, как и предполагалось, областью французского влияния.

Зимой 1915–1916 гг. эта позиция была подтверждена в ходе переговоров между Великобританией, Францией и Россией. В январе 1916 г. сэр Марк Сайкс, представитель Англии, и французский эмиссар Франсуа Жорж-Пико пришли к соглашению относительно распределения сфер влияния в арабских странах в послевоенный период. Великобритании предназначались территории, охватывавшие большую часть Месопотамии и Трансиордании, а также Южная Палестина. Это соглашение не входило в противоречие с договоренностью, достигнутой ранее Мак-Магоном и Хусейном, и не препятствовало намерениям французского правительства. Французы планировали в той или иной степени держать под своим контролем Южную Турцию, Сирию, Северную Палестину и район Мосула в Верхней Месопотамии.

Какая же судьба ожидала в таком случае Палестину? Если в течение ряда лет Франция стремилась закрепить за собой особые культурно-экономические права в Сирии (соглашение Сайкса–Пико должно было придать им конкретное содержание), желание Парижа распространить свои права и на Святую землю нельзя не признать логичным. Что ни говори, большая часть Палестины, за вычетом иерусалимского санджака, находилась под непосредственным оттоманско-сирийским управлением. Однако уже в январе 1915 г. русское правительство стало выражать сильнейшую озабоченность предполагаемыми французскими претензиями на Палестину. В Петрограде, разумеется, было известно, что главным проводником европейского религиозного влияния в Святой земле является францисканский орден, располагающий там большим числом церквей, мужских и женских монастырей. Однако интересы у православных в Святой земле были не менее значительны, чем у католиков, и охранялись столь же ревностно, особенно во всем, что касалось окрестностей Иерусалима и Вифлеема. На-

конец, и Великобританию Палестина привлекала не меньше, чем Францию и Россию, хотя в данном случае на первый план выступали, конечно же, не религиозные, а военные соображения. С точки зрения Лондона, область, расположенную в такой близости от Суэцкого канала, просто невозможно было отдать под контроль другого государства. Конечно, министр иностранных дел сэр Эдуард Грей был слишком трезвым политиком, чтобы потребовать для Великобритании монопольного влияния в Палестине и тем самым вступить в конфликт с союзниками. Он предложил компромиссную формулировку, которая в конце концов удовлетворила и Париж, и Петроград. Речь шла об объединенном управлении союзников на основной территории Палестины.

В результате соглашения, достигнутое в январе 1916 г. Сайксом и Жорж-Пико и впоследствии поддержанное русским министром иностранных дел Сазоновым, включало и договоренность о франко-русско-английском совместном управлении в зоне, которая охватывала Центральную Палестину. При этом ни Англия, ни Франция не отказывались от своих интересов в Святой земле. Например, Великобритания должна была контролировать Акабу и Хайфский залив; английская железная дорога, проложенная через французскую Сирию, должна была соединять Хайфу с Багдадом. Кроме того, в британскую сферу влияния попадали Южная Палестина и смежные районы Трансиордании — тем самым зона совместного управления оказывалась с трех сторон окруженной британскими владениями. Во французскую сферу влияния включалась Северо-Западная Палестина, в том числе и вся Верхняя Галилея с ее плодородными пшеничными полями, водными ресурсами и почитаемыми святынями. Впоследствии по соглашению, заключенному в сентябре 1917 г., Италии тоже была предоставлена возможность участвовать в совместном управлении Палестиной.

Между тем начиная с лета 1916 г. в Синае и Палестине все в большей степени разворачивались военные действия Великобритании против Турции. До этого момента боевые операции англичан на Ближнем Востоке, в проливах и Месопотамии, оборачивались для них тяжелыми поражениями. Повидимому, Синайский полуостров представлял собой удобный плацдарм для прямого вторжения в османский Левант. После того как в июне 1916 г. военное руководство Британской империи пришло к этому выводу, английская штаб-квартира в Каире приступила к организации и снаряжению 150-тысячного Египетского экспедиционного корпуса, которому предстояло двинуться напрямик на Палестину. 22 декабря 1916 г. английские части при численном превосходстве напали на турецкие позиции в Эль-Арише и захватили их. В начале января 1917 г. был взят Рафах, а в марте экспедиционный корпус приступил к Газе — воротам Палестины. На протяжении трех недель англичане дважды пытались захватить Газу, но не могли преодолеть мощную турец-

кую оборону. Командующий британскими силами был смещен. На смену ему пришел генерал сэр Эдмунд Алленби¹⁰, боевой офицер, отважный кавалерист. Он немедленно приступил к реорганизации своих дивизий и разработке плана прорыва в направлении Северного Негева.

Однако, в то время как Алленби готовил наступление, английские чиновники из Министерства иностранных дел и военного ведомства все больше беспокоились о том, что прежние дипломатические усилия могут лишить их серьезного преимущества. Возможно, компромисс, сводившийся к совместному управлению Палестиной, был неизбежен в ту пору, когда Великобритания была вынуждена отказаться от наступательной политики на Ближнем Востоке после своих поражений. К тому же как раз в то время французы приняли на себя основную тяжесть военных операций на Западном фронте. Однако спустя несколько месяцев лондонским политикам уже трудно было согласиться с идеей французского анклава в Палестине, пусть даже при наличии совместного управления союзников. Ведь весной 1917 г. Алленби повел десятки тысяч английских солдат в наступление. Именно поэтому британский военный кабинет ответил отказом на неоднократные союзнические предложения Франции, стремившейся принять участие в военной операции.

19 апреля специальный комитет по территориальным условиям мира под представительством лорда Керзона единогласно подчеркнул важность британского контроля над Палестиной в послевоенный период. Два дня спустя Ллойд Джордж сообщил лорду Берти, послу Великобритании во Франции, что “французам придется согласиться на британский протекторат в Палестине”. Далее премьер-министр отметил, что международное управление Святой землей “для нас совершенно неприемлемо... Контроль над Палестиной — это, собственно говоря, возможность контролировать Египет”. Однако факт британского военного присутствия в Святой земле не являлся в глазах правительства Ллойд Джорджа решающим аргументом для переговоров с союзниками насчет своих территориальных претензий. Это означало бы нарушение принципа, провозглашенного президентом США Вудро Вильсоном и пришедшим к власти в России Временным правительством, о недопустимости территориальных приобретений военным путем. В момент, когда еще не просохли чернила на соглашении сэра Марка Сайкса с Жорж-Пико, требовалась более “возвышенная” аргументация. Английское правительство не сразу осознало, что подходящие доводы — в его распоряжении. И доводы эти, как ни странно, могли представить евреи.

¹⁰ Алленби Эдмунд Генри (1861–1936) — английский фельдмаршал. С начала Первой мировой войны командовал британскими войсками на французском театре военных действий. С июля 1917 г. командовал войсками союзников в Египте. Под руководством Алленби союзные войска в 1917–1918 гг. заняли Палестину.

Истоки англо-сионистского альянса

В начале войны позиции Сионистской организации никак нельзя было назвать прочными. Дело в том, что нигде, даже в Восточной Европе, сионизм не смог завоевать массовой поддержки. В России расширялась и приобретала влияние деятельность Бунда, а ортодоксальные евреи все еще сохраняли недоверчивое отношение к сионизму. В Западной Европе движение сталкивалось с упорным противодействием ассимилированного еврейского “истеблишмента”. И кроме того, непрочному положению сионизма нанесла дополнительный удар война. Правление Сионистской организации, переместившееся в нейтральный Копенгаген (Копенгагенское бюро), не добилося сколько-нибудь заслуживающих упоминания результатов. Лидеры движения находились каждый в своей стране, поэтому оно было лишено централизованного руководства.

Кризису способствовало и то, что сионисты разделяли патриотические чувства своих соотечественников. В Австрии Сионистская федерация заявила, что призывает еврейскую молодежь к добровольной военной службе. В Германии официальный сионистский еженедельник “признал, что наши [еврейские] интересы целиком и полностью совпадают с интересами нашей страны”. Во всей Европе наблюдалась тенденция не только отождествить интересы евреев с национальными интересами государств, в которых они жили, но и согласовать цели сионизма с военной политикой этих государств. Это особенно относилось к Германии, где Артур Хантке и Рихард Лихтхейм¹¹ пытались убедить берлинских чиновников в необходимости создания еврейского национального очага в Палестине, который, несомненно, станет оплотом немецкого влияния в Леванте. Впрочем, эти попытки особого успеха не имели — Германия не собиралась портить отношений с союзной Турцией.

Дипломаты других стран разделяли общее безразличие, а то и неприязнь к сионизму. Французское правительство, например, предполагало, что поскольку Герцль, Нордау, Вольфсон и другие лидеры раннего сионизма по образованию и культуре принадлежат к Центральной Европе, то еврейское национальное движение является “авангардом германского влияния”. В Петрограде едва ли можно было ожидать симпатий к еврейскому национализму в то время, когда военное командование осуществляло массовые выселки еврейского населения в глубь России¹². Наконец, Англия

11 Лихтхейм Рихард (1885–1963) — сионистский деятель и публицист. Во время Первой мировой войны был представителем Сионистской организации в Стамбуле; в 1934 г. переехал в Эрец-Исраэль и основал первую в стране страховую компанию *Мигдаль*.

12 В годы Первой мировой войны в России еврейское население прифронтовой полосы не раз обвинялось в “измене” и “шпионаже”. Отступление русских войск из Галиции

как будто тоже не давала надежды на то, что окажет поддержку сионизму. Хотя английское еврейство насчитывало четверть миллиона, большую часть его составляли русские эмигранты, слишком бедные и забытые, чтобы оказывать сколько-нибудь заметное влияние на общественную жизнь. Что касается ассимилированных английских евреев, то они по большей части отвергали саму сионистскую идею, а британское правительство относилось к ней с тем же равнодушием, что и правительства других великих держав.

Однако были среди английских политиков и государственных деятелей люди, знакомые с сущностью сионизма и относившиеся к нему без предубеждения. Еще за несколько лет до переговоров Герцля с Чемберленом в британской прессе начали появляться статьи о сионизме. В августе 1902 г. в Лондоне состоялся Четвертый Сионистский конгресс — его заседания широко освещались в печати. Затем в парламенте, где тогда заседали Ллойд Джордж и Бальфур, рассматривались и обсуждались планы относительно Эль-Ариша и Восточной Африки. Во время переговоров Герцля с Чемберленом лорд Мильнер был верховным комиссаром Южно-Африканского Союза, и еще тогда он получил достаточно полное представление о сути сионизма и даже стал горячим сторонником этого движения. Генри Уикхем Стэд, впоследствии редактор газеты “Таймс”, дважды встречался с Герцлем (в 1896 и 1902 гг.); сионистский лидер и его воззрения произвели на Стэда большое впечатление.

Если связи между Англией и сионистским движением возродились и окрепли после 1914 г., то объясняется это, в частности, и теми качествами, которые были присущи новым активистам движения, по воле случая оказавшимся к началу войны в Англии. Их признанным лидером был д-р Хаим Вейцман, сорокалетний преподаватель химии в Манчестерском университете. Вейцман родился в России, учился в Германии и Швейцарии. В Англии он отстаивал интересы сионизма с той же ясностью и убедительностью, которые были присущи ему еще в молодые годы, когда на первых Сионистских конгрессах он возглавлял Демократическую фракцию. Вскоре Вейцман сумел приобрести верных сторонников среди выдающихся представителей английского еврейства. Наиболее влиятельным среди них был Герберт Сэмюэл¹³, занимавший пост министра внутренних дел в правитель-

сопровождалось насильственной эвакуацией евреев на восток. Весной 1915 г. главнокомандующий Русской армией великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Янушкевич приказали выслать все еврейское население из большей части Курляндской и Ковенской губерний.

13 Сэмюэл Герберт Льюис (1870–1963) — британский государственный деятель. В 1902 г. был избран в палату общин от Либеральной партии. В 1909 г. вошел в состав правительства, получив должность канцлера Ланкастерского графства, став первым в истории Англии членом кабинета министров еврейского вероисповедания. С 1914 г. стал поддерживать сионистов. В 1920–1925 гг. был первым Верховным комиссаром Палестины. В 1931 г. в коалиционном правительстве М. Макдональда занял пост ми-

стве Асквита¹⁴. Сэмюэл проявлял некоторый интерес к сионизму и прежде, но с начала войны он — еще до встречи с Вейцманом — начал задумываться о том, какие дипломатические выгоды может принести Великобритании протекторат над еврейским национальным очагом в Палестине. Именно из соображений соблюдения национальных интересов Великобритании Сэмюэл и изложил эту идею премьер-министру Асквиту и министру иностранных дел сэру Эдуарду Грею, но те поначалу приняли ее сдержанно.

Однако Сэмюэл стоял на своем. После встречи с Вейцманом, устроенной редактором “Манчестер Гардиан” Чарлзом П. Скоттом, Сэмюэл и юрист Гарри Сакер, английский еврей, познакомили лидера сионистов с рядом выдающихся общественных деятелей Англии. Среди них был и редактор “Таймс” Стэд, в котором снова пробудился интерес к сионизму. Затем через Скотта и Стэда Вейцману удалось завязать контакты с политическими лидерами Великобритании, в том числе с Ллойд Джорджем, Уинстоном Черчиллем и лордом Робертом Сесилом. Отношения с ними особенно упрочились после того, как Вейцман успешно выполнил заказ английского Адмиралтейства. В 1916 г. его вызвали в Лондон и предложили помочь в разработке производства ацетона, который входил в состав взрывчатого вещества — кордита. Вейцман два года вел исследования и наконец получил прекрасный результат.

За это время окрепли его дружеские связи. Человеческое обаяние лидера сионистов сыграло немалую роль в его дипломатическом триумфе последующих пяти лет. Сам облик Вейцмана, всегда подчеркнуто элегантно, с высоким открытым лбом и внимательным, острым взглядом, не мог не привлекать внимания. Он превосходно говорил по-английски, а легкий русский акцент придавал его речи своеобразие. Много лет спустя сэр Роналд Сторрс характеризовал Вейцмана как

“... блестящего собеседника, владевшего замечательной способностью ясного изложения... оратора, наделенного редким даром убеждать, даже когда он говорил по-английски, на иврите, а тем более — по-русски; как человека, обладающего во всей полноте той энергией и проникновенностью, которую славяне обычно посвящают любви, а евреи — бизнесу; как личность, посвятившую себя одной цели — достижению Сиона”.

нистра внутренних дел, однако вышел в отставку в 1932 г. в связи с несогласием с политической линией правительства. Автор ряда философских сочинений; президент Британского института философии.

14 Асквит Герберт Генри (1852–1928) — британский государственный и политический деятель, один из руководителей Либеральной партии. С 1908 по 1916 г. — премьер-министр Великобритании. Правительство под его руководством осуществило ряд важных социальных и экономических реформ, в том числе введение системы социального страхования и государственного пенсионного обеспечения.

Сэр Чарлз Уэбстер, впервые встретившийся с Вейцманом в 1917 г. в военном министерстве, считал его величайшим государственным деятелем своего времени.

“С неослабевающим искусством, — писал Уэбстер, — он применял свои аргументы с учетом личных особенностей каждого политика. В беседах с англичанами и американцами он использовал библейскую стилистику, вызывая у них глубокую эмоциональную реакцию; как правило, он касался того, что могло заинтересовать его собеседника. Г-ну Ллойд Джорджу он рассказывал о том, что Палестина — маленькая гористая страна, чем-то напоминающая Уэльс. С лордом Бальфуrom он обращался к философским истокам сионизма. В беседах с лордом Сесилом проблема включалась в контекст переустройства мирового сообщества. А лорду Мильнеру он рисовал перспективы расширения имперских владений”.

Как подчеркивал Уэбстер, Вейцман при этом умел учитывать национальные и культурные интересы собеседников — например, мистическое почтение ветхозаветных традиций и особенно Святой земли религиозными англосаксонскими, валлийскими и шотландскими протестантами. Позднее Ллойд Джордж писал, что во время первой встречи с Вейцманом в декабре 1914 г. речь зашла об исторических местах Палестины, которые англичанин “знал лучше, чем карту Западного фронта”. Святой землей на протяжении всей жизни интересовались и Бальфур, и Ян Христиан Смуте, член военного кабинета. Они глубоко осознавали исторические обязательства христианства по отношению к евреям. В их глазах этот долг был еще более подкреплен личными заслугами Вейцмана перед Антантой, его бескомпромиссной преданностью Англии, неоднократными заверениями, что судьба сионизма раз и навсегда связана с интересами союзников. Так, например, письмо 1916 г., в котором Вейцман порывал с “нейтральным” Копенгагенским бюро, по пути было, естественно, без ведома его автора, перехвачено Скотланд-Ярдом и впоследствии расположило власти в его пользу.

На фоне этих дружеских отношений речи Вейцмана о “британском протекторате над еврейским национальным очагом” начали вызывать все более одобрительную реакцию официальных лиц. Время решительной переоценки ближневосточной политики наступило в последние недели 1916 г., когда Ллойд Джордж стал премьер-министром, а Бальфур — министром иностранных дел. Как признал новый кабинет, соглашение Сайкса—Пико больше не могло служить достаточно надежной гарантией британских интересов в Палестине. Но, может быть, евреи не в меньшей степени, чем арабы, могут быть полезны для установления там британского господства?

Собственно, уже в начале войны Ллойд Джордж предлагал аннексировать Святую землю. В его представлении еврейская Палестина под британским управлением могла стать логическим итогом и дипломатическим шедевром имперской политики. Он не участвовал в принятии соглашения Сайкса—Пико, которое считал проявлением “самоуверенности”, основанной на ошибочных расчетах. Сионизм, возможно, предоставлял шансы для пересмотра этого документа. В то же время за сотрудничество с сионистами выступали лорд Мильнер, ближайший друг Ллойд Джорджа в правительстве военного времени, лорд Роберт Сесил — заместитель министра иностранных дел, Филипп Керр — советник премьер-министра по иностранным делам и, главное, три молодых секретаря по ближневосточным делам в составе военного ведомства: сэра Марк Сайкс, Леопольд Эмери и Уильям Ормсби-Гор.

Неоценимое посредничество

Наибольшим влиянием в этой группе пользовался Сайкс, способствовавший упрочению связей между правительством и сионистским руководством. Для главного секретаря военного ведомства это была необычная роль, особенно если учесть, что Сайкс не испытывал особой любви к евреям, которые постепенно начали проникать в английское общество. Правда, во время пребывания в Палестине он был восхищен сионистскими колониями и оценил их обновляющее воздействие на еврейский народ. Однако не вызывает сомнений, что пробудившаяся в нем симпатия к сионизму была обусловлена отнюдь не заботой о будущем еврейства. Хотя поначалу Сайкс сомневался, стоит ли отказываться от заключенного в 1916 г. соглашения с Францией, в последующие месяцы он принял точку зрения своих коллег, выступавших за пересмотр ближневосточной политики. Таким образом, в число народов, ждущих освобождения от оттоманского господства, — армян, арабов, греков, в которых Сайкс видел естественных ближневосточных союзников Великобритании в борьбе против Турции, — неизбежно попадали и евреи-сионисты. Эта идея принадлежала не самому Сайксу. Она возникла в октябре 1916 г. в беседах с д-ром Мозесом Гастером, главным сефардским раввином Лондона, сионистом Агароном Ааронсоном¹⁵ и армянином Джеймсом Малкольмом, выросшим в Англии выходцем

15 Ааронсон Агарон (1876–1919) — агроном, естествоиспытатель, руководитель подпольной организации *Нили* в Эрец-Исраэль, созданной во время Первой мировой войны для освобождения страны от турецкого владычества. Снабжал британское командование в Египте ценной информацией о турецкой армии.

из Ирана. Еще в юности Малкольм стал приверженцем сионизма — отчасти по убеждению, отчасти в надежде, что “еврейские финансисты помогут армянам...”. Через Малкольма и Гастера Сайкс познакомился с Вейцманом. Их встреча состоялась 7 февраля 1917 г. К этому времени целью Сайкса стало объединение британских и сионистских интересов. “С английской точки зрения, — говорил он Эмери, — процветающее еврейское население в Палестине, обязанное своим утверждением на этой земле и развитием британской политике, могло бы иметь неопределимое значение для защиты Суэцкого канала от нападений с севера и стало бы промежуточным пунктом для авиационных линий, ведущих на Восток”.

Теперь решающим фактором стала быстрота действий — в первые дни нового, 1917 г. началось наступление англичан в Палестине. Поэтому на встрече 7 февраля Сайкс дал понять сионистскому руководству, что правительство, возможно, благожелательно отнесется к возникновению еврейской государственности в Святой земле. Правда, он еще не мог сделать достоянием гласности соглашение, которое было заключено с Жорж-Пико и теперь связывало руки военному кабинету, однако заметил, что Великобритания пока не обладает свободой действий на Ближнем Востоке. Далее он предложил сионистам взять на себя инициативу и убедить союзные правительства поддержать идею еврейского национального очага в Палестине. Если этот шаг встретит сочувствие, легче будет добиться и естественного следствия такого решения — британского протектората. Вейцман и остальные согласились с Сайксом и решили немедленно обратиться к французскому и итальянскому правительствам.

Сайкс, сам оставаясь в тени, тщательно все отрежиссировал. Нахум Соколов, в то время ближайший сотрудник Вейцмана, впоследствии писал:

“В Париже, возвращаясь из Министерства иностранных дел, я встретил по дороге Сайкса. Тому не терпелось все поскорее узнать. Дальше мы пошли вместе, и я изложил ему ход переговоров. Но этого ему было мало: он вникал в каждую деталь. Пришлось мне дать ему подробную запись беседы, и он составил обстоятельный отчет. “Славно я сегодня потрудился”, — сказал он мне, и глаза его засверкали. Вторая [встреча] состоялась в апреле 1917 г. в Риме. Сайкс прибыл туда прежде меня и не мог дождаться, когда же я приеду... Я остановился в гостинице — Сайкс заранее заказал для меня номер. Я отправился в британское посольство — там меня ожидали письма от Сайкса с инструкциями. Я поехал в резиденцию итальянского правительства — Сайкс там уже побывал. Явился в Ватикан — но и там Сайкс меня опередил”.

Усилия Сайкса принесли плоды. Хотя Министерство иностранных дел Франции недвусмысленно воспротивилось каким бы то ни было измене-

ниям в соглашении Сайкса—Пико, оно с благожелательным вниманием отнеслось к проблеме еврейского национального очага. Очевидно, выбора у французов не оставалось: слухи (как оказалось, ложные) о готовящемся в Берлине заявлении, благоприятном для сионизма, убедили Париж в том, что еврейский национализм — “штука серьезная”. 4 июня французское Министерство иностранных дел направило Соколову письмо с заверением, что “французское правительство... не может не сочувствовать вашему делу, триумф которого связан с победой союзников”. В Риме папа Бенедикт XV обнаружил не меньшую сердечность; не характерное для Его Святейшества доброжелательство по отношению к евреям было вызвано тактическими соображениями: еврейский анклав в Палестине под британским покровительством мог предотвратить влияние русского православия в Святой земле.

Конечно, союзникам Великобритании было нетрудно понять, с какой целью англичане поддерживают сионистов. Уже 6 апреля 1917 г. Сайкс открыто уведомил Жорж-Пико, что военные усилия Англии в Палестине должны быть приняты в расчет на мирной конференции. “[Пико] убежден, — писал в апреле 1917 г. президент Франции Пуанкаре в своем дневнике, — что в Лондоне наши соглашения теперь считают недействительными”. Безусловно, и сами сионисты понимали, что англичане рассчитывают с их помощью расширить сферу своего политического влияния. Более того, их устраивала эта роль — ведь дружеская поддержка могучей империи стала теперь почти официальной. Именно поэтому Вейцман и его соратники, с нетерпением ожидавшие обнародования декларации военного кабинета, недоумевали, почему поддержка Великобритании не принимает формы открытого обязательства. Они, конечно, и не подозревали о предшествующей договоренности с Францией. “О существовании этого соглашения мы узнали не от Сайкса, — вспоминал Вейцман. — Только много месяцев спустя поняли мы, что же мешало продвижению дела”. О подробностях соглашения Сайкса—Пико первым узнал Ч. П. Скотт, редактор “Манчестер Гардиан”. Не вникнув в суть дела, он передал эти сведения Вейцману. Тот пришел в ужас и обратился к лорду Роберту Сесилу, но не услышал ни опровержения, ни подтверждения. Вместо этого Сесил начал убеждать Вейцмана, что сделано еще далеко не все, чтобы убедить правительство выступить с официальной декларацией о единстве целей Великобритании и сионистов. Было бы весьма кстати, если бы евреи в Англии и за ее пределами открыто высказались в пользу британского протектората в Святой земле. В этих словах, кроме всего прочего, содержался прозрачный намек: в ответ на благосклонное отношение правительства к сионизму евреи всего мира должны проявить абсолютную преданность делу Антанты.

Qui pro guo¹⁶ дружбы с евреями

Убеленный сединами миф о богатстве и могуществе мирового еврейства восходит к эпохе барокко¹⁷, когда придворные еврейские банкиры служили надежной опорой для многих королевских династий Европы. Столь же серьезно относились к этому мифу и в XIX в., когда процветало семейство Ротшильдов, а Пальмерстон¹⁸ убеждал оттоманскую Турцию разрешить широкомасштабную еврейскую колонизацию Палестины, “ибо богатство, которое они [евреи] с собой принесут, увеличит достояние во владениях султана...”. В XX в. этот миф воспринимался с той же серьезностью. В феврале 1917 г. Сайкс писал Жорж-Пико: “Если могущественная сила иудаизма почувствует, что в своих стремлениях... она близка к цели, то есть надежда, что порядок и прогресс воцарятся в Аравии и на Ближнем Востоке”. Почти все правительства воюющих стран испытывали ужас перед властью мирового еврейства — властью, по сути дела, мифической. Примечательно, что и Германия, и Франция во время войны включили евреев-советников в состав своих миссий в Соединенных Штатах. Считалось, что они способны обеспечить соответствующему правительству поддержку американских евреев. Более того, до вступления США в войну казалось, что чаша весов склоняется в этом смысле в пользу немцев. Еврейский истеблишмент в Америке составляли, в основном, выходцы из Германии. Выдающийся финансист Джейкоб Шифф¹⁹ и ему подобные не скрывали своих прогерманских настроений. На тех же позициях стояли эмигранты из России, не забывшие жестоких преследований царского режима.

Даже Ллойд Джордж придерживался господствующего мнения о “еврейском влиянии” в других государствах. Пусть это суждение и было совершенно ложным — важно то, что премьер-министр разделял его. Поло-

16 Qui pro guo — (лат. букв. “одно вместо другого”) — путаница, неразбериха.

17 Барокко — главенствующий стиль в европейском искусстве в конце XVI — середине XVIII в.

18 Пальмерстон Генри Джон (1784–1865) — английский государственный деятель. В 1830–1841 гг. и 1846–1851 гг. — министр иностранных дел, в 1855–1865 гг. (с коротким перерывом) — премьер-министр Великобритании.

19 Шифф Джейкоб-Генри (1847–1920) — американский финансист и филантроп, глава одной из крупнейших банковских фирм, активно участвовавшей в развитии индустриализации в США, особенно в расширении сети железных дорог. Выпускал займы в пользу правительства США и других стран; в частности, организовал выпуск облигаций на 200 млн долларов в пользу Японии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. из-за резко отрицательного отношения к антисемитской политике правительства России. Финансировал большинство еврейских организаций в США, оказывал помощь в сельскохозяйственном развитии Эрец-Исраэль.

жение союзников в 1917 г. было критическим: Россия фактически вышла из войны, Франция была истощена, во французской армии зрел мятеж, Италия была деморализована после военных поражений; немецкие подводные лодки, вселявшие ужас, топили вражеские суда; на фронт не прибыла еще ни одна американская дивизия. Все усилия дипломатии были сосредоточены на том, чтобы использовать американские силы и удержать Россию в составе Антанты. “В решении этих двух задач, — писал Ллойд Джордж, — большую роль играло общественное мнение России и Америки, а потому мы [считали]... что в обеих этих странах многое зависит от дружественного или враждебного отношения еврейства”. Собственно говоря, после того, как Соединенные Штаты вступили в войну, возможная враждебность или поддержка со стороны американских евреев потеряла всякое значение. С другой стороны, отношение русских сионистов к Антанте было раз и навсегда отравлено их ненавистью к царизму. Это стало очевидным в июне 1917 г., когда Усышкин и другие русские сионистские лидеры передали Луи Брандайзу²⁰ и Вейцману, что они не отождествляют цели сионизма с интересами одной из противоборствующих сторон. В этом заявлении звучала плохо скрытая неприязнь к участию России в союзе Антанты.

Владимир Жаботинский испытал это отношение на себе. Когда началась война, ему было тридцать четыре года. Русский еврей, блестящий оратор, писатель, поэт и журналист, Жаботинский в качестве военного корреспондента либеральной газеты “Русские ведомости” отправился на Западный фронт. Когда Оттоманская империя включилась в военные действия, он понял, что в случае освобождения Палестины от господства турок перед сионизмом откроются уникальные возможности. После этого, стремясь подчеркнуть верность сионистов Антанте, Жаботинский спешно взялся за организацию Еврейского легиона “для освобождения Святой земли”. Первым результатом этих усилий стал Отряд погонщиков мулов, который был послан не в Палестину, а в Галлиполи и впоследствии расформирован. В начале 1915 г. Жаботинский на время вернулся в Россию. Там сионисты, видевшие в любой военной поддержке Антанты помощь ненавистному царскому правительству, подвергли журналиста остракизму. У себя на родине, в Одессе, Жаботинский был публично заклеямен в городской синагоге как предатель. На улице к его матери подошел Усышкин, который сказал ей: “Вашего сына следовало бы повесить!”

20 Брандайз Луи-Дембиц (1856–1941) — американский юрист, первый еврей, ставший членом Верховного суда США. С начала Первой мировой войны занимал пост председателя Временного комитета по общесионистским делам. По его инициативе был принят ряд мер для экономического развития Эрец-Исраэль.

После этого Жаботинский продолжил свою деятельность в Лондоне. Однако и там дело обернулось скандалом. Выступая в Ист-Энде перед толпой евреев, эмигрантов из России, он был освистан и согнан с трибуны. В Англии, как и в России, евреи не желали вступать ни в легион, ни в какую-либо иную воинскую часть, которая должна была сражаться против врагов царской России. Кроме того, большинство лидеров английского сионизма, за исключением Вейцмана, холодно отнеслись к планам Жаботинского, хотя и по другим причинам. Они понимали, что палестинские евреи — заложники Турции. Если бы стало известно, что их зарубежные братья проводят мобилизацию с целью освобождения Святой земли, *ишув*, вероятно, разделил бы судьбу армян, которых незадолго до этого турки уничтожали как потенциальных изменников²¹.

Эту аналогию никак нельзя было считать натяжкой: в 1917 г. к таким же трагическим результатам чуть не привела деятельность небольшой группы палестинских евреев, передававших военные сведения англичанам. Организатором их был Агарон Ааронсон. Сын земледельца-сиониста, Ааронсон был известен как талантливый агроном. В 1906 г. он получил международное признание, открыв разновидность древнейшей дикой пшеницы в Галилее. Через четыре года, благодаря поддержке министра сельского хозяйства США и субсидии богатого американского еврея, Ааронсон создал агростанцию в Атлите, деревне, расположенной на побережье, на краю Кармельской гряды. Там в течение ряда лет он занимался всесторонним изучением методов земледелия в засушливых областях. Однако Ааронсон и его помощник Авшалом Файнберг не только искали способ улучшения плодородности почвы; они ясно понимали, что ни у Эрец-Исраэль, ни у *ишува* нет будущего под властью жестоких и ленивых оттоманских чиновников. Это убеждение лишь окрепло, когда с началом войны евреев и арабов начали изгонять из страны и обирать до нитки, а армяне пережили жесточайшую резню, и жалкие, умирающие армянские беженцы потянулись в Палестину. Ааронсон и Файнберг думали, что необходимо способствовать изгнанию турок из Палестины. Эти взгляды разделяла маленькая группа их друзей, в том числе отец, братья и сестры Ааронсона и несколько молодых сотрудников агростанции.

Едва началась война, Ааронсон и его товарищи стали ждать британского вторжения. Когда вместо этого была осуществлена высадка в Галлиполи, группа решила сама наладить связь с англичанами и систематически поставлять им информацию о передвижениях турецких войск в Палестине.

21 В апреле 1915 г. турецкое правительство распорядилось выслать все армянское население, проживающее в Западной Армении. Высылку осуществляли курдские иррегулярные части с необыкновенной жестокостью. В результате погибло, по разным данным, от 600 тыс. до 1 млн армян.

Для такой работы Ааронсон и его сотрудники находились в исключительно выгодном положении. Они были старыми поселенцами, их знали как агрономов, им было предоставлено право свободно передвигаться по Палестине для организации борьбы с саранчой. Файнбергу и брату Ааронсона Александру удалось успешно пройти через расположение турецких войск и добраться до Египта. Английские чиновники в Каире встретили их предложение довольно холодно. Однако осенью 1916 г. Агарон Ааронсон получил тревожные сведения о том, что турки концентрируют значительные силы, пытаясь осуществить вторую попытку вторжения в зону Суэцкого канала. Следовало каким-то образом известить англичан. Необходимо было также, чтобы они осознали еще одну опасность: если Палестина в ближайшее время не будет освобождена, население ее может не пережить голода, охватившего всю страну. Перед Ааронсоном встала задача — попасть в Англию и вступить там в прямой диалог с представителями власти.

Такая возможность представилась благодаря другому вторжению — нашествию саранчи. Ааронсон встретился с Джемал-пашой, командующим Четвертой армией, и убедил турецкого генерала разрешить ему поездку в Германию для “исследования маслянистой разновидности кунжута”. Попав в Германию, Ааронсон отправился в нейтральный Копенгаген, а там с помощью Сионистского Копенгагенского бюро разработал план, позволивший ему добраться до Англии и в то же время остаться вне подозрений. В октябре 1916 г. он отплыл в Соединенные Штаты. Согласно предварительной договоренности, в море пароход был перехвачен английским военным катером, Ааронсона “арестовали” как турецкого гражданина и доставили в Англию. Уже через несколько часов после приезда в Лондон он рассказал все, что знал, главе Скотленд-Ярда сэру Бэзилу Томпсону. Агроном представил убедительные доказательства возможности разгрома турок в случае вторжения войск союзников в Палестину. Томпсон, на которого эта информация произвела большое впечатление, в ноябре послал Ааронсона в Египет для встречи с английскими военными. Они были поражены не меньше Томпсона и на этот раз обещали активно сотрудничать с еврейской разведывательной сетью. Ааронсон остался в Каире в качестве связного между своей группой в Атлите и англичанами. Стоит отметить, что в течение нескольких недель пребывания Ааронсона в Лондоне он встретился там с целым рядом официальных лиц, в том числе с Сайксом, Эмери и Ормсби-Гором. На всех он произвел глубокое впечатление своими сионистскими идеалами и мечтой о еврейском национальном очаге в Палестине под британским протекторатом. С тех пор все меморандумы Ормсби-Гора по палестинской проблеме несли на себе отпечаток идей Ааронсона.

Между тем организация *Нили*, представлявшая собой еврейскую разведывательную сеть (*Нили* — аббревиатура библейских слов: “Вечность Израиля не обманет”), действовала еще восемь месяцев. Ею руководили сестра Ааронсона Сара и ее помощник Йосеф Лишанский. Члены *Нили* собирали подробные сведения о турецких военных базах и передвижении войск. Информацию они передавали на английский фрегат, который раз в две недели по ночам бросал якорь неподалеку от Атлита. Разведывательные данные имели огромное значение для англичан. Когда Алленби весной 1917 г. принял командование Египетским экспедиционным корпусом, он обратился к членам *Нили* за подробными сведениями о том, как обороняется Беэр-Шева, на которую было намечено наступление. Сара Ааронсон и ее товарищи немедленно взялись за выполнение задания. В их донесениях содержались важные сведения о погодных условиях, местонахождении водных источников и малярийных болот, качестве дорог, ведущих в Беэр-Шеву из Негева. “В очень значительной мере именно благодаря отважной работе молодых разведчиков, — писал секретарь Алленби капитан Реймонд Севидж, — командующему удалось достичь такого успеха в его действиях”.

Деятельности *Нили* пришел конец в сентябре 1917 г., когда в руки турок попал один из почтовых голубей, использовавшихся разведчиками. Через две недели член *Нили* Нааман Белкинд был схвачен при попытке добраться до Египта. В конце концов полиция добралась и до разведывательной базы в Атлите. Большая часть разведчиков *Нили* была арестована, в их числе и почти все члены семьи Ааронсон. Судьбу их нетрудно было предугадать. Чтобы избавить своего престарелого отца от побоев, Сара Ааронсон сдалась властям добровольно. Ее начали пытать, добываясь признаний. На третий день пыток она выхватила из ящика револьвер и выстрелила в себя. Парализованная, она прожила еще несколько дней. Пыткам подвергались и другие. Один из них, Реувен Шварц, покончил с собой. Белкинда и Лишанского повесили в Дамаске. Хотя о деятельности *Нили* знала лишь горстка палестинских евреев, только неизбежность прихода англичан в Иерусалим спасла *ишув* от эпидемии арестов, а возможно, и от массовых казней и депортации. В этих условиях большинство поселенцев-сионистов не заняло четкой позиции по отношению к *Нили* или отнеслось просто враждебно. Они всегда недолюбливали Ааронсона, который славился своей антипатией к социализму. Как мы помним, среди членов *Поалей Цион* было немало таких, кто изо всех сил стремился доказать свою лояльность оттоманскому режиму. Поэтому *ишув* отказал в помощи уцелевшим разведчикам *Нили*. Их, впрочем, были единицы. Сам Агарон Ааронсон, оставшийся в Каире, дожил до мирного времени. Однако, согласно канонам классической трагедии,

история *Нили* закончилась в марте 1919 г., когда самолет, в котором Ааронсон летел из Лондона на Парижскую мирную конференцию, потерял управление над Ла-Маншем и упал в море.

Рождение декларации

Несомненно, лидеры британского сионизма сперва колебались, стоит ли поддержать планы Жаботинского относительно Еврейского легиона, именно потому, что не забыли трагической судьбы агентов *Нили*. Вероятно, уязвимость *ишува* толкала Вейцмана и его коллег на то, чтобы добиваться от английского правительства какой-то декларации в пользу сионизма. Однако, узнав о существовании соглашения Сайкса—Пико, они поняли, что теперь стоит пойти на риск, чтобы избежать расчленения территории Палестины и *ишува* и создания изолированных друг от друга областей, подчиненных враждующим державам. Поскольку наступление Алленби в Палестине стало неминуемым, и Вейцман, и британский военный кабинет считали, что нельзя откладывать принятие правительственного заявления, в котором будет говориться об одностороннем английском контроле над Святой землей.

Не исключалась также возможность того, что Турция выйдет из войны и, таким образом, сохранит и власть над Палестиной, и целостность империи. В Вашингтоне полагали даже, что такой вариант заслуживает изучения и что для этого пригодятся “надежные” турецкие источники, которыми располагал Генри Моргентау. Поэтому в мае 1917 г. государственный департамент предложил бывшему послу (ушедшему со своего поста в апреле, после разрыва дипломатических отношений между Турцией и США) начать переговоры на эту тему при посредничестве неких “третьих лиц” в Швейцарии. Моргентау охотно взялся за это дело. На первых порах Лондон оказывал ему помощь, но вскоре там спохватились, вспомнив немецкое происхождение и связи Моргентау. Так или иначе, перед самым началом наступления Алленби было крайне невыгодно предоставлять туркам возможность выйти из войны. Сионисты разделяли недоверие к этому плану. По просьбе английского Министерства иностранных дел Вейцман согласился встретиться с Моргентау и его спутником Феликсом Франкфуртером²² на Гибралтаре. Эта встреча состоялась 4 июля. В ходе длительной

22 Франкфуртер Феликс (1882–1965) — американский юрист, один из основателей Американского союза защиты гражданских свобод, с 1939 г. — член Верховного суда. В 1919 г. был членом сионистской делегации на Парижской мирной конференции.

беседы лидер сионистов объяснил Моргентау и Франкфуртеру, что турки едва ли пойдут на сепаратный мир, отказавшись тем самым от контроля над Арменией, Сирией и Палестиной, поскольку союзники настаивают на освобождении этих земель. Как вспоминал Вейцман, “г-на Моргентау не пришлось убеждать в том, что он должен отказаться от своего плана, — он убедил себя в этом сам”.

К этому времени и Вейцману, и Бальфуру с его сотрудниками было уже ясно, что затягивать дело рискованно и что больше нельзя откладывать принятие официальной декларации, провозглашающей поддержку еврейского национального очага английским правительством. Сайкс и Ормсби-Гор были убеждены, что Берлин собирается опередить союзников и выступить с собственным заявлением в поддержку сионизма (они, однако, заблуждались). Кроме того, в мае Объединенный комитет, организация ассимилированных английских евреев, местного истеблишмента, опубликовал в “Таймс” резкую антиссионистскую декларацию, подчеркнув тем самым расхождения в отношении еврейства к возвращению в Святую землю и неопределенность британского подхода к палестинской проблеме. Теперь Бальфура уже не нужно было убеждать в том, что сионизм нуждается в официальной санкции. Надо иметь в виду, что интерес министра иностранных дел к сионизму возник задолго до этих событий и не был случайным. Еще в 1906 г. в Манчестере, где он баллотировался в парламент, Бальфур первым из политических деятелей Англии встретился с Вейцманом. “Благодаря этому разговору с Вейцманом я понял, что еврейский патриотизм — уникальное явление, — рассказывал впоследствии Бальфур. — Любовь евреев к их земле заставила их отклонить угандийский план. На меня не могло не произвести впечатления то, что Вейцман категорически отказался даже говорить об этом”. К 1917 г., когда дружеские связи между Вейцманом и Бальфуром восстановились, симпатии последнего по отношению к сионизму ничуть не ослабели. Подобно Смутсу и Ллойд Джорджу, министр иностранных дел был воспитан на Библии, а детальное знание еврейской истории и того, как христиане обращались с евреями, оставило в его душе чувство вины. “Они [евреи] познали изгнание, рассеяние и гнет, — говорил он в 1917 г. Гарольду Николсону. — Если мы сумеем предоставить им убежище, надежный дом на их родине, их национальный гений расцветет во всей своей полноте и будет развиваться дальше”. Конечно, в расчетах правительства главное место занимали имперские интересы. Однако, что касается Бальфура, то его приверженность идее еврейского национального очага, бесспорно, только усиливалась благодаря духовной связи с идеями сионистского мистицизма. Поэтому в ответ на настоятельное пожелание Вейцмана 17 июня 1917 г. Бальфур предложил, чтобы сиони-

сты сами составили соответствующую декларацию, и обещал поддержать ее в военном кабинете.

Ближайшие сотрудники Вейцмана Сакер и Соколов немедленно начали работу над текстом заявления. Поскольку в тот момент военный кабинет стремился узаконить свои претензии на Палестину, в документе могла быть изложена программа-максимум. Сакер предлагал, чтобы правительство признало Палестину “еврейским государством и национальным очагом еврейского народа”. Более осторожный Соколов выступал за то, чтобы правительство ограничилось утверждением, что Палестина является “национальным очагом еврейского народа”. В результате компромисса был составлен проект, в котором был принят вариант Соколова. Затем в ходе многочисленных консультаций с Ормсби-Гором в текст был внесен ряд изменений. Тем не менее и окончательная редакция, подготовленная к 18 июля, не содержала недомолвок. “Правительство Его Величества, — говорилось в документе, — выражает свое согласие с принципом признания Палестины национальным очагом еврейского народа. Правительство Его Величества приложит все усилия для достижения этой цели и будет обсуждать необходимые для этого методы и средства с представителями Сионистской организации”. Во время официального обсуждения на заседании кабинета 3 сентября текст был одобрен министрами.

Как ни парадоксально, противодействие было оказано единственным евреем в составе правительства Ллойд Джорджа, Эдвином Монтегю, государственным секретарем по делам Индии, родственником Герберта Сэмюэла. Несмотря на аристократическое происхождение (отец его был лорд Суэйтлинг), Монтегю все же пришлось приложить немало усилий для того, чтобы отмежеваться от своих иудейских корней и получить признание в привилегированных правительственных сферах. На этот раз вопрос о еврейском национальном очаге поставил его перед сложной проблемой “двойной лояльности”. “Стремление [евреев] к государственности вызывает у меня ужас, — писал он 8 августа 1916 г. сэру Эрику Драммонду. — Если я его поддержу, то как англичанин и патриот должен буду подать в отставку и заявить о своем нейтралитете...” Теперь же, 3 сентября 1917 г., Монтегю начал говорить о том, что декларация в поддержку сионизма вызовет тревогу индийских мусульман и поставит в сложное положение английских евреев. Энергия, с которой он выступил против сионизма как “порочного политического учения”, заставила остальных министров отложить окончательное решение.

Сионисты и их сторонники в правительстве считали это лишь временной отсрочкой. Ллойд Джордж спокойно перенес вопрос о декларации на повестку дня следующего заседания. Однако, когда правительство собралось 4 октября, Монтегю с удвоенной энергией выступил против проек-

та. “Он чуть не плакал”, — писал впоследствии Вейцман. Сопrotивление Монтегю и его союзников — лорда Керзона и Гертруды Белл — не повлияло на позицию Бальфура, Смутса, Ллойд Джорджа и других сторонников сионизма, но показало им, что для решения вопроса необходим более нейтральный вариант текста. Поэтому, пока Вейцман и его сторонники продолжали добиваться утверждения предложенной ими декларации, Эмери и Мильнер работали над компромиссной формулировкой, которая и стала основой Декларации Бальфура. Предлагавшаяся ранее фраза о признании Палестины национальным очагом еврейского народа была заменена новой, менее определенной. Это изменение глубоко огорчило сионистов, однако вступить в полемику они не рискнули.

Теперь Ллойд Джордж был готов к тому, чтобы окончательно решить вопрос. Однако сперва премьер-министр намеревался получить твердые заверения в том, что дипломаты поддержат сионистские устремления. К этому моменту никто на Западе не сомневался в том, что идея еврейского национального очага явным образом связана с перспективой британского протектората. Поэтому Ллойд Джордж должен был увериться в том, что декларация, содержание которой предполагает установление протектората, впоследствии не приведет к серьезным осложнениям на мирной конференции. В конечном счете проблема могла быть решена благодаря престижу и влиянию правительства Соединенных Штатов. Правда, Вашингтон не объявлял войны Оттоманской империи. Но все равно Соединенные Штаты, вне всякого сомнения, оказывали решающее влияние на все аспекты мирного урегулирования, включая и будущее Святой земли.

Президент Вильсон, разумеется, не мог не знать о позиции американского еврейства, которое все больше склонялось к поддержке сионизма. Кроме того, этой ориентации способствовало и то, что в это время на территории Соединенных Штатов начала действовать штаб-квартира сионистского движения “в изгнании”. Когда в августе 1914 г. началась война, член сионистского руководства Шмарьягу Левин направлялся из Америки в Европу. Пароход, на котором он плыл, вернулся обратно, и Левин остался в Нью-Йорке, где основал Временный комитет по общесионистским делам. Именно благодаря деятельности этого Комитета в конечном счете и был спасен *ишув*. Обращения Комитета в государственный департамент способствовали расширению деятельности Моргентау, который увеличил гуманитарную помощь палестинскому еврейству. Кроме того, председатель Комитета Луи Д. Брандаиз пользовался в Америке широкой известностью — в 1916 г. он стал первым евреем, включенным в состав Верховного суда Соединенных Штатов. По предложению Вейцмана и при полной поддержке Бальфура к Брандайзу была направлена просьба использовать то влияние, которое он мог оказать на президен-

та, в связи с готовящимся британским заявлением по Палестине. Сперва юриста постигла неудача. Когда 11 сентября Вильсон ознакомился с первоначальным проектом декларации, у него возникли возражения против некоторых ее формулировок, которые он считал чрезмерно решительными. Однако англичане настаивали, и 6 октября из Лондона был передан в Вашингтон второй вариант декларации, составленный Эмери и Мильнером. Против него Вильсон уже не возражал. «Я обнаружил переданный Вами меморандум насчет сионистского движения, — писал 13 октября президент своему доверенному консультанту полковнику Хаузу. — Кажется, я не сказал Вам, что поддерживаю предложенную [Лондоном] формулировку... Я поддерживаю ее и прошу Вас им об этом сообщить». 16 октября в Лондоне получили телеграмму Хауза — именно это и требовалось сторонникам сионистов.

31 октября военный кабинет, не вняв возражениям Монтегю и Керзона, проголосовал за декларацию. Отметим, что в этот момент стремление вытеснить Францию из управления Палестиной уже не играло решающей роли — армия Алленби вот-вот должна была занять Святую землю, после чего ситуацию определяло бы присутствие там внушительного Египетского экспедиционного корпуса. Дело заключалось скорее в настойчивом стремлении завоевать признательность мирового еврейства — это и повлияло на решение военного кабинета. На поддержку евреев рассчитывал и Ллойд Джордж. «Сионистские лидеры, — позже писал он, — с определенностью обещали нам, что, если союзники сохранят свою приверженность... еврейскому национальному очагу в Палестине, сионисты сделают все возможное, чтобы предоставить союзникам... поддержку и симпатии евреев всего мира. Это обещание сионисты выполнили в точности...» На решение кабинета повлияли и другие факторы. Одним из них была искренняя личная привязанность Бальфура (а также Смутса и Ллойд Джорджа) к Святой земле и еврейскому народу. «Под конец жизни, — рассказывала племянница Бальфура леди Дагдейл, — он говорил мне, что, по его убеждению, то, что он сумел сделать для евреев, было самым важным делом его жизни». Другие члены правительства могли руководствоваться еще более сложными мотивами, например протестантскими религиозными убеждениями, памятью о многовековых страданиях евреев, а может быть, и желанием способствовать чему-то гуманному и созидательному в разгар кровопролитной войны.

Примечательно, однако, что сама декларация написана в сдержанном тоне, в ней нет и следа религиозного или мистического чувства. Документ был составлен в форме письма, датированного 2 ноября и адресованного лорду Ротшильду, председателю Британской сионистской федерации. Содержание декларации таково:

“Глубокоуважаемый лорд Ротшильд! По поручению Правительства Его Величества с большим удовольствием довожу до Вашего сведения нижеследующую декларацию, выражающую сочувствие еврейским сионистским устремлениям, переданную на рассмотрение кабинета и одобренную им: “Правительство Его Величества благосклонно относится к восстановлению в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия к тому, чтобы облегчить достижение этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно быть сделано ничего такого, что может повредить гражданским и религиозным правам существующих в Палестине нееврейских общин или правам и политическому статусу, которыми обладают евреи в какой-либо другой стране”. Я был бы благодарен Вам, если бы Вы довели эту декларацию до сведения Сионистской федерации”.

Первоначальный проект, предложенный сионистами, призывал к преобразованию Палестины “как *национального очага* (выделено мной. — *Авт.*) еврейского народа”. Использованный в обоих вариантах текста термин “национальный очаг” до этого был неизвестен международному праву. Сионисты приняли его на своем конгрессе в 1897 г., чтобы избежать термина “еврейское государство”, который мог раздражить турок. В 1917 г. Соколов снова прибег к этому выражению. Однако Бальфуру следовало бы считаться с реальностью и обозначить границы еврейского расселения в Палестине. Ведь “национальный очаг” мог оказаться сколь угодно маленьким анклавом в Палестине. Как мы увидим, через пять лет от его территории были отрезаны обширные нагорья Трансиордании, а еще пятнадцать лет спустя Королевская комиссия предложила новую ампутацию, опять-таки не нарушая буквального прочтения Декларации. Кроме того, фраза о необходимости защищать “гражданские и религиозные права существующих в Палестине нееврейских общин” могла быть использована как оправдание для ограничения или даже приостановки еврейской иммиграции в угоду арабскому национализму. Так впоследствии и вышло.

И тем не менее, дальнейшая судьба Декларации не отражала первоначальных помыслов ее авторов. “Я надеюсь на то, — говорил Бальфур своему другу в 1918 г., — что евреи будут преуспевать в Палестине и в конце концов создадут еврейское государство”. Тогда же лорд Роберт Сесил заявил: “Мы хотим, чтобы арабские страны были для арабов, Армения — для армян, а Иудея — для евреев”. В 1920 г. Черчилль, который в момент принятия Декларации Бальфура был министром обороны, говорил о “еврейском государстве на берегах Иордана... в котором смогут жить три-четыре миллиона евреев”. А Смутс, входивший в военный кабинет, в 1919 г. предрекал возникновение “великого еврейского государства”. Ллойд Джордж подробно разъясняет намерения его кабинета:

“Предполагалось, что, когда настанет время для создания представительных учреждений в Палестине (при том условии, что евреи к этому времени оценят возможности, открывшиеся перед ними благодаря идее национального очага, и будут составлять явное большинство населения), Палестина сможет стать еврейским государством. Мысль о том, что еврейская иммиграция будет искусственно ограничиваться, чтобы евреи оставались в меньшинстве, не приходила в голову ни одному из тех, кто занимался планированием нашей политики. Подобную мысль сочли бы несправедливой и жульнической по отношению к тому народу, к которому мы обращались”.

Стоит остановиться на том, какие плоды принесло обращение к “мировому еврейству”. В Англии евреи были потрясены и преисполнены признательности, об этом свидетельствуют их собрания по всей стране и бесчисленные благодарственные резолюции. Воодушевленное такой реакцией, правительство, стремившееся усилить этот эффект и в других странах, учредило особый Еврейский отдел в управлении информации. Штат отдела состоял в основном из сионистов. В его задачи входила подготовка литературы, предназначенной для зарубежных еврейских общин. Декларация Бальфура была издана миллионными тиражами, листовки с ее текстом сбрасывались с самолетов над Германией и Австрией. Три недели спустя известия о Декларации достигли России и вызвали там восторг. В больших городах у британских консульств собирались ликующие толпы. Поток петиций и приветственных телеграмм от еврейских общин хлынул в Лондон к Бальфуру со всех концов света: из Шанхая, Александрии, Кейптауна.

Если главная цель военного кабинета заключалась в том, чтобы привлечь симпатии “нейтрального” еврейства на сторону Великобритании, то успех превзошел все ожидания. Добрым знаменем было, например, то, что евреи Салоник, считавшиеся “мозговым центром” движения младотурок, горячо поддержали демарш англичан. Противники Великобритании до такой степени были напуганы пропагандистским триумфом Декларации, что с опозданием начали предпринимать шаги в том же направлении. В Константинополе Талаат-паша, всемогущий министр внутренних дел, объявил, что намерен снять ограничения с еврейской иммиграции в Палестину. В январе 1918 г. по предложению еврея Имануэля Карассо, депутата турецкого парламента, Талаат-паша одобрил учреждение чартерной компании для поощрения еврейской колонизации Палестины на принципах автономии. В Берлине заместитель государственного секретаря официально одобрил решение Турции. Тем временем Талаат-паша пригласил ведущих представителей немецкого и австрийского еврейства в Константинополь, чтобы обсудить с ними сельскохозяйственную колонизацию и автономию Палестины. В августе турки направили раввина Хаима Наху-

ма в Голландию и Швейцарию, чтобы он обеспечил им поддержку со стороны евреев.

Тем не менее едва ли эти меры оказали существенное влияние на евреев, проживавших в воюющих государствах. В Лондоне рассчитывали, что Декларация Бальфура, благодаря воздействию на зарубежных евреев, может значительно укрепить позиции Антанты. С удвоенной энергией стремясь обеспечить эту поддержку, Вейцман и Брандайс телеграфировали своим друзьям в Россию, призывая их обратиться к новому большевистскому правительству, чтобы оно приняло участие в военных действиях союзников. Конечно, из этого ничего не вышло. Военный кабинет проявил исключительную наивность, понадеявшись, что русские евреи смогут оказать сколько-нибудь заметное влияние на новую советскую власть. Десятка два влиятельных евреев-большевиков были закоренелыми врагами еврейского национализма. В то же время в Германии и Австро-Венгрии еврейство сохраняло неколебимую преданность своим правительствам. В этих странах сионисты — Боденхеймер, Варбург, Хантке, Франц Оппенхеймер²³ — напрасно стремились убедить власти в необходимости шага, соответствующего демаршу Великобритании. Во Франции евреи, менее многочисленные, чем в Англии, отреагировали на Декларацию Бальфура со сдержанным воодушевлением. Анри Бергсон, Эдмон Флег²⁴ и другие выдающиеся представители французского еврейства выражали свое удовлетворение, однако официальные объединения французских евреев заняли в вопросах еврейского национализма двойственную позицию.

Зато реакция американских евреев была совершенно однозначной. Известие о Декларации привело их в такой же восторг, как и евреев Англии и России. Как и в этих странах, в Америке еврейство выражало свою признательность с огромным энтузиазмом; большие демонстрации состоялись в Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго и других городах. Однако Соединенные Штаты уже вступили в войну. Ненавистный русский царь был свергнут. Ничто больше не могло воспрепятствовать американским евреям в их поддержке военных усилий США, ничто не мешало усилению энтузиазма.

23 Оппенхеймер Франц (1864–1943) — немецкий социолог, экономист, один из создателей так называемого “либерального социализма”, стремящегося соединить принципы частной собственности, экономической свободы и социального равенства. Принимал участие в ряде Сионистских конгрессов. Пытался осуществить свои идеи в Эрец-Исраэль.

24 Бергсон Анри-Луи (1859–1941) — французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1927 г. Принимал активное участие в политической жизни Франции, был президентом комитета Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству. Флег (Фолегенхаймер) Эдмон (1874–1963) — французский поэт, драматург, эссеист; апологет иудаизма и активный сторонник Государства Израиль.

В 1937 г. сэр Роналд Сторрс удачно охарактеризовал тогдашнюю реакцию еврейства: “Американский заем [Великобритании] прошел, как и следовало ожидать. У Советов, которые как раз заклеили сионизм как буржуазную уловку, англичане сочувствия не нашли. А немецкие евреи остались неколебимо верны Германии — теперь весь мир видит, как их за это отблагодарили”.

Еврейский легион и освобождение ишува

Возможно, одним из самых важных последствий Декларации в военном плане было то, что Жаботинскому удалось наконец организовать Еврейский легион. После свержения монархии в России, в феврале—марте 1917 г. сопротивление этому плану среди евреев начало ослабевать. Кроме того, готовящееся поздней весной 1917 г. наступление англичан в Палестине в значительной мере устраняло угрозу турецких репрессий. К этому времени Жаботинский сумел убедить военного министра лорда Дерби в том, что еврейские боевые части ничуть не хуже других смогут послужить интересам сионистов и англичан в Палестине. В результате в августе Ллойд Джордж и Бальфур официально утвердили решение о наборе евреев в особый пехотный полк, который должен был воевать на палестинском фронте.

В этот ответственный момент задача организации первого еврейского подразделения, названного “38-м батальоном королевских стрелков”, была поручена полковнику Джону Паттерсону, бывшему командиру Отряда погонщиков мулов. Паттерсон был ирландским протестантом. Его особое отношение к евреям, как и отношение Бальфура, было окрашено мистицизмом. “Многие, — писал позднее Паттерсон, — полагают, что британцы не кто иные, как одно из утерянных колен [Израиля]²⁵. К тому же мы так много переняли из жизни еврейского народа благодаря Библии, что евреи среди нас никогда не почувствуют себя чужаками”. Как и следовало ожидать, первыми в батальон вступили около 120 ветеранов Отряда погонщиков мулов. Кроме того, он был пополнен евреями-иммигрантами из лондонского Ист-Энда. Активную агитацию с этой целью вел Жаботинский, который добровольно пошел служить рядовым, а позже получил звание лейтенанта

25 Колена Израилевы — названные в Библии 12 родственных племен потомков Якова, образовавших, согласно традиции, израильский народ. В период захвата Израильского царства Ассирией (733–722 гг. до н. э.) большая часть населения была уведена ассирийцами в плен, и десять колен Израилевых исчезли с исторической арены. Об их судьбе и дальнейшем местонахождении существует ряд легенд.

и стал адъютантом Паттерсона. На первых порах хилые, голодные, выросшие в гетто волонтеры выглядели не слишком воинственно. Однако обучение принесло свои плоды. Когда, наконец, в феврале 1918 г. 38-й батальон королевских стрелков, сверкая штыками, промаршировал через Сити и Уайтчепл, даже те, кто сперва был настроен скептически, почувствовали радость и гордость. Батальон приветствовал лорд-мэр Лондона.

Добровольцев набирали и за пределами Англии. Паттерсон и Жаботинский разослали письма по всем еврейским общинам Северной и Южной Америки. К этому времени уже была принята Декларация Бальфура, в России пало самодержавие, сторонники социалистического сионизма не выступали против легиона, так что в Соединенных Штатах и Канаде вскоре началась запись волонтеров в британских консульствах и на вербовочных пунктах. Среди первых шести с половиной тысяч были Бен-Гурион и Бен-Цви, в 1915 г. изгнанные Джемал-пашой из Палестины и проделавшие долгий путь через океан. Теперь их в числе других добровольцев направили в учебный лагерь в Новой Шотландии, а в августе 1918 г. они уже снова пересекали Атлантику в составе 39-го и 40-го батальонов королевских стрелков. Затем, после дополнительного обучения в Англии, добровольцы погрузились на транспорты, которые под конвоем японских военных судов прошли через Средиземное море. Уже в марте 1918 г. авангард 38-го батальона высадился в Александрии и разместился в учебном лагере неподалеку от Каира.

Приезд добровольцев был весьма своевременным. В 1917 г. положение палестинского *ишува* стало критическим. В конце марта, когда вот-вот должно было начаться наступление англичан, Джемал-паша отдал приказ о выселении всех евреев, еще оставшихся в Яфо и Тель-Авиве. Даже те, кто ранее подал прошение о турецком гражданстве, считались потенциальными изменниками. Теперь они, лишившись крова, потянулись в поисках временного пристанища в поселения Иудеи. Затем беженцев оттеснили еще дальше на север — в еврейские земледельческие колонии Галилеи. Там еще до их появления катастрофически не хватало рабочих мест и продуктов. Сотням людей угрожала голодная смерть. Многие еврейские девушки выжили лишь потому, что торговали собой в гарнизонах турецких и немецких военных частей, размещенных в Галилее.

В октябре 1917 г. Алленби начал наступление в Палестине. Начальная стадия кампании превзошла самые оптимистические ожидания генерала. Усиленный десятками тысяч солдат из стран Британского Содружества²⁶,

26 Содружество (до 1947 г. — Британское Содружество наций) — экономическое и политическое объединение Англии и ее бывших колоний, получивших независимость.

Египетский экспедиционный корпус быстро продвигался вперед, захватив Беэр-Шеву, 16 ноября — Яфо, а еще через три недели — Иерусалим. 11 декабря 1917 г. Алленби с непокрытой головой вошел в древнюю столицу и обратился с речью к мусульманским, христианским и еврейским старейшинам, собравшимся на ступенях Башни Давида. “Мы пришли сюда, — заявил генерал, — не как завоеватели, а как освободители. Мы намерены положить начало новой эре братства и мира в Святой земле”. Эти события произошли в праздник *Ханука*, посвященный триумфу Маккавеев, освободивших древнюю Палестину и начавших новую эру еврейской национальной славы. И вот в декабре 1917 г., зажигая свечи в *менорот* (ритуальных подсвечниках) в Иерусалиме и повсюду в странах диаспоры, религиозные евреи в своих благодарственных молитвах отмечали это удивительное совпадение.

Но ликование было преждевременным. Когда начались зимние дожди, наступление Алленби приостановилось, и на севере Палестины евреи остались заложниками турецкой военной администрации. Теперь о безопасности не могло быть и речи, турецкая армия начала конфискацию еврейского имущества, а тысячи дезертиров терроризировали поселенцев, грабили их и даже убивали. Конец турецкой оккупации в Палестине превратился для *ишува* в тяжелейшее испытание. Когда англичане, возобновив наступление весной, к сентябрю 1918 г. окончательно сокрушили противника, еврейское население, составлявшее до войны 85 тыс. человек, насчитывало менее 55 тыс. При этом по меньшей мере 8–10 тыс. человек погибли от голода, болезней и отсутствия медицинской помощи. В кампании 1918 г. принимал участие и Еврейский легион. Как только его солдаты ступили на Святую землю, Жаботинский немедленно приступил к вербовке молодых палестинских евреев, избежавших изгнания и репрессий турецких властей. Для военной службы пригодными оказались всего несколько сотен человек, но именно они стали самыми надежными бойцами легиона. Весной 1918 г. еврейские подразделения поначалу были размещены для патрулирования в Иорданской долине, где можно было ожидать турецкой контратаки. Затем, после неоднократных просьб Паттерсона, Еврейскому легиону было разрешено принять участие в решающем осеннем наступлении. В этот момент в легионе насчитывалось 5 тыс. солдат, что составляло одну шестую британской оккупационной армии. В нерегулярных частях Фейсала²⁷ в 1918 г. арабов было примерно в два раза больше. Легион, таким

27 Фейсал I (1883–1933) — арабский государственный деятель, король Сирии (1920) и Ирака (1921–1933) из династии Хашимитов. После начала арабского восстания против Турции возглавлял Северную армию повстанцев; впоследствии представлял интересы арабов на Парижской мирной конференции. В июле 1920 г. был изгнан французами из Сирии.

образом, вовсе не был символической боевой единицей. В деле подтверждения прав евреев на национальный очаг в Палестине легион сыграл столь же значительную роль, что и шедшие наперекор трудностям пионеры-сионисты. Действия Еврейского легиона имели не меньшее значение, чем Декларация Бальфура. Под покровительством Англии, под стягом освободительного движения вооруженные и готовые к борьбе евреи настолько громко заявили о себе, что ликвидировать их плацдарм в Палестине стало теперь непросто.

Глава VI.

Установление мандата

Определение границ

Редко военная победа приносила столь явные выгоды и положительные последствия, как те, что достались Англии по окончании боевых действий на Ближнем Востоке. В декабре 1918 г., благодаря усилиям 200-тысячной армии, ее влияние распространилось на Сирию, Западную Турцию, Палестину, Месопотамию и Южный Иран. Под британским контролем оказались все сухопутные маршруты, связывавшие Средиземноморье с Индийским океаном. Франция в это время учредила свою гражданскую администрацию в прибрежных районах Сирии, а во внутренних областях представители Хашимитской династии самостоятельно справлялись с политической ситуацией. Однако, хотя эта расстановка сил в целом соответствовала соглашению Сайкса—Пико, Великобритания, оказавшись в исключительно выгодной позиции, намерена была пересмотреть сложившееся положение. “Когда Клемансо посетил Лондон после войны [в декабре 1918 г.], — писал позднее Ллойд Джордж, — и я сопровождал его во французское посольство, нас приветствовали ликующие толпы. Когда мы приехали в посольство, он спросил меня, чего именно я хотел бы от французов. Я немедленно ответил, что хочу, чтобы Мосул был присоединен к Ираку и чтобы Палестина “от Дана до Беэр-Шевы”¹ находилась под британским контролем. Он без всяких колебаний согласился”. Собственно, Клемансо ничего другого и не оставалось.

В то время как соперничество французов и арабов за управление Сирией подлежало рассмотрению на Парижской конференции, в принципе

¹ Выражение “от Дана до Беэр-Шевы”, обозначающее в целом землю Эрец-Исраэль, восходит к Библии (Шофтим, 20:1). Дан — место на северо-западной оконечности страны; Беэр-Шева — город на юге страны, в районе пустыни Негев.

было решено, что Франция будет нести мандатную ответственность за Сирию, а Палестина станет британским мандатом. Эта договоренность была утверждена на заседании Верховного совета держав Антанты 25 апреля 1920 г. (конференция в Сан-Ремо). Но был еще один вопрос, связанный с Палестиной. Ни англичане, ни евреи не имели точного представления о том, как должны быть установлены границы Святой земли. Основываясь на тщательных географических и геологических изысканиях, Вейцман и его товарищи-сионисты просили Верховный совет утвердить границы, по которым Палестина на севере была бы ограничена склонами Ливанских гор, верхним течением Иордана и вершиной горы Хермон, на востоке — заиорданско-месопотамской пустыней, а на юге — Эйлатским заливом. Англичане, со своей стороны, были тоже заинтересованы в том, чтобы увеличить территорию будущего мандата. Британский Генеральный штаб не уставал подчеркивать важность расширения границ Палестины на северо-востоке с целью защиты железнодорожных путей, ведущих к Средиземному морю, а Бальфур поддерживал претензии сионистов на водные ресурсы верхнего течения рек Иордан и Литани.

Однако французы не собирались безропотно соглашаться с этим. Со своей стороны, они поддерживали ливанскую точку зрения, согласно которой истоки реки Иордан находятся в «исторических и естественных» границах Великого Ливана. 20 марта 1919 г. на встрече с Ллойд Джорджем министр иностранных дел Франции Пишон холодно отверг предложение англичан пересмотреть соглашение Сайкса—Пико в том, что касается границ, и принялся доказывать, что Северная Галилея со всеми ее еврейскими поселениями должна остаться в составе Сирии. Англичане, конечно, не могли согласиться с такой трактовкой договоренности 1916 г., поскольку в этот момент их войска стояли гарнизонами по всей Галилее. Выход из тупика не был найден до февраля 1920 г.

Наконец, после того, как Англия отказалась поддерживать претензии Фейсала на Сирию, новое французское правительство Мильерана в целом признало фактическую расстановку сил в Палестине. Таким образом, максималистские требования сионистов, которые прежде защищали сами англичане, попросту были проигнорированы. Теперь Ллойд Джордж, так же как и его французский коллега, готов был удовлетвориться существующим положением вещей. Ведь буферная зона к северо-востоку от Египта, Хайфа в качестве средиземноморской военно-морской базы, а также железная дорога и трубопровод из Ирака к побережью — все то, в чем англичане были реально заинтересованы, — находилось в предложенных пределах Палестины. Бесспорно, евреи немало помогли в достижении этих целей, однако границы, которые хотели бы установить сионисты, границы, обеспечивающие Палестине обширные пространства и экономическую неза-

висимость, не имели для англичан первостепенного значения. 4 декабря премьер-министры Великобритании и Франции пришли к окончательному соглашению по этому вопросу.

Это было для Палестины серьезным ударом. Страна лишилась важнейших водных ресурсов, расположенных на севере и северо-востоке, в том числе реки Литани, главного истока Иордана, — ручья, начинающегося на горе Хермон, и большей части реки Ярмук. Мало того, англо-французские договоренности никак не учитывали исторически сложившихся пределов Палестины “от Дана до Беэр-Шевы”, принятых во внимание во время переговоров перед появлением Декларации Бальфура. К тому же установленные границы, не обусловленные никакими природно-географическими рубежами, не защищали Палестину от постоянной угрозы вооруженного вторжения. Эта экономическая и военная уязвимость на много десятилетий стала проблемой палестинского мандата, а позже — и всего Ближнего Востока.

Преждевременные надежды в Святой земле

Хотя сионисты и были разочарованы решением территориальной проблемы, в прогнозах относительно будущего национального очага у них были все основания для оптимизма. Их не пугало даже ужасающее состояние Святой земли и ее еврейского населения. Когда в 1917–1918 гг. армия Алленби заняла Палестину, англичане оказались в самой опустошенной провинции оттоманского Леванта. К засухам, малярии, сокращению численности населения, которое к концу войны включало около 560 тыс. арабов и 55 тыс. евреев, надо добавить голод, вызванный блокадой союзников, и разруху как результат грабительской политики турок. Десятки деревень обезлюдели, леса и апельсиновые рощи были вырублены, от общественного порядка не осталось и следа. Англичане прежде всего поспешили наладить снабжение продовольствием, которое по приказу Алленби доставлялось прямо из Египта. Вскоре начала действовать и американская Организация помощи Ближнему Востоку, поставлявшая в Палестину одежду и лекарства для мусульманского и христианского населения. Такие же усилия для снабжения евреев предпринимались Сионистской организацией и *Гадасой* — женским сионистским объединением².

2 *Гадаса* — женская сионистская организация в США. Создана в 1909 г. Целью *Гадасы* является содействие здравоохранению и просвещению в Израиле. Более 400 тыс. женщин в США состояли членами *Гадасы* к началу 2000-х гг. *Гадаса* является международной организацией, имеющей филиалы в 30 странах мира.

Следующей задачей было переустройство административных органов и оживление экономики. При сэре Артуре Мани, назначенном Алленби военным губернатором Палестины, а затем при преемнике Мани сэре Луисе Болсе страна была разделена на округа, каждым из которых руководил английский военный представитель; деятельность в округах контролировалась централизованными департаментами финансов, юстиции, здравоохранения, сельского хозяйства, просвещения и общественных работ. Английские офицеры и чиновники занимали высшие посты, менее значительные должности были предоставлены палестинским арабам и евреям. Эта система работала вполне удовлетворительно и впоследствии была положена в основу мандатного режима. Были приняты меры по улучшению санитарии и здравоохранения: открыты больницы и клиники, а также вырыты новые водохранилища. Благодаря покупательной способности многочисленных английских гарнизонов, разместившихся в стране, заметно стабилизировалась экономическая ситуация. В Палестине на время воцарилась атмосфера покоя и даже надежды.

Благоприятными вначале были и перспективы сионизма. Для сионистов Декларация Бальфура была документом, в котором схематично излагались принципы, требующие наполнения их живым содержанием. С этой целью сионисты образовали комиссию, которая должна была прибыть в Палестину и на месте консультировать военную администрацию в том, что касалось взаимоотношений с *ишувом*. Несколько месяцев спустя сионисты даже составили проект конституции, согласно которой Палестину предстояло преобразовать в еврейское государство. По мере того как близилось время мирной конференции, становилось очевидным, что сионисты намерены придать термину “национальный очаг” новое, более действенное и широкое толкование и избавиться от неопределенности, в которой отчасти был повинен первоначальный вариант текста, написанный Соколовым летом 1917 года. 18 сентября 1918 г. был предложен новый проект. В документе прямо говорилось, что “создание национального очага для еврейского народа... предполагает, что в стране Палестине будут созданы политические, экономические и социальные условия, которые будут способствовать росту еврейского населения, в результате чего — в соответствии с демократическими принципами — Палестина в конечном итоге станет еврейским государством. При этом считается несомненным...” — далее следовали два пункта из Декларации Бальфура. Американский еврейский конгресс, собравшись 16 декабря 1917 г., принял аналогичную резолюцию. Такие же решения утвердили еврейские конгрессы Палестины, Австро-Венгрии, Польши, Южной Африки и других стран. Эту точку зрения поддержал даже умеренный Ахад га-Ам. Английское Министерство иностранных дел сперва тоже было готово согласиться с сионистской интерпретацией Декларации Баль-

фура. Как мы увидим далее, лишь после появления Белой книги Черчилля³ в 1922 г. правительство Великобритании окончательно решило ограничить цели, поставленные сионистами.

Вначале Ллойд Джордж и Бальфур ясно дали понять, что считают интересы сионистов полностью оправданными не только потому, что это следует из британского мандата, но и в силу их содержания. “Евреям необходим не только доступ в Палестину, — заявлял Бальфур в меморандуме от 11 августа 1919 г., — но и жизнеспособная страна”. Еще в декабре 1917 г. министр иностранных дел одобрил приезд в Палестину сионистской комиссии, которая должна была организовать помощь населению и руководить восставлением пострадавших еврейских поселений. Более того, официальное одобрение выразилось и в таком символическом акте, как аудиенция, данная королем Георгом V председателю комиссии Вейцману 7 марта 1918 г. Комиссия, в которую вошли представители сионистских организаций Франции и Италии, через месяц после этого прибыла в Палестину. Она сразу же получила официальный статус консультативного органа при военной администрации, в ее компетенцию вошли все вопросы, связанные с еврейством, — сионисты именно этого и добивались.

В других странах также не высказывалось серьезных возражений против сионистского плана. Хотя премьер-министр Франции Мильеран отверг претензии англичан (и сионистов) относительно истоков Иордана, он и помыслить не мог о том, чтобы возражать против идеи создания еврейского национального очага. Так же обстояло дело с итальянским правительством, хотя оно и продолжало негодовать по поводу того, что протекторат над Святой землей будет осуществлять лишь Англия. Президент Вильсон во время мирной конференции твердо поддерживал Декларацию Бальфура. “Пока не нашлось никого, — заверял он одного из ведущих американских сионистов, Феликса Франкфуртера, — кто бы всерьез противостоял цели этого документа”. Кроме того, передавая Палестину Великобритании, представители Антанты в Сан-Ремо в заключительном документе дословно процитировали Декларацию Бальфура. В результате было ясно, что западные правительства не намерены отказывать сионизму в своей поддержке.

В течение некоторого времени не вызвали сомнений и дружеские чувства арабов, представителей Хашимитской династии. Во время войны ан-

3 Белая книга — отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. В период 1922–1939 гг. было выпущено шесть Белых книг, касающихся Палестины. Белая книга Черчилля (1922) подтверждала Декларацию Бальфура, но предлагала ограничить еврейскую иммиграцию в соответствии с “экономической емкостью страны”; в ней также было заявлено, что Декларация Бальфура предусматривала “не провозглашение всей Палестины еврейским национальным очагом, но создание такого очага на территории Палестины”.

гличане не сознавали, что в поощрении одновременно и арабского восстания, и сионистских устремлений таится известная непоследовательность. Напомним, что в своем послании от 24 октября 1915 г. к правителю Мекки Хусейну британский верховный комиссар Мак-Магон исключил из независимых арабских территорий земли к западу от “округов” Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо. Спор о том, какое место в этом разделе занимает Палестина, начался в конце войны и продолжался еще несколько лет. Терминология в письме была не вполне точной, поскольку в турецком административном делении не существовало округов. Может быть, Мак-Магон имел в виду вилайеты!⁴ Именно так и начали трактовать это слово арабы. Если бы была принята эта точка зрения, полоска, оставшаяся вне арабского контроля, оказалась бы слишком узкой и не вместила бы всей Палестины. Разумеется, евреи (а с ними и Мак-Магон, и все правительство Великобритании) защищали противоположное мнение и настаивали на том, что термин “округ” был употреблен в широком смысле этого слова и обозначал “окрестности”. В таком случае линия, проведенная к западу от окрестностей Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо и отделявшая эту территорию от прибрежных районов, выводила Палестину из-под арабского контроля.

В январе 1918 г., после того как была принята Декларация Бальфура, Д. Х. Хоггарт, руководитель исследований Арабского бюро в Каире, был направлен в Джидду к Хусейну, чтобы разъяснить ему возможные последствия сионистского плана. Заверив правителя Мекки в том, что арабам будет обеспечена свобода, Хоггарт сделал одно существенное дополнение: “В связи с этим дружественное отношение мирового еврейства к арабскому делу равнозначно поддержке всех тех государств, где евреи пользуются политическим влиянием. Лидеры этого движения полны решимости добиться успеха, сохранив при этом дружбу и сотрудничество с арабами. Таким предложением не стоит пренебрегать”. Хусейн с энтузиазмом отнесся к словам англичанина. Предвидя возможные финансовые выгоды арабско-еврейского сотрудничества, он несколько раз обращался к евреям с любезно сформулированным приглашением вернуться на свою “священную и любимую родину”.

Со своей стороны, и сионистское руководство не забывало о необходимости поддерживать хорошие отношения с арабами. Летом 1918 г. Вейцман имел беседу с группой эмигрантов из Сирии, живших в Каире, и в полной мере использовал свое личное обаяние и умение убеждать, всячески подчеркивая, что сионисты намерены уважать права и традиции арабов. Но на сирийцев не подействовали ни обаяние, ни уговоры. В ответ они выдвинули предложение о пропорциональном представительстве арабского боль-

4 Вилайет — административно-территориальная единица в Турции, введенная в 1866 г.

шинства в будущем правительстве Палестины. Вейцман, раздосадованный этой реакцией, решил, не тратя времени попусту, лично повидаться с эмиром Фейсалом, сыном Хусейна, во время Первой мировой войны стоявшего во главе арабских войск, сражавшихся против турок. С этой целью лидер сионистов отправился в десятидневное путешествие в Акабу, к Красному морю. Там его приняли со всем возможным гостеприимством, устроили в его честь роскошный банкет. Впоследствии Вейцман писал:

“Я объяснил [Фейсалу]... что мы стремимся сделать все от нас зависящее, чтобы развеять страхи и подозрения арабов, и надеемся, что он окажет нам серьезную моральную поддержку... Я подчеркнул то обстоятельство, что при условии интенсивного развития в стране всем хватит места и что арабы значительно выиграют, если евреи поселятся здесь. Во всем этом эмир со мной согласился...”

Фейсал обещал Вейцману передать суть разговора своему отцу. “Во время первой встречи в пустыне были заложены основы длительной дружбы”, — вспоминал Вейцман.

Эти отношения сулили возможности сотрудничества. Запутавшийся в дипломатической войне против французов из-за роли арабов в Сирии, убежденный, что в этом поединке евреи могут оказаться ценными союзниками, Фейсал был готов подтвердить свою симпатию к сионистскому движению. В декабре 1918 г. Сайкс организовал его встречу с Вейцманом в Лондоне. Как и прежде, обе стороны выразили друг другу поддержку и понимание. Было решено, что все вопросы, связанные с водными ресурсами и границами между угодьями, будут решаться непосредственно между арабами и евреями. Во время беседы царил атмосфера взаимного расположения. На обеде, данном в честь эмира лордом Ротшильдом, Фейсал в речи, написанной для него Т. Э. Лоуренсом, напомнил слушателям, что “ни один настоящий араб не может с подозрением или тревогой относиться к еврейскому национализму... Мы требуем арабской свободы, но показали бы себя недостойными ее, если бы не сказали евреям, как я говорю сейчас: “Добро пожаловать на родину!” — и если бы не стали сотрудничать с ними во имя будущего арабских государств”.

В конце концов переговоры и обмен любезностями были формально закреплены в документе, подписанном Вейцманом и Фейсалом. Он предусматривал общую позицию на мирной конференции. Текст его гласил:

“Его Королевское Высочество эмир Фейсал, представляющий Арабское королевство Хеджаза и действующий от его имени, и д-р Хаим Вейцман, представляющий Сионистскую организацию и действующий от ее имени, помня о ра-

совом родстве и древних связях между арабами и еврейским народом; сознавая, что самым надежным средством для достижения их национальных устремлений является возможно более тесное сотрудничество в развитии арабского государства и Палестины; желая подтвердить существующее между ними полное взаимопонимание, совместно приняли следующие статьи...”

Самая важная из этих статей гарантировала евреям право свободной иммиграции в Палестину и колонизации земли. К этому добавлялось, что за арабскими земледельцами-арендаторами будут закреплены их участки и что им будет оказана экономическая помощь. Существенно, что в одной из заключительных статей предусматривался британский арбитраж во всех спорах между арабами и евреями — бесспорное свидетельство того, что соглашение было подготовлено англичанами. Оно было подписано 4 января 1919 г. Правда, к арабскому тексту соглашения Фейсал сделал собственную приписку: “Я поддерживаю вышеперечисленные Статьи при условии, что арабам будет предоставлена свобода в соответствии с требованиями моего меморандума от 4 января 1919 г., переданного Министерству иностранных дел Правительства Великобритании”. Это дополнение означало, что в противном случае договоренность недействительна.

Через неделю сионистские лидеры по собственной инициативе сделали ряд важных уступок арабам, предложив им, в частности, свободную зону в Хайфском порту и объединенную арабско-еврейскую гавань в Эйлатском заливе. Когда же Фейсал, в свою очередь, выступил 6 февраля на мирной конференции с требованием свободы для арабов, он одновременно высказался за то, чтобы Палестине был предоставлен гарантированный статус “еврейско-сионистского” анклава. Впрочем, как выяснилось, Фейсал ожидал от евреев не только территориальных уступок. Он надеялся на то, что сионисты поддержат его в дипломатической борьбе против французов. Две недели спустя ведущие советники эмира обратились к сионистским лидерам с предложением об арабско-еврейском соглашении — “семитском” договоре, который заменил бы западные мандаты. Арабы предлагали, чтобы оба народа выступили против претензий Франции на внутренние области Сирии. Сперва сионисты не хотели связывать себя определенным ответом. Советники Фейсала продолжали настаивать, снова и снова возвращаясь к этой формулировке. В конце концов растерявшийся Вейцман попросил своих арабских друзей по крайней мере не возражать против французского контроля над сирийским побережьем.

Вскоре стало ясно, что Вейцман не хочет действовать вразрез с интересами своих британских покровителей, которые уже дали Франции определенные обещания. В результате в середине 1919 г. Фейсал прервал переговоры с сионистами и попросил их впредь воздерживаться от использования

его имени в их официальных заявлениях. Его соглашение с Вейцманом от 4 января не было опубликовано, и сионисты, выполняя пожелание Фейсала, многие годы не упоминали о его существовании. Все больше разочаровываясь во взаимоотношениях с сионистами, Фейсал предпочитал теперь рассматривать еврейский национальный очаг просто как маленькую провинцию арабского государства. “Когда некоторые сионисты говорят, что Палестина станет такой же еврейской, как Англия стала английской, — заявлял эмир, — они, право же, произносят неразумные речи”. Когда в июле 1919 г. его посетил сионистский эмиссар Давид Елин⁵, Фейсал предложил ему впредь вести переговоры непосредственно с палестинскими арабами. Было бы также лучше, предупредил эмир, если бы сионисты умили свои претензии на Палестину и вместо этого согласились считать Святую землю неотъемлемой частью Великой Сирии. Осенью 1919 г. Фейсал полностью прервал официальные связи с сионистским руководством. Ясно было, что его политика привлечения евреев для достижения арабских дипломатических целей в Сирии провалилась.

Упразднение военной администрации и перетолкование мандата

Между тем в Палестине начал формироваться административный аппарат, и его штат в спешке пополнялся профессиональными служаками, занимавшими до этого невысокие посты в английской армии и в гражданских учреждениях Египта. Поскольку эти чиновники были преимущественно связаны с арабами, в большинстве своем они были убеждены, что суть их политики должна сводиться к задабриванию мусульман. Евреи чувствовали это, порой даже преувеличивая и посредственность администрации, и ее симпатии к арабам. В письме к Бальфуру Вейцман с горечью писал, что такая ситуация “чревата серьезными опасностями” для евреев. “Существующая система склонна... низводить евреев в политическом отношении до уровня туземцев, — утверждал он, — а во многих случаях английские власти ради собственного удобства и смотрят на евреев как на толпу туземцев”. Если не отказаться от такого курса, он “приведет к созданию арабской, а не еврейской Палестины”. В то же время Менахем Усышкин (с 1919 г. преемник Вейцмана на посту председателя Сионистской комиссии) и другие энер-

5 Елин Давид (1864–1941) — педагог, писатель и ученый, член руководства *ишува*, один из основателей Союза учителей Израиля (1903). В 1920–1925 гг. был членом городского совета Иерусалима; в 1920–1928 гг. возглавлял *Ваад Леуми* (Национальный комитет).

гичные восточноевропейские сионисты нередко вызвали раздражение у англичан, настоятельно требуя от властей, чтобы те принимали евреев на работу в административные учреждения, прекратили ограничивать еврейскую иммиграцию и покупку земли, а также добиваясь быстрее исполнения других планов сионистов. Впоследствии сэр Роналд Сторрс с горечью говорил о том, что “одни и те же люди могут подвергаться таким жестоким несправедливостям и в то же время так безумно утомлять, что порой перестанешь удивляться их страданиям, хотя и продолжаешь их жалеть”. В результате Сторрс и другие английские чиновники начали избегать этого давления, избрав подчеркнуто формальный подход к требованиям сионистов.

Уже 8 июня 1919 г. сэр Артур Мани, назначенный Алленби военным губернатором Палестины, предупреждал, что “с каждым днем [среди арабов] растет страх и недоверие к целям сионистов... Британский мандат в Палестине, осуществляемый по сионистской программе, повлечет за собой необходимость в течение неопределенного времени держать в стране значительно бóльшие вооруженные силы, чем теперь”. В подтверждение этих слов с каждым месяцем все больше увеличивалось число агрессивных передовиц в арабских газетах, раздавались публичные угрозы в адрес евреев и вспыхивали волнения в арабских городах Палестины. В феврале 1920 г. группа арабов устроила налет на еврейские колонии в Метуле и Тель-Хай, на самом севере Палестины, в районе нейтральной полосы, разделявшей английскую и французскую зоны оккупации. Среди погибших в ходе нападения на эти форпосты был Йосеф Трумпельдор, один из инициаторов создания Отряда погонщиков мулов во время Первой мировой войны. Пораженный гибелью этого признанного героя сионистского движения и глубоко обеспокоенный будущим, Вейцман предупреждал преемника Мани сэра Луиса Болса, что впереди — более серьезные опасности. Болс не придавал большого значения этим словам. Однако в марте 1920 г. сирийский Национальный конгресс, бросая вызов французам, предложил Фейсалу стать королем объединенной Сирии, включавшей и Палестину.

Еще более зловещее обстоятельство заключалось в том, что в этот момент начался традиционный арабский праздник Неби-Муса, аналог еврейского праздника *Песах* и христианской Пасхи, во время которого верующие мусульмане идут по Иерихонской дороге, чтобы совершить паломничество к могиле Мусы (Моше), патриарха, почитаемого как в иудаизме, так и в исламе. Множество арабов прибыло в Иерусалим 4 апреля. Вскоре большая толпа уже внимала националистическим речам местных и приезжих ораторов, восхвалявших Фейсала. Очевидно, их целью было воздействие на союзников, поскольку в ближайшие дни на конференции в Сан-Ремо Великобритания получала мандат на Палестину. Толпа стала неуправляемой, к ней присоединилась арабская полиция, и начались беспорядки. За последу-

ющие три часа было ранено 160 евреев. Наконец прибыли английские войска, которые сумели разогнать толпу. Однако наутро подстрекатели, арестованные накануне, были освобождены, и вскоре снова начались еврейские погромы. Порядок был восстановлен только на третий день. К этому времени было убито немало евреев и арабов, несколько сотен человек ранено. Сионисты были потрясены не только самим кровопролитием, но и тем, что за ним последовало. Разумеется, арабский мэ́р Иерусалима был смещен, а два главных подстрекателя надолго отправлены в тюрьму. Однако большинство погромщиков-арабов были приговорены к кратким срокам заключения, а Владимир Жаботинский и несколько его товарищей, которые во время беспорядков организовали еврейский отряд самообороны, были осуждены военным трибуналом на пятнадцать лет заключения.

В Англии, а также среди евреев всего мира, реакция на само насилие и на несправедливые приговоры была столь бурной, что правительство поспешно назначило официальное судебное расследование. На заседаниях суда в Иерусалиме чиновники военной администрации оправдывали свое поведение, утверждая, что гнев арабов был вызван сионистской провокацией. Евреи, в свою очередь, обвиняли мандатные власти в соучастии и разжигании националистических беспорядков среди мусульман. Полковник Ричард Мейнерцхаген, старший офицер разведки в Каире, обескуражил свое начальство, полностью подтвердив показания сионистов. Это обвинение прозвучало столь весомо, что палестинская военная администрация оказалась серьезно скомпрометированной в глазах британского общественного мнения. В результате 29 апреля 1920 г., то есть меньше чем через неделю после того, как на конференции в Сан-Ремо палестинский мандат был представлен Великобритании, в Лондоне было объявлено об упразднении военной администрации в Святой земле и замене ее гражданской властью.

За день до вручения мандатов в Сан-Ремо Ллойд Джордж сообщил Герберту Сэмюэлу, что тот назначается верховным комиссаром Палестины. Поскольку Сэмюэл был лидером Либеральной партии и ранее занимал министерский пост, выбор был вполне обоснованным. Кроме того, Сэмюэл не скрывал своего еврейства и был сионистом — это обстоятельство только подчеркивало верность правительства идее еврейского национального очага. Однако назначение Сэмюэла таило в себе и некоторые опасности. С точки зрения Фейсала, оно являлось антиарабской провокацией. Так же думал и Алленби, который предупреждал, что этот шаг вызовет волнения. Поэтому, когда 30 июня 1920 г. Сэмюэл прибыл в Иерусалим, он благоразумно предпочел проехать от вокзала до своей резиденции в сопровождении внушительного количества броневиков, а впоследствии нигде не появлялся без охраны.

Все эти опасения и предосторожности, как вскоре выяснилось, были беспочвенными. То, как Сэмюэл вначале распределил большинство адми-

нистративных постов, обрадовало и евреев, и арабов. Он назначил главным секретарем способного и прогрессивно настроенного Уиндема Дидса, а генеральным поверенным — известного еврейского адвоката Нормана Бентвича. За сэром Роналдом Сторрсом, уважаемым за его беспристрастность, было сохранено место коменданта Иерусалима. Для управления Яфским и Хайфским округами из Египта были откомандированы опытные старшие офицеры британской армии. Тепло были встречены и первые директивы Сэмюэла, который распорядился провести кадастровую опись земель для сельского хозяйства, создать кредитные банки, начать широкую программу общественных работ, в том числе сооружение автомобильных и железных дорог, проведение телеграфных и телефонных линий, осушение болот. Разумеется, с особой благодарностью откликнулись сионисты на избранную Сэмюэлом последовательную политику беспрепятственной иммиграции. В первые годы деятельности Сэмюэла волна переселенцев по численности превысила все предшествующие. Связи верховного комиссара в британском правительстве также пошли на пользу Палестине. Представляемые Сэмюэлом бюджеты, как правило, утверждались в Лондоне. Кроме того, он славился своей справедливостью. Высокий, красивый, внимательный к собеседникам, комиссар самим своим видом вызывал у людей уважение. Как вспоминал Бентвич, Сэмюэла уважали даже арабские националисты. “Он достойный человек”, — говорили они.

Однако, как и опасались некоторые сионисты, именно беспристрастность верховного комиссара и представляла для них трудность. “Всю жизнь я был убежденным либералом, — писал впоследствии Сэмюэл, — и никак не мог встать на чью-либо сторону в политике подавления... Что могло бы быть для еврейского народа хуже, чем, познав на протяжении веков, что значит жить под чужим гнетом, самому стать угнетателем”. Именно в силу своей объективности верховный комиссар назначил убежденного антисиониста Эрнеста Т. Ричмонда ответственным за разработку арабской политики мандатных властей, не допустил продажи евреям государственных участков в районе Бейт-Шеана и создал сложный механизм, препятствовавший передаче арабских земель евреям. Отчасти это объяснялось ситуацией в Сирии. В июле 1920 г. французы бесцеремонно покончили с только что возникшим королевством Фейсала⁶. В результате арабские чиновники, недолгое время прослужившие королю, оказались не у дел и искали выход для своих националистических чувств. Ситуация в Палестине оказалась для них очень кста-

6 На конференции в Севре, в которой участвовали страны-победительницы в Первой мировой войне и страна, потерпевшая поражение, 10 августа 1920 г. был подписан договор; по нему Турция была оставлена пятая часть ее прежней территории, Великобритания получила мандат на Палестину, Франция — на Сирию, где французы свергли и выслали из страны Фейсала.

ти. Не менее серьезные причины таились и в местной арабской политике в Палестине. Как следствие этого, 1 мая 1921 г. в Яфо снова начались волнения — после того, как в преддверии демонстрации сионистов-социалистов через центр города прошествовала шумная группа еврейских коммунистов. Эта манифестация послужила для националистически настроенных арабов удобным предлогом. Они вышли на улицы, насилие мгновенно распространилось за пределы Яфо, и вскоре Петах-Тиква и другие еврейские сельскохозяйственные колонии оказались в осаде. Через неделю, когда английские войска подавили беспорядки, оказалось, что за это время было убито 47 евреев и 48 арабов, а раненые исчислялись сотнями. В обстановке растерянности, которая воцарилась после этого кровопролития, была немедленно назначена комиссия по расследованию под председательством сэра Томаса Хайкрафта, верховного судьи Палестины. В ходе слушаний детально обсуждались все многочисленные претензии арабов, в том числе протест мусульман против сионистских социалистических идеалов и беспокойство всего арабского мира в связи с ростом еврейской иммиграции.

В итоговом докладе комиссия почти неприкрыто выразила сочувствие арабской позиции. Однако, с точки зрения сионистов, еще большую тревогу вызывало то, что Сэмюэл решил уступить требованиям арабов и временно прекратить иммиграцию евреев. Уже в июле 1921 г. запрет был отменен, но при этом были введены более строгие требования к переселенцам, в частности наличие гарантированного рабочего места. Сама идея введения ограничительных квот вновь возбудила старые опасения сионистов, которые не сомневались в том, что за этими мерами последует переориентация британского политического курса и отказ от еврейского национального очага. Сионисты были правы. Хотя по настоянию Лондона текст Декларации Бальфура был в Сан-Ремо целиком включен в документ о британском мандате на Палестину, к концу 1921 г. в Англии все чаще раздавались голоса против правительственной поддержки сионизма. Многочисленные чиновники упраздненной палестинской военной администрации, в том числе и ряд отправленных в отставку офицеров, вызвались оказывать помощь арабской делегации, прибывшей в Лондон, чтобы протестовать против еврейского национального очага в Палестине. В Англии все чаще раздавались требования сократить расходы на присутствие ее войск, размещенных повсюду для поддержания порядка в империи. Мощное восстание в подмандатном Ираке, которое с большим трудом удалось подавить в 1920 г., вызвало недовольство, еще более усилившееся после палестинских событий. В этот момент влиятельные газеты, принадлежавшие лорду Нортклиффу, начали требовать, чтобы правительство сняло с себя ответственность за Палестину. Того же мнения придерживались сэр Уильям Джойнсон-Хикс и его сторонники в палате общин. Правительство Ллойд Джорджа почув-

ствовало, что для обеспечения безопасности и порядка в Святой земле необходимо новое решение, иначе парламент вообще откажется от мандата.

Весной 1921 г. министр по делам колоний Уинстон Черчилль созвал в Каире совещание ведущих представителей армии и имперской администрации для разработки нового подхода к нерешенной проблеме иракского мандата. Визит Черчилля, кроме того, предусматривал изучение ситуации в Палестине. В конце марта министр по делам колоний направился в Святую землю. Там на встречах и с евреями, и с арабами он неоднократно подтверждал свою поддержку идее еврейского национального очага. Однако одновременно эта поездка повлекла за собой отделение Трансиордании от Палестины и “внесла ясность” в Декларацию Бальфура. Трансиордания, библейский Эдом, номинально находилась в границах палестинского мандата и представляла собой высокогорную территорию, населенную арабскими земледельцами и кочевниками численностью в 300 тыс. человек. После войны весь этот обширный район к востоку от Иордана был включен в арабскую сферу влияния, поскольку договоренность на этот счет возникла в ходе переписки между правителем Мекки Хусейном и Мак-Магоном. Тем не менее Фейсал не проявлял особого интереса к этой области, и летом 1920 г., после того, как он был изгнан французами из Сирии, Трансиордания оказалась на положении “ничьей земли”. Участвовавшие нападения бедуинов на еврейские поселения у Иордана начали угрожать дестабилизацией обстановки. Стремясь решить эту проблему, Сэмюэл с согласия Лондона направил в Трансиорданию нескольких чиновников, чтобы помочь арабам создать систему самоуправления. Из этого ничего не вышло. За городской чертой Аль-Карака и Аммана по-прежнему царил беззаконие.

Но в конце лета 1920 г. на границе Трансиордании появился старший сын Хусейна эмир Абдаллах ибн Хусейн со своей свитой. Он направлялся в Сирию, чтобы помочь своему брату Фейсалу вернуть себе корону. В марте 1921 г. Абдаллах достиг Аммана. В Каире в это время продолжалось ближневосточное совещание под руководством Черчилля. Его участники пришли в ужас, узнав о том, что Абдаллах находится к востоку от Иордана. Ясно было, что его следует остановить, пока он не успел вовлечь Англию в конфликт с Францией. В связи с этим Т. Э. Лоуренс и Черчилль обратились к плану, который они обсуждали еще до начала последнего кризиса. Идея заключалась в том, чтобы предложить Абдаллаху остаться в Трансиордании, где он мог бы править под эгидой Великобритании. Черчилль немедленно телеграфировал в Лондон и заручился разрешением правительства вступить в переговоры с Абдаллахом. Их встреча произошла 26 мая в Иерусалиме и продолжалась два дня. Абдаллах, “бодрый, пронизательный и радушный человек”, как описывал его министр по делам колоний, внимательно выслушал предложение Черчилля. Эмиру было поставлено условие воздер-

жаться от действий против французов. Он должен был навести порядок в Аммане, признать Трансиорданию неотъемлемой частью британского мандата в Палестине и управлять своей территорией от имени мандата. Великобритания, в свою очередь, обеспечивала Абдаллаха ежемесячными субсидиями и опытными советниками, а также гарантировала в неопределенном будущем предоставление Трансиордании государственной независимости. Проконсультировавшись в ночь на 27 мая со своими советниками, Абдаллах принял предложение англичан. После этого Черчилль, удовлетворенный переговорами, уехал.

Создав арабское правительство к востоку от Иордана, англичане впервые фактически признали, что Трансиордания не является составной частью Палестины, а включена в сферу арабской автономии, как Мак-Магон и обещал Хусейну в 1915 г. Отсюда следовало, что Декларация Бальфура не распространяется на эту территорию. Примечательно, что сам Бальфур так не считал. В меморандуме, направленном Ллойд Джорджу 11 августа 1919 г., министр иностранных дел предлагал провести границу далеко на восток от Иордана, чтобы обеспечить развитие еврейского земледелия. И сам Абдаллах был удивлен тем, как изменилась позиция Великобритании. Позже он писал: “По [Божьей] милости я преуспел в создании правительства Трансиордании вопреки Декларации Бальфура, действие которой распространялось на Трансиорданию с тех пор, как по соглашению Сайкса—Пико она отошла к британской зоне влияния”. Эта крупная уступка арабам, видимо, не сразу была осознана сионистами. Сначала они почти не выражали интереса к Трансиордании в своих переговорах с англичанами. Все их поселения находились к западу от Иордана. Лишь после того, как мандат официально исключил области к востоку от Иордана из территории еврейского национального очага, сионистское руководство в полной мере оценило масштабы потери.

Затем идея еврейского национального очага подверглась новым испытаниям. В мае 1922 г. Герберт Сэмюэл, приехав в Лондон, попытался убедить Министерство по делам колоний в том, что необходимо раз и навсегда развеять опасения арабов по поводу палестинской проблемы. Этого, настаивал он, можно достичь, только дав Декларации Бальфура “окончательное” толкование. В Лондоне прислушались к рекомендации Сэмюэла. Было составлено политическое заявление, проект которого был подготовлен в основном самим Сэмюэлом, — хотя оно вышло за подписью Черчилля. Этот документ, получивший название “Белой книги Черчилля”, ограничивал еврейский национальный очаг территорией к западу от реки Иордан, не подтверждал идеи государства с преобладающим еврейским населением и ограничивал еврейскую иммиграцию “экономической емкостью” страны. В нем, в частности, говорилось:

“Были заявления о том, что Палестина должна стать “столь же еврейской, сколь Англия является английской”. Правительство Его Величества считает подобные планы нереалистичными и не ставит перед собой таких целей.. В ответ на вопрос, что же подразумевается под развитием еврейского национального очага в Палестине, можно сказать, что речь идет не о навязывании еврейского гражданства всем жителям Палестины, а о дальнейшем развитии существующей еврейской общины.. с тем, чтобы она смогла стать центром, который будет представлять для еврейского народа в целом.. интерес и предмет гордости. Однако для того, чтобы перед этой общиной открылись наилучшие перспективы свободного развития.. существенно, чтобы она сознавала, что находится в Палестине по праву, а не из милости”.

Проект документа в июне был передан в Сионистскую организацию. Боясь утратить поддержку англичан, Вейцман и руководство организации неохотно подписали его. Однако арабские представители категорически отвергли проект. Несмотря на эти разногласия, правительство опубликовало Белую книгу Черчилля 22 июня 1922 г. как официальное истолкование британского мандата в Палестине. Исходя из этого, палата представителей пять дней спустя быстро утвердила мандат, после чего он был одобрен Советом Лиги Наций.

Явная неблагосклонность судьбы по отношению к сионистам все же не была окончательной. Так или иначе, в документе, передающем Великобритании мандат над Палестиной, Совет Лиги Наций почти дословно воспроизвел текст Декларации Бальфура, специально подчеркнув “исторические связи еврейского народа с Палестиной” и нравственную правомерность “восстановления [еврейского] национального очага”, и обещал “всячески способствовать” еврейской иммиграции и поощрять освоение палестинских земель евреями. Иврит был признан в качестве официального языка. Еврейскому агентству⁷ было поручено сотрудничать с мандатными властями в области развития природных ресурсов страны, а также в организа-

7 Еврейское агентство (*Га-Сохнут га-еудит ле-Эрец-Исраэль*) — организация, осуществляющая связь между евреями Эрец-Исраэль, а затем Израиля и евреями стран рассеяния в деле развития и заселения Эрец-Исраэль. Название и основные функции ЕА были впервые установлены в британском мандате на Палестину, утвержденном Лигой Наций в июле 1922 г. Учредительное заседание Еврейского агентства состоялось в Цюрихе в 1929 г. Основными задачами ЕА являлись организация переселения евреев в Эрец-Исраэль, их абсорбция, поселение репатриантов на земле, деятельное участие в развитии национальной экономики. После образования Государства Израиль Генеральный совет Всемирной сионистской организации возложил на ЕА обязанность и впредь заниматься вопросами алии и абсорбции репатриантов, поселением их на земле, а также организацией помощи мирового еврейства Государству Израиль.

ции общественных работ. Таким образом, не оставалось никаких сомнений, что решение Лиги Наций направлено на то, чтобы способствовать сионистскому возрождению. В соответствии с этим англичанам были переданы “все юридические и административные полномочия” (этот пункт отсутствовал в сирийском и иракском мандатах, накладывавших на Великобританию обязательства по обеспечению самоуправления в этих странах). Такой вариант явно не подходил для Святой земли ввиду значительного численного перевеса арабского населения. Существенно, кстати, что слово “араб” не упоминается в решении Лиги Наций: арабы и другие народы Палестины всякий раз именуются просто “нееврейями”. Не было никаких сомнений в том, что английское правительство намерено соблюдать условия мандата. Кабинет Бонар-Лоу, в октябре 1922 г. пришедший на смену коалиции Ллойд Джорджа, решительно отвергал любые попытки арабов ослабить поддержку, которую Великобритания оказывала сионизму и еврейскому национальному очагу.

“Конституция” мандата

В качестве юридической основы, определяющей мандатные обязательства Великобритании, решение Лиги Наций заложило базу для целого ряда “несионистских” мероприятий. Общественный порядок, соблюдение законов, гражданские и религиозные права были гарантированы всем жителям страны — “независимо от расовой и религиозной принадлежности”. Администрация должна была уважать религиозные праздники различных общин, а также обеспечивать безопасность святых мест и свободу доступа к ним. Официальными языками были признаны английский, арабский и иврит. Каждая община имела право на открытие собственных школ. Для того чтобы гарантировать выполнение этих и других обязательств, правительство Великобритании должно было ежегодно представлять доклад о положении в Святой земле Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций. Однако если решение Лиги определяло обязательства мандата в целом, то конкретные вопросы управления Палестиной предстояло решать самим англичанам. С этой целью был принят закон, на основе которого предписывалось действовать мандатным властям: Учредительный закон Палестины был подписан королем 10 августа 1922 г. в Лондоне и обнародован сэром Гербертом Сэмюэлом 1 сентября того же года в Иерусалиме. Он подтверждал гарантии свободы вероисповедания и совершения религиозных обрядов, свободы совести, констатировал ответственность Великобритании за создание еврейского национального очага, а кроме того, регламентировал

различные административные органы, созданные англичанами для управления Палестиной.

Представителем исполнительной власти являлся верховный комиссар, который назначал чиновников всех ведомств. Независимая судебная власть во главе с верховным судьей должна была защищать права как местного населения, так и иностранцев, а также осуществлять надзор за деятельностью религиозных общин. Учредительный закон передавал в ведение религиозных судов часть вопросов в области гражданского права. Одна из наиболее важных особенностей этого документа отражала стремление Сэмюэла создать в Палестине механизм самоуправления. В нем выдвигалась идея законодательного собрания, обладающего полномочиями “принимать указы, необходимые для мира, порядка и надлежащего управления Палестиной”. Законодательное собрание должно было состоять из двадцати двух человек: десяти официальных представителей администрации и двенадцати выборных членов. Выборы в законодательное собрание предполагалось провести в два тура; чтобы обеспечить преимущество еврейскому и христианскому меньшинствам, во втором туре должны были принять участие двенадцать коллегий выборщиков, представлявших разные религиозные общины. Было оговорено, что законодательное собрание не имеет права принимать указы, нарушающие условия мандата, в том числе касавшиеся развития еврейского национального очага. Вне его компетенции находились и вопросы бюджета и налогообложения. Кроме того, верховный комиссар обладал в законодательном собрании правом вето.

Основываясь на этом полном ограничении проекте, администрация Сэмюэла начала подготовку к всеобщим выборам. Была проведена перепись, согласно которой в состав населения входили 650 тыс. мусульман, 87 тыс. евреев и 73 тыс. христиан. Поначалу идея законодательного собрания не встретила серьезных возражений. Однако несколько недель спустя арабские националистические лидеры начали выражать серьезное беспокойство в связи с тем, что предложенный проект вынуждал арабов делить свои ограниченные совещательные полномочия с евреями. В результате большинство арабов бойкотировало первый тур выборов, и администрация была вынуждена отменить второй тур. Взамен Сэмюэл решил создать совещательную комиссию, формирование которой поручалось английской администрации. По его просьбе Учредительный закон был дополнен вторым актом, принятым 4 мая 1923 г. Новый документ давал верховному комиссару право на создание не законодательного, а чисто консультативного органа. Согласно плану Сэмюэла, в совещательную комиссию должны были войти, кроме самого верховного комиссара, еще десять чиновников мандатной администрации, а также представители Палестины: восемь мусульман, два еврея и два христианина. Но арабские националисты не смирились и с этим

вариантом. На этот раз они вынудили арабов, утвержденных в качестве членов совещательной комиссии, выйти из нее, и тем самым сорвали весь план. Ясно было, что они надеются склонить англичан к созданию системы самоуправления, опирающейся на большинство, что было бы на руку только арабам.

Потеряв терпение, Сэмюэл предложил арабским лидерам организовать Арабское агентство. Этот орган, задуманный как аналог Еврейского агентства, мог бы взаимодействовать с администрацией в вопросах, касающихся арабских интересов в Палестине. Однако во время напряженной беседы с верховным комиссаром арабское руководство без колебаний отвергло это предложение. Муса Казим аль-Хусейни, который до этого возглавлял арабскую делегацию, направленную в Англию протестовать против идеи еврейского национального очага, заявил, что его народ никогда не признавал Еврейского агентства и поэтому не собирается создавать для арабов ничего подобного. После третьего отказа от сотрудничества Сэмюэл счел продолжение переговоров бессмысленным. Не скрывая своего сожаления, он заявил, что отныне законодательные и исполнительные функции власти закрепляются исключительно за верховным комиссаром и британской администрацией.

Начиная с 1923 г. и до момента, когда англичане покинули Палестину в 1948 г., этот мандат — по сравнению с другими мандатами Лиги Наций — строился на уникальной системе управления, которая по сути мало чем отличалась от принятой в британских колониях, где не было и намека на местное самоуправление. Верховный комиссар обладал неограниченным правом назначать и увольнять правительственных чиновников, продавать или сдавать в аренду любые земли, не находившиеся в частном владении. Кроме того, ни власть Сэмюэла, ни власть его преемников не имела никаких конституционных ограничений в том, что касалось жителей Палестины. Контроль над исполнительной властью сводился лишь к тому, что было заложено в самом решении о предоставлении мандата и в Учредительном законе, гарантировавшем населению свободу совести и отправления религиозных культов, справедливую судебную систему и другие традиционные западноевропейские права. Случалось, что граждане Палестины обращались с жалобами на действительные или мнимые притеснения в Лондон: в Министерство по делам колоний, а иногда даже в парламент. Но это был, мягко говоря, не самый простой путь.

Кроме того, верховный комиссар широко пользовался своим законодательным правом. Каждый год он издавал законов не меньше, чем британский парламент. Арабская пресса с насмешкой писала о «фабрике законов», которая работала без устали. Это в известной мере отражало необходимость в пересмотре архаичной турецкой юридической практики, особен-

но в области уголовного и торгового права. Однако большинство указов было направлено на изменение самой структуры власти. Палестина, вся территория которой составляла 9 тыс. квадратных миль, была разделена на три округа — Северный, Южный и Иерусалимский. Город Иерусалим был одновременно и административным окружным центром, и столицей подмандатной Палестины. Каждым из округов управлял английский комиссар; районами, входящими в их состав, также руководили английские чиновники. Хотя в 1926 г. были проведены выборы в муниципалитеты, мэры на протяжении всего британского присутствия назначались верховным комиссаром, который мог отстранить их, когда ему заблагорассудится. В сущности, централизованная власть мандатной администрации была неограниченной.

Точно так же не существовало никаких ограничений, кроме финансовых, в области распределения бюджетных фондов мандатория. Основные средства шли на нужды полиции и департамента общественных работ — учреждения, отвечавшего за строительство и ремонт дорог и правительственных зданий, а также за транспорт, гавани, водоснабжение и канализацию. Чтобы финансировать различные проекты и содержать административный аппарат, власти организовали таможенный, налоговый и торговый департаменты, которые обеспечивали почти половину дохода мандатного бюджета. Средства извлекались также благодаря налогам на землю, недвижимость и скот, пошлинам на сельскохозяйственную продукцию, судебным пошлинам и продаже лицензий. Кроме того, доход приносили железные дороги и связь — почта, телеграф и телефон. Лишь после того, как в 1929 г. в Святой земле возобновились вспышки насилия, Великобритании пришлось пойти на существенные затраты, чтобы увеличить численность армии и полиции в Палестине. А до этого деятельность мандата почти целиком осуществлялась за счет средств местного населения.

Функционирование мандата

Что же взамен получили арабы и евреи? Уже к середине 1920-х гг. ответ на этот вопрос был ясен. Великобритании, взявшей на себя ответственность за Святую землю, пришлось иметь дело с экономическим кризисом в этой стране, бедность которой была связана не только с последствиями войны. Палестина, с ее малочисленным населением, слабо развитой промышленностью и торговлей, незначительным количеством природных ресурсов, была парализована административным хаосом в не меньшей степени, чем голодом. Вследствие этого огромные трудности возникали в организации

системы безопасности и права, распределении обязанностей администрации. На протяжении первых двух лет Великобритании должна была тратить усилия не только на помощь населению Палестины, но и на восстановление законности и порядка. Несмотря на отдельные вспышки насилия, эта задача была выполнена успешно. Вскоре после яфского кровопролития 1921 г. сотрудники Сэмюэла решили сформировать местную палестинскую полицию, в которой под началом английских офицеров должны были служить арабы и евреи. После майских волнений этот проект пришлось на время отложить, и вместо полиции была организована палестинская жандармерия. Хотя арабы и евреи и составляли в ней большинство, там также было немало ветеранов английской полиции, многие из которых до этого проходили службу в особых подразделениях в Ирландии. К середине 1922 г. с насилием было почти полностью покончено. После этого лорд Плумер, сменивший Сэмюэла в 1926 г. на посту верховного комиссара, почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы расформировать жандармерию и заменить ее палестинской полицией, численность которой составляла 600 человек. В помощь ей было отряжено 1200 солдат трансйорданской пограничной стражи — небольшого корпуса в составе регулярной армии, основным назначением которого была охрана восточной границы Палестины. По общему признанию, сам Плумер, с его энергией и решительностью, стоил целого батальона.

Однако англичане смогли установить в Палестине не только порядок, но и законность. Пожалуй, самым крупным достижением мандатория было создание справедливой и действенной юридической системы. Гражданские власти Сэмюэла заложили основу, которая была закреплена в Учредительном законе 1922 г. Судопроизводство осуществлялось двадцатью судами магистратов, в гражданскую и уголовную юрисдикцию которых не входило рассмотрение тяжких преступлений. Членами этих судов были арабы и евреи. Более серьезные процессы и апелляции предназначались для окружных судов. Во главе юридической иерархии находился Верховный суд, который также рассматривал апелляции и судебные дела; среди шести его членов было, как правило, двое англичан, двое мусульман, один христианин и один еврей. Председателем его был верховный судья. Хотя в Палестине и не было создано института присяжных, тем не менее суды, не испытывающие давления мандатных властей, действовали эффективно и справедливо. Судьи были известны своей честностью, и, как правило, их приговоры отличались объективностью. Заметим, что их решения нередко вступали в противоречие с интересами мандатных властей.

Коренным образом был изменен не только механизм судопроизводства, но и его содержание. В сущности, на смену оттоманскому уголовному и торговому праву пришло современное законодательство и гражданское

право с соблюдением принципа равенства перед судом. С начала 1920-х гг. как адвокаты, так и судьи ссылались на юридические прецеденты в Великобритании, Британском Содружестве наций и даже в Америке, и к концу мандата принципы английского законодательства определяли юридические нормы в Палестине. Исключения составляли, главным образом, вопросы землепользования и гражданского права, кодифицированные еще в турецком законодательстве, и вопросы, связанные с гражданским состоянием, оставленные в юрисдикции религиозных судов различных общин. Правовая система, существовавшая в Палестине, в общих чертах была принята в 1948–1949 гг. Государством Израиль.

Кроме того, мандатные власти потратили немало усилий на то, чтобы способствовать развитию сельского хозяйства — турки пренебрегали этим сектором экономики и довели его до полного упадка. Сельскохозяйственный департамент учредил ряд испытательных станций для улучшения земледелия и животноводства. Это помогло заметно сократить убытки от эпидемий скота, потери урожая от саранчи и плодовой мухи. Широко проводилось лесонасаждение. За первое десятилетие мандата властями была организована посадка миллиона деревьев, местное еврейское население по своей инициативе посадило еще один миллион. Развивалось табаководство, была создана современная эффективная система регистрации земли. Кроме того, были проведены реформы для усовершенствования системы налога на недвижимость и других видов налогов. Пошлинные тарифы на промышленные товары были понижены, а на цитрусовые и другие продукты сельского хозяйства — повышены. В 1925 г. объем экспорта из Палестины (большую часть которого составили цитрусовые) достиг 1330 тыс. фунтов стерлингов, то есть за пять лет вырос на 40%.

Существенные улучшения были достигнуты в системе путей сообщения и связи: власти расширили сеть железных дорог, вели строительство шоссе и мостов, модернизировали работу почты, телеграфа и телефонной связи. С другими странами Ближнего Востока и с Европой Палестину связывали теперь регулярные авиарейсы. В Лодде был построен международный аэропорт. Планировалось расширение Хайфской гавани. Одновременно администрация осуществила реформы в области образования. Теперь в каждой деревне должна была работать школа — власти обеспечивали их учителями, мебелью, учебными пособиями. В 1929 г. государственные школы посещало 30 тыс. арабских детей. В крупных арабских городских центрах были открыты больницы и поликлиники.

Разумеется, административный аппарат не был лишен недостатков. Евреи сетовали на то, что мандатные власти, собственно говоря, сняли с себя юридическую и моральную ответственность за экономическое развитие

еврейского национального очага. Так, например, доля еврейских вложений в общий доход к концу первого десятилетия мандата составляла около 45%, однако экономическая помощь, осуществляемая администрацией, шла в основном на пользу арабам. И сельскохозяйственный департамент, и департаменты здравоохранения и образования занимались преимущественно арабским населением. И количество евреев, занятых на общественных работах, было значительно меньше числа арабов. У англичан, конечно, было свое объяснение такой диспропорции. Они утверждали, что евреи сами квалифицированно обеспечивают себя в социальной сфере, в то время как неграмотных и нищих арабов могут поддержать только мандатные власти. Это было верно. Тем не менее евреев возмущало, что выплачиваемые ими налоги не возвращаются к ним в форме дополнительной помощи, хотя основные инвестиции в экономику Палестины делаются не англичанами и тем более не арабами, а осуществляются за счет еврейского общественного и частного капитала.

Несмотря на эти ошибки и несправедливости, вскоре стало очевидно, что администрация Сэмюэла своими действиями способствует расцвету, ранее невиданному в Палестине. Срок полномочий верховного комиссара закончился в июне 1925 г. А 1 апреля на горе Скопус в Иерусалиме был открыт Еврейский университет — на церемонию прибыли выдающиеся зарубежные гости. Из Египта приехал Алленби, из Англии — Бальфур, который до слез был тронут свидетельством прогресса Палестины. Составляя итоговый отчет для парламента, Сэмюэл мог указать не только на создание за этот период гражданской полиции, установление мира в стране, организацию превосходного судопроизводства и общественных учреждений. Он мог написать и о значительном росте еврейского населения, достигшего 103 тыс. человек по сравнению с 55 тыс. в 1917 г. Бесспорно, многое в развитии *ишува* было результатом самостоятельных действий сионистов; однако расцвету в значительной степени способствовал и высокий уровень стабильности, порядка, административной целостности — в соседних с Палестиной странах не было ничего подобного. Эта традиция не прервалась и при новом верховном комиссаре — Плумере.

Начатки самоуправления

При всех достижениях англичан в Палестине, собственные усилия евреев принесли гораздо более впечатляющие результаты, оставившие позади все успехи мандатных властей. Этот факт признавал Черчилль, писавший в Белой книге 1922 г.:

“На протяжении последних двух-трех поколений евреи возродили в Палестине общину, насчитывающую ныне 80 тыс. человек, из которых четверть составляют фермеры и земледельцы. У этой общины есть свои политические органы, выборная ассамблея для руководства внутренними вопросами, выборные советы в городах и организация, руководящая системой школ. У общины есть свой выборный Верховный раввинат и Верховный раввинский совет для управления религиозными делами. Делопроизводство ведется на иврите как языке повседневного общения. У этой общины есть своя ивритская пресса. Еврейская община живет собственной интеллектуальной жизнью и проявляет значительную активность в области экономики. Таким образом, она — со своим городским и сельским населением, политическими, религиозными и общественными организациями, собственным языком, обычаями, образом жизни — в сущности, обладает всеми признаками, присущими нации”.

Религиозная обособленность, упомянутая Черчиллем, возникла задолго до начала британского правления. В течение нескольких веков оттоманские власти предоставляли религиозным общинам Палестины фактическую автономию. Самостоятельность выражалась, в основном, в юрисдикции различных религиозных судов. Например, христианские общины учреждали собственные благотворительные фонды и занимались делами, связанными с гражданским состоянием (браками, разводами, наследованием имущества), в соответствии с правилами и распоряжениями вышестоящих судебных инстанций. Так же поступали и мусульмане. Обычно служащие таких учреждений назначались оттоманскими властями. Оккупировав Святую землю, англичане сохранили традиции религиозной автономии. В том, что касалось мусульман, право назначения членов религиозного суда перешло от мандатной администрации к Верховному мусульманскому совету под председательством иерусалимского муфтия.

При турках евреи также пользовались привилегиями религиозной автономии. Их общиной во времена Оттоманской империи руководил главный сефардский раввин (*хахам-баши*), который, в свою очередь, назначал членов еврейских религиозных судов. Англичане — как и в случае с мусульманами и христианами — сохранили эту систему, но расширили ее и усовершенствовали. В феврале 1921 г. они предоставили избранным группам раввинов и ортодоксальных евреев сформировать Верховный раввинский совет Палестины. В него входили два Верховных раввина — сефардский и ашкеназский — и ряд раввинов и представителей различных групп еврейской общины. Верховный раввинский совет назначал членов раввинских судов, в юрисдикцию которых входили вопросы брака, развода и наследования.

Кроме того, существовали и области светской жизни, в которых мандаторий признавал независимость еврейской общины. Как мы уже отмечали, попытки, предпринятые *ишувом* до войны с целью создания представительного еврейского органа, в целом потерпели крах. После ухода турок из Палестины они возобновились. 18 декабря 1918 г. в Яфо состоялось собрание палестинских евреев, предложившее проект “конституции” национального очага. Решения, принятые в Яфо, в дальнейшем оказали мощное воздействие на формирование еврейского государственного аппарата. Например, в Яфо было решено, что выборы должны быть не только прямыми, тайными и равными (с участием женщин), но и пропорциональными — этот принцип базировался на опыте Сионистских конгрессов, где голосование проводилось по отдельным партийным спискам. Затем, в апреле 1920 г., состоялись выборы в Собрание депутатов. В голосовании участвовало около 20 тыс. человек, то есть более 70% всех зарегистрированных евреев-избирателей, после чего собрание депутатов начало в октябре 1920 г. свою работу. 314 членов его представляли 20 различных партий. Первый шаг, предпринятый ими, заключался в избрании *Ваад Леуми* (Национального комитета) — исполнительного органа, состоявшего из 36 человек. Сэмюэл, находясь под впечатлением общественной активности сионистов, предоставил Собранию депутатов некоторые права, относившиеся к области иудейской религии, культуры и общественной жизни.

Этот прообраз еврейского парламента, возникший в 1920 г., существовал и в дальнейшем, члены его собирались не реже одного раза в год. Выборы в Собрание происходили с интервалом от трех до шести лет. Длительное время Собранию не удавалось добиться официального юридического статуса. Это отчасти объяснялось противодействием ортодоксальных евреев, которых возмущало равное представительство, предоставленное женщинам, а отчасти — нежеланием англичан передать Собранию хотя бы часть прав на распределение доходов от налогов. Однако, когда члены Собрания обратились с жалобой в мандатную комиссию, администрация Плумера сдалась. В июле 1927 г. было издано “Уложение о еврейской общине”, в котором было формально признано существование еврейской общины Эрец-Исраэль, *кнесет Исраэль*, с находящимися в ее распоряжении религиозными и светскими органами. Религиозные решения принимал Верховный раввинский совет — он функционировал в течение ряда лет. Что касается светских учреждений, официальный статус получили теперь Собрание депутатов и *Ваад Леуми*. Особенно важно было то, что Собранию депутатов были переданы налоговые полномочия в еврейской общине. Теперь она могла распределять средства на образование, помощь бедным, больным и сиротам и финансирование Верховного раввинского

совета и Собрания. Аналогичные права получали местные общины, если в их состав входило не меньше 30 евреев. Эти меры приоткрыли перед *ишувом* новый, потенциально важный путь к самоуправлению.

В 1926 г. указ о муниципальных правах предоставил арабам и евреям дополнительные полномочия в решении их внутриобщинных вопросов. Следует напомнить, что до этого арабы отказывались от созыва законодательного собрания, предусмотренного Учредительным законом 1922 г. Это собрание, утверждали они, нейтрализует их численный перевес в Палестине. Указ 1926 г. представлял собой известный компромисс в формировании органов муниципальной власти. Согласно этому документу, назначаемые местные советы заменялись выборными. При выборах обеспечивались раздельные списки избирателей (мусульманский, христианский и еврейский), а количество мест в совете от каждой общины устанавливалось пропорционально числу ее членов. Неудивительно, что эти правила показались приемлемыми как арабам, так и евреям и не вызвали возражений. В большинстве палестинских городов и сел арабам было обеспечено большинство в местных советах, и этого оказалось достаточно, чтобы они приняли участие в голосовании. С другой стороны, евреи не только закрепляли за собой статус представительного меньшинства в советах (и, разумеется, большинства в чисто еврейском Тель-Авиве), но и чувствовали себя защищенными в “смешанных” городах. Полномочия советов касались чисто экономических, санитарно-гигиенических и других “нейтральных” вопросов, никак не связанных с религиозными и культурными различиями. Их существование не затрагивало и деятельности еврейских школ, сиротских приютов и больниц — все это осталось в юрисдикции общины. Указ о муниципальных правах сделал возможным арабско-еврейское сотрудничество в области самоуправления и оказался одним из самых удачных результатов британской мандатной политики.

Такова, в самом общем виде, была структура и система управления мандата. Получив официальную санкцию Парижской мирной конференции, Лиги Наций и собственного парламента, Великобритания сумела упрочить свои позиции в Палестине посредством ряда важных юридических и конституционных актов. Ее обязательство обеспечить в Палестине справедливое управление было выполнено благодаря эффективной деятельности административного аппарата, отлаженной юридической системе, стремлению верховных комиссаров способствовать экономическому процветанию страны и, бесспорно, искреннему желанию примирить друг с другом чувствительные в этническом и религиозном плане арабскую и еврейскую общины. Главным принципом деятельности мандатных властей на первом этапе, принципом, который оживлял и одухотворял эту деятельность, было законно обоснованное стремление к развитию еврейско-

го национального очага. Именно в это время британская администрация в союзе с сионистами достигла наиболее значительных успехов. Совсем по-другому обстояло дело с попытками примирить сионистские цели с национальными чаяниями арабского большинства в Палестине. Вступив на этот путь, мандатные власти со временем поняли, что взялись за очень трудное, почти безнадежное дело.

Глава VII.

Создание еврейского национального очага

Возрождение Сионистской организации

Установление британского мандата в Палестине не только открыло перед сионистским движением новые возможности, но и поставило перед ним трудную задачу создания еврейского национального очага в сотрудничестве с англичанами. В этом пункте документ Лиги Наций, обеспечивавший Великобритании права мандатория, звучал совершенно определенно:

“Сионистская организация должна быть признана в качестве Еврейского агентства — консультативного органа, задачей которого является сотрудничество с мандатной администрацией в таких экономических, социальных и других вопросах, которые касаются создания еврейского национального очага и интересов еврейского населения Палестины. [Сионистская организация] должна также способствовать развитию страны и обеспечивать сотрудничество со стороны всех евреев, которые пожелают способствовать созданию национального очага”.

Но усилия Англии по развитию палестинской экономики оказались недостаточными, и вскоре стало ясно, что задача создания национального очага возлагается, в первую очередь, на Сионистскую организацию, выступавшую в этом сотрудничестве в качестве старшего партнера.

Однако в первые послевоенные годы Сионистская организация была не слишком надежным политическим инструментом. За время войны ее сложный механизм явно разладился. Центральные сионистские учреждения находились в Германии, большинство рядовых членов — в России, “нейтральное” бюро — в Копенгагене, а Временный комитет по общесионист-

ским делам — в Нью-Йорке. Но подлинный центр руководства движением находился в Лондоне, где жил Вейцман. Напомним, что усилия Вейцмана во многом определили подписание Декларации Бальфура. Именно Вейцман с товарищами в феврале 1919 г. провели первое послевоенное заседание Исполнительного комитета Сионистской организации, а в июле 1920 г. в Лондоне состоялась Сионистская конференция. Возможно, это не совсем соответствовало уставу организации, но кто-то должен был взять в свои руки инициативу; кроме того, никто всерьез не оспаривал правомочности этих мероприятий и морального авторитета Вейцмана. Лондонская конференция приняла решение избрать Вейцмана президентом Сионистской организации.

Конференция вызывала невеселые чувства. В Лондон съехались выдающиеся деятели сионизма: Нордау, Варбург и Хантке из Центральной Европы, Вейцман, Соколов и Усышкин, представлявшие Россию, и, впервые, представительная делегация из Соединенных Штатов во главе с Луи Брандайзом. Под председательством Вейцмана был создан новый президиум из одиннадцати человек — шестерым из них, вошедшим в исполнительный комитет, было поручено действовать в Палестине. Именно этот комитет стал представителем организации во всем, что касалось взаимоотношений с англичанами в Палестине: с ним британские мандатные власти должны были консультироваться по всем вопросам, связанным с еврейским национальным очагом. С течением времени исполнительный комитет в сотрудничестве с *Ваад Леуми*, органом Собрания депутатов, стал своего рода “правительством” *ишува*. Каждый из членов этой организации отвечал за определенный аспект сионистской деятельности по возрождению Святой земли. Были организованы политический отдел, отделы иммиграции, труда, колонизации, образования и здравоохранения. Политический отдел вел переговоры с верховным комиссаром в Иерусалиме по основным проблемам, касавшимся реализации Декларации Бальфура. Отдел иммиграции занимался расселением новых иммигрантов и давал рекомендации мандатным властям по вопросам трудоустройства. Отдел колонизации отвечал за развитие новых еврейских сельскохозяйственных колоний. Отдел общественных работ сотрудничал с соответствующими мандатными учреждениями, а также за счет собственных ресурсов осуществлял программы абсорбции безработных иммигрантов. Вопросы образования в значительной мере входили в компетенцию *Ваад Леуми*, но и здесь не обходилось без Сионистской организации, которая участвовала в финансировании школ.

Однако вскоре выяснилось, что между сионистскими лидерами возникли острые расхождения относительно реальных полномочий исполнительного комитета. Некоторые, например Нордау, настаивали на том, что Великобритания обязана прислушаться к рекомендациям сионистов и немедленно

распахнуть двери перед сотнями тысяч евреев, стремящихся в Палестину. Благодаря им в Святой земле возникнет еврейское большинство, а за этим последует создание еврейского государства. Вейцман считал подобную максималистскую программу нереальной. Президент Сионистской организации лучше других понимал, что большинство евреев — нищие, рассеянные по всему свету люди. При жалких ресурсах восточноевропейского еврейства и *ишува* едва ли возможно требовать от англичан политических уступок. Вейцман был убежден, что главное — укрепление демографической и экономической базы в Палестине и что с решением этой задачи не следует медлить. Ллойд Джордж предупреждал сионистов на Парижской мирной конференции: “Вы должны использовать свой шанс сейчас, ибо политическое положение в мире напоминает Балтийское море накануне замерзания. Как только оно застынет, ничего нельзя будет изменить, и придется долго ждать, пока представится следующая возможность”.

Позиции американских сионистов. Борьба за землю и источники финансирования

Исходя из этого, Вейцман на конференции в Лондоне подчеркивал, что для создания еврейского национального очага в первую очередь необходимы не поспешные решения, а профессионализм, умелое руководство и, главное, деньги. Не слишком большие средства Еврейского национального фонда были ограничены необходимостью использовать их для других целей: нужно было расселить и трудоустроить тысячи восточноевропейских иммигрантов, которые прибывали в Святую землю. С этой целью Вейцман и делегаты конференции приняли решение создать *Керен ха-Иесод* (“Основной фонд”), для которого предполагалось привлечь средства диаспоры. Именно вопрос о широкомасштабном создании фондов вызвал прямое несогласие Брандайза, единственного человека в сионистском движении, который по своему нравственному влиянию и авторитету не уступал Вейцману.

Уроженец Соединенных Штатов, потомок иммигрантов из Чехии, Брандайз вырос в полуассимилированной среде. В Бостоне он сделал карьеру как юрист и почти не интересовался еврейскими проблемами. К сионизму Брандайз пришел в результате длительных дискуссий с Якобом де Хаасом, редактором бостонской газеты “Джуиш эдвокейт”. Де Хаас участвовал в первых Сионистских конгрессах, был лично знаком с Герцлем и преклонялся перед ним. Благодаря ему Брандайз увлекся идеями Герцля и с тех пор считал де Хааса своим учителем и соратником во всех сионистских делах. Одновременно он находился под влиянием прогрессивных американских

идей. Это сделалось особенно очевидным, когда он стал председателем Временного комитета по общесионистским делам в 1914 г. По представлениям Брандайза, сионизму должны быть присущи те же этические и демократические идеалы, которые он считал неотъемлемой чертой американского образа жизни. Сюда включалась и философия культурного плюрализма, в то время популярная в Соединенных Штатах. Кроме того, Брандайзу представлялось, что сионизм полностью подпадает под концепцию национального самоопределения Вильсона, которая в тот период была признана как законная цель союзников в войне. Такая сугубо “американская” версия сионизма, подкрепленная к тому же репутацией Брандайза как члена Верховного суда, позволила тысячам евреев США принять идею еврейского национализма еще до того, как появилась Декларация Бальфура. Пожалуй, эффективность, с которой Брандайз занимался сионистскими делами, была столь же характерной американской чертой, сколь и его идеология. Не интересуясь теорией, он отдавал предпочтение практическим вопросам, которые были куда понятнее американцам: “Деньги! Расширение организации! Дисциплина!”

Брандайз побывал в Палестине в 1919 г. Увиденное там произвело на него впечатление. На закате, стоя у могилы Рахели в Вифлееме, он шепнул де Хаасу: “Теперь я понял, почему все народы хотели завоевать эту землю и за что они любят ее”. Однако Брандайз сознавал, какие опасности могут возникнуть на пути к еврейскому национальному очагу. Одной из них был демагогический догматизм европейских сионистов, с которым Брандайз столкнулся на Лондонской конференции в 1920 г. Его прагматический ум, свободный от доктринерства, не мог примириться с программами, совершенно не учитывающими финансовых факторов. Кроме того, наметился и идеологический раскол между Брандайзом и европейскими сионистами. У американского юриста было собственное представление о том, как следует создавать еврейский национальный очаг. Теперь, когда Великобритании было поручено осуществление программы Декларации Бальфура, он считал период сионистской политической деятельности законченным. “Труд великого Герцля завершен в Сан-Ремо, — писал Брандайз в меморандуме, направленном Вейцману. — [Народы мира] сделали все, что могли. Остальное зависит от нас”. Говоря “мы”, Брандайз имел в виду и сионистов, и несионистов, объединившихся в Сионистской организации на основе, далекой от политики. С другой стороны, представительство политических интересов сионизма с этого момента должно было перейти к *Ваад Леуми* — этому учреждению следовало начать переговоры с верховным комиссаром Палестины и совещательной комиссией, которую тогда предполагалось создать.

Такой вариант сионистской программы был неприемлем для Вейцмана и других ветеранов движения. С их точки зрения, Брандайз проявлял отсутствие реализма в оценке того, чего можно достичь при посредстве со-

вещательной комиссии и *Ваад Леуми*. Хуже того: делая упор на юридических формулах, принятых в Сан-Ремо, Брандаиз не учитывал более глубоких и важных целей мирового еврейства. Для Вейцмана и его коллег всегда сохраняла свою актуальность задача пробуждения скрытых национальных сил. Только их наличие могло придать сионистскому движению импульс, достаточный для того, чтобы вдохнуть жизнь в еврейский национальный очаг. Вейцман писал в своей автобиографии: “Причина, по которой [мы] хотели сохранить за Сионистской организацией самостоятельность, сводилась исключительно к следующему: [мы] были убеждены, что политическая работа далека от завершения, что Декларация Бальфура и решения в Сан-Ремо — лишь начало нового этапа политической борьбы, а Сионистская организация — орудие нашей политической деятельности...”

Это фундаментальное противоречие стало явным после Лондонской конференции 1920 г., когда Брандаиз подверг критике план Вейцмана по созданию *Керен га-Йесод* в качестве основного финансового инструмента Сионистской организации. Американский лидер не возражал против сбора денег на такие “филантропические” цели, как иммиграция, здравоохранение и просвещение. Однако он выступил против использования благотворительных фондов для развития общественных работ и широкомасштабных промышленных и сельскохозяйственных предприятий — эти и подобные им задачи естественнее было бы решать при помощи частных предпринимательских инвестиций. В противном случае, доказывал Брандаиз, сионисты попросту вернуться к старой порочной практике *халуки*, лишь придав ей новый размах. Эта точка зрения соответствовала его представлению о том, что создание еврейского национального очага — свершившийся факт, который нуждается лишь в укреплении деловой основы. Вейцман и европейские сионисты, со своей стороны, отстаивали иную позицию: фонды остро необходимы не только для того, чтобы справиться с массовой иммиграцией, но и для того, чтобы показать британским мандатным властям, что сионизм пользуется все большим международным признанием и поэтому заслуживает серьезного отношения.

Получив поддержку подавляющего большинства членов исполнительного комитета, Вейцман весной 1921 г. отправился в Соединенные Штаты, чтобы начать сбор средств для *Керен га-Йесод*. Все его сомнения развеялись уже в нью-йоркском порту. Вейцмана бурно приветствовали тысячи американских евреев — лишь немногие до него удостаивались столь восторженно-го приема за всю историю города. Вейцман понял, что перед ним — община, полностью солидарная с сионистами *ишува* и Европы. Это впечатление подтвердилось в Кливленде, где в июле состоялся съезд Сионистской организации Америки. Там развернулась дискуссия между сторонниками Вейцмана — “человека из Пинска” и Брандаиза — “человека из Вашингтона”, и

американские евреи, выходцы из Восточной Европы, высказались в поддержку Вейцмана. Подавляющим большинством голосов съезд поддержал “открытую” трактовку еврейского национального очага как процесса, а не как результата, который уже достигнут. Критические возражения Брандайза были полностью отвергнуты. Заручившись поддержкой американских сионистов, в ходе кампании удалось к концу декабря собрать для *Керен га-Йесод* 2 млн долларов, то есть вчетверо больше, чем предрекал Брандайз.

Немалую роль в этом успехе играло то, что создававшие денежные фонды сионистские активисты по-прежнему основное внимание уделяли расширению сельскохозяйственной базы *ишува*. В сущности, представители всех направлений сионизма верили, что жизнь еврейства может быть нормализована, только если иммигранты из Европы, “утратившие свои корни”, превратятся в земледельцев. Кроме того, “не имея почвы” в реальном смысле, евреи никогда не смогли бы отстоять своего права на Палестину от посягательства арабов, а может быть, и англичан. В 1917 г. Еврейскому национальному фонду (*Керен каemet ле-Израэль*) принадлежало уже 160 тыс. дунамов земли в Эрец-Израэль — и теперь можно было рассчитывать на то, что его приобретения возрастут втрое или вчетверо. Однако вскоре сионистам пришлось расстаться с мыслью, что за новые земли придется платить недорого, а с помощью англичан удастся получить и государственные надель. Мандатная администрация явно пренебрегала своим обязательством “способствовать расселению евреев на земле” и “развивать интенсивное сельское хозяйство”. Вместо этого англичане предоставили евреям самим себе, полагаясь на их собственные “внушительные” средства, а основные силы бросили на поддержку большей по численности и более отсталой арабской общины. Так, например, из 960 тыс. дунамов государственной земли 397 тыс. были переданы арабам по земельному соглашению 1921 г.; а различным еврейским организациям досталось всего 83 тыс. дунамов. В результате сионистам пришлось выкупать (большой частью по немислимым ценам) 92% земли у владельцев-арабов.

Еврейский национальный фонд был скован еще одним ограничением — идеологическим. Устав Фонда требовал, чтобы участки, сдаваемые в наем, обрабатывались только евреями. Таким образом, наступал конец господству земельной аристократии первой *алии*, привыкшей использовать дешевый арабский труд, — “Завоевание труда” должно было радикально изменить это положение. Как еще до 1914 г. убедился Руппин и другие, установка на использование еврейского труда приводила к созданию коллективных и кооперативных хозяйств. Лондонская конференция 1920 г. приняла решение считать впредь создание таких поселений официальной задачей сионистской колонизации Палестины. Со стороны по большей части буржуазного руководства организации этот шаг был крупной уступкой, которой, впро-

чем, нельзя было избежать ввиду социалистических настроений среди самих иммигрантов. Кроме того, в Лондоне было принято решение приобрести смежные земельные участки там, где это только возможно.

Один такой анклав уже удалось создать. Он был расположен в Изреэльской долине: полоса земли в девять миль шириной тянулась на сорок миль к юго-востоку от горного массива Кармель, разделяя Самарию и Нижнюю Галилею. Первые еврейские поселения в этой низменной, болотистой местности появились еще в 1911 г., однако в последующие годы там не удалось создать жизнеспособных хозяйств. В 1919 г. арабы-землевладельцы заявили о своем намерении продать еще 80 тыс. дунамов в Изреэльской долине. По инициативе Вейцмана и Усышкина эта земля была куплена. С помощью Еврейского национального фонда там были осушены болота, вырыты колодцы, проложены дороги. Несмотря на то что поселенцам пришлось бороться с голодом и болезнями, в 1925 г. на этих землях существовало уже двадцать новых коллективных и кооперативных колоний. В большинстве своем они были основаны молодыми иммигрантами, для которых этот девственный край стал воплощением романтической сионистской мечты. В конце концов из малярийного болота Изреэльская долина была превращена в одну из жемчужин еврейской Палестины. Новые поселения создавались и на землях, приобретенных Еврейским национальным фондом на побережье и в Нижней Галилее. В то же время новые участки по-прежнему покупались Палестинским землеустроительным обществом и частными лицами. Количество частных покупок поначалу в три раза превышало приобретения Еврейского национального фонда, однако эта пропорция постепенно менялась. И в Европе, и в Америке Еврейский национальный фонд стал длинным символом сионизма. В десятках тысяч еврейских семей в диаспоре можно было увидеть бело-голубые кружки для пожертвований, куда раз в неделю опускались шиллинги и доллары.

Однако, чтобы иммигранты, хлынувшие в Палестину после войны, смогли выжить, требовалась не только земля. Их надо было обеспечить жильем и пищей, а впоследствии — сельскохозяйственным оборудованием. Им нужны были школы и больницы. Именно для того, чтобы найти необходимые для этого средства, Вейцман в 1920 г. и основал *Керен га-Йесод*, несмотря на возражения Брандайза, заботившегося, главным образом, об инвестициях. Как президент Сионистской организации, Вейцман взял основную тяжесть этой работы на себя и вскоре стал главным финансистом сионистов — “королем попрошайек”, как он сам себя называл. За последующие десять лет он побывал во всех крупных еврейских общинах мира, встречаясь с богачами в Западной Европе, в Северной и Южной Америке, выступая на массовых митингах в Польше, Венгрии и Румынии. Для этого требовались железные нервы. Даже в Соединенных Штатах евреи еще не полностью расстались со

своим статусом иммигрантов. Несмотря на все усилия Вейцмана, денежные поступления в Фонд были невелики. В 1921 г. Вейцман поставил задачу собрать 150 млн долларов за пять лет. Но прошло восемь лет, а собрано было всего 20 млн. Для тех, кто критиковал дипломатическую пассивность сионизма во времена мандата, у Вейцмана был наготове ответ: “Еврейский народ, где ты?”

Иммиграция и идеология

Финансовая ситуация складывалась как нельзя хуже. Хотя к концу войны численность *ишува* сократилась до 55 тыс. человек, к 1919 г., когда Палестина еще не была официально открыта для иммигрантов, еврейское население увеличилось почти до прежнего уровня. Эта волна репатриантов получила название третьей *алии*: приток переселенцев из Восточной Европы в 1920 г. составлял ежемесячно тысячу человек, всего же с 1919 по 1923 г. в Палестину прибыло 37 тыс. человек. В большинстве своем они бежали от революции, контрреволюционных погромов и Гражданской войны. Многие из них ошибочно полагали, что вот-вот будет создано еврейское государство. Так или иначе, все иммигранты считали ситуацию в послевоенной Восточной Европе безнадежной.

И они были правы. Бесспорно, Февральская революция 1917 г. и свержение царя на первых порах позволили положить конец бесправию евреев, устранили все препятствия на пути сионизма в России и на какое-то время даже привели к беспрецедентному взрыву энтузиазма и энергии среди российских сионистов. Осенью 1917 г. в России действовало 1200 местных сионистских организаций, объединявших 300 тыс. членов. Однако этим небывалым возможностям был положен конец большевистским переворотом. Поначалу новый коммунистический режим почти не ограничивал сионистскую деятельность. В крупных городах работали бюро, осуществлявшие эмиграцию в Палестину, и в 1918 г. из России в Святую землю переселились 4 тыс. евреев. Однако в декабре Евсекция¹ (еврейская секция Ком-

¹ Евсекция — название еврейских коммунистических секций РКП(б), созданных наряду с другими национальными секциями. Первая Евсекция была учреждена в июле 1918 года в г. Орле. Главной задачей таких национальных секций являлось распространение коммунистической идеологии в среде национальных меньшинств на родном языке и вовлечение их в “строительство социалистического общества”. Целью евсекций была борьба с Бундом, с другими еврейскими социалистическими партиями и с сионизмом и проведение антирелигиозных кампаний. В 1926 г. Евсекция была преобразована в Еврейское бюро, упраздненное в 1930 г.

мунистической партии) начала обличать “контрреволюционную сущность” сионизма, а в феврале 1919 г. учреждения сионистов были закрыты, а их периодические издания запрещены. Вскоре на Украине и в других областях, плотно заселенных евреями, начала набирать силу мощная антиссионистская кампания. Вслед за Евсекцией коммунистическое руководство официально обвинило сионизм в том, что он не признает принципиального значения социальной революции, отвергает возможность решения еврейского вопроса на российской почве и, главное, угрожает Коммунистической партии, вербуя себе сторонников в еврейской среде. Антиссионистская кампания то утихала, то вспыхивала с новой силой, принося с собой запреты, судебные приговоры и тюремные сроки. В 1923 г. сионистская деятельность в России практически прекратилась.

Любопытно, что, несмотря на большевистские репрессии, в то же самое время, в начале 1920-х годов, в России возникла и с согласия властей начала исключительно эффективно действовать сионистская организация, занимавшаяся подготовкой репатриантов. Она называлась *Гё-Халуц* (“Пионер”), и программа подготовки, которую она осуществляла в России, обогатила третью *алию* практичностью и динамизмом, не знающими параллелей в сионистской истории. Идея предварительного сельскохозяйственного обучения была высказана еще в 1915 г., но широко пропагандировать ее начал Йосеф Трумпельдор. Прославленный офицер вернулся в Россию в феврале 1917 г. Сначала он собирался создать там Еврейский легион для освобождения Палестины. Однако через год, после того, как этот план провалился из-за большевистской революции, Трумпельдор обратился к своим последователям с другим призывом: “Если мы не можем стать армией, станем пионерами, будем сеять, прежде чем отвоюем Эрец-Исраэль”.

Трумпельдор предупреждал своих слушателей и читателей, что для того, чтобы стать рабочими и земледельцами, недостаточно просто отправиться в Палестину. Пионеры второй *алии* избрали этот путь, уверенные, что для построения идеального общества необходимы лишь упорство и сила воли, но потерпели неудачу. Учитывая это, Трумпельдор призывал еврейскую молодежь заранее готовиться к решению задач, которые встанут перед ними в будущем. Пионеры, заявлял он, должны еще в России учиться возделывать землю, перенимать крестьянский опыт. Трумпельдор и ряд его ближайших сотрудников ездили по западным губерниям, организовывали группы *Гё-Халуц*, создали учебные центры в Минске и Симферополе. Летом и осенью 1918 г. в *Гё-Халуц* вступили десятки тысяч юношей и девушек. Они с энтузиазмом взялись за изучение сельского хозяйства, и подготовку проходили на купленных или арендованных участках земли, внимательно прислушиваясь к рекомендациям еврейских и русских учителей. Большевики некоторое время не мешали этой деятельности, хотя и из сугубо ко-

рыстных соображений — *Ѓе-Халуц* оказывали помощь американские филантропические фонды.

В то же время группы *Ѓе-Халуц* возникли в Литве, Румынии, Чехословакии, Австрии и Германии. В 1921 г. в Карлсбаде была основана Всемирная организация *Ѓе-Халуц*, центральное представительство которой было открыто в Берлине, а позже переместилось в Варшаву. В 1925 г. в *Ѓе-Халуц* насчитывалось 33 тыс. членов, в 1933 г. — 83 тыс. Между тем уже в 1919 г. первые участники движения начали прибывать в Палестину. Они нередко достигали Святой земли окольными путями. Те, кто ехал из Восточной Европы (а таких было большинство), обычно добирались через Турцию, Италию или Египет. Многие избирали путь через Сибирь, Китай и Японию. В августе 1919 г. в Святую землю вернулся сам Трумпельдор, чтобы подготовить почву для ожидавшегося прибытия пионеров-халуцим. Полгода спустя он был убит во время нападения арабов на *кибуц* Тель-Хай. Однако его гибель лишь прибавила решимости тем членам *Ѓе-Халуц*, которые дожидались отправки в Палестину. Большое число их прибыло из Европы, стремясь помочь *ишуву*.

Массовая иммиграция застала врасплох и Сионистскую организацию, и мандатные власти. Приезжающая в Палестину молодежь в порыве энтузиазма не придавала особого значения тому, что в стране трудно устроиться и что пионеров там ждут очень серьезные проблемы. Как мы помним, после волнений в праздник Неби-Муса сэр Герберт Сэмюэл решил, что лучший способ умиротворения арабов — отказ от неограниченной еврейской иммиграции. В этот момент, в августе 1920 г., мандатная администрация выпустила указ, согласно которому количество репатриантов не должно было превышать 16 500 человек в год; при этом правом на въезд пользовались лишь те, кому в Палестине гарантировалось рабочее место. После арабских волнений в мае 1921 г. Сэмюэл на некоторое время приостановил еврейскую иммиграцию. Наконец, в 1922 г. Черчилль в Белой книге поставил еще одно дополнительное условие: иммиграция не должна превышать абсорбционные возможности Палестины. На этом этапе мандатная администрация разрешала въезд в страну рабочим, земледельцам, предпринимателям — и эти ограничения не влияли существенным образом на еврейскую иммиграцию. Однако сионистов беспокоило то, что это решение властей создает прецедент для значительно более суровых ограничений в будущем.

В свою очередь, влияние на политическую ориентацию *ишув* оказывали партийные предпочтения при выдаче въездных сертификатов. Англичане предоставили сионистскому исполнительному комитету право контролировать распределение выдаваемых иммигрантских сертификатов. Поэтому получение этих разрешений стало за пределами Палестины поводом для острой борьбы многочисленных сионистских фракций. Наконец, было

достигнуто своеобразное соглашение на основе “партийного принципа” — распределение сертификатов должно было производиться с учетом того, каково влияние той или иной партии в Сионистской организации. Однако согласно уставу Сионистской организации, *ишув* имел право на двойное количество голосов, поэтому решающее значение приобрело то, насколько влиятельна та или иная партия в самой Палестине. Палестинские фракции все больше тяготели к социалистическому сионизму, и к середине 1920-х годов европейские иммигранты этой ориентации получили ощутимое преимущество на право въезда в страну.

Таким образом, в начале 1920-х гг. *ишув*, а вместе с ним все в большей степени и исполнительные органы сионистов в политическом плане стали явно “леветь”. Основную часть иммигрантов направляла организация *Гё-Халуц*, и хотя она номинально находилась вне политики, по сути дела она была тесно связана с доктриной социалистического сионизма. Большинство членов *Гё-Халуц* в Европе были сторонниками какой-либо из его фракций. Особенно много иммигрантов входили в *Поалей Цион*. Меньшее число принадлежало к *Цеирей Цион* (“Молодежь Сиона”), объединению молодежных групп, которые, формально не относясь к социалистическому движению, проявляли значительный интерес к социальным проблемам и выступали за национализацию земли. После войны организация *Цеирей Цион* распалась на две фракции, одна из которых, левая, в дальнейшем объединилась с *Поалей Цион* в более крупную партию — *Ахдут га-авода* (“Союз труда”). К этому времени идеологические расхождения между *Поалей Цион* и *Га-Поэль га-цаир*, партией А.-Д. Гордона, исповедовавшей “религию труда”, были почти исчерпаны. На конференции социалистов-сионистов в 1919 г. члены обеих фракций начали искать пути для последующего объединения. Их переговоры привели к созданию единой *Ахдут га-авода*. Однако в последний момент руководство *Га-Поэль га-цаир* отказалось примкнуть к новой группе. Умеренных сторонников Гордона отталкивала агрессивность и классовое мировоззрение таких людей, как Бен-Гурион и Бен-Цви. С другой стороны, решение не вступать в *Ахдут га-авода* привело их к постепенной утрате политического влияния в *ишув*.

Между тем организация *Га-Шомер га-цаир* продолжала, как ни странно, сохранять обособленность и независимость от доктринерского социализма *Ахдут га-авода* и философии Гордона, принятой в *Га-Поэль га-цаир*. Движение *Га-Шомер га-цаир* возникло в 1915 г. в Галиции. Многие его сторонники выросли в обеспеченных еврейских семьях в Польше и Литве. Настроенные романтически, они в известной мере оказались под воздействием немецкого молодежного движения той поры. Им казалось, что они восстают против бесцветной декадентской буржуазии черты оседлости. В бесконечных теоретических спорах приверженцы *Га-Шомер га-цаир* вы-

работали программу будущего еврейского национального очага, которая по своей радикальности превосходила даже то, чего придерживалась *Поалей Цион*. С точки зрения *Гя-Шомер га-цаир*, *квуца* (коллективное поселение) должна была служить не только экономическим целям — она позволяла уничтожить семью как социальную ячейку, в которой господствовала тирания старшего поколения, столь известная молодым теоретикам по их опыту жизни в Европе. Дети должны жить отдельно от родителей. Однако, поскольку собственно политика в утопическом обществе, о котором мечтали в *Гя-Шомер га-цаир*, не играла особой роли, этой группе не удалось стать политической силой в *ишув*. Ее влияние в наибольшей степени отразилось в кибуцном движении.

Собственно говоря, ни одно из направлений сионизма не придавало первостепенного значения политике — в этом смысле они были разнородными движениями, куда входили приверженцы различных философских систем, члены различных организаций, представители молодежных групп — *Гордония*, *Дрор*², *Ге-Халуц га-цаир* и другие. Каждое движение организовывало коллективную работу, собственные клубы, хоровые и спортивные кружки, а нередко и школы. Все они с равной энергией стремились соблюсти идеологическую “чистоту”. Именно эта упорная доктринерская фракционность и наложила отпечаток на пробуждающуюся политическую жизнь *ишува*, Сионистской организации, а впоследствии — Государства Израиль.

Новая утопия на земле

Для иммигрантов третьей *алии* делом первостепенной важности было, конечно, найти работу. Поначалу мандатная администрация была готова в какой-то мере помочь в этом и предоставляла иногда рабочие места в дорожном строительстве. Трудоустройством арабов обычно занимались их шейхи, а евреи предпочитали искать работу с помощью бюро *Ахдут га-авода* и *Гя-Поэль га-цаир*. Кроме того, некоторые молодые иммигранты, члены *Ге-Халуц*, прибыли из Европы с готовым планом создания рабочих групп — они назывались *Гдуд га-авода* (“Рабочий батальон”). Основу их заложил в 1917 г. неутомимый Трумпельдор. По его замыслу, рабочий батальон — это построенная на строжайшей дисциплине и принципе коллекти-

2 *Дрор* (ивр. “воробей”) — молодежное движение сионистов-социалистов, созданное в России перед Первой мировой войной; после Октябрьского переворота 1917 г. центр движения переместился в Польшу.

визма организация, члены которой готовы работать в любом районе Палестины, в самых сложных условиях.

“Нам нужны, — декларировал Трумпельдор, — люди, готовые безоглядно служить любому делу, которое потребует Палестине... Железо, из которого можно выковать все, что угодно, — все, что понадобится для национального механизма. Не хватает колеса? Я буду колесом. Нужны гвозди, винты, блоки? Возьмите меня. Надо копать землю? Я вскопаю. Нужно стрелять? Требуются солдаты? Я пойду воевать. Необходимы полицейские, врачи, адвокаты, учителя, водовозы? Пожалуйста, я готов на все. Я — истейшее воплощение готовности, исполнения. Меня ничто не отвлекает. Я знаю только один приказ — строить!”

Трумпельдор не дожид до воплощения своей программы. Однако в августе 1920 г., через шесть месяцев после его смерти, группа последователей Трумпельдора из *Гё-Халуц* прибыла из Крыма в Палестину с намерением осуществить ее. Сначала их было сорок, через год стало пятьсот шестьдесят. Вдохновляемые отчасти также и мечтой Гордона о “Завоевании труда”, первые члены рабочего батальона рассчитывали привить *ишуву* социалистические принципы силой своего примера. Они не собирались ограничиваться лишь сельским хозяйством; согласно плану, они должны были проявить себя всюду: в дорожном строительстве, на осушении болот, на самых тяжелых работах. Завоевав для рабочего класса стратегически важные позиции в экономике *ишув*, они предполагали в конечном итоге превратить Палестину в единую еврейскую трудовую коммуну. Исходя из этого, члены *Гдуд га-авода* стремились получить места на общественных работах. В 1921 г. “подразделения” батальона трудились по всей Палестине: осушали болота, строили дороги. Они жили в палатках, не зная отдыха и не имея элементарных удобств. Более трудной, опасной и изнурительной работы в Палестине не существовало. В батальоне соблюдался принцип полного равенства. Все его члены, чем бы они ни занимались, отдавали свой заработок центральному комитету.

Рядом с трудовым лагерем в Изреэльской долине молодые рабочие создали *квуцу* Эйн-Харод, которая обеспечивала им жилье и пищу. Однако вопрос о будущем Эйн-Харода и стал камнем преткновения для рабочего батальона. Многие его участники хотели жить в *квуце*, чтобы превратить ее в образцовую коллективную ферму. Другие настаивали на том, что не стоит тратить силы и средства на Эйн-Харод, следует стремиться к созданию общенациональной коммуны. Эта утопическая идея далеко превосходила самые смелые планы прежних пионеров из числа сионистов-социалистов. Среди членов рабочего батальона она вызвала жаркие споры. В конце концов взаимные упреки и нападки привели к тому, что в 1926 г. батальон рас-

пался. Несколько десятков “экстремистов” вернулись в Советский Союз. Там все они погибли в сталинских чистках 1930-х гг. Те, кто остался в Палестине, вернулись к более “нормальной” жизни и стали со временем своего рода политической аристократией: еще в 1954 г. почти половина ведущих деятелей партии *Мапай*³ и треть высокопоставленных чиновников в правительстве и *Гистадруте*⁴ могли похвалиться тем, что в 1920-х гг. входили в романтическое братство Рабочего батальона.

По правде говоря, в большинстве своем иммигранты третьей *алии* вовсе не стремились в наемные рабочие, это противоречило их социалистическим убеждениям. В основном, они пробовали создавать собственные коллективные поселения — *квуцот*. Ряд таких поселений продержался некоторое время, но в них в общей сложности состояло всего 860 человек — число не слишком внушительное. Самая большая *квуца*, Кинерет, насчитывала 58 членов; обычно же в них было не больше десятка работников. У пионеров, трудившихся в такого рода поселениях, до начала 1920-х гг. отсутствовала перспектива на будущее. Лишь третья *алия* возродила коллективные хозяйства и сделала их одной из форм нарождающегося еврейского земледелия в Палестине. И здесь снова катализатором послужила деятельность Руппина. Руппин, в это время возглавлявший отдел колонизации исполнительного комитета, рассматривал задачу абсорбции “отбросов гетто” как личную цель. Более того, он убедил участников послевоенных Сионистских конгрессов в том, что коллективное сельское хозяйство — главная надежда *ишува*. Для создания *квуцы* не требуется почти никаких первоначальных капиталовложений, доказывал Руппин. Она обеспечивает большую эффективность ре-

- 3 *Мапай* (аббр., букв. “Рабочая партия Эрец-Исраэль”) — социал-демократическая партия, созданная в 1930 г. в результате объединения нескольких левых социалистических движений и игравшая центральную роль в руководстве сионистского движения и *Гистадрута*. После образования Государства Израиль стояла в центре всех коалиционных правительств. В 1968 г. вошла в состав Израильской партии труда (*Маарах*).
- 4 *Гистадрут га-овдим га-клатит га-хадаша* (“Новая всеобщая федерация трудящихся”, в повседневном языке — “Федерация”) — основная профсоюзная организация Израиля, объединяющая большинство наемных рабочих страны, членов *кибуцев*, *мошавов* и кооперативных предприятий, а также значительную часть лиц свободных профессий. Была основана в декабре 1920 г. в Хайфе на Учредительном собрании. Во второй половине 1930-х гг. *Гистадрут* превратился в решающую силу еврейского *ишува*. В 1924 г. при нем была создана компания *Солель боне* для реализации строительных и промышленных проектов общественного значения. Под контроль *Гистадрута* вскоре после его создания перешла Общая больничная касса (*купат холим Клатит*). В 1921 г. был основан гистадрутовский банк *Га-Поалим*. В 1994 г. состоялся так называемый съезд реформ *Гистадрута*. Было принято решение, что *Гистадрут* отказывается от владения коммерческими промышленными предприятиями и перестает выступать в качестве работодателя, сохраняя за собой единственную функцию — защиту интересов трудящихся.

зультатов на маленьком участке земли и способна организовать самооборону в отдаленных и небезопасных районах Палестины. Кроме того, по утверждению Руппина, таким убежденным социалистам, какими являются многие иммигранты, другой тип организации все равно не подходит.

Пионеры Рабочего батальона, оставшиеся в Эйн-Хароде, также имели прямое отношение к становлению коллективного землепользования. Создав свое хозяйство и еще одну подобную колонию — Тель-Йосеф, они всячески подчеркивали преимущества большого коллектива, то есть *кибуца*, перед более скромной *квуцой*. В 1921 г. в колонии, объединившей Эйн-Харод и Тель-Йосеф, состояло 300 человек — число, небывалое для коллективных сельских хозяйств. Социальные преимущества таких объединений экономически подкреплялись возросшей и более продуктивной специализацией труда. Вскоре стало ясно, что большие *кибуцы* — жизненно важная составляющая сельскохозяйственного развития *ишува*. К 1927 г. население Эйн-Харода выросло еще на 200 человек, к нему прибавился ряд меньших *кибуцев*-“спутников”. В том же году делегаты от этих колоний организовали федерацию *Га-Кибуц га-меухад* (“Объединенный *кибуц*”), которая высказалась против маленьких поселений типа *квуцы* и поддержала широко-масштабную абсорбцию иммигрантов. Примеру Эйн-Харода следовало все больше пионеров. В 1930-х гг. *Га-Кибуц га-меухад* принял решение позволять колонистам уходить на заработки за пределы своих поселений и наниматься на строительство дорог, в каменоломни и на рыболовные суда.

Однако на протяжении 1920-х и 1930-х гг. по-прежнему существовали и коммуны, которые продолжали упорно сохранять семейственность и замкнутость *квуцы* (хотя со временем термином *кибуц* стали обозначаться любые коллективные поселения, большие и маленькие). Этой точки зрения придерживались, например, пионеры Дганьи. Таковую же позицию занимали пионеры третьей *алии* — основатели Гивы, Хефци-Ба, Гинегара и некоторых других колоний. В 1925 г. эти “элитарные” поселения организовали свою собственную ассоциацию — *Хевер га-квуцот*. Поначалу казалось, что *Хевер га-квуцот* не будет иметь сколько-нибудь серьезного влияния в *кибуцном* движении. В то время как другие колонии расширялись, Дганья, Кинерет, Гива и Гинегар находились в состоянии застоя, не развивались в экономическом плане и не принимали новых иммигрантов. Однако положение изменилось в 1930-х гг., когда в Палестину переехала из Польши сплоченная молодежная группа *Гордония*, названная так в честь А.-Д. Гордона и преданная его идеалам. В 1933 г. *Гордония* влилась в *Хевер га-квуцот*, и к федерации маленьких *кибуцев* вернулась жизнь. В это же время отдельные коммуны начали медленно расширяться. Подобное возрождение выпало и на долю движения *Га-Шомер га-цаир*. В 1927 г. четыре поселения, основанных этим движением, организовали федерацию *Га-Кибуц га-арци*. В после-

дующие годы коллективы этой федерации прославились в Палестине своей идеологической убежденностью и интеллектуальной активностью. Однако, сохранив многое из своего бывшего радикализма, эта федерация тоже начала расширять свои поселения и постепенно отошла от первоначальных утопических представлений о коммуне-семье.

Во многих отношениях 1920-е гг. были кризисным этапом в развитии *кибуцев*. В этот период не наблюдалось значительного роста коллективных хозяйств, а их экономическое положение оставалось неблагоприятным. Основывались новые поселения, но при этом распадались старые. Доходы были меньше расходов. Но в 1930-х гг. с новой волной иммиграции в *кибуцах* появились свежие силы, и надежды возродились. Внутренний динамизм способствовал признанию *кибуцного* движения в Европе. К 1939 г. благодаря иммигрантам пятой *алии* население *кибуцев* возросло до 25 тыс. человек — их члены, работавшие в 117 коллективных хозяйствах, составляли 5,2% численности *ишува*.

Почему же такое количество иммигрантов предпочло путь коллективизма? Ведь в 1930-х гг. жизнь в *кибуце* была еще трудной и суровой: она требовала от человека упорного труда и готовности ограничивать себя во всем. Однако коллективизм, как мы уже говорили, был обусловлен не только идеологической направленностью, но и конкретными нуждами и потребностями еврейского земледелия. Испытывая нехватку в земле и деньгах, находясь в изоляции в своих расположенных в глуши поселениях, евреи поняли, что совместное хозяйствование — самый надежный путь к физическому и экономическому выживанию. Кроме радости труда на своей земле, были и другие преимущества. На собраниях колонисты принимали решения о том, что родители освобождаются от домашних хлопот, забот об образовании и даже о воспитании своих детей. Женщины, трудившиеся в *кибуце*, были избавлены от рутинной работы по дому. Таким образом, у людей высвобождалось время для культурных мероприятий, дискуссий и лекций. Это играло колоссальную роль — ведь колонисты были отнюдь не патриархальными крестьянами. И в школе, и в молодежных организациях их детям постоянно внушали, что они — авангард возрождающегося Израиля. Это мнение было принято в широких кругах *ишува*. Оно же объясняет и большое влияние *кибуцников* в возникавших рабочих партиях, *Гистадруте* и *Ваад Леуми*, в набиравшем силу еврейском движении самообороны и, наконец, как мы увидим далее, в правительстве и общественных учреждениях Государства Израиль.

Тем не менее даже в пору своего расцвета *кибуцное* движение отнюдь не было определяющим в еврейском сельском хозяйстве. Уже в предвоенные годы некоторые земледельцы, в том числе и социалисты, сожалели о том, что в условиях коллективных поселений терпит ущерб семейная жизнь. Первая попытка предложить менее радикальный вариант, предпринятая в Мерха-

вье, закончилась неудачей. Однако в 1919 г. Элиэзер Йоффе, ветеран второй *алии*, выступил с планом создания *мошав овдим* (рабочего кооператива), в котором земледельцы, получив участки от Еврейского национального фонда, могли бы на кооперативной основе покупать оборудование, продавать продукты своего труда и обеспечивать общественную жизнь поселения, но при этом жили бы с семьями на собственных участках и распоряжались бы причитающимся им доходом. Многим поселенцам эта идея пришлась по душе. С помощью того же Руппина, который раздобыл для них землю в Изреэльской долине, недалеко от Назарета, девятнадцать семей создали первый кооперативный *мошав* Наг'алаль. Через некоторое время там жило уже девяносто семей. Новые *мошавы* организовывались в Изреэльской долине, в долине Хефер и в центральной части долины Шарон.

В общем, кооперативные хозяйства преуспевали. Прежде всего, многие члены их уже имели опыт работы в сельскохозяйственных поселениях. Солідные отцы семейств, они в меньшей степени, чем кибуцники, стремились принимать неопытных новых иммигрантов. В результате, правда, и росли *мошавы* значительно медленнее коллективных хозяйств. В 1931 г. в *кибуцах* насчитывалось 4400 человек, а в *мошавах* около 3400. В 1936 г. население *кибуцев* достигло 16 400, в кооперативах же было 9 тыс. жителей (цифра тоже довольно внушительная). На протяжении 1930-х гг. кибуцное движение развивалось весьма энергично, а мошавное, не столь обремененное идеологией, почти не вело агитации в Европе и не создавало молодежных групп. Еще в 1940 г. в федерации *мошавов* — *Тнуат га-мошавим* — не было ни обязательных членских взносов, ни фонда денежной взаимопомощи. Тем не менее кооперативный труд и инициатива в сочетании с независимостью впоследствии легли в основу организации сельского хозяйства, но уже не в *ишуве*, а в Государстве Израиль.

Росту *кибуцев* и *мошавов* сопутствовало возрождение более старых капиталистических хозяйств, которые специализировались, главным образом, на производстве цитрусовых. В 1927 г. в Ришон-ле-Ционе проживало более 1800 человек, в Реховоте — 1200, в Петах-Тикве — не менее 6 тыс. Вокруг цитрусовых плантаций в долине Шарон возникали новые поселения, в том числе Раанана, Бней-Брак, Ёрцлия, Пардес-Хана, Тель-Монд и Нетания. В 1936 г. насчитывалось уже сорок таких колоний, то есть почти вдвое больше, чем перед войной. Их объем производства (цитрусовые, виноградарство, другие культуры) превосходил совокупную продукцию *кибуцев* и *мошавов*. Тем не менее количество земель и население этих колоний были меньше, чем в коллективных и кооперативных хозяйствах. Капиталистические хозяйства не могли похвастаться своим политическим влиянием. *Мошавы* и *кибуцы* поддерживали многосторонние связи с различными партиями и национальными федерациями. Их левые социалистические

воззрения были усвоены, кажется, всеми основными учреждениями *ишува*. Иначе обстояло дело с капиталистическими хозяйствами. Их организации — *Гитахадут га-икарим* и *Пардес* — состояли из индивидуалистически настроенных фермеров и не пользовались политическими симпатиями *ишува*. В результате к концу первого десятилетия мандата некогда влиятельные капиталистические фермы Петах-Тиквы, Ришон-ле-Циона, Реховота и Хадеры почти полностью утратили влияние на общественную деятельность, направленную на создание еврейского национального очага.

Голоса халуцим

Настроения послевоенных колонистов особенно ярко выразились в литературе третьей *алии* с ее пафосом самопожертвования и национального возрождения. Одним из тех, кто сумел передать чаяния *ишува* в эти годы, был Аврагам Шленский⁵. Иммигрант из Восточной Европы, член Рабочего батальона, Шленский в свое время осушал малярийные болота Изреельской долины. Тяжкие испытания, которых потребовал этот подвиг, и душевный настрой *халуцим* отразились в его поэзии. В ней присутствует тема Божественного промысла, дающего силу для подвига:

Веди меня, Господи!
 Дай мне отнести меру зерна
 На вспаханное весеннее поле...
 Дай мне отнести меру зерна
 И засеять мой скромный надел,
 Пока не настал мой последний день,
 Пока не предстал я перед Тобой,
 Как колосок, поникший под тяжестью зерен:
 “Срежь меня, серп, ибо время пришло!”

Все выдающиеся поэты третьей *алии* отдали должное бурному стремлению к новой жизни в стране. Среди них были Ицхак Ламдан⁶, Авиغدор

5 Шленский Аврагам (1900–1973) — один из крупнейших израильских поэтов, переводчик. В 1921 г. приехал с группой халуцим в Эрец-Исраэль, некоторое время жил в киббуце Эйн-Харод. Внес огромный вклад в перевод русской поэзии на иврит. По праву называл себя человеком, “прокладывающим дорогу израильской поэзии”.

6 Ламдан Ицхак (1899–1954) — израильский поэт. В 1920 г. приехал в Эрец-Исраэль, работал на строительстве дорог. Поэма “Масада” (1927) утвердила за ним славу выразителя чаяний третьей *алии*. И в более поздних произведениях Ламдан остается ве-

Га́меири⁷, Ури-Цви Гринберг⁸ и Йеѓуда Карни⁹. Для них, в отличие от поэтов первой и второй *алии*, Палестина была не библейской идиллией с рощами и виноградниками, а негостеприимной голой пустыней, которую в муках возделывают энтузиасты Рабочего батальона и первопоселенцы.

Идейный пафос *халуцим* замечательно воплотил в своей эпической поэме “Масада” Ицхак Ламдан. Крепость Масада, построенная у южной оконечности Мертвого моря, в I в. н. э. стала последним оплотом еврейских повстанцев в их борьбе против римлян. Как и повсюду в Палестине, римляне одержали победу, но лишь после того, как понесли большие потери, а защитники Масады погибли. Ламдану был близок фанатизм древних еврейских воителей. Он приехал с Украины во время третьей *алии* и писал о людях, которых хорошо знал, — о юношах, добравшихся до Палестины с молитвой на устах и медными грошами в кармане. Эти молодые люди в голоде и бедствиях сохраняли мечту о том, в какую прекрасную страну они превратят со временем еврейский национальный очаг. В поэзии Ламдана подвиг Масады был символом третьей *алии*.

Поэма начинается с повествования о жизни самого Ламдана, типичной для биографии всего поколения. Его мать погибла во время бегства из своего разоренного дома, брата убили где-то на украинских проселках. А сам герой поэмы бежит в Масаду. Его отговаривают те, кто верит в правду революции, ведь ради пустынь Сиона он расстанется с надеждой на социальный прогресс у себя на родине:

Смотри: красный занавес закрыл
Сцену, где происходят великие перемены,
Словно объявлен антракт между действиями.
Крепись, товарищ,

рен идее, что личное начало в человеке должно быть подчинено целям национального возрождения.

- 7 Га́меири Ави́гдор (1890–1970) — поэт, переводчик, прозаик. В 1921 г. приехал в Эрец-Исраэль, занимался журналистикой. В 1932 г. организовал в Тель-Авиве первый сатирический театр на иврите. Автор двух романов о Первой мировой войне: “Великое безумие” (1929) и “В нижнем круге ада” (1932). Они относятся к лучшим образцам новой ивритской прозы. Один из самых ранних представителей экспрессионизма в новой ивритской поэзии. В 1968 г. стал лауреатом Государственной премии Израиля.
- 8 Гринберг Ури-Цви (псевд. Тур-Малка; 1896–1981) — поэт и публицист, писал на иврите и идише. В 1924 г. приехал в Эрец-Исраэль. В эпических поэмах развивал тему мессианской роли возрождения государства в исторической судьбе евреев. Его творчество сыграло огромную роль в формировании современной израильской поэзии.
- 9 Карни (Воловельский) Йеѓуда (1884–1949) — израильский поэт. Ранняя поэзия Карни проникнута настроением индивидуалистического романтизма. Произведения последних лет посвящены трагедии Катастрофы.

Пока не взовьется занавес
 И не кончится буря..
 Масада вновь не восстанет!
 Она не станет ареной
 Грядущих великих битв,
 И не восстанут из мертвых
 Ослабевшие защитники крепости,
 Утратившие надежду.

Однако герой не сдается и отправляется в Палестину. Здесь он вступает в Рабочий батальон и вместе с товарищами трудится на берегу Мертвого моря на поташных разработках. В изматывающей обстановке этого чистилища, среди просоленных песков Иудейской пустыни пионеров осеняет дух Масады:

Терпи, терпи,
 Ноющая спина!
 Я сын Израилев,
 Я слишком горд,
 Чтобы искать другого пристанища
 И мечтать о спасении!..
 Под этим сиротливым кустом
 В пустыне ищет пристанища
 Не презренный отпрыск египтянина —
 Здесь умирает от жажды Исаак из дома Авраамова.

Третью *алию*, проникшуюся духом Масады, в конце концов ожидает победа.

Сходные чувства вдохновляли и современника Ламдана — Ури-Цви Гринберга. Гринберг, происходивший из богатой галицийской семьи, во время войны служил в австрийской армии, а в 1922–1923 гг. жил в Варшаве и Берлине, где издавал на идише экспрессионистский журнал. В Палестину он переехал в 1924 г. и скоро завоевал признание как “поэт *халуцим*”. Занимаясь журналистикой в Тель-Авиве, Гринберг не изведal на собственном опыте физических трудностей, выпавших на долю пионеров. Однако никто не сумел так точно выразить главную черту этого послевоенного поколения — его стойкость. Бог Гринберга был суровым Богом, ревнивым и требовательным, как древний библейский Бог. Скорбь окутывала древние святилища, которые еврейству еще предстояло вернуть:

Но для меня Иерусалим — растерзанное тело
 Моей матери: из каждого расколотого камня

Сочится кровь, исходит боль души...
Стена мучительным кольцом замкнула горе;
Тьма
Покрыла твои камни, и твое молчание стало
Воплем, который слышен блаженным и
Праведным
Даже в могиле.

Мощь Ламдана, энергия Гринберга, яркая образность Шленского отражают порыв третьей *алии*, в котором слились энергия отчаяния и горькая, далекая от романтики надежда на то, что в конце концов здесь, на пустынной почве, люди рассеянного по миру народа смогут построить новое общество.

Рост городского населения. Борьба за рабочее единство

В 1920-х гг. иммиграция состояла отнюдь не только из проникшихся идеями социализма пионеров. В 1922–1923 гг. процент представителей среднего класса среди переселенцев начал увеличиваться. Эта тенденция стала еще более явной после 1924 г. — за счет приезда значительного количества польских евреев. Их появление было вызвано, главным образом, экономическими причинами. Шовинистически настроенное правительство Польши не испытывало доверия к национальным меньшинствам страны. Главной жертвой ксенофобии в возродившемся польском государстве стали 3 млн евреев. Суть дела лаконично сформулировал один из членов польского сейма: “Когда коренная нация достигает экономической зрелости, некоренная нация должна посторониться”. В 1920-х гг. эту формулу воплотил в жизнь польский министр финансов Владислав Грабский: он национализировал те отрасли экономики и торговли, в которых было особенно много евреев, а затем уволил еврейских служащих, заменив их поляками. В результате треть всех польских евреев-коммерсантов разорилась, после чего их единственной надеждой стала эмиграция. С 1924 по 1928 г. из Польши в Палестину переехало 70 тыс. человек. Эта четвертая *алия*, в составе которой было также 8 тыс. евреев с Кавказа и Ближнего Востока, увеличила еврейское население Палестины с 84 тыс. в 1922 г. до 154 тыс. в 1929 г.

Лишь немногие из этой волны разделяли идеи социалистического сионизма или интерес к сельскому хозяйству. Привезя несколько тысяч злотых, полученных за свою обреченную на банкротство лавчонку в Польше, иммигрант четвертой *алии*, как правило, поселялся в городе и открывал но-

вое дело — жалкое подобие оставленного. Экономическая депрессия 1927 г. оказалась роковой для многих из этих бывших коммерсантов. Вейцман с самого начала отнесся к их приезду с сомнением. В своей речи 13 октября 1924 г. он предупреждал:

“Когда выезжаешь из Изреэльской долины и попадаешь на тель-авивские улицы, картина меняется. Я радуюсь растущему потоку иммигрантов.. и вовсе не преуменьшаю значения этой иммиграции для нашей созидательной работы. Наши братья и сестры из Дзиковой и Налевок [типичных еврейских кварталов Варшавы] — плоть от плоти и кровь от крови нашей. Но мы должны следить за этим потоком и управлять им, чтобы не позволить ему увести нас в сторону от цели. Важно помнить, что мы строим наш национальный очаг не по образу и подобию Дзиковой и Налевок”.

Хотя беженцы-коммерсанты отнюдь не были самоотверженными пионерами, их вкладом в развитие еврейской Палестины нельзя пренебречь. Именно четвертая *алия* заложила основы городской экономики *ишува*. Благодаря притоку новых иммигрантов за пять лет удвоилось еврейское население Иерусалима и Хайфы. Кроме того, эта волна в значительной степени способствовала формированию Тель-Авива как города. В 1921 г. в этом небольшом “садоводческом пригороде” Яфо проживало всего 3600 евреев. Число их утроилось в апреле того же года, когда в результате арабских волнений в Яфо последние евреи покинули этот портовый город. В основном, именно благодаря *алие* середины 1920-х гг. тель-авивское население увеличилось с 16 тыс. в 1924 г. до 46 тыс. в 1929 г. С этого времени оно неуклонно возрастало: в 1939 г. в Тель-Авиве насчитывалось 160 тыс. жителей-евреев. Расширение этого и других городов полностью изменило демографическую картину *ишува*. Бесспорно, тот факт, что в 1931 г. в сельской местности проживало 33 тыс. евреев, не мог не производить впечатления. Количество евреев, занятых в сельском хозяйстве, составляло 14% в 1914 г., 23% — в 1931 г. и 29% — в 1939 г. от общего числа работающего еврейского населения Палестины. Однако уже в 1920-х гг. стало ясно, что большое число евреев-иммигрантов стремится переселиться в города.

В 1920-х гг. в Палестине возникает еврейская промышленность. В 1921 г. в Тель-Авиве был построен кирпичный завод. Выходец из России инженер Пинхас Рутенберг¹⁰ получил у мандатных властей концессию на строитель-

10 Рутенберг Пинхас (1879–1942) — деятель революционного движения в России, сионист, один из лидеров *ишува* и создатель современной промышленности в Эрец-Исраэль. В 1923 г. Рутенберг учредил Палестинскую электротехническую компанию, которая смогла обеспечить потребности Эрец-Исраэль в электроэнергии. В 1929–1931 и 1939–1940 гг. Рутенберг был президентом *Ваад Леуми*.

ство первой электростанции в Тель-Авиве, а затем и электростанций в Хайфе и Тверии. После 1921 г. на средства частного еврейского капитала построены соляной завод, мукомольная фабрика, мыловаренная фабрика *Шемен* в районе Хайфы. В 1925 г. в окрестностях Хайфы были пущены в действие цементный завод *Нешер* и несколько текстильных фабрик. Разумеется, вклад большинства польских иммигрантов 1920-х гг. был не столь крупным. Как правило, их “промышленные” предприятия представляли собой маленькие мастерские, где было не более десятка рабочих. Однако прибытие тысяч новых иммигрантов стимулировало деятельность самой важной отрасли промышленности *ишува* — строительства. В 1927 г. в строительстве было занято 45% рабочих Тель-Авива — в это время начинается подлинное формирование еврейского рабочего класса. Это было отмечено деятелями социалистического сионизма, убежденными в том, что в городе, как и в сельской местности, социалисты смогут возглавить экономику *ишува* и определять ее развитие.

Первые рабочие организации начали возникать в еврейских поселениях еще в 80-х и 90-х гг. XIX в., однако руководству ЕКО (Еврейского колониационного общества) удалось ликвидировать большинство из них. Попытки достигнуть рабочего единства возобновились лишь в последнее предвоенное десятилетие. Ставя перед собой политические цели, *ГӀа-Поэль Ӏа-цаир* и *Поалей Цион* вместе с тем брали на себя функции профсоюзов и даже предоставляли своим членам элементарную медицинскую помощь. Во время войны проблемы с продовольствием привели к созданию потребительского кооператива *ГӀа-Машбир Ӏа-меркази*. Все эти активно действовавшие организации закладывали основы *ГӀистадрута*. Однако главными организаторами *ГӀистадрута* стали два политических движения — *Ахдут Ӏа-авода* и *ГӀа-Поэль Ӏа-цаир*. Хотя *ГӀа-Поэль Ӏа-цаир* и не стал объединяться с *Ахдут Ӏа-авода*, тем не менее, несмотря на политические разногласия, ими было достигнуто соглашение о сотрудничестве в области организации рабочей федерации. Благодаря этому в декабре 1920 г. в Хайфе и был создан *ГӀистадрут*, членами которого могли быть “все те, кто живет собственным трудом и не эксплуатирует других”.

Немаловажно, что поначалу среди членов *ГӀистадрута* большинство составляли жители *кибуцев* и *мошавов* и что федерация обращала особое внимание на создание рабочих мест для евреев в сельском хозяйстве. В то время как в течение многих лет самые широкие возможности для трудоустройства иммигрантов имелись на цитрусовых плантациях побережья, там рядом с тысячами арабов работало всего несколько сотен евреев, а большинство иммигрантов ютилось в палатках на тель-авивских пляжах, напрасно дожидаясь хоть какой-нибудь работы. Поэтому *ГӀистадрут* начал организовывать забастовки против плантаторов, которые не оказывали

евреям предпочтения при найме. Нередко пикетчики применяли физическую силу, чтобы “убедить” арабских рабочих разойтись по домам. Действуя подобными методами, *Гистадрут* исходил из убеждения, что арабская экономика способна существовать независимо. А для новых иммигрантов из Восточной Европы работа на еврейских плантациях была одной из возможностей выжить. В конечном счете проблема эта решилась в пользу еврейского труда, но арабско-еврейские отношения от этого, естественно, не улучшились.

Плантаторы были не единственными еврейскими капиталистами Палестины, эксплуатировавшими своих рабочих. В городах сотни мелких хозяев нанимали людей с улицы за бесплатный обед и ночлег. Поскольку значительная часть рабочих начала сосредотачиваться в городах, *Гистадрут* занялся проблемами этого контингента. Профессиональные союзы объединяли теперь не только тех, кто был занят физическим трудом, но и служащих, техников и даже врачей и адвокатов. Для тех, кто нуждался в работе, были открыты биржи труда, на которых нанимали людей на коллективные подряды. Постепенно рабочие места для евреев появились в строительстве и даже на принадлежавших англичанам железных дорогах, на почте и в других ключевых секторах городской экономики.

Функции *Гистадрута* отнюдь не ограничивались борьбой за рабочие места. Профсоюзные цели сочетались в этой организации с сионистским стремлением к возрождению страны и социалистической установкой на “создание еврейского рабочего единства в Палестине”. Для этого *Гистадрут* в 1923 г. учредил центральную производственную организацию *Хеврат ха-овдим*, которая должна была развивать независимую экономическую деятельность. В рамках *Хеврат ха-овдим* действовал *Га-Машбир ха-меркази*, превратившийся в середине 1920-х гг. в торгово-закупочный кооператив, реализовывавший продукцию *кибуцев* и *мошавов* и открывший в поселениях по всей стране сеть универсальных магазинов. В 1926 г. *Хеврат ха-овдим* организовал торговый филиал *Тнува* (“Урожай”) для реализации молочной продукции *кибуцев* и *мошавов*. Финансирование деятельности *Хеврат ха-овдим* осуществлялось благодаря созданному к этому времени банку *Га-Поалим*. Строительная компания *Хеврат ха-овдим* — *Шикун* — предоставляла рабочим жилье за минимальную квартплату. Во всех сферах производства, включая автобусный транспорт, гостиничные и ресторанные тресты, была создана широкая сеть кооперативных организаций, число которых к 1939 г. достигло тысячи.

В конечном итоге *Гистадруту* удалось справиться с худшими проявлениями экономического неравенства в *ишув*е и ослабить жестокую конкуренцию, однако самым существенным из его нововведений, несомненно, было создание единой системы медицинского обслуживания. Эта система,

получившая название *купат холим* (“больничная касса”), возникла еще в 1911 г. Перед войной в *купат холим* состояло 2 тыс. человек. В 1930 г. число членов кассы достигло 15 тыс., а через пять лет оно удвоилось. К 1935 г. в распоряжении *купат холим* имелся не только самый большой в Палестине штат врачей и медицинских сестер, но и собственные клиники в пяти городах и пятидесяти трех сельскохозяйственных поселениях, а также две больницы и два санатория. Если учесть, что в Палестине не было обязательно медицинского страхования, развитие *купат холим* объяснялось исключительно организаторской энергией *Гистадрута*. Благодаря этой энергии возникли и другие общественные учреждения. Среди них была независимая система школ *Гистадрута*, возникшая в 1921 г. и функционировавшая под наблюдением *Ваад Леуми*. В 1934–1935 гг. школы *Гистадрута* составляли 44% всех учебных заведений с преподаванием на иврите (еще две системы школ принадлежали Сионистской организации и религиозному движению *Мизрахи*). Кроме того, *Гистадрут* открыл многочисленные курсы; помимо этих курсов, имелась также культурная программа, охватывавшая литературную деятельность, изобразительные искусства, музыку и театр. В 1925 г. при *Гистадруте* возникла театральная труппа и начала выходить газета *Давар* (“Слово”).

Наконец, для того, чтобы увеличить количество рабочих мест, *Гистадрут* создал ряд собственных промышленных компаний, что позволяло осуществлять такие проекты общественных работ (осушение болот, строительство поселений), за которые никогда не взялись бы ни частные предприниматели, ни тем более английские власти. Самой значительной из этих компаний была *Солель боне*, первоначально выполнявшая функции подрядчика по прокладке дорог, а затем задействованная и в жилищном строительстве. За два года *Солель боне* получила заказы от частных предпринимателей, сионистского исполнительного комитета и даже от мандатной администрации на общую сумму более миллиона фунтов. Эта компания занималась осушением болот в Изреэльской долине и долине Хула, строительством дорог, жилых домов и общественных зданий, при этом она создавала тысячи новых рабочих мест и организовывала рабочих, интересы которых впоследствии защищала. Уже в 1930 г., благодаря столь многосторонней деятельности, *Гистадрут* объединил под своей эгидой три четверти еврейских рабочих Палестины. Разнообразные организации оказывали всестороннюю помощь трудящимся и их семьям. К началу Второй мировой войны *Гистадрут* стал не просто одним из влиятельных учреждений *ишсува* — для большинства евреев в Святой земле он был основой их существования в Палестине.

Как показало время, объединение трудящихся было не только экономическим, но и политическим достижением. После арабских волнений

1929 г.¹¹ и все более холодного отношения мандатных властей стало ясно, что *ишув* остро нуждается в политической консолидации. Лидеры *Ахдут ѓа-авода* — Бен-Гурион и Бен-Цви и руководители *Ѓа-Поэль ѓа-цаир* — Йосеф Шпринцак и Хаим (Виктор) Арлозоров¹² сознавали, что интересы, объединявшие эти рабочие движения, существеннее разногласий между ними. Поэтому в январе 1930 г. *Ахдут ѓа-авода* и *Ѓа-Поэль ѓа-цаир* проголосовали за объединение. Возникшая в результате партия получила название *Манай* (Израильская партия труда). Вдохновителем ее в значительной степени был Берл Кацнельсон¹³, один из лидеров палестинского рабочего движения. Нескладный человек с шапкой густых волос, ветеран второй *алии*, он в 1925 г. основал газету *Ѓистадрута* — *Давар* — и оставался ее бессменным редактором до своей смерти в 1944 году. С середины 1920-х гг. он оказывал заметное влияние на культурную и идеологическую ориентацию рабочего движения. Именно благодаря интеллектуальному воздействию Кацнельсона *Манай* отказалась от бесконечных теоретических дебатов в области сионистской политики и вместо этого сосредоточилась на деятельности, отвечающей интересам рабочих и всего еврейского национального очага.

В результате к 1933 г. партия *Манай*, сочетавшая приверженность сионизму с социалистической направленностью, взяла под свой контроль не только *Ѓистадрута* (в руководстве которого она в дальнейшем играла главную роль), но и Собрание депутатов, и политический отдел Еврейского агентства. С этого времени и до конца мандата *Манай* являлась самой значительной партией *ишува* и доминировала на Сионистских конгрессах. Развитию социалистического сионизма способствовала и международная обстановка — после экономического кризиса 1930-х гг. социалистические идеи были

11 В августе 1929 г. в Эрец-Исраэль произошли арабские беспорядки, вызванные религиозной нетерпимостью арабских лидеров. Нападения в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе были отражены; в Цфате среди еврейского населения имелись жертвы; община Хеврона была вырезана местными арабами.

12 Шпринцак Йосеф (1885–1959) — один из лидеров рабочего движения, государственный деятель Израиля. В 1940-х гг. был председателем Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации и генеральным секретарем *Ѓистадрута*. Избирался председателем *кнессета* первых трех созывов.

Арлозоров Хаим (Виктор; 1899–1933) — один из руководителей сионистского рабочего движения. В 1931 г. возглавил политический отдел Еврейского агентства; в 1933 г. активно участвовал в организации *алии* из нацистской Германии.

13 Кацнельсон Берл (1887–1944) — руководитель и идеолог рабочего движения в сионизме, публицист. Начиная с 1920 г. активно участвовал в деятельности Всемирной сионистской организации, был делегатом всех конгрессов, членом дирекции Еврейского национального фонда. С 1925 г. Кацнельсон — главный редактор печатного органа *Ѓистадрута* — газеты *Давар*.

популярны во всем мире. Однако, несмотря на многочисленность и радикализм третьей *алии*, во главе рабочего движения *ишува* стояли, в основном, представители предвоенной второй *алии* — испытанные ветераны, в большинстве своем родившиеся в 80-х гг. предыдущего века: Кацнельсон, Бен-Гурион, Бен-Цви, Шпринцак, Давид Ремез¹⁴ и Ицхак Табенкин¹⁵. Эта группа во многом повлияла на формирование идеологии и учреждений *ишува*, а затем и Государства Израиль.

Создание Еврейского агентства

Подобно тому как в Палестине происходило объединение еврейского рабочего класса, на благо *ишува* сплотилось — хотя и в более ограниченной степени — также и мировое еврейство. Напомним, что Лига Наций, предоставляя палестинский мандат Великобритании, признала Сионистскую организацию в качестве Еврейского агентства, призванного сотрудничать с английскими властями в деле создания еврейского национального очага. Однако это решение имело скорее условный характер, поскольку от Еврейского агентства требовалось “обеспечить сотрудничество *всех* (выделено мной. — *Авт.*) евреев, изъявивших желание способствовать созданию еврейского национального очага”. Кроме того, как мы уже отмечали, призыв Брандайза мобилизовать мировое еврейство означал — как для сионистов, так и для всех остальных — предложение вступать в Сионистскую организацию на внеполитической “деловой” основе. В Соединенных Штатах этот подход был отвергнут на Кливлендской конференции 1921 г. Вместе с тем в 1920-х гг. Вейцман стремился добиться поддержки у богатых евреев, стоявших в стороне от сионистского движения. Никто лучше его не понимал, насколько необходимо привлечение их помощи, особенно средств, собранных в Соединенных Штатах организацией “Джойнт”¹⁶ в пользу бедных европейских евреев. Позднее Вейцман писал

14 Ремез Моше-Давид (Драбкин; 1886–1951) — один из лидеров рабочего движения в Эрец-Исраэль; входил в руководство *Ахдут ха-авода*, а позднее — партии *Мапай*. В 1935–1945 гг. занимал пост генерального секретаря *Гистадрута*. В 1948–1950 гг. был министром транспорта Израиля, в 1950–1951 гг. — министром образования и культуры.

15 Табенкин Ицхак (1887–1971) — лидер рабочего движения в Эрец-Исраэль, один из зачинателей кибуцного движения. В 1920 г. Табенкин был среди учредителей *Гистадрута*, в 1930 г. — партии *Мапай*.

16 “Джойнт” (Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов) — еврейская благотворительная организация, основанная в 1914 г. в США. “Джойнт” оказывает широкую помощь еврейскому населению в различных странах мира, в том числе и в Израиле.

об американских филантропах, контролировавших размещение денежных средств “Джойнта”:

“Они занимались во время Первой мировой войны и занимаются сейчас грандиозной работой по оказанию помощи европейскому еврейству, однако для человека, считающего, что только еврейский национальный очаг дает полное и долговечное решение еврейского вопроса, их вера в возможность стабилизировать положение европейского еврейства была настоящей трагедией. Больно было смотреть, как они наполняют своими миллионами бездонную бочку в то время, как часть этих денег могла быть передана на родину еврейства и использована там для устройства тех самых евреев, у которых никогда не было ни малейшей надежды”.

Правда, фонд *Керен йа-Йесод* мог служить посредником для тех, кто желал помочь *ишуву* в финансовом отношении, не связывая себя в политическом плане. Однако в мандатных документах говорилось о Еврейском агентстве, а *Керен йа-Йесод* был фондом, а не агентством.

Поэтому из года в год, на различных собраниях и съездах, Вейцман продолжал настаивать на создании “расширенного Еврейского агентства”, в которое вошли бы не только сионисты. Дело продвигалось с трудом. Многие европейские сионисты возражали против участия американских евреев, которых они считали сторонниками ассимиляции. К счастью для Вейцмана, сионисты-социалисты, самая сплоченная группа в организации, поддержала его предложение, и Тринадцатый конгресс в 1923 г. санкционировал расширение Еврейского агентства и включение в него, наряду со своими представителями, членов других еврейских организаций. После этого еще предстояло преодолеть сопротивление противников сионизма. Руководство “Джойнта” опасалось тех политических целей, которые были заложены в идее еврейского национального очага. Вейцману пришлось пустить в ход все свое обаяние и красноречие, чтобы убедить оппонентов в том, что национальный очаг заслуживает их поддержки по моральным и гуманистическим соображениям. Наконец, после бесконечных дискуссий, президент Сионистской организации сумел склонить на свою сторону таких видных представителей американского еврейства, как Натан Штраус¹⁷, Джейкоб Шифф, Сэмюэл Унтермейер и, главное, Луи Маршалл¹⁸, выдающий-

17 Штраус Натан (1848–1931) — американский коммерсант, филантроп. Его благотворительная деятельность в США и Эрец-Исраэль была посвящена народному здравоохранению. Штраус был организатором Института Пастера в Эрец-Исраэль, финансировал детские оздоровительные центры *Гадасы* и центры здравоохранения в Иерусалиме и Тель-Авиве. Город Нетания был назван в его честь.

18 Маршалл Луи (1856–1929) — американский юрист и общественный деятель, один из лидеров еврейства США первой четверти XX в. Принадлежал к числу основателей

ся юрист, председатель чрезвычайно влиятельного в Соединенных Штатах Американского еврейского комитета¹⁹. Благодаря Маршаллу удалось добиться поддержки других богатых и известных американских евреев.

Формулировка, приемлемая и для сионистов, и для других еврейских организаций, была принята на Сионистском конгрессе 1925 г. Перед Еврейским агентством были поставлены следующие цели: увеличение иммиграции в Эрец-Исраэль, возрождение земли — общественной собственности еврейства, организация сельскохозяйственных колоний, возрождение языка иврит и национальной культуры. Одновременно было достигнуто соглашение о том, что в совет Еврейского агентства войдут — в равном количестве — представители Сионистской организации и еврейских общин разных стран. И все же еще четыре года ушло на конференции и совещания, пока наконец проект расширенного Еврейского агентства не получил окончательного одобрения на Сионистском конгрессе в 1929 г. Непосредственно после этого, в августе 1929 г., в Цюрихе состоялось учредительное собрание Еврейского агентства.

Учредительное собрание оказалось не менее представительным и грандиозным, чем первые Сионистские конгрессы. На нем присутствовали все лидеры мирового еврейства. В числе делегатов были Вейцман, Маршалл, Леон Блюм²⁰, Стивен Уайз, Сайрус Адлер²¹, Хаим Арлозоров, Бен-Гурион, барон Мелчетт²², Феликс Варбург, сэр Герберт Сэмюэл, Альберт Эйнштейн и дру-

“Джойнта”, Американского еврейского комитета, был президентом крупнейшей реформистской синагоги в стране, председателем совета директоров Еврейской теологической семинарии. В 1911 г. возглавил успешную кампанию за аннулирование американо-русского торгового договора от 1832 г. (из-за дискриминации со стороны царского правительства, которой подвергались в ходе его выполнения американские граждане-евреи), чем положил начало превращению американского еврейства в важный фактор международной политики.

- 19 Американский еврейский комитет — старейшая еврейская организация в США, задачей которой является защита прав и интересов евреев в США и других странах. Основан в 1906 г. выходцами из Германии.
- 20 Блюм Леон (1872–1950) — французский государственный деятель, один из лидеров социалистического Интернационала и рабочего движения во Франции. В 1890-х гг. играл активную роль в движении дрейфусаров. В 1936–1937 и 1938 гг. был премьер-министром Франции. В 1946 г. Блюм сформировал состоящее из социалистов переходное правительство, просуществовавшее всего один месяц. Сочувственно относился к сионизму и был членом Еврейского агентства.
- 21 Адлер Сайрус (1863–1940) — американский ученый-семитолог и общественный деятель. Один из основателей Американского еврейского комитета. Адлер являлся президентом “Объединенной синагоги Америки” — объединения конгрегаций консервативного иудаизма, был главой Еврейской теологической семинарии.
- 22 Мوند Альфред-Мориц, барон Мелчетт (1868–1930) — британский политик и промышленник; один из богатейших людей Англии. Член парламента, министр труда (1916–1921) и министр здравоохранения (1921–1922) в правительстве Великобритании.

гие. На последнем заседании Вейцман был избран президентом Еврейского агентства, а Луи Маршалл — председателем Совета агентства. Они обнялись, поздравляя друг друга, а растроганный до слез Эйнштейн передал из зала Вейцману записку: “В этот день мы собрали чудесный урожай, посеянный Герцлем и Вейцманом”. Вейцман был в восторженном состоянии. Покидая собрание, он, по его собственным словам, “с уверенностью смотрел в будущее, когда мы станем свидетелями создания национального очага”.

Эти надежды в конце первого десятилетия мандата поддерживались и зримыми достижениями самого *ишува*. В это время в Палестине проживало 162 тыс. евреев, составлявших 17% всего населения. Из них 37 тыс. жили в 111 сельскохозяйственных поселениях и обрабатывали 700 тыс. дунамов земли. В стране было 13 сельскохозяйственных училищ и агростанций, организованных сионистами. Постоянно совершенствовалась сельскохозяйственная техника, увеличивались урожаи цитрусовых. Столь же многообещающим было и развитие промышленности. В 1930 г. полторы тысячи еврейских фабрик и заводов выпускали текстиль, одежду, металлические изделия, химическую продукцию, цемент, обрабатывали дерево и камень. Продукции было произведено на 1 млн палестинских фунтов.

Улучшились и условия жизни. В известной степени этому способствовала развернутая медицинская система *купат холим*, а также *Гадаса* — Американская сионистская женская организация. Основанная в 1912 г. американской еврейкой Генриеттой Сольд, *Гадаса*, члены которой были подлинными энтузиастами, к 1930 г. открыла в Палестине четыре больницы, школу медсестер, пятьдесят поликлиник, лабораторий и аптек, а в большинстве городов и во многих крупных поселениях создала женские и детские консультативные пункты. Международная сионистская женская организация ВИЦО²³ учредила в Тель-Авиве три центра охраны младенчества. Благодаря расширению системы здравоохранения, постепенному осушению болот, улучшению питания и общему повышению уровня жизни в *ишув* заметно снизилась заболеваемость туберкулезом, малярией, трахомой и дизентерией. Эти недуги испокон века были бичом Палестины. Коэффициент смертности среди еврейского населения снизился с 12,6 на одну тысячу человек в 1924 г. до 9,6 в 1934 г., коэффициент детской смертности сократился вдвое. Не менее значительным был прогресс в сфере образования. В первые

Член правления Еврейского агентства. Поселение Тель-Монд в Эрец-Исраэль было названо его именем.

23 ВИЦО — международная женская сионистская организация, основанная в Лондоне в 1920 г. После Второй мировой войны центр организации был переведен в Тель-Авив. В Эрец-Исраэль, а позже — в Государстве Израиль ВИЦО занималась и занимается проблемами образования и профессиональной подготовки молодежи, организацией социальной помощи.

годы мандата *Ваад Леуми* ввел обязательное обучение в начальной школе. В 1930 г. еврейские школы посещало 28 тыс. детей.

Так, в общих чертах, выглядело развитие *ишува*. Теперь он имел собственные органы власти, обладающие большой самостоятельностью, промышленность и сельское хозяйство, систему социального обеспечения и общественные учреждения. В школах *ишува* еврейские дети проникались духом национальной гордости, не знавшим себе равных ни в Западной Европе, ни в восточноевропейских общинах. Эти особенности — самообеспечение и национальное самосознание — в итоге оказались решающими и даже более важными, чем приобретение новых земель, расширение финансовой базы и усиление поддержки мирового еврейства. Это стало очевидным, когда пришлось встать на защиту национального очага от возраставшей угрозы со стороны арабов и ухищрений британской дипломатии.

Глава VIII.

Истоки арабско-еврейской конфронтации

Арабы и евреи в домандатный период

В 1907 г. д-р Ицхак Эпштейн¹, известный сионист и просветитель, опубликовал в ивритском журнале *Га-Шилоах* статью, в которой писал: “Среди серьезных вопросов, связанных с идеей возрождения нашего народа на своей земле, есть один более существенный, чем все остальные, вместе взятые. Это вопрос наших отношений с арабами. Наши национальные чаяния зависят от его верного решения... [Однако] сионисты о нем просто забыли, и он практически не затрагивается в сионистской литературе”. Эпштейн не преувеличивал. Арабы, конечно, упоминались в работах Калишера, Лилиенблюма, Леванды, но о них говорилось всегда мимоходом, словно наличие арабского населения не имеет никакого политического значения. “За пределами Палестины, — отмечал Ахад га-Ам в 1891 г., — мы свыклись с мыслью, что все арабы — дикие звери из пустыни, стадо ослов, не понимающих, что творится вокруг них”.

Так или иначе, представители раннего политического сионизма не сомневались, что еврейское предпринимательство и капиталы вызовут у арабов Палестины энтузиазм. Напомним, что этот оптимизм полностью разделял Герцль в своем романе “Альтнойланд”. В других сочинениях и даже в

1 Эпштейн Ицхак (1862–1943) — педагог, языковед, один из основоположников методологии преподавания на современном иврите. С 1890 г. работал учителем в Эрец-Исраэль; в 1891–1901 гг. — директор в еврейской школе в Цфате; в 1909–1915 гг. — директор еврейской школы в Салониках (Греция). Разработал методику и пособия для преподавания. В 1920–1930-х гг. вновь был учителем в еврейских школах Эрец-Исраэль. Опубликовал ряд работ о новых методах обучения ивриту и о его новой фонетической форме. Был сторонником установления дружеских отношений с арабами.

подробных дневниковых записях Герцль ни разу не упоминает арабов. Однажды, судя по всему, об этом задумался Нордау. “Но ведь в Палестине есть арабы! — в изумлении сказал он Герцлю. — Я этого не знал! Мы творим несправедливость!” Однако мимолетные сомнения быстро исчезли; они не вернулись и после начала активной деятельности в самой Палестине. До начала века конфликты между арабами и евреями случались редко. Хотя сионистским колониям постоянно угрожали набеги соседей, в этом не было элемента какой-то особой национальной вражды. Еврейский национальный фонд, приобретая у арабов землю, иногда лишал феллахов² их традиционных мест проживания, но эти нечастые случаи несправедливости компенсировались той выгодой, которую извлекали из еврейской иммиграции многие арабы. Примечательно, что на всем Ближнем Востоке только в Палестине арабская иммиграция превышала эмиграцию: благодаря евреям образовался новый рынок сбыта сельскохозяйственных продуктов, требовались рабочие руки. Евреи и арабы нередко по-соседски помогали друг другу, захаживали друг к другу в гости. Евреи охотно перенимали традиции арабской национальной кухни и одежды, осваивали язык своих “исламских кузенов” и не подозревали о грядущих конфликтах в отношениях между двумя народами.

Но, вообще говоря, сионисты не пытались всерьез вникнуть в систему арабских обычаев во всей их сложности. Первые *кибуцы*, с их радикальными социально-политическими установками рабочего сионизма, предоставлением рабочих мест только евреям, подчеркнутым равноправием полов в среде иммигрантов-пионеров, оскорбляли арабов в гораздо большей степени, чем можно было себе представить. Эпштейн в своей статье 1907 г. имел в виду именно это отсутствие такта, когда призывал евреев “избегать узкого, ограниченного национализма, который ничего, кроме себя, не замечает”. Взамен он предлагал “союз с арабами и договор с ними, от которого выиграют обе стороны и все человечество”. Однако его слова не были услышаны. Зеэв Смилянский, один из лидеров второй *алии*, выразил принятое сионистами мнение, когда обвинил Эпштейна в том, что тот пал “жертвой собственных фантазий”. Смилянский писал об Эпштейне: “Его привлекают несчастные арабы... Эпштейн говорит нам, что мы не сможем возродить землю наших праотцев с помощью денег, даже если это будет делаться честно и мирно... Неужели у нас нет других забот, кроме судьбы палестинских арабов?” По мнению Смилянского, Эпштейн не смог избавиться от “галутного мышления” и проявлял характерную робость перед тем, “что скажут неевреи”.

2 Феллахи (*араб.* “фаллах” — “крестьянин, земледелец”, от “фалаха” — “обрабатывать землю, пахать”) — в арабских странах сельское оседлое население, занятое земледелием.

Возможно, сионисты и не были особенно виноваты в том, что без должной серьезности относились к арабскому национализму. В то время его практически не существовало. Арабский национализм сформировался позднее, чем национальные движения других народов Османской империи, за исключением албанцев. Антитурецкие выпады аль-Афгани, Мухаммеда Абду³, Рашида Риды и других мусульманских идеологов были вызваны не столько протестом против угнетения, сколько возмущением тем фактом, что султан не способен защитить империю от воздействия христианского Запада. Именно эта беспомощность Турции была первым фактором, спровоцировавшим враждебность к Константинополю со стороны небольшой, но сплоченной группы арабских писателей, ученых, офицеров, деловых людей. После революции младотурок 1908 г. партии Аль-Фатат и Аль-Ахд⁴ пытались выразить требования нарождавшейся арабской буржуазии, нуждавшейся в культурно-политической автономии. Этот призыв подхватили египетские и сирийские журналисты в Каире, большинство которых принадлежало к распавшейся к этому времени “партии децентрализации”. Были и другие небольшие оппозиционные группы, но до революции 1908 г. они не слишком интересовали турок и Запад, а евреев — тем более. Неудивительно, что в этих условиях сионисты полагали, что арабский антисионизм ограничивается сопротивлением христиан⁵, один из которых, Нагиб Азури, бывший османский чиновник, основал в Париже общество под названием “Союз арабской родины”. В своей книге “Пробуждение арабской нации” он предупреждал, что “евреи стремятся восстановить “древнее царство Израиля””, и утверждал, что арабский и еврейский национализм

- 3 Абду Мухаммед (1849–1905) — египетский общественный и религиозный деятель. В 1899–1905 гг. — муфтий Египта. Выступал за обновление ислама, понимаемое как возврат к первоначальному, истинному исламу, не вступающему в противоречия с современной цивилизацией, за разностороннее просвещение и развитие технических знаний в мусульманских странах.
- 4 Аль-Ахд (*араб.* “завет”) — тайное военное общество, основанное в Стамбуле в октябре 1913 г. майором Азизом Али аль-Мысри, состоявшее из арабов — офицеров, служивших в турецкой армии, в основном иракцев. Общество ставило своей целью свержение турецкого господства в арабских странах.
- 5 В пробуждении арабского национального движения в конце XIX — начале XX в. большую роль играли арабы-христиане из Палестины, Ирака, Сирии, Ливана, представители богатых аристократических и буржуазных семей. Многие из них получили высшее образование в европейских университетах и находились под влиянием идей европейского национализма. Так как мусульманские страны в Средние века не знали таких явлений, как инквизиция, массовая резня евреев во время Крестовых походов или восстания Б. Хмельницкого, то среди многих деятелей еврейского национального движения было распространено убеждение, что антисемитизм в арабской среде свойственен только арабам-христианам, которые находятся под воздействием новейших европейских антисемитских теорий.

“несовместимы”. То обстоятельство, что с сочинениями Азури были знакомы лишь немногие мусульмане, убедило евреев в том, что его неприязнь — всего лишь разновидность христианского антисемитизма, который отравлял им жизнь в диаспоре.

С другой стороны, революция младотурок придала новый смысл проблеме еврейско-арабских отношений. Озабоченные перспективами самоуправления, арабско-мусульманские члены турецкого парламента впервые начали антисионистскую кампанию. В ходе парламентских дебатов, а также в турецкой прессе Константинополя они указывали, что евреи в Палестине стремятся к автономии — с собственными школами, национальным гимном, почтовыми марками, денежной эмиссией⁶ и даже нелегальной милицией. Эти утверждения были подхвачены палестинской арабской прессой, которая перешла в энергичное наступление на сионизм. В 1911 г. около 150 арабских старейшин Палестины основали в Яфо антиеврейскую ассоциацию, направили в Константинополь телеграмму с протестом против продажи земли евреям и организовали ряд небольших демонстраций. Однако сионисты по-прежнему объясняли арабскую оппозицию неприязнью немногочисленных купцов-христиан и богатых эфенди⁷. Более того, строго соблюдая лояльность по отношению к оттоманскому режиму, евреи не пытались создать с арабскими националистами единый фронт — они надеялись, что турецкое правительство оценит их в качестве силы, препятствующей стремлению арабов к автономии. В результате их декларативная преданность Константинополю еще больше разожгла враждебные настроения среди арабов. Сионистскому руководству так и не удалось найти решение для этой проблемы.

Не сумели сионисты воспользоваться и уникальной возможностью вступить в сотрудничество с арабами в 1913 г. В июне в Париже собрался Арабский конгресс⁸ с целью сформулировать требования по вопросу автономии. Перед началом конгресса арабские лидеры обратились к представителю сионистов в Константинополе Виктору Якобсону, прибывшему в Париж в качестве наблюдателя, с предложением создать арабско-еврейский союз против турок. Якобсон был как раз одним из немногих сионистских деятелей, которые уже давно пытались установить связь с арабским движением.

6 Эмиссия (*лат.* emission — “выпуск”) — выпуск в обращение банковских и казначейских билетов, бумажных денег и ценных бумаг.

7 Эфенди (*тур.* “господин”, “сударь”) — вежливая форма обращения в Турции. В XIX в. использовалась в качестве титула чиновников, священнослужителей, ученых.

8 Арабский конгресс проходил в Париже 18–23 июня 1913 г. Он был создан Османской “партией административной децентрализации”, которой руководил комитет во главе с Рафик-бей аль-Азмом, известным публицистом. В резолюции конгресса выдвигалось требование признать национальные права арабов и ввести автономию в арабских провинциях Турции.

Он немедленно направил своего помощника Хохберга в Каир для встречи с арабскими представителями. Вступив в переговоры с арабами, Хохберг доверительно сообщил им, что евреи могли бы поддержать арабское национальное движение, если бы на предстоящем конгрессе были признаны и требования сионистов. На это арабы пойти не могли — очевидно, “по тактическим соображениям”. Тем не менее председатель комитета Рафик-бей аль-Азм опубликовал следующее официальное заявление:

“Партия намерена защищать национальные права евреев и не принимать никаких резолюций или законов, ограничивающих их права или ведущих к их изоляции... Мы полностью осознаем, какую ценную помощь могут оказать капитал, трудолюбие и ум евреев в том, чтобы ускорить развитие наших областей, и готовы принять эту помощь без колебаний. Разумеется, может возникнуть необходимость в упорядочении иммиграции, как еврейской, так и любой другой... Однако есть разница между разумным, честным упорядочиванием и такими чрезвычайными мерами, которые были введены старым турецким режимом и поддерживаются новым”.

Отнюдь не удовлетворенный этим заявлением, Хохберг все же согласился стать посредником между Арабским конгрессом и лидерами младотурок в Константинополе. Ему удалось добиться от оттоманских властей заверения в сочувствии арабским требованиям, причем до начала войны многие из этих требований были выполнены.

Однако усилия Хохберга не завоевали признания у сионистов и были раскритикованы. Рихард Лихтхейм, который в свое время работал в константинопольском представительстве вместе с Якобсоном, предупреждал впоследствии, что “пока Палестина принадлежит туркам”, евреи слишком многим рискуют, вступая в сотрудничество с арабами. Когда арабские лидеры в мае 1914 г. предложили руководителям сионистов встретиться, исполнительный комитет Сионистской организации отклонил это приглашение, опасаясь реакции Константинополя. Все его усилия по-прежнему были направлены на то, чтобы “[оттоманское] правительство оставалось на нашей стороне”. Узнав об отказе, Насиф аль-Халиди, представитель Арабского конгресса, мрачно предупредил Нахума Соколова, который был в это время в Париже: “Осторожно, господа сионисты! Правительства приходят и уходят, а народ остается”.

С началом войны эти слова подтвердились. Через несколько лет стало ясно, что арабские лидеры Палестины в значительно большей степени, чем Хашимитская династия, рассматривают сионизм как реальную опасность. С их враждебностью Вейцман столкнулся в апреле 1918 г. в Париже во время встречи с палестинскими эмигрантами, среди которых был Муса Казим аль-Хусейни, мэр Иерусалима, и несколько известных арабов-христиан. К началу 1919 г. антисии-

онистские настроения палестинцев стали выражаться еще более явно. Ораторы во главе с Арефом аль-Арефом и Амином аль-Хусейни, объезжая деревни и города, призывали арабов к демонстрациям во время приезда комиссии Кинг-Крейна, назначенной президентом Вильсоном для изучения арабского общественного мнения на Ближнем Востоке. Однако и к этим событиям евреи отнеслись без должной серьезности. Вейцман продолжал надеяться на Фейсала. “Я надеюсь установить с ним настоящий политический союз, — писал он ранее. — Что касается палестинских арабов, в которых он мало заинтересован, то с ними необходимы только нормальные экономические отношения”. Однако, как показали последующие события, ситуация в Палестине была намного сложнее, и существовавшая проблема не могла быть решена с помощью недолгого дипломатического контакта Вейцмана с Хашимитской династией.

И сам Фейсал чувствовал, что отсутствие спокойствия в Палестине угрожает его отношениям с сионистами. В это время, еще надеясь на создание крепкого арабско-еврейского союза, он пригласил Хаима Кальвариского⁹, известного своей умеренностью и поддержкой идеи арабско-еврейского сотрудничества, на Сирийский национальный конгресс в июле 1919 г. В Дамаске Кальвариский предложил проект будущей системы управления Палестиной. В документе декларировалась свобода религии и равные права для всех; в нем предусматривалось преподавание как арабского, так и иврита во всех школах и говорилось об отмене каких-либо сепаратистских установлений для евреев, мусульман и христиан в государственных учреждениях. Арабские лидеры одобрили эти предложения; однако через несколько дней, когда Кальвариский вынес этот проект на обсуждение собрания палестинских евреев — Временного еврейского комитета, который предшествовал созданию Собрания депутатов, — его план был отвергнут как “опасный и смехотворный”. Моше Медзени, еврейский палестинский журналист, впоследствии с горечью писал:

“Самая серьезная политическая неудача *ишува* заключалась в том, что он не сумел создать атмосферу взаимопонимания между евреями и арабами... Отношения с арабами должны были бы стать главной политической проблемой *ишува*... [Но] печальный факт заключается в том, что *ишув* не сумел понять и оценить этого вопроса ни до войны, ни сразу после нее... Занятый своими эко-

9 Кальвариский (псевдоним; настоящее имя — Марголис Хаим: 1868–1947) — агроном, общественный деятель, сторонник арабско-еврейского сближения. С 1895 г. проживал в Эрец-Исраэль, был секретарем ордена *Бней Моше*, с 1896 г. — учитель в сельскохозяйственной школе *Микве Исраэль*. Руководитель администрации поселений Еврейского колонизационного общества. Под его влиянием барон Э. Ротшильд согласился дать деньги на создание еврейско-арабской школы в арабской деревне около Рош-Пины. Уделял большое внимание арабско-еврейским отношениям. Неоднократно участвовал в еврейско-арабских переговорах.

номическими проблемами и внутренними распрями, *ишув* не обратил внимания на [Кальвариского и ему подобных]”.

Между тем арабские волнения в апреле 1920 г. должны были показать евреям, что они плохо знают своих соседей.

Палестинские арабы

В 1882 г. арабское население Палестины едва достигало 260 тыс. Однако в 1914 г. это число удвоилось, а в 1920 г. арабов в Палестине было уже 600 тыс. В мандатный период количество арабов увеличивалось еще быстрее, и к 1931 г. оно составляло уже 840 тыс. человек, то есть 81% от всего населения страны. Среди них было около 75 тыс. христиан, проживавших в основном в городах, более или менее грамотных и занимавших низшие посты в мандатной администрации. Мусульманское большинство было значительно более отсталым. 70% арабов-мусульман жили в сельской местности, преимущественно на севере и в центре страны — там они занимались выращиванием зерновых, овощей, масличных культур и табака. Перепись 1922 г. показала, что треть арабских крестьян составляли феллахи, которые арендовали земельные участки, редко превышавшие по площади 100 дунамов. Они постоянно находились в долговой кабале у землевладельцев, отдавая им от трети до половины урожая, жили в глинобитных хижинах, часто страдали от инфекционных заболеваний.

И все же эти условия были неизмеримо лучше тех, в которых жили арабы-мусульмане других стран Ближнего Востока. Показательна система роста арабского населения: в Палестине он с 1922 по 1946 г. составил 118%, то есть почти 5% в год, и, за исключением Египта, был рекордным в арабском мире. Однако это объяснялось не только естественным приростом — за 24 года в Палестину переселилось из соседних стран около 100 тыс. арабов. Их приток отчасти был связан с отлаженной административной системой мандата, но в еще большей степени — с экономическими возможностями, открывшимися в связи с еврейской колонизацией. Рост *ишува* оказывал благоприятное влияние на жизнь арабов, во-первых, косвенно — значительный вклад евреев в мандатный бюджет позволял увеличивать инвестиции и в арабский сектор, а во-вторых, непосредственно — возникали новые рынки сбыта для арабской продукции, а до арабского восстания¹⁰ 1936–1939 гг. — и рабочие места. При-

10 Арабское восстание 1936–1939 гг. — вооруженное выступление арабского населения Палестины против евреев и англичан, начавшееся 15 апреля 1936 г. с убийства двух ев-

мечательно, что, переезжая в Палестину, арабы стремились поселиться в районах с высокой плотностью еврейского населения. Например, в 1930-х гг. прирост арабского населения в Хайфе составил 87%, в Яфо — 61%, в Иерусалиме — 37%. Такой же процесс наблюдался в арабских городах, расположенных рядом с еврейскими сельскохозяйственными колониями. Двадцатипятипроцентное увеличение числа арабов, занятых в промышленности, объяснялось исключительно потребностями широкомасштабной еврейской иммиграции.

Арабы хорошо осознавали выгоды, которые предоставлял им *мишув*. Если бы феллахи не испытывали постоянного давления извне, вряд ли их отношение к сионистам было бы столь враждебным. Однако сама ситуация в 1920-х и 1930-х гг. препятствовала терпимости и добрососедству. Во время английской военной оккупации генералы Алленби, Мани и Болс проявляли открытую враждебность по отношению к сионизму, опасаясь, что идея еврейского национального очага способна разжечь сепаратистские настроения среди арабов. Поэтому до мая 1920 г. Декларация Бальфура вообще официально не упоминалась английскими властями в Палестине. Кроме того, английские офицеры сыграли определенную роль в создании мусульманско-христианской ассоциации — первой после войны арабской организации в Палестине. Даже в гражданской администрации Сэмюэла ряд влиятельных чиновников категорически противился плану создания еврейского национального очага. Среди них был полковник Эрнест Ричмонд, заместитель главы политического департамента. “В вопросах, касающихся участия арабов [в законодательном собрании], — признавал в 1923 г. Рахиб-бей аль-Нашашиби, — верховный комиссар руководствуется советами Ричмонда, который делает всякое сотрудничество с евреями невозможным”.

Несколько раз англичане прерывали переговоры еврейских и арабских лидеров. Например, в начале 1922 г. в Каире состоялись неофициальные встречи арабских и сионистских руководителей. На этих встречах арабская сторона была представлена известными сирийскими националистами, в том числе шейхом Рашидом Ридой, председателем центрального комитета Сирийской объединенной партии, Риадом аль-Сулхом, позднее — премьер-министром Ливана, и Эмилем Хори, палестинским арабом, редактором ведущей египетской газеты “Аль-Ахрам”. В еврейскую делегацию входили член исполнительного комитета Сионистской организации

реев рядом с Кфар-Анабта. 19 апреля во время нападения арабов Яфо на евреев было убито 16 человек. Арабы начали всеобщую забастовку. Всего во время восстания было убито 415 евреев. Восстание было подавлено в результате действий английской армии и отрядов *Гаганы* (см. примечание на стр. 287). Но правительство Великобритании пошло на серьезные уступки арабам, опубликовав в мае 1939 г. Белую книгу министра колоний М. Макдональда (см. примечание на стр. 294), резко ограничившую въезд евреев в Эрец-Исраэль.

д-р Монтегю Давид-Эдер¹¹ и Ашер Сапир, человек с широкими связями в арабском мире. Во время каждой встречи происходил обычный обмен комплиментами, с чувством говорилось об “общем семитском возрождении” на Ближнем Востоке. На первом заседании 18 марта арабы повторили предложения, сделанные в январе 1919 г. Тогда они, во-первых, просили евреев способствовать им в вытеснении французов из Сирии. В другом предложении арабы призывали сионистов отказаться от Декларации Бальфура и вступить с ними в прямые переговоры. Первое предложение поставило бы в затруднительное положение Лондон, второе означало бы, что еврейский национальный очаг зависит не от британского покровительства, а от договоренности с арабами. В связи с этим Министерство по делам колоний попросило сионистов отложить дальнейшие переговоры до ратификации мандата. Они согласились.

Переговоры, возобновленные в апреле 1922 г., оказались плодотворнее. В совместном коммюнике объявлялось, что обе стороны готовы к активному сотрудничеству. Евреи обещали своим арабским соседям экономическую и политическую помощь, а арабы обязались прекратить всякую антисионистскую пропаганду и, кроме того, создать совместную христианско-мусульманско-еврейскую комиссию в Палестине. Но главное — было решено, что при ведении дальнейших переговоров евреи больше не будут руководствоваться Декларацией Бальфура и мандатом, а арабы, в свою очередь, не будут настаивать на выполнении договора 1915 г., принципы которого были сформулированы в переписке Хусейна с Мак-Магоном. Очевидно, арабы пересмотрели свои позиции и уже не требовали, чтобы евреи отказались от Декларации Бальфура: они просто хотели, чтобы этот документ не упоминался как основа арабско-еврейского сотрудничества. Эту договоренность в принципе одобрил Вейцман — но никак не англичане. Министерство по делам колоний снова потребовало немедленно прекратить переговоры. Намечавшиеся встречи Вейцмана с Саадом Заглул-пашой, лиде-

¹¹ Монтегю Давид-Эдер (1866–1936) — психоаналитик и еврейский общественный деятель, ученик З. Фрейда, стал первым врачом в Великобритании, использующим психоанализ. Был одним из лидеров Еврейской территориалистической организации. (Территориализм — течение в еврейском национальном движении, стремившееся к созданию автономного еврейского поселения на достаточной по размеру территории, не обязательно в Палестине, где евреи будут составлять национальное большинство и заниматься продуктивным, в первую очередь сельскохозяйственным, трудом. В отличие от сионизма, территориализм не ставил своей целью достижение политического самоопределения и возник в рамках сионистского движения после смерти Т. Герцля как следствие отказа Седьмого сионистского конгресса принять план Уганды). Во время Первой мировой войны активно поддерживал создание еврейских частей в составе английской армии. В 1920–1930-х гг. — член правления Всемирной сионистской организации и глава Сионистской федерации Британии.

ром египетских националистов, и с трансйорданским эмиром Абдаллахом также были отменены англичанами. Соглашений между арабами и евреями, заключенных без участия мандатных властей, они допустить не могли.

Однако взаимопониманию между арабами и евреями мешала не только позиция англичан. Важную роль в этом играли и крайности палестинской арабской политики. При турках политическая жизнь в арабской среде была незначительной и заключалась в основном в интригах между знатными семьями, стремившимися получить какой-либо пост в администрации. До конца войны не существовало никакого организованного националистического движения — лишь после перемирия 1918 г. в арабских городах начала действовать мусульманско-христианская ассоциация, выступавшая против создания еврейского национального очага. Да и эта оппозиция поначалу была не более чем отголоском сирийского национализма, и во время неудачной попытки создать независимое сирийское королевство в 1919–1920 гг. она лишь следовала в фарватере арабской политики Дамаска. Решающую роль в становлении и развитии собственно палестинского национализма сыграло падение Фейсала летом 1920 г. и перенос штаб-квартиры националистов из Дамаска в Иерусалим. Арабские лидеры, особенно те, кто до этого всеми силами боролся за контроль династии Хашимитов над Сирией, понимали, что сионисты как меньшинство куда менее защищены от организованного нажима, чем французы или англичане.

В результате мусульманско-христианская ассоциация созвала в декабре 1920 г. в Хайфе Палестинскую конференцию, предшествующую созданию Палестинского арабского конгресса, на которой уже открыто было выражено требование к англичанам создать национальное (то есть арабское) правительство Палестины. Конгресс избрал исполнительный орган — арабский исполнительный комитет, который с 1921 г. решительно противостоял и британскому мандату, и созданию еврейского национального очага. Хотя эта враждебность в какой-то степени коренилась в недоверии к еврейскому свободному труду и коллективному сельскому хозяйству, а также в опасении, что эти идеи могут повлиять и на феллахов, главным образом она отражала страх националистов перед политическими последствиями еврейской иммиграции. Благодаря многовековому пребыванию в Европе евреи приобрели опыт, который позволял им далеко обогнать арабов в интеллектуальной и технологической сфере. Арабские лидеры были встревожены притоком этих “бесцеремонных пришельцев” и предсказывали, что европейские евреи, энергия и финансы которых, казалось, неисчерпаемы, в конце концов могут стать хозяевами в Палестине.

Первые попытки арабского исполнительного комитета получить поддержку в Лондоне и в Лиге Наций получили отпор. Несмотря на это, Палестинский арабский конгресс сумел утвердить свое влияние в арабской об-

щине. Его представители избирались мусульманско-христианской ассоциацией, которая руководила местными организациями националистического толка в городах. В какой-то момент казалось, что этот процесс ведет к выборам представительного органа, наподобие возникавшего в это время еврейского руководства *ишува*. Этого не случилось главным образом потому, что лидерство в националистическом движении целиком находилось под контролем одного семейного клана Хусейни¹². Хусейни — семья богатых землевладельцев с юга Палестины — в промежутке между 1864 и 1920 гг. дала 13 мэров Иерусалима. Один из них, Муса Казим аль-Хусейни, смещенный со своего поста англичанами за участие в беспорядках 1920 г., председательствовал в арабском исполнительном комитете и на нескольких Палестинских арабских конгрессах, а также возглавлял арабские делегации в Англии. Влияние клана подкреплялось и его контролем над религиозной жизнью мусульманской общины. Еще до войны центральной фигурой у палестинских мусульман был муфтий¹³ Иерусалима, в юридические полномочия которого входило издание указов по исламскому праву. Сложилось так, что вскоре после приезда Сэмюэла в Палестину умер Камал аль-Хусейни и место муфтия оказалось вакантным. Утверждение кандидатуры на этот пост было прерогативой верховного комиссара. В апреле 1921 г., стремясь сохранить шаткое равновесие между семьями Хусейни и Нашашаби — традиционными соперниками в борьбе за все официальные должности в Палестине, Сэмюэл утвердил результаты сомнительных выборов, в результате которых муфтием стал Хадж Мухаммад Амин аль-Хусейни (на самом деле он получил голосов меньше, чем три других кандидата).

Хадж Амин аль-Хусейни родился в 1893 г., учился в государственной школе в Иерусалиме, затем в университете в Каире. Во время войны он служил офицером в турецкой армии, но сразу после начала британской окку-

- 12 Хусейни — одна из наиболее богатых и влиятельных арабских семей Иерусалима. В 1864–1920 гг. 13 членов семьи занимали пост мэра Иерусалима. Наиболее известный представитель семьи Хусейни — Хадж Амин аль-Хусейни (1893–1974), с 1921 г. — муфтий Иерусалима, лидер националистического движения палестинских арабов. В 1922 г. был избран председателем Верховного мусульманского совета. Сосредоточив в своих руках религиозный авторитет муфтия и административную финансовую власть совета, он возглавил арабское националистическое движение в Палестине. Занял воинственную антиеврейскую и антибританскую позицию. Был одним из организаторов беспорядков в 1920 и 1929 гг. и арабского восстания 1936–1939 гг. В 1941–1945 гг. в Италии и нацистской Германии Хусейни активно сотрудничал с фашистами, участвовал в создании мусульманских частей в германской армии. В 1946 г. поселился в Каире и руководил борьбой палестинских арабов против Израиля во время Войны за независимость.
- 13 Муфтий — мусульманское высшее духовное лицо, облеченное правом выносить решения — фетвы — по религиозно-духовным вопросам. Является толкователем законов, обычаев. Глава мусульманского духовенства отдельной провинции, области.

пации вернулся в Иерусалим и включился в политическую жизнь арабской общины. В то время учитель иерусалимской школы “Рашидия”, он призвал к погрому толпу во время апрельских событий 1920 г., бежал в Трансиорданию и был заочно приговорен к десяти годам тюрьмы. После объявленной амнистии аль-Хусейни в 1921 г. вернулся в Иерусалим, где вскоре стал муфтием. Выбор этот нельзя назвать удачным. Несмотря на внушающую доверие и располагающую внешность — добродушные голубые глаза, аккуратную бородку, мягкость в обращении, Хадж Амин в самом скором времени показал себя фанатичным ксенофобом, проповедником ненависти, призывавшим к уничтожению врагов.

Опасность, которую Хадж Амин представлял для мандатных властей, была связана не только с его должностью муфтия, но также с тем, что он пользовался еще и огромным влиянием как председатель Верховного мусульманского совета. Этот орган был создан с согласия англичан в декабре 1921 г. для руководства религиозными делами мусульманской общины в Палестине — как аналог Верховного раввината¹⁴ у евреев. Мусульманский совет пользовался практически неограниченными правами в том, что касалось надзора и контроля над исламской религиозной иерархией в Палестине, мусульманскими школами, религиозными судами и фондами вакфа¹⁵. В 1922 г. Хадж Амин был избран председателем этого совета теми немногими мусульманами, которые, согласно имущественному цензу, имели право голосовать на выборах еще в оттоманский парламент. После этого, пользуясь тройными полномочиями главы религиозной общины, национального лидера и высокопоставленного правительственного чиновника (фактически муфтии находились на государственной службе), Хадж Амин начал завоевывать сторонников для достижения своих личных и националистических целей.

- 14 Верховный раввинат — еврейский религиозный институт, наделенный верховным авторитетом в вопросах, касающихся религиозных учреждений и администрации в рамках какой-либо страны или региона. В Эрец-Исраэль Верховный раввинат был создан по инициативе мандатных властей в 1921 г. Во главе его стоят два верховных раввина: ашкеназский и сефардский. Верховный раввинат служит высшей апелляционной инстанцией во всех подсудных раввинским судам делах: во всех вопросах, касающихся личного статуса евреев в Израиле, — браков, разводов и т. д. В 1980 г. *кнессетом* был принят закон о Верховном раввинате. Согласно ему, Верховный раввинат избирается особым собранием, состоящим из 80 раввинов и 70 представителей общности, сроком на десять лет. Каждый из двух раввинов по очереди на протяжении пяти лет занимает должность председателя Раввинского совета и председателя Верховного раввинского суда.
- 15 Вакф (*араб.*) — в мусульманских странах имущество, предназначенное государством или частным лицом для религиозных или благотворительных целей, а также учреждение, ведающее этим имуществом.

На первых порах, в 1920-х гг., борьба муфтия против мандата и сионистов не приносила особого успеха. Недовольные и раздраженные властью Хусейни, многочисленные арабские мэры, торговцы и знать объединились вокруг Рахиб-бея аль-Нашашиби, создав Национальную партию в противовес мусульманско-христианской ассоциации. Около пяти лет это соперничество позволяло сдерживать националистическое движение. Сыграла свою роль и твердость характера, проявленная лордом Плумером¹⁶, преемником Сэмюэла на посту верховного комиссара. Пользовавшийся авторитетом, волевой генерал Плумер ясно дал понять, что не потерпит беспорядков. Кроме того, в результате экономического спада еврейская иммиграция в Палестину в 1925–1927 гг. частично уменьшилась, что несколько успокоило арабов. Благодаря мирной обстановке Плумер почувствовал себя настолько уверенно, что распустил палестинскую и английскую жандармерию и несколько сократил численность военного гарнизона. В 1928 г. Седьмой Палестинский арабский конгресс проявил необычайную сдержанность: вместо того, чтобы, как обычно, требовать полного отказа от идеи еврейского национального очага, делегаты высказались за создание парламентских учреждений на основе демократического большинства. Эта кажущаяся перемена произвела впечатление на нового верховного комиссара сэра Джона Ченслера. Уезжая на отдых в июне 1929 г., он пообещал проконсультироваться в Лондоне относительно создания “более приемлемых” (для арабов) законодательных органов.

Отсутствие дальновидности. Новые проявления насилия

Не только верховный комиссар проявил недальновидность и не заметил, как разгорается пламя арабской ненависти, — евреи тоже не понимали этого. После окончания войны они по-прежнему не обращали внимания на палестинских арабов, как повелось со времени начального этапа сионистского движения. Вейцман придавал значение переговорам с Фейсалом, с лидерами Сирии и Египта, но не с арабами Палестины. Добиться понимания сирийцев и египтян казалось ему главной задачей. Характерно, что и Усышкин

16 Плумер Герберт Чарльз (1857–1932) — британский военный и государственный деятель. Командовал крупными частями английской армии в Англо-бурской и Первой мировой войне. В 1919–1924 гг. возглавлял английскую администрацию на острове Мальта. В 1925–1928 гг. Плумер был верховным комиссаром Палестины. Являлся сторонником решительного подавления арабских беспорядков, проводил лояльную политику в отношении еврейского населения.

отмахивался от отношений с палестинскими арабами как от “незначительной величины”. Эта иллюзия не была преодолена даже после апрельских волнений 1920 г. — кровопролитие было воспринято как случайная вспышка, вызванная английским коварством. Наконец, события 1921 г. застали сионистов врасплох и ясно показали, какие серьезные опасности подстерегают их впереди. Георг Ландауэр, лидер немецких сионистов, призвал в том же году Двенадцатый Сионистский конгресс возобновить усилия по урегулированию отношений между арабами и евреями. В мае 1921 г. Хаим Арлозоров писал из Яфо о том, что к этой проблеме следует отнестись со всей серьезностью, и единственным решением ее может быть программа взаимного примирения. Но после того как в середине 1920-х гг. в Палестине наступило спокойствие, сионистская политика по отношению к арабам осталась прежней — пассивной и недальновидной. Предполагалось, что, когда еврейская иммиграция наберет полную силу, отсталое местное население смирится с еврейским национальным очагом как со свершившимся фактом.

С точки зрения сионистов-социалистов, экономические преимущества еврейской колонизации должны были развеять остатки арабского национализма. Например, Берл Кацнельсон, вообще-то отличавшийся проницательностью и здравым смыслом, был убежден, что феллахи, эксплуатируемые феодалами, быстро оценят важность экономического сотрудничества с евреями. По мнению Бен-Гуриона, “только у узких кругов правящей арабской верхушки есть эгоистические причины для того, чтобы бояться еврейской иммиграции и вызванных ею социально-экономических изменений”. А трудовые массы должны понять, что еврейская иммиграция и колонизация несут с собой процветание. Лидеры социалистов были уверены, что готовят еврейских трудящихся к созданию союза с их арабскими братьями. “Могут ли быть сомнения, — вопрошал Яков Хазан¹⁷, один из самых авторитетных деятелей *Гя-Позль йа-цаир*, — что только организованная помощь еврейских рабочих приведет к развитию арабского рабочего класса?” Однако, если уж подлинными врагами сионизма, по мнению самих сионистов, были арабские эфенди, то примечательно, что при этом левые партии не слишком утруждали себя поиском путей сотрудничества с арабскими рабочими и крестьянами. В 1927 г. третий съезд *Гистадрута* принял решение о создании Палестинской конфедерации труда — организации, которая должна была объединить всех трудящихся Палестины. Несколько еврейско-арабских профсоюзов было создано государственными

17 Хазан Яков (1899–1992) — израильский политический деятель, лидер движения *Гя-Шомер йа-цаир* и партии *Мапам*. Был среди основателей движения *Гя-Халуц* в Польше. В Эрец-Исраэль жил с 1923 г. Один из лидеров кибуцного движения *Гя-Кибуц йа-арци йа-шомер йа-цаир*. Лауреат Государственной премии Израиля 1989 г. за государственную и общественную деятельность.

служащими, в частности железнодорожниками и телеграфистами. Однако, несмотря на резолюцию 1927 г., *Гистадрут* не проявил никакого интереса к созданию таких профсоюзов в других отраслях.

Несомненно, неприязнь эфенди к социалистическим идеям укрепляла враждебность арабов. Однако этот фактор был не единственным и не главным. Уровень жизни арабских крестьян и рабочих, конечно же, возрастал, однако арабское руководство замечало лишь то, что у евреев этот рост происходит быстрее. Особенное ожесточение арабов вызывала продажа земли евреям и политика Еврейского национального фонда, который стремился к тому, чтобы земля, перешедшая к евреям, не перепродавалась арабам и не обрабатывалась ими. Это недовольство высказывалось отнюдь не эфенди. Более того, именно у эфенди Еврейский национальный фонд покупал землю за огромные деньги. Таким образом, “классовый” подход к арабскому национализму с самого начала был обречен на банкротство, а вместе с ним — и любые другие попытки представить арабское национальное чувство как нечто поверхностное. Возможно, единственным течением в сионизме, которое с самого начала серьезно отнеслось к арабской проблеме, был ревизионизм, однако предлагавшееся ревизионистами решение никак не назовешь мирным и гуманным. Таким образом, не было никакой надежды на то, что недовольство арабов или притязания муфтия могут быть успокоены заверениями сионистов. Внешняя сдержанность предложений Седьмого Палестинского арабского конгресса сэру Джону Ченслеру говорила о смене тактики, но не цели. Вдобавок к лету 1929 г. еврейская иммиграция снова начала увеличиваться. Создание Еврейского агентства в августе того же года означало, что еврейскому национальному очагу обеспечен еще один источник финансовой поддержки. С 1921 г. между арабами и евреями не было серьезных столкновений, а теперь нужна была только искра, чтобы дать выход накопившемуся раздражению.

Насилие вспыхнуло в неожиданном месте — в Старом городе Иерусалима, где религиозные арабы и евреи жили бок о бок в течение нескольких столетий. Здесь, на Храмовой горе, неподалеку от мечетей находится почитаемая евреями Западная стена (часто называемая Стеной Плача¹⁸), сохранившаяся

18 Стена Плача (Западная стена) — часть уцелевшей после разрушения Второго храма подпорной стены вокруг Храмовой горы в Иерусалиме. Стена была построена во время правления Ирода I (37–4 гг. до н. э.) как крепление земляной насыпи, сделанной для увеличения Храмовой горы во время перестройки и расширения Храма. В еврейском религиозно-национальном сознании Стена Плача является святыней, так как она представляет собой сохранившуюся часть храмового комплекса. Начиная с V в. возникает обычай молиться у Стены Плача, которая стала символом связи еврейского народа с исторической родиной, местом, где евреи оплакивают разрушение Храма и молят Бога о восстановлении Израиля в его стране.

от древнего Храма. Тогда это была территория мусульманской общины. Однако по традиции, восходящей, по меньшей мере, к Средневековью, евреи пользовались правом прохода по мощеному участку к этому историческому месту и могли молиться у Стены. В 1928 г., незадолго до еврейского Судного дня¹⁹, который пришелся в тот год на 24 сентября, еврейский смотритель, состоявший при Стене, установил рядом с нею перегородку, чтобы, согласно ортодоксальным правилам, мужчины во время молитвы были отделены от женщин. Арабы немедленно обратились к властям с жалобой по этому поводу. Англичане распорядились убрать перегородку. Евреи протестовали, но безрезультатно. Тогда весь *ишув*, верующие и неверующие, начали выражать свое возмущение посягательством на право евреев свободно молиться у Стены Плача. Сионистская организация обратилась с протестами в Лондон и Женеву. В то же время арабы воззвали к мусульманскому миру, заявляя, что евреи собираются посягнуть на почитаемую исламом мечеть Аль-Акса²⁰ на Храмовой горе. По инициативе руководимого муфтием Верховного мусульманского совета арабы начали строительные работы поблизости от Стены, чтобы помешать молящимся евреям. Кроме того, рядом со Стеной стали проводить многолюдные мусульманские религиозные церемонии. На протяжении месяцев продолжался обмен протестами. 11 июня 1929 г., после длительных колебаний мандатной администрации и неоднократных консультаций с юристами Великобритании, верховный комиссар известил муфтия, что евреи имеют право спокойно совершать свои молитвы. Строительные работы могут быть продолжены при том условии, что “это не причинит беспокойства молящимся евреям в принятые ими часы молитв”.

Такое решение не удовлетворило ни евреев, ни мусульман. 16 августа правая молодежная еврейская организация попросила разрешения провести мирный марш к Западной стене. В отсутствие Ченслера, который уехал в Лондон, чтобы передать правительству арабские предложения о создании законодательного совета, исполняющий обязанности верховного комиссара сэра Гарри Лук позволил молодежной организации провести марш. Сразу после этого мусульманское руководство организовало рядом со Стеной бурную контрдемонстрацию — зазвучали подстрекательские призывы, произо-

- 19 Судный день (*Йом Кипур*, букв. “День прощения”) — самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов; отмечается в десятый день месяца тишрей и является знаменательным завершением десяти дней покаяния. Библия из всех праздников только этот называет “субботой покоя” и предписывает “никакой работы не делать” и “изнурять душу”, то есть поститься, так как “это день искупления... перед Господом”.
- 20 Мечеть Аль-Акса — “Мечеть отдаленнейшая”, одна из наиболее почитаемых святынь ислама. Построенная в годы правления халифа Валида I в начале VIII в. на месте, где, согласно первому стиху 17-й суры (главы Корана), молился Мухаммед перед тем, как вознестись на небо.

шло несколько мелких стычек. В течение последующей недели мусульманские агитаторы разъезжали по стране, призывая арабских крестьян “защитить Аль-Акса от нападения евреев”. В ночь на 23 августа и на следующее утро толпы вооруженных арабов хлынули в Иерусалим. Перед собравшимися на площади возле мечети выступил муфтий, а после этого толпа ринулась в еврейские кварталы. Насилие быстро распространилось по всей Палестине. К вечеру арабские банды напали на ортодоксальную еврейскую общину Хеврона, убили 67 и ранили 60 человек. Бесчинства происходили в Хайфе, Яфо и даже в Тель-Авиве. Не избежали нападения и многие сельскохозяйственные поселения. Английских войск, расположенных в Аммане, было недостаточно для наведения порядка, а арабская полиция сочувствовала погромщикам. Исполняющий обязанности верховного комиссара сэр Лук вынужден был вызвать военное подкрепление из Египта. Основная часть войск прибыла в Палестину лишь три дня спустя. Порядок был восстановлен 28 августа. 133 еврея было убито, 399 — ранено. У арабов были ранены 178 человек, убиты — 87.

Ченслер поспешил вернуться из Англии и 1 сентября издал декларацию, в которой сурово осудил действия арабов и потребовал от них выплаты значительной контрибуции. Однако решительность его была недолговременной. Стоило муфтию выразить протест по поводу “жестокости” Ченслера, как несколько дней спустя верховный комиссар выступил с новой декларацией, в которой сообщал, что в ближайшее время будет проведено расследование причастности обеих сторон к конфликту. В ответ на это евреи, потрясенные тем, что убийцы и их жертвы уравниены таким образом, обратились за помощью к Лондону.

Последствия беспорядков

В этот критический для *ишсува* момент сионисты с ужасом обнаружили, что они больше не пользуются поддержкой и сочувствием английского правительства. В середине лета 1929 г. к власти пришли лейбористы во главе с их лидером Рамсеем Макдональдом²¹. Пост министра по делам коло-

21 Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) — английский государственный и политический деятель, лидер Лейбористской партии. В 1900–1912 гг. — секретарь Комитета рабочего представительства (с 1906 г. — Лейбористской партии). В 1911–1914 гг. и в 1922–1931 гг. был лидером лейбористской фракции в парламенте. В 1924 г. и 1929–1931 гг. Макдональд — премьер-министр первого и второго лейбористских правительств. В 1922 г. посетил Палестину и по возвращении опубликовал серию статей с восторженной оценкой деятельности сионистских пионеров. Но, несмотря на это, на посту премьер-министра проводил антиссионистскую политику.

ний, который раньше занимал Леопольд Эмери, последний из членов военного кабинета, поддержавшего Декларацию Бальфура, перешел к Сидни Уэббу, вскоре ставшему лордом Пасфилдом. Несмотря на значительное число евреев в рядах Лейбористской партии, сионизма она не поддерживала. Макдональд побывал в Палестине в 1922 г. и по возвращении в Лондон заявил, что обещания, данные англичанами евреям и арабам, противоречивы. Вейцман, приехав в Лондон, вскоре почувствовал перемену: впервые лидер сионистов ошутил холодок в Вестминстере и на первых порах не смог добиться встречи с Пасфилдом. Жена министра Беатрис Уэбб при встрече с Вейцманом высказалась так: “Не понимаю, почему евреи подняли такой шум из-за нескольких десятков убитых в Палестине. Такое же количество людей погибает в Лондоне за неделю в автомобильных авариях, и никто не делает из этого трагедии”. Когда Пасфилд в конце концов принял Вейцмана, он прямо высказался против массовой еврейской иммиграции в Палестину.

Но худшее было впереди. Политические последствия конфликта затянулись на полтора года и вызвали бурные споры, угрожавшие самой идее создания еврейского национального очага. В середине сентября Министерство по делам колоний отправило в Палестину комиссию, с тем чтобы “расследовать непосредственные причины, приведшие к недавнему взрыву насилия в Палестине, и выработать рекомендации относительно мер, необходимых для предотвращения подобных инцидентов”. Председателем был назначен сэр Уолтер Шоу, бывший верховный судья сеттельмента²² на Босфоре и Дарданеллах. В комиссию вошли представители трех ведущих политических партий Великобритании: Консервативной, Либеральной и Лейбористской. В отличие от расследования, проводившегося в 1921 г. Хайкрафтом, комиссия Шоу имела полномочия судебного органа с правом вызова свидетелей, принятия показаний под присягой и получения рекомендаций от мандатной администрации, Еврейского агентства и арабского исполнительного комитета.

Слушания заняли пять недель, после чего комиссия 31 марта 1930 г. опубликовала доклад. Этот документ произвел эффект разорвавшейся бомбы. В докладе была установлена ответственность арабов за насилие, причем “доля ответственности за беспорядки” возлагалась на муфтия и некоторых членов арабского исполнительного комитета. Тем не менее большинством в один голос комиссия отвергла утверждение, что погромы были тщательно спланированы заранее. При том же соотношении голосов ею были сня-

22 Сеттельменты — специальные районы, отводившиеся для поселения и торговой промышленной деятельности иностранцев и пользовавшиеся экстерриториальностью. Впервые были созданы в Китае в 1840-х гг.

ты с администрации и полиции обвинения в недостаточной активности во время наведения порядка. Более того, расширяя свои полномочия, ограниченные рассмотрением непосредственных причин насилия, комиссия констатировала, что основной причиной трагедии стало “неприятное и враждебное чувство арабов по отношению к евреям, связанное с их разочарованием в возможности осуществления своих политических и национальных устремлений и опасением за свое экономическое будущее”. В докладе отмечалось, что правительство пока не удосужилось выработать точную формулировку своих обязательств по отношению к “нееврейским общинам”, а значит, должно заняться этим в будущем. Пока же мандатным властям предлагалось ужесточить контроль над еврейской иммиграцией, защитить феллахов от вытеснения еврейскими скупщиками земли и довести до сведения Еврейского агентства, что оно ни в коей мере не уполномочено участвовать в управлении Палестиной.

Доклад комиссии Шоу ошеломил сионистов и вызвал ликование арабов. Дальнейшие меры только усилили эти чувства. 12 мая Министерство по делам колоний распорядилось, чтобы мандатные власти приостановили выдачу 3300 рабочих сертификатов для очередной группы еврейских иммигрантов. Две недели спустя в заявлении, направленном в Совет Лиги Наций, английское правительство сообщило, что положительно относится к рекомендациям комиссии Шоу и изучает вопрос о дополнительных мерах по ограничению еврейской иммиграции и защите арабского населения. Хотя Совет Лиги Наций и отверг точку зрения, согласно которой права арабов могут быть обеспечены путем ограничения въезда евреев и покупки ими земли, Лондон продолжил рассмотрение рекомендаций, предложенных в докладе Шоу. В том же месяце Великобритания направила в Палестину сэра Джона Хоуп-Симпсона. Отставной чиновник индийской колониальной администрации и специалист по сельскому хозяйству, Хоуп-Симпсон провел в Палестине три месяца, после чего составил 185-страничный отчет о землепользовании, который был завершен 20 октября 1930 г.

Хоуп-Симпсон пришел к выводу, что площади, находящиеся в распоряжении арабов, меньше, чем было принято считать. Арабов, согласно его заключению, вытесняли евреи, скупавшие земельные участки. Свою роль играла и политика Еврейского национального фонда, стремившегося не перепродавать землю арабам и не нанимать их для работы на еврейских участках. Таким образом, явно нарушались условия мандата. В докладе ставилась под сомнение возможность существенного промышленного развития Палестины. Поэтому “переселение большого числа иммигрантов для работы на новых промышленных предприятиях, экономическое будущее которых проблематично, вполне может привести к [серьезному] кризису...”. Факти-

чески администрация передала контроль над выдачей рабочих сертификатов Еврейскому агентству и *Гистадруту*, а это недопустимо, говорилось в докладе. Должны быть приняты дополнительные меры, чтобы ограничить иммиграцию и скупку земли евреями. Хоуп-Симпсон утверждал, что при полном осуществлении всех программ развития Палестины там найдется место для 20 тыс. семей, то есть для 100 тыс. человек, из которых евреи должны составлять не более половины.

Возмущенные и разгневанные сионисты поспешили опровергнуть данные и выводы Хоуп-Симпсона. Он значительно преуменьшил размеры сельскохозяйственных площадей в Палестине, утверждали они, и преувеличил объем земель, необходимых арабам и евреям. Попытка Хоуп-Симпсона возложить ответственность за бедность арабских крестьян на еврейскую иммиграцию — подстрекательство и клевета. Даже согласно официальной статистике, из 1 млн 481 тыс. дунамов земли, принадлежащей евреям, 350 тыс. дунамов заболочено, а 500 тыс. составляют участки, ранее не обрабатывавшиеся. *Ишуву* принадлежит всего 6,3% всей пригодной для обработки земли. Однако показательны даже не эти данные, а факт существенного повышения уровня жизни арабов вследствие еврейской колонизации Палестины и то, что поток арабских иммигрантов — не в меньшей степени, чем еврейских, — хлынул в Палестину после того, как перспектива еврейского национального очага открыла и перед ними новые экономические возможности.

Однако, еще не выслушав всех этих аргументов, 20 октября, в тот же день, когда появился доклад Хоуп-Симпсона, Лондон сделал официальное заявление. Оно представляло собой составленную лордом Пасфилдом 23-страничную Белую книгу. “Следует раз и навсегда понять, — говорилось в Белой книге, — что еврейские лидеры напрасно оказывают нажим на правительство Его Величества, чтобы добиться согласия на свою политику касательно иммиграции и земли, на устремления радикальных направлений сионизма. Принятие такой политики означало бы пренебрежение долгом государства-мандатория по отношению к нееврейским жителям Палестины”. Подчеркивая, что “в равной степени бесполезны и требования арабских лидеров [сформировать самоуправление на основе большинства]”, Белая книга, тем не менее, зачеркивала все надежды сионистов на будущее. “В Палестине не осталось больше земли, пригодной для сельскохозяйственной обработки новыми иммигрантами, — говорилось в документе, — за исключением тех неосвоенных площадей, которые держат про запас различные еврейские учреждения”. Что касается еврейской иммиграции, она должна быть прекращена до тех пор, пока в Палестине сохраняется значительная безработица.

Белая книга Пасфила была намного категоричней, чем Белая книга Черчилля 1922 г., поскольку в ней фактически отвергались цели Декларации

Бальфура и сформулированные в Сан-Ремо условия мандата. Она предвещала серьезные ограничения иммиграции и угрожала евреям запретом на приобретение новых земель. Более того, в ней содержались пренебрежительные отзывы о работе евреев в Палестине и никак не отмечались заслуги сионистов в развитии страны и населяющих ее народов. Естественно, арабы были удовлетворены этим документом. Реакция евреев была иной. Возмущенный Вейцман немедленно подал в отставку с поста председателя Еврейского агентства. Обращаясь к английскому правительству с официальным протестом, он писал:

“Если обязательства мандатория сводятся к его долгу по отношению к 170 тыс. человек в противовес 700 тыс. и это меньшинство противопоставляется огромному большинству, тогда, конечно, можно дать объяснение и всему остальному. Но обязательства государства-мандатория распространяются на весь еврейский народ, и эти 170 тыс. являются лишь его авангардом. Я самым энергичным образом выражаю протест против понимания обязательств государства-мандатория, в равной степени распространяющихся на обе части населения Палестины”.

Реакция Вейцмана была куда более сдержанной, чем отклики других сионистов. Во всем мире, в том числе в Палестине, Англии и Америке, евреи были возмущены. Это выразилось не только в письмах, петициях и телеграммах протеста, резких газетных статьях, но и в организации множества встреч с британскими общественными деятелями. Некоторых из этих деятелей не нужно было убеждать в том, что английское правительство нарушило собственные официальные обязательства. Консерваторы поспешно отмежевались от Белой книги Пасфилда, Леопольд Эмери и Уинстон Черчилль в палате общин раскритиковали этот документ. 17 ноября во время ожесточенных парламентских дебатов Ллойд Джордж упрекнул Макдональда в том, что тот нарушил слово, данное Великобританией. “Нам досталось в наследство не слово, а множество слов, — возразил премьер-министр, — и одно не согласуется с другим”. Тем не менее Макдональд не выдержал обрушившихся на него нападок и раскола в его собственной Лейбористской партии. Поэтому, по предложению самого уважаемого теоретика партии Харолда Ласки²³ и сына премьер-министра Малкольма Макдональда, глава правительства пригласил Вейцмана на обед 6 ноября, через несколько дней

23 Ласки Харолд Джозеф (1893–1950) — британский общественный деятель и теоретик политической мысли, один из самых влиятельных деятелей левого крыла рабочего и социалистического движений. С 1936 г. — член исполкома, а в 1945–1946 гг. — председатель исполкома Лейбористской партии. Будучи евреем, резко возражал против антисионистской политики Э. Бевина и приветствовал образование Государства Израиль.

после парламентского обсуждения. Годы спустя вдова Вейцмана опубликовала его рассказ об этой встрече:

“Премьер-министр повторял: “Я понимаю, что в этой Белой книге есть ошибки”. Я сказал ему, что они относятся к двум различным типам: нарушения условий мандата и толкования, вызывающие существенные трудности и возражения... На это премьер-министр ответил: “Ошибки следует исправить, а сомнительные места разъяснить. В будущем новые заявления будут согласовываться с вами... [Но] мы не можем просто взять и отказаться от этой Белой книги...”

Было достигнуто соглашение о том, как, внося изменения, сохранить престиж правительства: 13 февраля 1931 г. премьер-министр направил Вейцману письмо, в котором содержались существенные поправки к Белой книге Пасфилда. Собственно говоря, содержание письма перечеркивало утверждения Белой книги. В нем говорилось: “Задача способствовать еврейской иммиграции и обеспечивать по возможности плотное расселение евреев в Палестине по-прежнему остается мандатным обязательством, которое можно выполнить, не ставя под угрозу права и условия жизни другой части палестинского населения”. В письме признавалось, что количество арабов, лишившихся земли, заведомо меньше, чем утверждал Хоуп-Симпсон, и что требуется проведение более тщательного расследования. Кроме того, вновь давались заверения о том, что правительственная политика не запрещает евреям приобретать землю.

“Правительство Его Величества не намерено приостанавливать или запрещать иммиграцию какой-либо категории населения... Иммигрантам, рассматривающим на получение работы, пусть даже временной, не будет отказано во въезде из-за того, что им не гарантируется трудоустройство на неограниченный срок”.

Кроме того, были подтверждены полномочия Еврейского агентства по трудоустройству иммигрантов на еврейских предприятиях, а также право евреев на законную долю рабочих мест на общественных работах и предприятиях, контролируемых мандатными властями. Итог был сформулирован Макдональдом следующим образом: “Обязательства, возложенные мандатом, имеют характер международного значения. Намерения пренебречь ими не было в прошлом и нет в настоящее время”.

Хотя письмо не являлось правительственным распоряжением или заявлением министра по делам колоний, Макдональд сделал его достоянием гласности, передал как официальный документ в Лигу Наций и послал в качестве инструкции верховному комиссару Палестины. Вейцман, справедливо рассматривая этот текст как государственный документ, привет-

ствовал его в качестве символа восстановления сотрудничества сионистов с Великобританией. Однако это письмо никак не способствовало развитию сотрудничества между арабами и евреями. Напротив, Белая книга Пасфилда и письмо Макдональда выставили английскую политику в самом неблагоприятном свете: эти документы убедили арабов, а затем и евреев в том, что с помощью выступлений и давления можно добиться от мандатных властей перемены политического курса. Арабы, конечно, не верили, что последнее слово остается за письмом Макдональда. “Хочу поставить в известность Ваше Превосходительство о том, — писал Муса Казим аль-Хусейни, председатель арабского исполнительного комитета, верховному комиссару 19 февраля, — что письмо премьер-министра Макдональда подорвало надежду на политику сотрудничества между арабами и евреями, если такая надежда вообще существовала, и сделало взаимопонимание между двумя этими сторонами совершенно невозможным”.

Неопределенность целей

У арабов были причины для несговорчивости. Прежде всего, численность их выросла к 1935 г. до 960 тыс., то есть арабское население меньше чем за два десятилетия увеличилось на 67%, а в абсолютных цифрах превышало еврейское на 500 тыс. человек. Городское арабское население возросло с 194 тыс. в 1922 г. до 398 тыс. в 1936 г. Кроме того, приток еврейского капитала, которым оплачивались земля, сельскохозяйственная продукция, строительные материалы, наемный труд и арендаторство, — все это явилось мощным стимулом для арабской экономики. В меньшей степени такое же влияние на нее оказали строительные программы и программы благоустройства, созданные мандатными властями. Особенно заметно эти изменения коснулись арабских высших и средних классов. Их вложения в цитрусоводство увеличились с 1918 по 1935 г. в четыре раза. К этому времени арабская промышленность расширила сферу производства, выйдя за пределы своего традиционного ассортимента, включавшего мыло, оливковое масло и домотканый текстиль. Теперь капиталы вкладывались в торговлю и транспорт; были основаны также первые два банка арабской общины. В 1935 г. функционировало не менее 700 арабских кооперативов. Новые возможности открывались в здравоохранении, юриспруденции, журналистике, образовании и на государственной службе. Если в 1920 г. школы посещало 2% процента арабских детей, то в 1936 г. в них училось уже около 13%.

Таким образом, налицо были все классические компоненты нарождающегося национализма: рост образованности, увеличение среднего класса,

большое число привилегированных служащих и квалифицированных специалистов. Кроме того, укрепление арабских позиций в 1930-х гг. объяснялось растущим влиянием муфтия: он приобретал все больший вес по сравнению со своим стареющим родственником Мусой Казимом аль-Хусейни. Престиж муфтия Хадж Амина и контроль с его стороны придал арабскому национализму черты религиозной ксенофобии. В отличие от предшественников, муфтий не питал никаких иллюзий и не надеялся, что англичане помогут арабам в борьбе против создания еврейского национального очага. Он учил своих сторонников рассматривать мандатный режим как тиранию неверных, заключивших союз с еврейскими нечестивцами. Влияние муфтия нашло политическое выражение в создании Палестинской арабской партии, основанной в 1935 г. под номинальным руководством его двоюродного брата и верного помощника Джамиля аль-Хусейни. С кланом Хусейни были связаны мэры некоторых городов и лидеры хайфского и иерусалимского отделений Палестинского общества арабских рабочих, которое организовало собственное полувоенное формирование "Аль-Футува" и заняло непримиримую позицию по отношению к Декларации Бальфура и мандату.

Однако лидерство муфтия, несмотря ни на что, вовсе не было бесспорным. Ему противостояли круги, преимущественно связанные с семьей Нашашиви. Выступив в 1935 г. во главе партии Национальной защиты, клан Нашашиви заручился определенной поддержкой в Галилее, а также обзавелся сторонниками среди мэров прибрежных арабских городов. Кроме того, было известно, что семья Нашашиви установила прочные связи с Абдаллахом, эмиром Трансиордании. Разумеется, и у Нашашиви были политические соперники, причем не только среди последователей Хусейни, но и среди сторонников других движений и формирований, возникших в начале 1930-х гг. Как бы эти формирования ни назывались — партия Национального блока, Конгресс арабской молодежи, Реформистская партия, — партиями в западном значении этого слова они не были. Эти группы объединялись на основе эгоистических интересов отдельных влиятельных семей. Однако для того, чтобы получить политическое влияние в арабском национальном движении, все они должны были соревноваться друг с другом в проявлении антисюионизма. К середине десятилетия это положение превратило возможность нормальных взаимоотношений с евреями в дело вполне безнадежное. Но эта же фракционность и соперничество между семьями блокировали и все попытки совместных выступлений арабов против сионистов и англичан. Например, когда в начале 1934 г. умер Муса Казим аль-Хусейни, клану Нашашиви удалось предотвратить избрание Джамиля аль-Хусейни председателем арабского исполнительного комитета. В последующие месяцы сторонники обеих семей не прекращали яростной перепалки, обвиняя друг

друга в трусости, в продаже земли евреям и в отсутствии патриотизма. Парализованный междоусобицей исполнительный комитет едва не был распущен, а Восьмой Арабский конгресс, назначенный на лето 1935 г., вообще не состоялся.

С другой стороны, отсутствием арабского единства объясняется то, что сионисты, в свою очередь, не торопились с определением своих планов в Палестине. Даже события 1929 г. были оценены ими не вполне верно. *Ишув* воспринял погромы не столько как националистическое восстание, сколько как религиозный джихад²⁴, развязанный Хадж Амином для удовлетворения личных амбиций. От англичан потребовали обеспечения безопасности, — казалось, этого было достаточно. Неформальное общение арабов и евреев в сферах торговли, в муниципальных советах, во время проведения ряда общественных мероприятий ослабляло потребность в официальной формулировке тех отношений, которые сионисты в конечном счете намеревались установить с арабами.

Конечно, многие еврейские мыслители обращались к этой проблеме. Среди них был и уроженец Соединенных Штатов, реформистский раввин Йеѓуда Магнес²⁵. Он еще до войны дважды побывал в Палестине, увлекся мечтой о еврейском национальном возрождении и в 1922 г. поселился в Иерусалиме. В 1925 г. он возглавил только что основанный Еврейский университет. С самого начала своей деятельности в Иерусалиме Магнес выражал беспокойство по поводу идеи исключительности, следовавшей из концепции еврейского национального очага. Его воззрения разделяли члены незадолго до того возникшего общества *Брит Шалом*²⁶, которое объеди-

- 24 Джихад (араб. “священная война”) — в исламе “священная война с неверными”. У идеологов радикального ислама — шестой столп мусульманской веры. Джихад нужно вести и внутри мусульманских стран против “неверного общества” для превращения его в “истинно исламское”.
- 25 Магнес Йеѓуда-Лейб (1877–1948) — еврейский общественный деятель в США и Эрец-Исраэль. Возглавлял крупнейшую реформистскую синагогу Нью-Йорка “Темпл Эммануэль”, но из-за антиссионистских позиций тогдашних лидеров реформистского иудаизма в США порвал с реформизмом. Стал одним из лидеров американского сионизма. В 1906 г. был в числе создателей Американского еврейского комитета. С 1922 г. жил в Израиле. В 1925–1948 гг. возглавлял Еврейский университет в Иерусалиме (до 1935 г. — канцлер, затем первый президент). Всю жизнь Магнес был сторонником арабско-еврейского сотрудничества. Во многом его идеями руководствовалось общество *Брит Шалом*. В 1942 г. вместе с М. Бубером и другими участвовал в создании подобной организации *Ихуд* (“Единство”).
- 26 *Брит Шалом* (ивр. “Союз мира”) — общество, созданное в 1925 г. в Иерусалиме для установления дружеских отношений между арабами и евреями. Основано несколькими интеллектуалами с целью добиться создания “двухнационального государства” на территории Палестины, в управлении которым арабы и евреи имели бы равные права вне зависимости от их численности.

нило интеллектуалов, выступавших за создание арабско-еврейского государства в Палестине. Среди самых влиятельных членов *Брит Шалом* были евреи из Центральной Европы, в том числе профессора Еврейского университета Хуго Берман и Гершом Шолем²⁷, бывший редактор “Юдише Рундшау” Роберт Вельч²⁸ и, главное, — Мартин Бубер, которого остальные члены общества считали своим духовным наставником. Бубер еще в 1920 г. призвал евреев заложить основу подлинного братства с арабами и не полагаться на “ослепляющую мечту о том, чтобы стать эмигрантами Запада, который обречен на гибель”. Казалось, события 1929 г. подтверждали это пророчество. Однако общество *Брит Шалом* было объединением идеологическим, а не политическим. В нем никогда не состояло больше 200 человек, их речи и статьи не оказывали ни малейшего воздействия на руководство *ишува* и не вызывали никакой реакции у арабов.

Существовали и другие группы, в той или иной форме выражавшие заинтересованность в арабско-еврейском государстве, которое обеспечило бы свободную еврейскую иммиграцию. Наиболее отчетливо эта позиция была выражена у радикальных утопистов из *Г'а-Шомер 'а-цаир*²⁹. В 1920-х гг. федерация *кибуцев* этого движения энергично выступала за идею политического паритета в Святой земле. Именно *Г'а-Шомер 'а-цаир* в 1926 г. убедил *Г'истадрут* рассмотреть план создания арабско-еврейской Палестинской конфедерации труда. Впрочем, из этого мало что вышло. Однако *Г'а-Шомер 'а-цаир* все равно оставался самой влиятельной из тех партий *ишува*, кото-

27 Шолем Гершом (1897–1982) — ученый в области науке о еврействе. Основатель современной науке о каббале и еврейской мистике. В 1933–1965 гг. — профессор Еврейского университета; в 1968–1974 гг. — президент Израильской академии наук. Основной вклад Шолема в науку о еврействе состоял в детальном изучении истории еврейской мистики от талмудической эпохи до современного хасидизма и раскрытии взаимосвязи между мистическими идеями и еврейской религиозной культурой в целом.

28 Вельч Роберт (1891–1982) — сионистский деятель. В 1919–1938 гг. главный редактор органа Сионистской федерации Германии “Юдише Рундшау”. После прихода Гитлера к власти написал ряд статей, оказавших большое влияние на евреев Германии; заглавие одной из них — “С гордостью носи эту желтую отметину” — стало девизом немецких евреев. С 1938 г. жил в Израиле. Был близок к группе *Брит Шалом*.

29 *Г'а-Шомер 'а-цаир* (ивр. “Юный страж”) — молодежное лево-социалистическое, халуцианское, сионистское движение, целью которого была подготовка еврейской молодежи к переселению в Эрец-Исраэль и киббуцной жизни. Движение было создано в Вене в 1916 г. членами галицийских молодежных сионистских групп. Оно сочетало требование активной деятельности по возрождению Эрец-Исраэль с призывом к развитию еврейской культуры и ее связи с мировой культурой. Движение создало ряд киббуцев, объединившихся в 1920-х гг. в *Г'а-Кибуц 'а-арци 'а-шомер 'а-цаир*. Несмотря на разгром движения в Советском Союзе в конце 1920-х годов, оно продолжало в 1920–1940-х гг. занимать просоветскую позицию. Движение сыграло основную роль в создании в 1948 г. партии *Мапам*.

рые стремились к взаимному примирению арабов и евреев и неустанно боролись за классовую и политическую солидарность еврейского и арабского рабочего класса.

Как бы ни были незначительны размеры и влияние этих идеологических и политических организаций, они, по крайней мере, заняли четкую позицию по отношению к целям сионистов в Святой земле. Этого никак нельзя было сказать о политическом руководстве *ишува*, что не ускользнуло от внимания арабов. Мухаммад Ахтар, редактор самой крупной арабской палестинской газеты “Фаластын”, коснулся этого вопроса в речи, с которой обратился к группе евреев 26 ноября 1930 г.:

“Одна из ошибок, которая всегда меня удивляла, заключается в огромном количестве денег, времени, бумаги и чернил, потраченных на пропаганду сионизма среди западных народов. Если хотя бы тысячная доля этих усилий пошла на то, чтобы разъяснить, что такое сионизм, арабам... Полагаю, что не найдется ни одной листовки на арабском языке, в которой сионисты разъяснили бы свои стремления, права и требования, — таких листовок нет. Вы лучше меня знаете, как подробно все это излагалось американцам, англичанам, французам. Хотя сионисты собирались жить среди арабов, они не интересовались, понимают их арабы или нет. Они думали, что важнее, чтобы в Вене или в Париже кто-то знал, чего они желают”.

Более того, сионисты не удосужились ясно сформулировать свои цели даже для себя самих. Возможно, сионисты-социалисты и признавали, что поиски компромиссного решения в Палестине — важная задача. Но если отвлечься от *Га-Шомер га-цаир*, эти стремления левых были скорее теоретическими, чем практическими. Стараясь ограничиваться лишь упоминанием о будущей еврейской государственности, их руководство не задумывалось о сближении с арабами и не тратило на это усилий. Собственно говоря, именно социалисты в большей мере, чем другие группы, были за создание автономной социально-экономической системы вне арабского большинства.

Вейцман лучше многих своих соратников понимал, что исходить из максималистских установок при создании национального очага невозможно. Он интуитивно сумел почувствовать заблуждение, свойственное ряду сионистов. Одержимые идеалом самоопределения, которое стало темой Парижской мирной конференции и всей послевоенной эпохи, многие из них считали, что евреи, стремящиеся к национальному самоопределению, должны рассматриваться в том же ряду и пользоваться теми же правами, что чехи, поляки, хорваты, литовцы и другие народы Европы, которые долгое время жили под чужой властью. Вейцман считал эту аналогию крайне

опасной в контексте сотрудничества с арабами и англичанами. Он боялся, что арабская оппозиция нанесет сионистам такой же удар, какой был нанесен сначала армянам, а потом грекам турками³⁰, когда англичане лишили эти народы своего покровительства. Только с помощью умеренной политики можно было добиться от англичан поддержки и понимания. Именно это имел в виду Вейцман, когда, оправившись от растерянности, вызванной Белой книгой Черчилля, обращался в 1923 г. к Сионистскому конгрессу в Карлсбаде: “Я не стыжусь сказать: мне нечем похвастаться. После установления мандата пройдут годы, прежде чем удастся добиться политического успеха. Тех политических успехов, которых вы хотите, вам придется добиваться своим трудом в Изреэльской долине, в горах и в болотах, а не в кабинетах на Даунинг-стрит”.

Однако даже те его последователи, которые понимали всю важность позиции сдержанности, считали, что Вейцман в своей умеренности заходит слишком далеко. В перерыве между заседаниями Семнадцатого Сионистского конгресса он дал интервью Еврейскому телеграфному агентству. “Я не понимаю и не поддерживаю требования присутствия еврейского большинства в Палестине, — сказал Вейцман. — Большинство не гарантирует безопасности, оно не является необходимой гарантией для развития еврейской цивилизации и культуры. Мир может понять подобное стремление только в том смысле, что мы хотим заполнить большинство, чтобы изгнать арабов”. Это замечание вызвало бурю среди делегатов от всех партий. Они заявили, что подобная позиция ведет к отречению от национальных интересов. Конгресс выразил свое “сожаление” по этому поводу и принял иную, безнадежно запутанную формулировку сионистских целей: “Лишенный родины и очага, стремящийся эмигрировать, еврейский народ желает положить конец своим экономическим, духовным и политическим бедствиям, вновь укоренившись на своей исторической родине путем непрекращающейся иммиграции, и возродить в Эрец-Исраэль национальную жизнь, наделенную всеми характерными чертами нормальной жизни нации”. Однако и это заявление показалось Вейцману неосторожным, и он отказался его принять. Когда же голосованием была утверждена эта формулировка, он подал в отставку.

Примечательно, что впоследствии сионисты предпочли собственной “официальной” формулировке другую, более компромиссную, предложен-

30 Греко-турецкая война 1919–1922 гг. 15 мая 1919 г. греческие войска по решению держав Антанты высадились в Измире. 22 июня 1920 г. греческая армия перешла в наступление и заняла Западную Анатолию. Но в 1921–1922 гг., несмотря на превосходство в численности и вооружении, греческая армия была разбита турецкими войсками под командованием Ататюрка. В сентябре 1922 г. все территории, занятые греческой армией, были освобождены.

ную директором политического отдела Еврейского агентства Хаимом Арлозоровым. Согласно Арлозорову, цель сионизма заключается в развитии “дружеских отношений и сближении между евреями и арабами в Палестине, исходящих из того фундаментального принципа, что ни один из двух народов не должен господствовать над другим или находиться в подчинении у другого, независимо от его численности”. В 1933 г. Бен-Гурион, один из руководителей Еврейского агентства и исполнительного комитета Сионистской организации, на словах продолжал придерживаться этой умеренной позиции. Однако вскоре он ясно продемонстрировал, что не интересуется определением политического будущего *ишува*, пока евреи составляют в Палестине меньшинство. В понимании Бен-Гуриона, урок погромов 1929 г. заключался отнюдь не в том, что евреи проявили недалковидность и упрямство и не сумели найти общий язык с арабами, напротив: “Мы грешили в этой стране и во всех остальных странах, грешили две тысячи лет, погрязая в слабости. Мы слабы — в этом наше преступление”. Поэтому для Бен-Гуриона первостепенная задача сионизма заключалась в том, чтобы укрепить еврейскую самооборону в Палестине, быстро увеличить численность *ишува*, потребовать от мандатория выполнения его обязательств, касающихся еврейского национального очага. В конечном счете, осуществление сионистской мечты неизбежно связывалось для него с силой и количеством евреев. “Сможем ли мы в будущем стать большинством?” — вот в чем заключался главный вопрос.

Бен-Гурион не был лицемером. Он не скрывал своей точки зрения ни от арабов, ни тем более от евреев. В 1930-х гг. он не раз прямо излагал свои взгляды тем арабским лидерам, которые хотели с ним говорить. Так, в 1934 г. он вел переговоры с Ауни Абдал-Хади, лидером одной из арабских партий. “Ауни спросил меня, — вспоминал впоследствии Бен-Гурион, — “Сколько евреев вам нужно?” Я ответил: “Через тридцать лет — четыре миллиона””. Год спустя Бен-Гурион вместе с Моше Шаретом беседовал с Мусой аль-Алами, представителем аристократического рода и советником по арабским делам при верховном комиссаре сэре Артуре Уокопе. Шарет начал разговор в традиционно мягком тоне, сравнил Палестину с заполненным залом, “где всегда найдется еще одно место”, и указал, что в стране всегда сумеют разместиться евреи, желающие иммигрировать, и это не причинит арабам никакого ущерба. В этот момент вмешался Бен-Гурион, заявивший, что незачем вести подобную беседу с таким реалистом, как Муса аль-Алами. Евреям некуда деваться, кроме Палестины, констатировал он, в то время как в распоряжении арабов необъятные и неосвоенные просторы арабского мира. И ему хотелось бы выяснить, могут ли арабы согласиться на создание еврейского государства на территории Палестины и Трансиордании в обмен на поддержку евреями федерации независимых арабских государств. Ала-

ми ушел от прямого ответа. Смелость Бен-Гуриона произвела на него впечатление, но он сделал для себя окончательный вывод относительно природы и целей сионизма.

Позиция Бен-Гуриона, однако, была далека от официальной сионистской точки зрения. Вейцман продолжал отстаивать идею паритета. 19 сентября 1936 г. он — снова в качестве президента Сионистской организации — изложил то, что представлялось ему принципиальной основой, и передал проект этого документа в британское Министерство иностранных дел:

“По нашему мнению, евреи и арабы в Палестине должны рассматриваться как две различные общины, две единицы с абсолютно равными правами — эти права не зависят от численности. Мы предложим им это как основу для взаимодействия, с тем чтобы система постоянного паритета была обеспечена гарантиями британской короны”.

Шарет от имени Еврейского агентства поддержал это предложение. Паритет представлялся единственно приемлемым подходом в поисках взаимопонимания со стороны арабов и англичан. До доклада комиссии Пиля, которая через месяц после этого была направлена в Палестину, проблема государственности никогда открыто не обсуждалась. Неудивительно, что из-за всех этих противоречий и нечеткости определений евреи не меньше, чем арабы, испытывали сомнения относительно конечных целей сионизма в Святой земле.

Ответ ревизионистов

Многие арабы и некоторая часть евреев желали как можно скорее определить дальнейшие перспективы. Конечно, иммигрантов из Польши, Румынии и Венгрии — государств, возникших после Первой мировой войны, — которые в 1920-х гг. испытали на себе проявления антисемитизма, подобного дореволюционной российской юдофобии, не устраивала политика постепенности. Им нужна была уверенность в том, что еврейский национальный очаг в самое ближайшее время станет их постоянным убежищем и предоставит им возможности для процветания. Нордау был одним из тех, кто доказывал, что многочисленное европейское еврейство окажется в безопасности, только если ему позволят — и даже помогут — быстро, в массовом порядке переселиться в Палестину, не дожидаясь гарантированного жилья и трудоустройства. Какими бы ни были при этом первоначальные трудности, иммигранты, по крайней мере, сумеют избежать погромов

и принесут еврейству статус большинства в Палестине, что обеспечит *ишуву* важные политические преимущества. Правда, в 1920-х гг. идея сионизма как альтернативы физическому уничтожению народа не разделялась ни Вейцманом, ни большинством его коллег. Тем не менее эта точка зрения продолжала существовать, и в 1930-х гг. она все в большей степени становилась противовесом доминирующей концепции о плановом “постепенном строительстве”.

В это время главным “максималистом”, сторонником самых решительных действий, стал Владимир Жаботинский. Он вырос в России, в нерелигиозной еврейской семье, и с юности органически вошел в русскую жизнь, впитал русские идеалы, посвятил себя служению русской литературе. Преследования царских властей нанесли удар по его русофильству. Подобно Герцлю и Нордау, Жаботинский воспринял идею еврейского государства как прямую возможность добиться свободы и самоутверждения для своего народа. В возрасте двадцати трех лет он принял участие в Шестом Сионистском конгрессе, попал под влияние Герцля и стал яростным сторонником политического сионизма. Кроме того, для Жаботинского, как и для Герцля, сионизм означал революцию не только в положении евреев, но и в их национальном характере. Презрительно относясь к ограниченности еврейского прозябания в диаспоре, Жаботинский рассматривал сионизм как средство, с помощью которого евреи преодолют покорность и трусость и станут гордым, воинственным и отважным народом. Он хотел, чтобы евреи были не хуже других и на поле боя, и в спорте. Во время путешествий он изучил ряд языков. В Италии он с восторгом читал Данте и д’Аннунцио³¹; там же его внимание привлекли Мадзини и Гарибальди³². В Италии Жаботинский развил и свой недюженный дар оратора со склонностью к театральным эффектам. Ни его очки, ни выпяченный подбородок, ни подчеркнутая резкость не могли ослабить его необыкновенного личного обаяния. Он стал, наряду с Герцлем, одним из самых ярких лидеров сионизма.

31 Д’Аннунцио Габриэле (1863–1938) — выдающийся итальянский писатель и поэт. В стихах, рассказах, романах, драмах воспевал сильную Италию. В годы Первой мировой войны командовал звеном самолетов-бомбардировщиков. Официальный поэт итальянского фашизма, один из самых талантливых представителей декадентской литературы.

32 Гарибальди Джузеппе (1807–1882) — один из вождей национально-освободительного движения Италии. Во время революции 1848–1849 гг. командовал отрядом добровольцев в Австро-итальянской войне; в 1849 г. был одним из руководителей Римской республики, организатором обороны Рима. После его падения с четырехтысячным отрядом совершил поход на помощь Венеции. В 1860 г. возглавил “тысячу” — революционный отряд, выступивший на помощь освободительному восстанию на острове Сицилия. Во главе отряда добровольцев участвовал в Австро-итальянской войне 1866 г.

Мы уже говорили о том, что формирование Еврейского легиона во время войны практически было заслугой Жаботинского. Впоследствии он работал в тесном сотрудничестве с недолго просуществовавшей сионистской комиссией в Палестине. Еще в пору своего политического становления он упрекал Вейцмана, президента Сионистской организации, в доверчивости и даже наивности по отношению к англичанам. Жаботинский доказывал, что следует немедленно добиваться их согласия на широкомасштабную еврейскую иммиграцию и создание еврейских вооруженных сил в Палестине. Войдя в руководство организации самообороны, Жаботинский лично руководил ее действиями во время апрельских событий в Иерусалиме. После этого он был арестован англичанами и за “подстрекательство к насилию” осужден на длительный срок. Хотя вскоре приговор был отменен, в *ишув*е и в диаспоре с той поры с именем Жаботинского был неразрывно связан образ невинно осужденного героя. В кругах еврейской молодежи он стал символом воинствующего сионизма.

Впоследствии Жаботинский как член исполнительного комитета Сионистской организации все больше возражал против вейцмановской практики постепенности действий в Эрец-Исраэль. В 1922 г. он выступил с предложением потребовать от мандатных властей усиления деятельности по созданию еврейского национального очага, смещения антисионистски настроенных чиновников и “обеспечения безопасности еврейского населения и беспрепятственного развития созидательной деятельности сионистов...”. Он утверждал, что из создавшегося тупика существует лишь один выход: “выяснить отношения” с англичанами. Нетрудно представить реакцию Вейцмана на столь далекий от дипломатии подход к делу. Ввиду невозможности дальнейшего сотрудничества с президентом Жаботинский вышел из состава руководства Сионистской организации. Затем он переехал в Берлин, где вошел в редакционную коллегию “Рассвета”, органа русских сионистов, эмигрировавших в Европу³³. В этом журнале он повел активную борьбу с лидерами сионизма. Великие планы Герцля остались нереализованными, Сионистская организация отреклась от своих политических целей, она занята поисками денежных фондов и филантропией, утверждал Жаботинский.

33 “Рассвет” — название нескольких русско-еврейских периодических изданий. Речь идет о “Рассвете” — еженедельном органе Федерации русско-украинских сионистов (в эмиграции), а затем Всемирного союза сионистов-ревизионистов. Выходил в Берлине с апреля 1922 г. по май 1924 г., затем в Париже с декабря 1924 г. по декабрь 1934 г. Выйдя из правления Сионистской организации, В. Жаботинский в июле 1923 г. стал членом редколлегии “Рассвета”, которая с этого момента превратилась в организационный центр зарождающегося движения сионистов-ревизионистов. В “Рассвете” были впервые опубликованы многие работы Жаботинского.

К 1923 г. умерли два последних крупных деятеля из поколения Герцля — Нордау и Оскар Марморец. В это время Жаботинский принял решение создать собственное альтернативное политическое движение. Побывав в Латвии и Литве, он познакомился с группой деятельных молодых людей, разделявших его взгляды и уже организовавших общество *Бетар*³⁴ с максималистской программой. Это общество стало опорой Жаботинского. В 1924 г. он перенес редакцию “Рассвета” в Париж, а в апреле следующего года основал ревизионистское движение. Программное обращение Жаботинского было распространено в странах Восточной Европы и сразу вызвало отклик в среде молодых евреев диаспоры, разочаровавшихся в сионизме из-за его явной неспособности решить мучительные проблемы антисемитизма и еврейской государственности. Жаботинский яростно нападал на “вялую и бледную” сионистскую программу, которая ограничилась созданием Еврейского университета и абсорбцией нескольких тысяч иммигрантов. Ревизионизм, говорил Жаботинский, требует “постоянного и активного участия” мандатория в создании еврейского государства. Массовая колонизация — не дело частных лиц или энтузиастов, это государственная задача, для которой необходима деятельная поддержка государственного аппарата. Иными словами, по мнению Жаботинского, следовало привлечь Великобританию к созданию национального очага в качестве полноправного партнера — в противовес политике Вейцмана, считавшего, что колонизация Палестины — это задача еврейского народа.

Через несколько лет на смену этой бескомпромиссной программе пришла другая, еще более решительная, требовавшая “постепенного превращения Палестины [включая Трансиорданию] в самоуправляемое образование под эгидой сложившегося еврейского большинства”. “Постепенность” в понимании Жаботинского заключалась в создании еврейского большинства в Палестине. Это и есть главная задача сионизма, утверждал он, и для нее необходимо поддерживать иммиграцию на уровне 40 тыс. человек в год в течение ближайших двадцати пяти лет. План был революционным, хотя Сионистская организация и ее печатные органы и заклеили его как “предательство”: он подрывал неустанные дипломатические усилия Вейцмана по

34 *Бетар* (аббр. от “*Брит Йосеф Трумпельдор*” — “Союз им. Йосефа Трумпельдора”) — молодежная сионистская организация, созданная в Риге в 1923 г. *Бетар* был образован под влиянием призывов Жаботинского к созданию еврейской армии для защиты Эрец-Исраэль. *Бетар* требовал создания еврейского государства по обеим сторонам реки Иордан. В Эрец-Исраэль организовывались военные курсы и особые отряды. Накануне Второй мировой войны *Бетар* насчитывал в странах диаспоры около 100 тыс. членов. Группы *Бетара* участвовали в восстаниях в гетто Варшавы, Вильнюса и Белостока. Свыше 3 тыс. бетаровцев в Эрец-Исраэль вступили во время войны в Еврейскую бригаду и другие части британской армии.

умиротворению арабов и англичан. Жаботинский, подобно социалистам, также сбрасывал со счетов арабскую проблему — просто, в отличие от них, он принимал оппозицию арабов как нечто неизбежное и считал их враждебность неминуемой. В конце концов, у арабов есть на Ближнем Востоке и другие земли, а евреи в Европе, по сути дела, обречены, поэтому их моральное право на Палестину неоспоримо. И никакие компромиссы тут невозможны.

Эта программа, ясная, жесткая и прямолинейная, возникшая в момент глубокого разочарования еврейства, по силе воздействия была сродни “Еврейскому государству” Герцля. На конференции Союза сионистов-ревизионистов собиралось все больше делегатов из Европы и Соединенных Штатов. В 1925 г. ревизионисты были представлены на Сионистском конгрессе четырьмя делегатами. Не обескураженный таким скромным результатом, Жаботинский много ездил, активно занимался пропагандой и заручился поддержкой нескольких десятков тысяч новых сторонников. В 1929 г. на Сионистском конгрессе присутствовал уже 21 делегат-ревизионист, а в 1931 г. их стало 52.

Именно в это время Жаботинский окончательно разочаровался в сионистском руководстве. Это объяснялось несколькими причинами. Несмотря на возражения ревизионистов (и не только их), за счет представителей несионистских течений был расширен состав Еврейского агентства. Вскоре после этого начались погромы 1929 г., и англичане под давлением арабов продемонстрировали готовность отказаться от идеи еврейского национального очага. Наконец, Сионистская организация, осудив Вейцмана за “минимализм”, в то же время приняла весьма расплывчатую резолюцию о будущих еврейских действиях в Палестине. Возмущенный этими свидетельствами слабости, Жаботинский заявил, что “политику исполнительного комитета следует объявить обанкротившейся” и что ревизионистам лучше вообще выйти из Сионистской организации. Это решение было ускорено Восемнадцатым Сионистским конгрессом 1933 г., когда после убийства Арлозорова большинство сионистов, в частности социалистов, отказались от совместной работы с ревизионистами в исполнительном комитете. Напряжение стало невыносимым, и ревизионисты решили форсировать события. Их Союз постановил начать независимые от Сионистской организации действия, организовать свои представительства в зарубежных странах, создать собственные фонды, а также другими способами показать свою независимость от официального сионистского движения. В 1935 г. все попытки примирения закончились крахом. Летом того же года, после опроса членов Союза, Жаботинский объявил об учреждении Новой сионистской организации, которая порывает всякие связи со старой. Первый конгресс созданной организации состоялся в Вене; его делегаты представляли 713 тыс. ревизионистов (в то вре-

мя как участники Девятнадцатого Сионистского конгресса представляли всего 635 тыс. человек).

Свободные от подчинения Сионистской организации и от ее обязательств по отношению к мандаторию, ревизионисты перешли к установлению контактов с другими правительствами без согласия англичан. Так, сам Жаботинский взялся за то, чтобы добиться поддержки от восточно-европейских государств, возникших в результате Версальского договора 1919 г.: от них требовался нажим на Великобританию с целью открытия доступа в Палестину еврейской иммиграции. В сотрудничестве с реакционным польским правительством, заинтересованным в оттоке евреев из страны, Жаботинский и его коллеги разработали десятилетний план массового переселения евреев в Святую землю. В то же время они осуществляли свою собственную программу нелегальной иммиграции — к 1939 г. им удалось тайно переправить в Палестину почти 15 тыс. евреев. К этому моменту Новая сионистская организация располагала большой сетью вспомогательных организаций, в том числе союзами студентов, ветеранов, женщин, Ревизионистским школьным обществом и спортивным клубом “Нордия”. В Палестине группы молодых ревизионистов основали военную организацию *Эцель*³⁵, которая повела решительную борьбу с арабским террором.

К концу 1930-х гг., по мере того как выдвигались новые молодые лидеры, ревизионизм становился все более радикальным. Эта новая ориентация возникла под влиянием молодежного движения *Бетар* — в 1938 г. оно насчитывало 78 тыс. членов в 26 странах мира. Как и другие сионистские молодежные движения, *Бетар* готовил европейских евреев к жизни в Палестине, организовывал учебные хозяйства и курсы иврита. Однако особое внимание уделялось военной подготовке, дисциплине, массовым видам спорта; была введена военизированная форма, устраивались факельные шествия. Руководители *Бетара* признавали Жаботинского своим лидером, но, вопреки его желанию, движение это все больше приобретало правый уклон, а временами — опасное сходство с итальянским молодежным фашистским движением. Против милитаризма как такового Жаботинский не возражал: из занятий историей он вынес убеждение, что все

35 *Эцель* (аббр. от *Иргун цваи леуми* — “Национальная военная организация”) — еврейская подпольная организация в Эрец-Исраэль. Основана в Иерусалиме весной 1931 г. группой командиров, ушедших из *Гаганы* в знак протеста против ее оборонительной тактики, и группой членов *Бетара*. В 1936–1939 гг. члены *Эцель* проводили вооруженные акции, принимали активное участие в организации нелегальной эмиграции. После начала Второй мировой войны *Эцель* прекратила акции против англичан. Но в феврале 1944 г., когда выяснились масштабы Катастрофы, организация объявила войну британским властям, продолжавшим проводить политику Белой книги. Деятельность *Эцель* повлияла на решение британского правительства передать вопрос о Палестине ООН.

великие нации рождаются благодаря военным победам. Однако до конца жизни он опасался того, что деятельность *Бетара* может, вопреки истине, создать ему репутацию фашиста. Интересно, что Муссолини благосклонно относился к сравнению бетаровцев с фашистами и в 1935 г. сказал главному раввину Рима Давиду Прато: “Чтобы сионизм победил, нужно, чтобы у вас было еврейское государство с еврейским флагом и еврейским языком. По-настоящему это понимает ваш фашист Жаботинский”. На самом деле Жаботинский отвергал фашизм. Он подчеркивал, что образцами ему служат Мадзини и Гарибальди, а не Муссолини или — Боже сохрани! — Гитлер. И сам он, и *Бетар* боролись против нацизма на словах и на деле — они первыми среди сионистов объявили коллективный бойкот германским товарам.

Тем не менее социально-экономические воззрения Жаботинского отнюдь не ослабляли представлений о нем как об ультраправом лидере. В юности он был социалистом, восхищался кибуцным и мошавным движением в Палестине, но был потрясен тем разрушительным действием, которое оказала большевистская революция на его семью и на российский сионизм. В последующие годы он рассматривал борьбу сионистов-социалистов за заработную плату и страхование, проведение забастовок как отвлечение от национальной борьбы против англичан и арабов. Жаботинский, с его властным характером, не выносил социалистической уравниловки, он возлагал надежды на средний класс, зарождавшийся в Палестине. “Если существует класс, в руках которого будущее, — писал он в одной из статей, — то это мы, буржуазия, враги всевластного полицейского государства, идеологии индивидуализма... Нам нечего стыдиться, друзья мои — буржуа”. Борьбу против социалистов Жаботинский вел не только на страницах газет. С его одобрения руководство *Бетара* в октябре 1935 г. распространило среди членов своей организации секретный циркуляр, согласно которому желающие эмигрировать в Палестину должны были избегать сотрудничества с Еврейским агентством, выдававшим разрешения на въезд, поскольку в нем господствовали социалисты. Лучше связаться в Палестине непосредственно с работодателями, которым разрешено набирать рабочих за границей, — так рекомендовалось в циркуляре. За год до этого Жаботинский санкционировал учреждение Национальной федерации труда, которую поддерживали ревизионисты. Эта организация отрицала классовую борьбу и действовала независимо от *Гистадрута*. Большинство этих мер не принесло результатов; однако они, а также то, что бетаровцы время от времени выступали в качестве штрейкбрехеров по просьбе еврейских работодателей, вызывало возмущение сионистов-социалистов.

Вражда между левым и правым крылом в сионизме могла оказаться такой же опасной, как и классовый раскол в европейских странах. Это показывает

случай, произошедший ночью 16 июня 1933 г., когда Хаим Арлозоров, директор политического отдела Еврейского агентства и самый молодой среди палестинских лидеров рабочего сионизма, был убит выстрелом во время прогулки с женой по набережной Тель-Авива. Три дня спустя был арестован Аврагам Ставский, рабочий-ревизионист; позже вдова Арлозорова опознала в нем человека, сопровождавшего убийцу. Представ перед окружным судом, Ставский был признан виновным и приговорен к повешению. Немаловажно было то, что его арестовали в доме Абы Ахемеира, редактора ревизионистской газеты, которого заподозрили в том, что он спланировал преступление³⁶. Ведущий теоретик палестинского ревизионизма, Ахемеир неоднократно высказывал свое презрение к “большевистскому духу” социалистического сионизма. Позднее в своих статьях он отстаивал и правомерность политического террора.

Хотя обвинение против Ставского было снято после апелляции, социалисты продолжали считать, что и он, и Ахемеир замешаны в убийстве. Однако эти подозрения не подтвердились. Напротив, после Второй мировой войны в суде было рассмотрено несколько дел о клевете, показавших, что Ставский, возможно, был невиновен. Тем не менее к этому времени ревизионизм и социалистический сионизм уже были разделены пропастью смертельной братоубийственной ненависти. Бен-Гурион назвал Жаботинского фашистом и дал ему прозвище “Владимир Гитлер”. В дальнейшем под давлением событий расхождение между Бен-Гурионом и ревизионистами по арабскому вопросу значительно уменьшилось. Но все же социально-экономическая конфронтация между двумя течениями не прекращалась ни на минуту, даже в самые критические дни, когда на карту было поставлено существование нации.

Пятая алия. Рост капиталистического сектора

Если в 1920-х и 1930-х гг. социалистический сионизм и его организации укрепили свои позиции, то не менее ощутимым в этот период был и рост

36 В июне 1933 г. Хаим Арлозоров был убит в Тель-Авиве. По обвинению в убийстве были арестованы А. Ахемеир — лидер ревизионистской партии и два ее члена — Ц. Розенблат и А. Ставский. Суд признал вину Ставского, но впоследствии он был оправдан Верховным судом за недостатком улик. Через несколько десятилетий мало кто сомневался в невиновности Ставского. Высказывались различные предположения о том, что ответственность за убийство Арлозорова несут гестапо, британские спецслужбы или коммунисты. В 1982 г. по распоряжению премьер-министра М. Бегина была создана специальная комиссия во главе с членом Верховного суда, но комиссия не смогла однозначно установить, кто виноват в убийстве Арлозорова.

капиталистического предпринимательства. Спрос на палестинские цитрусовые был постоянным. В 1931 г. еврейским (капиталистическим) хозяевам плантаций принадлежало 50 тыс. дунамов земли, а в 1936 г. площади плантаций выросли в три раза. Экспорт увеличился с 2,5 млн ящиков в 1931 г. до 5,9 млн в 1936 г., а число наемных рабочих-евреев — с 8 тыс. до 16 тыс. человек. К 1936 г. еврейская промышленность окрепла настолько, что смогла выйти за пределы внутреннего рынка, захватывая Египет, Левант³⁷ и Южную Африку. В то время как остальной мир погрузился в экономическую депрессию, Палестина, как ни парадоксально, вступила в период небывалого роста.

Такое развитие событий отчасти объяснялось деятельностью нового верховного комиссара Артура Уокопа, проявлявшего заботу об *ишув* и еврейском частном предпринимательстве. Однако главная причина заключалась в массовом притоке новых иммигрантов. В 1932 г. их количество возросло до 12,5 тыс. человек, в 1933 г. оно достигло 37 тыс., в 1934 г. — 45 тыс. и в 1935 г. — 66 тыс. человек. Затем были введены новые ограничения, и темпы иммиграции несколько замедлились. Тем не менее существенно, что лишь за период с 1932 по 1935 г. еврейское население Палестины удвоилось, увеличившись со 185 до 375 тыс. В эти годы ни в какую другую страну не въехало такое количество евреев. Как и раньше, большинство иммигрантов прибывало из Восточной Европы, где полуофициальная юдофобия польского и румынского правительств сделала жизнь евреев невыносимой. Однако впервые за все время значительное число переселенцев составили евреи, бежавшие из Центральной Европы от преследований нацистов. Для страны, характер которой до тех пор определялся восточноевропейскими иммигрантами, такое количество немецкоязычных евреев было совершенно новым явлением. До 1933 г. число приезжавших за год немецких, австрийских и чехословацких поселенцев никогда не превышало 2 тыс., что составляло небольшую часть общего числа иммигрантов. Затем, в 1933 г., их количество составило уже четверть всех приехавших за год, в 1934 г. — 23%, в 1935 г. — 13%, в 1936 г. — 29%, в 1937 г. — 35%, в 1938 г. — 55% и в 1939 г. — 71%. Хотя евреи из Центральной Европы численно и оставались в меньшинстве, благодаря своей культуре, профессиональным навыкам и ввезенному капиталу они придали особый характер тому, что получило название пятой *алии*.

В экономическом отношении немецкоязычные иммигранты оказались самой преуспевающей группой в истории *ишув*. В большинстве своем они усвоили сионистские идеи еще в Европе. Преданные сионизму, образованные и достаточно обеспеченные, за несколько лет они сумели встать на ноги.

37 Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Греция, Турция и др.), в более узком смысле — Сирия и Ливан.

Приблизительно четверть выходцев из Центральной Европы поселилась в деревнях. Значительная часть молодежи, входившей в сионистские движения в Европе, вступила в *кибуцы*. Среди них было и несколько тысяч человек, прибывших в Палестину в рамках Молодежной *алии* — организованного переселения еврейских детей из Германии³⁸. В *кибуцах*, в обществе сверстников им было легче приспособиться к жизни вдали от родителей. Многие иммигранты также занялись сельским хозяйством в *кибуцах* и на различных частных и кооперативных фермах. В результате еврейское сельское население возросло с 45 тыс. человек в 1931 г. до 105 тыс. в 1939 г. и составило около 27% всего *ишува*. В это время сельскохозяйственный сектор находился на подъеме. Существенную роль в этом сыграли агростанции и современные системы ирригации, созданные благодаря Еврейскому агентству, однако еще более важным фактором оказалось увеличение городского рынка сбыта. Еврейские сельскохозяйственные колонии впервые смогли продавать свои товары по ценам, окупающим затраты, и во все возрастающем количестве. В 1938 г. поселения всех типов — коллективные, кооперативные и капиталистические — давали доход. Многие оказались в состоянии начать возврат ссуд.

Однако основным результатом Пятой *алии* (как и иммиграции начала и середины 1920-х гг.) было развитие еврейских городских поселений, которые полностью преобразились и начали превращаться в города современного типа. Тель-Авив с пригородами абсорбировал не менее половины всех новых иммигрантов. Население этой “метрополии”, включая Яфо, выросло с 46 тыс. в конце 1931 г. до 135 тыс. в 1935 г. Еврейское население Иерусалима увеличилось с 53 тыс. в 1931 г. до 70 тыс. в 1935 г. В Хайфе, которую Герцль считал “городом будущего”, англичане в 1933 г. построили современный морской порт, а в 1934 г. туда был проведен нефтепровод из Мосула. Еврейское население Хайфы с 1931 по 1935 г. почти утроилось, увеличившись с 16 до 40 тыс. За то же время в Тверии и Цфате поселилось по 11 тыс. новых иммигрантов. Петах-Тиква, население которой достигло 18 тыс., в 1938 г. получила статус муниципального центра.

Развитие городов, в свою очередь, было обусловлено притоком значительных капиталов немецких евреев. Как ни парадоксально, нацисты не слишком

38 Молодежная алия — акция по спасению еврейской молодежи, в первую очередь детей, от нацистской угрозы. В 1933 г. на Восемнадцатом Сионистском конгрессе было решено создать отдел по устройству евреев-беженцев из Германии. К началу Второй мировой войны в Эрец-Исраэль было привезено более 5 тыс. детей; в 1941 г. начали прибывать дети из стран Востока (значительная часть из Сирии), причем более тысячи из них было переправлено в Эрец-Исраэль нелегально; в 1943 г. — 800 детей из Польши; в 1945–1948 гг. — более 15 тыс. детей, спасшихся от Катастрофы в Европе. Общая численность молодежи, прибывшей в Эрец-Исраэль в рамках Молодежной алии в 1934–1970 гг., составила 124 702 человека.

противились перемещению еврейских денег в Палестину. В соответствии с соглашением между германским Министерством иностранных дел и Еврейским агентством, евреи, эмигрируя из рейха, могли вывезти часть своих капиталов в виде немецких товаров³⁹. Приобретенная таким образом собственность перевозилась в Палестину и продавалась там. В результате немецкие евреи привезли с собой не только знания и опыт в области бизнеса, промышленности и различных профессий, но и капитал, составляющий 63 млн палестинских фунтов. Вложение этих денег в торговлю и промышленность привело к заметному расширению производства, особенно в области металлообработки, а также текстильной и химической индустрии. Число промышленных фирм возросло с 6 тыс. в 1930 г. до 14 тыс. в 1937 г. За тот же период число наемных рабочих выросло с 19 до 55 тыс. О темпах развития можно судить по тому, что с 1931 по 1939 г. промышленное потребление электроэнергии, которую обеспечивала Палестинская электрическая корпорация, увеличилось в семь раз. За то же время другая крупнейшая компания Палестины — Палестинская поташная компания — вшестеро увеличила объем добычи на Мертвом море, в стоимостном выражении — с 70 до 428 тыс. палестинских фунтов. В середине 1930-х гг. были все основания с оптимизмом смотреть в экономическое будущее *ишува*, связанного с Европой и Азией торговыми отношениями и новыми морскими и авиационными линиями.

Обострение политической борьбы в сионистском движении

Следовало ожидать, что развитие капиталистического предпринимательства в Палестине окажет значительное влияние на политическую жизнь *ишува*. И действительно, стремительный рост ревизионистских настроений в 1920-х и 1930-х гг. явно отражал тенденцию к правому уклону в идеологии. Однако возмущение, вызванное убийством Арлозорова, и предположение, что в этом замешаны ревизионисты, существенно подорвали репута-

39 Соглашение между германским Министерством иностранных дел и Еврейским агентством было заключено в 1933 г. Было создано агентство *Га-Авара*. Выезжающие, сдав все свои деньги агентству *Га-Авара*, получали от него 1000 палестинских фунтов для въезда в Палестину на правах капиталистов. Агентство *Га-Авара* покупало немецкие товары и переправляло их в Палестину, где после продажи их репатрианты получали деньги. Деятельность *Га-Авара* подвергалась критике, как в Палестине, так и со стороны еврейских организаций во всем мире, как подрывающая антинацистский бойкот. В то же время это помогло многим евреям покинуть нацистскую Германию и способствовало развитию хозяйства Палестины.

цию этого движения в *ишuve*. После смерти Арлозорова социалистические партии укрепили свой контроль над общественными учреждениями *ишuve* и над Сионистской организацией. У нерелигиозных и не настроенных социалистически евреев оставалась только одна возможность — центристская позиция общих сионистов⁴⁰. В диаспоре большинство сионистов по-прежнему принадлежало к среднему классу, и именно их голоса в совокупности с голосами *ишuve* определяли состав конгрессов, на которых избирали членов Еврейского агентства. А в 1930-х гг. Еврейское агентство играло в самоуправлении *ишuve* более важную роль, чем Собрание депутатов.

В качестве партии сионизм среднего класса и среднего, центристского направления в политике на протяжении десятилетий не выступал на Сионистских конгрессах и не имел собственной четко выраженной позиции. В это течение, не имевшее специфических черт, кроме преданности идеям сионизма как такового, входили те члены организации, которые не принадлежали к какой-либо определенной идеологической группировке, будь то *Мизрахи*, *Поалей Цион* или ревизионисты. Вне всякого сомнения, к сионистам центристского толка принадлежали Вейцман, Соколов, Брандаиз и другие лидеры — люди, одержавшие в военный и послевоенный периоды великие политические победы, включая Декларацию Бальфура и решение относительно еврейского национального очага. На Двенадцатом Сионистском конгрессе в 1921 г. сионисты центристского направления составляли 73% делегатов, в то время как социалисты — 8%, а *Мизрахи* — 19%. Однако дальнейшие события показали, что на Двенадцатом конгрессе влияние общих сионистов достигло своего апогея. В последующие годы идеологический и численный перевес принадлежал уже не им, а социалистам, ревизионистам и религиозным сионистам. Общие сионисты пренебрегли возможностью сплотиться в активно действующую партию с четко сформулированной программой, вследствие чего на более поздних конгрессах это движение переживало явный упадок. Так, в 1923–1925 гг. число его представителей среди делегатов снизилось до 60%, а в 1931 г. — до 36%. Еще важнее то, что у общих сионистов не оказалось достаточной опоры в *ишuve*. Они ограничивались тем, что поддерживали *Керен га-Йесод* и Еврейский национальный фонд, сионистскую школьную сеть и культурные учреждения диаспоры. Достижения общих сионистов в Палестине в сравнении с успехами социалистов выглядели не блестяще, особенно потому, что это направление не пыталось создать собственную идеологическую доктрину.

⁴⁰ Общие сионисты — либеральное крыло в мировом сионистском движении, возникшее в 1907 г. в рамках Всемирной сионистской организации и объединившее подавляющее большинство ее членов, не принадлежавших ни к одной из двух сложившихся политических фракций: *Мизрахи* (религиозной) и *Поалей Цион* (социалисты). В Эрец-Исраэль общие сионисты впоследствии сформировали Либеральную партию.

Поражение 1931 г. показало центристам, что пора укреплять свои позиции. В том же году они включились в политическую борьбу и основали в Базеле Всемирный союз общих сионистов. Это дало лишь отрицательный эффект: участники учредительного съезда не сумели прийти к согласию относительно идеологических установок. Вскоре после того, как Второй конгресс Всемирного союза общих сионистов в 1935 г. поддержал программу, направленную против социалистического сионизма, организация распалась, и вместо нее возникли две новые: консервативное крыло сохранило прежнее название, а либералы назвали свою ассоциацию Конфедерацией общих сионистов; однако в Палестине она получила название “общие сионисты “А””. Общие сионисты “А” привлекли к себе недавних иммигрантов из Центральной Европы, которых устраивала возможность отмежеваться от социалистов, не примыкая к чрезмерно радикальным ревизионистам. Однако в 1936 г. группировка “А” в Палестине едва насчитывала 6 тыс. членов. Правда, она пользовалась признанием как партия Вейцмана, и три ее члена заседали в “правительстве” *ишува* — исполнительном комитете Еврейского агентства. Вторая, консервативная фракция, с 1935 г. была известна в Палестине как “общие сионисты “Б””. Отвергая экстремизм и правый уклон экономической доктрины ревизионизма, группировка “Б” сосредоточилась на защите частного предпринимательства. С нею были связаны Федерация фермеров (капиталистической направленности) и Палестинская ассоциация промышленников. Однако фракция “Б” была еще меньше, чем либеральная фракция “А”, и в исполнительном комитете Еврейского агентства ее представлял один человек. Общие сионисты “Б” не проявили особой активности в политической сфере ни в Палестине, ни на Сионистских конгрессах.

У не принадлежащей к религиозным кругам буржуазии *ишува* почти не оставалось выбора. Религиозный сионизм, представленный *Мизрахи*, казался наименее привлекательным. Это движение, несомненно, приобрело влияние с начала XX в., когда первые раввины *Мизрахи* решили примкнуть к сионизму. В 1920-х и 1930-х гг. многие иммигранты-традиционалисты стали убежденными последователями почитаемого главного раввина Палестины Авраама Кука⁴¹. Однако, если сам Кук был человеком подлинной святости

41 Кук Авраам-Ицхак га-Коѓен (1865–1935) — раввинский авторитет и мыслитель. С 1904 г. жил в Эрец-Исраэль; раввин Яфо и практически всего нового *ишува*. Солидаризировался с сионистским движением, но одновременно энергично выступал против антирелигиозных настроений части молодых *халуцим*. В 1919 г. был назначен главным раввином Иерусалима, с 1921 г. — первый Верховный ашкеназский раввин Эрец-Исраэль. Кук развил религиозно-философскую концепцию сионизма и его роли в еврейской истории. Он считал, что возвращение еврейского народа в Эрец-Исраэль означает начало избавления. Кук верил, что возвращение еврейского

и колоссального ума, его сторонники отнюдь не проявляли свойственной ему терпимости по отношению к неверующим. Кроме того, они использовали сионистские учреждения для того, чтобы навязывать свои взгляды другим. В результате как в Палестине, так и на Сионистских конгрессах от *Мизрахи* отвернулись все, кроме самых фанатично верующих.

Политические интриги были свойственны и другой партии — *Агудат Исраэль*⁴². В ее состав входили самые крайние религиозные ортодоксы, в том числе и хасиды, проживавшие в Иерусалиме в Старом городе и в районе *Меа Шеарим*, а также в Тель-Авиве, Бней-Браке и Петах-Тикве. В XIX-м и начале XX в. они существовали за счет *халуки* и с презрением отвергали участие в сионистском движении. В 1927 г. они добились от мандатной администрации признания их особого статуса вне организованной тогда *кнесет Исраэль* (еврейской общины Эрец-Исраэль). Очевидно, жизнь, выходящая за пределы семьи и синагоги, их не интересовала.

Расколы партий были обусловлены не только идеологическими разногласиями и многовековой склонностью евреев к раздорам из-за мельчайших расхождений в доктринах, но и внутренним устройством Сионистской организации. На протяжении многих лет складывались традиции проведения конгрессов. Система выборов становилась все сложнее: сохранялся отживший метод голосования не за отдельных кандидатов, а по спискам, представленным международными сионистскими партиями, с последующим пропорциональным представительством. Метод этот не допускал выражения индивидуальных предпочтений, связанных с конкретными кандидатами. Центральные комитеты партий бдительно контролировали и выдвижение своих представителей в списки, и чистоту идеологических догм. Политическая жизнь усложнялась также и тем, что сионисты Палестины, участвуя в выборах, имели по два голоса. С течением времени это обстоятельство дало лидерам партий *ишува* возможность занять доминирующие позиции на конгрессах.

Еще важнее было то, что партийные интересы самым пагубным образом влияли на политическую жизнь *ишува*. Особенно страсти накалялись в связи

народа должно быть по своей сути религиозным, ибо только в стране Израиля еврейский народ сможет жить полной религиозной жизнью. Его идеи оказали значительное влияние на развитие религиозно-сионистской идеологии.

42 *Агудат Исраэль* — всемирное еврейское ультраортодоксальное движение, образованное в 1912 г. Движение *Агудат Исраэль* оказывало последовательное сопротивление любым попыткам возрождения еврейского государства на “Святой земле без “Божественного” вмешательства”. Возрождение иврита как светского языка казалось членам движения святотатством. Политика *Агудат Исраэль* по отношению к сионизму начала меняться после прихода нацистов к власти в Германии. После Катастрофы движение *Агудат Исраэль* поддержало требования сионистов о создании еврейского государства. После образования Государства Израиль представители движения были представлены в *кнесете* и входили в правительство.

с проблемой иммиграции. Напомним, что мандатные власти определяли количество иммигрантов различных “категорий” (капиталисты, земледельцы, наемные рабочие и т. п.), а Еврейское агентство должно было распределять сертификаты на въезд в Палестину в Европе и за ее пределами. Это распределение и вызывало жесточайшую борьбу между партиями, каждая из которых имела квоту в соответствии с ее влиянием в Сионистской организации и особенно — в Палестине. Фракционная борьба за иммиграцию определяла все аспекты жизни потенциального переселенца. От нее зависело не только то, как и когда он приедет в Палестину, но и какова будет его дальнейшая судьба в *мишве*. Ибо и на Святой земле от партий зависела почти вся жизнь общества. Они контролировали *кибуцы*, *мошавы*, рабочие места в городах, в *Гистадруте* и даже в аппарате мандатной администрации. Под их контролем находились три основные системы школ и банки. В сущности, партии представляли замкнутые и соперничающие друг с другом сообщества, во власти которых была вся жизнь палестинского еврея — от колыбели до могилы.

Национальный очаг с трудом выдерживал этот накал политических страстей. В 1933 г., когда наступила кульминация мирового экономического кризиса, а в Германии пришел к власти Гитлер, Сионистская организация осознала, какие возможности она упустила. Сионизм по-прежнему оставался движением меньшинства в диаспоре. Денег, поступавших от *Керен Эц-Иесод* и Еврейского национального фонда, явно не хватало. Палестинский бюджет, принятый конгрессом, — 175 тыс. палестинских фунтов — оказался самым маленьким за всю историю мандата. Чаяния Вейцмана, надеявшегося в 1929 г., что расширенное Еврейское агентство сумеет мобилизовать все ресурсы мирового еврейства, явно не оправдались. Через несколько дней после создания агентства Луи Маршалл, председатель его совета, на которого возлагались надежды как на защитника интересов агентства в Соединенных Штатах, скоропостижно скончался. Без его руководства и престижа фонды “Джойнта” и деньги еврейских филантропов, входивших в американский истеблишмент, были недоступны. Хуже того, к категории несионистских членов агентства начали причислять всех тех, кто не был официальным представителем какой-либо сионистской партии или учреждения. В такой ситуации Еврейское агентство вместо того, чтобы обеспечить возможность подлинного сотрудничества между мировым еврейством и сионизмом, вновь очутилось в руках людей, жесткие идеологические установки которых определяли их позицию.

Как ни мрачно обстояли в 1930-х гг. дела сионистов в организационном плане, все же можно было заметить и проблески надежды. В Европе и в Соединенных Штатах разрастались сионистские молодежные движения всех партий и направлений. В рамках этих движений особый упор делался на эмиграцию в Палестину, создание *кибуцев* и других сельскохозяйственных

поселений. В Польше и прибалтийских государствах усилиями сионистов была создана сеть ивритских школ *Тарбут* — таким образом, сбылась мечта Бен-Йегуды. Более того, организационные просчеты сионизма не скомпрометировали в глазах мирового еврейства значимости впечатляющих достижений *ишува*. Свобода, физическое и духовное пробуждение, чувство собственного достоинства, уверенность в себе — все это пришло вместе с возрожденным национальным чувством. Оно заставляло чаще биться сердца польских евреев в лапсердаках и пробуждало симпатии у выходцев из Восточной Европы, обосновавшихся в Америке. Бухарестский школьник, бруклинский портной, разочаровавшийся в жизни венский интеллигент — все они не остались безразличны к новому образу еврея, покрытого бронзовым загаром, говорящего на собственном языке — иврите, вспахивающего собственное поле, крепко держащего в руках винтовку, поющего свой национальный гимн, говорящего громким голосом и не придавленного страхом. Реальные достижения вызвали у евреев диаспоры надежды и тревожили воображение, они нашли выход в постепенном, порой робком, возрождении еврейской народной музыки и театра, живописи и литературы, даже еврейского религиозного самовыражения. Накануне Второй мировой войны уже можно было сказать, что мечта Ахад га-Ама о нравственном возрождении диаспоры относится не только к отдаленному будущему.

Глава IX.

Отступничество Великобритании

Вмешательство стран Оси

Военная мощь Великобритании на Ближнем Востоке в 1920-х и 1930-х гг. была велика. Англичане со всей серьезностью относились к своим мандатным обязательствам в том, что касалось стремления их арабских подопечных к независимости. Так, в 1930 г. они заключили с багдадским правительством короля Фейсала договор, предоставляющий юридический суверенитет Ираку при сохранении на его территории британских военных баз. Точно так же Абдаллаху, ставшему в 1922 г. эмиром Трансиордании, было позволено создать собственное правительство и в перспективе обещана независимость. Египет, оккупированный англичанами в 1882 г., в 1922 г. формально обрел независимость, а в 1936 г. был подписан Договор о прекращении оккупации Египта. В соответствии с ним британская армия сократила численность находившихся там гарнизонов. В 1935–1936 гг. примеру Англии последовала Франция, заключив договоры с правительствами Сирии и Ливана. Однако и англичане, и французы поступили подобным образом, не просто следуя своим юридическим обязательствам. Не в меньшей степени на их решения влияло давление арабских и египетских националистов. Рост национализма временами приводил к вспышкам насилия, которые не только угрожали прочному положению Англии и Франции на Ближнем Востоке, но и могли быть на руку европейским противникам этих государств.

Италия, выступавшая против англичан и французов, стремилась “исправить несправедливость” Парижской мирной конференции и распространить свое влияние на все Средиземноморское побережье. Надо сказать, что после 1935 г. эти имперские амбиции стали вполне реальными. Укрепив-

шись в Африке — в Ливии, Эфиопии и итальянском Сомали, Муссолини начал подумывать о французском Тунисе на западе и Египте и Леванте на востоке. Некогда в эти края приходили торговые суда из Венеции, Генуи и Триеста. Каждый вечер расположенная в Бари мощная коротковолновая радиостанция вела на арабском языке пропагандистские передачи, предназначенные для стран Магриба¹ и Ближнего Востока. Они были полны нападок на английские и французские оккупационные власти в арабских государствах. Выступая в качестве “друга и защитника ислама”, дуче в то же время ясно давал понять, что считает Средиземное море “итальянским”.

Стремление Италии заручиться влиянием в мусульманском мире всячески поддерживалось нацистской Германией. Гитлер, в сущности, не пытался распространить свои территориальные претензии на Восточное Средиземноморье. Считалось само собой разумеющимся, что Ближний Восток включен в сферу итальянской экспансии. Однако в планы фюрера входил подрыв англо-французского влияния в регионе, который традиционно считался сферой влияния Франции и Великобритании. Поэтому уже в 1935 г. нацистское Министерство пропаганды субсидировало различные курсы, институты и журналы, посвященные Ближнему Востоку, вкладывая миллионы марок в “просветительскую” деятельность немецких пресс-атташе и советников по культуре в исламских столицах. В 1938 г. немцы открыли радиостанцию для пропагандистского вещания на страны Ближнего Востока на всех языках этого региона — разумеется, за исключением иврита. Как и передачи итальянской станции в Бари и испанской в Севилье, немецкая программа имела большой успех в арабском мире. С одобрением встречали арабы и известных нацистов, приехавших на Ближний Восток с “визитами доброй воли” — среди них были, между прочим, д-р Яльмар Шахт и Бальдур фон Ширах².

- 1 Магриб (*араб.* букв. “запад”) — регион в Северной Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко, Ливию, Мавританию и территорию Западной Сахары, образующие вместе Большой Магриб, или Арабский Запад. В Средние века понятие “Магриб” включало в себя также мусульманскую Испанию (Андалузию) и другие владения бывшего Арабского халифата в западной части Средиземного моря.
- 2 Шахт Яльмар (1877–1970) — банкир и государственный деятель в нацистской Германии. С 1916 г. — директор Национального банка, в 1923–1930 гг. — президент рейхсбанка. С 1930 г. установил тесные связи с нацистским движением и помогал Гитлеру в сближении с промышленно-финансовой элитой Германии. В 1933–1937 гг. Шахт был президентом рейхсбанка и министром экономики, в 1933–1943 гг. — министром без портфеля. В 1946 г. предстал перед международным трибуналом, но на процессе был оправдан; в том же году немецкий суд в Штутгарте приговорил Шахта к восьми годам заключения. В 1948 г. был досрочно освобожден.
Ширах Бальдур фон (1907–1974) — руководитель молодежного движения в нацистской Германии. Вступил в нацистскую партию в 1925 г. С 1928 г. возглавлял “Национал-

Пропагандисты из стран Оси достигли особого успеха, прибегнув к идеологическому трюку. Немецкие журналисты и дипломаты неустанно проводили параллель между пангерманскими идеями нацистов и “молодыми силами панарабского национализма, [который] является залогом арабского будущего”. Еще важнее было то, что арабам постоянно напоминали о врагах, которые были в то же время и врагами нацистов. Даже в середине 1930-х гг., когда Берлин проявлял известную сдержанность и не слишком явно обнаруживал свою неприязнь к Англии и Франции, немецкие дипломаты открыто вели нацистскую кампанию, направленную против евреев. Практически все газеты и журналы на арабском языке, издававшиеся немцами на Ближнем Востоке, пестрели антисемитскими выпадами. Выдержки из этих изданий широко распространялись Верховным арабским комитетом под руководством муфтия. Когда в 1935 г. в Германии были введены Нюрнбергские законы³, Гитлер получил поздравительные телеграммы и хвалебные послания со всех концов арабского мира. Палестинская газета “Аль-Лива” не замедлила позаимствовать у нацистов их лозунг: “Одна страна, один народ, один вождь”. Ахмед Хусейни, лидер “младоегипетского” движения, заявлял, что “сегодня в Европе подлинными демократиями являются только Италия и Германия, все прочие — всего лишь парламентские плутократии”. Делегация иракских спортивных клубов, вернувшись в сентябре 1937 г. домой после поездки в Германию, выразила искреннее восхищение “национал-социалистическим порядком и дисциплиной”. Карл Расван, известный журналист немецкого происхождения, в 1939 г. побывал в Трансиордании и был поражен почти полным единодушием арабов, говоривших ему, что “Италия и Германия сильны, а Англия, да и вся Британская империя существуют лишь с согласия Муссолини и Гитлера”. На Ближнем Востоке одна за другой появлялись ультраправые политические группировки и партии, сознательно взявшие за образец нацизм и итальянский фашизм.

социалистический немецкий студенческий союз”. В 1931 г. Гитлер назначил его главным молодежным руководителем при нацистской партии. В июле 1933 г. Ширах назначен “рейхсюгендфюрером” — имперским руководителем немецкой молодежи. В 1941–1945 гг. он был нацистским гауляйтером в Вене, активно участвовал в депортации австрийских евреев в лагерь смерти; на Нюрнбергском процессе был приговорен к 20 годам заключения.

- 3 Нюрнбергские законы — два антиеврейских законодательных акта (под общим названием “Основные законы”): “Закон о гражданстве рейха” и “Закон об охране германской крови и германской чести”, провозглашенные по инициативе Гитлера 15 сентября 1935 г. на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге и единогласно утвержденные сессией рейхстага, созванной тогда же в Нюрнберге. На основании законов и поправок к ним евреи были лишены немецкого гражданства, запрещались брак и внебрачное сожитие между евреями и “гражданами германской или родственной ей крови”.

Накануне арабского восстания

Ирония судьбы заключалась в том, что нацистская Германия, взявшая на себя роль покровительницы арабского мира и вдохновительницы арабского национализма правого толка, невольно способствовала развитию и укреплению сионизма в Палестине. По мере того как росло преследование евреев в Германии, росла и еврейская эмиграция в Палестину и другие страны. Решающее значение в ее организации сыграли сионистские учебные центры по приему беженцев, однако неожиданным образом исходу содействовало и правительство рейха. Напомним, что в силу уникального в своем роде соглашения евреи, эмигрируя из Германии, могли вывезти отсюда свои сбережения в виде немецких товаров, которые они затем продавали в Палестине. Необычное и по своим причинам, и по целям экономическое сотрудничество между рейхом и евреями Палестины окрепло и оказалось обоюдовыгодным. Хотя некоторые чиновники германского Министерства иностранных дел и выражали недовольство такими отношениями, нацистское руководство по-прежнему положительно смотрело на любые действия, которые могли ускорить эмиграцию евреев из страны. Так и получилось, что Адольф Эйхман⁴, эсэсовец, ответственный за еврейскую эмиграцию, не отказывал в помощи представителям сионистов из Палестины. Когда они попросили разрешения открыть учебные лагеря, где будущие эмигранты смогли бы пройти профессиональную подготовку, Эйхман охотно предоставил им помещения и оборудование.

Напомним, что Германия была не единственной страной, откуда вынуждены были уехать десятки тысяч евреев. Безобразный государственный антисемитизм процветал и в странах Восточной Европы, возникших после Первой мировой войны. В 1939 г., когда “Великую Германию” покинуло 275 тыс. евреев, примерно такое же число их бежало из Польши, Венгрии и Румынии. Во многих государствах были установлены жесткие иммиграционные квоты и ограничения, поэтому не менее трети еврейских беженцев

4 Эйхман Адольф (1906–1962) — военный преступник, глава специального отдела гестапо по еврейским делам, который занимался “окончательным решением еврейского вопроса”. С 1933 г. член Национал-социалистической партии Австрии. В 1934 г. поступил на службу в главное управление СД. После создания в Берлине в 1939 г. Главного управления имперской безопасности Эйхман возглавил еврейский отдел гестапо, которое стало составной частью нового учреждения. Осуществлял центральное руководство всеми депортациями евреев в лагеря смерти, играл активную роль в проведении Ванзейской конференции и реализации ее решений. После войны был арестован, но не был опознан и бежал. С 1950 г. Эйхман находился в Аргентине. В мае 1960 г. он был выслежен, схвачен агентами израильской разведки *Мосад* и тайно доставлен в Израиль. В апреле 1961 г. предстал перед судом, приговорившим его 15 декабря 1961 г. к смертной казни.

направилось в Палестину. Неудивительно, что эта волна еврейской иммиграции в Святую землю во второй половине 1930-х гг. стала главной причиной новых арабских волнений. Даже наиболее сдержанные и здравомыслящие арабские лидеры заявляли в 1936 г., что обязательство способствовать созданию еврейского национального очага уже выполнено Великобританией. Этот очаг, несомненно, существует, говорили они, поскольку почти 400 тыс. евреев располагают своей системой самоуправления, школами, университетами, больницами, культурными центрами, клубами и ассоциациями. Не пора ли, вопрошали критически настроенные арабы, вообще покончить с палестинским мандатом? Ирак, Египет, Сирия, Ливан получили независимость, даже в Трансиордании создано нечто вроде независимого правительства. Разве Палестина с ее арабским большинством не имеет на это права?

Яркими выразителями недовольства стали молодые арабские писатели Палестины, получившие образование уже во времена мандата. Некоторые из них были родом из Наблуса⁵, небольшого города, жители которого — преимущественно мусульмане — при турках имели исключительно выгодные условия для развития промышленности; это привело к возникновению значительной прослойки националистически настроенных буржуа. В 1930-х гг. самый выдающийся из писателей националистического толка, Мухаммед Иззат Дарваза, был директором средней школы, а позже вошел в состав Верховного арабского комитета. Писатели Мухаммед Рафик аль-Тамини и Кадри Хафиз аль-Тукан, выходцы из Наблуса, служили учителями в частных школах, Ареф аль-Ареф был скромным чиновником в мандатном учреждении. Все они писали злобные антиссионистские памфлеты, имевшие значительный успех. В арабском мире никто, пожалуй, не мог сравниться с ними по плодовитости и литературным достоинствам их журналистской деятельности. К этой группе примыкали более молодые писатели — Мухаммед Юсуф аль-Хусейни (из знаменитого клана Хусейни) и Хасан Сидки аль-Даджани. Все их сочинения объединял один призыв — сплотиться в борьбе против сионистов и их покровителей-англичан и начать священную войну в Палестине, джихад палестинских арабов.

В результате беспрецедентной по размаху пятой *алии* страсти разгорелись с новой силой. В статье, опубликованной в “Интернешнл эфээрз”, палестинский христианин, юрист и журналист Эмиль Гори так выразил суть недовольства, царившего среди арабов:

5 Наблус (*араб.* Шхем, в русской традиции Сихем) — древний хаананский, впоследствии израильский город в Самарии. В настоящее время подавляющее большинство жителей Шхема — арабы-мусульмане. В 1995 г. в соответствии с Норвежскими соглашениями город был передан под контроль Палестинской автономии.

“В 1918 г. мы, арабы, составляли 93% населения Палестины. К счастью, мы выросли численно, но в 1936 г. мы составляем лишь 70% населения. В 1918 г. евреев было 7%, а теперь — 29%... Если еврейская иммиграция будет продолжаться, мы рискуем превратиться в меньшинство, что противоречит статье Шестой [постановления Лиги Наций о предоставлении мандата]”.

Арабские лидеры остро реагировали на публичные высказывания ряда воинствующих сионистов, в том числе Усышкина. “Конечно, я считаю, что евреи и арабы могут прийти к соглашению, — писал Усышкин в 1936 г., — но только если поставить арабов перед свершившимся фактом того, что евреи перестали быть меньшинством в стране”. Схожее мнение Бен-Гурион высказывал Мусе аль-Алами. Разумеется, воплощением зла в глазах арабской интеллигенции был Жаботинский, который открыто требовал создания в Палестине (включая Трансиорданию) еврейского государства. Это вывело из себя даже самых умеренных арабских деятелей, опасавшихся всепоглощающего вала еврейской иммиграции.

Напомним, что несколькими годами ранее доклады Шоу и Хоуп-Симпсона в 1929 г. и Белая книга в 1930 г. только подкрепили эти опасения. Даже по завышенным оценкам арабов, евреи владели в Палестине всего лишь 20% пригодной для сельского хозяйства земли (по утверждению сионистов — менее чем 5%). Но арабы признавали лишь то, что бросалось в глаза, а видели они, что евреи покупают все новые и новые участки, что арабские феллахи все чаще перебираются в города. Видели они и какой высокой производительности достигло еврейское сельское хозяйство. Для араба семейный надел обладал почти мистической ценностью — и вот земель у арабов становится все меньше! Однако ненависть к сионистам была вызвана не только страхом перед увеличением еврейского населения и расширением его землевладения. В не меньшей степени она представляла собой реакцию на то деморализующее воздействие, которое еврейские социальные модели оказывали на традиционный арабский уклад. Карл Расван так передает эмоциональный монолог арабского крестьянина:

“Деньги — вот Бог [в Тель-Авиве]... Неужели вся Палестина когда-нибудь станет такой, и даже Святой город Иерусалим?.. Тель-Авив — это язва, разъедающая нашу страну. Если евреи хотят сделать такой всю Палестину, пусть лучше умрут мои дети. Мы не боимся бедности, но когда нас лишают покоя, мы скорбим. Мы жили скромно и без тревог, но что нам делать, если наши дети вырастут и начнут, как обезьяны, подражать этим шумным пришельцам?”

В 1936 г. под влиянием немецкой и итальянской пропаганды страх и ненависть, раздуваемые религиозными ксенофобами — сторонниками муфтия,

вырвались наружу. Арабская пресса Палестины утверждала, что англичане разрешают евреям въезд в Святую землю, чтобы “столкнуть арабов в море и покончить с ними”, что сионисты подстрекают к убийствам, нападениям на арабских женщин и разорению мечетей.

Напряжение еще более усилилось, когда вновь — и весьма несвоевременно — был поднят вопрос об управлении страной. В декабре 1935 г. верховный комиссар сэр Артур Уокоп предпринял новую попытку создать законодательные органы, в которые вошли бы арабы и евреи под беспристрастным руководством председателя, назначенного мандатными властями. На первый взгляд идея казалась вполне здравой, поскольку уже в течение ряда лет действовали объединенные арабско-еврейские муниципальные советы. Однако муфтий и его приверженцы категорически отвергли этот план. Для них была неприемлема сама мысль о том, что к управлению Палестиной будут допущены евреи. Евреи тоже были не в восторге от этого плана, так как опасались, что арабы наложат свое вето на создание еврейского национального очага. Вейцман со своими коллегами повел борьбу против идеи Уокопа в Лондоне и в Иерусалиме и весьма в этом преуспел. Зимой 1936 г. возражения сионистов прозвучали в британском парламенте, подвергшем план законодательного совета резкой критике. Сионистов поддержала и мандатная комиссия Лиги Наций. Несмотря на предшествующие возражения, арабы пришли в ярость от того, что в Лондоне и Женеве опять, как всегда, прислушались не к их заявлениям, а к протестам евреев: очевидно, сионисты в 1936 г. так же сумели заручиться могучими союзниками, как и в 1930 г., когда премьер-министр Макдональд дезавуировал Белую книгу Пасфида. Пользуясь моральной и идеологической поддержкой стран Оси и видя, что в Европе Великобритания занимает сугубо оборонительные позиции, последователи муфтия решили, что сейчас представляется самый удобный случай нанести сионистам ответный удар.

Арабское восстание начинается

Первые неорганизованные вспышки насилия произошли в апреле 1936 г. Арабские бандиты остановили автобус и убили двух пассажиров-евреев. На следующую ночь в отместку были убиты два араба. После этого сторонники воинственного шейха Фархана ас-Саада начали уничтожать принадлежащую евреям собственность, разорять посевы и убивать мирных граждан. В ответ британские власти ввели в городах Палестины комендантский час и прибегли к другим чрезвычайным мерам. Этот взрыв насилия был на руку муфтию. Финансовые возможности Хадж Амина

были очень велики — годовой доход за счет различных фондов в 1936 г. составил почти 115 тыс. палестинских фунтов. Теперь бо́льшая часть этих денег была предоставлена представителям муфтия и зачинщикам беспорядков, которые начали активно действовать по всей стране, в мусульманских городах и селах. 25 апреля по инициативе и под председательством муфтия лидеры нескольких палестинских кланов создали Верховный арабский комитет. Комитет поддержал призыв муфтия не платить налогов после 15 мая и провести общепалестинскую забастовку арабских рабочих и предпринимателей. Англичане поначалу решили не прибегать к карательным мерам в ответ на столь явное посягательство на их власть. Более того, верховный комиссар Уокоп готов был начать переговоры с муфтием и комитетом.

Сдержанность Уокопа не дала желаемого результата. Хадж Амин потребовал, чтобы англичане немедленно прекратили еврейскую иммиграцию, угрожая при этом “мстью всемогущего Аллаха”. За первыми вспышками насилия последовала массовая забастовка в знак протеста против иммиграционной политики властей. Она продолжалась около шести месяцев. Эта забастовка, организованная подручными муфтия, парализовала работу правительственных учреждений и транспорта, а также всего арабского частного сектора и, в значительной степени, сельского хозяйства. Как ни парадоксально, одним из прямых следствий забастовки было развитие еврейской экономики. Впервые на цитрусовых плантациях арабских рабочих заменило значительное число евреев, а еврейская сельскохозяйственная продукция вытеснила с рынков арабскую. С другой стороны, бремя забастовки все сильнее сказывалось на положении самих арабов.

К середине лета 1936 г. борьба разгорелась с новой силой: арабские террористы появились в окрестностях Иерусалима, в Галилее и Самарии. В большинстве своем это были местные жители, завербованные агентами Хадж Амина, однако вскоре в соседних арабских странах были созданы “Комитеты в защиту Палестины”. Каждый месяц из Сирии и Ирака прибывало по 200–300 добровольцев. В последовавшем арабском восстании главную роль сыграл Фаузи аль-Каукджи. Он родился в Алеппо, во время Первой мировой войны служил в турецкой армии, а затем недолгое время работал на французскую разведку в Сирии. Однако, когда в 1925 г. в Сирии вспыхнул мятеж, Каукджи неожиданно переметнулся к повстанцам.

После подавления восстания он бежал и некоторое время находился на службе в иракской армии. Теперь, в 1936 г., решив выступить в роли арабского Гарибальди, Каукджи взялся за организацию палестинского восстания. Когда началась гражданская война, ему едва перевалило за сорок. Это был невысокий светловолосый человек, открыто подражавший своему кумиру Адольфу Гитлеру. Летом 1936 г. Каукджи организовал военную подго-

товку арабских националистов и создал объединенное командование разрозненными силами повстанцев. Он же налаживал контрабанду оружия из стран Оси. Его партизанская тактика была довольно проста: заключалась она в ночных набегах на еврейские поселения, уничтожении посевов и скота и в убийствах жителей.

Муфтий сделал ставку на вооруженное восстание за неимением лучшего решения — в результате забастовки палестинские арабы оказались в тяжелом положении, из которого требовалось найти выход. Прошло почти полгода с тех пор, как они прекратили работать, и даже ресурсы среднего класса истощились. Верховному комитету нужно было найти предлог, чтобы без ущерба для своего авторитета прекратить забастовку. На помощь пришли мандатные власти. Сначала они обратились с просьбой о посредничестве к трансйорданскому эмиру Абдаллаху. К сожалению, в глазах муфтия хашимитский владыка был скомпрометирован своей зависимостью от англичан и дружескими связями с сионистами. Сторонники муфтия уже несколько раз организовывали на него покушения. Тогда англичане решили обратиться к иракскому правительству. Это дало некоторые результаты. Министр иностранных дел Ирака Нури ас-Сайд в конце июля 1936 г. приехал в Иерусалим и убедил членов Верховного арабского комитета вступить в переговоры с мандатными властями. На их решение повлияло и то, что Укоп намекнул на возможность применения военной силы со стороны Великобритании. Это была не пустая угроза. В то время в Палестине было размещено 20 тыс. английских солдат, и еще 10 тыс. должны были прибыть в скором времени.

Чтобы подсластить пилюлю, верховный комиссар объявил, что после прекращения восстания и забастовки в Палестину прибудет из Англии для расследования комиссия, и Верховный арабский комитет сможет представить свои жалобы на рассмотрение в соответствующие инстанции. Эта информация была передана муфтию правителями соседних арабских стран, которые убеждали его довериться “доброй воле дружественного британского правительства, которое заявляет о своем стремлении к справедливости”. Предложение было принято. 11 октября Верховный арабский комитет призвал к прекращению забастовки. На следующий день арабы приступили к работе. Отрядам повстанцев, к тому времени основательно потрепанным англичанами, было разрешено беспрепятственно покинуть Палестину. Фаузи аль-Каукджи отбыл в Трансиорданию. С организованными действиями террористов было покончено. За время восстания в Палестине число пострадавших достигло 1300 человек. Было убито 197 арабов, 80 евреев и 28 английских солдат. Убытки палестинских налогоплательщиков от беспорядков, продолжавшихся полгода, составили почти 6 млн фунтов.

Комиссия Пиль

11 ноября 1936 г. Королевская комиссия прибыла в Палестину. Ей было поручено выяснить причины волнений, расследовать жалобы арабов и евреев и дать рекомендации на будущее. Все шесть членов комиссии были заслуженными людьми. Председатель, лорд Роберт Пиль, внук выдающегося английского политика XIX в.,⁶ ранее занимал пост министра по делам колоний. Высокому, любезному, внушающему уважение Пиллю было в то время семьдесят лет. Во время заседаний он неизменно сохранял присутствие духа. Вице-председатель, сэр Рамболд, был английским верховным комиссаром в Константинополе, а затем — послом в Берлине. В комиссию входили профессиональные дипломаты и опытные юристы, однако особым влиянием пользовался единственный ученый в составе комиссии — д-р Реджиналд Купленд, специалист в области истории колоний, профессор Оксфорда.

Хотя сионистов вовсе не радовало то, что их национальным очагом займется еще одна Королевская комиссия (слишком горькими были их воспоминания о предшествующих комиссиях Шоу и Хоуп-Симпсона), они согласились сотрудничать с Пилем. В отличие от них, Верховный арабский комитет решил из стратегических соображений бойкотировать заседания. Комиссия мужественно перенесла этот удар. С первого дня она начала собирать подробные показания свидетелей — англичан и евреев. За два месяца пребывания в Палестине состоялось 30 публичных и 40 закрытых слушаний. Сотрудники Еврейского агентства хорошо подготовились к расследованию и составили тщательно сформулированные меморандумы. Самым красноречивым свидетелем был Вейцман. Трижды выступив перед комиссией, лидер сионистов говорил о трагическом положении евреев в Европе и об антисемитизме, который поднимает голову во всех странах мира. Как обычно во время своих выступлений перед государственными деятелями, Вейцман остановился на исторической связи евреев со Святой землей и подробно рассказал об их достижениях в подмандатной Палестине. Он обратился к Англии со страстным призывом выполнить обязательства, содержащиеся в Декларации Баль-

6 Пиль Роберт (1788–1850) — британский государственный деятель. В 1809 г. был избран в парламент, в 1812 г. был статс-секретарем по делам Ирландии. В 1822–1827 гг. и в 1828–1830 гг. — министр внутренних дел в консервативных правительствах. Хотя Пиль был противником предоставления католикам и евреям политических прав, ему пришлось уступить давлению премьер-министра герцога А. Веллингтона и провести в парламенте Акт об эмансипации католиков в 1829 г. Но в отношении принятия Акта об эмансипации евреев он оставался последовательным противником уравнивания их в правах с христианами. Он голосовал в палате общин неизменно против Акта об эмансипации евреев. Когда в июле 1833 г. Акт был утвержден, Пиль был среди 52 депутатов, голосовавших против. Возглавлял правительство Великобритании с декабря 1834 г. по апрель 1835 г. и в 1841–1846 гг.

фура и в условиях мандата Лиги Наций, и заверил своих слушателей, что «[если] теперь будет учрежден законодательный совет и если еврейское меньшинство получит в нем то же число мест, что и арабское большинство, евреи... никогда не потребуют изменения этого паритета, каким бы ни оказалось в будущем соотношение между арабским и еврейским населением».

Это заявление было поддержано выступлением Бен-Гуриона, председателя палестинского исполнительного комитета Еврейского агентства. В планы сионистов вовсе не входит превращение Палестины в еврейское государство, говорил Бен-Гурион (вероятно, все-таки не вполне искренне), или господство над арабским населением. Одновременно он и его сторонники настаивали на праве евреев на неограниченную иммиграцию и приобретение земли. Сионистские лидеры приводили экономические и агрономические данные, чтобы опровергнуть заявления арабов, будто в Палестине не хватает земли и нет возможности принять новых иммигрантов. Они постоянно подчеркивали, что лучший способ примирить арабские и еврейские интересы — это экономическое развитие.

Но и на этот раз сионисты не сумели правильно оценить всей глубины страха и ненависти, владевших арабами. Это стало ясно лишь после того, как муфтий и его сторонники — под давлением иракского короля Гази и короля Ибн-Сауда⁷ — решили в последний момент прекратить бойкот комиссии. В своих показаниях ни один из арабских деятелей не признал каких-либо положительных сторон идеи еврейского национального очага. Они утверждали, что британский мандат и еврейское экономическое развитие принесли их народу только горе. Главное их требование сводилось к созданию независимой Палестины незамедлительно, пока арабы все еще составляют большинство населения. Только таким путем палестинский народ может избавиться от опасности сионистского экономического господства и добиться того же положения, что и другие независимые арабские страны. 13 января 1937 г. муфтий выступил перед комиссией в качестве главного свидетеля, представляющего арабов. Изысканные манеры, изящество жестов и завораживающий музыкальностью голос Хадж Амина должны были убедить в том, что свидетель — воплощение сдержанности и благоразумия. Его

7 Ибн-Сауд Абд-аль-Азиз ибн Абд аль Рахман аль Фейсал аль-Сауд (1880–1953) — король Саудовской Аравии с 1932 г. и религиозный лидер ваххабитов, последователей радикального течения в исламе, призывающего вернуться к «первоначальной чистоте» и считающего джихад одним из основных религиозных постулатов. В 1902–1927 гг. — эмир Неджа, вел многочисленные войны за расширение своих владений. В 1921 г. аравийское княжество Шаммар было присоединено к Недже. В результате Неджо-Хиджасской войны 1924–1925 гг. королевство Хиджас было присоединено к Недже. В январе 1926 г. Ибн-Сауд был провозглашен королем Хиджаза в Большой мечети Мекки. В 1932 г. был издан декрет «Об объединении частей арабского королевства в Саудовскую Аравию».

аргументы, как и доводы сионистов, были в это время уже известны членам комиссии. Он рассказал об истории арабской борьбы за независимость, об обещаниях, полученных от англичан во время мировой войны, и утверждал, что с самого начала арабский национализм не противоречил планам президента Вильсона⁸. Подобно своим предшественникам, Хадж Амин подчеркивал, что абсорбировать 400 тыс. евреев, проживавших в тот момент в Святой земле, Палестина не в состоянии. Когда Пиль спросил его, не означает ли это, что из независимой арабской Палестины придется удалить некоторое количество евреев, муфтий ответил: “Это мы должны оставить на будущее”. Другие свидетели-арабы говорили о том же, только в более прямой форме.

Когда Вейцман давал показания на 51-м заседании комиссии 8 января 1937 г., там впервые была высказана идея о разделе страны. Профессор Купленд обратился к Вейцману со следующим предложением: “Если иного пути к миру нет, возможно ли такое решение — по взаимному соглашению действие мандата прекратить, а Палестину разделить надвое: Изреэльская долина и побережье станут независимым еврейским государством... а остальная Палестина плюс Трансиордания — независимым арабским государством...” Вейцмана удивил размах этого предложения. Сначала реакция его была неопределенной. “Да, но это же значит разрезать ребенка пополам”, — сказал он и попросил время для обдумывания. Однако в кулуарах Вейцман сказал своему секретарю, что дело его жизни наконец увенчалось успехом, еврейское государство будет создано. Он уже представлял себе будущее и даже изложил план политического устройства нового государства.

Вскоре после этого, в феврале, состоялась частная встреча Вейцмана с Куплендом в *мошаве* Нагалаль. Погода была по-зимнему унылой. Целых восемь часов политики совещались в помещении сельскохозяйственной школы. Теперь уже Вейцман старался убедить англичанина в том, что стоит бороться за раздел Палестины. Видимо, лидер сионистов справился со своей задачей. Много лет спустя Купленд рассказал об этой встрече Обри (Абе) Эвену⁹. Вейцман тогда изложил условия, необходимые для процве-

- 8 Вильсон Томас Вудро (1856–1924) — 28-й президент США (1913–1921 гг.). Родился в семье протестантского пастора. В 1890–1902 гг. — профессор права в Пристонском университете, в 1902–1910 гг. — ректор этого университета. Написал ряд работ на политические и исторические темы. Будучи пацифистом, Вильсон выступал против участия в США в Первой мировой войне, в которую страна вступила в 1917 г. после того, как Германия развязала подводную войну. В январе 1918 г. была опубликована программа мира “14 пунктов”, составленная Вильсоном. В ней говорилось о праве наций на самоопределение. Он сочувственно относился к сионизму, поддержал Декларацию Бальфура.
- 9 Эвен Аба-Шломо (1915–2004) — израильский государственный деятель. По окончании Кембриджского университета преподавал в нем арабский язык. В 1946 г. начал работать в Еврейском агентстве. С 1949 г. — представитель Израиля в ООН, в 1951–1959 гг. — посол Израиля в США. В 1959 г. Эвен был избран депутатом *кнессета*

тания еврейского национального очага, и Купленд понял, что эти условия невыполнимы под властью англичан. Он сказал Вейцману: “Здесь требуется операция — ни один серьезный врач не прописал бы в данном случае аспирин и грелку”. Вейцман вспоминал об этом разговоре так:

“Я видел в создании еврейского государства реальную возможность для урегулирования отношений с арабами. Пока господствует политика мандата, арабы опасаются, что мы захватим всю Палестину... еврейское государство с определенными границами, имеющее международные гарантии, — вот что было бы окончательным решением... Вместо того чтобы быть меньшинством в Палестине, мы стали бы большинством в своем собственном государстве и могли бы вступить в равноправные отношения с нашими арабскими соседями в Палестине, Египте и Ираке”.

Завершив продолжительный разговор, Вейцман и Купленд затемно вышли на улицу. Предчувствуя, чем может обернуться эта беседа в будущем, лидер сионистов воскликнул, обращаясь к ожидавшим его колонистам: “Друзья! Сегодня мы заложили основу еврейского государства!”

Доклад Пиля и общественное мнение

Доклад Королевской комиссии, готовившийся в течение пяти месяцев, был опубликован в июле 1937 г. В докладе, одном из самых обстоятельных документов в истории британской внешней политики, было 404 страницы текста, а также подробные карты и статистические данные. Вначале вкратце излагались позиции арабов и евреев. Затем подробно описывались достижения еврейского национального очага, в том числе создание жизнеспособной экономики, развитие которой привлекло в страну и арабское население (по сравнению с 1921 г. количество его увеличилось на 50%). Не вызывало сомнений, что благосостояние арабов Палестины, как феллахов, так и землевладельцев, неизмеримо возросло. Утверждение арабов о захвате евреями лучших земельных участков не подтвердилось: большая часть цитрусовых плантаций была создана на песках и болотах. Однако, указав на это обстоятельство, авторы документа заняли ту же осторожную позицию, которая содержалась в докладах Шоу и Хоуп-Симпсона: в будущем приоб-

от партии *Манаи*. С 1960 г. — министр образования и культуры, с 1963 г. — заместитель премьер-министра, в 1966—1974 гг. — министр иностранных дел. Один из лучших ораторов в мире на английском языке, автор ряда публицистических книг.

речение земли евреями следует ограничить не столько по экономическим, сколько по политическим соображениям, чтобы успокоить арабов, не желающих этого. По тем же причинам в докладе предлагалось сократить еврейскую иммиграцию на ближайшие пять лет до 12 тыс. человек в год.

Сперва предложения комиссии были восприняты сионистами как серьезный удар. Учитывая это, комиссия подчеркнула в докладе, что отклонение требований сионистов едва ли может служить решением в условиях мандата. Рассмотрению подлежит вопрос о будущем самого мандата. Суть дела заключается в том, что обещания, данные Великобританией арабам и евреям, несовместимы друг с другом. Арабская и еврейская общины не имеют точек соприкосновения — одна из них “в основном азиатская по своим особенностям, другая — в основном европейская”, и по этой причине мандат “не может развиваться... в систему самоуправления... в которой согласились бы участвовать и арабы, и евреи”. Разумеется, в намерения Великобритании не входило сохранение административного *status quo* в Палестине без согласия местного населения.

Но, конечно, Королевская комиссия не могла согласиться с предложением отдать 400 тыс. евреев под арабское господство или, наоборот, почти миллион арабов подчинить евреям. Поэтому, говорилось в докладе, единственное приемлемое решение — раздел Палестины на две части с правами самоуправления. Это не даст полного удовлетворения ни арабам, ни евреям, но и те и другие в конце концов “поймут, что достоинства раздела перевешивают его недостатки. Ибо, не предоставляя ни одной из сторон всего, что она желает, раздел обеспечивает самое необходимое, то есть свободу и безопасность”. Комиссия кратко остановилась в своем докладе и на альтернативном варианте, который заключался в создании автономных “кантонов”, еврейского и арабского, однако не подвергла его детальной разработке, сочтя такой план слишком сложным и трудно осуществимым.

В докладе, хотя и без подробного обоснования, предлагалось разделить Палестину и Трансиорданию на три части: еврейское государство, включающее в основном Прибрежную равнину и Галилею; значительно большее арабское государство, куда вошла бы остальная часть Палестины и Трансиордания, и анклав, на который Великобритания должна была получить постоянный мандат, — район Иерусалима и Бейт-Лехема с коридором, дающим выход к морю, а также британские базы на озере Кинерет и в Эйлатском заливе. Очевидно, при разделе Палестины нельзя было оставлять в границах еврейского государства значительное арабское меньшинство, поэтому позже был разработан план обмена землями и перемещения населения, составленный по образцу греко-турецкого трансфера четырнадцатилетней давности. Так или иначе, в 1937 г. то обстоятельство, что по ту или другую сторону границы могут остаться значительные национальные

меньшинства, угрожающие целостности государств, если и принималось во внимание, то только как теоретическая опасность.

План был настолько радикальным, что застал большинство современников врасплох. Однако еще удивительнее было то, с какой поспешностью британское правительство подхватило эту идею. 7 июля, как только был опубликован доклад Пиля, Лондон заявил о том, что согласен с рекомендациями комиссии, в том числе и с проектом раздела, который является “лучшим и самым перспективным выходом из тупика”. Собственно говоря, это одобрение было высказано правительством, когда оно еще не имело ни политической, ни общественной поддержки. Большинство мандатных чиновников предпочитало альтернативный (кантональный) план, ибо они не сомневались в том, что проблема меньшинств не позволит осуществить раздел. При этом для них, несомненно, было существенно еще одно соображение. Хотя Уокопа в конечном счете убедили одобрить доклад Пиля, верховный комиссар не мог скрыть своей обеспокоенности судьбой государственных служащих, для которых окончание мандата означало потерю жалованья и пенсий. В Англии план вызвал различные отклики, преимущественно отрицательные. Депутаты парламента, сочувствовавшие сионизму, высказывались скептически — в докладе Пиля предлагалось дать евреям государство воистину лилипутских размеров. Сэр Арчибальд Синклер предупреждал об опасном соседстве “двух по природе тоталитарных государств... при котором евреи будут владеть густонаселенной и богатой прибрежной полосой, но не смогут ее оборонять. За спиной у них будет обнищавшее и гонимое мировое еврейство; перед ними будет возвышаться гора Сион”. Герберт Сэмюэл, ставший к тому времени членом палаты лордов, опасался того, что оба планируемых государства, разделенные петляющей границей, “сожмут друг друга в смертельном объятии, как две борющиеся змеи”. По его мнению, схема раздела была экономически несостоятельной, особенно для арабов, которым придется покинуть самые плодородные районы Палестины.

Еще меньше энтузиазма проявила мандатная комиссия Лиги Наций. Тем не менее она не отвергла идеи раздела, хотя доклад Пиля и наносил удар по существующему мандату. Она лишь высказала пожелание, чтобы был продлен период “ученичества” — на это время можно было ввести кантональное управление или создать два новых мандата. В любом случае британская опека должна была сохраняться в ближайшем будущем. Как ни удивительно, поначалу реакция арабов на доклад Королевской комиссии была двойственной. По слухам, к плану Пиля сочувственно отнеслись Абдаллах и палестинский клан Нашашибби. В конце концов раздел привел бы к слиянию арабской части Палестины с Трансиорданией — таким образом Абдаллах расширил бы свои владения. Если бы этот план поддержал Рахиб-бей

аль-Нашашиби, он занял бы в награду ключевой пост в новом государстве. Однако открыто сторонники Нашашиби и даже сам Абдаллах не решились одобрить предложения Пиля. В полном смятении находились арабы-христиане — им совсем не хотелось стать подданными мусульманского государства. Зато ни малейшей двойственности не было в позиции муфтия и его последователей. Они с презрением отмежевались от плана Пиля и заявили, что его официально отклонил весь состав Верховного арабского комитета. Им удалось заручиться поддержкой зарубежных арабских и мусульманских лидеров.

Реакция евреев была не столь быстрой. Через месяц после публикации доклада Королевской комиссии состоялся Сионистский конгресс. Жаботинский и ревизионисты, хотя они формально и не входили в Сионистскую организацию, решительно возражали против дальнейшего дробления Палестины и сделали свои взгляды достоянием гласности. Они не забыли, что пятнадцать лет назад территория подмандатной Палестины уже была разделена, и ее восточная часть превратилась в Трансиорданский эмират. Теперь предполагалось поделить и оставшееся, причем значительная часть должна была отойти к арабам. Такое решение было неприемлемо. Американские делегаты придерживались того же мнения. К ним примкнуло большинство участников конгресса. Однако было решено все-таки изучить план Пиля, поскольку он сулил создание международно признанного еврейского государства. Бен-Гурион и другие сионисты социалистического толка высказались за проведение переговоров.

Конечно, для Вейцмана суверенное еврейское государство было осуществлением мечты. Когда был опубликован доклад Королевской комиссии, Вейцман находился в Париже. Несколько дней спустя он посетил находившегося во Франции президента Ливана Эмиля Эдде. В ходе беседы Вейцман сообщил президенту о последних событиях и заметил, что надеется в будущем на установление дружеских отношений между еврейским государством и Республикой Ливан. Взволнованный Эдде пожал Вейцману руку и воскликнул: “Я приветствую первого президента Еврейской республики!” Сохраняя приподнятое настроение и на конгрессе, Вейцман говорил делегатам о том, что раздел Палестины, при всех его недостатках, все же меньшее зло, чем положение заведомого меньшинства в рамках враждебного арабского государства или федерации, и уж наверняка предпочтительнее мандата с его ограничениями на еврейскую иммиграцию. Мнение Вейцмана поддержали и эксперты по сельскому хозяйству, заявившие, что даже в предполагаемых границах еврейского государства плодородной земли достаточно, чтобы еще в течение двадцати лет ежегодно принимать по 100 тыс. иммигрантов. В результате конгресс принял резолюцию, не содержащую прямого одобрения доклада Пиля, но поручавшую Еврейскому агентству

совместно с английским правительством изучить условия, при которых может быть создано еврейское государство.

Этот компромиссный подход подкреплялся некой тайной надеждой ряда сионистских лидеров. Еще до опубликования доклада Пиля, когда содержание его стало известно, Бен-Гурион взволнованно писал Моше Шарету, главе политического отдела Еврейского агентства:

“Мы уничтожим эти навязанные нам границы — и необязательно с помощью военной силы. Я верю, что в недалеком будущем нам удастся прийти к соглашению с арабским государством. И если в наше государство приедут сотни тысяч евреев, если мы сможем упрочить наше экономическое и военное положение, будет заложена основа соглашения об уничтожении границы между нами и арабским государством”.

Обращаясь к своим товарищам и единомышленникам, Бен-Гурион тоже выражался вполне откровенно. “То еврейское государство, которое нам сейчас предлагается, не есть цель сионизма, — говорил он, — ибо на такой территории решить еврейский вопрос невозможно. Но это решающий шаг на пути к осуществлению великих целей сионизма. В кратчайшее время мы сумеем укрепить силы еврейства настолько, чтобы достичь своего исторического предназначения”.

Колебания в связи с разделом

Бен-Гурион всегда верил в возможность прямого соглашения с арабами. Напомним, что в 1934–1935 гг. он вместе с Шаретом несколько раз встречался с Мусой аль-Алами. Встречи происходили то в деревенском доме аль-Алами в Иудейских горах, то в иерусалимской квартире Шарета. Собеседники высказывались откровенно, особенно Бен-Гурион. Впоследствии, когда появился план раздела, Бен-Гурион попросил аль-Алами передать арабским лидерам предложение сионистов. Речь шла о большой финансовой помощи, которую евреи обещали будущему арабскому государству в Палестине при условии, что арабы согласятся на создание еврейского государства. Кроме того, были даны заверения, что евреи не станут возражать, если нарождающееся арабское государство образует федерацию с соседними арабскими странами. Алами передал это предложение муфтию. Неделью спустя был получен ответ. Несмотря на публичные выпады Хадж Амина против раздела, он благожелательно отнесся к инициативе евреев. Хотя муфтий и не пожелал изменить свою официальную позицию относительно раздела

Палестины, через Алами он передал, что Бен-Гурион мог бы отправиться в Женеву и там внести свое предложение на рассмотрение Сирийско-палестинского арабского комитета. Трудно было понять, каковы истинные намерения муфтия. Однако Бен-Гурион принял это предложение и в конце лета 1937 г. выехал в Швейцарию. Увы, там его встреча с арабскими лидерами, шейхом Маджидом аль-Арсланом и Ихсаном Джабри, закончилась полным провалом. Оба мусульманина и не думали скрывать своей вражды; они подозревали, что сионисты “хотят нашего согласия на то, чтобы... евреи стали большинством в Палестине...”. Реакция была столь негативной, что Алами впоследствии не решился даже встретиться с Бен-Гурионом. Руководители Еврейского агентства беседовали и с другими влиятельными арабами, Ауни Абд аль-Хади-беем и Рахиб-беем аль-Нашашиби, но без видимых результатов.

Арабско-еврейские переговоры были скомпрометированы не только официальной позицией Хадж Амина, но и самой трактовкой палестинского вопроса в арабском мире. Вскоре после того, как Верховный арабский комитет отверг план раздела Палестины, он обратился за поддержкой ко всем арабским лидерам, но среди них не обнаружилось единодушия. Абдаллаха, как мы уже говорили, ничуть не пугала перспектива расширения его владений за счет раздела, однако вариант, который он предложил представителям Еврейского агентства, — гарантированная автономия евреев в рамках арабской Палестины — не мог устроить даже самых умеренных сионистов. С другой стороны, Ибн-Сауд вовсе не был в восторге от претензий Хадж Амина на лидерство в арабском националистическом движении. Оба правителя, хашимитский и саудовский, дали осторожные, уклончивые ответы.

Зато иракское и сирийское правительства воспротивились разделу в какой бы то ни было форме.

Это явствовало из той скрытой угрозы, которую высказал Абдаллаху премьер-министр Ирака Сайд Хикмат Сулейман: “Любой, кто решится возглавить такое [возникшее в результате раздела] арабское государство, — заявил премьер, — станет парией арабского мира и навлечет на себя гнев мусульман всего Востока”. Дело заключалось в том, что в 1930-х гг. заинтересованность Ирака в Палестине постоянно возрастала. После того как был протянут нефтепровод из Киркука, проложено через пустыню шоссе из Багдада и заключено торговое соглашение, согласно которому Ирак мог пользоваться свободной зоной в Хайфском порту, между двумя странами начали развиваться взаимовыгодные экономические связи. Поэтому Багдад и претендовал на главную роль в борьбе с сионизмом — чтобы оставить в тени реальные экономические отношения с Палестиной, а заодно и отвлечь внимание от своей неспособности проводить твердую антибританскую политику.

Сирийское руководство, защищенное от англичан французским мандатом, тоже однозначно осудило раздел Палестины. В сентябре 1937 г. по приглашению дамасских властей на Арабский конгресс съехалось около 500 делегатов. Главный вопрос был поднят председателем конгресса Наджи Сувейди, бывшим премьер-министром Ирака, который, назвав сионизм “раковой опухолью”, подчеркнул, что следует немедленно покончить с еврейским национальным очагом и британским мандатом и создать в Палестине суверенное арабское государство. Если еврейская иммиграция не прекратится, предупредил Сувейди, арабские страны отвернутся от западных демократий и найдут себе новых союзников. Разумеется, он имел в виду страны Оси. Кстати, торг к тому времени уже начался: арабы вели переговоры с Италией и Германией. Когда 6 июля 1937 г. Фаузи аль-Каукджи встретился с немецким послом в Багдаде, тот дал понять, что в ближайшее время рейх обеспечит большие поставки оружия для палестинских повстанцев. Хотя Берлин немедленно потребовал, чтобы посол опроверг это заявление, уверенность в дружественном отношении стран Оси и растущая дипломатическая активность в этом направлении привели арабских лидеров к мысли, что Великобритания беззащитна против их вмешательства в палестинский вопрос.

Но и помимо Арабского конгресса нападки на доклад Пиля звучали все чаще и были все более грозными. Сирийское правительство направило французскому верховному комиссару официальную ноту с критикой плана раздела. В Египте был организован сбор денежных средств в помощь палестинским арабам, в Багдаде состоялись массовые манифестации, в Мекке и Медине — однодневная забастовка. В Тунисе британскому консулу был направлен протест от имени мусульманской молодежной организации, многочисленные демонстрации мусульман прошли в Индии. С 7 по 11 октября 1937 г. в Каире заседал Всемирный межпарламентский конгресс арабских и мусульманских стран в защиту Палестины. Это было куда более представительное собрание, чем Арабский конгресс за год до этого в Блудане, и на нем в основных чертах уже наметилось будущее соперничество арабских стран в связи с палестинским вопросом. Так, представители Сирии именовали Палестину и Трансиорданию не иначе как отторгнутыми от их страны провинциями, в то время как египтяне рассматривали Палестину как важнейший буфер, защищающий Синайский полуостров. По мнению Ирака, Палестина должна была превратиться в средиземноморский центр сбыта мосульской нефти. Ни одна из этих точек зрения не была приемлемой для Ибн-Сауда, представители которого настаивали на независимости и свободе выбора для палестинских арабов. Правда, эти противоречия не были отражены в резолюции, которая просто объявляла Декларацию Бальфура не состоятельной и требовала отменить еврейскую иммиграцию и отказаться

от каких-либо планов раздела. Как и прежде, участники конгресса подчеркнули, что, если их условия не будут приняты, арабские и мусульманские народы всего мира возложат ответственность за это на англичан и евреев и обратятся за военной и политической помощью к другим государствам.

Возобновление арабского восстания

Рим и Берлин всячески выражали готовность взять на себя опеку над арабами. В 1937 г. итальянская радиостанция в Бари вдвое увеличила объем передач на арабском языке на Левант, критикуя английский и французский империализм и разоблачая сионизм как происки Великобритании. Нацистские выпады против евреев в первую очередь определялись идеологическими причинами, а стремление Министерства иностранных дел использовать арабские волнения на Ближнем Востоке играло лишь второстепенную роль. Однако, когда в Англии опубликовали доклад Пиля, чиновники в Берлине всерьез заинтересовались палестинским вопросом. 1 июля 1937 г., когда доклад Пия был уже известен в общих чертах, хотя и не опубликован, министр иностранных дел фон Нейрат¹⁰ разослал по германским представительствам на Ближнем Востоке специальный меморандум:

“Образование еврейского государства или политической структуры, возглавляемой евреями в рамках британского мандата, не в интересах Германии, поскольку палестинское государство не абсорбирует мировое еврейство, а создаст для него дополнительную базу, защищенную международным правом, подобно тому, как Ватикан служит политическому католицизму, а Москва — Коминтерну... Германия, следовательно, заинтересована в усилении арабского мира как возможного противовеса крепнущим силам мирового еврейства”.

В течение 1937 г., благодаря палестинскому вопросу, перед нацистами открылись новые возможности. Контакты немецкого посла в Багдаде с арабскими

10 Нейрат Константин фон (1873–1956) — министр иностранных дел Германии, военный преступник. После ранения во время Первой мировой войны был отправлен на дипломатическую работу в Турцию. Возглавлял правительство Вюртенберга в 1917–1918 гг. В 1921–1930 гг. Нейрат — немецкий посол в Дании, в 1930–1932 гг. — в Великобритании; в 1932–1938 гг. он занимал пост министра иностранных дел Германии. После увольнения остался в нацистском правительстве в качестве министра без портфеля, в 1939–1943 гг. был имперским протектором Богемии и Моравии. Нейрат был обвинен на Нюрнбергском процессе 1946 г. и приговорен к 15 годам заключения, освобожден в 1953 г. из-за слабого здоровья.

националистами и членами Верховного арабского комитета становились все теснее; при этом подчеркивалось, что Германия — против плана Пиля. В июле муфтий посетил немецкого генерального консула в Иерусалиме, выразил свое восхищение новой Германией и стремление заручиться ее дружественным отношением. В сентябре сирийские националисты обратились к немецкому консулу в Бейруте с просьбой поставить оружие палестинским арабам. В ноябре и декабре д-р Сайд Абд аль-Фаттах аль-Иман, президент дамасского Арабского клуба, находился в Берлине по поручению муфтия — он пытался добиться от немцев финансовой и военной помощи. Все эти обращения не остались без ответа. Адмирал Вильгельм Канарис, шеф немецкой военной разведки, выделил для муфтия некоторые средства и оружие немецкого производства, отправленное в Палестину через Ирак и Саудовскую Аравию.

Между тем и в самой Палестине быстро распространялась нацистская пропаганда — ее вели немецкие судовые агенты, коммивояжеры, дельцы, дипломаты и просто жители немецкого происхождения. Среди них было более тысячи членов Братства темплеров¹¹, проживавших в Яфо, Сароне, Вальдхейме (Хайфе) и Иерусалиме. Храмовники еще в начале XX в. отказались от немецкого гражданства, чтобы вести жизнь в библейской простоте Святой земли. Теперь Берлин всерьез взялся за то, чтобы привлечь их на свою сторону, в результате чего почти половина членов Братства вступила в нацистскую партию.

Глава немецкого информационного агентства в Палестине д-р Франц Рейхерт находился в самых сердечных отношениях с муфтием. Арабская пресса мгновенно подхватила расхожие нацистские и антисемитские штампы. “Гитлеризм, — писала одна арабская газета, — несмотря на свой насильственный характер, симптоматичен для того мира, который болен смертельным недугом материалистической цивилизации, мира, который предоставил иудаизму возможность путем подрывной деятельности подчинить себе мировую экономику”. Когда в мае 1937 г. отмечался день рождения пророка Мухаммеда, арабские манифестанты демонстративно вышли на улицы с немецкими и итальянскими флагами и фотографиями Гитлера и Муссолини, а арабские газеты приветствовали это шествие как “зримое выражение симпатии и уважения к нацистам и фашистам, борющимся против еврейского интриганства и мирового финансового капитала...”.

11 Темплеры (от нем. Tempel — “храм”) — немецкая пиелистская церковь, создавшая в XIX–XX вв. ряд своих колоний в Эрец-Исраэль. В 1858 г. секта была отлучена от лютеранской церкви. Поселяясь в Эрец-Исраэль, темплеры надеялись осуществить предсказания пророков Древнего Израиля. В 1930-х гг. вместе с ослаблением религиозных чувств среди темплеров набирали силу симпатии к нацизму. В начале Второй мировой войны все немцы на территории Эрец-Исраэль были интернированы британскими властями и в 1943 г. высланы.

Воскресным утром 26 сентября 1937 г. Льюис И. Эндрюс, окружной комиссар Галилеи и Ака, известный своим сочувствием сионизму, отправился пешком в сопровождении помощника и констебля в церковь, находящуюся в Назарете. Когда они свернули на крутую узкую тропинку, группа арабов открыла по ним огонь. Эндрюс и полицейский были убиты на месте. Четыре дня спустя мандатная администрация ввела жесткие чрезвычайные меры, взяв на себя полномочия депортировать политически нежелательных лиц и распускать любые организации, деятельность которых была “враждебна мандату”. Одновременно с этим Хадж Амин аль-Хусейни был смещен с поста президента Верховного мусульманского совета, а сам совет, как и Верховный арабский комитет, был упразднен. Вскоре после этого были арестованы пять или шесть членов Верховного комитета — им было предъявлено обвинение в “моральной ответственности” за террористическую деятельность, и они были сосланы на Сейшельские острова. Шестому члену комитета, Джамилю аль-Хусейни, удалось бежать в Сирию. После этого муфтий с телохранителями-суданцами нашел себе убежище в мечети Омара¹². 15 октября, переодевшись нищим, Хадж Амин выскользнул из мечети и пробрался через усиленный кордон английской полиции. Доехав на автомобиле до Газы, он на парусном судне отплыл в Ливан. Хотя французские власти и поместили его под арест на вилле в глухой прибрежной деревушке Аль-Зуг, помощникам муфтия была предоставлена свобода передвижения. При их посредстве Хадж Амин связался со своими сторонниками, изгнанными из Палестины, и вновь учредил запрещенный Верховный арабский комитет в Дамаске, чему англичане не могли воспрепятствовать.

К середине октября по всей Палестине усилились волнения и беспорядки: еврейские поселения подвергались нападениям, террористы останавливали еврейские автобусы и убивали пассажиров.

Впервые арабские снайперы начали охотиться и за английскими патрулями. Новый аэропорт в Лоде был сожжен, воинские эшелоны летели под откос. Нефтепровод Мосул—Хайфа был почти выведен из строя. Число убийств и террористических актов росло, но одновременно ужесточались и ответные меры англичан. Все подозреваемые представляли перед суровым военным трибуналом. Лишь за 1938 г. было приведено в исполнение 54 смертных приговора. Пожизненное заключение стало применяться довольно часто. С июля по ноябрь 1938 г., в разгар восстания, в нем принимало участие около 16 тыс. палестинских арабов и добровольцев из соседних стран — им удалось практически полностью парализовать действия

12 Мечеть Омара — построена по распоряжению халифа Абд аль-Малика в 687–691 гг. на части бывшей территории Храма над *Эвен штия* (“Краеугольным камнем”). Названа мусульманами “Святой скалой”, с которой, по верованиям мусульман, Мухаммед вознесся на небо. Другое название — мечеть Куббат ас-Сахра (“Купол над скалой”).

гражданских властей за пределами крупнейших городов, в том числе и в еврейских сельскохозяйственных районах. На три месяца было прервано железнодорожное сообщение между Лодом и Иерусалимом. Движение междугородного транспорта в ночные часы было запрещено, так как арабские террористы минировали шоссе. К середине октября повстанцы фактически держали в руках иерусалимский Старый город. Это был пик мятежа.

В июле 1938 г. англичане вынуждены были дополнительно дислоцировать в Хайфе два пехотных батальона, две эскадрильи авиации и моторизованное подразделение. Строительные отряды начали возведение укрепленных полицейских пунктов в стратегически важных точках и на пересечениях дорог по всей Палестине (в военной истории страны этим укреплениям еще суждено будет сыграть жизненно важную роль). К концу года началась операция, в которой участвовало 20 тыс. солдат и которая, в сущности, представляла собой новое завоевание Палестины. Даже при таком количестве войск едва удалось восстановить порядок на севере и в центре страны. В Иерусалиме и южных районах были расположены хорошо подготовленные воинские соединения, переброшенные из Англии.

Военные действия обернулись для евреев, арабов и англичан несколькими тысячами убитых и многомиллионным ущербом. Однако для арабов горький опыт этим не исчерпывался. Даже находясь в изгнании, Хадж Амин стремился укрепить свой контроль над Палестиной. По его приказу были убиты или принуждены покинуть Святую землю сотни признанных арабских лидеров, в том числе видные члены партии Национальной защиты, руководимой кланом Нашашибби. Так, мэр Хайфы Хасан-бей Шукри чудом избежал смерти в мае 1936 г. и в январе 1937 г. В феврале 1937 г. мухтара¹³ Кейсарии застрелили у входа в его дом. В апреле того же года был убит Ибрагим Юсуф, член муниципального совета Тверии. Мэр Шхема Сулейман-бей аль-Тукан бежал из Палестины в декабре 1937 г. В апреле 1938 г. были убиты мухтар Маджалды и его жена. Тогда же оборвалась жизнь Наср аль-Дин Насра, мэра Хеврона. В результате взрыва бомбы в сентябре 1938 г. погибли жена и трое детей мухтара Дейр эс-Шейха. В ноябре 1938 г. был застрелен Хасан Сидки аль-Даджани, член иерусалимского муниципального совета, а все остальные арабы, входившие в совет, бежали из Палестины.

Попытки Фахри-бея аль-Нашашибби, лидера противоборствующей группировки, остановить эту террористическую кампанию оказались безрезультатными. Муфтий действовал все энергичнее, и к концу 1939 г. число его жертв превысило 3 тыс. человек. В Египте и Ливане от мести аль-Хусейни скрывалось 18 тыс. человек. Однако главной целью его по-прежнему оставалось устранение Фахри-бея аль-Нашашибби. Подручный муфтия Ареф аль-

13 Мухтар (*араб.*) — старейшина, глава общины.

Раззак вынес “смертный приговор” Фахри-бею, согласно которому каждый араб обязан был “во имя Аллаха” прикончить “предателя” на месте. Прошло несколько лет, но приговор все еще не был исполнен. Но 9 ноября 1941 г. мимо Фахри-бея, который шел по багдадской улице, проехал на велосипеде палестинец из организации Хадж Амина и застрелил его.

Укрепление еврейской самообороны

Одним из следствий арабского восстания было развитие самообороны *ишува*. Напомним, что практика самообороны восходила еще ко временам *Га-Шомер* — еврейской организации начала века. Однако после войны членам *Га-Шомер* — тем, которым удалось избежать карающей руки турок, — англичане запретили ношение оружия. Неудачная попытка возродить деятельность самообороны была предпринята Жаботинским во время арабских волнений 1920 г., но она была пресечена мандатной администрацией. Однако вскоре после этого партия *Ахдут га-авода* назначила специальную комиссию для создания более массовой (и тайной) организации самообороны под названием *Гагана*¹⁴ (“Оборона”). Массовый характер организации объяснялся тем, что теперь в защите нуждались не отдельные аванпосты или поселения, а весь *ишув*. Впоследствии, когда контроль над *Гаганой* перешел к *Гистадруту*, были созданы курсы подготовки офицеров, оружие

14 *Гагана* (ивр. “оборона”, “защита”) — подпольные вооруженные силы, созданные еврейским *ишувом* в Палестине в 1920 г. и ставшие с образованием Государства Израиль основой Армии обороны Израиля. Созданию *Гаганы* предшествовали нападения арабов на евреев в Верхней Галилее и Иерусалиме, во время которых англичане не только их не остановили, но в Иерусалиме арестовали и приговорили к длительным срокам тюремного заключения тех, кто пытался оказывать сопротивление арабам, в частности В. Жаботинского. На съезде патриии *Ахдут га-авода* в июне 1920 г. было принято решение создать подпольную военную организацию *Гагана* для обеспечения безопасности евреев в Эрец-Исраэль. Было подчеркнуто, что *Гагана* станет массовой организацией национальной самообороны, находящейся в подчинении у органов *ишува*. Во время нападения на евреев в 1921 г. в Иерусалиме организованная группа *Гаганы* отразила нападение на Еврейский квартал Старого города. К началу Войны за независимость *Гагана* превратилась в настоящую народную армию, численность которой достигала 45 тыс. бойцов; 10 тыс. состояли в полевом корпусе, созданном для наступательных операций, 3 тыс. в *Палмахе* (“Ударные роты”), предназначенном для диверсионных действий и спецопераций. Вскоре после образования Государства Израиль, 31 мая 1948 г., премьер-министр и одновременно министр обороны Бен-Гурион подписал приказ, в котором говорилось, что *Гагана* перестала быть народной армией и стала регулярной армией страны. Название *Гагана* стало частью официального названия армии — *Цва гагана ле-Исраэль*, сокращенно — ЦАГАЛЬ.

нелегально приобреталось в Европе, а потом контрабандным путем доставлялось в Палестину. Кроме того, в самой Палестине начали работать подпольные мастерские по производству стрелкового оружия.

Волнения 1929 г. стали поворотным моментом в организации самообороны. Стало ясно, что военную подготовку должно пройти подавляющее большинство годных к службе молодых людей. Требовалось новое и более современное оружие. Поэтому Бен-Гурион и Арлозоров приняли решение расширить помощь *Гагана* и в 1931 г. обратились к Сионистскому конгрессу с просьбой о выделении дополнительных фондов. На первых порах эта просьба не была удовлетворена — в основном потому, что центристы не хотели отдавать оборону *ишува* на откуп социалистам. В этом, кстати, был свой смысл. С самого начала *Гагана*, просуществовав несколько месяцев под контролем партии *Ахдут ха-авода*, действовала под наблюдением *Гистадрута*. Большинство руководителей *Гаганы* сотрудничали в *Гистадруте*, а бойцы набирались почти исключительно из числа сионистов-социалистов. Эта ориентация укрепилась после 1936 г., когда на Сионистских конгрессах и среди еврейского населения Палестины именно сионисты-социалисты заняли доминирующее положение. Правда, политические симпатии *Гаганы* редко отражались на ее деятельности и преданности интересам всего *ишува*. Штаб-квартира *Гаганы*, располагавшаяся в одной комнате тель-авивского представительства *Гистадрута*, превратилась в своего рода министерство обороны. Начиная с 1936 г. *Гагана* стала получать от Еврейского агентства более крупные денежные средства; к этому времени организация накопила немалый подпольный арсенал и расширила программу военной подготовки.

Когда арабские волнения возобновились, еврейское военное руководство поначалу избрало политику сдержанности.

Это означало, что еврейским поселениям была обеспечена надежная защита, но от ударов возмездия по арабским деревням *Гагана* пока воздерживалась. Такая позиция объяснялась и необходимостью сохранить добрые отношения с англичанами. Однако Ицхак Саде¹⁵, командир *Гаганы*, истол-

15 Саде Ицхак (Ландсберг; 1890–1952) — израильский военный и политический деятель, инициатор создания и первый командир формирования *Палмах* (“Ударные роты”), созданного для проведения специальных операций в связи с угрозой захвата Палестины немецко-итальянскими войсками. Добровольцем участвовал в Первой мировой войне. В 1918–1920 гг. был командиром в Красной Армии, но из-за жестокости ее бойцов дезертировал в армию барона Врангеля. С 1920 г. находился в Палестине. В 1920 г. организовал первые в стране военные курсы. По его инициативе в 1937 г. были созданы полевые отряды *Гаганы*, которые он и возглавил. С 1941 г. командовал *Палмахом*. Принимал активное участие в Войне за независимость, командуя первой в Израиле танковой бригадой. Деятельность Саде в значительной степени определила стратегию, тактику и методику обучения личного состава Армии обороны Израиля.

ковал политику сдержанности на свой лад. Саде был ярким человеком, обладавшим большой физической силой, редким упорством и энергией. Он был убежденным марксистом. Присущие ему уверенность в себе, отвагу и твердость Саде сумел передать своим офицерам. Среди них были и молодые Игаль Алон¹⁶ и Моше Даян, которым предстояло в будущем сыграть важную роль в военной и политической жизни Израиля. В своей автобиографической книге “Моя жизнь с исмаильтянами” Моше Шамир¹⁷, выдающийся израильский романист, вспоминал о той атмосфере преданности, которая окружала молодых лидеров:

“В юношеском движении это было связано с возрастными различиями: в группе из десяти мальчишек один, лидер, был года на два старше других. Шло время, социальные рамки расширялись, а с ними росла преданность лидеру и его значение. Я не стыжусь того, как наивно выражалась эта впервые испытанная преданность и чувство своей причастности. Переход из юношеского движения в *Палмах* [ударные отряды *Гаганы*] был легким... “Старика”, Ицхака Саде, а потом и Игаля Алона, окружала настоящая любовь, любовь молодых людей к другу, ведущему их за собой”.

Саде обучил молодых командиров устраивать засады, организовывать подвижные патрули и наносить арабским мародерам опережающие удары.

Переход от чисто оборонительной тактики к предупредительной стал возможен благодаря соглашению с мандатной администрацией. И до того,

16 Алон Игаль (Пайкович; 1918–1982) — государственный и военный деятель Израиля. В 1936–1939 гг. служил в полевых отрядах *Гаганы* и был одним из основателей *Палмаха*; в 1945 г. стал командиром *Палмаха*. Являлся одним из организаторов “нелегальной” иммиграции, ответственным за создание поселений в запрещенных зонах и за диверсионные акты против английской администрации. Во время Войны за независимость командовал Южным фронтом израильской армии. В 1961–1968 гг. Алон занимал пост министра труда. Был инициатором объединения социалистических партий в Израильскую партию труда. В 1968 г. после Шестидневной войны разработал так называемый “План Алона”, согласно которому устанавливались окончательные границы Израиля, дававшие стране максимальную безопасность без включения в ее состав территорий со значительным арабским населением. В 1966–1977 гг. — заместитель премьер-министра. В 1974–1977 гг. — министр иностранных дел.

17 Шамир Моше (1921–2002) — израильский писатель. Участник движения *Га-Шомер га-цаир*. С 1944 г. — боец *Палмаха*, член партии *Мапам*; затем, после Шестидневной войны, стал одним из инициаторов создания Движения за неделимый Израиль, вступил в партию *Ликуд*. В 1977 г. избран депутатом *кнессета* по списку *Ликуда*. В 1978 г. выступил против подписания мирных соглашений с Египтом. В 1979 г. вышел из *Ликуда* и стал одним из создателей партии *Тхия*. Шамир — ведущий писатель поколения *Палмаха*, автор десяти романов. Один из самых известных его романов — “Он шел по полям” (1947).

как действия арабов стали широкомасштабными, англичане спокойно относились к тому, что евреи располагали некоторым количеством оружия для защиты отдаленных поселений. Однако, когда в 1936 г. вооруженный конфликт обострился, Еврейское агентство потребовало бесплатной выдачи дополнительного снаряжения на законных основаниях, чтобы организовать оборону изолированных ферм, а также стало добиваться признания официального статуса еврейской самообороны. Мандатная администрация в связи с острой нехваткой войск решила пойти навстречу этим требованиям. Легкое стрелковое оружие было роздано 3 тыс. еврейских охранников-гафиров¹⁸. Организацией и обучением охраны руководили британские офицеры, рамки охранной службы использовались *Гаганой* для подготовки своих бойцов. Существенно и то, что назначенный англичанами командир гафиров капитан Одри Уингейт¹⁹ принялся энергично и изобретательно расширять предложенную Саде концепцию “активной обороны”.

Уингейт, кузен генерал-губернатора Судана, свободно говорил по-арабски. Полагая, что он найдет общий язык с арабским населением, его направили в Палестину, куда он прибыл в 1936 г. в качестве офицера разведки при Пятой дивизии. Уингейту были свойственны глубокая религиозность, протестантский библейский мистицизм — и через несколько недель после приезда в Святую землю армейский капитан превратился в страстного сторонника дела сионизма. “Я считаю честью для себя помогать вам в вашей борьбе, — говорил он Давиду Гакогену²⁰, своему близкому другу. — Этому я хочу посвятить свою жизнь. Я верю, что существование

18 Гафиры (*араб.* “сельские сторожа”) — резервные части полиции, которые мобилизовались, в случае необходимости, для охраны и поддержания общественного порядка. Первые еврейские охранники-гафиры были мобилизованы в Палестине в 1936 г. для “охраны жизни поселенцев внутри самих поселений”. К концу 1936 г. их насчитывалось около 3 тыс.

19 Уингейт Чарльз Одри (1903–1944) — британский офицер, родился в семье протестантских миссионеров, воспитывался в духе глубокой религиозности. В 1936 г. был произведен в чин капитана и направлен на службу в Палестину, где сыграл решающую роль в подавлении арабского восстания 1936–1939 гг. Настроенный просионистски, Уингейт возглавил созданные по его инициативе еврейские особые ночные роты. Деятельность этих отрядов основывалась на специально разработанной им тактике, доказавшей свою эффективность. Уингейт оказал большое влияние на *Гагану*, *Палмах*, а через них на Армию обороны Израиля. В 1941 г. был командующим особыми силами в Эфиопии, где сыграл решающую роль в освобождении страны от итальянских войск. Погиб в авиакатастрофе в Бирме.

20 Гакоген Давид (1897–1984) — израильский политический деятель и дипломат. Активный участник рабочего движения, один из руководителей *Гистадрута*. Депутат *кнесета* шести созывов от партии *Мапай*. В 1949–1965 гг. возглавлял комиссию *кнесета* по иностранным делам и обороне, за исключением 1952–1953 гг., когда был послом в Бирме.

человечества оправдано, только если оно зиждется на нравственных основах Библии”. На первых порах руководство *Гаганы* с некоторым недоверием относилось к этому невысокому светловолосому напористому шотландцу — ведь его биография мало чем отличалась от биографий сотен других офицеров и чиновников, которые обычно строили карьеру в Палестине на социально-политических контактах с арабами. Однако вскоре сомнения сионистов были развеяны, и Уингейт стал доверенным лицом Вейцмана и руководителей Еврейского агентства. Изучая арабскую тактику, Уингейт заметил, что банды совершают нападения прежде, чем успевают подойти хорошо вооруженные правительственные войска. Он решил, что следует наносить удары возмездия, создавая подвижные патрули и отдавая предпочтение ночным операциям. Такая возможность открылась после того, как в сентябре 1937 г. командующим английскими войсками в Палестине был назначен генерал сэр Арчибальд Уэйвелл, который уполномочил Уингейта организовать гафиров в особые “ночные отряды”. Тогда с согласия начальства Уингейт использовал тактику, еще более активную, чем та, которую Саде ввел в *Гагане*. Еврейские бойцы “ночных отрядов” восхищались тактическим искусством и изобретательностью молодого шотландского офицера, его умением использовать преимущества ночного боя и знанием ложных маневров, которые позволяли осуществлять внезапные набеги на базы арабских банд. Все это давало куда больший эффект, чем прежняя политика сдержанности. Концепция “активной обороны”, разработанная Уингейтом, включала даже операции против деревень на территории Ливана и Сирии, в которых базировались террористы. В 1938 г. “ночные отряды” не раз нанесли чувствительные удары повстанцам муфтия, ослабляя их активность.

Несмотря на серьезные успехи, в начале 1939 г. численность “ночных отрядов” была резко сокращена, и значение их постепенно уменьшилось. В это время сотрудничеству англичан с еврейскими военными силами препятствовали политические факторы. Уингейтом решили пожертвовать, поскольку его сочувствие сионистам ставило правительство в затруднительное положение. Весной 1939 г. он был отозван в Англию. В личном деле Уингейта было записано: “Хороший офицер, но не годится для разведывательной работы. Не заслуживает доверия. Интересы евреев для него важнее интересов собственной страны. Возвращению в Палестину не подлежит”. По словам Кристофера Сайкса, много лет спустя Саде так отзывался об Уингейте: “Мы бы, в конце концов, и сами сделали то, что сделал Уингейт, но в меньшем масштабе и без его таланта. Сперва мы действовали самостоятельно, но потом появился он и стал нашим лидером”. Несмотря на то, что даже во времена наибольшей активности “ночные отряды” осуществляли лишь небольшие операции, их главной заслугой было психологическое воздействие, которое они оказывали не только на арабов. Способность

Гаганы к отпору вселила в *ишув* новое чувство уверенности. Настроение тех дней точно передал Моше Шамир:

“Главное, у людей окрепло национальное самосознание, появился здоровый оптимизм, люди поверили в себя и возникло подлинное ощущение того, что мы укоренились на этой земле, как растение, питаемое ее соками, которое живет и приносит плоды... [Это чувство] в те дни стало органичным повсюду и во всем: в ночных вылазках и нелегальной иммиграции, в любви к земле и упорстве пионеров в самых глухих уголках страны, в круглосуточных патрулях и новых поселениях, построенных за одну ночь по типу “стена и башня””.

Новые поселения здесь упомянуты не случайно. Евреи не покинули ни одного из уже существовавших поселений. Более того, за годы арабского восстания, с 1936-го по 1939-й, возникло 55 новых сельскохозяйственных колоний — в основном в районах, где до того не было евреев. Это были преимущественно *кибуцы*, основанные организациями *Га-Шомер га-цаир* и *Га-Кибуц га-меухад*, а иногда и новыми иммигрантами. Места для создания этих колоний выбирались по новому принципу — не экономическому, а стратегическому. После публикации доклада Пиля Еврейское агентство не сомневалось в неизбежности раздела Палестины. Ясно было, что границы будущего еврейского государства будут установлены в соответствии с фактическим расселением евреев. Поэтому теперь необходимо было приобретать земли на окраинах Палестины, особенно в Западной Галилее, и сразу же заселять эти территории. Чтобы обеспечить безопасность молодых *кибуцев*, поселения строились по новому методу — “стена и башня”. Заранее заготавливались строительные блоки — и выбранный пустовавший участок за день превращался в хорошо укрепленный лагерь, обнесенный стеной и имеющий деревянную наблюдательную вышку с прожектором. Экономическая рентабельность в этой чрезвычайной программе не учитывалась. В 1930-х гг. задачей первостепенной важности было создание на границах Палестины еврейского плацдарма, заселенного необходимым количеством пионеров, вслед за которыми должны были появиться и другие жители.

Великобритания отказывается от раздела Палестины

В ответ на рост арабского насилия в Палестине Лондон сообщил о том, что в Святую землю будет направлена новая комиссия, которой предстоит установить, какими методами может быть произведен раздел, и дать рекомендации относительно границ будущих арабского и еврейского государств.

Председателем комиссии был назначен сэр Джон Вудхед, в прошлом служивший в английской гражданской администрации в Индии. Двое из трех членов комиссии прежде тоже находились на колониальной службе в Индии. Поскольку в тот момент Палестина была охвачена восстанием, комиссия прибыла туда только в конце апреля 1938 г. Бойкот, объявленный ей арабами, был еще последовательнее, чем во времена комиссии Пиля. Пробыв в Святой земле три с половиной месяца, члены комиссии вынуждены были удовлетвориться лишь беседами с английскими и еврейскими свидетелями.

Впрочем, большинство мандатных чиновников защищало арабские интересы ничуть не хуже самого Верховного арабского комитета. Они всегда враждебно относились к сионизму и сетовали на трудности, которые это движение вызывало в Палестине, — не будь его, страна жила бы нормальной жизнью, как, например, Ирак. По этой причине и из высокомерия англичане в Палестине не стремились к сближению с евреями. Д. С. Элстон, английский журналист, живший в Иерусалиме, вспоминал:

“Общаться с евреями приходилось мало... Английский мандатный чиновник редко заходил в еврейские кварталы Иерусалима, а если он не служил в полиции, то никогда не появлялся ни в Тель-Авиве, ни в маленьких городках. Что до *кибуцев*, ему там делать было нечего... В обществе у англичан и евреев практически не было точек соприкосновения”.

Арабский историк Альбер Хурани подтверждал: “Верно то, что большинство английских чиновников на Ближнем Востоке находится в оппозиции к сионистской политике”. Однако он объяснял это не столько романтическим пристрастием англичан к арабской культуре, сколько присущим им чувством справедливости.

Работа комиссии происходила в тяжелейший период еврейской истории. Нацисты уже начали отправлять немецких и австрийских евреев в концентрационные лагеря; жизнь евреев в восточноевропейских странах со стремительно усиливающимся антисемитизмом — Польше, Румынии и Венгрии — становилась невыносимой. Проблема свободной иммиграции в Палестину была вопросом жизни и смерти в буквальном смысле слова. Это стало особенно ясно после международной конференции по проблемам беженцев, проведенной в июле 1938 г. во французском городе Эвианле-Бен при участии представителей тридцати двух государств. Эвианская конференция показала неосновательность каких бы то ни было надежд на возможность иммиграции евреев куда-либо, кроме Палестины. Кроме Доминиканской Республики, согласной принять большое число беженцев, Австралии, готовой на приезд 15 тыс. в течение трех лет, и стран Латинской Америки, согласившихся впустить некоторое количество беженцев, ни одна страна не пожелала увеличить свои иммиграционные квоты, чтобы помочь беженцам.

Между тем, пока с мая по июль заседания комиссии Вудхеда шли своим чередом, в Палестине продолжались беспорядки. Лишь получив значительные подкрепления, английская армия сумела освободить иерусалимский Старый город от контроля мятежников и восстановить некоторый порядок в главных городах страны. Пока продолжались бои, в Лондон шел поток протестов из соседствующих с Палестиной арабских стран — и это в то время, когда шантаж со стороны Германии и Италии вынуждал англичан как можно внимательнее относиться к интересам своих арабских друзей на Ближнем Востоке! Сионисты чувствовали, что теряют почву под ногами, что британское правительство в нерешительности. Они с тревогой следили за тем, как кабинет Чемберлена с готовностью шел на то, чтобы умиротворять Гитлера и Муссолини за счет других стран и народов. Вейцман начал задумываться, не грозит ли подобная судьба *ишуву*. Не случайно весной 1938 г. были смещены со своих постов верховный комиссар Уокоп, который проводил компромиссную политику, и министр по делам колоний Ормсби-Гор, считавшийся сторонником раздела. На место Уокопа пришел сэр Харольд Мак-Майкл, бывший губернатор Танганьики, на место Ормсби-Гора — Малкольм Макдональд²¹, ранее занимавший пост в руководстве доминионами²². После того как Макдональд дал мандатной администрации указание ввести еще более жесткие ограничения еврейской иммиграции, не осталось никаких сомнений в перемене политического курса.

9 ноября 1938 г. на рассмотрение парламента был передан доклад комиссии по разделу Палестины — доклад Вудхеда. К этому увесистому документу, содержащему 310 страниц, прилагались гидрографический и кадастровый обзоры и карты с различными вариантами раздела. План Пиля объявлялся в этом докладе несостоятельным, поскольку в границах предполагаемого еврейского государства окажется значительное арабское меньшинство и, кроме того, не хватит земли для расселения десятков тысяч новых иммигрантов. В любом случае, если еврейское государство в принципе сможет развиваться в экономическом отношении, арабскому государству, лишенному земель, отошедших к евреям, рассчитывать на это не приходится. Где же решение? В докладе предлагалось “модифицировать” план разде-

21 Макдональд Малкольм (1901–1981) — британский государственный деятель. Сын Д. Р. Макдональда. Министр по делам колоний в 1935 г. и 1938–1940 гг. Его благожелательное отношение к сионизму коренным образом изменилось после присоединения к правительству Н. Чемберлена. Он был одним из проводников курса Белой книги 1939 г., резко ограничившей иммиграцию евреев в Палестину.

22 Доминион (*англ.*, от *лат.* “dominium”) — государство в составе Британской империи, признающее главой английского короля (королеву). После образования Британского содружества наций в 1947 г. многие входящие в него государства, бывшие доминионы, продолжают считать главой государства английского короля (королеву): Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия и др.

ла, навязав арабскому и территориально урезанному еврейскому государству насильственный экономический союз и полностью лишив оба народа суверенности в экономических вопросах. “При этом сохраняются трудности политического характера, — констатировали авторы доклада. — Мы должны принимать в расчет и такую возможность, что одна или обе стороны в принципе откажутся от раздела”.

Разумеется, сионистов доклад Вудхеда привел в ярость. Они подчеркивали, что по его рекомендации еврейскому государству отводится менее одной двадцатой части Западной Палестины, или менее одной сотой той подмандатной территории, которая была получена Великобританией в 1920 г. в Сан-Ремо. Кроме того, большинство существующих еврейских поселений и земель оказывается вне границ, предлагаемых в докладе Вудхеда. Что касается арабов, то они отнеслись к новому плану не столь критически, но все же отвергли его, поскольку он, пусть в самой минимальной степени, но представлял евреям государственный суверенитет. Впрочем, в этот момент английское правительство едва ли относилось к плану раздела всерьез. Сперва Лондон официально одобрил доклад. Выступая в парламенте 24 ноября, министр по делам колоний Макдональд, воздав должное достижениям евреев в Палестине, стал доказывать, что именно их превосходство в области образования и техники позволит сионистам решить свои задачи на меньшей территории. Завершая речь, Макдональд сказал: “С незапамятных времен слышал я рассказы о Назарете и Галилее, о Иерусалиме и Вифлееме, где родился Спаситель мира”. В ответ на это Черчилль вполголоса заметил, имея в виду Чемберлена²³: “А я-то думал, что спаситель мира родился в Бирмингеме”.

Итак, официальное отношение кабинета к идее раздела было негативным. Два дня спустя была опубликована новая Белая книга, в которой любые попытки разделения евреев и арабов в Палестине отвергались как нереальные. Вместо этого в документе звучала знакомая нота — “самым надежным основанием для мира и процветания Палестины было бы взаимопонимание между евреями и арабами”. Правительство заявляло, что с этой целью оно намерено провести в Лондоне совещание представителей сионистов, палестинских арабов и арабских государств. Если в течение определенного срока переговоры не приведут к соглашению, правительство само примет политическое решение и осуществит его независимо от готовности арабов и ев-

23 Чемберлен Невилл (1869–1940) — английский государственный деятель, консерватор. В 1923–1924 гг. и 1931–1937 гг. — министр финансов, в 1937–1940 гг. — премьер-министр Великобритании. Инициатор политики умиротворения нацистской Германии и фашистской Италии, вместе с премьер-министром Франции Э. Деладье подписал Мюнхенское соглашение в ноябре 1938 г., фактически отдающее Чехословакию Германии. В отношении Палестины проводил политику умиротворения арабских националистических кругов за счет интересов *ишува*.

реев к сотрудничеству. В 1936–1937 гг., в первый период арабского восстания в Палестине, Лондон признал, что мандат не выполняет своего назначения, о чем арабские националисты говорили с самого начала. Теперь, когда наступил новый этап восстания, план раздела был отклонен без всяких попыток претворить его в жизнь. Арабы, несомненно, извлекли из этого важнейший урок: насилие — эффективный путь борьбы за их права в Палестине.

Лондонская конференция за круглым столом

Уже за несколько недель до того, как в феврале 1939 г. началась Лондонская конференция за круглым столом, англичане наложили суровые ограничения на еврейскую иммиграцию и на покупку евреями земли. В декабре 1938 г. мандатная администрация ответила отказом на просьбу о немедленном спасении десяти тысяч еврейских детей из Центральной Европы. Еще одной, и весьма значительной, уступкой арабам было согласие англичан на требование муфтия, все еще находившегося в изгнании в ливанской деревне Аль-Зуг. Хадж Амин добивался освобождения членов Верховного арабского комитета, посланных на Сейшельские острова, и их аккредитации в качестве участников делегации палестинских арабов на Лондонской конференции. Члены Верховного комитета были освобождены, доставлены на Ближний Восток, а после совещания с Хадж Амином они выехали в Лондон. Хотя в состав палестинской делегации были включены два представителя фракции Нашашиб, подавляющее большинство в ней составляли сторонники Хусейни. Зато представители других арабских государств, приехавшие в Лондон, были значительно более достойными и уважаемыми людьми. Среди них был трансйорданский эмир Абдаллах, министр иностранных дел Ирака Нури ас-Сайд, принц Фейсал из Саудовской Аравии²⁴ и ведущие парламентарии и политические деятели из Египта. Еврейскую делегацию возглавляли Вейцман, Бен-Гурион и Бен-Цви, бывший в то время президентом *Ваад Леуми* в Палестине, а также два представителя еврейства диаспоры — раввин Стивен Уайз, лидер американского сионизма, и лорд Рединг²⁵, самый видный еврейский деятель Англии.

24 Фейсал ибн Абд ад-Азиз ас-Сауд (1906–1975) — король Саудовской Аравии в 1964–1975 гг. В 1931–1953 гг. — министр иностранных дел, в 1953–1960 гг. и в 1962–1964 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел. Заняв королевский престол, сохранил портфели премьер-министра и министра иностранных дел.

25 Джеральд Руфус Айзекс — маркиз Рединг (1889–1960), единственный сын Д. А. Рединга — вице-короля Индии, адвокат и политический деятель. В 1951–1953 гг. — заместитель министра иностранных дел Великобритании. В 1953–1957 гг. — министр иностранных дел.

Конференция открылась 7 февраля 1939 г. в Сент-Джеймском дворце. После того как арабы отказались быть в одном зале с евреями, были приняты меры, чтобы делегации находились порознь. В результате получилось две параллельные конференции, которые работали до завершения круглого стола 17 марта. Как всегда, еврейскую позицию особенно удачно защищал Вейцман. Лидер сионистов с пониманием отнесся к беспокойству арабов относительно того, что еврейская иммиграция превысит абсорбционные возможности Палестины, и вновь попытался развеять эти опасения. Он просил англичан не ограничивать иммиграцию в “этот тяжелейший час еврейской истории”. Точку зрения арабов изложил Джамиль аль-Хусейни. Его речь, как и речь муфтия перед комиссией Пиля за два года до этого, была бескомпромиссной: он требовал отмены мандата и еврейской иммиграции в обмен на договор, гарантирующий соблюдение интересов Великобритании в Палестине.

В какой-то момент обсуждение едва не зашло в тупик: арабы потребовали объявить, какие обязательства англичане дали шерифу Мекки Хусейну во время Первой мировой войны. Министерство по делам колоний в конце концов уступило этим требованиям, и 15 февраля впервые был официально опубликован полный текст переписки Мак-Магона с Хусейном. Растущая проарабская ориентация Лондона была заметна по тому, с какой готовностью англичане согласились на переоценку причин, приведших к оккупации Святой земли, публично признав, что “доводы арабов [согласно которым Палестина была частью территории, первоначально обещанной Хусейну] убедительнее, чем представлялось ранее...”. А во время частной встречи с сионистами министр по делам колоний Макдональд откровенно заявил, что британские коммуникации на Ближнем Востоке в большой степени зависят от взаимопонимания с арабским миром. Война неизбежна, и у правительства Его Величества не остается выбора — оно должно добиться того, чтобы арабские страны не обратились за помощью к враждебным Англии державам. Если приходится выбирать между арабской и еврейской поддержкой, объяснял Макдональд, то помощь евреям, какой бы ценной она ни была, не сможет возместить Великобритании потерю арабских и мусульманских симпатий. Первый этап переговоров завершился 13 февраля. Макдональд спросил, действительно ли евреи считают, что следует добиться согласия арабов на еврейскую иммиграцию. Вейцман резко парировал этот вопрос: “А разве англичане находятся в Палестине с согласия арабов?”

Второй этап переговоров начался 15 февраля, когда англичане стали оказывать давление на евреям, чтобы те согласились ввести на несколько лет иммиграционную квоту, а если впоследствии и увеличивать ее, то только с согласия арабов. Предложение, по сути дела, противоречило идее развития еврейского национального очага и лишало в будущем беженцев возможности обрести убежище в Палестине. Когда сионистская делегация возмущенно

отвергла этот план, Макдональд дал понять, что англичанам, возможно, придется уйти из Палестины и оставить евреев лицом к лицу с превосходящими силами арабов. “Пока за спиной евреев стоит английское правительство, — впоследствии объяснял он, — арабы никогда не остановят их на полдороге”. Однако, очевидно, сами англичане — премьер-министр Чемберлен и Макдональд — тоже не собирались останавливаться на полдороге. Основное требование арабов оставалось неизменным: отмена мандата и предоставление независимости Палестине в форме контролируемого арабами государства. Британское правительство в принципе согласилось на это, и разговор шел теперь в основном лишь о судьбах еврейского меньшинства. Англичане настаивали на особых правах для евреев, а арабы не хотели на это пойти.

С 1 по 12 марта проходил заключительный этап переговоров: он был посвящен преимущественно юридическим дискуссиям, поскольку британская сторона внесла целый ряд предложений. Среди них были: федерация кантонов, парламент, в котором нижняя палата избирается согласно пропорциональному представительству, а верхняя формируется на паритетных основаниях; или парламент с одной палатой, в котором некоторые вопросы утверждаются раздельным голосованием еврейских и арабских депутатов, — и еще целый ряд идей. Ни одно из предложений принято не было. 11 марта министр по делам колоний сделал последнюю попытку привлечь евреев на свою сторону. Оставив дипломатические тонкости, он предупредил сионистов, что еврейская иммиграция — причина арабских волнений и, если уж говорить откровенно, возродившегося в Англии антисемитизма. “Английское правительство, всегда стремившееся к дружбе с евреями, — сказал он, — не желает этого никоим образом”.

Не надеясь добиться соглашения между арабами и евреями, Макдональд 15 марта сам сформулировал принципы решения палестинского вопроса, как его трактовало английское правительство. Он предложил на ближайшие пять лет ограничить еврейскую иммиграцию 75 тыс. человек в год; в дальнейшем масштабы иммиграции должны были определяться по договоренности с арабами. Ограничения накладывались и на приобретение земли. Единственная уступка сионистам заключалась в том, что решение о независимом палестинском государстве с правительством арабского большинства пока откладывалось. Хотя обе стороны отвергли позицию Макдональда, было очевидно, что положение евреев резко ухудшилось. Лондонская конференция завершилась 17 марта 1939 г., а два месяца спустя британская политика сформулировала свое решение в официальной Белой книге. В течение этих двух месяцев сионисты делали все возможное, чтобы предотвратить или хотя бы отсрочить заявление англичан, основанное на предложениях 15 марта. Но их усилия не принесли результатов. 21 марта Вейцман посетил Чемберлена на Даунинг-стрит, 10. “Я снова попросил премьер-министра вмешаться и не допустить публи-

кации Белой книги, — вспоминал впоследствии лидер сионистов. — Я сказал: “С нами случится то же, что с Австрией и Чехословакией”²⁶. И это произойдет с народом, который, хотя и не имеет собственного государства, однако играет и будет играть огромную роль в истории””. Вейцман, кроме того, подчеркнул, что Англия нуждается в поддержке американцев, а в Америке еврейская община пользуется большим влиянием. Но намек на возможности евреев в Соединенных Штатах в 1939 г. не имел такого успеха, как в 1917 г., когда подобные соображения в значительной мере побудили кабинет принять Декларацию Бальфура. Теперь собственные интересы Великобритании можно было защитить, только поддерживая добрые отношения с арабами. “Премьер-министр Англии сидел передо мной, как мраморное изваяние, — вспоминал Вейцман, — устремив на меня ничего не выражающий взгляд и не говоря ни слова”.

Как показали события, англичане приняли решение (возможно, неизбежное в их положении) умиротворить арабов как раз в тот момент, когда восстание в Палестине пошло на спад. После Мюнхенского сговора британское правительство без особой опаски могло направить войска за пределы страны. Как уже говорилось, к концу 1938 г. армейские части и полиция в Палестине составляли 20 тыс. человек. Эти силы последовательно вытесняли арабских мятежников из одной деревни за другой. В то же время между арабскими националистическими лидерами в Палестине и членами Верховного арабского комитета в Дамаске усиливались разногласия. Палестинцы обвиняли комитет в денежных злоупотреблениях. Командующий арабскими повстанцами Абд аль-Рахим ушел со своего поста в январе 1939 г. и был заменен Арефом аль-Раззаком. Через два месяца приспешники муфтия убили Абд аль-Рахима, а Раззак бежал в Дамаск и сдался французам. В августе 1939 г., после трех лет беспорядков, в Палестине наступило спокойствие. За это время число пострадавших составило 6768 человек, из них 2394 еврея, 610 англичан и 3764 араба.

Белая книга 1939 года

В начале мая 1939 г. Вейцман был приглашен в загородную резиденцию Макдональда. Лидер сионистов направился туда со своим секретарем Са-

²⁶ После прихода Адольфа Гитлера к власти в 1933 г. нацистская Германия стремилась осуществить аншлюс (нем. “присоединение”) Австрии. 11–12 марта 1938 г. Германия оккупировала Австрию. 13 марта был опубликован закон “О воссоединении Австрии с Германской империей”, согласно которому Австрия объявлялась “одной из земель Германской империи”. О Чехословакии — см. выше (Глава IX. Великобритания отказывается от раздела Палестины).

харовым, который остался ждать его возле дома министра. Через два часа Вейцман вышел бледный и взволнованный. Он и раньше не раз слышал, что англичане коварны и двуличны, сказал он Сахарову, но, имея длительный опыт общения с ними, никогда этому не верил — до сегодняшнего дня. “И он разразился неудержимой бранью в адрес Макдональда, — вспоминал секретарь Вейцмана. — “Как он мог так поступить! Ведь я верил в его дружбу”, — воскликнул лидер сионистов, овладев собой”. В ходе беседы Макдональд сообщил Вейцману о подготовке Белой книги, опубликованной 17 мая 1939 г.

Этот документ был официально оглашен в парламенте. В начале Белой книги вновь говорилось об обязанности мандата обеспечивать религиозные и гражданские права всех жителей Палестины и развивать органы самоуправления. При этом признавалось, что ни Декларация Бальфура, ни условия мандата не исключали возможности создания еврейского государства, однако подчеркивалось, что учредители мандата “не имели намерения превратить Палестину в еврейское государство против воли арабского населения страны”. В Белой книге отмечалось, что Великобритания не может до бесконечности продолжать опеку над Палестиной. Поэтому правительство обязано сообщить о своих планах на будущее.

Планы эти заключались в том, чтобы в течение десятилетия создать независимое палестинское государство, постепенно (в течение пяти лет “после восстановления мира и порядка”) передать управление страной с помощью британских советников в руки народа Палестины и обеспечить безопасность еврейской и арабской общин, святых мест и английских стратегических интересов. Если по истечении десяти лет потребуется отсрочить провозглашение государства, Великобритания проведет консультации с представителями обоих народов. При этом Белая книга предостерегала против продолжения неограниченной еврейской иммиграции, которая может вынудить Англию применить в Палестине силу, что находится в противоречии с уставом Лиги Наций. Поэтому правительство Его Величества решило установить квоту на еврейскую иммиграцию в размере 10 тыс. человек ежегодно в течение ближайших пяти лет плюс еще 25 тыс. человек. По истечении этого срока, когда в Палестину прибудет 75 тыс. евреев, дальнейшая иммиграция будет разрешена только с согласия арабов. Продажа земли евреям запрещается с момента опубликования Белой книги.

Эта политическая декларация фактически приостановила развитие еврейского национального очага. Теперь Палестина могла предоставить убежище лишь ничтожной части беженцев — и это в тот момент, когда европейское еврейство находилось на пороге гибели! Тем не менее, как бы ни был втайне доволен Верховный арабский комитет, он из тактических соображений отверг Белую книгу на том основании, что евреи получили при-

вилегии во время переходного периода. Лишь немногие арабские лидеры, в том числе Абдаллах, публично признали, что уступки англичан в ответ на требования арабов вполне приемлемы и даже превосходят ожидания. Реакция сионистов была однозначной. 18 мая, на следующий день после появления Белой книги, по всей Палестине прошли еврейские демонстрации и митинги протеста. Во время этих волнений один полицейский был убит. От имени Еврейского агентства с официальным заявлением выступил Бен-Гурион:

“Еврейский народ не примирится с такой политической линией... Подобный режим может быть установлен только силой... Нет сомнений, что евреям придется начать борьбу, чтобы не оказаться под властью арабов. А подавление еврейского восстания против английской политики будет столь же трудным делом, как подавление арабского восстания”.

Та же угроза, но в несколько смягченном виде, содержалась и в письме Бен-Гуриона, направленном 31 мая верховному комиссару. Одновременно с этим еврей-ветераны в Палестине стали отказываться от английских орденов и медалей. Многие считали, что сдержанный курс Еврейского агентства себя не оправдал. Подпольная вооруженная организация ревизионистов *Эцель* совершила несколько взрывов в государственных учреждениях Тель-Авива и Иерусалима и ряд диверсий на железной дороге.

В Англии Белая книга тоже вызвала серьезное недовольство. Почти все газеты подвергли этот документ критике. 22 мая Леопольд Эмери, выступая в парламенте, обвинил авторов Белой книги в отказе от международных обязательств Великобритании и предупредил, что евреи Палестины — это не бесправное еврейское меньшинство в Европе, а народ, уже познавший, что такое свобода. Этот народ будет сражаться, подчеркнул Эмери. “Я надеюсь, что палестинские евреи заявят, — сказал тогда же в палате общин полковник Веджвуд, — что этот закон бесчеловечен и они считают своим долгом его нарушить, и тогда они сумеют объединиться против этого закона”. Однако с особо резкой критикой выступил Черчилль. “Обязательство предоставить убежище было дано не евреям Палестины, — подчеркивал он, — а евреям за пределами Палестины, бесчисленному множеству несчастных, рассеянных по всему миру, преследуемых, бесприютных евреев, которые с таким постоянным и непобедимым упорством стремились к своему национальному очагу... Таково было наше обязательство, и теперь нам предлагается его нарушить...” Через несколько дней на ежегодной майской конференции в Саутпорте английские лейбористы осудили Белую книгу и тем самым поддержали депутатов парламента от своей партии. Когда в конце мая палестинский вопрос был поставлен на голосование в палате общин,

кабинету удалось получить лишь незначительное большинство. Всего 268 голосов из 413 было подано “за”, против Белой книги проголосовало 179 человек, при этом воздержалось от голосования небывало большое число депутатов.

Однако антиссионистская интерпретация мандата, принятая правительством Чемберлена, нуждалась не только в одобрении парламента, но и в согласии мандатной комиссии Лиги Наций. В июне три ее заседания были посвящены кризису в Палестине. Макдональд лично предстал перед комиссией, чтобы обосновать содержание Белой книги. По его утверждению, план английского правительства давал надежду на урегулирование арабско-еврейского конфликта и логически продолжал Белую книгу Черчилля 1922 г. (первый английский политический документ, в котором ограничивались права сионистов в Палестине). Кроме того, еврейский национальный очаг стал достаточно жизнеспособным и не нуждается в иммиграции. Члены комиссии этих доводов не приняли. В докладе Совету Лиги Наций они заявили, что “политика, сформулированная в Белой книге, не согласуется с той интерпретацией, которую комиссия совместно с государством-мандаториумом и Советом ранее дала палестинскому мандату”.

Позиция, занятая этой международной организацией, была для евреев слабым утешением. В каком настроении они находились, стало ясно на 21-м Сионистском конгрессе, открывшемся 16 августа 1939 г. в Женеве. Несогласие царило среди делегатов, подавляющее большинство которых в прошлом всегда выступало за добрые отношения с англичанами. Бен-Гурион возглавил влиятельную группу, призывавшую к активному сопротивлению. “Белая книга создала ситуацию, которую могут разрешить только сами евреи, — утверждал он. — Они должны действовать так, как если бы в Палестине существовало государство, и продолжать эти действия до тех пор, пока в Палестине не возникнет еврейское государство”.

Еврейское агентство официально одобрило тайную иммиграцию, а неофициально — начало ее осуществлять. Особенно поток нелегальных иммигрантов увеличился летом 1939 г. В июле Министерство по делам колоний в ответ на это аннулировало квоту на следующее полугодие. Продолжали организовываться новые сельскохозяйственные поселения. Это настолько вывело из себя англичан, что они потребовали от еще не распущенных отрядов гафиров сдать оружие. Проходившие подготовку новобранцы *Гиганы* были арестованы. Тогда Еврейское агентство начало тайно проводить допризывную регистрацию мужчин и женщин в возрасте от 18 до 35 лет. Для осуществления операций против англичан организовывались специальные подразделения. В этой ситуации всегда умеренный Вейцман напомнил Еврейскому конгрессу, что нельзя одновременно заверять англичан в поддержке со стороны сионистов и *ишува* в случае войны с Германи-

ей и подрывать основы британского мандата в Палестине. “В этот решающий час мой долг заявить Великобритании, а вместе с ней всем западным демократиям: у нас есть обиды... но существует нечто более значительное, чем наша горечь и сожаление. Демократии борются за то насущное, что... необходимо для жизни еврейства. Их тревоги — наши тревоги, их война — наша война”.

Именно на беспомощность евреев и отсутствие у них выбора рассчитывали англичане, когда формулировали политические положения Белой книги. Этот противоречивый документ нельзя не считать примером политики умиротворения, но его невозможно сравнивать и с позорным Мюнхенским соглашением. В конце концов, у арабов тоже были свои серьезные аргументы. Их враждебность по отношению к евреям отражала нечто большее, чем беспокойство нескольких эфенди за свое достоинство или чем успехи фашистской и нацистской пропаганды. Как уже говорилось, арабское сопротивление свидетельствовало о страхе перед растущей мощью *ишува*, еврейских капиталов, знаний и энергии. Теперь, на пороге войны, Чемберлену и Макдональду, естественно, хотелось обеспечить хотя бы минимум безопасности британским инвестициям и концессиям на Ближнем Востоке. Нельзя было допустить, чтобы арабы попали в немецкую сферу влияния хотя бы потому, что большая часть нефтяных ресурсов Британского Содружества находилась в арабском мире. “Разрыв Великобритании с арабскими государствами, — писал Кристофер Сайке, самый яркий из сочувствующих сионизму английских историков, — в тот момент, когда Европа находилась в преддверии войны, был бы беспрецедентным актом безумия”. Палестина почти двадцать лет находилась под опекой англичан, и на протяжении всего этого времени мандатная администрация честно стремилась к тому, чтобы справедливо обращаться как с арабами, так и с евреями. Но теперь, когда дело касалось самого существования Англии, следовало позаботиться о собственных национальных интересах. Ни одно серьезное правительство не стало бы пренебрегать этой своей обязанностью.

Так или иначе, победа арабов была отнюдь не полной. Их лидеры были серьезно обеспокоены перспективой 75-тысячной еврейской иммиграции в последующие пять лет. После того как арабская партия Национальной защиты (сторонники Нашашиви) приняла Белую книгу в качестве предварительной основы для переговоров, один из ее членов был немедленно убит террористами муфтия. Были и другие акты насилия. Тем не менее с помощью Белой книги в целом удалось успокоить арабский мир, что и было целью этого документа. Рассчитанная на ближайшее будущее проарабская политика англичан была оправданна с точки зрения собственных интересов Великобритании. Но в дальней перспективе этот курс был неудачен, поскольку он положил конец многолетнему англо-еврейскому сотрудниче-

ству и был оторван от морально-правовой основы, на которой возник палестинский мандат.

Евреи находились не в том положении, чтобы утешаться собственной правотой. Белую книгу они рассматривали как смертный приговор европейскому еврейству, а также, вероятно, и еврейскому государству в Палестине. Поздним вечером 24 августа 1939 г. Вейцман простился с делегатами Сионистского конгресса в Женеве. Надвигался общеевропейский конфликт, и напряженная атмосфера последнего заседания конгресса свидетельствовала о ясном предвидении грядущей трагедии. Делегаты разъезжались в мрачном настроении. Вейцман, в частности, сказал: “Я расстаюсь с вами с тяжелым сердцем... Если, как я надеюсь, судьба пощадит нас и мы продолжим нашу работу, то, возможно свет вновь озарит непроглядную тьму... Есть вещи, которых нельзя избежать, которые неминуемы в этом мире”. Глубокая горечь охватила делегатов. Вейцман обнялся со своими коллегами на перроне. У некоторых на глазах были слезы. Не многие европейские делегаты пережили войну.

Глава X.

Палестина во Второй мировой войне

Успехи и неудачи англичан

Вступая в войну, Великобритания была совершенно уверена в скорой победе на Ближнем Востоке. Французы прочно удерживали Северную Африку и Левант, англичане полностью контролировали Египет, Палестину, Трансиорданию и Ирак, в Лондоне не сомневались в неуязвимости армии и флота союзников в Средиземноморье и Персидском заливе. Эта уверенность была поколеблена после нацистского блицкрига в Европе, поражения Франции и вступления Италии в войну. Сразу после этого тысячи километров североафриканского и сирийского побережья и весь средиземноморский флот Франции оказались в руках формально нейтрального вишистского правительства, под наблюдением германской и итальянской комиссий по перемирию. Однако положение Великобритании все же нельзя было считать отчаянным. Итальянские войска в Ливии казались грозными лишь на первый взгляд. Это стало очевидным зимой 1940/1941 гг., когда уступавшая итальянцам по численности английская армия под командованием генерала Уэйвелла¹ наголову разбила легионы Муссолини в Северной Африке.

Однако передышка была недолгой. Придя на помощь союзнику, Гитлер в марте 1941 г. направил в Триполитанию две бронетанковые дивизии во

¹ Уэйвелл Арчибалд Персивал (1883–1950) — английский военный и государственный деятель, фельдмаршал (1943). Во время Второй мировой войны — главнокомандующий британскими силами на Ближнем Востоке (армия “Нил”). 9 декабря 1940 г. британские войска под его командованием начали наступление и, разбив превосходящие итальянские силы, захватили всю Киренаику. В 1941–1943 гг. — главнокомандующий британскими войсками в Индии. С октября 1943 г. по январь 1947 г. — вице-король Индии.

главе с блестящим генералом Эрвином Роммелем². В последний день марта германские части перешли границу Киренаики. Начиная с этого момента, англичане в течение года с лишним находились в обороне, а затем чудом избежали разгрома. Особенно тяжелым оказался для них июнь 1942 г., когда армия Роммеля взяла порт Тобрук, который удерживала 35-тысячная армия Британского Содружества. Через три недели английская Восьмая армия отступила к Александрии. Великобритании угрожала колоссальная военная катастрофа, сравнимая только с падением Франции, — ведь если бы немцы взяли Александрию, оборонять Суэцкий канал стало бы невозможно. Беззащитными оказались бы Палестина и Сирия. В преддверии решающего сражения началась массовая эвакуация британских граждан. Переполненные поезда шли из Каира на восток, в Палестину. Над зданием английского посольства висело облако гари — дипломаты жгли секретные документы.

Все то время, пока английские войска отступали в Африке, измученная войной Великобритания почти не получала поддержки от своих арабских партнеров. Еще в самом начале египетское правительство отказалось объявить войну Италии, хотя Александрия подверглась итальянским бомбардировкам. В мае 1941 г. генерал Азиз Али аль-Мисри, бывший генеральный инспектор египетской армии, тайно вылетел в Бейрут на борту военного самолета. Самолет был перехвачен английскими истребителями, и выяснилось, что генерал собирался перейти на сторону противника, имея при себе важнейшие данные о британских вооруженных силах. Более того, это открытие позволило приоткрыть только краешек обширного египетского заговора. За месяц до этого сам король Фарук связался с Гитлером через своего посла в Тегеране. В послании короля говорилось, что “он восхищен действиями фюрера, питает уважение к немецкому народу и самым искренним образом желает ему победы над Англией... Теперь, когда победоносные немецкие войска вышли к египетским границам, [египетский] народ... с нетерпением ожидает их вступления в страну, зная, что немцы придут [в Египет] как освободители...”. В последующих посланиях Фарук передавал немцам разведывательные данные о дислокации британских ча-

2 Роммель Эрвин (1891–1944) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (1942). С октября 1938 г. — комендант ставки Гитлера. С февраля 1940 г. командовал Седьмой танковой дивизией на французском фронте. С февраля 1941 г. — командующий немецкими экспедиционными войсками в Ливии. В сентябре 1941 г. Роммель был назначен командующим немецко-итальянской танковой группы “Африка”, которая 21 января 1942 г., разгромив превосходящие английские войска, начала наступление. К 27 мая 1942 г. группа “Африка” находилась к югу от Эль-Аламейна, недалеко от Александрии. 23 октября 1942 г. превосходящие английские войска перешли в наступление. Роммель был вынужден отступить из Египта. С июля 1943 г. — командующий группой армий “Б” во Франции. Был связан с участниками заговора 20 июня 1944 г. против Гитлера. По приказу Гитлера покончил жизнь самоубийством.

стей и выражал готовность “в решающий момент прийти на помощь армиям стран Оси”. В это же время в Ираке пришло к власти враждебное англичанам правительство премьер-министра Рашида Али, поддержанного группой офицеров-заговорщиков. В апреле 1941 г. иракский кабинет, ориентировавшийся на Германию и Италию, обратился к немцам с просьбой о “покровительстве”. Гитлер немедленно откликнулся на эту просьбу: был налажен воздушный мост, и через Сирию в Ирак начали поступать оружие и боеприпасы. В мае англичанам пришлось осуществить дорогостоящую военную операцию, чтобы свергнуть режим Рашида Али; спустя месяц понадобилась еще более масштабная операция против Сирии для того, чтобы положить конец растущему влиянию немцев в Леванте.

Однако никто с таким энтузиазмом не налаживал связи с немцами и итальянцами, как находившийся в изгнании иерусалимский муфтий. В октябре 1939 г. Хадж Амин бежал из Аль-Зуга в Багдад, где получил высокий пост. Из иракской столицы он направил своего представителя Наджи Шавката с секретной миссией в Анкару. Там Шавкат вручил германскому послу Францу фон Папену личное послание муфтия. В этом письме муфтий поздравлял Гитлера

“... по случаю великих политических и военных побед, которые [Вы] достигли благодаря своему гению и силе предвидения... Весь арабский народ испытывает огромную радость и глубочайшую благодарность в связи с этими грандиозными успехами... Арабский народ... уверен в том, что итогом Вашей окончательной победы станет независимость и полное освобождение арабов... [Тогда они] заключат с Вашей страной договор о дружбе и сотрудничестве”.

Пока в Берлине размышляли над этим посланием, Хадж Амин в августе 1940 г. отправил к немцам еще одного эмиссара, чтобы подтвердить свое намерение сотрудничать. В результате 23 октября 1940 г. Германия и Италия в совместном заявлении выразили симпатии арабам, борющимся за независимость.

Некоторое время эти контакты не выходили за рамки обмена любезностями. После свержения правительства Рашида Али в мае 1941 г. муфтий бежал из Ирака в Иран, а оттуда перебрался в Турцию. В конце июля он вылетел на немецком самолете из Анкары в Рим. 27 октября муфтия принял Муссолини. Теперь, когда страны Оси одерживали на Ближнем Востоке одну победу за другой, отношения с арабами приобрели особое значение. После переговоров Хадж Амина с дуче был составлен проект заявления, которое было согласовано с Берлином и затем опубликовано за подписями Муссолини и Гитлера. В этом документе страны Оси принимали обязательство признать суверенитет и независимость арабских госу-

дарств и обещали помощь в “ликвидации еврейского национального очага в Палестине”.

3 ноября 1941 г. муфтий отправился из Рима в Берлин. Там Хадж Амина приняли с почетом, и 30 ноября он получил аудиенцию у Гитлера. Муфтий снова выразил свою безграничную признательность фюреру и готовность сотрудничать с Германией во всех сферах: он предложил, в частности, сформировать Арабский легион. Однако, как и прежде, он подчеркивал, что признательность арабов можно завоевать лишь официальным выражением поддержки их национальной независимости и единства. Согласившись с этим в принципе, Гитлер ответил, что предпочел бы дожидаться, когда его войска прорвутся через южные отроги Кавказского хребта. Тогда целью рейха будет не оккупация арабских стран, как утверждают англичане, а уничтожение палестинского еврейства. После этого муфтий станет официальным представителем всего арабского мира. Хадж Амина тронули эти заверения.

С одобрения Гитлера он без промедления начал вербовать арабов, находившихся на оккупированных немцами и итальянцами территориях, в Арабский легион. Из этого ничего не вышло — лишь очень небольшое число пленных палестинских солдат согласилось вступить в легион. Однако летом 1942 г., когда немецкие войска подошли к Александрии, а на Восточном фронте оказались на подступах к Кавказу, страны Оси усилили пропаганду в арабском и мусульманском мире. Ради этого муфтий не жалел сил. Регулярно выступая в программе немецкой радиостанции, он “во имя Аллаха” призывал мусульман к восстанию против англичан. Он отправился в Югославию, чтобы вербовать добровольцев среди мусульман Боснии. Однако эти добровольцы (их было около 6 тыс.) под командованием немецких офицеров были брошены на Восточный фронт. К этому времени муфтий уже не слишком уповал на то, что арабы будут существовать под германско-итальянским покровительством. Его планы были теперь сосредоточены на подготовке арабского восстания, которое должно было начаться в тот момент, когда Роммель захватит дельту Нила и двинется на Палестину. В конце июня 1942 г. казалось, что надежды муфтия вот-вот сбудутся.

Единственный союзник

Когда Англия оказалась в трудном положении, на Ближнем Востоке у нее остался один союзник — евреи. Впрочем, перед лицом нацистской угрозы им ничего другого и не оставалось. За четыре дня до начала войны Вейцман направил Чемберлену письмо, где заверял его, что еврейство, высту-

пающее на стороне Великобритании, готово предоставить в распоряжение англичан свои людские ресурсы и технические средства. “В последнее время у Еврейского агентства имелись некоторые расхождения с мандаторием по политическим вопросам, — писал Вейцман, слегка скрашивая реальную ситуацию. — Мы хотели бы, чтобы эти разногласия ушли в прошлое ввиду значительно более серьезных и неотложных проблем сегодняшнего дня. Мы заверяем Вас в серьезности и искренности этого заявления”.

Ответ премьер-министра ни к чему его не обязывал. “В данный момент я могу сказать только, — ответил Чемберлен, — что приветствую Ваши заявления и буду иметь их в виду”. Позиция Вейцмана получила одобрение в еврейской среде, несмотря на отдельные возражения. Бен-Гурион, председатель исполнительного комитета Еврейского агентства, считал, что следует продолжать борьбу против Белой книги, даже если это повлечет за собой активные выступления против англичан. В 1940 г. этот вопрос несколько раз обсуждался на заседаниях исполнительного комитета агентства, но Бен-Гуриону не удавалось заручиться поддержкой большинства. Так или иначе, нацистский блицкриг в Европе и замена Чемберлена Черчиллем вскоре положили конец дебатам. В Палестине прекратились акты насилия, а нелегальная радиостанция *Гаганы* была закрыта.

Еврейское агентство мобилизовало ресурсы *ишува*, чтобы привести сельское хозяйство и промышленность в соответствие с военными потребностями. Пахотные земли были увеличены на 70%. В начале войны действовало 2 тыс. еврейских предприятий, на протяжении следующего года открылось еще 400 новых, выпускавших преимущественно продукцию для английской армии. К 1945 г. число заводов утроилось. Чем дальше, тем больше экономика *ишува* ориентировалась на военные потребности Великобритании. В Палестине производились противотанковые мины, детали для стрелкового оружия, танковые моторы, малотоннажные военные суда, запасные части для автомобилей и военная форма, был налажен ремонт орудий, судов, машин. Кроме того, выпускалось лабораторное и медицинское оборудование, оптические приборы, а также лекарства, в том числе вакцины.

В 1943 г. 63% всей рабочей силы *ишува* было занято на оборонном производстве. Кстати, именно эта деятельность заложила фундамент еврейской экономики в послевоенной Палестине.

В первый же месяц войны *Ваад Леуми* объявил запись добровольцев на военную службу. Через пять дней было зарегистрировано уже 136 тыс. человек — мужчин и женщин. Ими руководило не только желание сражаться против нацистов, но и надежда на то, что существование боеспособной еврейской армии заставит англичан по-другому отнестись к целям сионистов. Кроме того, военный опыт мог пригодиться впоследствии. Еврейское агентство стремилось к тому, чтобы добровольцы были организованы в са-

мостоятельные части, со своим знаменем, наподобие Еврейского легиона во время Первой мировой войны. Но эта идея с самого начала встретила сопротивление со стороны английских военных и гражданских чиновников на Ближнем Востоке. Генерал сэр Ивлин Баркер, командующий английскими войсками в Палестине, предостерегал Лондон, что создание еврейских боевых частей на территории мандата может спровоцировать новое арабское восстание. Поэтому военный министр Лесли Гор-Бэлиш (сам еврей по национальности) “на некоторое время” наложил запрет на создание Еврейского легиона. Тогда же английскому послу в Вашингтоне были посланы инструкции избегать всяких договоренностей с американскими сионистами. Великобритании нужна была поддержка евреев в войне, но “без заблуждений относительно возможной компенсации, будь то в форме иммиграции в Палестину или в каком-либо ином виде”.

Только после поражения союзников в Европе появились какие-то шансы на более конструктивный подход. Весной 1940 г. правительство Чемберлена ушло в отставку. Премьер-министром стал Уинстон Черчилль. На посту министра по делам колоний лорд Ллойд сменил Малкольма Макдональда. Энтони Иден³ возглавил военное ведомство, которым до этого руководил Гор-Бэлиш. Тогда Вейцман снова попросил англичан разрешить евреям формирование собственных боевых частей. Ввиду растущей угрозы Ближнему Востоку со стороны Германии и Италии, отмечал лидер сионистов, “участие в борьбе является неотъемлемым человеческим правом” евреев. Этот довод произвел впечатление на лорда Ллойда, а также на заместителя начальника британского Генерального штаба генерала Роберта Хейнинга, которые пообещали свое содействие. Однако сионистов вновь ожидало разочарование: Ллойд по совету генерала Уэйвелла пересмотрел свою позицию. На время победили взгляды осторожного руководства ближневосточных войск.

Однако новый премьер-министр, как выяснилось, не разделял подобного недоверия к евреям. Напротив, Черчиллю импонировала мысль вооружить палестинское еврейство и тем самым высвободить английские гарнизоны, стоящие в Святой земле, для операций на других фронтах. 26 июня он направил Ллойдю меморандум, в котором выражал сожаление относительно “суровых ограничений, принятых Вашим предшественником [Макдональдом] к евреям в Палестине, где бесполезно простаивают защищающие их войска. Прошу Вас точно сообщить мне, каким оружием располагают ев-

3 Иден Антони, лорд Эйвон (1897–1977) — английский государственный деятель, один из лидеров Консервативной партии. Министр иностранных дел Великобритании в 1935–1938 гг. и 1951–1955 гг. Министр по делам доминионов в 1939–1940 гг. Военный министр в мае—декабре 1940 г. Премьер-министр с апреля 1955 г. по январь 1957 г. Играл активную роль в подготовке Синайской кампании 1956 г. (военных действий Израиля, Англии и Франции против Египта).

реи для самообороны”. Тремя днями позже Черчилль отверг возражения Ллойда. “Не думаю, что мусульмане на Ближнем Востоке и в Индии будут выражать недовольство, которого Вы опасаетесь”, — настаивал на своем премьер-министр. 6 сентября 1940 г., в критический момент “Битвы за Англию”⁴, Черчилль пригласил Вейцмана на неофициальный прием и заверил лидера сионистов, что полностью поддерживает проект создания еврейской армии. После этого начальнику Генерального штаба был направлен следующий меморандум:

1. Как можно большее число еврейских добровольцев должно быть набрано на военную службу в Палестине. Из них следует сформировать еврейские батальоны или более крупные соединения.
2. Министерство по делам колоний настаивает на том, чтобы соблюдался приблизительный паритет в количестве евреев и арабов, призванных в Палестине на службу в еврейские и арабские формирования. Поскольку число евреев-добровольцев в Палестине, очевидно, будет превышать число арабов, часть евреев следует направить для подготовки в Египет или в другие страны Ближнего Востока.
3. Офицерские кадры, необходимые для формирования одной еврейской дивизии, должны быть немедленно подобраны из числа палестинских евреев и посланы для подготовки в Египет”.

Таким образом, вопрос был решен, и через неделю Иден официально извещил Вейцмана о том, что “правительство намерено приступить к организации еврейской армии на тех же основаниях, что и чешской и польской армий”⁵. Это воинское соединение первоначально должно было вклю-

- 4 “Битва за Англию” 1940–1941 гг. — принятое в исторической литературе название периода борьбы Британских вооруженных сил по отражению интенсивных ударов немецких ВВС по Великобритании в августе 1940 — мае 1941 гг., наносимых с целью сломить оборону Великобритании и позволить немецкому ВМФ осуществить высадку частей вермахта на Британских островах. Для ведения воздушной войны немецкое командование использовало около 2600 самолетов. Английские силы ПВО насчитывали свыше 700 истребителей, до 2000 зенитных орудий, около 1500 аэростатов заграждения и радиолокационных станций на восточном побережье. В ходе “Битвы за Англию” немецкая авиация сбросила около 60 тыс. тонн бомб. Жертвы среди населения Великобритании составили свыше 86 тыс. человек (в том числе 40 тыс. убитых). Было повреждено и разрушено около миллиона зданий. Но, потеряв в ходе операции 1733 самолета, немецкое командование было вынуждено отказаться от плана высадки частей вермахта в Британию.
- 5 За пределами оккупированных Польши и Чехословакии были сформированы особые части, состоявшие из поляков и чехов и участвовавшие во Второй мировой войне в составе британской армии. Крупнейшим соединением такого рода была армия В. Андерса, созданная в 1941–1942 гг. из поляков, оказавшихся в советском плену после

чать 10 тыс. человек, в том числе 4 тыс. добровольцев из Палестины. После подготовки в Англии эти 4 тыс. должны были отправиться обратно на Ближний Восток. Вейцман был счастлив. “Наступил великий день, почти такой же великий, как день провозглашения Декларации Бальфура”, — писал он друзьям. В феврале 1941 г. лидер сионистов познакомился с генерал-майором Л. А. Хозом, много лет служившим в Индии, — теперь тот должен был стать командующим еврейскими войсками. Были готовы даже эскизы знаков различия новой армии.

Однако в феврале скоропостижно скончался лорд Ллойд, и его место занял лорд Мойн. Новый министр по делам колоний, попав под влияние Уэйвелла и Баркера, решил блокировать предложение о создании еврейской армии. Направляя Черчиллю один меморандум за другим, Мойн подчеркивал сложность политической ситуации на Ближнем Востоке и жаловался на нехватку боеприпасов и оборудования — в таких условиях создание новой армии было делом нереальным. Черчилль неохотно согласился с доводами министра и отложил решение этого вопроса. 4 марта Вейцману было направлено лаконичное извещение: “Премьер-министр пришел к выводу, что из-за нехватки оборудования проект должен быть отложен на шесть месяцев..” Через полгода, 23 октября 1941 г., Мойн сообщил о новой отсрочке: “Поскольку правительство должно оказывать всестороннюю помощь России, еврейскую дивизию создать невозможно”. В последующие месяцы сионистам так ничего и не удалось добиться. Мандатные власти продолжали упорно следовать рекомендациям Белой книги, а это означало, что теперь Великобритания руководствуется исключительно политическими соображениями. Прошло еще полтора года, прежде чем идея еврейской армии принесла какие-то плоды и в составе английской армии начала создаваться Еврейская бригада, но к этому времени кампания на Ближнем Востоке уже завершилась.

Однако евреи нашли иные пути участия в военных действиях. Начали возникать небольшие подразделения со своими младшими офицерами-евреями. Это было, в конечном счете, результатом многочисленных запретов, введенных англичанами. В начале войны генерал Баркер предложил создать смешанные арабско-еврейские роты “пионеров” (водителей, интендантов и военных строителей) и послать их на Западный фронт. Еврейское агентство оскорбилось, но ответило согласием. Подразумевалось, что количество евреев-добровольцев не должно превышать соответствующее число арабов. Однако от этого соотношения скоро пришлось отказаться: через

вступления советских войск на территорию Польши в сентябре 1939 г. Летом 1942 г. армия Андерса по согласованию между Советским Союзом, Польским правительством в изгнании и правительством Великобритании была выведена из Советского Союза на Ближний Восток и участвовала в боевых действиях в составе английской армии на Ближнем Востоке и Италии в 1942–1945 гг.

несколько дней евреи превысили свою квоту, а необходимого числа арабов так и не удалось набрать. Первые группы, вместе включавшие 500 палестинских евреев, прибыли во Францию в 1940 г. Их, в основном, использовали в ремонтных подразделениях. После того как Франция капитулировала, они в большинстве на время вернулись в Палестину, где их направили в аэродромное обслуживание английских военно-воздушных сил. Вскоре после этого, когда Италия вступила в войну, в британскую авиацию было набрано еще 1400 евреев, причем несколько десятков было принято для летной подготовки.

К началу 1942 г. в английской армии на Ближнем Востоке служило 11 тыс. евреев. Номинально они еще были приписаны к смешанным арабско-еврейским ротам. Фактически же эти подразделения состояли почти исключительно из евреев. В связи с этим сионисты потребовали, чтобы были сформированы батальоны. В Лондоне наконец уступили, и в августе 1942 г. эти батальоны, общей численностью в 18 тыс. человек, были созданы. Около 25% палестинских евреев несло в британской армии строевую службу. В июне 1942 г. во время отступления Восьмой армии англичан в Северной Африке тысяча палестинских евреев в составе бригады “Свободная Франция” обороняла деревню Бир-Хахейм — к 2 июля, когда на выручку подошли соединения генерала Пьера Кенига⁶ из войск де Голля⁷, из этой тысячи осталось в живых 45 человек.

- 6 Кёниг Мари Жозеф Пьер Франсуа (1898–1970) — французский военный деятель. В 1940 г. участвовал в боях в Нарвике и Северной Франции. Летом 1940 г. был эвакуирован из Дюнкерка британскими войсками и присоединился к “Свободной Франции”. Произведен в полковники и назначен начальником штаба Первой дивизии “Свободной Франции”. В 1942 г. — командир Первой бригады “Свободной Франции”. Во время битвы при Бир-Хахеме Первая бригада в течение 16 дней сдерживала наступление пяти немецко-итальянских дивизий. С апреля 1944 г. — командующий войсками “Свободной Франции” в Великобритании. После вступления войск в Париж в августе 1944 г. — военный губернатор города. В 1945–1949 гг. — командующий французскими оккупационными войсками в Германии.
- 7 Голль Шарль де (1890–1970) — французский государственный, военный и политический деятель. В начале Второй мировой войны командовал танковыми частями Пятой армии. В мае 1940 г. — командир Четвертой танковой дивизии в боях на реке Сомме. В июне 1940 г. де Голль — заместитель министра национальной обороны. После капитуляции Франции и падения Парижа выехал в Англию и обратился по радио к французскому народу с призывом о развертывании сопротивления германским оккупантам. Основал в Англии движение “Свободная Франция”, присоединившееся к антигитлеровской коалиции. В июне 1943 г. стал одним из двух председателей, а с ноября 1943 г. — единственным председателем Французского комитета национального освобождения, преобразованного в июне 1944 г. во Временное правительство Франции. В январе 1946 г. ушел в отставку с поста главы правительства. В декабре 1958 г. был избран президентом. В апреле 1969 г. ушел в отставку.

Помимо службы и содействия английской армии, у евреев была еще одна форма участия в войне — это деятельность *Гаганы*. Напомним, что во время восстания в конце 1930-х гг. еврейское подполье было неофициально признано мандатными властями. Однако в мае 1939 г. появление Белой книги нарушило негласную договоренность. После этого *Гагана* решила сосредоточить свои усилия на нелегальной иммиграции, но начавшаяся война помешала этим планам. После нескольких недель колебаний руководство подполья приняло точку зрения Еврейского агентства и вызвалось содействовать военным усилиям англичан, не прекращая, однако, нелегально обучать свои кадры. Из-за этого англичане скептически относились ко всем заверениям евреев. Сразу после начала боевых действий в Европе были арестованы сорок три лучших офицера *Гаганы*, в том числе Моше Даян и Моше Кармель. Они были осуждены на шестнадцать месяцев тюрьмы и только через полгода, после прихода Черчилля к власти, освобождены. Свободу получили и еще две группы, заключенные в тюрьму за хранение оружия.

Однако после немецкого blitzkriega 1940 г., когда военное положение Великобритании ухудшилось, правительство начало понемногу смягчать свою политику в отношении *Гаганы*. Поскольку Франция вышла из войны и Сирия оказалась в руках вишистов, нужно было изыскать средства, чтобы остановить немецкое проникновение на Ближний Восток. Поэтому англичане попросили старших офицеров *Гаганы* помочь в составлении списков слабо охраняемых мостов и туннелей в Ливане, Сирии, Турции и Иране. Были и другие формы сотрудничества. Ранней весной 1941 г. танковая армия Роммеля начала операции в Западной пустыне, а нацистское проникновение в Сирию приобрело более серьезный характер. Теперь англичане остро нуждались в помощи *Гаганы*. К сожалению, эта организация в тот момент была недостаточно сильна. Лучшие ее инструкторы и сотни бойцов пошли добровольцами в английскую армию, а подготовка резервистов могла проводиться только по выходным дням. В распоряжении *Гаганы* имелось всего несколько десятков “профессиональных” солдат — ветеранов из формирований Саде и ночных отрядов особого назначения Уингейта. Сил одних резервистов на случай совместного арабско-немецкого нападения было недостаточно. Вскоре стало ясно, что необходимо создать постоянно действующие еврейские части. Так и случилось: в мае 1941 г. *Гагана* организовала *Палмах* (сокращение от *плугот махац* — “ударные отряды”). В задачи *Палмаха* входила защита *ишува* от арабских банд, которые, безусловно, начали бы нападения на еврейские города и поселения при отступлении англичан из Палестины. Главное же, в случае вторжения в Палестину войск стран Оси *Палмах* должен был вступать в бои с противником, повреждать линии связи и совершать диверсии на транспорте и аэродромах. Командование этими отборными силами принял Ицхак Саде.

С той же энергией, что и в 1930-х гг., ветеран *Гаганы* сразу принялся вербовать в *Палмах* лучших представителей молодежи, в основном членов *кибуцев*. В то время как Саде со своими единомышленниками был занят организацией *Палмаха*, внезапно ухудшилась военная обстановка в Леванте. Было ясно, что англичанам остается одно — начать наступление на юге, прежде чем немцы сумеют закрепиться в Сирии. Однако для этого требовалось послать туда разведывательные группы, чтобы изучить плацдарм будущих военных действий. Тогда англичане обратились к руководству *Гаганы*, прежде всего к Саде, который согласился выделить людей для выполнения этой задачи. В начале лета 1941 г. *Палмах* представил около сотни бойцов. Некоторые из них, владевшие арабским языком, должны были проникнуть на территорию Сирии, собрать разведывательные данные в различных населенных пунктах и заминировать мосты и дороги. Эта операция прошла успешно, однако следующая закончилась неудачей. Английская разведка поручила двадцати трем лучшим бойцам Саде высадиться на ливанском побережье и уничтожить нефтеочистительные сооружения в порту Триполи. Десантное судно было замечено с берега и потоплено. Все члены группы погибли.

Однако главная операция по заданию англичан увенчалась полным успехом. Накануне вторжения союзников в Сирию, 8 июня 1941 г., добровольцы *Палмаха* провели разведывательный рейд в расположении вишистских войск. Для выполнения этого задания Саде выбрал две роты. Ими командовали его любимцы — Моше Даян и Игаль Алон (Пайкович). Было сформировано двенадцать взводов: два из них должны были служить проводниками для наступающих австралийских частей, остальные повреждали заграждения, нападали на французские патрули, охранявшие мосты через Литани, совершали диверсии на линиях электропередач и дорогах. Даян, проявивший исключительную отвагу, взял в плен двенадцать вишистских солдат (позже, в перестрелке, он лишился глаза).

Воодушевленный удачей, Саде потребовал у руководства *Гаганы* предоставить *Палмаху* собственные базы для усиленной подготовки бойцов. Разрешение было дано, и два учебных лагеря начали действовать в *кибуцах* Гиносар и Бет-Орен. На этих базах не было ни палаток, ни спальных принадлежностей; кроме того, на содержание добровольцев не хватало денег. Палмаховцам в *кибуцах* пришлось в буквальном смысле “зарабатывать” право служить в регулярных частях. Вскоре те, кто прошел подготовку в этих лагерях, понадобились снова. Сотрудничество англичан с евреями достигло апогея в самый опасный период ближневосточной кампании, когда Роммель двинулся на Александрию летом 1942 г. Англичане начали сооружать дополнительные укрепления в Северной Палестине и Иудейских горах. Одновременно усилились военные приготовления сионистов. Ши-

роких масштабов достиг набор добровольцев в английскую армию и в резервы *Гаганы*. Тогда же британские штабные офицеры приступили к формированию особых частей из отрядов *Палмаха*, чтобы противопоставить их растущей угрозе со стороны немцев.

Стратегический план “Кармель” был, в сущности, разработан евреями — Саде и д-ром Йохананом Ратнером⁸, профессором Техниона, который входил в командование *Гаганы*. План заключался в том, чтобы создать в районе Кармельской гряды особую зону, куда в случае необходимости мог бы эвакуироваться весь *ишув*. Там евреи могли бы продержаться на осадном положении месяцы или даже годы — до окончания немецкой оккупации. В этой зоне должна была действовать еврейская военная администрация. Снабжение населения взяли бы на себя английская авиация и подводный флот. Кроме того, следовало использовать и собственные сельскохозяйственные ресурсы.

Численно возросший *Палмах* мог бы защищать эту зону, используя имеющийся британский арсенал, а также самостоятельно производя оружие в небольших мастерских. Здесь возникла бы крупная партизанская база, откуда можно было бы осуществлять нападения на войска противника, совершать диверсии на коммуникациях. Что и говорить, этот хитроумный план ни в коей мере не напоминает образ мыслей угнетенного европейского еврейства. Он далек и от того, как вели себя при нацистской оккупации другие народы. Перед нами мировоззрение принципиально нового, сионистского типа. Не скрывая своего восхищения (и некоторых сомнений), англичане одобрили план “Кармель”. Военная подготовка координировалась разведкой британского Генерального штаба. Для сбора информации о противнике и диверсионных акций были привлечены евреи, владеющие немецким и арабским. Постепенно масштабы операции расширялись. Было отобрано еще 725 новобранцев. Ряду еврейских подпольщиков было разрешено открыто действовать совместно с англичанами.

План “Кармель” так и не был осуществлен. В июле 1942 г. войска Роммеля потерпели поражение у Аль-Аламейна, а через четыре месяца реорганизованная Восьмая армия под командованием генерал-лейтенанта Бернарда Монтгомери изгнала немцев из Ливии. К этому моменту сотрудничество с евреями начало причинять неудобства мандатным властям — сионистское руководство всячески подчеркивало несоизмеримость еврейской и араб-

8 Ратнер Йоханан (Евгений; 1891–1965) — архитектор, военный деятель, один из создателей Армии обороны Израиля. С 1923 г. жил в Эрец-Исраэль, был профессором Техниона и деканом архитектурного факультета в 1930–1963 гг., спроектировал много зданий в Израиле. После создания Армии обороны Израиля назначен руководителем отдела планирования при чрезвычайном положении, бригадный генерал. В 1948–1951 гг. — военный атташе израильского посольства в Москве.

ской помощи англичанам. Поэтому осенью 1942 г., как только опасность, нависшая над Палестиной, миновала, англичане закрыли учебные лагеря *Палмаха*, распустили “немецкий” и “арабский” отряды и даже потребовали передать им списки членов организации с фамилиями и адресами. Через несколько дней бойцы *Палмаха* ворвались в английский арсенал и захватили там оружие. В ответ англичане снова лишили *Гагану* ее официального статуса.

Однако еврейские силы самообороны не согласились на роспуск и перешли на нелегальное положение. Более того, число добровольцев возросло до 21 тыс. *Палмах* продолжал тайное обучение бойцов в отдаленных *кибуцах* и даже создал секретную военно-морскую организацию *Пальям*. Под видом авiakлуба было также создано маленькое военно-воздушное отделение *Палмаха*. Опыт сотрудничества с англичанами позволил руководству *Гаганы* и *Палмаха* лучше разобраться в том, как функционирует европейская регулярная армия, каковы ее достоинства и недостатки. Так, например, *Гагана* позаимствовала у англичан систему командования, но при этом отказалась от некоторых ее устаревших традиций. Командиров *Палмаха* учили не столько полагаться на приказы, сколько проявлять личную инициативу. Саде и его соратники уделяли особое внимание нестандартным тактическим приемам, находчивости, внезапности и опережающим ударам. Столь высокого уровня военного мышления не знали другие подпольные освободительные движения. Мобилизация сил и военная подготовка во время ближневосточной кампании оказались одинаково полезны и для евреев, и для англичан. Впоследствии это оказалось чрезвычайно важным для сионистов.

Трагедия и спасение

Спасение евреев за пределами Палестины было для *ишува* не менее важной задачей, чем защита еврейского национального очага. После того как в 1939 г. появилась Белая книга, на протяжении года с лишним продолжался, несмотря на все ограничения, тайный исход евреев из Центральной и Восточной Европы в Палестину. В то время как немцы поначалу поощряли переселение евреев, англичане рассматривали иммигрантов как “пятую колонну”, идеально отвечавшую стремлению нацистов разжечь недовольство среди арабов и вызвать критическую обстановку в Палестине. Поэтому мандатные власти старались любой ценой предотвратить появление беженцев на палестинском берегу и интернировать их в различных странах Британского Содружества. Строгое следование этому курсу и после начала

войны свидетельствовало о негласном решении мандатной администрации приостановить рост еврейского национального очага, хотя именно тогда можно было провести абсорбцию 100 тыс. еврейских иммигрантов, не ставя об этом в известность арабов. Кроме того, 28 февраля 1940 г. министр по делам колоний Макдональд наложил запрет на продажу земли евреям. Так они оказались в новой черте оседлости, на земле, составлявшей не более 5% территории Западной Палестины.

Весной 1940 г., пока обсуждался вопрос о еврейских добровольцах в Палестине, внешнеполитическое и колониальное ведомства неоднократно подчеркивали важность добрых отношений с арабами. 25 мая иракский министр иностранных дел Нури ас-Сайд потребовал, чтобы Лондон сделал четкое и недвусмысленное заявление, которое гарантировало бы арабам самоуправление в Палестине по окончании войны. Нури утверждал, что подобный документ перечеркнет все успехи нацистской пропаганды на Ближнем Востоке. В соответствии с этим, 12 июня в Лондоне был составлен проект официального заявления, в котором говорилось, что “политика правительства Его Величества в Палестине по-прежнему основана на Белой книге мая 1939 г.” и что Великобритания намерена “по окончании войны... обеспечить [быстрое] прохождение тех этапов конституционного развития, которые изложены в Белой книге”. Если бы не сопротивление Черчилля, кабинет одобрил бы заявление. Но вместо этого 3 июля 1940 г. была принята более короткая декларация, сводившаяся к следующему: “Правительство Его Величества не видит никаких причин для того, чтобы вносить изменения в свою политику в Палестине в том виде, как она была сформулирована в мае 1939 г. Эта политика остается неизменной”. Несколько месяцев спустя англичане решили сделать следующий шаг в соответствии с курсом Белой книги и назначить начальниками нескольких департаментов палестинцев (то есть арабов). В последний момент это намерение сорвалось из-за непредвиденного события — в хайфской гавани затонул пароход “Патриа” с беженцами на борту.

В ноябре 1940 г. по распоряжению мандатных властей на это старое судно было помещено 1900 недавно прибывших в Палестину нелегальных иммигрантов. Администрация намеревалась переправить беженцев на остров Маврикий в Индийском океане и интернировать их там до конца войны. Стремясь сорвать этот план, Гагана решила организовать взрыв, в результате которого в корпусе судна образовалась бы небольшая пробоина, — тогда пассажиров пришлось бы высаживать на берег. 25 ноября был произведен взрыв, после чего пароход почти затонул, причем погибло 240 иммигрантов и 10 английских полицейских. После этой трагедии миновал месяц, и в Хайфу пришло еще одно старое транспортное судно — пароход “Атлантик” с 1600 европейскими беженцами на борту. На этот раз англичане беспре-

пятственно отправили иммигрантов на Маврикий. Через несколько недель 350 евреев прибыли в Хайфу на пароходе “Сальвадор”, однако им не разрешено было высадиться на берег, и “Сальвадор” направился в Болгарию. По пути он затонул, при этом спаслось всего 70 человек. Британская блокада в Средиземноморье в ходе войны все ужесточалась, и морские пути для иммиграции оказались закрыты.

А несколько позже произошло событие, которое стало для *ишува* символом английской политики по отношению к беженцам. 16 декабря 1941 г. в стамбульской гавани бросил якорь пароход “Струма”, старое судно водоизмещением 180 тонн. Несколькими неделями раньше “Струма” вышла из румынского порта Констанца и направилась в Палестину. Когда корпус парохода дал течь, а двигатель стал отказывать, пришлось встать на ремонт в Стамбуле. “Струма” была переполнена беженцами — на ней находилось 769 человек. Увидев, что дальше пути нет, евреи попросили убежища у турецких властей. Просьба была отклонена. Не желая возвращаться назад, не имея возможности продолжать путь, пассажиры “Струмы” два месяца находились в стамбульской гавани, страдая от голода и тесноты и все больше поддаваясь панике. Еврейское агентство просило англичан разрешить беженцам въезд в Палестину, пусть с немедленной высылкой на Маврикий. Если бы такое разрешение было дано, турки позволили бы евреям сойти на берег и переправили бы их в Левант. Мандатная администрация на это не согласилась. В конце концов 24 февраля 1942 г. турки потребовали, чтобы “Струма” покинула гавань. В пяти милях от берега пароход затонул. Погибло 428 мужчин, 269 женщин и 70 детей. Ужас, охвативший палестинское еврейство, в какой-то мере нашел отклик у стран-союзниц. Даже в Великобритании трагедия вызвала полемику в палате общин. Однако англичане еще несколько раз продемонстрировали свое упрямство, когда дело касалось пароходов с беженцами. Один из них, “Пенчо”, тоже пошел ко дну, но большинству пассажиров удалось спастись. В это время бегство из Европы объяснялось уже не только стремлением избавиться от преследований — теперь от него зависела жизнь. Первые неподтвержденные сообщения о массовых убийствах поступили от немецкого писателя-эмигранта Томаса Манна¹⁰, который в декабре 1941 — январе 1942 гг. неоднократно выступал в про-

9 “Струма” — старая баржа-скотовоз, перевозившая еврейских беженцев из Польши, Венгрии, Словакии, Румынии в Палестину. Баржа была потоплена советской подводной лодкой Щ-715 в конце февраля 1942 г. в Черном море. Из 769 беженцев, находившихся на борту судна, погибли все, кроме одного человека.

10 Манн Томас (1875–1955) — немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии. В 1933 г. эмигрировал из Германии, активно боролся против фашизма, выступал в защиту евреев. Сборник произведений Т. Манна — “О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники” — был выпущен издательством “Библиотека—Алия”, 1990.

грамме Би-би-си. В августе 1942 г. польское правительство, находившееся в Лондоне, передало американцам информацию о газовых камерах и крематориях. Вскоре поступили сообщения от Всемирного еврейского конгресса¹¹ и сотрудников Еврейского агентства, которые узнали о массовых казнях от польских военнопленных, попавших в Палестину. Характерна реакция Государственного департамента США — он наложил запрет на передачу подобной информации по дипломатическим каналам. Когда еврейские организации попытались собрать деньги для спасения евреев в Европе, Вашингтон и Лондон заявили, что эти средства попадут в руки врага и помогут Германии и ее союзникам обеспечить собственное население. В феврале 1943 г. адмирал Уильям Лихи, представитель президента Рузвельта, отклонил предложение о вывозе 10 тыс. еврейских беженцев из оккупированной Европы через Испанию в Северную Африку. Предлогом были трудности с морским транспортом. Месяц спустя болгарское правительство, почувствовав, что расстановка сил меняется, и стремясь отмежеваться от “окончательного решения еврейского вопроса”, выразило готовность отправить евреев из Болгарии в Палестину. Когда американцы передали это предложение на рассмотрение англичанам, дальнейшие действия были блокированы министром иностранных дел Иденом. “Если мы это сделаем, евреи всего мира захотят, чтобы мы обратились с аналогичным предложением по поводу еврейства Польши и Германии, — объяснил Иден. — Гитлер, возможно, только этого и ждет. А кроме того, во всем мире не собрать кораблей для их перевозки”. К тому же “Гитлер позаботится о том, чтобы среди беженцев были и его агенты”. В декабре 1943 г. Государственный департамент США наконец дал разрешение на перевод необходимых для спасения евреев денежных средств в Румынию и Францию при условии, что англичане выдадут евреям надлежащие пропуска для въезда в Палестину. Однако Иден и на этот раз выступил против, указав на “трудности, связанные со столь значительным количеством евреев”.

Самое большее, на что были готовы союзники, — это послать своих представителей на международную Бермудскую конференцию (апрель 1943 г.) по проблемам помощи беженцам. В ходе конференции обсуж-

11 Всемирный еврейский конгресс (ВЕК) — всемирная добровольная ассоциация еврейских общин и организаций, созданная “для обеспечения существования и укрепления единства еврейского народа” в 1936 г. в Женеве. После Второй мировой войны сыграл важную роль в выработке политики мирового еврейства и восстановлении еврейской жизни. Выступал в защиту подвергавшихся преследованиям евреев в арабских странах и Советском Союзе. Ведет активную борьбу со всеми проявлениями антисемитизма в мире и проводит большую работу по выявлению и возвращению еврейскому народу собственности и денег, которые были конфискованы у евреев во время Катастрофы. Исполком ВЕКа состоит из четырех отделений: израильского, североамериканского, южноамериканского и европейского.

далась возможность разместить еврейских беженцев в таких отдаленных местах, как Британская Гвиана, Минданао на Филиппинах или Доминиканская Республика. Палестина при этом вообще не рассматривалась. Правительства не собирались распахивать двери перед эмигрантами. В конечном счете Бермудская конференция оказалась такой же бесплодной, как и Эвианская конференция 1938 г. Поэтому в январе 1944 г. Рузвельт согласился создать Комитет по делам военных беженцев, чтобы облегчить участь преследуемых нацистами. Однако представителю Комитета Гиршману не удалось достичь полного успеха, хотя он и добился от англичан разрешения на въезд в Палестину нескольких тысяч еврейских детей из СССР, которые были интернированы турками и находились в ужасающих условиях.

В том же 1944 г. при чрезвычайно странных обстоятельствах не была использована возможность широкомасштабного спасения европейских евреев. До начала 1944 г. адмирал Миклош Хорти¹², диктатор Венгрии, не позволял немцам вмешиваться в политику своей страны по отношению к евреям. Однако 19 марта нацисты оккупировали Венгрию. В апреле Йозеф Бранд¹³, член Будапештского комитета помощи евреям, был вызван к Адольфу Эйхману, прибывшему в Будапешт, чтобы лично руководить «окончательным решением еврейского вопроса». Эйхман сделал Бранду поразительное предложение. Он заявил, что готов выпустить из Венгрии 800 тыс. евреев при условии, что союзники поставят Германии 10 тыс. грузовиков, 1000 тонн кофе и 1000 тонн мыла. Потрясенный и мучимый сомнениями Бранд обсудил это предложение с другими членами комитета. У них оно тоже не вызвало доверия. Даже если намерения немцев действительно таковы, союзники ни за что не согласятся на стратегические поставки Германии. С другой стороны, переговоры с Эйхманом следовало продолжить уже ради того, чтобы удержать руку палача. Но этого не получилось. В первых числах мая по приказу Эйхмана начали ежедневно отправлять по 12 тыс. венгерских евреев в лагерь смерти. 17 мая Эйхман направил Йозефа Бранда на немецком почтовом самолете в Турцию, приказав ему довести до сведе-

12 Надбаньяшь Миклош Хорти (1868–1957) — диктатор Венгрии в 1920–1944 гг. Во время Первой мировой войны был командиром крейсера, главнокомандующим австро-венгерским флотом. В 1918 г. командовал Венгерской национальной армией, ведшей борьбу с советским правительством Венгрии. С 1 марта 1920 г. стал регентом Венгрии. Установил тесный союз с нацистской Германией, под воздействием которой в 1938–1941 гг. были приняты три «еврейских закона», введших в стране антисемитское расовое законодательство. Последние годы жизни провел в Португалии.

13 Бранд Йозеф-Йено (1906–1964) — член Будапештского комитета помощи евреям во время Второй мировой войны. После войны посвятил себя розыску нацистских преступников; выступал в качестве свидетеля на процессе Эйхмана, а также на процессе Крумеля и Хунше (помощников Эйхмана) во Франкфурте-на-Майне.

ния еврейских представителей и английских властей свое предложение — “кровь за товары”.

В Стамбуле Бранд встретился с сотрудниками Еврейского агентства. Он пришел в отчаяние, когда выяснилось, что его собеседники не полномочны вести переговоры, и бросился в Палестину. Бранд сумел добраться до Алеппо, где был задержан англичанами, которые принялись его допрашивать. В конце концов его переправили в Каир, где он фактически оказался под домашним арестом. Однако Гиршману, представителю американского Комитета по делам беженцев, разрешили побеседовать с Брандом. Полученную информацию Гиршман передал в Вашингтон. Он умолял хотя бы формально начать переговоры с немцами, даже если нельзя согласиться на военные поставки. Однако, несмотря на то, что государственный департамент до известной степени заинтересовался этим предложением, английское правительство вскоре положило этому конец. В Лондоне сообщение о предложении Эйхмана попало в прессу, и одновременно с ним была официально отвергнута “наглая попытка шантажировать правительство Его Величества”. Тогда два эмиссара Еврейского агентства, Йегуда Авриэль и Менахем Бадер, решили по собственному почину отправиться в июле в Португалию и наладить там контакт с немецкими агентами. Англичане не дали им на это разрешения.

К этому времени 434 тыс. венгерских евреев были отправлены в Освенцим и уничтожены. Остальные были спасены Красной Армией, вошедшей в Венгрию.

Все, что было сделано для спасения евреев, совершалось не столько благодаря терпимости англичан, сколько благодаря усилиям еврейского подполья. *Гагана* сумела тайно переправить в Палестину несколько тысяч евреев из стран Ближнего Востока по “секретному пути” через Ирак и Иорданию. Вдоль дорог, по которым передвигались бедуинские караваны, устраивались тайные лагеря для беженцев, и арабы за известную мзду перевозили переодетых пассажиров. Этим методом в Палестину в 1942–1943 гг. было доставлено 4 тыс. иранских и иракских евреев. Кроме того, в ответ на террор в странах Оси евреи приняли участие в ряде секретных спасательных операций в Северной Италии и на Балканах. Эти действия начались сперва в связи с неожиданно большими потерями американских бомбардировщиков, понесенными в 1943 г. во время налетов на нефтеочистительные сооружения в румынском городе Плоешти. Тогда англичане пришли к выводу, что требуются новые разведывательные данные о системе немецкой обороны на Балканах. В этот момент руководство *Гаганы* выступило с предложением: в составе парашютных десантов в европейские страны можно забрасывать евреев, уроженцев этих мест. Они будут выполнять двойную задачу: собирать разведывательную информацию и организовывать сопротивление еврейских общин в оккупированных государствах. Поколебавшись, англи-

чане согласились. После этого для участия в операции были набраны 32 палестинских еврея, в том числе три женщины. Подготовку они проходили в специальном лагере в Каире.

Девять парашютистов было заброшено в Румынию, три — в Венгрию, два — в Болгарию, три — в Италию, шесть — в Словакию, девять — в Югославию. Все они были уроженцами этих стран и свободно владели национальными языками. У всех были там родственники. Из тридцати двух человек семеро погибли вместе с евреями, которых они пытались спасти. Лучшее других известна сегодня Хана Сенеш¹⁴, венгерская еврейка, покинувшая родной дом и переселившаяся в Палестину в 1939 году. В 1944 г. она, не сумев добраться до Будапешта, была схвачена венгерской полицией и попала в гестапо. Ее пытали и казнили. Другая девушка, Хавива Рейк, участвовала в работе еврейского подполья в Словакии и в создании пересыльного пункта для бежавших русских военнопленных и летчиков англо-американской авиации. Ее тоже схватили и казнили вместе с двумя другими парашютистами. Энцо Серени¹⁵ — самый старший в группе — родился и вырос в Италии. Отец его был личным врачом итальянского короля. В юности Серени уехал в Палестину и одним из первых добровольно вызвался принять участие в операции. В мае 1944 г. он был заброшен в Италию. Там он сразу же был схвачен эсэсовцами, заключен в тюрьму, а потом убит в Дахау. Хотя нескольким парашютистам удалось наладить передачу разведывательных данных англичанам и даже организовать спасение англо-американских летчиков, которых они переправляли на территории, контролируемые югославскими партизанами, операция не принесла особого успеха в создании еврейского Сопротивления в Венгрии и на Балканах. Тем не менее, как и другие действия евреев во время войны, эта героическая история была у всех на устах и только подкрепила стремление сионистов к независимости.

- 14 Сенеш Хана (1921–1944) — парашютистка, направленная *Гаганой* в Европу. С 1939 г. жила в Израиле. В конце 1942 г. вступила в группу парашютистов, которую *Гагана*, по согласованию с британским командованием, готовила к заброске в Европу для спасения жертв Катастрофы. В марте 1944 г. вместе с другими членами группы была сброшена в Югославию и присоединилась к партизанской армии И. Тито. При переходе венгерской границы была схвачена и 7 ноября расстреляна по приговору венгерского суда. Писала стихи.
- 15 Серени Энцо-Хаим (1905–1944) — политический и общественный деятель Эрец-Исраэль. Командир группы парашютистов, направленных *Гаганой* в Европу. В 1925 г. был избран президентом Ассоциации еврейских студентов Италии. С 1927 г. жил в Эрец-Исраэль. Сыграл большую роль в организации халуцианского движения и алии из Германии. В 1942–1943 гг. находился в Ираке, организовывал сионистскую работу и переброску еврейской молодежи в Эрец-Исраэль. Сразу же после приземления с парашютом в Северной Италии 15 мая 1944 г. был схвачен и отправлен в лагерь для военнопленных, а затем переведен в лагерь уничтожения Дахау.

СИОНИСТЫ И АНГЛИЯ

В то время как сионисты использовали все свои ограниченные возможности, чтобы прорвать блокаду Палестины, их представители в Лондоне пытались найти решение проблемы беженцев в рамках более широкого соглашения по Палестине. В начале войны руководство Еврейского агентства по-прежнему поддерживало план раздела 1937 года. Возможно, требуя суверенитета, оно имело в виду и предложение, высказанное в сентябре 1939 г. английским путешественником Джоном Филби, другом Ибн-Сауда. Идея Филби заключалась в том, чтобы передать всю Палестину евреям в обмен на 20 млн фунтов, которые они выплатят правителю Саудовской Аравии. Он на эти деньги осуществит переселение палестинских арабов в свое королевство. Предполагалось, что этого монарха могла соблазнить, главным образом, мысль, что он занимает первое место среди арабских правителей. После некоторых колебаний сионисты согласились, чтобы Филби занялся этим проектом. В январе 1940 г. он побывал в Саудовской Аравии и поделился своим планом с августейшим другом. Ибн-Сауд проявил некоторый интерес к идее. Заинтересовался предложением Филби и Черчилль, который впервые узнал о нем от Вейцмана в 1940 г., а потом вкратце обсуждал проект с лидером сионистов в марте 1942 года. Видимо, премьер-министр в целом одобрил этот план, поскольку лорд Мойн, впоследствии постоянный посланник в Каире, в декабре 1942 г. встретился с Ибн-Саудом для дальнейших переговоров. Не получив от союзников твердых гарантий, король отказался брать на себя какие-либо обязательства. Его позиция не изменилась и тогда, когда этот вопрос был затронут в 1943 г. представителем США полковником Хоскинсом.

Хотя из предложения Филби ничего не вышло, Вейцмана и его коллег воодушевило отношение Черчилля. Ясно было, что премьер-министр не утратил своих старых симпатий к сионизму. 18 апреля 1943 г. он энергично высказался в поддержку Вейцмана, призывавшего отказаться от курса Белой книги. “Я не могу согласиться с тем, что Белая книга 1939 г. твердо устанавливает политику нынешнего правительства Его Величества, — заявил Черчилль. — Я всегда считал, что в Белой книге грубо нарушены наши обещания”. Десять дней спустя Черчилль послал членам кабинета записку, в которой оспаривал право арабского большинства препятствовать еврейской иммиграции в Палестину. По его распоряжению 12 июля был учрежден специальный правительственный комитет по изучению будущего Палестины. Председателем комитета, в который вошли Оливер Стенли, лорд Кренборн и Леопольд Эмери, стал Герберт Моррисон. В октябре комитет Моррисона пришел к единому мнению, хотя официальный доклад был отложен до 20 декабря. По заключению комитета, лучшим решением комплекса

проблем Палестины является раздел при условии, что правительство будет способствовать созданию союза левантийских стран, в который войдут 3/5 Ливана, “Великая Сирия”, Трансиордания, Южный Ливан и населенные арабами районы Палестины.

Этот план многое давал евреям. Черчиллю он понравился. Хотя официальное сообщение было отложено до конца войны, премьер-министр изложил суть дела Вейцману в октябре 1943 г. При этом присутствовал и Клемент Эттли¹⁶, лидер лейбористской оппозиции. “Когда мы раздавим Гитлера, — твердо обещал Черчилль, — мы должны будем предоставить евреям подобающее им место. Мне досталось наследие Бальфура, и я с этого пути не сверну. Однако нам противодействуют темные силы. Д-р Вейцман, у вас есть добрые друзья. Вот например, мистер Эттли и Лейбористская партия интересуются этой проблемой”. “Несомненно”, — кивнул Эттли. Через год, 4 ноября 1944 г., премьер-министр снова принял Вейцмана и безоговорочно обещал ему найти удовлетворительное решение палестинского вопроса после войны. По словам Черчилля, следовало ориентироваться на иммиграцию полутора миллионов беженцев в течение десяти лет и на немедленное переселение 100–150 тыс. сирот. Кроме того, можно было рассчитывать на такой план раздела, который, как намекнул премьер, “устроит” евреев.

Как ни сильно было горе, вызванное европейской Катастрофой, сионистское руководство в то время не могло ставить под сомнение искренность и дружеские чувства Черчилля. Даже воинственный Бен-Гурион разделял эту веру. Более того, доказательством добрых намерений премьер-министра служила его готовность решить до конца войны вопрос о Еврейской бригаде. После высадки союзников в Сицилии в июле 1943 г. и в Южной Италии в сентябре 1943 г. линия фронта передвинулась от арабских стран на север. Теперь было значительно легче оправдать участие сионистов в войне — ведь именно в Европе были уничтожены миллионы евреев. 12 июля 1944 г. Черчилль направил военному министру меморандум, в котором предлагалось организовать еврейское армейское соединение. “Я одобряю желание евреев бороться с теми, кто убивал их соплеменников в Центральной Европе, и думаю, что это принесет большое удовлетворение Соединенным Штатам...”

16 Эттли Клемент Ричард (1883–1967) — английский государственный деятель, один из руководителей Лейбористской партии. В 1931 г. был министром связи, в 1935 г. стал лидером лейбористов. В 1940 г. Эттли вошел в коалиционное правительство У. Черчилля. В 1940–1942 гг. был лордом-хранителем печати, в 1942–1945 гг. — заместителем премьер-министра, министром по делам доминионов и лордом-председателем Совета коалиционного правительства. После победы Лейбористской партии на выборах летом 1945 г. возглавил лейбористское правительство. Премьер-министр Великобритании в 1945–1951 гг. Активно поддерживал курс министра иностранных дел Э. Бевина на ограничение *алии* в Эрец-Исраэль, сближения с палестинскими арабами и осуществления жестких мер в отношении еврейского населения Палестины.

В последующие недели план был детально разработан совместно с Еврейским агентством, а 29 сентября премьер-министр заявил в палате общин:

“Я знаю, что множество евреев служит в нашей армии и в американской армии, на всех фронтах, но мне представляется правильным, чтобы особое еврейское формирование, состоящее из представителей народа, который перенес нечеловеческие страдания от нацистов, существовало как самостоятельная единица в составе сил, объединенных для окончательного разгрома Германии. Я не сомневаюсь, что [евреи] примут участие не только в борьбе, но и в последующем вступлении союзных войск в Германию”.

В октябре военное министерство назначило бригадира Эрнеста Бенджамина командиром Еврейской бригады. Бригада имела свою войсковую эмблему и бело-голубое знамя с *маген Давид*. Началась запись добровольцев и военная подготовка. В начале 1945 г. 3400 палестинских евреев из состава бригады были отправлены на фронт в Италию и включены в британскую Восьмую армию. Как показали события, создание боеспособного еврейского соединения было одним из главных достижений сионистской дипломатии в период войны. Располагавшая собственной артиллерией и штабом Еврейская бригада обеспечила подготовку сотен офицеров, познакомившихся с организацией, тактикой и снабжением в масштабах бригады. Таким образом, были подготовлены кадры, которые могли понадобиться *Гагане* после войны в случае столкновения с англичанами или арабами. Кроме того, в 1944 г. Вейцман и другие представители умеренного крыла сионизма склонны были считать, что Еврейская бригада — знак кардинального изменившейся английской политики по отношению к *ишуву*.

Усиление боевого духа в ишуву

Но надежды эти были преждевременны. Намерения Черчилля сталкивались с упорным и весьма умелым сопротивлением чиновников Министерства иностранных дел и мандатной администрации, традиционно настроенных проарабски. С одной стороны, премьер-министр по-прежнему настаивал на том, чтобы изменить отношение к сионистам и самым положительным образом относился к разделу. С другой стороны, Ричард Кейзи, постоянный представитель Великобритании в Каире, 17 июня 1943 г. представил в Лондон меморандум, в котором сообщал подробности о секретных военных организациях *ишув* и предостерегал, что отказ от обещаний, данных арабам в Белой книге, очевидно, настроит их общественное мнение против

Англии. В октябре того же года Иден потребовал пересмотра схемы раздела, которую предложил комитет Моррисона, и отсрочки решения палестинской проблемы до окончания военных действий. Он подчеркивал, что не следует преждевременно вступать в конфликт с арабами. Военный кабинет согласился с этими доводами и отложил окончательное решение. В то же время послы в Каире и Багдаде в своих донесениях напоминали Идену о том, что Палестина — важнейшее звено в британской системе обороны, и потерять ее после войны нельзя ни при каких обстоятельствах.

В начале июня 1944 г. Министерство по делам колоний предложило альтернативный вариант для того, чтобы избежать раздела. Предлагалось создать палестинское государство под эгидой Объединенных Наций, но под “наблюдением” британского верховного комиссара. Еврейская иммиграция должна была возобновиться, но в масштабе, который не составлял бы угрозы сохранению арабского большинства. 26 сентября 1944 г., все еще не желая отказываться от своих прежних предложений, специальный правительственный комитет по Палестине, комитет Моррисона, согласился на внесение некоторых незначительных изменений в первоначальный текст своего доклада, но продолжал при этом настаивать на разделе. С другой стороны, Иден и его сотрудники в Министерстве иностранных дел по-прежнему утверждали, что раздел Палестины не удовлетворит арабов, особенно если евреям будет разрешено начать широкомасштабную иммиграцию. На этом дело и кончилось, и проблема повисла в воздухе.

Если сионистам и не были известны частности относительно тупикового положения, в котором оказалось английское правительство, они все же могли оценить вытекающие из этого следствия. Разумеется, их радовали заверения Черчилля в том, что после войны будет найдено благоприятное решение, радовало и создание Еврейской бригады. Однако Палестина, как и прежде, была закрыта, поток евреев из оккупированной нацистами Европы иссякал. В конце 1941 — начале 1942 г. разыгралась трагедия “Струмы”. Несколько недель спустя появилась достоверная информация о нацистском “окончательном решении еврейского вопроса”. Как уже говорилось, в ответ на эти ужасные события союзники только плотнее закрыли свои границы. В Соединенных Штатах были ужесточены правила выдачи виз на том основании, что в числе беженцев в страну могут проникнуть вражеские агенты.

В апреле 1942 г. семь латиноамериканских государств полностью закрыли въезд для беженцев из оккупированной Европы. Турция — самый удобный перевалочный пункт на пути с нейтральных Балкан — запретила какой-либо транзит через свою территорию и почти открыто стала проводить расистскую внутреннюю политику. Бен-Гуриону и его коллегам в Еврейском агентстве обещания и выражения доброй воли со стороны союзников казались все более бессодержательными.

Следует заметить, что еще в мае 1940 г. Бен-Гурион, как и Вейцман, не исключал компромиссного решения палестинского вопроса. Как председатель исполнительного комитета Еврейского агентства, он был готов рассматривать план раздела как основу для обсуждения, даже если речь шла об ограниченном в политическом плане двунациональном государстве, построенном на арабско-еврейском паритете. Не только масштаб еврейской трагедии превратил Бен-Гуриона в бескомпромиссного сторонника самостоятельного еврейского государства. В 1942 г. он посетил Соединенные Штаты и там почувствовал “пульс великого американского еврейства, пяти миллионов евреев”. Первый за многие годы визит в США открыл Бен-Гуриону нечто новое — он ощутил во всей полноте скрытые силы своего народа. После этой поездки в Америку Бен-Гурион заговорил со своими коллегами о еврейском государстве в Палестине как о месте, куда “надо как можно быстрее переселить миллионы евреев после войны”. Кроме того, он понимал, что теперь, после уничтожения европейского еврейства (хотя истинные масштабы трагедии были еще неизвестны), умеренная официальная программа сионистов может быть радикально изменена только при поддержке евреев Америки. В результате по инициативе Бен-Гуриона была проведена Чрезвычайная сионистская конференция, которая должна была сформулировать послевоенные цели движения. Конференция проходила в нью-йоркском отеле “Билтмор” с 6 по 11 мая 1942 г. На ней присутствовало шестьсот делегатов, по большей части американцев, но были также и лидеры европейского сионизма, и три члена исполнительного комитета, в том числе Вейцман и сам Бен-Гурион. На конференции обсуждались претензии евреев к англичанам и была принята решительная резолюция с требованием превращения Палестины “в еврейское государство, интегрированное в структуру нового демократического мира...”.

Бен-Гурион и его единомышленники, вероятно, не рассчитывали на то, что получат всю Палестину, они были вполне готовы пойти на раздел и следующие из этого территориальные ограничения. Но они уже не желали поступиться еврейской самостоятельностью, то есть тем, о чем раньше стремилось не упоминать Еврейское агентство, опасавшееся вызвать раздражение у арабов и англичан. Бен-Гурион достиг своей цели — он обеспечил твердую поддержку своей максималистской программе. Кроме того, он намекнул, что для ее реализации можно, если потребуются, прибегнуть к насилию. “Будем готовы и к другому пути — пути вооруженной борьбы... Наша молодежь должна быть готова сделать все возможное, когда придет время”, — заявил он 16 мая 1942 г. в меморандуме, адресованном Еврейскому агентству. Но воинствующие сионисты едва ли многого добились своей откровенной программой. Они заблуждались, думая, что участие *ишува* в военных усилиях союзников, пусть и противоположное пронацистской

позиции арабов, давало сионизму ту свободу действий, которую он в течение короткого времени и при уникальных обстоятельствах имел в период Первой мировой войны. Несмотря на экономические и политические возможности, которые чувствовали Бен-Гурион и другие в американском еврействе, сионизм отнюдь не был могучей силой на международной арене. Раны, нанесенные европейской Катастрофой, были глубоки. И друзья, и недруги в равной мере видели в евреях народ, обреченный на безнадежное прозябание. Широковещательные декларации, казалось, были в его положении совершенно неуместны.

Кроме того, представления Бен-Гуриона о государственности резко противоречили взглядам Вейцмана. Различие это не было очевидным, ведь во время дебатов по поводу раздела Палестины в 1937 г. Вейцман первым высказался за создание государства, пусть даже на части территории Святой земли. “Мы должны будем решить [в конце войны] проблему трех миллионов человек, — писал он в 1941 г. — Даже с финансовой точки зрения еврейское государство необходимо, чтобы осуществить политические действия в таких масштабах”. В 1942 г. в статье, опубликованной в “Форин эфээрз”, Вейцман подчеркнул, что еврейское государство является также “делом моральной необходимости и решительным шагом на пути к подлинному освобождению”. Он неоднократно предсказывал, что в результате войны возникнут арабская федерация и еврейское государство, и выражал надежду на сотрудничество между ними. Поэтому Билтморская программа никак не противоречила точке зрения Вейцмана. Более того, формулировка, принятая на Чрезвычайной конференции в Нью-Йорке, была разработана Меиром Вайсгалом¹⁷, одним из ближайших помощников Вейцмана.

Тем не менее Вейцман рассматривал эту программу как декларацию будущих планов, и вопрос о сроках ее осуществления, с его точки зрения, оставался открытым. Приверженец постепенности, лидер сионистов по-прежнему представлял себе непрекращающийся поток еврейских иммигрантов, благодаря которому со временем возникает еврейское большинство, а затем и его автономия в Палестине. Для Бен-Гуриона же Билтморская программа означала, что наконец положен предел нерешительности и неопределенности в планах сионистов. Голосование в Нью-Йорке, с его точки зрения, давало полномочия на немедленное создание государства и переселение сотен тысяч иммигрантов в Палестину в самые кратчайшие сроки. По возвращении из Соединенных Штатов Бен-Гурион поделился

17 Вайсгал Меир-Вольф (1894–1977) — израильский общественный деятель. В 1921–1938 гг. — секретарь Сионистской организации США, представитель Х. Вейцмана в Америке. С 1949 г. жил в Израиле, был президентом попечительского совета Научно-исследовательского института им. Вейцмана.

своими взглядами с общественностью *ишува* и заручился широкой поддержкой. Он особенно подчеркивал, что максималистские требования заставят сообщество государств рассмотреть еврейскую проблему как раз в тот момент, когда будут решаться проблемы других народов. Лучше, настаивал он, просить побольше. 19 ноября 1942 г. Комитет по сионистской деятельности подавляющим большинством голосов принял Билтморскую программу. Вейцман тогда находился в Нью-Йорке и не мог представить *ишуву* свою интерпретацию. Страшно усталый, еще не оправившийся после гибели своего младшего сына, летчика английской военной авиации, стареющий лидер сионистов все больше отрывался от палестинского еврейства. Он, бесспорно, проигрывал в столкновении с Бен-Гурионом.

Как ни странно, англичане почти не реагировали на новые веяния в сионистской среде. Не обратили они внимания и на рост *ишува*, способствовавший решительному настроению палестинского еврейства. А ведь за годы между двумя мировыми войнами еврейское население Палестины увеличилось с 85 тыс. человек (то есть 10% от всего населения) до 560 тыс. в 1946 г., составлявших уже 32%. Быстро набирало темп развитие еврейского сельского хозяйства. С 1939 по 1947 г. были основаны 94 новые сельскохозяйственные колонии, причем половина — за годы войны, а общее число их достигло 348 с населением 116 тыс. человек. Только с 1937 по 1943 г. количество евреев, занятых в промышленности, увеличилось почти вдвое: с 22 до 46 тыс. Объем еврейского промышленного производства в стоимостном выражении вырос примерно в пять раз — с 7,9 млн палестинских фунтов в 1937 г. до 37,5 млн в 1943 г.

Мандатная администрация не оценила и радикальных перемен в структуре еврейской экономики в Палестине, и тех последствий для еврейского самосознания, к которым эти перемены привели. В начале 1943 г. верховный комиссар сэр Харольд Мак-Майкл обратился по радио к населению страны с разъяснениями плана послевоенной экономической политики. Он подчеркнул преимущественно аграрную ориентацию Палестины и призвал к сворачиванию тех индустриальных предприятий, которые возникли во время войны. В дальнейшем особое внимание следует обратить на повышение жизненного уровня арабского населения, заявил Мак-Майкл. Эта передача привела Бен-Гуриона и сотрудников Еврейского агентства в ярость. Ведь арабы практически не участвовали в военных усилиях, а экономика *ишува* развивалась, чтобы поддержать союзников. Кроме того, сионисты усматривали в плане Мак-Майкла неприкрытую попытку ограничить возможности *ишува* в том, что касалось абсорбции иммигрантов. На следующий день Бен-Гурион выступил от имени агентства с бескомпромиссным ответом: «Наша программа — максимальное развитие страны в области сельского хозяйства, промышленности и морского транспорта с тем, чтобы за кратчай-

ший срок подготовиться к возможно более массовой иммиграции”. Он добавил, что при любых обстоятельствах *ишув* будет делать ставку на “развитие”, а не на “восстановление”.

Вскоре после этого вызов, брошенный Бен-Гурионом, был подтвержден действиями: участники еврейского подполья проникли на несколько английских военных баз и похитили оружие и боеприпасы. В ответ мандатная администрация направила полицию на розыск похищенного. Суровые полицейские меры позволили выявить тех, кто занимался контрабандой трофейного оружия. Многие еврейские подпольщики были надолго заключены в тюрьму. Генерал Вильсон вспоминал в своих мемуарах, что к январю 1944 г. Еврейское агентство

“...в некоторых отношениях присвоило себе полномочия и статус независимого еврейского правительства. Оно не пыталось больше отрицать наличия тайных складов оружия и заявляло о своем праве не только иметь оружие в целях самообороны, но и противодействовать любым попыткам законных властей выяснить, где эти склады находятся. В сущности, правительству был брошен вызов, и можно сказать, что в известной мере восстание уже стало реальностью”.

Вильсон не преувеличивал. В Палестине возник ряд неподконтрольных Еврейскому агентству активно действовавших групп, малочисленных, но фанатичных, не желавших стеснять себя рамками сионистской дисциплины в то время, как в Европе уничтожают евреев, а англичане преграждают беженцам доступ в Святую землю. Эти группы взяли на вооружение насильственные методы. Это “трагическое, бесполезное, нееврейское обращение к терроризму”, как охарактеризовал его Вейцман, привлекло внимание лидера сионистов, когда он в 1944 г. вернулся в Палестину. Из всех групп, входивших в зарождавшееся подпольное движение, самая экстремистская называлась *Лехи*¹⁸. В *Лехи* насчитывалось не более трехсот членов. Возник-

18 *Лехи* (аббр. *Лохамей херут Исраэль* — “Бойцы за свободу Израиля”) — боевая подпольная организация в Палестине, возникшая в 1940 г. в результате раскола в *Эцель*. Группа командиров *Эцель* во главе с А. Штерном отвергла решение прекратить вооруженную борьбу против британских властей во время Второй мировой войны. *Лехи* объявила о продолжении боевых действий и пыталась установить связи с Германией и Италией. Британские власти начали беспощадную борьбу против *Лехи*. Многие члены и руководители организации были арестованы, Штерн был в 1942 г. при аресте на явочной квартире застрелен британским офицером. Организация была восстановлена в начале 1944 г. под руководством И. Шамира, Н. Ялин-Мор и И. Эльдада. Организация устраивала многочисленные террористические акты против английских офицеров и солдат, представителей администрации. Так, в ноябре 1944 г. в Каире боевиками *Лехи* был убит лорд Мойн — британский министр по де-

ла эта группа, как и ряд других еврейских военизированных организаций, вскоре после арабского восстания 1936–1939 гг. Основатель *Лехи* Аврагам Штерн¹⁹, светловолосый тридцатилетний выходец из Польши, учитель и любитель поэзии, некоторое время изучал классическую филологию в университете во Флоренции. Там, в Италии, он испытал сильнейшее влияние фашистской военной тактики и перенял англофобию Муссолини. Вскоре Штерн убедился в том, что британское присутствие на Ближнем Востоке несовместимо с дальнейшим развитием еврейского национального очага, а значит, все силы следует бросить на подготовку восстания против англичан. Другие группы в еврейском подполье, даже *Эцель*, еще не зашли так далеко.

После начала войны Штерн занял еще более крайнюю позицию. В 1941 г. он попытался наладить контакт с Отто фон Хентигом, германским эмиссаром в Сирии, рассчитывая договориться с ним о совместных действиях против англичан в Палестине. Немцы с презрением проигнорировали это предложение. Стремясь получить деньги, Штерн и его группа вскоре дошли до того, что начали грабить банки. В январе 1942 г. группа *Лехи* попыталась убить офицера британской разведки, но от взрыва бомбы погибли два еврея-полицейских. Через несколько недель Штерн был застрелен полицией. Эти события отнюдь не умерили пыл его товарищей, напротив, группа *Лехи* начала действовать еще активнее. Некоторые члены ее были восточными евреями, выросшими в трущобах Тель-Авива и Иерусалима, но в состав организации входило немало выходцев из Европы, семьи которых были уничтожены нацистами. Их безудержная ненависть к англичанам граничила с безумием. Например, один из убийц лорда Мойна, Элиягу Хаким, был свидетелем того, как в хайфском порту затонула “Патриа”, и воспоминание об этой трагедии сопровождало его всю жизнь.

лам Ближнего Востока. Деятельность *Лехи* и других боевых еврейских организаций вынудила Великобританию передать вопрос о Палестине на рассмотрение ООН. Организация *Лехи* вошла в Армию обороны Израиля, но в Иерусалиме ее подразделения все еще действовали отдельно. После убийства в Иерусалиме в сентябре 1948 г. графа Ф. Бернадота организация была разоружена и распущена.

- 19 Штерн Аврагам (подпольный псевдоним Яир; 1907–1942) — руководитель *Лехи*, поэт. С 1926 г. жил в Эрец-Исраэль. После раскола *Гаганы* и образования *Эцель* стал членом этой организации, автором ее гимна. Решительный противник курса Жаботинского на прекращение борьбы с Великобританией после начала Второй мировой войны. В начале сентября 1940 г., после создания организации, возглавил *Лехи*. Видел в Великобритании основного врага еврейского народа и считал, что для борьбы с ней нужно действовать в союзе с Германией и Италией. Он отказывался верить просочившейся информации о политике Гитлера в отношении евреев. Втайне от большинства членов *Лехи* пытался установить связь с немецкими и итальянскими представителями. Убит британским офицером полиции во время ареста.

После 1942 г. члены *Лехи* во главе со своими новыми лидерами Натаном Ялин-Мором²⁰ и д-ром Израэлем Эльдадом (Шайбом)²¹ пришли к выводу, что только с помощью насилия можно изгнать англичан из Палестины. Вымогая деньги у евреев-лавочников, они перешли к вооруженным нападениям на английских полицейских. Нередко в перестрелках погибали сами подпольщики. Однако их действия все ужесточались. Все суровее становилась и ответная реакция англичан, перешедших к повальным арестам, введению комендантского часа и смертной казни за незаконное ношение оружия. Тем не менее подполье действовало с неослабевающей энергией и даже совершило 8 августа 1944 г. неудачное покушение на жизнь верховного комиссара сэра Мак-Майкла. Три месяца спустя группа *Лехи* осуществила самое дерзкое свое преступление. В Каире было совершено покушение на лорда Мойна, британского министра по делам Ближнего Востока. Уолтер Эдуард Гиннес, первый барон Мойн, был миллионером, владельцем компании по производству пива “Гиннес”, мягким и всеми уважаемым человеком. После того как лорд Ллойд умер, Мойн в течение некоторого времени руководил Министерством по делам колоний, а в январе 1944 г. стал министром по делам Ближнего Востока. Сионисты считали его своим врагом еще с тех времен, когда он был министром по делам колоний. Возможно, сыграло свою роль и то, что он категорически отверг бартерную сделку, предложенную Эйхманом в обмен на освобождение венгерских евреев.

- 20 Ялин-Мор Натан (Фридман; 1913–1980) — один из руководителей *Лехи*. Во время учебы в школе в Варшаве вступил в *Эцель*. После начала Второй мировой войны бежал в Вильнюс, оттуда в начале 1941 г. переехал в Эрец-Исраэль. Вступил в *Лехи*. Был послан А. Штерном в Турцию для установления связей с представителями Германии, но в Сирии был арестован англичанами. В 1943 г. бежал из тюрьмы вместе с другими членами организации. Вместе с И. Шамиром и И. Эльдадом возглавил *Лехи*. Уже в 1944 г. считал, что реальным союзником *ишува* в борьбе с Великобританией может быть Советский Союз. Хотя он был против физической ликвидации Ф. Бернадота, но после его убийства в 1948 г. был арестован и приговорен израильским военным судом к восьмилетнему заключению. Вскоре был освобожден. Депутат *кнессета* первого созыва, выступал за строительство в Израиле социалистического государства и сближения с палестинскими арабами.
- 21 Эльдад (Шайб) Израэль (1910–1996) — один из руководителей *Лехи*. Публицист, философ, доктор философии Венского университета, одновременно учился в ешиве. Член движения *Бетар*. С 1941 г. жил в Эрец-Исраэль. Вступил в *Эцель*, но был исключен из организации за антибританские взгляды. С весны 1943 г. — член *Лехи*, главный идеолог организации, автор текста листовок. Вошел в новое руководство организации в 1943 г. В апреле 1944 г. арестован, освобожден боевиками *Лехи* из тюремной больницы. В 1950–1990-х гг. Эльдад — известный правый идеолог, публицист. В 1949–1964 гг. — редактор и издатель ежемесячного журнала *Сулам*. После Шестидневной войны Эльдад стал одним из основателей Движения за объединенный Израиль, которое требовало присоединения к Израилю всех контролируемых территорий.

6 ноября, меньше чем через два дня после того, как Вейцман побывал на обеде у Черчилля в Лондоне и преисполнился новых надежд, два члена *Лехи* смертельно ранили Мойна, когда тот выходил из резиденции. Обоих юношей судили в Каире 10 января 1945 г., приговорили к смерти и повесили.

За немногими исключениями, сионисты пришли в ужас от убийства Мойна. Потрясенный Вейцман, находившийся в момент покушения в Лондоне, обещал Черчиллю, что палестинское еврейство “сделает все от него зависящее, чтобы выкорчевать это зло из своей среды”. Бен-Гурион поддержал его, обратившись к *ишуву* со страстным призывом “изгнать всех членов этой подпольной банды и не предоставлять им ни убежища, ни помощи...”. После этого *Гагана* перешла в наступление против членов организаций *Эцель* и *Лехи* и начала выдавать их английской полиции. Но сионистскому делу уже был нанесен большой ущерб. Через десять дней после убийства, обращаясь к палате представителей, Черчилль выступил с резким предостережением против террористической деятельности в Палестине. “Если нашим мечтам о сионизме суждено развеяться в дыме от выстрела убийцы, — сказал он, — а заботы о будущем сионизма порождают новую природу гангстеров, достойных нацистской Германии, мне, как и многим, придется пересмотреть те позиции, которые мы столь долго и последовательно отстаивали”. Убийство Мойна показало англичанам, какое ожесточение зреет среди евреев Палестины. Хотя *ишув* осудил этот акт в той же мере, что и британская общественность, на этом период сотрудничества, период правительственных обещаний и еврейской доверчивости завершился. Евреи больше не могли проявлять добрую волю, одновременно иссякло и терпение англичан.

Глава XI.

Ишув против мандата

Послевоенная ситуация: позиции евреев и англичан

Через несколько месяцев после окончания войны в Европе уже можно было подвести предварительные итоги. Согласно статистике “окончательного решения еврейского вопроса”, число евреев, расстрелянных, повешенных, сожженных, отравленных газом, умерших от голода и болезней, составило в Польше 2 миллиона 800 тысяч человек, в СССР — 2,5 миллиона, в Венгрии — 450 тысяч, в Румынии — 350 тысяч, в Германии — 180 тысяч, в Австрии — 60 тысяч, в Чехословакии — 147 тысяч, в Голландии — 110 тысяч, в Бельгии — 25 тысяч, в Югославии — 50 тысяч, в Греции — 80 тысяч, во Франции — 65 тысяч, в Италии — 10 тысяч. Данные о количестве выживших были получены позже, поскольку требовалось учесть число евреев среди перемещенных лиц, находившихся в английском, американском и французском секторах оккупированной Германии.

Поначалу генерал Эйзенхауэр¹ собирался вернуть их в те страны, уроженцами которых они были. Однако большинство этих людей проживало

1 Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890–1969) — американский государственный и военный деятель. На военной службе с 1912 г. Окончил армейский колледж. В 1935–1939 гг. — военный советник на Филиппинах, в 1939–1941 гг. — командир батальона, полка, бригады, начальник штаба корпуса армии. С 1941 г. Эйзенхауэр — начальник оперативного управления штаба армии США, с июня 1942 г. — командующий американскими войсками в Европе. С ноября 1942 г. — главнокомандующий союзными экспедиционными силами в Северной Африке. С декабря 1943 г. — верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе. В 1945–1948 гг. — председатель комитета начальников штабов армии США. В 1950–1952 гг. — верховный главнокомандующий Вооруженными силами НАТО. В 1953–1961 гг. — президент США.

раньше в Восточной Европе. После отступления советских войск они оказались в руках у нацистов. Решение Эйзенхауэра вынудило бы их вернуться на родные пепелища, где перемещенные лица могли рассчитывать только на добрую волю не слишком расположенных к ним поляков, румын и украинцев. Лишь в конце лета 1945 г. еврейским благотворительным организациям удалось довести до сведения американского командования тот факт, что в Восточной Европе продолжается разгул антисемитизма. В это время Э. Г. Харрисону, декану юридического факультета Пенсильванского университета, было поручено проанализировать проблему европейских беженцев. Белый дом потребовал, чтобы Харрисон обратил особое внимание на положение евреев. Это поручение было выполнено: доклад Харрисона стал обвинительным актом против американских военных властей, проявивших безразличие к судьбе евреев в своей зоне оккупации. Сразу после появления этого доклада президент Трумэн дал соответствующие распоряжения, и обращение с евреями, пережившими Катастрофу, значительно улучшилось, изменились их жилищные условия, были увеличены пайки. В директиве президента подчеркивалось, что восточноевропейские евреи ни при каких условиях не подлежат выдворению из лагерей для беженцев и высылке из Германии.

Поток беженцев с Востока в Германию мгновенно увеличился. В 1945 г. это был еще стихийный процесс: немецкие и польские контрабандисты за плату помогали евреям перебраться на Запад. В начале 1946 г. от двух до трех тысяч евреев ежедневно переходили польско-чехословацкую границу. Из Чехословакии беженцы двигались дальше в Центральную Европу. К лету 1946 г. в Германии находилось уже около 100 тыс. перемещенных лиц. В отремонтированных и перестроенных бывших концентрационных лагерях, где размещались евреи, условия жизни были вполне терпимыми. Американская армия с помощью еврейских филантропических организаций обеспечивала поставку продовольствия и одежды, а также медицинскую помощь. Но для тех, кто пережил Катастрофу, каждый лишний день, прожитый в бывших лагерях уничтожения, был невыносимой психологической пыткой. Перемещенные лица были одержимы идеей побега.

Сионисты ожидали действий и от нового лейбористского правительства Великобритании. Оно вызывало доверие у руководства Еврейского агентства, давно разуверившегося в обещаниях консерваторов. Черчилль, находясь у власти вплоть до июня 1945 г., не внес никаких изменений в ограничения, наложенные Белой книгой, и продолжал твердить сионистам, что палестинский вопрос не может быть «плодотворно разрешен до тех пор, пока победившие союзники не соберутся на мирную конференцию». С другой стороны, было известно, что лейбористы сочувственно относились к судьбе палестинских евреев. При этом многочисленные резолюции лейбористов в поддержку еврейского национального очага объяснялись не

лоббистской деятельностью на американский лад, а, скорее, как вспоминал потом лейборист Ричард Гроссман, “глубоким убеждением, что создание национального очага — это важная составная часть социалистического кредо...”. В результате особое значение приобрела резолюция, принятая на съезде Лейбористской партии в 1944 г., выражавшая сочувствие целям сионизма. Авторы этой резолюции даже поддержали идею еврейской Палестины и высказались за массовое переселение арабов в соседние страны, что привело в изумление самих сионистов.

Поэтому после победы лейбористов на выборах в июле 1945 г. в *ишув* сразу же возродились былые надежды. “Английским рабочим понятны наши цели”, — в восторге воскликнул Бен-Гурион, узнав о результатах выборов. Было и еще одно основание для оптимизма. Требовавшая признания еврейская община давно уже не была слабым меньшинством. В 1944 г. еврейское население Палестины составило 560 тыс. человек. В военные годы развилась экономика *ишува*. Сельскохозяйственный сектор обеспечивал почти 50% потребностей *ишува* в продуктах питания. Резко выросло промышленное производство. Вейцман, вернувшись в Палестину после пятилетнего отсутствия, был поражен этим бурным развитием. Позже он писал:

“За время войны *ишув* превратился в крепкий жизнеспособный организм. Благодаря огромным военным усилиям, совершенно непривычным для такой малочисленной общины, евреи Палестины почувствовали, что могут положиться на собственные силы, что они уже многого достигли, уровень их технического развития высок и они вправе предъявлять требования демократическому миру... Национальный очаг, пусть и не признанный, фактически уже существовал, и лишь отсутствие признания препятствовало достижению цели”.

В этих условиях, когда копившееся годами раздражение, вызванное ограничениями на иммиграцию, соединилось с уверенностью в своих силах и в просионистской ориентации английских лейбористов, Бен-Гурион во главе делегации отправился в Лондон. Правительство Эттли пришло к власти всего за десять дней до этого. Свои требования Бен-Гурион изложил новому министру по делам колоний Джорджу Холлу. Они, в общем, совпадали с автономистской Билтморской программой, однако Бен-Гурион настаивал также на полном суверенитете и немедленном разрешении на въезд в Палестину для 100 тыс. евреев из числа перемещенных лиц. И сами требования, и та резкость, с которой Бен-Гурион предъявил их, а министр, в свою очередь, отверг, определили провал этой встречи. Взбешенный Холл говорил потом, что “ни с чем подобным [поведению Бен-Гуриона] он никогда раньше не сталкивался”. Несколько недель спустя, 25 августа, Министерство по делам колоний выступило с компромиссным предложением: оно гото-

во было выдать 2 тыс. разрешений на въезд, оставшихся от прежней квоты, предусмотренной Белой книгой, и плюс к этому — еще 1400 разрешений ежемесячно при условии, что на это согласятся арабы. Такое предложение обескуражило и возмутило лидеров сионизма.

В это время уже были разработаны основные принципы английской ближневосточной политики, автором которых был новый министр иностранных дел Э. Бевин². Следуя прежним взглядам консервативного кабинета и исходя из британских экономических интересов, Бевин сохранял установку на поддержание дружественных отношений с арабским миром. В 1945 г. Великобритания была фактически разорена. Ее армия воевала с противником на нескольких континентах и дольше, чем армии других союзников. Когда после победы были подведены итоги, выяснилось, что англичане потеряли четверть своих национальных богатств. Казна была пуста. Запаса твердой валюты могло хватить лишь на 40% текущих расходов, и это в тот момент, когда новое лейбористское правительство собиралось осуществить всеобъемлющую программу социальных мероприятий.

Поэтому одной из основных задач Бевина в этот трудный послевоенный период было сохранение важнейших колониальных ресурсов Великобритании. Среди них главное место занимала нефть — основа энергообеспечения промышленности и источник для получения иностранной валюты. Нефтяные богатства в основном находились на Ближнем Востоке; часть их была в Иране, но интенсивная добыча нефти велась и в Ираке, на нефтяных полях Киркука, в Кувейте и в Катаре. Это нефтяное Эльдorado давало огромную продукцию и располагало еще большим потенциалом. Если англичане и тревожились насчет возможных перебоев в подаче нефти, то беспокоили их не неиссякаемые скважины в странах Персидского залива, а нефтепроводы, проходившие через территории арабских государств, нестабильных в политическом отношении. Сеть нефтепроводов, протянувшуюся по пустыне на сотни миль, ничего не стоило разрушить или вывести из строя, ее безопасность непосредственно зависела от дружественных отношений англичан с арабскими странами и от мирной обстановки в этом регионе.

2 Бевин Эрнест (1881–1951) — английский лидер рабочего движения и политический деятель. В 1920–1940-х гг. — генеральный секретарь Объединенного профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих. В 1937 г. — председатель Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов. В 1940–1945 гг. Бевин — министр труда и национальной повинности в коалиционном правительстве Уинстона Черчилля. В 1945–1951 гг. — министр иностранных дел в лейбористском правительстве К. Эттли. Будучи озабоченным проблемой сохранения Британской империи и желая умиротворить арабов, проводил жесткий антиеврейский курс, всячески препятствуя въезду евреев в Эрец-Исраэль. Был инициатором применения самых жестоких мер против руководства *ишув* и борцов еврейского подполья. Под его влиянием Британия де-факто признала Израиль только 29 января 1949 г.

Итак, одним из факторов, определявших ближневосточную политику Бевина, были нефть и нефтепроводы. Другим фактором была геополитическая стратегия. В период 1943–1947 гг. англичане добились того, к чему давно стремились, — они вытеснили французов из Сирии и Ливана, положив таким образом конец вечной конкуренции двух держав в Восточном Средиземноморье. Однако в то же самое время обозначилась новая и значительно более серьезная угроза британской военно-экономической гегемонии на Ближнем Востоке со стороны Советского Союза. Эта угроза наметилась сразу после завершения войны, когда СССР, щедро посылая в Грецию деньги, оружие и военных советников, начал разжигать там коммунистическое восстание; когда советское правительство выступило с бесцеремонными территориальными претензиями к Турции; когда советские дивизии отказались покинуть Северный Иран. Несмотря на все свои социалистические убеждения, Бевин отнюдь не питал иллюзий относительно масштабов советской угрозы. После Потсдамской конференции³ он, выступая в парламенте, с недоверием отзывался о политике русских и даже заявил, что Советский Союз “стремится схватить Британское Содружество за горло”. Ввиду этой угрозы Бевин ясно сознавал, что необходимо любой ценой защитить британские сферы влияния в районе Персидского залива и на ближневосточном побережье.

При этом министр иностранных дел понимал, как важны сложные и запутанные отношения Британской империи со странами арабского мира. Находясь на грани банкротства, Англия была уже не способна поддерживать отношения с арабами обычными методами давления и применения военной силы. С 1942 г. правительство Черчилля начало использовать в этих целях более эффективные методы. Так, англичане поощряли идею арабской конфедерации как орудия региональной стабильности под британским контролем. После нескольких предварительных совещаний арабские лидеры действительно создали в марте 1945 г. Лигу арабских государств⁴, однако эта органи-

3 Потсдамская конференция (17 июля — 2 августа 1945 г.) состоялась в предместье Берлина при участии премьер-министра Великобритании У. Черчилля (с 28 июля — К. Эттли), президента США Г. Трумэна и руководителя Советского Союза И. Сталина. Конференция выработала “политические и экономические принципы управления Германией в первоначальный период контроля”. Для того чтобы “Германия никогда больше не угрожала своим соседям”, было решено проводить политику демилитаризации, денацификации, децентрализации и демократизации. Предусматривалось упразднение сухопутных, морских и воздушных сил Германии, СС, СА, СД и гестапо, уничтожение или сдача союзникам всего вооружения и амуниции, ликвидация всей военной промышленности. Конференция приняла положение о предании военных преступников международному суду.

4 Лига арабских государств (ЛАГ) была создана в 1945–1947 гг. Первоначально в организацию входили Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Ливан, Саудовская Аравия, Сирия. В дальнейшем присоединились Ливия, Судан, Марокко, Тунис, Кувейт, Алжир, Южный

зация не стала проводником английской политики, как на это рассчитывали в Лондоне. Еще один способ, которым англичане пытались добиться расположения арабов, заключался в том, что Великобритания предложила Египту, Судану и Ираку вывести из этих стран свои войска. Английское правительство надеялось, что при этом арабы подпишут договор, оставлявший за Великобританией право вновь ввести войска в случае войны или угрозы агрессии. В конечном счете, новая концепция международных отношений на Ближнем Востоке целиком зависела от того, доверяют ли арабы Великобритании.

Бевин это понимал. Кроме того, он хорошо ориентировался в сложностях внешней политики и не был зависим от более опытных профессионалов, сидевших в Министерстве иностранных дел. Он был человеком самостоятельным. Личность Бевина и его опыт наложили отпечаток на весь процесс сложных переговоров по Палестине, тянувшихся на протяжении трех лет. Этот политик прошел суровую жизненную школу. Сирота с десятилетнего возраста, в молодости он работал то поденщиком на ферме, то мойщиком посуды, то шофером грузовика. Чтобы не умереть с голоду, ему порой приходилось идти на воровство. Как ни удивительно, все это его не озлобило. В юности Бевин прилежно изучал экономику на вечерних курсах, открытых социал-демократической федерацией. В возрасте двадцати девяти лет он стал профсоюзным работником в тред-юнионе докеров, а затем и членом генерального совета британского Конгресса профсоюзов. К этому времени характер Бевина вполне определился. Он был человеком прямым и твердым, не терпел критики и презирал инертность. Престиж его среди лейбористов был исключительно высок. Когда социалисты в 1945 г. победили на выборах, мягкий и неуверенный в себе Клемент Эттли почувствовал, что рядом с ним должна находиться сильная личность. Бевин, бесспорно, был сильнейшим руководителем Лейбористской партии — его и выдвинули на ключевой пост министра иностранных дел. К удивлению многих его коллег, Бевин, как оказалось, весьма основательно разбирался во внешнеполитических вопросах. Еще будучи деятелем профсоюзного движения, а затем уже как министр труда в военном кабинете, он бывал за границей и ознакомился с проблемами, существующими в других странах. Главное же, напористый Бевин никого не боялся и никому не позволял себя запугать.

Он был знаком и с палестинским вопросом. Еще во времена второго лейбористского кабинета, при премьере Рамсее Макдональде, когда сионисты вели борьбу против Белой книги Пасфилда, делегация *Гистадрута* попро-

Йемен, Бахрейн, Омар, Катар, ОАЭ, Сомали, Джибути, несуществующее Палестинское государство (1988), Коморские острова. ЛАГ была создана для координации действий арабских государств. Но организация оказалась бессильной предотвратить конфликты и даже войны между ними, например войну в Йемене в 1962–1967 гг. Одной из целей создания ЛАГ была борьба с еврейским присутствием в Палестине, а затем с Израилем.

сила о помощи Бевина, тогда профсоюзного лидера. Тот немедленно откликнулся. “Не беспокойтесь, — ответил он представителям *Гистадрута*, — я поговорю со стариком”. Обращение Бевина к Макдональду сыграло решающую роль в успехе сионистов. Однако теперь, пятнадцать лет спустя, Бевин, став министром иностранных дел, не хотел заниматься палестинским вопросом, не изучив его досконально. С этой целью он организовал новый комитет, в состав которого вошли министры и эксперты Министерства иностранных дел. Самым знающим среди них был Харольд Били, убежденный сторонник арабов и главный специалист по проблемам, связанным с Палестиной.

Комитет приступил к работе в августе 1945 г. и передал кабинету министров свои выводы в середине сентября. На эти выводы оказал влияние специальный доклад, подготовленный в феврале 1944 г. Королевским институтом международных отношений: в докладе вновь подчеркивалось стратегическое значение дружественных отношений с арабами. Чем больше лейбористы, входившие в кабинет, вникали в палестинский вопрос, тем больше противоречий обнаруживалось между заявлениями, которые делала их партия во время предвыборной кампании в поддержку сионистов, и рекомендациями Били и его единомышленников. Эттли впоследствии писал: “После Первой мировой войны мы занялись еврейским национальным очагом, не поразмыслив о последствиях. Все это делалось самым бездумным образом. Люди с совершенно особыми взглядами на цивилизацию были в одночасье переселены в Палестину — столь дикий эксперимент не мог не привести к проблемам”. Комитет предложил в ближайшем будущем сохранить небольшую ежемесячную квоту для еврейских иммигрантов. Раздел Палестины эксперты сочли неприемлемым, поскольку провести его, не применяя силы против арабов, было бы невозможно. Продолжительная кампания, которая велась против доклада, представленного в свое время правительственным комитетом Черчилля, начала приносить плоды после победы лейбористов.

С другой стороны, Бевин, конечно, не собирался применять силу против евреев. Вопрос можно было уладить и более приемлемыми методами. Уверенный в том, что примирение — верный путь к решению проблемы, министр иностранных дел понадеялся на свой многолетний опыт участия в профсоюзных переговорах и даже “лично заверил” палату общин в том, что “поставит [свое] будущее политика” в зависимость от решения палестинского вопроса. Бевин рассчитывал убедить американцев в том, что они должны разделить с Англией ответственность за судьбу беженцев; тогда правительство Соединенных Штатов окажет влияние на сионистов, с тем чтобы они сохраняли благоразумие. Пользуясь своими неограниченными ресурсами, Америка найдет подходящее место вне Палестины для расселения перемещенных лиц.

США и проблемы беженцев

Администрация Рузвельта уже выражала желание облегчить судьбу евреев, однако при этом не увеличивала американских иммиграционных квот, а вместо этого время от времени пыталась убедить британское правительство отказаться от курса Белой книги. Государственный секретарь Корделл Халл вспоминал, что во время войны “неоднократно беседовал на эту тему с послом лордом Галифаксом”. В марте 1944 г. Рузвельт заверил сионистское руководство в том, что правительство Соединенных Штатов никогда не поддерживало Белой книги, и выразил надежду, что “те, кто стремится к созданию еврейского национального очага, могут рассчитывать на полную справедливость”. Вейцман виделся с Рузвельтом в 1942 и 1943 гг. В ходе второй встречи обсуждался план Филби. По предложению присутствовавшего при этом заместителя Государственного секретаря Уэллеса Рузвельт согласился направить представителя в Саудовскую Аравию с тем, чтобы добиться от Ибн-Сауда более внимательного отношения к требованиям сионистов. В качестве эмиссара в Саудовскую Аравию был послан полковник Халфорд Хоскинс, специалист по Ближнему Востоку, обладавший влиянием в нефтяных эмиратах Персидского залива. В августе 1943 г. Хоскинс прибыл в Риад и встретился с Ибн-Саудом. Из беседы арабский правитель вынес впечатление, что американцы не собираются оказывать на него давление и требовать, чтобы он принял план Филби. Поэтому Ибн-Сауд недвусмысленно отверг американские предложения, и на том эта миссия закончилась. Однако Рузвельт по-прежнему не скупился на выражения сочувствия сионизму и при встречах с евреями заявлял о своей личной приверженности идее еврейского национального очага. Но заверения президента осторожно сводились на нет американскими послами в арабских странах, да и сам он в частных беседах с партийными лидерами конгресса стремился свести значение своих публичных высказываний к минимуму.

К началу 1945 г. весь Государственный департамент, начиная с Государственного секретаря Эдуарда Стеттиниуса, твердо занял антиссионистскую позицию. Более того, заместитель Государственного секретаря Джозеф Грю несколько позже даже обратился к администрации с заявлением, в котором утверждал: “Сионистская деятельность в США будет серьезно угрожать дружественным отношениям между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока до тех пор, пока не будет найдено решение этой проблемы”. В течение двух предыдущих лет ряд исследований по палестинскому вопросу был проведен комитетом Государственного департамента под руководством Гордона П. Мерриама, главы Ближневосточного отдела управления по делам Ближнего Востока и Африки, которым руководил Лой Хен-

дерсон. В январе 1945 г. члены комитета составили записку, в которой настаивали на превращении Палестины в международную территорию под контролем ООН. Такое решение, разумеется, означало ограничение еврейской иммиграции и приобретения евреями земли. Выводы комитета оказали некоторое влияние на Рузвельта. Поэтому, обсуждая палестинский вопрос с Хоскинсом 5 марта 1945 г., президент согласился с мнением Государственного департамента: создание самостоятельного еврейского государства вызовет массовое арабское восстание, а значит, пока следует предпочесть международную опеку над Палестиной.

В апреле 1945 г., когда Рузвельт на обратном пути с Ялтинской конференции встретился с Ибн-Саудом на аравийском побережье, неопределенность позиции президента в палестинском вопросе проявилась особенно ярко. Эта встреча была организована Стеттиниусом, который надеялся, что в результате ее американцам удастся закрепить свои права на пользование саудовской нефтью и саудовскими аэродромами. Рузвельт рассчитывал на свое личное обаяние, полагая, что Ибн-Сауд займет более уступчивую позицию по отношению к требованиям сионистов. Кроме всего прочего, президент мог напомнить и о помощи по лендлизу, которую Соединенные Штаты оказывали Саудовской Аравии начиная с 1943 г. Однако король не принял план Рузвельта, собиравшегося открыть Палестину для еврейских беженцев. Свои возражения Ибн-Сауд высказал вежливо, но твердо. Его аргументы были приняты во внимание. В ходе встречи, а затем и в письме от 5 апреля 1945 г. Рузвельт заверил Ибн-Сауда в том, что политический курс США не будет враждебен арабам и Вашингтон не внесет изменений в свою позицию по палестинской проблеме “без исчерпывающих предварительных консультаций с евреями и арабами”. Вернувшись в США, Рузвельт заявил в конгрессе, что “за пять минут беседы с Ибн-Саудом узнал о проблемах Аравии и о комплексе мусульманских и еврейских проблем в целом больше, чем узнал бы, обменявшись двадцатью или тридцатью письмами”. Судье Йосефу Проскауэру, президенту Американского еврейского комитета, Рузвельт сказал, что “из-за ситуации с арабами в Палестине ничего нельзя сделать”. Затем он направил ни к чему не обязывающее ободряющее послание сионистам. Однако помощник президента Д. К. Найлз, возможно, был прав, когда заметил: “Сомневаюсь, что Израиль возник бы, если бы Рузвельт не умер”.

Подход Гарри Трумэна⁵ к палестинской проблеме был более определенным. Став президентом, Трумэн сразу же подвергся давлению со стороны

5 Трумэн Гарри (1884–1972) — 33-й президент США в 1945–1952 гг. В 1926–1934 гг. был председателем окружного суда в штате Миссури, в 1934–1944 гг. — сенатором-демократом от этого штата. В 1944 г. избран вице-президентом США, с 12 апреля 1945 г., после смерти Ф. Д. Рузвельта, — президентом США. Благодаря Трумэну во второй половине 1945 г. евреям, жертвам Катастрофы, в американской зоне оккупации в Европе был

Государственного департамента, выступавшего против поддержки сионизма. С другой стороны, Трумэн пришел к власти в тот период, когда драматическая проблема перемещенных лиц встала во всей остроте, чего не было во времена Рузвельта. К тому же, не имея престижа Рузвельта, Трумэн не мог пренебрегать политической поддержкой национальных меньшинств, в том числе и американских сионистов. Вскоре Эттли и Бевин в разгаре конфликта с Трумэном обвинили его в том, что он поддерживает еврейскую иммиграцию в Палестину, руководствуясь внутривластными соображениями. Это обвинение, безусловно, упрощало истинное положение вещей. Известно было, что президент всегда сочувствовал угнетенным во всех сферах — в политике, в экономике и в религии. Вспоминая об этом времени, Дин Ачесон⁶ писал, что “у мистера Трумэна были собственные твердые убеждения по многим вопросам; он, например, не любил Франко и отрицательно относился к католическому обскурантизму в Испании”. Кроме всего прочего, Трумэн с молодых лет сочувствовал сионистам. В автобиографии он писал:

“Я давно уже ознакомился с проблемой еврейского национального очага, с историей этого вопроса и с позицией англичан и арабов. Я скептически относился... к некоторым воззрениям и мнениям “молодых людей в смокингах” из Государственного департамента. Мне представлялось, что их не слишком волнует то, что происходит с тысячами перемещенных лиц, имеющих отношение к этой проблеме. Я надеялся, что нам удастся соблюсти долговременные интересы нашей страны и в то же время помочь несчастным жертвам преследований обрести родину”.

Президент полагал, что палестинский вопрос во всей своей сложности должен быть рассмотрен Организацией Объединенных Наций. “Однако в тот

предоставлен особый статус. Тогда же он поддержал требования Еврейского агентства о выдаче британскими властями европейским евреям 100 тыс. сертификатов для въезда в Палестину. Официальное заявление Трумэна о признании Израиля де-факто последовало через полчаса после провозглашения независимости Израиля.

- 6 Ачесон Дин Гудерхейм (1893–1971) — американский государственный деятель. Высшее образование получил в Йельском университете (1912–1915) и на юридическом факультете Гарвардского университета (1915–1918). В 1919–1921 гг. — секретарь члена Верховного суда США Л. Брандайза. Затем работал в юридической фирме. Член Демократической партии. В 1933 г. Ф. Д. Рузвельт назначил Ачесона заместителем министра финансов. С 1940 г. служил в Государственном департаменте. В 1945–1949 гг. — заместитель Государственного секретаря. В 1949–1952 гг. — Государственный секретарь США. Сыграл важную роль в составлении плана экономической помощи Западной Европе (план Маршалла). В 1952 г. покинул государственную службу и вернулся к юридической практике.

момент, — добавлял он, — необходимо было срочно оказать помощь евреям в Европе”.

Имея это в виду, Трумэн во время Потсдамской конференции 24 июля 1945 г. направил Черчиллю короткую записку, в которой выражал надежду, что английское правительство “предпримет шаги, чтобы снять в Палестине ограничения, предусмотренные Белой книгой” и что премьер-министр сообщит ему “свои соображения об урегулировании палестинского вопроса, чтобы позже обсудить эту проблему конкретно”. Черчилль не успел еще ответить Трумэну, когда потерпел поражение на парламентских выборах. Вскоре после этого Трумэн послал в Европу Эрла Г. Харрисона, который должен был изучить там положение евреев из числа перемещенных лиц. В докладе Харрисона содержалась не только критика американского командования, проявившего безразличие к судьбам беженцев, но и ряд предложений по решению проблемы в целом. Не скрывая возмущения, Харрисон описывал ужасающее положение бывших узников лагерей смерти, их отчаяние и стремление навсегда расстаться с братской могилой, которой им казалась Европа. По крайней мере 100 тыс. беженцев, говорилось в докладе, должны быть немедленно эвакуированы, и “Палестина, безусловно, является [для них] лучшим местом”.

Трумэн безоговорочно поддержал это предложение, несмотря на предостережения Лоя Хендерсона и Государственного секретаря Джеймса Бирнса, сменившего на этом посту Стеттиниуса. В письме, адресованном Эттли, 31 августа 1945 г. президент настаивал на том, чтобы 100 тыс. евреев были впущены в Палестину. “Главное решение, видимо, заключается в том, чтобы срочно переселить в Палестину возможно большее количество желающих этого евреев из числа тех, которые не подлежат репатриации. Чтобы добиться успеха, эту акцию нужно провести безотлагательно”. Обращение Трумэна застало Эттли врасплох, Бевину и Министерству иностранных дел понадобились две с половиной недели на составление ответа. Отправленное 16 сентября за подписью Эттли ответное послание содержало намеки на новый подход Лондона к палестинскому вопросу. Эттли оспаривал точку зрения, согласно которой евреи пострадали от нацизма больше других народов, и предлагал отправить тех, кто пережил Катастрофу, в Филиппины и Фелладу в Северной Африке, где имелись готовые лагеря, рассчитанные на 35 тыс. человек. Далее в письме говорилось:

“Что касается Палестины, то мы должны принимать в расчет не только евреев, но и арабов, тем более что были торжественные заверения... данные Вашим предшественником, Вами и мистером Черчиллем в том, что до принятия окончательного решения и претворения его в жизнь будут проведены консультации с арабами. Было бы весьма непредусмотрительно нарушить эти обещания и вы-

звать тем самым пожар на всем Ближнем Востоке... Кроме этой проблемы, мы заняты еще одной, с нею связанной, — проблемой Индии. Тот факт, что в Индии проживает 90 млн способных в любой момент взбунтоваться мусульман, вынуждает нас рассматривать данную проблему и в этом ракурсе”.

Английское правительство, несомненно, совершило серьезную ошибку, отказавшись принять 100 тыс. беженцев. Лондон мог бы избежать неприятного столкновения с Соединенными Штатами. Кроме того, требования сионистов тогда были бы не столь категоричны. Наконец, было бы лучше, если бы Бевин проявил больше сдержанности и не говорил того, что он произнес 2 ноября, ввергнув *ишув* в отчаяние: “Если евреи, при всех своих страданиях, хотят пролезть без очереди, это угрожает новой волной антисемитизма”.

Еще осенью 1945 г. Еврейское агентство вовсе не хотело, чтобы англичане полностью устранились от контроля над Палестиной. Однако сионистское руководство пришло к выводу, что если политика Лондона строится на концепции арабской силы, то не меньшее впечатление может произвести и демонстрация силы евреями. Агентство впервые начало всерьез рассматривать чрезвычайные мероприятия оборонительного характера. В ноябре 1945 г. командование *Гаганы* пришло к соглашению с двумя еврейскими подпольными группами *Эцель* и *Лехи* о том, что в будущем все их операции должны подлежать согласованию с *Гаганой*. На протяжении последующих восьми месяцев подполье систематически осуществляло нападения на британские гарнизоны. Оружие поступало из различных источников. Иногда его поставщиками были английские солдаты. Евреи-военнослужащие британской армии похищали оружие со складов, разыскивали его на полях сражений, в Западной пустыне и в Италии, и переправляли в Палестину. В подпольных мастерских *Гаганы* начали выпускать гранаты, мины и легкие автоматические винтовки. Наконец, в конце 1945 — начале 1946 г. *Эцель* и *Лехи* провели несколько рискованных, но успешных нападений на английские арсеналы.

В октябре 1945 г. подпольщики напали на английский лагерь и освободили несколько сотен нелегальных иммигрантов. Тогда же в результате совместной операции *Гаганы* и группы *Эцель* в двухстах местах были взорваны железнодорожные пути, что полностью парализовало английские войска, а *Гагана* уничтожила три британских катера, предназначенных для задержания кораблей с беженцами. Были осуществлены диверсии на английских аэродромах, радарных установках и маяках. Несмотря на эти ощутимые удары, мандатные власти были исполнены решимости подавить еврейское движение Сопrotивления. В Палестину были быстро переброшены подкрепления, в том числе Шестая воздушно-десантная дивизия,

участвовавшая в высадке в Нормандии. В начале декабря 1945 г. для блокады Палестины с моря к побережью прибыли дополнительно четыре торпедных катера и два крейсера; было увеличено число самолетов. При новом верховном комиссаре Э. Дж. Кенни ответные меры властей становились все более жесткими. Например, в начале 1946 г., после нескольких удачных нападений организации *Эцель* на оружейные склады в Иудее, англичане допросили более 14 тыс. гражданских лиц. Тем не менее мандатным властям редко удавалось захватить подпольщиков. Генерал Баркер, командующий английскими войсками в Палестине, впоследствии признавал, что “евреям правительственные секреты и военные планы становились известны на следующий день после того, как мы принимали какое-либо решение. Их разведка прекрасно налажена”. Диверсии продолжались, удары наносились по полиции, армии и флоту. Англичане были в растерянности. Они привыкли рассматривать насилие в Палестине исключительно как прерогативу арабов. Безжалостная сила еврейского сопротивления оказалась для властей полной неожиданностью. Однако этого было недостаточно, чтобы воздействовать на Бевина, который намеревался решить проблему беженцев и определить будущее Палестины на свой собственный лад.

Объединенная англо-американская комиссия

Прошло два с половиной месяца, прежде чем в Лондоне разработали новый компромиссный подход к предложению Трумэна. 26 октября 1945 г. в палате общин, а затем 13 ноября в письме к американскому президенту Эттли предложил создать объединенную англо-американскую комиссию, которая изучила бы положение беженцев и наметила решение проблемы. При этом подразумевалось, что Соединенные Штаты помогут и осуществить это решение на практике. Трумэн сразу же принял это предложение, но с тем условием, что предметом обсуждения будет только Палестина, а не какая-либо другая территория. Эттли и Бевину пришлось согласиться, поскольку иначе невозможно было бы привлечь американцев к участию в комиссии. Однако министр иностранных дел заявил, что правительство его величества не может “согласиться с изгнанием евреев из Европы” и с тем, что только в Палестине можно решить проблему устройства европейских евреев.

Из шести представителей Великобритании в объединенной комиссии особым влиянием пользовались ее председатель сэр Джон Синглтон — член Верховного суда, Герберт Моррисон — один из самых видных политиков Лейбористской партии и молодой член парламента лейборист Ричард Кроссман, который постоянно выступал с критикой других членов

комиссии. Британскую делегацию сопровождал эксперт Министерства иностранных дел по Палестине Харольд Били. Англичане отправились в Соединенные Штаты для встречи со своими американскими коллегами. Председателем американской делегации был судья Джозеф Хатчесон, семидесятилетний ультраконсерватор из Техаса. Среди самых влиятельных членов делегации были д-р Фрэнк Эйдлот — из Принстонского университета, д-р Джеймс Макдональд — профессор Колумбийского университета, бывший до этого верховным комиссаром Лиги Наций по проблемам беженцев из Германии, и Бэртли Крам — юрист из Сан-Франциско, не лишенный политических амбиций. Крам открыто демонстрировал свои симпатии к сионистам, в то время как Били не скрывал своей проарабской позиции.

Первая встреча членов комиссии проходила в Вашингтоне, первые показания арабских и еврейских свидетелей были заслушаны в Нью-Йорке. Обе стороны держались бескомпромиссно. Арабы утверждали, что американская администрация действует под политическим давлением со стороны евреев. Сионисты яростно критиковали политику англичан, как будто Великобритания несла главную ответственность за трагедию европейского еврейства. В январе 1946 г. комиссия переехала в Лондон, там ее члены встретились с Бевинем на официальном обеде. Как вспоминал лейборист Ричард Кроссман, министр иностранных дел “ясно высказался в том смысле, что если мы придем к единодушному мнению, то он лично сделает все, что в его силах, для осуществления принятого нами решения”. Остаток времени Бевин потратил на критику “национализма” и подчеркнул, что считает безнадежной любую попытку создать “национальные государства в Палестине”. Комиссия заседала в Лондоне до 1 февраля. Хотя перед нею здесь выступили некоторые сторонники сионистов, в том числе лорд Герберт Сэмюэл и Леопольд Эмери, именно в Лондоне комиссия столкнулась с мощным сопротивлением антиссионистской бюрократии. Эксперты из Министерства колоний и Министерства иностранных дел предрекали кровопролитие в Палестине, если туда приедут тысячи новых еврейских иммигрантов.

Этим пророчествам еще более решительно вторили английские чиновники на Ближнем Востоке, которых опрашивали члены комиссии. “Они на дух не переносят [Еврейского] агентства, — писал Кроссман. — Они так же возмутительно пренебрегают еврейскими интересами, как американские сионисты — арабскими”. Арабы и англичане выступали единым фронтом. При этом, как ни парадоксально, Аззам-паша, председатель Арабской лиги, советовал арабам “излагать дело в примирительном духе, с учетом сложившейся ситуации”. Однако, когда он сам, подозрительный и настороженный, предстал перед англо-американской комиссией в Каире, его возражения против еврейской иммиграции были высказаны в самом категорическом тоне. Речь Аззама звучала искренне и выразительно:

“Сионист, новый еврей... считает себя представителем особой цивилизаторской миссии, которую он несет отсталому, выродившемуся народу, чтобы положить начало прогрессу там, где никакого прогресса нет. Ну что же, арабы просто говорят на это “нет”... Мы живой, жизненно активный народ, переживающий период возрождения... у нас рождается на свет не меньше детей, чем у других народов... У нас есть свое культурное и духовное наследие. Мы не допустим, чтобы над нами властвовали другие народы — великие, малые или находящиеся в рассеянии”.

Еще ярче прозвучали показания Альбера Хурани, выдающегося ливанского ученого, преподавателя Оксфорда. Блестящая по форме, логичная речь Хурани убедительно свидетельствовала об исторических связях арабов с Палестиной.

Однако лишь в самой Палестине арабский национализм проявился во всей глубине. Арабы, дававшие там показания комиссии, в сущности, находились в весьма невыгодном положении. Они еще не оправались после поражения, нанесенного им в ходе арабского восстания 1936–1939 гг. Их политические лидеры, объявленные англичанами вне закона, бежали из Палестины и жили в соседних странах. До 1945 г. Верховный арабский комитет в Святой земле не действовал. Время от времени делались попытки возродить его деятельность, однако все они пресекались сторонниками муфтия, который не допускал никакого соперничества. Последователи Хадж Амина требовали, чтобы ему и его окружению было разрешено вернуться в Палестину. На это англичане всякий раз отвечали отказом.

В конце концов, перед самым приездом англо-американской комиссии в Иерусалим, был достигнут компромисс. Благодаря вмешательству сирийского министра иностранных дел Джамиля Мирдам-бея, клан Хусейни согласился на восстановление Верховного арабского комитета. Англичане же освободили племянника муфтия — Джамиля аль-Хусейни, который был интернирован в Родезии как вражеский агент. Вскоре после этого Верховный комитет начал свою работу. Однако и англичане, и умеренно настроенные арабы пришли в ужас от того, каким оказался его состав. Председательское место пустовало в ожидании муфтия. Заместителем председателя стал Джамиль аль-Хусейни, оказавший странам Оси не меньше услуг, чем его дядя. Другие члены комитета тоже были известны своей нацистской ориентацией. Так, например, Васиф Камал сыграл ключевую роль в иракском восстании 1941 г., а в 1943 г. побывал в Италии и Германии по поручению муфтия. Д-р Хусейн аль-Халиди тоже принимал участие в восстании Рашида Али, а затем в 1943 г. стал директором арабской радиостанции, организованной немцами в Афинах. Эмиль Гори, вернувшийся в Палестину еще в 1941 г., первым среди сторонников муфтия, в конце 1930-х гг. был организатором

отрядов, уничтожавших во время гражданской войны противников Хадж Амина. Таков был комитет, которому предстояло защищать арабские интересы всего через год после разгрома Германии.

Это, однако, не помешало ему с полной уверенностью в своей правоте занять прежнюю непримиримую позицию и на этой основе давать свои показания в марте 1946 г. Выступая в качестве свидетеля, Джамиль аль-Хусейни напомнил о том, что арабы составляют в Палестине большинство (1 млн 300 тыс. человек при 560 тыс. евреев), что они кровно связаны со всем арабским миром, однако Палестина до сих пор не могла объединиться с другими арабскими странами, которые получили или вот-вот получают самостоятельность. “Все эти несчастья, — заявил он далее, — вызваны исключительно присутствием сионистов, которым оказывают поддержку некоторые державы...” Среди “несчастий”, перечисленных Верховным комитетом, было названо и политико-экономическое неравновесие, вызванное еврейской иммиграцией. В результате доля арабского населения в Палестине упала с 93% в 1918 г. до 65% в 1946 г. Теперь арабам грозит превращение в меньшинство. Как обычно, прозвучали и предупреждения насчет захвата земли евреями. Вдобавок верховный комиссар, нимало не смущаясь, заговорил о поведении арабов в военное время, сообщив, что “многие из них добровольно пошли на службу к союзникам” и что палестинские арабы сохраняли верность англичанам “даже тогда, когда немцы были на подступах к Александрии...”. Еврейство же, напротив, “в своем нынешнем отношении к Палестине есть не что иное, как воплощение нацизма”. Так или иначе, заявления Верховного комитета отражали неподдельный и глубоко укоренившийся страх перед сионизмом, что не могло не вызвать сочувствия у английских и американских гостей. Представитель Верховного арабского комитета сказал:

“Сионисты утверждают, что они служат проводниками западной цивилизации на Ближнем Востоке. Даже если это было бы правдой, услуги сионистов все равно не имели бы значения: в арабском мире, в течение столетия имеющем прямые связи с Западом, возродилось собственное культурное движение, поэтому посредники арабам не нужны... В более глубоком смысле присутствие сионистов даже препятствует восприятию западной цивилизации, поскольку они... так или иначе внушают арабам неприязненное отношение к Западу во всех его проявлениях”.

В итоге арабы потребовали прекращения еврейской иммиграции, отмены мандата, отказа от Декларации Бальфура и признания суверенной Палестины на тех же правах, что и другие независимые арабские государства.

Рассмотрение еврейских требований началось еще до того, как англо-американская комиссия прибыла в Иерусалим. Выехав из Лондона и по-

бывав в Вене, члены комиссии в феврале 1946 г. посетили лагеря для перемещенных лиц. “После этого унизительного зрелища все теоретические рассуждения относительно сионизма и еврейского государства казались абстракцией, — писал впоследствии Кроссман. — То, что раньше казалось нам реальностью, потеряло свой смысл”. В это время евреи, уцелевшие после Катастрофы, начали откликаться на призыв Бен-Гуриона, выступившего осенью 1945 г. перед толпой перемещенных лиц в немецком городе Ландсберге: “Не пугайтесь, если завтра или послезавтра услышите, что против нас выпущены новые законы. У евреев теперь есть сила, которая поддержит вас в борьбе за гордую и независимую Палестину. Обещаю вам, что не только ваши дети, но и седые старики еще увидят свою еврейскую родину”.

В начале 1946 г. беженцы ответили на этот призыв: они провели съезд евреев — перемещенных лиц в Мюнхене и начали организацию широко-масштабной иммиграции в Палестину. С этой целью была налажена разнообразная сионистская деятельность, в том числе преподавание иврита и еврейской истории, обучение в сельскохозяйственных школах. Все это увидели члены комиссии во время поездок по лагерям для перемещенных лиц. Подтверждалось то, что они слышали о европейских евреях в Лондоне и Вашингтоне. Политикам было нетрудно понять чувства евреев еще и потому, что в Центральной Европе ничуть не ослабел самый злостный антисемитизм. “Для членов комиссии, как и для европейских евреев, — писал Кроссман, — Палестина все больше становилась решением, а не проблемой”.

После приезда комиссии в Палестину первым от имени сионистов перед ней выступил Вейцман. Полуослепший лидер сионистов, которому было уже за семьдесят, проявил незаурядную энергию. Он говорил о неискоренимой европейской юдофобии, сохранившейся даже после разгрома нацистского рейха. Используя классический аргумент сионистов, он в очередной раз подчеркнул, что победить антисемитизм, пока у евреев нет своего государства, практически невозможно. Как и в своих предшествующих выступлениях перед другими комиссиями, Вейцман счел необходимым снова остановиться на дипломатическом контексте Декларации Бальфура, описать условия жизни еврейства в различных странах мира и упомянуть об участии палестинского еврейства в военных действиях союзников. После этого, отвечая на многочисленные вопросы членов комиссии, Вейцман признал, что теперь склоняется к идее государства в большей мере, чем до войны, и указал на то, что в результате появления Белой книги и вследствие Катастрофы еврейское государство стало необходимостью. Он согласился с тем, что в палестинском вопросе выбор должен быть сделан не между правыми и виноватыми, а между большей или меньшей несправедливостью.

Показания Бен-Гуриона были не столь дипломатичными по форме, но его жесткость даже пошла на пользу делу. Председатель Еврейского агентства подробнее, чем это сделал Вейцман, остановился на достижениях сионистов в Палестине, на социальной жизни общины, основанной на принципах демократического социализма. Еврейская государственность для сионистов даже важнее иммиграции 100 тыс. беженцев, подчеркнул Бен-Гурион. “Мы не откажемся от независимости, даже если за нее придется заплатить самую дорогую цену... И в Палестине, и за ее пределами есть сотни тысяч евреев, которые, если понадобится, отдадут свои жизни за еврейскую независимость, за Сион”. В отличие от Вейцмана, Бен-Гурион не осудил волну насилия, организованную евреями в Палестине (члены комиссии все время находились под вооруженной охраной), и не выразил восторга по поводу возможного англо-еврейского сотрудничества.

Самым сильным аргументом евреев было реальное подтверждение их достижений в Палестине и информация о планах сионистов на будущее. Представленные ими материалы и статистические таблицы опровергали заявления арабов об экономической эксплуатации со стороны евреев и свидетельствовали об обратном: уровень жизни арабов неуклонно повышался. Сионисты ссылались на исследование, проведенное группой американских евреев-экономистов, которое показало, что в Палестине можно абсорбировать “от 685 тыс. до 1 млн 250 тыс. иммигрантов за одно десятилетие”. Из проекта, подготовленного выдающимся американским специалистом по гидрологии д-ром Уолтером Лоудермилком, следовало, что увеличившееся население может быть обеспечено водой из Иордана, если построить на этой реке систему плотин. На комиссию все это произвело сильное впечатление. “Я должен был признать, — писал Кроссман, — что ни в одной другой стране западные колонисты не нанесли столь малого ущерба жизни коренного населения... Если в 1918 г. сионизм был искусственно импортирован [в Палестину], то к 1946 г. он превратился в патриотизм, полный энергии...”

В конце марта комиссия, располагавшая теперь множеством протоколов и документов, прибыла в Лозанну. Там в течение месяца обсуждался и ставлялся доклад, который был опубликован 1 мая 1946 г. В докладе речь шла о невыносимых физических и психологических условиях жизни европейских евреев, а попытка возродить еврейскую национальную жизнь в Европе оценивалась как несерьезная и неосуществимая. “Мы не знаем ни одной страны, кроме Палестины, куда бы в ближайшем будущем могло переехать большинство из них”, — говорилось в докладе. Комиссия предлагала немедленно выдать 100 тыс. разрешений на въезд в Палестину. Рекомендации относительно самой Палестины были менее определенными. Большинство членов комиссии поддерживало унитарное решение. В докладе отклонялась

идея создания арабского или еврейского государства, поскольку “в обоих случаях гарантии, предоставленные меньшинству, не смогут обеспечить ему достаточной защиты”. Не имея детально разработанного решения, комиссия просто предлагала создать такие условия, при которых дальнейшая еврейская иммиграция не будет зависеть от арабского вето, но и не приведет к возникновению еврейского большинства. Пока же решение не будет найдено, в Палестине должна существовать мандатная администрация.

При такой умеренной позиции никто из членов комиссии не ожидал, что выводы доклада будут отвергнуты Лондоном, — ведь он соответствовал основным пожеланиям Бевина. Прежде всего, он был принят единогласно. Кроме того, в нем рекомендовалось (пусть в виде пожелания) создать единое государство. Наконец, этот документ поддержали американцы. Однако реакция Лондона была более чем прохладной. Испытывая трудности не только в Европе, но и в Египте и Индии, британское правительство не было готово взять на себя ответственность за последствия массовой еврейской иммиграции в Палестину. По оценкам мандатных властей, прибытие туда 100 тыс. беженцев потребовало бы переброски в Палестину дополнительно еще одной дивизии для поддержания порядка. Это обошлось бы казначейству в 40 млн фунтов. Таких денег у англичан не было. Кроме того, Лондон не собирался обострять отношений с арабами, а возможно, и со всем мусульманским миром в критический момент, когда английские позиции пошатнулись в Египте, Ираке, Иране, Турции, не говоря уже о Палестине.

Однако если члены комиссии не ожидали, что англичане отвергнут результаты их деятельности, то Лондон, в свою очередь, никак не рассчитывал, что американцы без предварительных консультаций поддержат только что представленный доклад. Ведь было известно, что Государственный департамент с пониманием относится к трудному положению англичан и, проявляя осторожность, постарается избежать прямолинейного подхода к палестинскому вопросу. 27 апреля Бевин попросил правительство США отложить публикацию доклада и провести совместные консультации. Эта просьба была отклонена. 1 мая 1946 г. текст доклада был опубликован в Вашингтоне, и в тот же день Трумэн заявил о том, что поддерживает рекомендации комиссии относительно иммиграции в Палестину 100 тыс. перемещенных лиц. Таким образом, президент, оставив без внимания остальные положения доклада, сосредоточился исключительно на этой проблеме. Друг и биограф Бевина Э. Ф. Френсис-Уильямс писал впоследствии, что заявление Трумэна “привело Бевина в невиданную ярость”. Министр иностранных дел немедленно направил в Вашингтон протест, в котором прямо говорилось о возмущении всего британского кабинета в связи с этим проявлением “небывалой безответственности в тот момент, когда английских

солдат убивают еврейские террористы”. Эттли пошел еще дальше. Он был убежден, что американцы, если им вздумалось защищать интересы сионистов и поучать Великобританию, как ей следует поступать, должны взять на себя хотя бы часть финансовых расходов. Поэтому 26 мая премьер-министр послал Трумэну телеграмму с перечислением затрат, которые предстоят обоим правительствам, если доклад будет принят, в том числе расходов на транспортировку, расселение и содержание иммигрантов, на борьбу с терроризмом и на другие возможные последствия этого шага.

Президент США без особого энтузиазма принял вызов и признал, что необходима встреча английских и американских экспертов. Однако Эттли не спешил с этим и требовал продолжения консультаций, которые должны были предшествовать разработке окончательного плана действий. Такой подход оказался недалеким. Даже в этот момент, если бы Лондон положительно отреагировал на гуманное предложение допустить в Палестину 100 тыс. евреев, невыносимое напряжение удалось бы преодолеть. При этом, конечно, утратило бы свою остроту еврейское требование суверенитета. Отвергнув инициативу Трумэна и тем самым допустив серьезный тактический просчет, Бевин еще усугубил ошибку своими бестактными замечаниями. Так, раздраженный предложением президента, министр иностранных дел публично заявил, что американцы выступают за иммиграцию 100 тыс. евреев в Палестину потому, что “у них избыток [евреев] в Нью-Йорке”. Это заявление вызвало возмущение не только в еврейской среде. Вскоре после этого, когда Бевин приехал в Соединенные Штаты, грузчики в нью-йоркском порту отказались разгружать его багаж.

Усиление еврейского экстремизма

После того как Лондон отверг выводы объединенной комиссии, начался один из самых мрачных периодов в послевоенной истории еврейства. Все больше перемещенных лиц из Восточной Европы перебиралось в американскую зону оккупации. Летом 1946 г. этот процесс ускорился в связи с тем, что в Польше разразились погромы остатков еврейского населения⁷.

7 В послевоенной Польше до лета 1947 г. было убито около тысячи евреев. В 1945 г. большинство убийств было совершено в Любленском и Кельцком воеводствах, в основном в маленьких местечках и на дорогах, но 11 августа 1945 г. произошел еврейский погром в Кракове. В 1946 г. нападения на евреев происходили, главным образом, в больших городах. Самым кровавым был погром в Кельце 4 июля 1946 г. (поводом к нему послужили ложные слухи о ритуальном убийстве польского мальчика), во время которого погибло 42 еврея.

В результате оттуда бежали тысячи евреев. С июля по сентябрь в Западную Германию переселилось 90 тыс. человек, на которых едва хватало средств американской военной администрации и еврейских благотворительных организаций. Одновременно с этим еще 25 тыс. евреев бежало с Балкан. К концу 1946 г. в лагерях для перемещенных лиц в Западной Германии находилось более 250 тыс. евреев.

Таким образом, летом и осенью 1946 г. сионистское руководство вновь оказалось поставленным перед критической ситуацией. Доклад объединенной англо-американской комиссии не произвел серьезного впечатления на Бен-Гуриона, и тот отверг его. Бен-Гурион всегда считал, что самоуправление — единственный надежный путь к контролю над иммиграцией. Даже перспектива переселения значительного числа беженцев не заставила председателя Еврейского агентства отказаться от своих целей, тем более что Бевин не принял выводов комиссии. Позиция министра иностранных дел и увеличение количества перемещенных лиц вынуждали сделать вывод, что необходимо еще более ошутимое давление на англичан. 12 мая 1946 г. в передаче подпольной радиостанции *Гаганы* прозвучала решительная нота:

“Нынешняя английская политика... основана на ложных предпосылках: Великобритания, оставив Сирию, Ливан и Египет, намерена сконцентрировать свои военные базы в Палестине, а потому стремится упрочить мандат и с этой целью эксплуатирует свою ответственность по отношению к еврейскому народу. Но эта двойная игра не пройдет... Поэтому мы хотим публично предупредить правительство Его Величества, что, если оно не выполнит обязанностей, возложенных на него мандатом, прежде всего в том, что касается иммиграции, еврейское движение сопротивления сделает все от него зависящее, чтобы помешать транспортировке английских войск в Палестину и размещению здесь британских военных баз”.

Еще до того, как *Гагана* выступила с этим предупреждением, еврейское подполье развернуло активные действия против англичан. А в ночь на 17 июня подразделения *Гаганы* осуществили операцию, превосходившую по дерзости все предшествующие. Было взорвано десять из одиннадцати мостов, соединявших Палестину с соседними государствами, — фактически страна была изолирована. До этого англичане не наносили ответных ударов с той решительностью, какую они позволяли себе, расправляясь с кенийскими и малазийскими повстанцами, поскольку ни на минуту не забывали о трагедии европейского еврейства. Однако уничтожение мостов положило конец их терпению. 29 июня — этот день евреи назвали “Черной субботой” — англичане приступили к самой грандиозной карательно-розыскной опера-

ции в истории Палестины. Операция продолжалась две недели и охватила всю страну. Тель-Авив прочесывали квартал за кварталом, все здания осматривали от подвалов до чердаков. Обыски проводились даже в школах, а в больницах с пациентов срывали гипсовые повязки. Многие сотрудники Еврейского агентства были арестованы и интернированы (Бен-Гурион в этот момент находился в Париже). Тем не менее схватить руководство подпольных отрядов англичанам не удалось. Не удалось им обнаружить и основные подпольные склады оружия.

Со своей стороны, Еврейское агентство сознавало, что дальнейшие нападения на британские военные базы могут вызвать еще более суровые контрмеры англичан. Поэтому агентство предложило *Гагане* заняться нелегальной иммиграцией.

Однако экстремистским группировкам были не по вкусу любые проявления сдержанности. Хотя организация *Лехи* понесла значительные потери во время предшествующих операций против англичан, за период с сентября 1946 г. по май 1948 г. она провела более сотни диверсий и террористических актов. В это же время организация *Эцель*, которая прежде лишь в ограниченных масштабах совершала акты насилия по отношению к британским военнослужащим, пошла по стопам *Лехи*. Действия группы *Эцель* повлекли за собой ужасающие последствия для *ишува*. Организация *Эцель* возникла в 1931 г. — это была несоциалистическая группа, отколовшаяся от *Гаганы*, в которой руководство принадлежало социалистам. Ряды этой группы пополнялись в основном за счет бетаровцев, к которым примкнули также крайние националисты и члены *Макаби*⁸. Политика новой организации ориентировалась на программу Жаботинского: каждый еврей имеет право на въезд в Палестину; только активным отпором можно сдерживать арабов; еврейское государство может быть создано лишь при наличии еврейской армии. Эмблемой группы *Эцель* было изображение руки, сжимающей винтовку, на фоне карты Палестины (включая Трансиорданию). Под эмблемой был девиз “Только так!”.

С самого начала Еврейское агентство отмежевалось от *Эцель*, а англичане проводили аресты подозреваемых в сотрудничестве с этой организацией. 29 июня 1938 г. впервые в истории Палестины был повешен еврей — член *Эцель* Шломо Бен-Йосеф, обстрелявший арабский автобус. До опубликования Белой книги в мае 1939 г. *Эцель* действовала в основном против арабских бандитов. После ее появления жертвами *Эцель* в большинстве стали

8 Макаби — международная еврейская спортивная организация, названная так в память Йегуды Маккавея. Первый еврейский спортивный клуб — “Еврейский гимнастический клуб” — возник в Стамбуле в 1895 г. В Эрец-Исраэль первый клуб был основан в Яфо и назывался *Ришон-ле-Цион*. В 1911 г. А. Елин основал в Тель-Авиве спортивное общество *Макаби*.

британские чиновники. Волна насилия пошла на спад после начала Второй мировой войны — подпольщики заявили, что прекращают борьбу против англичан, и предложили им свою помощь. В мае 1941 г. командир *Эцель* Давид Разиэль вызвался выполнить рискованное задание англичан в Ираке. В Багдаде он был схвачен и по распоряжению правительства Рашида Али казнен. Смерть Жаботинского в 1940 г. и гибель Разиэля на время парализовали деятельность *Эцель* — в течение последующих двух лет казалось, что этой организации уже не удастся достичь своего довоенного уровня и завербовать хотя бы несколько сот человек.

Возрождение *Эцель* объяснялось двумя причинами. Во-первых, на Ближнем Востоке военная обстановка постепенно нормализовалась — таким образом, можно было проводить операции, не подрывая оборонной мощи Великобритании. Во-вторых, в *Эцель* влилось пополнение — многие евреи-подпольщики были дезертирами из польской армии генерала Андерса, которая была временно дислоцирована в Палестине. У них еще свежа была память о судьбах евреев в оккупированной нацистами Европе. Они получили военную подготовку и теперь жаждали участвовать в активном сопротивлении. Однако даже в период с 1944 по 1948 г., в самый разгар деятельности *Эцель*, численность организации не превышала 2 тыс. человек. Руководство организации состояло из людей, фанатически преданных своей идее. Так, например, Менахем Бегин⁹, которому было за тридцать, когда он командовал самыми рискованными операциями *Эцель*, художавый интеллигент в очках, прошел суровую школу сопротивления задолго до приезда в Палестину. Польский еврей, Бегин в сентябре 1940 г. был арестован советскими властями в Вильнюсе и приговорен к восьми годам заключения за сионистскую деятельность. Был послан отбывать заключение на север, в один из лагерей Печерлага. Очувшившись среди заключенных-антисемитов, он обнаружил недюжинную нравственную и физическую силу. Через год Бегину разрешили записаться в армию Андерса (сформированную в СССР). Попав таким образом в Палестину, он немедленно дезертировал, вступил в *Эцель*, а уже в декабре 1943 г. взял на себя командование этой организацией.

9 Бегин Менахем (1913–1992) — израильский политический и государственный деятель. В 1936 г. — глава *Бетара* в Чехословакии, в 1938 г. — в Польше. В сентябре 1940 г. арестован советскими властями. В 1942 г. в составе армии Андерса прибыл в Палестину. В декабре 1943 г. возглавил *Эцель*, в январе 1944 г. провозгласил начало борьбы *Эцель* против британского владычества в Эрец-Исраэль. Под его руководством *Эцель* предприняла серию нападений на британские военные и административные объекты. В октябре 1948 г. основал партию *Херут*, которая на выборах в *кнесет* первого созыва (1948 г.) получила 14 мандатов. В 1973 г. возглавил блок *Ликуд*, который на выборах в *кнесет* девятого созыва (1977) получил 43 мандата. М. Бегин в 1977–1983 гг. возглавлял правительство. В 1983 г. подал в отставку.

Под руководством Бегина *Эцель* начала все чаще нападать на британские военные объекты. В организации царил железная дисциплина. Жестокость подпольщиков не знала границ. Они вымогали денежную помощь у евреев-предпринимателей, а иногда и казнили доносчиков. Все было построено на полной конспирации. За головы подпольщиков было назначено вознаграждение; каждому из них угрожала либо казнь, либо длительное тюремное заключение. Им приходилось пользоваться фальшивыми документами, скрываться. После “Черной субботы” 29 июня 1946 г. командование *Эцель* отказалось подчиняться приказам объединенного центра движения Сопrotивления. Бегин принял решение провести операцию, которая прогремела бы за пределами Палестины. Ему это удалось. 22 июля группа подпольщиков проникла на кухню иерусалимской гостиницы “Кинг Дэвид”. Целое крыло в этом отеле занимали различные административные учреждения, там же находился штаб отдела по расследованию уголовных преступлений. Диверсанты пронесли в подвальный этаж тяжелые молочные бидоны, набитые взрывчаткой. Затем они привели в действие часовой механизм и ушли. Как впоследствии рассказывал Бегин, в отдел по расследованию уголовных преступлений позвонили и предупредили о готовящемся взрыве, но англичане отрицали, что такое предупреждение было. Через двадцать пять минут раздался взрыв. Был убит 91 человек, ранено — 45. Среди жертв были англичане, арабы и евреи.

После этого английские власти предприняли карательные меры, направленные против всего *ишува*. На четыре дня в Тель-Авиве и Иерусалиме был введен комендантский час, и эти города оказались отрезанными от остальной страны. Британские войска получили приказ стрелять по разрушителям комендантского часа. В ярости обвинив всех евреев в причастности к преступлениям террористов, генерал Бэкер запретил английским солдатам посещать еврейские дома и лавки. Надо сказать, что Еврейское агентство в не меньшей степени, чем мандатная администрация, было потрясено взрывом в “Кинг Дэвид”. Бен-Гурион, который раньше никогда открыто не осуждал нападений подпольщиков на британские военные объекты, гневно выступил против *Эцель* и призвал палестинское еврейство выдавать англичанам членов этой организации. Позже *Гагане* удалось сорвать попытку *Эцель* взорвать английский полицейский участок в Тель-Авиве. Однако Бегина и его соратников не так просто было остановить. Теперь они занялись диверсиями на транспорте: уничтожали военные машины, парализовали движение, а случалось, и убивали британских военнослужащих.

Однако еще задолго до этого разгула насилия *Гагана* разработала не столь жестокий и значительно более действенный метод, позволявший бороться с политикой Великобритании в Святой земле.

Нелегальная иммиграция

Незаметно, без лишнего шума и без вмешательства сионистов, вопреки ограничениям, предусмотренным Белой книгой, англичане с 1946 г. увеличили еврейскую иммиграцию до 18 тыс. человек в год. По довоенным меркам это была немалая цифра. Однако евреи помнили о тех десятках тысяч беженцев, которые все еще томились в лагерях для перемещенных лиц. Как уже говорилось выше, еще до войны сионистское руководство (а также ревизионисты) способствовало нелегальной иммиграции евреев из Европы и стран Ближнего Востока. Известная под названием *Алия Бет*, эта иммиграция, проводимая под эгидой Еврейского агентства, все в большей степени оказывалась под контролем *Гаганы*. Осуществление этой программы началось в 1938 г. под руководством Шауля Авигура¹⁰, тридцатидевятилетнего подпольщика, инициативного и волевого человека. Когда война окончилась, Авигур вернулся в Европу и открыл свое представительство в Париже. Еврейское агентство дало ему четкие и недвусмысленные инструкции. Он должен был как можно скорее организовать выезд в Палестину евреев из числа перемещенных лиц. При этом речь шла не о том, чтобы тайно переправить несколько сотен или даже тысяч человек, — планировалось переселение десятков тысяч евреев. К судьбе жертв нацизма нужно было привлечь внимание всего мира и таким образом продемонстрировать драматизм судьбы еврейского народа и бесчеловечность английской иммиграционной политики в Палестине. Короче говоря, исход должен был стать реализацией того, что Бен-Гурион говорил в лагере для перемещенных лиц в Ландсберге: “Вы не просто люди, попавшие в беду, вы — политическая сила”. В последующие месяцы палестинские евреи (многие из них — ветераны Еврейской бригады) направились в лагеря для перемещенных лиц в качестве эмиссаров Еврейского агентства. Благодаря средствам еврейских филантропов были найдены возможности для перехода государственных границ, созданы транзитные пункты, обеспечены питание, одежда и размещение будущих иммигрантов. Были куплены и отремонтированы в доках

10 Авигур (Мееров) Шауль (1899–1977) — один из организаторов и руководителей *Гаганы*. С 1912 г. находился в Эрец-Исраэль. Входил в состав руководства *Гаганы*, отвечал за приобретение оружия. Был одним из инициаторов создания в 1930-х гг. военной промышленности, заложил основы разведывательной службы *Гаганы*. С 1934 г. активно участвовал в организации нелегальной иммиграции евреев в Эрец-Исраэль. В 1944–1948 гг. руководил деятельностью подпольной организации *Мосад ле-Алия Бет*, осуществлявшей нелегальную иммиграцию. Накануне Войны за независимость возглавлял всю деятельность в Европе по приобретению оружия и доставке его в Эрец-Исраэль. В 1952–1970 гг. Авигур руководил *Нативом* — израильским государственным учреждением, созданным для связи с евреями Советского Союза и координации борьбы за их право на репатриацию в Израиль.

Французской Ривьеры пароходы. Конечно, все это оказалось возможным только с молчаливого согласия французского правительства. В ряде случаев сотрудничество с правительственными органами налаживали французские еврей-партизаны, участники движения Сопротивления. Некоторые из них заняли после войны ключевые посты в государственном аппарате. Так, например, Андре Блюмель был главой кабинета министров в недолго просуществовавшем правительстве Леона Блюма (сам Блюм лишь значительно позднее вступил в контакт с сионистами). Жюль Мок¹¹ был министром обороны сначала в правительстве Блюма, а потом — в правительстве Жоржа Бидо. Министерские посты занимал в 1946–1949 гг. Даниэль Мейер¹². Эти и другие политические деятели придавали большое значение спасению перемещенных лиц, они-то и добивались помощи и поддержки в различных ведомствах, начиная с министерств в Париже и кончая портовыми службами в приморских городах. Несомненно, позицию Франции определяло сострадание к жертвам нацизма. Роль играло и то, что в государственном аппарате было немало бывших партизан, воспринимавших подпольщиков *Гаганы* как братьев по оружию. Однако для французов важным было и другое чувство, роднившее их с *Гаганой*, по определению Авигура, — неутолимая ненависть к англичанам за то, что Великобритания вытеснила Францию из Леванта в 1943–1945 гг., а может быть, и за то, что французы в 1940 г. потеряли свой флот в Марс-аль-Кабире¹³. Беспомощная ярость только усиливалась тем, что во французских городах и портах, освобожденных арми-

- 11 Мок Жюль-Сальвадор (1893–1985) — французский политический и государственный деятель. В юности вступил в Социалистическую партию и вскоре выдвинулся в число ее лидеров и признанных теоретиков. В 1937 г. был генеральным секретарем правительства Л. Блюма, в 1938 г. — министром общественных работ. В 1940–1945 гг. в Англии являлся членом “Свободной Франции”, в 1945–1951 гг. занимал ряд министерских постов: общественных работ, транспорта, внутренних дел, обороны, был заместителем премьер-министра. В 1958 г. был назначен министром внутренних дел, но после прихода де Голля к власти отказался от министерского поста. Оказывал большую помощь еврейским беженцам после окончания Второй мировой войны.
- 12 Мейер Даниэль (1909–1996) — французский политический и общественный деятель. В годы немецкой оккупации Франции был членом Национального совета, руководившего движением Сопротивления, и редактором социалистической газеты “Попюлер”, выходившей подпольно. В 1943–1946 гг. Мейер был генеральным секретарем Французской социалистической партии; в 1946–1949 гг. — министром труда, здравоохранения и соцобеспечения. С 1983 г. был членом Конституционного совета Франции.
- 13 Опасаясь выдачи французского флота Германии после заключения Компьенского перемирия 22 июня 1940 г. между Францией и Германией, английский флот 3 июля 1940 г. напал на французскую эскадру в Марс-аль-Кабире. Были потоплены три французских линкора и эсминец. Французы потеряли убитыми и ранеными свыше 1500 человек.

ей Монтгомери¹⁴, действовали сотрудники британской разведки. Все эти причины, общность симпатий и интересов привели к тому, что французский министр внутренних дел Эдуар Депрю рука об руку работал с Авигуром над созданием транзитных лагерей для перемещенных лиц в приграничных и портовых городах Франции, а также предоставлял политическое убежище членам *Эцель*, бежавшим из Палестины. Позже, в 1947–1948 гг., французская армия готова была оказать еще более существенную помощь сионистам.

Осенью 1945 г. первые сотни беженцев были вывезены из лагерей американской зоны оккупации. На грузовиках, предоставленных Еврейской бригадой, они прибыли к французской границе (позже переход был налажен и через границу с Австрией). Затем они пешком перешли через горы и были доставлены во французские и итальянские порты. К началу 1946 г. ежемесячно перевозилось по тысяче и более иммигрантов. Переброской из одного транзитного пункта в другой руководили десятки палестинских евреев, в качестве связных им нередко помогали сами перемещенные лица. В 1946 г. основной маршрут начал проходить через Италию — там и береговая линия, и глубокие бухты были идеально приспособлены для погрузки и разгрузки. В Италии решающую роль сыграли организаторские дарования Йегуды Арази, одного из главных помощников Авигура.

Бывший офицер палестинской полиции, Арази был в то же время ветераном *Гаганы*. Избежав ареста англичан, он перебрался в Европу. Там ему поручено было организовывать перевоз перемещенных лиц из Германии в страны Средиземноморья. Воспользовавшись в ходе этой операции послевоенной неразберихой, царившей в Италии, Арази замечательно справился с задачей. Переодетый в форму английского сержанта, Арази действовал в палестинских подразделениях британской оккупационной армии: «реквизировал» автомашины для перевозки перемещенных лиц, занимал помещения для транзитных пунктов, получал с английских складов огромные количества продуктов и снаряжения. Даже после того, как англичане в конце 1945 г. отправили палестинские подразделения домой, Арази не прекратил своей деятельности. Он подделывал документы, добывал продовольствие и

14 Монтгомери Аламейнский Бернард Лоу (1887–1976) — английский военный деятель, в 1939–1940 гг. — командир пехотной дивизии, в 1940–1941 гг. — командир корпуса; в 1942 г. командовал в Северной Африке Восьмой армией, которая нанесла поражение итало-германским войскам Э. Роммеля в битве под Эль-Аламейном. В 1944 г. получил звание фельдмаршала. С 1944 г. командовал Двадцатой первой группой союзных армий в Европе. В 1946–1948 гг. был начальником имперского Генштаба. В 1948–1951 гг. Монтгомери был председателем Комитета главнокомандующих Совета обороны Западного союза. В 1951–1958 гг. являлся первым заместителем верховного главнокомандующего Вооруженных сил НАТО в Европе.

горючее, фрахтовал пароходы и нанимал матросов. Итальянские власти из сочувствия к перемещенным лицам и неприязни к английской оккупационной армии закрывали глаза на все мероприятия по спасению беженцев.

В основном *Гагана* фрахтовала итальянские каботажные пароходы, построенные до войны. Они совершенно не годились для плавания по Средиземному морю — страшно было доверить им жизни сотен пассажиров. Тем не менее они, залатанные на скорую руку, отправлялись для погрузки в уединенные бухты, обычно неподалеку от крупных портов в Адриатическом и Тирренском морях. Вплоть до самого отплытия был риск, что об этом станет известно агентам британской разведки, которые были начеку. Надеясь узнать об отправлении пароходов у беженцев, некоторые агенты выдавали себя за евреев, но, как правило, *Гагана* их разоблачала. В ряде случаев англичанам удавалось сорвать рейсы, однако *Гагана* находила другие пароходы и нанимала новые экипажи.

Активная деятельность по приему беженцев велась и в Палестине. Побережье было, казалось бы, блокировано британскими судами и войсками: всего на территории Палестины в 1947–1948 гг. находилось 80 тыс. английских солдат. Однако разведке *Гаганы* нередко удавалось получить доступ к военным документам, в которых излагались планы перехвата беженцев, подслушать радиопереговоры между полицией и разведкой, а также между береговой охраной и патрульными катерами. *Гагана* шла на различные уловки, чтобы отвлечь внимание англичан во время высадки нелегальных иммигрантов. Первые пароходы сумели прийти незамеченными, осенью 1945 — зимой 1946 г. они высадили на палестинский берег 4 тыс. беженцев.

Однако в начале 1946 г. английская блокада усилилась. У берегов курсировали военные суда, одновременно с этим строже стал контроль в европейских портах Средиземноморья. Теперь, когда из Италии отправлялись пароходы с 8 тыс. беженцев на борту, перехват их не представлял особой сложности и осуществлялся обычно в территориальных водах Палестины. Беженцев заставляли пересечь на английские транспортные суда и отправляли на Кипр, где их интернировали. В лагерях на Кипре были ужасные условия. Летом, во время адской жары, едва хватало воды и пищи. Однако нелегальная иммиграция все увеличивалась — для европейских евреев Кипр был лишь одним из этапов на пути в Палестину. Нередко перемещенные лица оказывали сопротивление англичанам, и тогда дело кончалось человеческими жертвами. Иногда бойцы *Гаганы* совершали диверсии против английских транспортов, на которых беженцев перевозили из Палестины на Кипр. Когда в хайфскую гавань вошел один из пароходов с беженцами, над палубой его был развернут транспарант: “Нас не мог убить Гитлер. Мы знаем, что такое смерть. Ничто не помешает нам ступить на еврейскую землю. Да падет наша кровь на головы тех, кто будет стрелять по

этому безоружному судну”. Эта фотография и подобные ей обошли страницы европейских и американских газет и вызвали глубокое сочувствие западной общественности. За период с 1945 по 1948 г. было перехвачено 58 из 63 транспортов с беженцами. На Кипре было интернировано 26 тыс. перемещенных лиц. Сионисты сделали судьбу беженцев достоянием гласности. Реакция мирового общественного мнения и британских налогоплательщиков на эту трагедию стала самым действенным оружием в руках еврейства.

Последняя попытка англичан: план Моррисона—Грэйди и лондонские переговоры

В начале лета 1946 г. действия еврейского подполья в сочетании с иммиграцией беженцев стали оказывать влияние на британскую политику. Заместитель министра по делам колоний Артур Крич-Джонс, давно считавшийся умеренным сторонником сионистов, наконец убедил Бевина в том, что кризис, возникший в связи с проблемой перемещенных лиц, нельзя разрешить вне Палестины, поскольку ни евреи, ни Соединенные Штаты не согласятся на другое решение. Необходимо пересмотреть условия британского мандата. Как только о смягчении английской политики было сообщено в Вашингтон, Трумэн выразил готовность участвовать в определении будущего статуса Палестины. Через три недели после того, как англичане отвергли доклад англо-американской комиссии, президент сообщил о создании специальной правительственной комиссии, которая должна была заняться определением нового политического курса. Подготовительная работа была поручена группе под председательством д-ра Генри Ф. Грэйди, помощника Государственного секретаря. Грэйди и его коллеги вступили в переговоры с британской комиссией, созданной с той же целью, чтобы выработать общую англо-американскую программу действий и распределить между двумя правительствами ответственность в военной и экономической сферах. В конце июня 1946 г. Трумэн направил комиссию Грэйди в Лондон, на протяжении последующих пяти недель две группы экспертов под председательством Герберта Моррисона работали совместно. Обсуждение велось поспешно, поскольку в Палестине становилось все беспокойнее, а после взрыва в гостинице “Кинг Дэвид” обстановка стала критической. 31 июля результаты работы объединенной комиссии были переданы на рассмотрение парламента. К этому времени стало очевидно, что Грэйди и его коллеги встали на сторону англичан.

В согласии с позицией Бевина доклад комиссии предлагал, чтобы “наши правительства предприняли шаги по созданию благоприятных условий для расселения значительного числа перемещенных лиц в пределах самой Европы, поскольку, очевидно, подавляющее большинство их останется жить в Европе”. Другим государствам предлагалось принять участие в расселении тех беженцев, которые не захотят остаться на континенте. Далее излагался сложный план преобразования мандата в опеку и раздела Палестины на еврейскую и арабскую провинции, причем Негев и Иерусалим передавались под контроль Великобритании. В соответствии с этим планом, меньшая, еврейская, провинция должна была занимать 17% территории — столь урезанный вариант впервые предлагался сионистам. Хотя во внутренних вопросах обеим общинам предоставлялось самоуправление, за английским верховным комиссаром сохранялись полномочия в контроле над оборонной, внешними отношениями, таможенной, полицией, судопроизводством и транспортом. Кроме того, верховный комиссар на протяжении пятилетнего переходного периода мог накладывать вето на любые законодательные акты. Евреям была сделана только одна важная уступка — разрешение на иммиграцию 100 тыс. человек в течение первого года введения плана в действие. А затем иммиграцию должен был регулировать верховный комиссар, исходя из “экономических возможностей” страны. План комиссии мог быть осуществлен только с согласия обеих сторон — евреев и арабов. Доклад заканчивался оптимистически: “Мы полагаем, что настоящий план обеспечивает, насколько это возможно, честный и разумный компромисс, основанный на требованиях арабов и евреев, и открывает хорошие перспективы для примирения противоречивых интересов обеих общин”.

Бесспорно одно: этот план отвечал интересам англичан. В сущности, его принципы были заранее сформулированы Министерством по делам колоний. Один из английских чиновников впоследствии так сформулировал основную идею доклада: “Это великолепная схема. Она строится на полном равенстве арабов и евреев: ничего не давая ни тем ни другим, она оставляет нам свободу действий в Палестине”. Поскольку летом 1946 г. англичане испытывали все усиливающееся давление со стороны египтян, требовавших, чтобы Великобритания оставила Суэц, Лондон мог полностью лишиться своего ближневосточного плацдарма. Если не считать Трансиордании, не имевшей выхода к Средиземному морю, Палестина была единственной территорией, где англичане еще могли действовать достаточно свободно. Хайфа могла бы заменить Александрию. Контроль над Негевом позволял сохранить британские военные объекты к северу от Суэца. Как раз в это время в районе Газы были выстроены новые большие военные лагеря. В Лондоне только что было принято решение о прокладке нефтепровода из Киркука в Хайфу.

Естественно, официальная реакция Лондона на доклад Моррисона—Грэйди была весьма благоприятной. Именно на основе этих рекомендаций еврейские и арабские представители должны были прибыть в Англию 10 сентября 1946 г., чтобы принять участие в переговорах и найти приемлемый компромисс. Однако для евреев такой подход был исключен. Сионистский исполнительный комитет, собравшись в конце июля в Париже, постановил, что только раздел может служить базой для переговоров, и отказался от приглашения в Лондон. Палестинские арабы отвергли английское предложение по той причине, что муфтий, все еще *persona non grata* для англичан, не мог возглавить делегацию. В результате, когда конференция открылась 10 сентября, на ней присутствовали только англичане и представители ряда арабских стран. Позиция арабов в Лондоне по-прежнему была неприемлимой. Они призывали к созданию переходного режима в Палестине под временным наблюдением британского верховного комиссара. После того как будет создано временное правительство, оно сразу же начнет действовать независимо, будет располагать собственной выборной системой и государственным аппаратом. При этом будут обеспечены свобода религии и открытый доступ к святым местам; более того, в составе кабинета три из десяти министров будут евреями. Иврит получит статус второго государственного языка в тех районах, где евреи составляют “абсолютное большинство”. Однако натурализация будет касаться лишь тех граждан, которые непрерывно проживали в Палестине не менее десяти лет, и, таким образом, не будет распространяться на перемещенных лиц.

Через два дня после того, как арабы представили свой план, англичане прервали конференцию, попросив дополнительное время для изучения этих предложений. Британскую делегацию не смутила максималистская позиция арабов. Арабские страны, во всяком случае, согласились участвовать в переговорах, а значит, их правительства положительно отнеслись к схеме Моррисона—Грэйди. Аззам-паша даже заявил от имени арабов, что они продвинулись “на пути к соглашению [с Англией] значительно дальше, чем когда-либо ожидали”. Дальнейшие переговоры теряли смысл из-за того, что на них не присутствовали евреи и палестинские арабы. Кроме того, этим переговорам не оказывали поддержки американцы. Муфтий лично руководил внешней политикой палестинских арабов из Каира, где непрерывно заседал Верховный арабский комитет. В то время как евреи усиливали сопротивление англичанам, арабы предпринимали официальные меры по бойкоту еврейских товаров, блокировали продажу арабских земель евреям и субсидировали различные полувоенные организации, среди которых под видом молодежных объединений действовали “Наджада”, основанная в 1945 г. юристом из Яфо Мухаммедом Нимр аль-Хавари, и “Футува”, группа боевиков, подчиненная клану Хусейни. Оружие для этих организаций

контрабандой переправлялось из соседних арабских стран. В 1946 г. численность их членов превысила 30 тыс. человек. Исполняя требования арабско-палестинского руководства, Совет Арабской лиги сохранял свое “достоинство” и занимал бескомпромиссную позицию.

1 октября 1946 г. в Лондоне состоялась неофициальная встреча Бевина с Вейцманом и другими членами Еврейского агентства: в ходе встречи Бевин изложил свой собственный план переходного периода и создания самоуправления. Жестом доброй воли по отношению к сионистам явилось назначение 4 октября Крич-Джонса на пост министра по делам колоний. Появились какие-то надежды на компромисс. Бевин говорил об этом в Палате представителей 25 февраля 1947 г.: “На сепаратной встрече с евреями... я сделал следующий шаг и выдвинул идею временного урегулирования, которое, в конце концов, должно привести к самоуправлению... Я сказал им: “Если вы вместе проработаете три, пять или десять лет, может случиться так, что вы не захотите раздела. Давайте попробуем уладить разногласия!” На этом этапе ситуация казалась более обнадеживающей. Когда они ушли... у меня появилось ощущение... что наконец найден верный подход”. Бевин недооценивал то, что еще предстояло сделать. Предложение Моррисона—Грэйди о въезде 100 тыс. евреев в Палестину утратило актуальность еще до того, как начались переговоры в Лондоне. Сионисты осознали, что совершили ошибку, указав предел своих требований. Сам Бевин невольно признал этот факт в своей речи 25 февраля 1947 г., когда коснулся возможности, которой он не воспользовался, отвергнув первый совместный англо-американский доклад:

“Я утверждаю следующее. Если бы проблема заключалась только в том, чтобы Европу покинули сто тысяч евреев, решение, я полагаю, было бы найдено... К сожалению, с точки зрения сионистов, сто тысяч — это только начало. Еврейское агентство поговаривает о миллионах... На претензии арабов трудно что-либо возразить... Почему находящееся вне Палестины Агентство, щедро субсидируемое из Америки, должно определять, скольким людям следует разрешить въезд в Палестину, должно вмешиваться в экономический уклад арабов, которые живут там уже две тысячи лет? Вот с чем мне приходится иметь дело”.

Англичане и сионисты говорили на разных языках.

В Белом доме доклад Моррисона—Грэйди произвел не больше впечатления, чем в Еврейском агентстве. Согласившись с мнением заместителя Государственного секретаря Дина Ачесона, Трумэн счел, что доклад, ущемляющий права евреев, предусматривает создание нового гетто. “Я внимательно ознакомился с этим планом, — писал впоследствии президент, — но, на мой взгляд, он привел бы только к новым конфликтам”. 7 августа 1946 г.

Трумэн сообщил свое мнение Эттли. Не обращая внимания на уговоры премьер-министра, Трумэн телеграфировал ему 12 августа: “В США противодействие этому плану столь значительно, что правительство не сможет оказать ему серьезной поддержки, поскольку невозможно настроить в пользу плана общественное мнение”. Вскоре после этого, 4 октября, накануне *Йом Кипура*, Трумэн обратился, как обычно, с президентским приветствием к американскому еврейству. Текст обращения был подготовлен с помощью Ачесона. 3 октября один экземпляр был выслан для ознакомления Эттли. Прочитав обращение, премьер-министр ужаснулся. Он умолял Трумэна отложить публикацию, чтобы дать ему время проконсультироваться с Бевинсом. Президент отказался. Обращение вышло в свет. В нем была выражена официальная поддержка идее раздела и, кроме того, содержалось требование немедленно начать масштабную иммиграцию в Палестину, “не дожидаясь решения... проблемы”. Возмущенный Бевин заклеил обращение как маневр с целью заручиться голосами евреев на предстоящих через месяц выборах в конгресс. “Мне сказали, — заявил он, — что, если бы этого заявления не сделал мистер Трумэн, с аналогичным обращением выступил бы мистер Дьюи [лидер республиканцев]. В международных отношениях невозможно решить проблему, если она выносятся на обсуждение в рамках внутренней предвыборной кампании...” Ачесон, однако, отрицал такого рода мотивы:

“Когда президент Трумэн предпринимал политический маневр, он никогда не скрывал, если получал от него удовольствие... Президент очень серьезно отнесся к своему заявлению перед Судным днем, который совпал по времени с исключительно мрачным моментом в еврейской истории. Президент считал этот случай подходящим, чтобы заявить о своем намерении способствовать иммиграции ста тысяч евреев в Палестину”.

Несмотря на то что англичане восприняли заявление Трумэна как удар, новый министр по делам колоний Крич-Джонс по-прежнему намеревался ослабить напряжение в самой Палестине. Он надеялся, что, если это удастся, сионисты примут участие во втором этапе лондонских переговоров. По просьбе Крич-Джонса мандатные власти прекратили обыски в еврейских поселениях. 22 октября был смещен генерал Бэкер, допустивший антисемитский выпад после взрыва в гостинице “Кинг Дэвид”. Две недели спустя англичане освободили интернированных руководителей Еврейского агентства, а также и более сотни арестованных в “Черную субботу” в июне 1945 г. Благодаря этим и другим мерам напряжение на время спало. Тем не менее возобновление Лондонской конференции было отложено до начала 1947 г., с тем чтобы руководство Еврейского агентства смогло вынести вопрос об

участии в переговорах на обсуждение 22-го Сионистского конгресса, который предполагалось провести в декабре 1946 г. в Базеле.

Конгресс являл собой печальное зрелище. На нем были представлены две основные группы — делегации Палестины и Америки. Европейские сионисты, при поддержке которых Вейцман на протяжении двух десятилетий строил свою умеренную политику, больше не пользовались влиянием. Американцы, возглавляемые кливлендским раввином Абой-Гилелем Сильвером¹⁵, ничуть не уступали воинственностью Бен-Гуриону и палестинским делегатам и заявляли, что настало время начать фронтальную атаку на британские власти в Святой земле. Вейцман призвал конгресс еще раз попытаться найти компромиссное решение, возможно, на основе переходного режима, который затем завершился бы разделом. Это предложение было встречено холодно. По мнению подавляющего большинства делегатов, сионистское движение могло участвовать в лондонских переговорах, только исходя из предпосылки еврейской государственности. В итоге делегаты конгресса выразили отношение к позиции Вейцмана, не переизбрав его на пост президента Сионистской организации.

За четыре месяца, отделявшие первый этап лондонских переговоров от второго, позиции арабов и евреев стали еще жестче. В то время как Еврейское агентство дало понять, что не согласится ни на какие условия, кроме еврейского государства в Палестине, представители Арабской лиги заранее заявили, что требуют арабского государства, и сократили число евреев в предполагаемом кабинете министров. На втором этапе переговоров в них участвовал Верховный арабский комитет, но он был настроен не менее воинственно, чем Арабская лига. Евреи по-прежнему бойкотировали переговоры. Однако Бен-Гурион и Шарет приехали в Лондон для неофициальной встречи с Крич-Джонсом, который выразил им свою поддержку и заявил, что поддерживает идею раздела. Все дело в Бевине, объяснил Крич-Джонс, Бевин не слушает никого, кроме Харольда Били.

Когда позже министр иностранных дел явился на эту неофициальную встречу, лидеры сионистов были поражены. Бевин, усталый, с трудом передвигавшийся, вошел в кабинет Крич-Джонса. Он подозрительно вглядывался в Бен-Гуриона, Шарета и других представителей Еврейского агентства. В те дни англичане жили по-спартански и экономили энергию, поэтому в

15 Аба-Гилель Сильвер (1893–1963) — сионистский лидер в США, реформистский раввин. В 1915–1963 гг. возглавлял одну из крупнейших реформистских конгрегаций, *Тиферет Израэль*, в Кливленде. Активный сионист. Был одним из организаторов антинацистского бойкота. С 1938 г. был председателем Объединенного палестинского призыва. Приложил максимальные усилия для того, чтобы убедить правительство США содействовать созданию еврейского государства. Председатель Американской сионистской организации и Центральной конференции американских раввинов.

просторном кабинете были зажжены только свечи, и встреча происходила в полумраке. Бевин отпустил какую-то тяжеловесную остроуту — еврейские делегаты ответили натянутыми улыбками. Министр иностранных дел молча и с явным беспокойством стал слушать Крич-Джонса, который изложил компромиссный план: если евреи согласятся на пять лет отложить свои политические требования, Великобритания не будет навязывать им политику Белой книги и снимет запрет с приобретения земли. Тут Бевин вмешался и отверг эту идею. Он подчеркнул, что ни при каких обстоятельствах не станет продлевать действующий мандат, который был ошибкой с самого начала. Так или иначе, он против раздела по национальному признаку. Если евреи дадут ему возможность, он уладит их разногласия с арабами. Затем министр иностранных дел раздраженно потребовал, чтобы евреи изложили свои территориальные претензии. В этот момент Бен-Гурион предложил министру переговорить с ним наедине. Бевин согласился, но взял с собой Били. “Почему вы не верите, что мы проводим честную политику? — посетовал Бевин. — У нас нет эгоистических намерений. Мы стремимся только к миру и стабильности на Ближнем Востоке”. На это Бен-Гурион прямо ответил: “Скажите мне откровенно, чего вы хотите. Возможно, мы, евреи, будем рады помочь. Возможно, наши интересы совпадают”. Так оно и было: по крайней мере, частично интересы обоих политиков совпадали. Бен-Гурион заговорил о возможности создания английских баз в Негеве, о доступе в хайфскую гавань для британского флота, о перспективах нефтяной разведки в пустыне. Реакция Бевина была положительной. Он доверительно сообщил, что все еще надеется найти приемлемую для сионистов формулировку. Возможно, именно в результате этой беседы Лондон и не стал полностью отвергать идею раздела. Как позже вспоминал Ачесон, в начале 1947 г. на эту тему с ним говорил британский посол в США. “Поддержат ли Соединенные Штаты резолюцию ООН о разделе Палестины?” — спросил Ачесона англичанин. Государственный секретарь ответил, что, по его мнению, США выскажутся за такую резолюцию и что раздел представляется ему самым реальным решением. Посол обещал довести его мнение до сведения Лондона. Но даже если Бевин какое-то время всерьез обдумывал эту идею, вскоре он от нее отказался. Впоследствии он так передал ход своих рассуждений:

“Лучший и наиболее благоприятный план раздела из всех, которые мне до сих пор приходилось встречать, должен привести к тому... что в рамках еврейского государства окажется 450 тыс. евреев и 380 тыс. арабов. Я со всей откровенностью излагаю этот план арабам, и какова же их реакция? Арабы говорят: “Если евреи не согласны составить меньшинство в 33,5 или в 40% по отношению ко всему населению страны, то как оправдать передачу 380 тыс. арабов под власть евреев? Что вы на это ответите?” А ответить мне нечего”.

Однако, если министру был не по душе план раздела, его формула, в свою очередь, совершенно не устраивала сионистов и американцев, которых не удовлетворял и план Моррисона—Грэйди. В середине февраля 1947 г. было выдвинуто новое предложение. От прежнего оно отличалось тем, что период опеки ограничивался пятью годами. За время переходного периода страна должна была подготовиться к независимому существованию в качестве унитарного государства, при этом высшая законодательная власть сохранялась за верховным комиссаром. Кроме того, автономия на уровне провинций заменялась кантональным самоуправлением в тех районах, где имеется арабское или еврейское большинство. Еврейское агентство подлежит роспуску, а евреи, как и арабы, должны иметь своих делегатов в представительстве, наделенном совещательными функциями. По истечении двух лет (вместо предполагавшегося ранее года) будет создан учредительный орган будущего унитарного государства, а последние три года опеки арабы будут иметь право участвовать в выработке иммиграционной политики. Этот подробный план, однако, был только тратой времени. Арабы сразу же отвергли его, поскольку он не предусматривал контроля большинства над меньшинством. Евреи же высказались против этого плана из-за идеи о кантональном управлении. Как заявил Бен-Гурион, этот вариант приблизил концепцию Моррисона—Грэйди к Белой книге 1939 г. *Ишув* уже создал свои жизнеспособные органы управления, в то время как у арабов ничего похожего не было, таким образом, новый план давал преимущество лишь арабам.

Оказавшись в тупике, Бевин 14 февраля заявил, что передаст проблему на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Решение это было принято не только потому, что палестинский вопрос в лейбористском кабинете зашел в тупик; кроме всего прочего, на грани истощения находились экономические ресурсы Великобритании. Неделью спустя Эттли заявил в парламенте, что правительство намерено передать управление Индией ее национальному правительству не позже июня 1948 г. На следующий день, 21 февраля, Лондон объявил, что к 30 марта будет прекращена английская военная и финансовая помощь Турции и Греции. Таким образом, всего за неделю англичане сделали целый ряд официальных заявлений, предвещавших отказ от исторически сложившейся сферы британского влияния. “Если бы я мог из чисто гуманных соображений поддержать въезд ста тысяч человек в Палестину, — с горечью заметил в своей речи 25 февраля министр иностранных дел, — и если бы политическая борьба за еврейское государство могла быть отложена в сторону, а удалось бы создать самоуправление для жителей Палестины, не затрагивая других политических проблем, я охотно бы взялся за это снова”. Однако у Бевина уже был когда-то шанс разрешить палестинский вопрос и осуществить иммиграцию 100 тыс. беженцев, но тогда он этим шансом не воспользовался.

Тем не менее уверенности в том, что Лондон не станет предпринимать новых попыток урегулирования, не было. “Мы не собираемся обращаться в ООН, чтобы сдать свой мандат, — предупреждал 25 февраля Крич-Джонс. — Мы... решаем проблему и просим совета, как осуществить мандат”. Такое же впечатление возникло и у нового верховного комиссара генерала Кеннингема, который побывал в Лондоне в марте 1947 г. Очевидно, Бевин и его советники сами не были уверены в том, что решение об уходе из Палестины является окончательным, полагая (и даже надеясь), что ООН уполномочит Великобританию и впредь выполнять жандармские функции в Палестине. 2 апреля Бевин потребовал провести специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о палестинском мандате. Однако через полтора месяца, 29 мая, министр иностранных дел заявил на съезде Лейбористской партии, что он будет считать окончательным только единогласное решение ООН по этому вопросу. Ожидать такого результата голосования было трудно.

Скрытые надежды на сохранение мандата рушились благодаря развитию событий в Палестине. *Эцель* усилила свою террористическую деятельность. 1 марта был взорван офицерский клуб в Иерусалиме. В тот же день было убито 18 и ранено 25 англичан, в том числе несколько гражданских лиц.

К концу 1947 г. на счету *Лехи* было 373 убитых англичан, среди них — более 300 мирных жителей. Размах еврейского терроризма был столь велик, что действия двух арабских подпольных организаций, убивавших своих соплеменников, были на этом фоне почти не замечены. Арабов убивали, как правило, в тех случаях, когда они, вопреки запрещению, продавали землю евреям, однако в ноябре 1945 — феврале 1947 г. были устранены также шесть политических соперников Хусейни.

За те полтора года, что у власти находились лейбористы, вся система безопасности в Палестине окончательно разладилась. В 1947 г. Великобритания держала в этой крошечной стране 80 тыс. солдат, не считая подразделения трансйорданского Арабского легиона и 16 тыс. полицейских, английских и местных. А в 1939 г., в самый разгар арабского восстания, военный и полицейский аппарат был в четыре раза меньше. Расходы на содержание частей, размещенных по всей Палестине, составляли 2 млн фунтов. За те же полтора года английские налогоплательщики внесли приблизительно 50 млн фунтов на обеспечение и транспортировку всей этой армии. Палестинская администрация выплатила на те же цели еще 5 млн. Опасность, которой подвергались теперь английские чиновники, как нельзя лучше продемонстрировала порочность мандатной политики лейбористов. Несмотря на разнообразные меры по обеспечению безопасности, семьи британских служащих пришлось эвакуировать в Англию в феврале 1947 г., когда напряжение в Палестине достигло предела. Те, кто остался здесь работать, жили в

крупных городах в особо охраняемых зонах за колючей проволокой. К концу месяца вне этих зон проживало всего 11 англичан, работавших в гражданской администрации. Все они выходили на улицу только засветло и лишь в сопровождении вооруженной охраны.

Делать какие-либо обобщения относительно еврейского национализма и его воздействия на мандат невозможно. Билтморскую программу и резолюцию в ее поддержку на Сионистском конгрессе в 1946 г. едва ли можно считать свидетельством национально-политической зрелости *ишува*. В конце концов, лишь меньшинство палестинских евреев родилось в Святой земле. Их цели и интересы определялись отнюдь не только национализмом — ключевую роль в них играла иммиграция. Даже для такого максималиста, как Бен-Гурион, свободная иммиграция была важнее государственности. Если бы в 1946 г. Бевину удалось предложить решение, при котором Палестина осталась бы в Британском Содружестве при одновременном неограниченном притоке в нее еврейских беженцев из Европы, Бен-Гурион и исполнительный комитет Еврейского агентства примирились бы с таким ходом событий. Стремление Лондона к умиротворению арабов и непреклонность Бевина в связи с проблемой иммиграции — главные факторы, спровоцировавшие сионистов выступить с максималистскими требованиями о предоставлении им государственности; эти же факторы разожгли пожар терроризма, вызвали нелегальную иммиграцию беженцев в Палестину, подорвали британскую экономику, нанесли ущерб международному престижу Англии и в конечном счете положили конец палестинскому мандату.

Глава XII.

Рождение Государства Израиль

Палестинский вопрос на повестке дня ООН

Оглядываясь на первые послевоенные годы, трудно представить себе те почти мистические надежды, которые возлагались тогда на Организацию Объединенных Наций. Кризис, вызванный в 1946 г. советской оккупацией Северного Ирана, послужил первым испытанием для новой международной организации — тогда ООН продемонстрировала свою способность мирным путем урегулировать межгосударственные конфликты. Естественно поэтому, что год спустя ООН вновь была призвана решить еще одну проблему мировой политики. Палестинский вопрос был, конечно, значительно сложнее иранского кризиса. На этот раз требовалось найти решение, которое удовлетворило бы законные требования двух враждующих сторон и, скорее всего, привело бы к созданию нового суверенного образования вместо британского мандата. Задача эта была непростой, но именно для такого рода проблем и была создана Организация Объединенных Наций. Вне пределов ее компетенции находились споры между Великими державами¹ — это ограничение юридически выражалось в праве вето, которым обладали постоянные члены Совета Безопасности. С другой стороны, прямым назначением ООН была деятельность по ликвидации конфликтов между всеми остальными государствами. Гарри Трумэн не был наивен, ког-

¹ “Великие державы” — термин, принятый для обозначения государств, играющих ведущую роль на международной арене и несущих особую ответственность за поддержание мира и международной безопасности. Юридически термин “Великие державы” закреплен за пятью странами, которые обладают ядерным оружием и являются постоянными членами Совета Безопасности ООН: СССР (в 1992 г. статус перешел к Российской Федерации), США, Великобритания, Китай, Франция.

да, имея в виду эти функции ООН, отделяя проблему гуманитарной помощи беженцам от более сложного вопроса о юридическом статусе Палестины. “Я полагал, — писал он в мемуарах, — что будущая судьба Палестины — это как раз та проблема, ради которой мы создали ООН”. 2 апреля 1947 г. Великобритания, передав решение палестинской проблемы на рассмотрение мирового сообщества, казалось, открыто поддержала точку зрения Трумэна.

По крайней мере, отчасти это было не так. Избрав для принятия решения Генеральную Ассамблею вместо более оперативного и действенного Совета Безопасности, кабинет Эттли надеялся, что ООН не сумеет найти решения и попросит Лондон предложить свое. Тогда у Великобритании были бы основания рассчитывать, что по отношению к упорствующим сионистам у нее будут развязаны руки. Именно так высказывался Харольд Били в беседе с Давидом Горовицем², представителем Еврейского агентства, воспоминания которого раскрывают перед нами интереснейшие эпизоды послевоенной истории:

“Загляните в Устав ООН и посмотрите, какие страны его подписали. Чтобы добиться благоприятного решения, требуется две трети голосов, а их можно получить только в том случае, если Восточный блок и США объединятся и поддержат не только одно и то же решение, но и одну и ту же формулировку. Ничего подобного пока не было, нет и никогда не будет”.

Кроме того, Бевин не стал обращаться в Совет Безопасности потому, что опасался активного вмешательства Советского Союза, постоянного члена этой организации, в палестинские и ближневосточные дела. Эти опасения были не лишены оснований. Когда 28 апреля 1947 г. собралась Генеральная Ассамблея и началось обсуждение состава комиссии, которая должна была изучить палестинскую проблему, СССР предложил ввести в комиссию только представителей “большой пятерки”³. Этому воспротивились американцы и англичане, которые высказались за “нейтральный” и “не имеющий особых интересов” орган. Ассамблея согласилась с их точкой зрения.

2 Горовиц Давид (1899–1979) — израильский экономист и общественный деятель. В 1922–1925 гг. — член исполкома *Гистадрута*, в 1935–1948 гг. возглавлял экономический отдел Еврейского агентства. В 1948–1952 гг. — генеральный директор Министерства финансов Израиля. Горовиц был одним из создателей Государственного банка Израиля и его директором (1954–1971).

3 “Большая пятерка” — пять постоянных членов Совета Безопасности ООН: Великобритания, Китай, Российская Федерация (ранее Советский Союз), Соединенные Штаты Америки и Франция. Каждый из постоянных членов Совета Безопасности обладает правом вето.

В результате 13 мая была сформирована специальная комиссия ООН по Палестине из представителей одиннадцати государств — Австралии, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Швеции, Уругвая и Югославии. В этом, пусть и не абсолютно нейтральном, органе все же было соблюдено некоторое равновесие сил. Индия, Иран и Югославия, у которых имелась значительная часть мусульманского населения, скорее всего, должны были занять проарабские позиции. С другой стороны, Чехословакия всячески способствовала перемещению еврейских беженцев из Восточной Европы в Германию, а Гватемала и Уругвай уже давно выражали свое сочувствие устремлениям сионистов. Полного нейтралитета придерживались Канада, Австралия, Перу и Швеция. Поэтому, когда арабы предпринимали попытки отделить проблему беженцев от палестинского вопроса как такового, против этого возражало большинство членов специальной комиссии.

И тем не менее даже при благоприятном развитии событий надежды на успех почти не было. Сэр Александр Кадоган, представитель Великобритании в Совете Безопасности, заявил, что его правительство не намерено отказываться от мандата или навязывать Палестине какое бы то ни было решение до тех пор, пока не будет принята “справедливая” формулировка, приемлемая как для арабов, так и для евреев. Однако добиться такой формулировки было делом невозможным. Узнав, что в повестку дня специальной комиссии включен и вопрос о перемещенных лицах, арабские страны заявили, что не станут рассматривать рекомендации ООН как обязательные для себя. А Верховный арабский комитет решил вообще бойкотировать работу комиссии. Напомним, что Верховный арабский комитет возродился в июне 1946 г. Одержав верх над всеми соперничавшими с ним палестинскими организациями, он располагал неограниченным влиянием на Арабскую лигу во всем, что касалось Палестины. Власть Верховного комитета объяснялась и огромным личным влиянием муфтия. Находясь в Каире, он всячески препятствовал деятельности более умеренных советников Аззам-паши, председателя Арабской лиги.

По иронии судьбы весной 1945 г., когда войска союзников вошли на территорию Германии, Хадж Амин чуть не стал военнопленным. В последний момент ему удалось улететь в Швейцарию, из Швейцарии арабского лидера поспешно выдворили назад в Германию, где он был арестован французами и отправлен в Париж. Однако арест его был недолгим. В декабре 1945 г. на борт французского военно-транспортного самолета, отлетавшего в Леванто, поднялся чисто выбритый господин, сириец по паспорту. Четыре дня спустя “сириец” явился в каирскую резиденцию короля Фарука и потребовал у брата-мусульманина предоставить ему убежище. Фарук охотно согласился. Получивший покровительство короля Хадж Амин тут же на-

чал рассылать из Египта директивы, столь же категоричные, что и в предвоенные годы. В Палестине приказы муфтия выполнялись безоговорочно. В результате в начале 1947 г. клан Хусейни, пользуясь властью авторитета Хадж Амина, сумел восстановить свое политическое влияние во всех арабских городах и деревнях Святой земли. К этому времени организованная оппозиция, боровшаяся против Хусейни, была ликвидирована, и англичане готовы были признать Верховный арабский комитет в качестве законного представителя палестинских арабов. Как уже говорилось, в феврале британское правительство согласилось допустить делегатов Верховного комитета на второй этап Лондонской конференции. Через три месяца Генеральная Ассамблея предоставила Верховному комитету аккредитацию при ООН в качестве официального представителя палестинских арабов.

Пользуясь международным признанием и угрожая своими военизированными формированиями, партия Хусейни заняла абсолютно непримиримую позицию. После того как специальная комиссия ООН прибыла в Святую землю в середине июня 1947 г., сторонники муфтия начали проводить в больших городах антисионистские демонстрации. Джамиль аль-Хусейни заявил, что эти волнения могут перерасти в широкомасштабное арабское восстание, если ООН не найдет “справедливого” решения. В это время Верховный комитет решил бойкотировать работу комиссии. Очевидно, это было тактической ошибкой. Хотя в течение пяти недель, пока представители ООН находились в Палестине, они провели ряд неофициальных встреч с арабами и ознакомились с арабской точкой зрения, это не шло ни в какое сравнение с подробными, строго доказательными сведениями, представленными сионистами. Только после переезда специальной комиссии ООН из Палестины в Бейрут 20 июля ее членам удалось встретиться с представителями арабов, но не с членами Верховного комитета, а с руководителями Арабской лиги. Но основная информация, касающаяся их позиции, была получена еще раньше объединенной англо-американской комиссией. Представитель Лиги преуспел лишь в том, что повел беседу в оскорбительно резком тоне, характерном для приспешников муфтия, и шантажировал членов комиссии ООН кровопролитием, которое неизбежно последует за разделом Палестины. Даже Аззам-паша, раньше отличавшийся сдержанностью, позволил себе намек, что в случае принятия решения о разделе возникнут неприятности не только для евреев Палестины, но и других стран Ближнего Востока, прежде всего Ирака, где еврейская община насчитывала 120 тыс. человек. “Не думаю, что в арабских странах удастся защитить евреев”, — позже заявил Аззам-паша в беседе с журналистом. Однако эти угрозы дали обратный результат. Они показали членам комиссии ООН, что судьба евреев, если они окажутся меньшинством под властью арабов, будет ужасна. Что касается сионистов, то в течение пяти недель, которые комиссия

находилась в Палестине, они активно принимали участие в заседаниях и подали ряд письменных докладов. Эти материалы мало отличались от тех, которые год назад были вручены англо-американской комиссии, однако сионисты придавали им особое значение. Представители Еврейского агентства понимали, что, если доклад комиссии ООН будет неблагоприятен для евреев, сионизм потеряет международную поддержку — возможно, навсегда. Члены комиссии прекрасно сознавали, в каком напряжении находится *ишув*. Пока они вели свою работу, действия *Эцель* и *Лехи* становились все ожесточеннее. Насилие достигло апогея в середине лета 1947 г. 4 мая, через несколько недель после того, как четыре подпольщика были повешены в тюрьме в Аки, организация *Эцель* произвела нападение на тюремное здание: стена его была взорвана динамитом, и из заключения бежал 251 человек. В конце июля англичанам удалось схватить нескольких беглецов, уже ранее осужденных на смерть. Они были повешены. Два дня спустя бойцы *Эцель* совершили ответную акцию: они похитили и повесили двух сержантов британской армии. “Мы отплатили врагу его же монетой”, — гордо заявил Менахем Бегин. Общественность Англии была потрясена. 1 августа газета “Дейли мейл” с возмущением обращалась к чувствам тех “американок, на доллары которых была куплена веревка палача”.

Пораженные этими убийствами и ответными британскими мерами предосторожности — заграждениями из колючей проволоки, броневиками на улицах, горящими по ночам прожекторами, члены комиссии ООН осознали, что мандатный режим обречен. Если им требовались дополнительные доказательства того, до какого предела отчаяния дошли евреи, достаточно было только эпизода, произошедшего в середине июля и ставшего притчей во языцех. За полгода до этого нелегальной иммиграции в Палестину фактически был положен конец. Однако в начале месяца из французского порта вышел старенький американский пароход с 4500 перемещенными лицами на борту. В открытом море его поджидали семь английских военных кораблей, в том числе крейсер. Под их эскортом пароход, названный “Эксодус-47” (“Исход-47”), пересек Средиземное море. Когда до территориальных вод Палестины осталось двенадцать миль, английская армада окружила судно с беженцами и взяла его на abordаж. Началась яростная схватка, которая продолжалась несколько часов. В конце концов англичане пустили в ход пулеметы и гранаты со слезоточивым газом. Трое евреев было убито, несколько десятков ранено. По ходу боя сообщения передавались по радио с парохода в тель-авивский штаб *Гаганы*, откуда они затем разошлись по всему миру. Команда парохода сдалась только после того, как англичане начали таранить его, чтобы пустить ко дну.

Накренившееся на борт судно было доставлено в хайфский порт. В обычных обстоятельствах британские власти переправили бы пассажиров на

Кипр. Однако два кипрских лагеря для интернированных были безнадежно переполнены — в них размещалось 26 тыс. человек, направленных на протяжении последнего года. Поэтому Бевин принял решение “преподать беженцам урок” и вернуть их в тот порт, откуда они направились в путь. На английских транспортах, которые были, в сущности, плавучими тюрьмами, перемещенных лиц под палящим средиземноморским солнцем доставили в Марсель. Однако там все евреи, за исключением больных и стариков, отказались сойти на берег. Французское правительство предложило беженцам свое гостеприимство и медицинскую помощь, но это предложение было отвергнуто. Страдая от невыносимой жары и эпидемии кожных заболеваний, пассажиры требовали отправить их в Эрец-Исраэль. Журналистка Рут Грубер так описывала их положение:

“Прячась от зноя под зеленым козырьком уборной, под жестяными навесами, в тесноте сидели сотни и сотни полуголых людей, словно бродячие псы, пойманные живодерами... Растерянные, оказавшиеся в западне, они, перебивая друг друга, что-то кричали нам на разных языках... Жаркое солнце через решетки освещало лица беженцев, на их разгоряченные, потные полуобнаженные тела ложились контрастные полосы света и тени. Матери кормили малышей. Старики и старухи открыто плакали, зная, что их ждет впереди”.

А впереди их ждала Германия. Через три недели французское правительство, опасаясь вспышки эпидемии, потребовало, чтобы транспорты покинули Марсель. Британское правительство на экстренном заседании решило, что единственный выход — отправить евреев назад в Германию. И большая часть беженцев была доставлена в Гамбург. Около полутора тысяч человек отказались сойти в этом порту. Под изумленными взглядами немцев английские солдаты резиновыми дубинками сгоняли евреев на берег. Затем беженцы по железной дороге были переправлены в лагеря для интернированных лиц в Поппендорф и Амштау. На протяжении месяца англичане пытались провести среди них перепись, но в ответ на все вопросы слышали только одно: “Эрец-Исраэль”. Эта трагедия, разыгравшаяся в течение трех месяцев, широко освещалась мировой прессой. Она произвела сильное впечатление на членов комиссии ООН. “Более достоверных свидетельств не может быть”, — сказал представитель Югославии 20 июля, когда комиссия направлялась в Бейрут. Через неделю, прибыв в Женеву, она решила направить в немецкие и австрийские центры для перемещенных лиц группу экспертов. Там, в лагерях, представители ООН увидели ту же картину, которую наблюдали их предшественники: около 250 тыс. евреев-беженцев с нетерпением ожидали, когда же наконец им удастся вырваться в Палестину.

Доклады специальной комиссии ООН

В августе комиссия занималась обсуждением возможных вариантов решения проблемы. Моше Шарет и Давид Горовиц, представители Еврейского агентства, все это время встречались с ее членами, пытаясь защитить интересы сионистов. Во встречах участвовал и Ричард Кроссман, который встал на сторону сионистов еще во время своей работы в англо-американской комиссии. Доклад был закончен 31 августа. В нем было одиннадцать пунктов, самыми важными из которых были следующие: мандат должен быть прекращен, а независимость Палестины обеспечена в самый кратчайший срок; политическая структура нового государства (или государств) должна иметь демократическую основу; экономическое единство Палестины должно быть сохранено; следует обеспечить безопасность святых мест и доступ к ним; Генеральной Ассамблее надлежит немедленно предпринять шаги для разрешения неотложной проблемы перемещенных лиц — 250 тыс. евреев, находящихся в Европе. Исходя из этих принципов, комиссия рекомендовала осуществить раздел Палестины. За это решение проголосовало большинство из семи делегатов (Канада, Чехословакия, Гватемала, Нидерланды, Перу, Швеция и Уругвай); три (Индия, Иран и Югославия) высказались за создание федерации. Представитель Австралии воздержался от голосования.

Было подготовлено два доклада. По плану раздела, поддержанному большинством, арабская территория должна была состоять из Западной Галилеи, горных районов Центральной Палестины, за исключением иерусалимского анклава, и части прибрежной равнины к югу от Ашдода до египетской границы. Еврейскую территорию составляла остальная часть Палестины, кроме района Иерусалима и Вифлеема (Бейт-Лехема), который передавался под международный контроль. На протяжении двухлетнего периода (начиная с сентября 1947 г.) управление Палестиной должна была осуществлять Великобритания под контролем Организации Объединенных Наций. При этом подразумевалось, что частичная ответственность будет возложена на Соединенные Штаты. В то же время будет продолжаться еврейская иммиграция, квота на которую составит 6250 человек в месяц. За два года в Палестину, таким образом, въедет 150 тыс. человек. Затем, если возникнет необходимость продлить переходный период, квота будет снижена до 5 тыс. человек в месяц, то есть составит 60 тыс. человек в год. Экономическое единство Палестины должно быть обеспечено десятилетним таможенным и валютным договором между арабским и еврейским государствами. Руководство экономическим союзом будет передано особому органу, в который войдут три представителя арабского государства, три — еврейского и три представителя ООН, причем еврейское государство должно будет предоставить ограниченные финансовые субсидии арабскому.

В докладе, подготовленном меньшинством, все эти меры характеризовались как нереальные и антиарабские. Меньшинство предлагало преобразовать мандат в независимое федеративное двунациональное государство со столицей в Иерусалиме. В юрисдикции представителей арабского и еврейского сообществ будут находиться внутренние дела. Иммиграция, международные отношения и национальная оборона подлежат ведению центра — двухпалатного законодательного органа, причем одна из палат будет сформирована на основе равного представительства, а другая — на основе пропорциональности. Для принятия любого закона необходимо будет получить большинство в обеих палатах. Особенно радикально позиция меньшинства отличалась от точки зрения большинства в вопросе о еврейской иммиграции. По плану меньшинства беженцы в течение трех лет могли допускаться только в еврейские “районы”, притом “в таком количестве, чтобы не превысить... абсорбции... [и] не нарушить прав населения, которое уже проживает в этом государстве и будет иметь естественный прирост в будущем”. “Экономическая емкость” еврейских районов должна быть определена международной комиссией. Наконец, в отличие от доклада большинства, план меньшинства предусматривал передачу Яфо и большей части Негева арабскому государству.

Безусловно, у сионистов не было поводов для ликования даже в связи с докладом большинства. Ведь он предусматривал такой раздел, при котором обоим народам отводились территории, “сплетающиеся друг с другом в смертельном объятии, как две борющиеся змеи” — так Герберт Сэмюэл в свое время охарактеризовал план Пиля. Не вполне реалистичным было и предположение, что евреи, став хозяевами собственного государства, согласятся в течение неопределенного времени поддерживать субсидиями более слабого экономически арабского соседа. И все же в целом сионисты рассматривали эту схему как шаг вперед по сравнению с докладом меньшинства, который ничем не отличался от кантонального плана Моррисона—Грэйди; она предоставляла им, по крайней мере, два жизненно важных условия — суверенитет и рассчитанную на достаточно длительный период иммиграцию. Поэтому Еврейское агентство в сдержанных выражениях одобрило доклад большинства.

Арабы же, напротив, самым энергичным образом отвергли выводы этого доклада. Более того, для них был неприемлем и план меньшинства. Премьер-министр Ирака Салих Джабр созвал экстренное заседание Политического комитета Арабской лиги. На этом заседании, состоявшемся 16 сентября в ливанском городе Софаре, было принято решение об экономических санкциях и о помощи палестинским арабам солдатами и оружием. На следующий день Арабская лига официально пригрозила войной в том случае, если ООН одобрит один из докладов комиссии.

Сионисты в той же мере, что и ООН, были заинтересованы в том, чтобы выйти из тупика в отношениях с Арабской лигой. Они понимали, что ради будущего следует достичь взаимопонимания с соседями. С этой целью представители Еврейского агентства Давид Горовиц и Обри (Аба) Эвен 14 октября 1947 г. встретились в Лондоне с Аззам-пашой. Как вспоминал впоследствии Горовиц, сионистские эмиссары выразили готовность дать самые надежные гарантии того, что евреи не стремятся к экспансии, и начать переговоры о региональных связях в экономической области. Аззам только улыбнулся в ответ. Вопрос, сказал он, не может быть решен ни переговорами, ни компромиссами. Если завтра он или любой другой арабский политик явится в Каир или в Дамаск с мирным соглашением, заключенным с сионистами, часы его будут сочтены. К этому председатель Арабской лиги добавил, что ни он, ни его сторонники больше не управляют ситуацией в арабском мире. Теперь политику делают такие люди, как его сын и те студенты, которые жгут вагоны трамваев и забрасывают камнями западные посольства. Ближнему Востоку, как раньше Европе, придется решать свои проблемы с применением силы, не без сожаления констатировал Аззам.

Ясно было, что переговоры между арабами и евреями невозможны. Будущий статус Палестины зависел только от членов ООН, в первую очередь — от Великих держав. Поэтому Генеральная Ассамблея передала палестинский вопрос на рассмотрение специально учрежденного комитета, в который вошли представители всех стран-участниц. В течение двадцати четырех дней состоялось четырнадцать открытых заседаний. С самого начала стало ясно, что на содействие англичан надеяться не приходится. Как раз в это время Лондон вел переговоры о заключении нового соглашения с Египтом и стремился заручиться поддержкой арабских стран, чтобы защитить свои нефтяные владения. В Великобритании и помыслить не могли о том, чтобы принять участие в разработке плана, отвергаемого арабами, даже если этот план пользуется поддержкой мирового сообщества. Сэр Александр Кадоган ограничился тем, что заявил: Англия принимает рекомендации комиссии ООН относительно прекращения мандата, но готова поддержать только такой план, относительно которого будет достигнуто согласие между арабами и евреями. Иными словами, это означало, что англичане отвергают предложения доклада большинства. На деле “нейтралитет” Великобритании выразился в том, что Лондон упорно не сообщал о дате начала эвакуации даже тогда, когда комиссия по разделу практически закончила свою работу. Англичане не согласились ни на постепенную передачу власти представителям ООН, ни на какое-либо перераспределение полномочий в пользу арабского и еврейского государств. Тем не менее на политическую борьбу в Генеральной Ассамблее решающее влияние оказала не Великобритания, а Советский Союз. Прошло уже два года после оконча-

ния войны, а Кремль ни единым намеком не определил своей позиции в палестинском вопросе. Евреи не тешили себя радужными надеждами на этот счет: антипатия к сионизму стала аксиомой советской политики еще в начале 1920-х гг. Правда, организованный *Гистадрутом* во время войны сбор средств в помощь России произвел благоприятное впечатление на советское руководство, и появившиеся в Палестине в начале 1940-х гг. представители СССР выражали евреям свои симпатии. Однако последовательная поддержка Москвой арабского национализма в Леванте и Египте, казалось, не предвещала сионистам ничего хорошего. Тем неожиданной прозвучала речь советского представителя Андрея Громыко, выступившего на специальной сессии ООН в середине мая 1947 г. Громыко внезапно обрушился на банкротство мандатной системы в Палестине и поддержал “стремление евреев к созданию своего государства”. Затем он сделал ядовитое замечание насчет западных стран, которые не “смогли защитить элементарных прав еврейского народа”. Громыко добавил, что Советский Союз считает оптимальным решением проблемы “создание независимого двунационального, демократического, арабско-еврейского государства”. Однако, если такое решение окажется невозможным, правительство СССР поддержит раздел Палестины на два государства — еврейское и арабское.

Такое изменение курса при всей его неожиданности не было лишено логики. Цели советской политики верно определил посол США в Москве Уолтер Смит, направивший обстоятельный доклад в Вашингтон. Смит прощательно указал, что Россия, намереваясь реализовать свои политические амбиции и укрепиться на Ближнем Востоке, вынуждена использовать все возможности. Первой такой возможностью был Северный Иран, второй — проливы и Греция. В обоих случаях Запад энергично воспротивился советскому давлению. Очевидно, третья возможность открывалась перед СССР в Палестине — при условии, что образуется политический вакуум, вызванный уходом англичан. С точки зрения Москвы, создание современного еврейского государства, проникнутого духом национализма, скорее приведет к вытеснению Великобритании, чем еще один отсталый арабский режим, которому Лондон будет поставлять советников, деньги и оружие. Если же еврейское государство возникнет не сразу, в Палестине после ухода англичан, вероятно, начнется кровопролитный конфликт между арабами и евреями. Хаос, который воцарится в Святой земле, будет на руку Москве, если только эвакуация англичан не повлечет за собой роста американского влияния.

Если принять эту точку зрения, все последующее поведение советского руководства становится совершенно логичным. 13 октября 1947 г. советский представитель в специальном комитете ООН по Палестине Семен Царапкин официально поддержал план раздела, представленный комис-

сией ООН. Кроме того, он потребовал, чтобы управление Палестиной в переходный период происходило непосредственно под контролем Совета Безопасности. Американцы и англичане с этим не согласились. Но Царпкин настаивал на том, чтобы Великобритания немедленно отказалась от мандата и в будущем не претендовала на активное участие в урегулировании палестинского вопроса. Теперь советские интересы на Ближнем Востоке стали вполне очевидными. Однако сионистов интересовало только голосование в ООН. А изменение советского курса обеспечивало им голоса Советского Союза, Украинской и Белорусской Советских Социалистических Республик, а также Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и, может быть, даже Югославии. Таким образом, сторонники раздела преодолели трудное препятствие.

США делают выбор

В конечном счете и для арабов, и для евреев теперь все зависело от позиции Соединенных Штатов — по общему признанию, самой влиятельной силы в мировом сообществе. На эту позицию, в свою очередь, оказывали влияние противоречивые мнения самих членов американской администрации. После Второй мировой войны экономические и стратегические интересы США на Ближнем Востоке резко возросли. Значение этого региона для американских коммуникаций оценивалось так высоко, что в сентябре 1946 г. представитель президента Трумэна Джордж А. Браунелл был направлен в арабские страны для заключения авиационно-транспортных соглашений от имени американских авиакомпаний. Двусторонний договор был подписан Соединенными Штатами и Египтом, затем аналогичные договоры были заключены с Ливаном и Сирией. Но в 1947 г. неожиданное обострение палестинской проблемы помешало добиться соглашения с Ираком. Как позже писал Браунелл, “публичные заявления официальных представителей американской администрации по палестинскому вопросу... так возмутили некоторых иракских деятелей, что нашим сотрудникам было заявлено: никакие соглашения невозможны. Реакция мусульманских государств по этому поводу не поддается описанию”.

Однако беспокойство по поводу авиалиний было несравнимо с опасениями относительно нефтяных владений США. В 1947 г. американским корпорациям принадлежало около 42% всех ближневосточных запасов нефти, в основном в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне и даже в Ираке. За время войны производство и переработка нефти на американских предприятиях в Персидском заливе удвоились. Корпорации не собирались

останавливаться на достигнутом. Джеймс Терри Дьюс, исполняющий обязанности вице-президента “Арамко” (Аравийско-американской нефтяной компании), намеревался добиться расположения саудовского правительства, а заодно и увеличить владения своей компании в Персидском заливе. С точки зрения Дьюса и других руководителей корпораций, палестинский вопрос мог пагубно сказаться и на приобретении новых концессий, и на прокладке нефтепроводов через арабские страны. Как правило, опасения, что поддержка, оказываемая сионизму, может поставить под удар интересы нефтяных компаний, не высказывались прямо. Однако, например, в июне 1948 г. на страницах газеты “Петролеум таймс” Макс У. Торнбург, вице-президент одной из компаний, сотрудничавших с “Арамко”, выражал свою тревогу в связи с тем, что Вашингтон “навязал [Генеральной] Ассамблее [ООН] расовые и религиозные критерии как основу государственной политики... Пойдя на это, Америка потеряла свой моральный престиж, а арабы утратили веру в ее идеалы”. Уже после голосования в ООН Кермит Рузвельт, еще один бывший руководитель нефтяной корпорации, с негодованием восклицал: “То, каким образом еврей-сионисты заручились американской поддержкой для раздела Палестины, показывает, что нам жизненно необходима внешняя политика, построенная на национальных, а не на узкопартийных интересах”.

Министерство обороны и Государственный департамент целиком разделяли беспокойство в связи с американскими нефтяными владениями на Ближнем Востоке. Объединенный комитет начальников штабов напоминал Трумэну, что доступ к арабской нефти имеет решающее значение для национальной обороны и что этот вопрос должен быть принят во внимание администрацией, когда она будет заниматься решением палестинской проблемы. “[Министр обороны] Форрестол не раз говорил мне об опасности того, что враждебно настроенные арабы могут закрыть нам доступ к своим нефтяным богатствам”, — вспоминал президент. Это действительно тревожило Форрестола. На встрече с бизнесменами 9 октября 1947 г. он говорил о том, что из-за истощения собственных нефтяных ресурсов “мы... должны разрабатывать запасы нефти за пределами страны. Самым крупным, неограниченным источником нефти является Ближний Восток... Трубы для нефтепроводов в Саудовской Аравии нужнее, чем трубы для аналогичных проектов в Америке”. Забота Министерства обороны о запасах нефти вскоре превратилась в маниакальный страх перед сионистским влиянием на администрацию. Форрестол неумоимо повторял, что палестинский вопрос должен быть поставлен “вне политики”. Как показывает его архив, он несколько раз обращался к Дж. Ховарду Мак-Грату, председателю Национального комитета Демократической партии, с требованием, “чтобы никаким группировкам в нашей стране [т. е. сионистам] не было позволено вли-

ять на нашу политику в такой степени, которая может поставить под угрозу национальную безопасность”. Опасения в связи с влиянием американских сионистов разделяли с Форрестолом Джеймс Бирнс и Лой Хендерсон в Государственном департаменте и их коллеги из ближневосточного отдела — Гордон Мерриам, Фрэнк Уилкинс и Эван Уилсон. В докладной записке от 14 января 1947 г. Уилкинс предупреждал Бирнса, что поддержка, оказываемая сионистам, может нанести

“...вред Америке. Отношения с арабами в области образования, торговли, нефтедобычи и транспорта [окажутся под угрозой]. Сохраняющиеся неясность и напряженность в отношении к палестинскому вопросу, ослабляя англо-американские позиции на Ближнем Востоке, способствуют быстрой экспансии Советской России и тревожат христиан всего мира, поскольку христианские интересы в Палестине оказываются забытыми в связи с арабско-еврейским конфликтом”.

Трумэн впоследствии писал, что сотрудники Государственного департамента “почти все без исключения испытывали враждебность к будущему еврейскому государству... Как и большинство английских дипломатов, некоторые наши дипломаты полагали, что из-за многочисленности арабов и их контроля над огромными запасами нефти следует придерживаться по отношению к ним политики умиротворения. Должен с сожалением признать, что некоторые из этих дипломатов имели склонность к антисемитизму”. Так или иначе, позиция ряда чиновников определялась их опытом и выдержанным в проарабском духе образованием: это касалось в первую очередь тех, кто учился в Американском университете в Бейруте или годами служил в посольствах и консульствах США в различных арабских странах. Их кругозор, как правило, был ограничен арабским миром и мировоззрением.

Однако в Белом доме и в конгрессе существовали и другие тенденции, там ощущалось и явное просионистское влияние. Большую роль здесь играли американские политические деятели, зависевшие от евреев-избирателей в Нью-Йорке, Иллинойсе, Пенсильвании и других штатах, где имелось еврейское население. Возможно, это влияние само по себе и не имело бы большого значения, если бы не тот факт, что благодаря многолетним стараниям сионистам удалось заручиться поддержкой американского еврейства в целом. К концу Второй мировой войны в США проживало около 5 млн евреев. Сначала информация о нацистских лагерях смерти, а потом трагическая судьба беженцев привели к тому, что сионизм начал определять настроения этого политически влиятельного меньшинства. В результате к 1947 г. сбор средств в пользу европейских евреев и в помощь иммиграции достиг 100 млн долларов в год — таких результатов еще не добыва-

лась в Америке ни одна этническая группа и ни одна филантропическая организация.

Немаловажно и то, что американские евреи отозвались на призыв таких сионистских лидеров, как Аба-Гилель Сильвер и Стивен Уайз, и засыпали Белый дом и конгресс письмами и телеграммами, поступавшими со всех концов страны. Уже в 1943 г. для руководства лоббистской деятельностью был создан сионистский чрезвычайный совет, который вскоре превратился в одну из самых мощных групп по оказанию давления на администрацию. Имея солидный бюджет и четырнадцать отделений с профессионально подготовленными сотрудниками, чрезвычайный совет в считанные дни мог организовать сбор подписей под петицией или завалить Вашингтон письмами протеста. Совет действовал через синагоги и другие еврейские учреждения, прибегал к помощи профсоюзных деятелей, журналистов и священнослужителей (объединенных в Американском христианском палестинском комитете), проводил выступления во время встреч с влиятельными представителями государственной администрации. Кроме того, он издавал массу брошюр, книг и руководств и занимался организацией митингов, конференций и массовых кампаний. Это приносило заметные результаты как в конгрессе, так и в исполнительных правительственных органах.

Когда в апреле 1945 г. Гарри Трумэн стал президентом, он сразу же испытал всю силу воздействия сионистов. Это вызвало у Трумэна раздражение, но и произвело на него известное впечатление. Президент не только глубоко сочувствовал еврейским беженцам, но и не остался безразличным к советам тех сочувствующих сионизму либералов, оценкам которых он доверял. Среди них были Элеонора Рузвельт, губернатор штата Нью-Йорк Герберт Леман и полковник Джейкоб Арви, председатель комитета Демократической партии округа Кук (Чикаго). Трумэн и его советники не могли пренебречь политической поддержкой американского еврейства, которое представляли эти либеральные деятели. Например, 4 сентября 1947 г. Роберт Ханнеган, только что назначенный председателем Национального комитета Демократической партии, обратился к президенту с просьбой сделать заявление в поддержку сионистов в Палестине, “поскольку такое заявление может в значительной степени повлиять на сбор средств для Национального комитета Демократической партии”. По словам Форрестала, Ханнеган сообщил, что “год назад демократами были получены весьма значительные суммы, и теперь на такую поддержку могут повлиять действия президента в связи с Палестиной”.

Одним из тех, кто вел особенно удачную закулисную деятельность, был Дэвид К. Найлс, советник Трумэна по проблемам меньшинств. Благодаря этому неприметному, но весьма твердому человеку президент узнавал о настроениях американских сионистов. Именно Найлз в июле 1947 г. убедил

Трумэн заменить чиновников Государственного департамента Джорджа Уордсворта и Лоя Хендерсона, советников американской делегации на Генеральной Ассамблее ООН, и поставить на их место генерал-майора Джона Хилдринга, который, служа в американской военной администрации в Германии, проявил особое сочувствие к перемещенным лицам и произвел благоприятное впечатление на сионистов. Однако дальше этого назначения Трумэн не пошел и 6 октября отклонил предложение Ханнегана поддержать в официальном выступлении раздел Палестины.

Между тем Государственный департамент сознательно сохранял нейтралитет в своих официальных заявлениях. Во второй половине лета 1947 г., пока продолжались заседания специальной комиссии ООН, Государственный секретарь Джордж Маршалл избегал формулировать официальную позицию по палестинскому вопросу. С другой стороны, он в частном порядке поддержал меморандум, составленный в июне Хендерсоном, американским представителем в Совете Безопасности Уорреном Остином и Дином Раском, главой бюро по политическим вопросам Государственного департамента. В этом документе одобрялась идея единого государства под опекой ООН, причем иммиграция не должна была превышать “экономических абсорбционных возможностей” Палестины. Более того, 7 июля Государственный секретарь конфиденциально заверил Бевина в том, что Соединенные Штаты будут сотрудничать с англичанами и помогут им положить конец нелегальной еврейской иммиграции в Палестину. Кроме того, Маршалл склонялся к точке зрения Хендерсона, который 22 сентября настаивал на том, что Соединенным Штатам не следует поддерживать доклад большинства комиссии ООН. Однако вскоре инициатива в палестинском вопросе выскользнула из рук Государственного секретаря.

9 октября 1947 г. Трумэн узнал, что Арабская лига призвала состоявшие в ней страны направить войска к границам Палестины. Еще до этого из арабских столиц донеслись воинственные заявления. Судя по всему, президент возмутился. Он отдал Государственному департаменту распоряжение поддержать план раздела Палестины, и Маршалл послушно отказался от своей личной точки зрения. Как впоследствии писал о себе Трумэн, его главной целью было “вновь поставить на повестку дня обещания, данные в Декларации Бальфура, и способствовать спасению хотя бы части жертв нацизма. У меня не было никаких предпочтений в том, что касалось конкретной формы палестинской государственности и конкретного порядка действий... Суть дела в том, что наша политика — политика американская, а не еврейская и не арабская”. 11 октября Х. В. Джонсон, американский представитель в специальном комитете ООН по Палестине, сообщил о решении президента поддержать “основные принципы” раздела, в которые могут быть внесены “некоторые поправки и изменения”. То была минута горького ра-

зочарования для арабов и ликования — для евреев. 21 октября 1947 г. комитет по Палестине поручил отредактировать доклад большинства комиссии ООН группе, в которую вошли представители девяти стран, поддерживавших раздел. Среди них были делегаты от США и СССР. Этот ход оказался удачным. В результате успешного сотрудничества американская и советская делегации разработали общий порядок британской эвакуации. Американцы первоначально решили не включать в предполагаемые границы еврейского государства основную часть Негева, но Вейцману удалось добиться личного свидания с Трумэном и заручиться поддержкой президента. Он рассказал Трумэну об исторических связях евреев с этой пустыней, после чего президент одобрил границы, предусмотренные первоначальным планом раздела.

24 ноября 1947 г. группа меньшинства в комиссии, состоящая в основном из представителей мусульманских стран, представила в комитет по Палестине проект федеративного государства. В комитете по Палестине были представители всех стран, входивших в Генеральную Ассамблею, поэтому по результатам голосования можно было определить, каким окажется окончательное решение ООН. Сионисты надеялись, что американцы используют все свое влияние, чтобы не был принят этот проарабский по своей сути проект, но их ожидало разочарование. Хендерсон в очередной раз подыграл Маршаллу. Согласно инструкциям Государственного секретаря, Джонсон не должен был навязывать точку зрения США другим делегациям. Кроме того, на этот раз евреев не стали слушать в Белом доме. Президент устал от тактических приемов сионистов. “Думаю, ни разу до этого я не сталкивался со столь мощным пропагандистским давлением на Белый дом, — писал Трумэн. — Настойчивость нескольких экстремистски настроенных сионистских лидеров.. мешала мне и вызывала раздражение”. На официальном обеде 1 декабря 1947 г. заместитель Государственного секретаря Роберт Ловетт сказал, что он лично “ни разу в жизни не испытывал такого давления, как в последние дни обсуждения палестинского вопроса в ООН”. В то же самое время арабы, окончательно утратив сдержанность, угрожали противодействием нефтяным интересам западных стран и заявляли, что развяжут на Ближнем Востоке войну, если не будет принято устраивающее их решение.

Теперь сионистам стало ясно, что в поисках поддержки делегаций на помощь США им рассчитывать не приходится. Сионистские эмиссары — Шарет, Горовиц, Эвен, Сильвер, Эпштейн и другие — в беседах с политическими деятелями неустанно напоминали им о пронацистской деятельности арабов во время войны и отчаянном положении перемещенных лиц. Пытаясь сделать все возможное, они использовали свои связи в американской еврейской среде с тем же упорством, с каким арабы угрожали членам ООН

войной и экономической блокадой. Неофициальное, но весьма эффективное экономическое давление было оказано на Китай и на ряд стран, которые первоначально поддерживали доклад меньшинства. Среди них были Гаити, Либерия, Филиппины, Эфиопия и Греция. На правительства этих государств обрушился шквал телеграмм, телефонограмм и писем. Им не давали покоя посетители-бизнесмены. Кончилось тем, что делегации всех этих стран, кроме Греции, проголосовали против арабских предложений. В результате план федеративного государства был отвергнут двадцатью девятью голосами против двенадцати. А на следующий день, 25 ноября, комитет по Палестине двадцатью пятью голосами против тринадцати одобрил отредактированный план раздела Палестины.

Голосование в ООН

В план, который предстояло вынести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, было включено несколько изменений. Они были предложены Соединенными Штатами и одобрены комитетом по Палестине. Первая поправка предусматривала передачу арабам, а не евреям портового города Яфо с большим арабским населением. Вторая — сохранение за арабским государством двух районов Негева, в том числе Беэр-Шевы с окрестностями и узкой полосы, идущей от Средиземного моря вдоль египетской границы в направлении Эйлатского залива. Таким образом, согласно окончательной редакции, арабское государство должно было занимать территорию в 4,5 тыс. квадратных миль с населением 804 тыс. арабов и 10 тыс. евреев. Еврейскому государству отводилась территория в 5,5 тыс. квадратных миль с населением 538 тыс. евреев и 397 тыс. арабов. В остальном доклад большинства специальной комиссии был оставлен практически без изменений. Оба государства должны были быть связаны экономическим союзом и общей валютной системой, а также единой сетью железнодорожного транспорта и шоссейных дорог, почты, телеграфа и телефона. От 5 до 10% доходов от налоговых и прочих сборов предназначались для нужд Иерусалима, остальное делилось между двумя правительствами поровну. Еврейское государство должно было ежегодно выплачивать арабскому субсидию в 4 млн фунтов стерлингов как компенсацию за свои более плодородные земли, отведенные под цитрусовые плантации, и за опережающее техническое развитие.

Слабее всего был разработан вопрос о том, как решение ООН будет превращено в жизнь. В результате жаркой полемики комитет по Палестине без особого энтузиазма принял канадское предложение: Генеральная Ассамблея

должна была назначить международную комиссию, которой и поручалось наблюдение за проведением раздела под юрисдикцией Совета Безопасности. В обоих государствах законность и порядок должны были поддерживаться местными формированиями армии и полиции, но “в случае угрозы миру” ответственность мог взять на себя Совет Безопасности. Это предложение было задумано как компромисс, однако никто не пытался найти лучшее решение и обеспечить участие иностранных вооруженных сил. Основная причина заключалась в следующем: многие полагали, что полицейские функции в рамках переходного периода возьмет на себя Великобритания. Кроме того, Соединенные Штаты опасались, что, если будет создан смешанный воинский контингент Совета Безопасности, у Советского Союза появится возможность внести свой вклад в поддержание “мира и порядка” в Палестине.

29 ноября резолюция о разделе Палестины была передана для рассмотрения и последующего голосования в Генеральную Ассамблею. Евреи и арабы до последней минуты продолжали свои политические маневры, которые, однако, уже не имели смысла: и американцы, и страны социалистического блока были за раздел. Этой позиции придерживались также Норвегия, Канада и Гватемала. К ним примкнули и те пять стран, на которые удалось повлиять сионистам. Как и следовало ожидать, против раздела твердо выступил мусульманский блок, который поддерживали Индия, Югославия и Греция (множество выходцев из Греции проживало в арабских странах). Под вопросом по-прежнему находилась позиция Франции. В первые послевоенные годы французы демонстрировали свое сочувствие к евреям и столь же явную неприязнь к арабам и английской ближневосточной политике. Создание еврейского государства, бесспорно, должно было укрепить позиции сочувствующих Франции маронитов⁴ в Ливане. Однако французская делегация вела себя непоследовательно. Ее председатель Александр Пароди не хотел вызвать недовольство в странах Магриба и поставить под удар многочисленные французские католические учреждения в мусульманских странах. Тем не менее в дело была внесена ясность после того, как Вейцман, находившийся в США, позвонил в Париж Леону Блему. Бывший премьер-

4 Марониты — последователи одной из восточных христианских церквей, проживающие в основном в Ливане, а также в Сирии, Египте, Северной и Южной Америке. Религиозное учение маронитов сложилось в V–VII вв. в Северо-Западной Сирии на базе монофелитского и монофизитского религиозно-политических движений, утверждающих, что Христу присуща одна воля, одна “Богочеловеческая действительность”. В VIII–IX вв. большинство маронитов переселилось из Сирии в Ливан. Маронистское высшее духовенство признало в XVI в. верховенство Римской католической церкви. Согласно ливанской конституции, так называемому Национальному пакту 1943 г., маронитами являются высшие должностные лица ливанской администрации: президент страны, главнокомандующий.

министр все еще пользовался большим влиянием. Менее чем за два часа до окончательного голосования французская делегация получила инструкции поддержать раздел Палестины.

Резолюция Генеральной Ассамблеи была принята тридцатью тремя голосами против тринадцати, то есть получила необходимые две трети голосов. Против раздела выступили мусульманские страны и некоторые страны Азии, а также Куба и Греция. Решающую роль в принятии резолюции сыграли латиноамериканские государства, составляющие не менее 40% всех стран-участниц. На них сионисты почти не оказывали давления. На позицию латиноамериканцев, видимо, не повлияли и Соединенные Штаты. Скорее, напротив: когда в апреле 1948 г. Вашингтон предложил временно отложить раздел и заменить его опекой, делегации Латинской Америки единогласно выступили против этой идеи. Судя по всему, эти страны, не имевшие почти никаких интересов на Ближнем Востоке, приняли во внимание только суть дела, а не сопутствующие соображения. На их отношение, несомненно, повлияло сострадание к перемещенным лицам — спустя год эти страны, руководствуясь сходными чувствами, выступили в защиту арабских палестинских беженцев.

Таким образом, события показали (вопреки утверждениям тех, кто критиковал план раздела), что ни еврейское, ни арабское давление на Генеральную Ассамблею не сыграло решающей роли. Куда большее значение имел неожиданный и впечатляющий факт сотрудничества СССР и США в сфере внешней политики. Кроме того, у Генеральной Ассамблеи не было серьезной альтернативы разделу. И арабы, и евреи заявляли, что не согласятся на федеративное государство, а в пользу раздела высказалась, по крайней мере, одна из сторон. Примечательно, что утром перед началом голосования арабские делегаты в панике выразили готовность поддержать идею федеративного устройства. Однако ясно было, что они по-прежнему отвергают еврейскую иммиграцию, и проблему перемещенных лиц невозможно разрешить, даже если принять план меньшинства. Кроме всего прочего, в этот момент сторонники раздела уже располагали необходимым большинством голосов и не были заинтересованы в новой отсрочке.

Арабский исследователь Альбер Хурани тонко проанализировал причины, приведшие к разделу. Евреи принадлежат к западному миру, отметил он, и понятны значительно лучше, чем арабы, народ совершенно иной культуры. Трагическая судьба евреев была укором совести для Запада, к ней примешивалось и чувство вины за собственное бездействие. Отнюдь не случайно, что именно те страны, которые закрыли свои двери перед еврейской иммиграцией, проголосовали за создание еврейского государства. Хурани обратил внимание и на то, что западному сознанию импонируют свойственные сионистам слаженность и эффективность действий, а также их социальная

философия: “[Европейцам] симпатичен отважный маленький народ с великим и трагическим прошлым, [им] симпатичны пионеры, преобразующие пустыню, с помощью науки улучшающие производство; труженики коллективных ферм, отказавшиеся от недостатков и пороков индивидуализма, террористы, бросающие вызов властям, — все эти представители нового мира.. оптимистичные, серьезные и полные энергии”. Сионисты пользовались более простым объяснением. Оно было изложено Вейцманом перед англо-американским комитетом за год до описываемых событий. Вейцман сказал, что, создавая еврейское и арабское государства и предоставляя убежище огромному числу беженцев, надо думать не о том, кто прав и кто не прав, а о том, как причинить наименьшую несправедливость.

Реакция на раздел

Резолюция о разделе Палестины предусматривала достаточно высокий уровень экономического сотрудничества между арабами и евреями. Кроме того, члены Генеральной Ассамблеи надеялись, что ряд трудностей удастся свести до минимума, заручившись помощью англичан для решения ряда принципиально важных проблем. Среди прочего, нужно было эвакуировать британских подданных из Палестины не позднее 1 февраля 1948 г., помочь в подготовке порта для приема массовой еврейской иммиграции, принять участие в управлении страной на протяжении переходного периода совместно с назначенной ООН палестинской комиссией, которая была создана меньше чем через месяц после принятия резолюции. В комиссию вошли представители Боливии, Чехословакии, Дании, Панамы и Филиппин. Члены комиссии, как и вся Генеральная Ассамблея, рассчитывали на активную поддержку со стороны Великобритании.

Но напрасно. Как неоднократно предупреждал сэр Александр Кадоган, его правительство не собиралось ни самостоятельно, ни в составе какого-либо органа осуществлять план, который не был бы “принят одновременно арабами и евреями”. Фактически Великобритания отказалась от какой бы то ни было ответственности и даже не согласилась сообщить о графике вывода своих войск до тех пор, пока не будет завершена работа комиссии по разделу. Но и после этого в качестве окончательного срока было названо 1 августа 1948 г., что далеко выходило за временные границы, установленные ООН; правда, несколько недель спустя англичане перенесли дату эвакуации на 14 мая. Кроме того, Кадоган препятствовал постепенной передаче полномочий комиссии ООН. Он объяснял, что эта мера может привести к “путанице и беспорядку”. 1 декабря 1947 г. Бен-Гурион нанес визит

верховному комиссару Кеннингему в его иерусалимской резиденции. Кеннингем холодно принял председателя Еврейского агентства и воздержался от поздравлений. “Вы, я думаю, довольны резолюцией”, — только и сказал он по этому поводу. Бен-Гурион попытался обсудить перспективы на будущее, попросил предоставить ему фотокопии земельного регистра, информацию о снабжении Палестины продовольствием и горючим и обратился к верховному комиссару за разрешением создать милицию. Кеннингем обещал рассмотреть эти просьбы, однако ответа так и не последовало. Более того, англичане отказались допустить в Палестину членов комиссии ООН до 1 мая. Когда же группа сотрудников ООН все-таки прибыла в Святую землю в начале января 1948 г., мандатные власти не стали скрывать своего недовольства. Шести членам комиссии было предоставлено помещение в душном подвале здания, находившегося напротив английского штаба в Иерусалиме; там они и вынуждены были представлять интересы мирового сообщества. Подвергаясь различным опасностям, работая в тяжелых условиях, испытывая трудности со снабжением, члены комиссии пытались разработать систему переходного режима в Палестине. Но вскоре самой насущной для них проблемой стали поиски воды. Труды их не принесли никакого результата.

Причины, которыми объяснялось нежелание англичан сотрудничать, были очевидны. Прежде всего, в условиях, когда позиции Великобритании на Ближнем Востоке пошатнулись и арабские страны начали пересматривать соглашения о добыче нефти и прокладке нефтепроводов, когда в Египте шли сложные переговоры, Лондон вовсе не собирался раздражать арабов. К этому примешивалась неприязнь к евреям: с мая 1945 г. по октябрь 1947 г. еврейскими террористами были убиты 127 и ранен 331 английский военный служащий. Нелегальная еврейская иммиграция и сионистская пропаганда скомпрометировали Великобританию в глазах мировой общественности. Бевин был возмущен позицией Трумэна, которую он считал политиканством и вмешательством во внутренние дела Великобритании. Точка зрения Бевина описана Ричардом Кроссманом, который виделся с ним 4 августа 1947 г. и впоследствии сравнивал воззрения министра иностранных дел с идеями, изложенными в знаменитой антисемитской фальшивке “Протоколы сионских мудрецов”⁵. По утверждению Бевина, евреям удалось ор-

5 “Протоколы сионских мудрецов” — литературная фальшивка конца XIX в., созданная по заданию тайной полиции России с целью доказать существование еврейского заговора для достижения мирового господства. Популярными “Протоколы” стали в России и за границей после большевистского переворота в России в октябре 1917 г. Наличие среди большевистских руководителей нескольких евреев способствовало успеху “Протоколов”. Так, в Англии первый перевод “Протоколов” был осуществлен в 1920 г. и выдержал пять изданий, но в 1921 г. на страницах английской газеты

ганизовать международный заговор против Англии и против него лично. Он заявил также, что все еврейское “давление” — это гигантский шантаж, которым руководят из Америки. На это Кроссман заметил, что подобные проблемы были и с Ирландией, однако Великобритании все же пришлось согласиться на создание Ирландского свободного государства⁶. “Да, — ответил Бевин, — но они же не разворовали до этого полгосударства”. Говоря о последних акциях *Эцель*, министр иностранных дел добавил, что немцы в своих зверствах, возможно, только брали пример с евреев. Из этого разговора Кроссман сделал вывод, что Бевин помешался на палестинском вопросе.

Помимо заботы об отношениях с арабами и неприязни к евреям, определенную роль сыграло и то, как в Лондоне оценивали будущее Палестины после окончания мандата. Англичанам представлялась весьма вероятной и скорой военной победой арабов. А значит, стоило подумать о возможности вернуться в Палестину, вступив в союз с арабами, прежде всего — с трансйорданским королем Абдаллахом, связанным с Великобританией договором. Много лет спустя один из ближайших советников министра иностранных дел Эдуард Фрэнсис-Уильямс рассказал следующее: по мнению Бевина, победу в будущих военных действиях одержат арабы; тогда евреи обратятся за помощью к англичанам, и в результате Палестина будет поделена так, что евреям не достанутся ни Хайфа, ни Негев. Именно на эти районы рассчитывал Генеральный штаб британской армии в случае, если придется выводить войска из Египта. Предполагалось, что на основе договора с Абдаллахом англичанам впоследствии удастся разместить там армию. 17 декабря Бевин предупредил Маршалла, что евреям могут “перерезать глотки”. Того же мнения придерживалось и английское военное руководство. В марте 1948 г., когда уже начались военные действия, евреи, по определению фельдмаршала Монтгомери, “попались” и оказались не в состоянии

“Таймс” была опубликована статья, убедительно доказывающая, что “Протоколы сионских мудрецов” — фальшивка. Журналист Ф. Грейвс обнаружил источник плагиата — книгу французского журналиста М. Жоли “Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье” (1864), обличающую императора Наполеона III.

- 6 В 1169 г. началось вторжение англо-норманнских феодальных отрядов в Ирландию, которая была полностью покорена после подавления ирландского восстания 1641–1652 гг. войсками О. Кромвеля. В результате упорной борьбы ирландского народа в XIX в., восстания в Ирландии 27–30 апреля 1916 г. (так называемое “Восстание на пасхальной неделе”), национально-освободительной войны ирландского народа против английского господства в 1919–1921 гг. в декабре 1921 г. Великобритания согласилась на создание Ирландского свободного государства со статусом доминиона. Но шесть графств северо-востока Ирландии, где преобладало протестантское население, остались в составе Великобритании (Северная Ирландия). В 1949 г. Ирландия была провозглашена независимой республикой.

защитить свои коммуникации. Эту точку зрения подтверждали донесения английских офицеров из Иерусалима, Аммана и Каира. В апреле командующий британскими войсками в Палестине генерал сэр Гордон Макмиллан прямо заявил, что арабские армии “без труда захватят всю страну”.

Поэтому не в интересах Великобритании было оказывать поддержку плану, который так или иначе ослаблял сопротивление арабов. Напротив, Лондон мог вернуть себе утраченное влияние в Палестине, намеренно сея хаос. Нет сомнения, что именно ради этого англичане вывели Палестину из стерлингового блока и заморозили палестинские валютные авуары⁷ в Лондоне — эти меры сулили гибель нарождавшемуся еврейскому государству.

Палестинская казна была пуста — денег для нового правительства не было. В феврале 1948 г. Англия одобрила только одну меру финансового характера — Верховному мусульманскому совету было выделено 300 тыс. фунтов. Этот шаг фактически был денежной помощью арабским армиям. По мере того как англичане ослабляли свой контроль над Палестиной, прекращалось движение поездов и закрывались почтовые отделения. Вплоть до самой эвакуации англичан ни к средствам связи, ни к железнодорожному транспорту местные жители не имели доступа.

Нежелание мандатория сотрудничать с ООН особенно ярко выразилось в конце 1947 г. в неприкрытой поддержке, которую Великобритания оказывала военным приготовлениям арабов. Власти строго следили за выполнением запрета на еврейскую иммиграцию и приобретение евреями оружия. Им не позволяли создать милицию, членов *Гаганы* преследовали и разоружали. В то же время англичане продолжали продавать оружие Ираку и Трансиордании согласно своим договорам с этими странами. Генералу Макмиллану, под командованием которого в Палестине находилось 50 тыс. солдат, ничего не стоило бы остановить арабскую инфильтрацию. Однако, имея правительственные инструкции, он ограничился тем, что поддерживал законность и порядок только в районах, где британские войска должны были находиться во время эвакуации. Порою проарабские симпатии превращались в прямую поддержку. Так, например, Макмиллан, намеревавшийся передать евреям самый крупный военный лагерь в Палестине, получил из Лондона распоряжение передать эту базу арабам. Нечто похожее происходило со стратегически важными фортами и другими видами государственной собственности по всей стране.

Иракский генерал Таха Хашими, отвечавший за подготовку арабских добровольцев в Дамаске, рассказал в своих мемуарах о том, что арабские лидеры заблаговременно получили информацию о графике эвакуации английских полицейских участков в Цфате и Наби-Юше. Оба этих пункта были

7 Авуары — средства банка в иностранной валюте на его счетах в банках других стран.

сразу же захвачены арабами; таким же образом попали в их руки форт Самах и находившийся по соседству большой военный лагерь. Согласно Хашими, заместитель начальника английской полиции Иерусалима уведомил арабов о предстоящей эвакуации британских солдат из Нового города, чтобы облегчить им захват этой части Иерусалима сразу после ухода армии. Мухаммед Нимр аль-Хавари, юрист из Яфо, вспоминал, что к нему “пришли сотрудники английского управления по арабским делам и предложили помощь оружием и людьми... Англичане прямо на улицах раздавали нашим бойцам оружие и боеприпасы. Это ни для кого не было секретом”. Кристофер Сайке дал блестящую характеристику завершающей фазе британского мандата: “Если сравнивать колониальную деятельность англичан и французов, преимущество... явно будет на стороне англичан, но поведение французов в соседней Сирии несравнимо со злонамеренными и некомпетентными действиями англичан в Палестине в период с ноября 1947 г. по май 1948 г.”.

На первых порах арабы отреагировали на резолюцию ООН очередной угрозой насилия. Этот тон определил их дальнейшую политику на многие месяцы и годы. В сирийском городе Алеппо были сожжены 300 еврейских домов и 11 синагог, половина четырехтысячного еврейского населения разбежалась. В Адене было убито 76 евреев. В Палестине Верховный арабский комитет назначил на 2–4 декабря 1947 г. трехдневную всеобщую забастовку. Сразу вслед за этим начались проявления насилия, нападениям подверглись еврейские кварталы в Иерусалиме, Хайфе и Яфо. Вскоре в арабских городах и деревнях Палестины Верховный комитет начал запись добровольцев. Большинство возникших “милицейских формирований” были организованы на базе организаций “Футувва” и “Наджада”. Поначалу тактика их сводилась к стремительным нападениям на отдаленные еврейские поселения и транспорт; при этом они грабили и уничтожали имущество. В этих нападениях участвовали только палестинские арабы, хотя деньги и кое-какое снаряжение поступали к ним из соседних арабских стран. Координации наступательных действий — даже в местных масштабах — в это время еще не было, ее установлению нередко мешала вражда, сохранявшаяся между группировками Нашашиб и Хусейни.

В первые недели после принятия резолюции о разделе многие умеренные арабские лидеры обратились к мандатным властям и к обеим национальным общинам, пытаясь предотвратить кровопролитие. Среди них был аль-Хавари, некогда — сторонник муфтия, со временем разочаровавшийся в террористической тактике Хусейни. “Вопрос, был ли я предателем в этой схватке, — говорил аль-Хавари, — мог ли я подстрекать народ Палестины к войне, которую он не способен был вести?” Убежденный в том, что разгул насилия кончится бедой для его собственного народа, этот арабский юрист

неоднократно встречался с еврейскими руководителями. “Во многих случаях мне удалось предотвратить столкновения между арабами и евреями. Мы добились успеха, убеждая народ в том, что мирное сосуществование с евреями нам на пользу”. Говоря это, Хавари не преувеличивал. Арабы и евреи, если их оставляли в покое, продолжали мирно, хотя и не без опасений, жить по соседству. Одному лишь Верховному комитету не удалось бы превратить отдельные акты насилия в настоящую войну между двумя народами. Но палестинских арабов и евреев не оставили в покое. 16 сентября 1947 г. на заседании в Софаре (Ливан) Политический комитет Арабской лиги призвал к экономическим мерам, направленным против Великобритании и США, и к оказанию помощи палестинским арабам деньгами и оружием. Три недели спустя было проведено новое заседание с целью организации военного комитета арабских государств. Тем не менее решение об интервенции принято не было. Однако после голосования в ООН инициативу опять взял в свои руки темпераментный премьер-министр Ирака Салих Джабр, по предложению которого 12 декабря 1947 г. в Каире состоялось совещание премьер-министров арабских стран. Салих Джабр потребовал немедленного выполнения тайных решений Блуданской конференции и прямого вмешательства арабских государств в события в Палестине. Однако для правительств Египта и Саудовской Аравии это предложение было чересчур смелым. Король Трансиордании Абдаллах не соглашался даже на отправку добровольцев. В конце концов был принят компромиссный план: военному комитету Лиги должны быть переданы 10 тыс. винтовок и другого стрелкового оружия, через Сирию в Палестину предстояло переправить 3 тыс. добровольцев и, кроме того, на “оборону Палестины” выделялся один миллион фунтов.

В этих обстоятельствах и была организована Арабская армия освобождения. Генерал Исмаил Сафват-паша из иракского Генерального штаба был назначен ее командующим, его ставка вскоре разместилась в сирийском военном лагере на окраине Дамаска. Практическое руководство этой “добровольческой” армией взял на себя Фаузи аль-Каукджи, человек сомнительной репутации, командир времен гражданской войны в Палестине в 1936 г. Приняв участие в обороне Сирии на стороне вишистских войск в 1941 г., Каукджи затем бежал в Германию и жил там до конца войны. В 1945 г. ему (как муфтию и другим врагам Великобритании) было предоставлено убежище во Франции. В конце концов он вернулся в Сирию. Большинство его “добровольцев” были сирийскими наемниками вперемешку с югославскими мусульманами, черкесами, немцами из числа бывших эсэсовцев и испанскими фалангистами. В конце января 1948 г. подразделения этих войск начали проникать в Палестину. Вскоре Каукджи перенес свой штаб в Тверию, город на севере Палестины, и почти сразу за этим начал перебрасы-

вать в Святую землю более крупные соединения. В конце февраля общая численность их составила пять, а в конце марта — семь тысяч человек. В отличие от недисциплинированных банд муфтия, эти подразделения в некоторой степени обеспечивали безопасность тех арабских населенных пунктов, где они были размещены.

В начале весны 1948 г. руководство Арабской армии освобождения разделило палестинский театр военных действий на отдельные участки. На севере страны под командованием Каукджи и сирийца Адиба аль-Шишакли находилось 7 тыс. бойцов. В центре страны действовало 5 тыс. человек, в основном нерегулярные формирования, которыми командовал Абд аль-Кадр аль-Хусейни, племянник муфтия. Юг был отдан под контроль египетских добровольцев Мусульманского братства — количество их составляло около 2 тыс. Все эти силы не были по-настоящему организованной армией, однако численное превосходство позволило им зимой и ранней весной 1948 г. увеличить размах операций. В городах, особенно в Иерусалиме, участились нападения на еврейские кварталы, в горах Хеврона от набегов страдали *кибуцы*. Англичане, вместо того чтобы положить конец вооруженным выступлениям арабов, передали в их распоряжение свои полицейские форты. В результате арабам удалось блокировать дороги, соединявшие Тель-Авив с Иерусалимом, Хайфу — с Западной Галилеей, Тверию — с Восточной Галилеей и Афулу — с долиной Бейт-Шеан. Вскоре еврейские поселения в Негеве оказались изолированными от остальной территории Палестины.

Сионисты не ожидали, что так скоро окажутся предоставлены самим себе в политическом и военном отношении. К тому же, увлеченные борьбой с англичанами, они недооценили серьезность арабской военной угрозы. В 1947 г. в распоряжении евреев находились только *Палмах*, в котором было около 3 тыс. молодых людей, “войска” *Эцель*, насчитывавшие 5 тыс. плохо вооруженных бойцов, и примерно 800–1000 членов *Лехи*. Резервисты *Гаганы* (к марту 1948 г. их было около 21 тыс.) были слабо подготовлены и вооружены. Важнейшей задачей Еврейского агентства стал не набор добровольцев, а приобретение оружия. Еще летом 1945 г. Бен-Гурион побывал в Нью-Йорке, где ему удалось собрать несколько миллионов долларов на приобретение американских станков, работавших ранее на оборонных заводах. Оборудование было куплено, демонтировано и в виде 75 тыс. деталей “текстильных машин” отправлено в Палестину. Там оно было спрятано в *кибуцах*, однако извлечь его из тайных хранилищ до ухода англичан было невозможно. Кое-какое оружие закупали в Европе: дюжину винтовок — здесь, еще полсотни — там, несколько пулеметов — в третьем месте.

Сионистам пришлось быстро разрабатывать стратегический план. В конце 1947 г., после того как ООН приняла решение о разделе Палестины, ру-

ководство *Гаганы* определило для себя две основные задачи. Первая — защита *ишува* от нападения палестинских арабов в течение полугода, пока осуществляется вывод английских войск. Вторая — оборона страны в случае широкомасштабного арабского вторжения после 15 мая. Труднее всего далась начальная фаза. Согласно решению Бен-Гуриона и исполнительного комитета Еврейского агентства, следовало удерживать каждую пядь земли, предназначенной для еврейского государства. Собственно говоря, у сионистов не оставалось иного выхода: если бы после принятия резолюции ООН они отступили, это было бы политической катастрофой. Однако поначалу за эту твердость было заплачено дорогой ценой, поскольку силы *Гаганы*, которые следовало бы сконцентрировать, пришлось разбить на мелкие подразделения и разместить по всей стране. Кроме того, снабжение осуществлялось через арабские территории, где транспортные колонны легко могли попасть в засаду. Ведь Галилея и Негев почти целиком оказались в руках арабов. Арабы держали под своим контролем Яфо, Рамлу, Лод и Афо, а также частично Хайфу и Иерусалим. Еврейские анклавов на этой территории нужно было каким-то образом снабжать. Поэтому вначале командование *Гаганы* вынуждено было придерживаться чисто оборонительной тактики и избегать активных действий в районах арабского заселения, даже если этого требовали стратегические соображения. Любые шаги в этом направлении были бы блокированы англичанами.

Раздел под угрозой

Оказав поддержку резолюции о разделе Палестины, правительство Соединенных Штатов рассчитывало на быстрое оперативное решение вопроса. Однако, после того как начались вооруженные столкновения, стало ясно, что этот расчет не оправдался. Сразу после голосования в ООН чиновники Государственного департамента начали понемногу отступать от просионистского курса американской администрации. В начале декабря 1947 г. Вашингтон отменил свое решение о поставках оружия на Ближний Восток, а 22 декабря Лой Хендерсон ответил отказом на просьбу приехавшего из Палестины Элизера Каплана, казначея Еврейского агентства, о предоставлении 500-миллионного займа для решения проблем иммиграции. Коллега Хендерсона по Государственному департаменту Гордон Мерриам впоследствии высказался так: “Немыслимо, чтобы конгресс или банки стали изыскивать фонды для экономической и иммиграционной помощи под столь ненадежное обеспечение... Такое вложение капитала было бы бесперспективным”.

Арабское давление на Вашингтон и на американские нефтяные компании привело администрацию к выводу, что следует без лишнего шума отказать от раздела Палестины. 6 января 1948 г. министр обороны Форрестол встретился с президентом одного из нефтяных концернов, и тот сообщил, что вследствие неспокойной обстановки в Палестине его компания и сотрудничающие с ней корпорации прекращают сооружение нефтепровода в Саудовской Аравии. Еще один неприятный сюрприз ждал Форрестола 21 февраля, когда Арабская лига приняла решение не предоставлять американским фирмам права на строительство нефтепроводов и использование их до тех пор, пока США не изменят свою политику в Палестине. Премьер-министр Сирии Джамиль Мирдам-бей заявил о своем намерении посетить Эр-Рияд с тем, чтобы призвать Ибн-Сауда к действиям, направленным против “Арамко”.

Не испытывая давления со стороны Белого дома и не сомневаясь в молчаливой поддержке Государственного секретаря Маршалла, сотрудники внешнеполитического ведомства США заняли в вопросе о разделе Палестины весьма неопределенную позицию. 21 января заместитель Государственного секретаря Ловетт ознакомил Форрестола с документом, подготовленным плановым отделом Государственного департамента. В документе утверждалось, что раздел неосуществим, что Соединенные Штаты не должны поддерживать это решение, поскольку осуществить его можно только силой, и что Америке следует добиваться отмены резолюции ООН или, по крайней мере, отсрочки. В последующие недели Хендерсон и сотрудники Ближневосточного отдела все чаще и настойчивее возвращались к этой теме. Затем их точка зрения была одобрена Маршаллом.

В результате 24 февраля представитель США в Совете Безопасности Уоррен Остин поставил перед делегатами других стран вопрос о том, не является ли ситуация в Палестине угрозой для мира. Он заявил, что его правительство, в принципе, готово рассмотреть вопрос о применении силы, но только для восстановления мира, а не для осуществления раздела страны.

Сионистское руководство, которое внимательно следило за действиями американцев, поняло, что США собираются радикально изменить свою политику, и бросило все силы на то, чтобы убедить американскую администрацию не отступать от прежнего курса. Однако, мобилизовав своих сторонников в Соединенных Штатах, сионисты чуть не лишились своего главного союзника — президента. Впоследствии Трумэн вспоминал:

“После принятия в ООН резолюции о разделе еврейское давление на Белый дом не уменьшилось. Отдельные лица и целые группы обращались ко мне — обычно в весьма вызывающей и эмоциональной форме — с просьбой остановить арабов, помешать англичанам, поддерживающим арабов, предоставить для

этого американских солдат, сделать то, другое, третье. Думаю, можно сказать, что я сохранил убеждение в правильности моей политики вопреки некоторым евреям... Давление настолько усилилось, что мне пришлось отдать распоряжение о том, чтобы ко мне больше не допускали особенно ярых защитников сионистских интересов”.

В этот момент встречи с президентом настойчиво добивался Вейцман, который ради этого проделал путь в шесть тысяч миль из Палестины в США. Сперва Трумэн не хотел принимать его. Затем президент все же изменил свое первоначальное решение: его переубедил Эдуард Джейкобсон, бизнесмен из Канзас-Сити, некогда бывший деловым партнером Трумэна. 18 марта Вейцман был неофициально принят в Белом доме. Беседа, проходившая в обстановке сердечности, продолжалась час. На президента произвели впечатление чувство собственного достоинства и обаяние Вейцмана, столь непохожего на истеричных американских сионистов. “Я по возможности откровенно объяснил ему, — писал Трумэн, — почему сначала не хотел с ним встречаться. Он меня понял. Я объяснил ему, на чем зиждется моя заинтересованность еврейским вопросом, и сказал, что стремлюсь к тому, чтобы восстановить справедливость без кровопролития. Когда он покидал мой кабинет, я чувствовал, что он получил полное представление о моей политике, а я понял, чего он хочет”.

19 марта, через день после того, как Трумэн и Вейцман достигли взаимопонимания, Уоррен Остин поразил Совет Безопасности предложением отсрочить раздел Палестины. “По-видимому, все согласны с тем, что этот план не может быть в настоящее время осуществлен мирным путем”, — заявил Остин. Он предложил провести специальное заседание Генеральной Ассамблеи с тем, чтобы рассмотреть вопрос о временной опеке над Палестиной “независимо... от того, какой характер примет окончательное регулирование”. Сионисты пришли в ужас от этого выступления. В ответ они засыпали президента телеграммами и петициями, по всей Америке состоялись манифестации возмущенных евреев — ветеранов войны. 23 марта исполнительный комитет Еврейского агентства заявил правительству США, что сионисты сделают все возможное для безотлагательного решения вопроса о независимом еврейском государстве. Один только Вейцман по-прежнему не сомневался в Трумэне.

“Не верю, что президент Трумэн знал, что произойдет в ООН в пятницу, когда он говорил со мной за день до этого”, — сказал лидер сионистов Джейкобсону. Вейцман в какой-то степени был прав. Хотя Трумэн заранее знал о готовящемся заявлении Остина, он был растерян и удивлен если не содержанием этой речи, то тем, какой для этого был выбран момент. Поэтому президент немедленно приказал своему политическому советнику

Кларку Клиффорду “выяснить, как это могло случиться. Я заверил Хаима Вейцмана, что мы поддерживаем раздел и не изменим своей позиции. [Вейцман] решил, наверное, что я лжец”.

Дело заключалось в том, что Государственный департамент, не подозревая о беседе Трумэна с Вейцманом, решил, что если президент хранит молчание по палестинскому вопросу, то, следовательно, он одобряет постепенное изменение политического курса. Поддержав мнение, которое давно уже высказывали Хендерсон, Мерриам и другие специалисты в Государственном департаменте, Маршалл одобрил идею опеки и в официальном меморандуме сообщил об этом американской делегации в ООН. Узнав о том, как развивались события, Трумэн позвонил Государственному секретарю, находившемуся в это время в Сан-Франциско. Судя по всему, Маршаллу удалось убедить президента в том, что опека предлагается не взамен раздела, а как временное решение, связанное с вооруженным конфликтом. С другой стороны, сомнительно, чтобы в этот момент кто-либо, кроме самого президента, всерьез думал, что это только временная отсрочка раздела. Дин Раск, незадолго до этого возглавивший отдел Государственного департамента по представительству в ООН, выступил перед журналистами и энергично высказался в пользу опеки над Палестиной. Хоть он и назвал этот план “временным”, нетрудно было понять, что речь идет об отказе от раздела.

Другие делегации в ООН отрицательно отнеслись к этому предложению. Дипломаты в еще большей мере, чем представляемые ими правительства, рассматривали отсрочку как серьезный удар по репутации ООН. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Трюгве Ли был так обеспокоен ситуацией, что предложил Остину вместе с ним уйти в отставку в знак протеста. Остин отказался. Как ни парадоксально, теперь против плана опеки был настроен Бевин. Он подозревал, что маневр Вашингтона в конце концов приведет к продлению мандата, а развитие событий в Палестине убедило Бевина в том, что это абсолютно исключено. Еврейское подполье активизировало свои действия. Более того, после принятия резолюции о разделе нападения *Лехи* на английских военнослужащих и на военные объекты участились. Каждый день в Палестине происходили антибританские выступления. Кроме того, было очевидно, что в Вашингтоне совершенно не представляют себе, как осуществить опеку на практике. 29 марта Форрестол признал в разговоре с Ловеттом, что Америка не предоставит войск для этой цели, хотя и согласился с тем, что Соединенным Штатам “не избежать участия” в опеке. После этого Ловетт говорил с Трумэном, который сказал, что “не хочет брать на себя твердых обязательств относительно посылки войск в Палестину”.

В ООН все сильнее чувствовалось прохладное отношение других стран к американскому плану. Выступая в Совете Безопасности 30 марта, Остин

не случайно ни словом не обмолвился об опеке. Вместо этого он говорил о необходимости перемирия между арабами и евреями и о том, что на специальной сессии Генеральной Ассамблеи следует рассмотреть вопрос об управлении Палестиной в переходный период. 1 апреля Совет Безопасности одобрил это предложение, так как оно никому ничем не угрожало. Через две недели собралась Генеральная Ассамблея. До окончания британского мандата оставалось не больше месяца, так что обсуждение палестинского вопроса в ООН сильно отставало от реального развития событий. “Организация Объединенных Наций, как ни странно, погрузилась в летаргию, — вспоминал об этом представитель Гватемалы в ООН Хорхе Гарсия Гранадос. — В Палестине шла война, но [в ООН] не было ни малейшего движения”. 3 мая общее мнение Генеральной Ассамблеи выразил Крич-Джонс, предложивший полностью отказаться от американского плана и создать “нейтральный” орган власти для того, чтобы по возможности контролировать работу административных и общественных учреждений Палестины. Иными словами, это означало, что раздел уже стал реальностью.

Евреи ускоряют развитие событий

Военное положение *ишува* становилось все хуже. В конце марта 1948 г. была сделана отчаянная попытка оказать помощь евреям Иерусалима и Галилеи, оказавшимся в осаде. Операция закончилась неудачей — арабы уничтожили транспортные колонны. Именно в этот момент и было принято кардинальное решение. 1 апреля начальник оперативного отдела Генерального штаба *Гаганы* Игаэль Ядин⁸ встретился с Бен-Гурионом и его советниками и доложил им, что положение *ишува* является угрожающим и что больше нельзя придерживаться тактики пассивной обороны. С помощью отдельных транспортных колонн невозможно наладить снабжение Иерусалима и еврейских поселений. *Гагане* остается одно: перейти в наступление и овла-

8 Ядин Игаэль (1917–1984) — израильский археолог и историк, военный и политический деятель. С 1933 г. состоял в рядах *Гаганы*. С 1947 г. — начальник оперативного отдела *Гаганы* (со времени образования Государства Израиль — Армии обороны Израиля), сыгравший выдающуюся роль во время Войны за независимость. В 1949–1952 гг. — второй начальник Генерального штаба Армии обороны Израиля. После демобилизации занимался археологическими исследованиями. С 1963 г. — профессор и зав. кафедрой археологии Еврейского университета, с 1969 г. — глава Института археологии при университете. В 1976 г. организовал Демократическое движение, вошедшее в Демократическое движение за перемены (сокр. *Даш*), получившее на выборах в *кнесет* в мае 1977 г. 15 мандатов и вошедшее в правительственную коалицию во главе с М. Бегином. Ядин стал заместителем премьер-министра. В июне 1981 г. подал в отставку.

деть дорогами Палестины и командными высотами. Для успеха операции придется захватить те арабские города, которые расположены на важнейших коммуникационных линиях, — эта мера была новшеством в стратегии *Гаганы*. Предложение было чрезвычайно рискованным: помимо того, что у *Гаганы* не хватало людей и оружия, весьма вероятной становилась эскалация военных действий англичан. Хотя эвакуация английских войск шла согласно графику, невозможно было предсказать, как генерал Макмиллан отреагирует на широкомасштабные действия евреев. Сионистское руководство обсуждало план Ядина в течение трех часов. Окончательное решение принял Бен-Гурион.

Ни один из последующих шагов Бен-Гуриона — будь то провозглашение Государства Израиль или даже вторжение на Синай в 1956 г. — не был чреват более серьезными и опасными последствиями. И то, с какой решимостью он пошел навстречу опасности, доказывает истинную отвагу и твердость этого человека. Лишь в этот период имя председателя Еврейского агентства становится известным в каждой еврейской семье за пределами Палестины. Никакая другая судьба не была связана до такой степени с судьбой *ишува* — с того момента в 1906 г., когда девятнадцатилетний юноша по имени Давид Грин, приехав из Польши, сошел на берег в порту Яфо. С тех пор каждый эпизод его жизни был связан с очередным этапом в истории сионистского возрождения. До Первой мировой войны он работал поденщиком на цитрусовых плантациях. Во время войны служил в Еврейском легионе. Потом стал лидером партии *Ахдут ха-авода* (впоследствии — *Мапай*), затем — генеральным секретарем *Гистадрута*. В 1935 г. Бен-Гурион был избран председателем палестинского исполнительного комитета Еврейского агентства и — желал он того или нет — вошел в мир большой политики.

В отличие от Вейцмана, Бен-Гурион вовсе не был тонким дипломатом. По складу характера он по-прежнему оставался деятельным профсоюзным вожаком, таким же энергичным и прямым, как Бевин, но только еще более упрямым. Сам внешний вид Бен-Гуриона свидетельствовал о его характере: невысокая коренастая фигура, мозолистые ладони, обветренное лицо, упрямый твердый подбородок. По воспоминаниям его соратников, Бен-Гурион был беззаветно, фанатично предан идее еврейского национального очага, не испытывал потребности в роскоши и был начисто лишен тщеславия, хотя при этом отнюдь не равнодушен к власти. Хорошо понимая, какая судьба уготована *ишуву*, Бен-Гурион был полон решимости вопреки всему и несмотря ни на что бороться за сохранение своего народа. Именно поэтому ему и удалось убедить членов еврейского руководства принять план Ядина и начать решительные действия в Палестине.

Главная проблема заключалась в оружии. За несколько дней до этого совещания Бен-Гурион телеграфировал Эбуду Авриэлю, агенту *Гаганы* в Пра-

ге, требуя немедленных поставок оружия — винтовок и пулеметов. Ночью 1 апреля на заброшенном английском аэродроме на юге Палестины приземлился первый транспортный самолет из Чехословакии. Сразу после разгрузки оружие было роздано жителям ближайших сельскохозяйственных поселений. Через два дня к палестинскому берегу тайно пристал пароход с дополнительной партией чехословацкого оружия: на его борту находилось несколько сотен пулеметов и тысяча винтовок. После этого добровольцы выступили против арабов, контролировавших дорогу на Иерусалим.

Еще в начале подготовки к наступлению выяснилось, что положение евреев сильно облегчается отсутствием солидарности в лагере их врагов. Как вспоминал впоследствии аль-Хавари, агенты военного комитета Арабской лиги покупали в Каире оружие со скидкой и, взвинтив цену, перепродавали его палестинцам. Кое-кто из этих агентов сколотил себе состояние на торговле оружием. Нередко оно оказывалось плохого качества (хотя и не хуже того, которым располагали евреи) и устаревшим, еще времен Первой мировой войны. Кроме того, муфтию хотелось, чтобы все арабские силы в Палестине находились под его личным контролем. В связи с этим обострилось соперничество между ним и Фаузи аль-Каукджи, командующим Арабской армией освобождения. “Как рассказал мне Каукджи, — писал аль-Хавари, — муфтий, находясь в Европе, обвинил его в шпионаже в пользу Англии, а также в том, что он, Каукджи, пьет вино и увлекается женщинами, а значит, не заслуживает звания генерала освободительной армии”. Однако большинство арабских лидеров хорошо относились к Каукджи, не жалели для него денег и щедро его одаривали. Взбешенный этим Хадж Амин решил действовать независимо и назначил своих сторонников командирами частей в различных районах Палестины. Из этого ничего хорошего не вышло. Офицеры муфтия не сумели провести всеобщую мобилизацию палестинских арабов. В результате организованные на местах подразделения были сформированы из добровольцев, эти нерегулярные отряды не подчинялись указаниям центра и пренебрегали дисциплиной. Такой подход к делу, не мешавший удачным действиям во время гражданской войны 1936 г., теперь оказался малоэффективным, особенно из-за организованности евреев.

В начале весны 1948 г. конфликт между Каукджи и кланом Хусейни обострился. Каукджи стремился избавиться от палестинских арабов в своей армии. “Они пригодны для того, чтобы взорвать мост, — объяснил один из его офицеров журналистам, — но во время военных операций просто путаются под ногами”. Генерал Сафват-паша, которого Арабская лига назначила командующим арабскими силами в Палестине, жаловался на то, что из-за недисциплинированных банд муфтия срывается военная кампания против евреев. Как и раньше, единого командования у арабов не было. Армия освобождения действовала на севере страны, иногда согласуя свои операции с

сирийским генералом аль-Шишакли, которому был подчинен галилейский фронт. Центральные районы Палестины были под контролем муфтия, племянник которого, Абд аль-Кадр аль-Хусейни, командовал войсками в Иерусалиме и в горах Хеврона. Наконец, Хасан Саламах, также сторонник муфтия, руководил операциями на побережье. Из-за такого распределения сфер влияния действия отдельных групп редко осуществлялись согласованно. Военские соединения муфтия не обращали внимания на директивы Арабской лиги. И среди сторонников Хадж Амина, и в армии Каукджи солдаты то и дело бунтовали; процветало массовое дезертирство. “Противник может захватить город или деревню — соседняя деревня не придет на помощь, — писал один из участников событий. — Каждая группа действует сама по себе, независимо от других”. Сафват предупреждал лигу, что “если положение не изменится, деятельность Генерального штаба превратится в пустой фарс”. Вражда между группировками достигла такого накала, что в конце концов по неофициальному соглашению Каукджи с *Гаганой* Арабская армия освобождения обязалась не оказывать поддержки Абд аль-Кадру аль-Хусейни в том случае, если евреи начнут наступление на иерусалимском фронте. Вскоре это соглашение было реализовано.

В операции по уничтожению арабской блокады на иерусалимском шоссе приняли участие 1500 бойцов *Гаганы* — впервые в боевых действиях участвовало столь крупное еврейское соединение. *Гагане* предстояло опробовать в боевых условиях только что полученные из Чехословакии винтовки. Наступление началось с атаки на горную крепость Кагель в пяти милях к западу от Иерусалима. В самый разгар сражения Абд аль-Кадр аль-Хусейни связался по телефону с Фаузи аль-Каукджи и попросил его помочь оружием. В ответ Каукджи сказал (разговор был подслушан *Гаганой*): “У меня ничего нет!” На самом деле оружие у него было в избытке, но делиться им он не собирался. Вскоре после этого Абд аль-Кадр аль-Хусейни был убит, арабы начали сдаваться в плен, и евреи захватили Кагель. По освобожденной дороге *Гагана* спешно отправила три колонны из 250 грузовиков в Иерусалим. Через несколько дней шоссе снова оказалось под контролем арабов, но продовольствия, доставленного в город, населению хватило на несколько недель.

К концу апреля англичане заметно ускорили темпы эвакуации. Хотя они продолжали заблаговременно снабжать арабов информацией о том, когда и какие районы они покидают, *Гагане* удалось захватить некоторые полицейские участки и оставленные британской армией лагеря. В этот период самая важная операция была проведена в Хайфе, городе со смешанным населением. После того как стало известно, что англичане собираются уйти из Хайфы 18 апреля, противники начали подготовку к сражению. В Хайфе было около 150 тыс. жителей, и арабы имели там некоторый перевес,

но им не хватало опытных руководителей. С другой стороны, стратегические преимущества впервые были на стороне евреев. Их кварталы находились на склонах горы, а арабские в основном в низине, около порта. Кроме того, *Гагана* были заранее известны маршруты, по которым к городу должны были подойти арабские транспортные колонны с оружием, — и девять из них попали в засаду. Утром 21 апреля, после полуторадневной перестрелки, несколько сотен евреев бросились в атаку со склонов горы Кармель и захватили основные учреждения и центральные улицы Хайфы. Вскоре после этого арабское население бежало из города.

Наступательная тактика, несомненно, начала приносить евреям успех. Однако в Верхней Галилее преимущество оставалось за арабами. После того как оттуда в конце апреля ушли англичане, арабские силы, дислоцированные в горных районах, ужесточили нападение на двадцать еврейских сельскохозяйственных колоний, располагавшихся в долине. Операцией *Гаганы*, направленной на снятие осады с этих поселений, командовал Игаль Алон, двадцатидевятилетний уроженец Палестины, один из самых талантливых командиров еврейских вооруженных сил. Сознательно пойдя на риск, Алон собрал все оружие, которым располагали галилейские *кибуцы*, и раздал его своим солдатам. После этого его соединение, состоявшее из тысячи молодых палмаховцев, захватило ключевой полицейский форт и военный лагерь неподалеку от Рош-Пины и укрепились там, опередив арабов. Следующей целью был Цфат. Положение 1400 евреев, которые жили в городе, осажденном 10 тыс. арабов, было совершенно отчаянным. Сирийские наемники под командованием Адиба аль-Шишакли постепенно смыкали кольцо вокруг еврейского квартала. Арабы и евреи, десятилетиями мирно жившие по соседству в Цфате, теперь стали смертельными врагами. В ночь с 9 на 10 мая войска Алона перешли в атаку. Бой шел за каждый дом, за каждый метр. Положение арабов было вовсе не безнадежным, численно они даже превосходили евреев. Но напряжения рукопашной схватки сирийцы не выдержали и бежали вместе с арабскими жителями Цфата.

Это поражение имело большое символическое значение в глазах арабов. Цфат на протяжении многих поколений был административным центром Северо-Восточной Палестины. Более того, муфтий, находившийся в своей ливанской штаб-квартире неподалеку от Тира, успел уже объявить Цфат столицей Галилеи в будущем арабском государстве. После того как туда вошли евреи, многие арабы из соседних деревень, как по сигналу, бежали в Сирию и в Ливан. Впервые за многие месяцы восстановилось сообщение между поселениями Восточной Галилеи; была освобождена вся Северная Палестина и побережье. Последний арабский город — Яфо — был захвачен евреями 14 мая. Местное арабское население, насчитывавшее 70 тыс. человек, в страхе бежало. Таким образом, *Гагана* больше не должна была обо-

ронять изолированные друг от друга анклавов и могла начать подготовку к предстоящему вторжению арабских армий, которое ожидалось 15 мая.

Вечером 22 апреля 1948 г., когда евреи окончательно укрепились в Хайфе, Бевин позвонил Эттли. Министр иностранных дел пребывал в состоянии паники. По сообщениям из арабских столиц, сказал он, евреи перерезали в Хайфе 23 тыс. арабов, а англичане даже пальцем не пошевелили. Бевин жаловался на то, что армия его “предала” и поставила в ужасное положение перед арабами. Эттли немедленно вызвал фельдмаршала Монтгомери, бывшего в то время начальником Генерального штаба. Одновременно к премьер-министру явился Бевин, а с ним и фельдмаршал Александер⁹. Как впоследствии писал Монтгомери, “Бевин был очень взвинчен”, и Эттли готов был принять его предложения. На следующий день все они встретились снова, и министр иностранных дел, по свидетельству Монтгомери, “волновался еще сильнее”. События приняли не предусмотренный Бевинем оборот. Чтобы не лишиться доброжелательного отношения арабов, правительство принялось поспешно вносить изменения в свой политический курс. 23 апреля Крич-Джонс, выступая на Генеральной Ассамблее, предложил, чтобы ООН отказалась от попыток найти окончательное решение арабо-еврейского конфликта и поставила перед собой “более скромные цели”, чем раздел. Великобритания будет способствовать этим усилиям. Но было уже поздно — сам Крич-Джонс признал это десять дней спустя. Евреи полностью переломили военную ситуацию в Палестине.

Существенно изменилась и политическая ситуация. Никто уже не принимал всерьез заявления, сделанного в конце марта Бевинем, который утверждал тогда, что англичане несут ответственность за законность и порядок в Палестине до окончания мандата. “Законность и порядок” явно не входили в намерения государства-мандатория. Хаос, воцарившийся в Палестине, парализовал все государственные учреждения: перестали работать суды, почта, телефон, железные дороги. Для того чтобы заполнить административный вакуум и заложить основы будущего государственного аппарата, еврейский межпартийный комитет ранней весной образовал вре-

- 9 Александр Тунисский Харольд Руперт (1891–1969) — британский военный деятель. Участник Первой мировой войны, был дважды ранен. В 1937 г. получил звание генерал-майора, в 1939 г. командовал Первой английской пехотной дивизией во Франции. В мае 1940 г. назначен командующим Первым армейским корпусом. Руководил эвакуацией союзных войск из Дюнкерка. В феврале 1942 г. назначен командующим британскими войсками в Бирме, в августе 1942 г. — главнокомандующим войсками Великобритании на Ближнем Востоке. С мая 1943 — командующий 15-й группой союзных армий, захвативших в июле 1943 г. Сицилию. С декабря 1943 г. командовал всеми союзными силами в Италии. В сентябре 1944 г. произведен в фельдмаршалы. В 1945–1952 гг. — генерал-губернатор Канады. В 1952–1953 гг. — военный министр Великобритании.

менный народный совет еврейского населения Эрец-Исраэль под председательством Бен-Гуриона. Избранное этим органом народное правление, состоящее из тринадцати человек и бывшее прообразом кабинета министров, на нескольких чрезвычайных заседаниях приняло следующие решения: налогообложение в еврейском секторе должно основываться на тех же принципах, что и раньше; сотрудники Еврейского агентства и *Ваад Леуми* останутся на своих постах; отделы этих организаций преобразуются в ведомства с полномочиями министерств. Северный Тель-Авив стал временной столицей, где должны были располагаться эти ведомства. Они получили все необходимое и начали набирать служащих из жителей различных районов Палестины. Было принято решение о проведении национального займа, организованы управления по вопросам трудоустройства и снабжения. 27 апреля *Гагана* и *Эцель* подписали соглашение о сотрудничестве во всех областях. В тель-авивской типографии были срочно подготовлены образцы почтовых марок и напечатаны денежные купюры. Вообще говоря, палестинские евреи не требовали от новой национальной администрации такого рода символических атрибутов, да и не нуждались в них. Общинное чувство дисциплины, воспитанное в *ишув*е за годы сионистской деятельности, и без того оставалось неизменным.

С успешным строительством еврейского государства разительно контрастировал почти полный распад палестинской арабской общины. Возможно, англичане надеялись, что хаос в Палестине повредит только евреям и обойдет стороной арабов или что арабское население сплотится вокруг трансйорданского короля Абдаллаха. Однако в последние недели мандата события развивались вопреки этим ожиданиям. От административной неразберихи явно выигрывали евреи. Поэтому Верховный арабский комитет, хотя и с опозданием, но обратился ко всем арабским служащим, работавшим в британских учреждениях, с призывом оставаться на своих местах. Координацию действий в различных районах Палестины должны были осуществлять местные агенты муфтия. Однако время для этих мер было безвозвратно упущено. Провал плана объясняется не только массовым бегством арабов. На протяжении всего мандатного периода арабские лидеры категорически не соглашались сотрудничать с англичанами и отказывались от какой бы то ни было национальной автономии, если таковая распространялась и на евреев. Теперь им пришлось расплачиваться за свое упрямство. У арабов не было ничего похожего на самостоятельные еврейские органы власти. Верховный мусульманский совет и Верховный арабский комитет являлись только органами пропаганды и насилия, они не подготовили служащих, пригодных для работы в государственном аппарате. В результате для арабского населения, отягощенного старыми традициями, настал час расплаты. Бегство из Палестины приняло такие небывалые масштабы, что

арабское руководство не могло ни сдержать его, ни направить в организованное русло. Да, собственно говоря, само это руководство первым бежало в соседние страны. Именно тогда, когда палестинцы особенно нуждались в интеллектуально-политической элите, элиты этой — кланов Хусейни и На-шашиби — с ними не оказалось.

Рождение Израиля

В Вашингтоне внимательно следили за развитием событий. Отказавшись от неудачного плана, предусматривавшего опеку над Палестиной, Государственный департамент сосредоточил свои усилия на том, чтобы избежать эскалации войны на Ближнем Востоке. В начале мая 1948 г. помощник Государственного секретаря Дин Раск обратился к сионистам с просьбой хотя бы на время отложить провозглашение независимости. В противном случае, заметил Раск, Вашингтон блокирует поступление денег от американских благотворительных организаций. Эта скрытая угроза произвела сильное впечатление на д-ра Нахума Гольдмана¹⁰, председателя американского отделения Еврейского агентства, который начал всячески помогать чиновникам Государственного департамента, пытавшимся приостановить провозглашение суверенитета. Однако Бен-Гурион и его сотрудники в Иерусалиме не отступили ни на шаг; в частности, они учитывали предстоящие президентские выборы в США. 4 мая они направили в Вашингтон телеграмму с отказом от предложения Раска. Через четыре дня Моше Шарет (Черток), министр иностранных дел во временном правительстве, вылетел в Вашингтон, чтобы встретиться с Маршаллом и заместителем Государственного секретаря Ловеттом. Американцы больше не прибегали к угрозам, однако выразили уверенность в том, что вторжение арабских армий неминуемо. При этом, “если евреи собираются придерживаться прежнего курса, пусть не просят помощи у Соединенных Штатов”. Шарет, в свою очередь, упрекнул американцев в том, что они изменили свою позицию по

¹⁰ Гольдман Нахум (1895–1982) — общественный деятель, один из лидеров сионистского движения. Во время Первой мировой войны возглавлял Еврейский отдел германского МИДа. В 1925–1933 гг. руководил изданием в Германии Еврейской энциклопедии. После прихода Гитлера к власти эмигрировал. В 1934 г. был председателем Комитета еврейских делегаций, с 1935 г. — представителем Еврейского агентства при Лиге Наций. С 1948 г. возглавлял американское отделение Еврейского агентства. В 1948–1956 гг. являлся председателем исполкома Сионистской организации, в 1956–1968 гг. — президентом Всемирной сионистской организации. Гольдман был одним из основателей Всемирного еврейского конгресса в 1963 г. и его председателем в 1963–1978 гг.

вопросу о разделе. Кровопролитие в Палестине, заявил он, в значительной мере объясняется маневрами правительства Соединенных Штатов, ибо эта политика подтолкнула арабов к вооруженным выступлениям. После этого Маршалл прекратил совещание, заявив напоследок:

“Я не забуду ничего из сказанного вами. Я вполне понимаю всю весомость этих соображений. В мои обязанности не входит давать вам советы. Но хочу, как военный, сказать вам: не полагайтесь на своих военных советников. Они добились кое-каких успехов. Но что произойдет в случае продолжительного вторжения? Вы будете обессилены. У меня был опыт в Китае. Все началось с легкой победы. И вот они воюют уже два года и потеряли Манчжурию¹¹. И все же, если окажется, что вы правы, и если еврейское государство будет создано, я буду счастлив. Но вы берете на себя серьезную ответственность”.

Шарет, надо сказать, серьезно отнесся к этому предостережению. При поддержке Гольдмана он обратил внимание своих коллег в Нью-Йорке на то, что над словами Маршалла следует поразмыслить.

Серьезность принятого решения была понятна и находившемуся в Тель-Авиве Игаэлю Ядину. 12 мая молодой командир сделал обстоятельный доклад во время встречи с Бен-Гурионом и другими руководителями.

Как сообщил Ядин, *Гагане* удалось взять под контроль внутренние коммуникации в Палестине. Однако положение в Иерусалиме оставалось критическим — арабы по-прежнему владели половиной города, командными высотами и дорогами, в том числе ключевыми участками шоссе, идущего от побережья. Как раз в этот момент части трансйорданского Арабского легиона, подготовку которого осуществляли англичане, стягивались к Иерусалиму. Перед этим легион захватил несколько *кибуцев*, расположенных между Иерусалимом и Хевроном. Ядин подчеркнул, что не лучше обстоит дело и с вооружением. Хотя из Чехословакии начало поступать оружие, артиллерийские орудия еще не были получены. Известно, что у арабов имеется большое количество английских орудий; некоторые из них уже обстреливали Иерусалим — и весьма эффективно. Когда начнется вторжение, на стороне арабских армий будет бесспорное преимущество в численности, а также

¹¹ Речь идет о гражданской войне в Китае между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая. Война началась в ноябре 1945 г., когда вооруженные силы Гоминьдана при поддержке американской авиации и флота заняли ряд районов страны. Война закончилась 1 октября 1949 г., когда была образована Китайская Народная Республика, а гоминьдановцы бежали на остров Тайвань и провозгласили там создание Китайской республики. Во время войны Советский Союз оказал коммунистам массированную помощь как вооружением, так и большим числом военных советников; 476 советских военных советников погибли в боях.

в количестве и качестве вооружения. С другой стороны, отметил Ядин, англичане приступили к эвакуации, а значит, можно начать широкомасштабную мобилизацию *ишува*. Боевой дух евреев высок, у них есть тактические навыки и опыт планирования военных операций, которых нет у арабов. Можно рассчитывать на то, что после 15 мая появится оружие и увеличится численность еврейских войск. Если удастся быстро вооружить и обучить дополнительные подразделения, шансы у арабов и евреев станут равными. Однако Ядин был далек от оптимизма и подчеркивал, что следует искать путей к перемирию, не принося в жертву политических целей *ишува*.

Обсудив в течение ночи все “за” и “против”, еврейское руководство шестью голосами против четырех постановило отклонить американское предложение о перемирии и высказалось за провозглашение государства. С Вейцманом, который находился в Нью-Йорке, связались по телефону. Он поддержал это решение, сказав: “Надо провозгласить государство во что бы то ни стало”. Два дня спустя жребий был брошен. В восемь часов утра 14 мая англичане спустили свой флаг в Иерусалиме. В середине дня по всей стране уже шли бои. Евреи начали новое наступление с целью освободить Иерусалим, в других районах Палестины завязались ожесточенные сражения за только что оставленные англичанами форты. В четыре часа дня все еврейское население (за исключением Иерусалима, где не было электричества) услышало по радио трансляцию из Музея искусства в Тель-Авиве, где проходила церемония провозглашения государства. Бен-Гурион огласил Декларацию независимости Государства Израиль. В этом документе, обращенном ко всему миру, говорилось, что Эрец-Исраэль — историческая родина еврейства, что сионистское движение — свидетельство того, какую роль играет Палестина в еврейской истории и религии, что Декларация Бальфура, резолюция ООН о разделе Палестины, подвиг сионистских пионеров и муки, выпавшие на долю еврейского народа в последние годы, — все это является нравственным и юридическим основанием для создания нового государства. Израиль, провозглашала Декларация, открыт для всех евреев, которые пожелают в нем поселиться. Он предоставляет социально-политическое равенство всем своим гражданам без различия религии, расы и пола и всем гарантирует свободу религии, совести, образования и культуры. В преддверии арабского вторжения авторы Декларации обратились к другим странам со следующими словами: “Мы протягиваем руку в знак мира и доброй воли всем соседним государствам и их народам и призываем их к сотрудничеству с независимым еврейским государством во имя всеобщего блага. Государство Израиль готово внести свой вклад в развитие прогресса на Ближнем Востоке в целом”. Приняв Декларацию независимости, народное правление немедленно издало указ, отменяющий действие Белой книги 1939 г.

За два дня до этого, 12 мая, Вейцман направил в Белый дом письмо, в котором просил правительство Соединенных Штатов признать Израиль после того, как будет провозглашена его независимость. Эта просьба не осталась без ответа. Из-за двусмысленной политики Государственного департамента по вопросу о разделе Трумэн в последние недели чувствовал себя неловко. 23 апреля он сказал судье Сэмюэлу Розенману: “Из-за доктора Вейцмана мне не дает покоя совесть”. Президент искренне стремился вернуть себе уважение Вейцмана. 12 мая Трумэн обсудил проблему признания нового государства со своими советниками. Сам он высказался за признание Израйля, Маршалл и Ловетт были против. Все тщательно взвесив и обдумав, Трумэн в конце концов решил 14 мая признать Государство Израиль *de facto*. Об этом было сообщено в тот же день, в 18 часов 10 минут. “Теперь старый доктор снова мне поверит”, — сказал президент.

Несомненно, на решение Трумэна повлияли политические соображения. Приближались выборы, и решающую роль при этом могло сыграть голосование в крупных городах. Президент, вероятно, учитывал и то, что должен опередить действия Москвы. Ведь Советскому Союзу, который, как предполагалось, должен был немедленно признать Израиль (это случилось через два дня), нельзя было предоставлять монопольное право на благодарность еврейского народа. Однако нельзя недооценивать и личного упорства и настойчивости Трумэна. Позже он писал: “Мне сказали, что для некоторых руководителей Государственного департамента [мое] решение было сюрпризом. Этого не произошло бы, если бы они последовательно поддерживали мою политику... Я хотел продемонстрировать, что за внешнеполитический курс отвечает президент Соединенных Штатов, а не второй и третий эшелоны Государственного департамента”. Наконец, на решение о признании еврейского государства повлияло сочувствие президента к лишенному поддержки маленькому народу — это сочувствие проявилось и раньше, когда решалась проблема беженцев. Бен-Гурион, встретившийся с Трумэном через несколько лет, когда оба государственных деятеля еще занимали свои посты, рассказал следующее:

“Во время нашей последней встречи после очень интересной беседы, когда он уже собирался уходить, — это было в номере нью-йоркской гостиницы, — я сказал ему, что как иностранец не могу судить о том, какое место он займет в истории Америки, но что благодаря его помощи нам, благодаря его постоянному сочувствию нашим задачам в Израиле, его отважному решению незамедлительно признать наше новое государство и неуклонной поддержке в еврейской истории имя [Трумэна] сохранится навеки. Когда я сказал это, на глазах у него выступили слезы. Он попрощался со мной, но слезы эти еще не просохли. Мне редко приходилось видеть, чтобы человек был так растроган. Я попытался

задержать его на несколько минут, чтобы он справился со своим волнением, — ведь я знал, что в коридоре гостиницы его ждут фотографы и журналисты. Он ушел. Чуть позже я тоже вышел. Ко мне подошел корреспондент и спросил: “Почему президент Трумэн плакал, когда уходил от вас?””

Если евреи были благодарны США за признание Израиля, то реакция арабского мира была, как легко догадаться, прямо противоположной. Арабские государства не скупались на угрозы и заявляли, что перекроют американцам доступ к нефти. Однако вскоре после провозглашения независимости Израиля, когда правление “Арамко” сообщило о том, что намерено проложить нефтепровод через Палестину к Средиземному морю, Египет поспешно предоставил компании юридические привилегии, а сирийское правительство поторопилось выдать лицензию на этот проект. Отношения “Арамко” с Саудовской Аравией также ничем не были омрачены. Летом 1948 г. длительные переговоры компании с Эр-Риядом о распределении доходов от продажи нефти наконец закончились к обоюдному удовольствию. Тогда же, в июле 1948 г., шейх Кувейта заявил, что передал “Америкэн Индепендент Ойл Компани” концессию на разведку и разработку в районах, принадлежащих этому государству в нейтральной зоне между Кувейтом и Саудовской Аравией. И тогда, и впоследствии на протяжении двадцати пяти лет, до октября 1973 г., нефть на Ближнем Востоке без каких-либо особых осложнений перекачивалась из принадлежавших американцам скважин к побережью Средиземного моря.

14 мая, в то время как Бен-Гурион оглашал Декларацию независимости, сэр Элан Кеннингем выехал из своей резиденции на одном из Иерусалимских холмов и не спеша направился в Хайфу. В порту он взшел на борт ожидавшего его крейсера “Эвриал” и отплыл на Кипр. Несколькими часами раньше в Лондоне военный министр Александер в коротком выступлении в палате общин сообщил о том, что Палестина больше не входит в Британское Содружество. За этим последовали дебаты, растянувшиеся на целый час. Вскоре после этого Министерство иностранных дел опубликовало официальное заявление о политике в Палестине, которое завершилось такими словами:

“Хотя Великобритания больше не несет ответственности за Палестину, правительство Его Величества искренне надеется, что обе стороны осознают те трагические последствия, к которым могут привести попытки силой захватить Палестину; что будет достигнут какой-то компромисс, удастся сохранить от уничтожения все то, что было сделано за последние тридцать лет, и народ Палестины, самостоятельно управляя своей страной, сможет жить в мире. Для этой цели правительство Его Величества по-прежнему готово оказать всевозможное содействие, однако не станет навязывать обоим народам неприемлемое для них решение”.

Это заявление было вызвано не столько стремлением оправдать ту роль, которую Великобритания сыграла в палестинской трагедии, сколько желанием сделать дружественный жест по отношению к арабскому миру. В это время уже стало очевидно, что при официальном нейтралитете Лондон, безусловно, склоняется на сторону палестинских арабов.

Несмотря на официальный стиль документа, слова о том, “что было сделано за последние тридцать лет”, имели под собой реальный смысл. Позже, когда страсти поостыли и раны затянулись, евреи не раз имели случай вспомнить, чем они обязаны Великобритании. Что ни говори, а возможность укрепиться в Палестине им дала Декларация Бальфура. На протяжении тридцати лет, за исключением последнего полугодия мандата, Палестина являлась членом Британского Содружества и в этом качестве могла рассчитывать на помощь английских армии и флота, которые защищали евреев не только от Роммеля, но и от муфтия. Кроме того, членство в Британском Содружестве давало колоссальное преимущество — возможность участия в торгово-финансовом стерлинговом блоке. *Ишув* имел в Англии практически неограниченный рынок сбыта цитрусовых, а в самой Палестине торговлю оживляло присутствие английского военного и гражданского персонала. Административная деятельность англичан в Палестине была на таком же высоком уровне, как и в Египте и Ираке, а юридическая система не уступала законодательству всех остальных государств Содружества. Столь значительные достижения заслуживали более достойного финала, чем тот, к которому привел страну Бевин.

За немногими исключениями, арабы рассчитывали на восстановление контроля в своей части Палестины, а возможно, и на большее — в том случае, если правительства соседних государств выполнят свое обещание и захватят всю страну. С другой стороны, судьба, ожидавшая евреев в случае вторжения пяти арабских армий в их только что созданную республику, стала бы тем последним ударом, которого сионисты ожидали на протяжении последних пяти-десяти лет. После Катастрофы европейского еврейства и трагедии перемещенных лиц ни один из руководителей Еврейского агентства — ни Вейцман, ни Бен-Гурион — не рассматривал самостоятельную государственность как категорически необходимую цель сионистов. Если они и думали о суверенитете, то в рамках Британского Содружества или под опекой ООН. Но судьба повернулась так, как нередко случалось в еврейской истории. Путь к цели всегда лежал через небывалую трагедию. Еврейский национализм возродился во второй половине XIX в., в тот момент, когда европейский антисемитизм принял новые и особенно опасные формы. Еврейский национальный очаг был создан в период, когда с большим запозданием начал набирать силы арабский национализм, до этого бывший самым слабым движением среди аналогичных в Оттоманской им-

перии. После этого началась иммиграция — волна за волной, и благодаря сионистскому эксперименту возникла жизнеспособная община, которая состояла большей частью из отверженных, нищих изгнанников, бежавших в период между двумя войнами из Европы, отравленной ядом юдофобии. Когда же европейские евреи наконец осознали, что Палестина — последнее их убежище, двери в нее закрылись, и над еврейством нависла смертельная угроза. Даже резолюция ООН о разделе Палестины в лучшем случае казалась результатом не характерных для западного мира угрызений совести — ведь ее гуманизм не заходил настолько далеко, чтобы обеспечить безопасность обоим народам Палестины. И если арабские государства еще могли позаботиться об арабах Святой земли, то евреям угрожала вполне реальная опасность нового геноцида. Казалось бы, зная свою историю, евреи и не могли ожидать ничего лучшего. Но, как выяснилось, *ишув* не собирался мириться с таким развитием событий.

Глава XIII.

Война за независимость

Арабские государства готовятся к вторжению

“Как прекрасен был тот день, 14 мая, — рассказывал офицер Арабского легиона. — Весь мир, затаив дыхание, ожидал того момента, когда пять арабских армий вступят в Палестину и освободят ее от сионистов и от Запада. В тот день арабские войска ворвались [в Палестину] отовсюду и совместно потребовали справедливости во имя Бога, во имя совести и долга”. Генерал-лейтенант сэр Джон Бегот Глабб¹, английский командир трансйорданского Арабского легиона, так вспоминал о вторжении:

“Это был жаркий майский день, пыль столбом стояла на дорогах. И в городе Аммане, и в деревнях люди вышли на улицы, они кричали и аплодировали, когда мимо одно за другим проходили подразделения. Женщины и дети выбегали на плоские крыши, высовывались из окон, и их пронзительные вопли и громкие восклицания заглушали рев и грохот машин и приветственные крики мужчин, толпившихся у дороги. Войска тоже были в приподнятом настроении. Сидя в грузовиках, одни солдаты кричали и хлопали в ладоши, другие смеялись

1 Глабб Джон Бегот (Глабб-паша; 1897–1986) — английский и иорданский военный деятель. После окончания военной школы с 1915 г. участвовал в Первой мировой войне. Воевал в Бельгии и во Франции, несколько раз был ранен. В 1926 г. демобилизовался из английской армии и поступил на иорданскую правительственную службу. В 1930 г. перешел на военную службу в Иорданский легион, принял ислам. В 1939–1956 гг. командовал Иорданским легионом. Во Второй мировой войне легион под его командованием принял участие в освобождении Сирии от вишистского режима в июне 1941 г. В чине генерал-лейтенанта во время Войны за независимость командовал Иорданским легионом. В 1956 г. Глабб, как и другие английские офицеры, был уволен со службы и вернулся в Великобританию.

и махали толпе руками. Многие машины были украшены зелеными ветками и розовыми цветами олеандра, сорванными на обочине. Это больше походило на карнавальное шествие, чем на армию, направляющуюся на войну”.

Однако этим волнующим минутам предшествовали месяцы колебаний и споров. Чуть ли не до последней недели существования мандата оставалось неясным, состоится ли вторжение в Палестину. Вопрос о вооруженном вмешательстве был впервые поднят еще 9 июня 1946 г., во время совещания арабских лидеров в сирийском городе Блудане. Трансиорданский король Абдаллах поддержал эту идею. С ним согласились премьер-министр Ирака Салих Джабр и муфтий. Но цели их были различны.

Незадолго до этого, подписав договор с англичанами, Абдаллах стал королем и теперь стремился распространить власть своей династии на арабские районы Святой земли. Что касается остальной Палестины, он хотел достичь договоренности с евреями. Сирийцы же стремились захватить возможно большую часть Северной Палестины, вырвав ее из-под контроля Арабского легиона. Проще всего были намерения муфтия. Он хотел изгнать евреев из страны и взять бразды правления в свои руки. Остальные арабские страны — Ливан, Ирак, Египет и Саудовская Аравия — в целом были против интервенции. Поскольку единства мнений достичь не удалось, решение о вторжении было отложено.

На последующих встречах стороны также не достигли взаимопонимания, хотя и был организован военный комитет. Как уже говорилось, в начале 1948 г., когда в Палестине начались вооруженные столкновения, Арабская лига поручила иракскому генералу Исмаилу Сафват-паше командование и подготовку “добровольцев”. Однако лишь после того, как евреи захватили Хайфу и Тверию, Арабская лига потребовала от своих военачальников составить план интервенции регулярных армий арабских стран в Палестину. Но и тогда, как писал впоследствии иракский министр обороны, “члены Политического комитета были убеждены, что достаточно продемонстрировать [нашу] готовность сражаться, чтобы Великие державы приняли сторону арабов, а евреи тем самым вынуждены были принять арабские требования”.

К концу апреля стало ясно, что одной “готовности сражаться” недостаточно, чтобы заблокировать решение о разделе. Евреи усилили военное давление на Яфо, самый крупный арабский город в Палестине. Если не считать района Иерусалима, военное преимущество было на стороне сионистов. Поэтому арабские начальники штабов провели экстренную встречу в Дамаске, чтобы выработать совместные меры. Согласно их стратегии, сирийская и ливанская армии должны были вторгнуться в Северную Палестину и занять Тверию, Цфат и Назарет. После того как эти части на севере

вступят в бой с еврейскими войсками, иракская армия и Арабский легион нанесут основной удар южнее озера Кинерет в направлении Хайфы. В соответствии с планом, четыре армии должны были взять этот город в ходе совместной операции 21 мая. Что касается египтян, то в этот период войны они должны были главным образом отвлекать противника и удерживать еврейские силы южнее Тель-Авива.

Эта программа не была реализована. Абдаллах, у которого были свои планы относительно Восточной Палестины, был совершенно не заинтересован в совместных действиях и в последующем расчленении страны. Так или иначе, эти расчеты потеряли всякий смысл после того, как *Гагана* нанесла поражение Арабской армии освобождения Каукджи на севере. В первую неделю мая евреи закрепились в Верхней Галилее; коммуникационные линии, связывавшие Галилею с Хайфой, были надежно защищены. Цфат, который должен был стать базой сирийской армии, оказался в руках палмовцев Алона. В итоге тщательно разработанный арабами план пришлось заменить договоренностью общего характера, согласно которой иракцы, находясь на фланге Арабского легиона, должны были вторгнуться в северные районы Центральной Палестины, а сирийской бригаде следовало двинуться на юго-восток от Тверии, в то время как северные районы отводились для действий не полностью укомплектованной ливанской дивизии. Наконец, египтяне должны были выступить на юге Палестины.

Арабы столкнулись с трудностями тылового обеспечения. Расстояние от Багдада до Хайфы составляет 700 миль. Маршруты снабжения египетской армии растянулись на 250 миль и проходили через пустыню. Даже Арабскому легиону пришлось преодолеть 80–90 миль, чтобы добраться до палестинского фронта. По пути через Иорданскую долину легиону пришлось сначала спуститься, а потом подняться на высоту в четыре тысячи футов. Перед началом наступления арабы очень плохо представляли себе условия местности — настолько плохо, что в генеральных штабах у сирийцев и египтян не было ни одной военной карты Палестины, и приходилось пользоваться школьными географическими картами и советами проводников. Не было у арабов и сколько-нибудь серьезного объединенного командования. 14 мая, исходя из признанного в арабском мире военного превосходства Арабского легиона, Абдаллах объявил себя главнокомандующим. Однако это был всего лишь почетный титул. Никакого взаимодействия между арабскими армиями не было. Собственно говоря, и сам хашимитский монарх признал это в беседе с иракским министром внутренних дел Мухаммедом Фадилом аль-Джамили, который в день, когда началась война, находился в Аммане. “За обедом король сказал мне, что избран главнокомандующим арабских армий, — вспоминал Джамили, — но об арабских армиях он ничего не знает и затребованной им информации не получил”.

Евреи противостоят вторжению

Если бы арабы знали о том, в каком состоянии находится оборона у евреев, у них не было бы таких колебаний. К 12 мая *Гагана* мобилизовала всего 30 тыс. человек. Количественно эти силы не намного уступали арабским войскам, брошенным на палестинский фронт: египтяне выставили 10 тыс. человек, Арабский легион — 4,5 тыс., сирийцы — 7 тыс., иракцы — 8 тыс. и ливанцы — 3 тыс. Однако сила арабов, какой бы ограниченной она ни была, заключалась, прежде всего, в их огневой мощи и самолетах. В начале кампании у евреев не было ничего подобного. Недостаточная глубина обороны на всех четырех фронтах не позволяла им отступать. Структура еврейского Генерального штаба оставалась несовершенной. Бен-Гуриону приходилось передавать приказы старшим командирам через гражданского посредника — Исраэля Галили². Вся эта система оставалась еще с тех времен, когда *Гагана* выполняла идеологические функции и была организацией самозащиты поселенцев.

Евреи могли возлагать надежды главным образом на преданность и боевой опыт своих солдат. Важную роль в этот период сыграл Игаэль Ядин. Археолог по образованию, Ядин с юности участвовал в секретных акциях *Гаганы*, в операциях против арабских партизан и нападениях на английские военные объекты в Палестине. На подпольных командирских курсах он продемонстрировал блестящие способности и инициативу, быстро продвинулся в военной иерархии и в последние годы мандата стал начальником оперативного отдела *Гаганы*. В 1948 г. ему было поручено взять на себя командование еврейскими силами обороны. Высокий тридцатилетний человек, археолог, обладавший фотографической памятью и в мельчайших подробностях знавший рельеф Палестины, Ядин принял это назначение. Подчиненные ему командиры бригад были его ровесниками и обладали не меньшим боевым опытом. На этот раз, правда, перед ними стояла задача небывалой трудности. И еврейские агенты, и платные информаторы в соседних арабских странах — все подтверждали, что вторжение неминуемо. Необходимо было как можно скорее выработать и реализовать общий план кампании.

Ядин тщательно распределил имевшиеся в его распоряжении силы. Три бригады из девяти были дислоцированы на севере. Две — оставлены на побережье для обороны Тель-Авива. На юге для обороны против египтян

2 Галили Исраэль (1911–1986) — израильский государственный и военный деятель, активный участник первых рабочих молодежных организаций в Эрец-Исраэль. В 1941 г. в числе трех представителей *Гистадрута* вошел в состав командования *Гаганы*. В 1945–1947 гг. был одним из организаторов вооруженной борьбы против англичан. Первый министр обороны Израиля — в мае 1948 — феврале 1949 г. Депутат *кнесета* первого восьмого созывов. В 1966–1977 гг. — министр без портфеля.

одна бригада была размещена в районе Реховота—Ашдода, другая — в северном Негеве. Наконец, две бригады должны были действовать в Иудейских горах — оборонять Иерусалим и вести бои за шоссе в “иерусалимском коридоре”. В эти бригады были включены все 30 тыс. имевшихся в распоряжении бойцов. Хотя в последующие недели на службу было призвано еще несколько тысяч человек, к 14 мая численность еврейских войск была невелика. Не хватало и оружия. В предшествующие месяцы его лихорадочно накапливали в европейских странах и за пределами Европы и даже доставили в Палестину, но выгрузка была запрещена англичанами до окончания мандата. Только после эвакуации британских войск удалось собрать станки, ввезенные в свое время как “текстильное оборудование”, и наладить выпуск винтовок и гранат. К вечеру 14 мая разведка *Гаганы* приступила к обобщению данных. Трансиорданский Арабский легион был сконцентрирован в Иерусалиме и прилегающих деревнях. Части иракской армии расположились в Центральной Палестине. На севере сирийцы и ливанцы продвигались к Галилее, в то время как другие сирийские части и иракцы наступали на еврейские поселения в Иорданской долине. На юго-западе две египетские бригады пересекли Синай.

Наименьшую угрозу для молодого еврейского государства представляла ливанская армия численностью от 3 до 3,5 тыс. человек. Ее офицерский корпус был укомплектован главным образом молодыми людьми из аристократических семей. Они, как и их правительство, больше заботились не о том, чтобы действительно воевать, а о том, чтобы выглядеть как можно воинственнее. Самому ливанскому правительству приходилось трудно из-за конфронтации двух противоборствующих общин в стране — мусульманской и христианской, поскольку их отношение к только что возникшему еврейскому государству было различным. Через два дня после окончания мандата тысяча ливанских солдат захватила палестинский пограничный пост Малкия. Они были выбиты оттуда палмаховцами, затем 5 июня заняли Малкию снова; но дальше ливанские войска не двинулись до самого конца войны. Пожалуй, более значительную угрозу представляла сирийская армия. До Второй мировой войны ее подготовкой занимался генерал Максим Вейган, с 1945 г. в Сирии действовала британская военная миссия. К маю 1948 г. сирийская армия составляла 7 тыс. человек, однако солдаты ее не отличались храбростью. В армии не было Генерального штаба; единственной боеспособной ее частью оказалась моторизованная бригада, которая и сыграла ведущую роль во вторжении. Главное преимущество сирийцев заключалось в технике. По сравнению с евреями, в начале войны они имели подавляющее превосходство в танках и артиллерии.

После 16 мая сирийская колонна, в которой было 200 боевых машин, включая 45 танков, начала движение к южной оконечности озера Кинерет.

Наступление было направлено на большие и богатые еврейские поселения по обе стороны реки Иордан. Колонна начала атаку на Дганью, самый старый *кибуц* Палестины. У евреев не было артиллерии, и они были не в состоянии остановить сирийцев. Из тяжелого вооружения к этому времени в хайфский порт были доставлены только четыре гаубицы того образца, который был на вооружении французской армии во время Франко-прусской войны 1870 г. Две такие гаубицы были разобраны и экстренно доставлены в Дганью. Командир местной обороны подполковник Моше Даян едва успел организовать их сборку, когда в *кибуц* ворвались первые сирийские танки. Головной танк удалось подбить. Если бы сирийцы знали, что эти устаревшие орудия составляют половину еврейской артиллерии, они, может быть, и продолжили бы атаку. Но вместо этого боевые машины развернулись и обратились в бегство. Больше они не возвращались. После этого правительство Сирии и командование сирийской армии перешли к более осторожной тактике. В Дамаске (по традиции, унаследованной со времен французского мандата и явившейся результатом Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.) предъявили территориальные претензии на некоторые районы Палестины. Особое значение имел “Галилейский палец”, область в Северо-Восточной Галилее, обеспечивавшая доступ к дополнительным водным ресурсам. Кроме того, сирийцы хотели получить еще один район, расположенный южнее, — восточный берег озера Кинерет. И их дальнейшие военные действия были направлены на то, чтобы завладеть этими территориями.

Иракцы воевали ничуть не лучше сирийцев. В их армии, дислоцированной до 15 мая вдоль палестинской границы на территории Трансиордании, насчитывалось 8 тыс. человек, из них — 3500 пехотинцев. В день окончания мандата иракские части попытались форсировать Иордан в районе Бейсана. Операция окончилась неудачей. Затем командующий, генерал Тахир, отвел их из этого района и разместил в “треугольнике” Самарии — подразделения иракцев, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, были рассредоточены по Самарии, включая Дженин и Туль-Карм, всего в одиннадцати милях от Средиземноморского побережья. Партизаны Каукджи контролировали гору Гильбоа и соседние арабские деревни, тем самым прикрывая иракцев. 28 мая евреи уничтожили этот заслон и завладели северной вершиной горной гряды.

Однако пять дней спустя атака евреев на Дженин была отбита подоспевшими иракскими подразделениями. Через два дня была отбита и вторая атака. Но сами иракцы переходить в контрнаступление не собирались, с этого момента и до перемирия 11 июня они только удерживали занятые ими позиции. Если бы в первые дни войны иракские части продолжали продвигаться вперед, не исключено, что им удалось бы захватить центр страны,

разделив территорию молодого еврейского государства на две части. Но призванным в армию иракским крестьянам явно не хотелось воевать — неоднократно случалось видеть убитых иракских артиллеристов, прикованных к своим орудиям.

Израиль сохраняет равновесие сил

Во время Войны за независимость главные сражения происходили на юге, где египтяне наступали вдоль побережья, а также в Иудейских горах — во время осады Иерусалима Арабским легионом. Как ни парадоксально, до 6 мая командование египетской армии считало, что можно ограничиться действиями добровольцев и партизан Мусульманского братства в Южной Палестине. Когда был получен приказ перебросить на фронт две бригады, генерал-майор Ахмад Али аль-Муави, командующий египетским экспедиционным корпусом, заявил правительству, что войска находятся в ужасающем состоянии. Ответственность за это, безусловно, нес штаб армии. Между офицерами и рядовыми в египетских частях была такая же разница, как между фараоном и рабами. Премьер-министр Ноакраши-паша заверил аль-Муави в том, что воевать практически не придется, потому что еще до начала боевых действий в дело вмешается ООН. Вторая и Четвертая египетские бригады общей численностью в 10 тыс. человек, имевшие на вооружении танки, были дислоцированы в Эль-Арише. Второй бригадой командовал генерал Мухаммед Нагиб, начальником штаба был майор Абд аль-Хахим Амир.

Нагиб повел свои войска по прибрежной дороге по направлению к Газе и Тель-Авиву. Четвертая бригада под командованием генерал-лейтенанта Абд аль-Азиза начала движение к Хевронским горам. 20 мая колонна Азиза прошла через бедуинский городок Беэр-Шеву и, миновав Хеврон, приблизилась к Бейт-Лехему, в котором 22 мая египтяне соединились с Арабским легионом. После этого Четвертая бригада повернула к *кибуцу* Рамат-Рахель, который находился на пути к населенному евреями иерусалимскому Новому городу. В это же время 5 тыс. человек под началом Нагиба не спеша двигались по прибрежному шоссе к Тель-Авиву. Тогда Ядин снял 2 тыс. человек из Южной бригады с боевых позиций на Иерусалимском шоссе. Эти войска, уже понесшие значительные потери в боях с Арабским легионом, нуждались в отдыхе и испытывали нехватку оружия. Однако Нагиб не подозревал о том, в каком неблагоприятном положении находятся евреи. В это время египтяне натолкнулись на неожиданно упорное сопротивление в *кибуце* Яд-Мордахай, жители которого в течение пяти дней выдерживали ин-

тенсивный артиллерийский обстрел, не оставляя боевых позиций. В течение этих пяти дней в военных действиях у *кибуца* Яд-Мордехай была занята почти половина бригады Нагиба, а один из египетских батальонов понес такие потери, что его пришлось отправить на переформирование. Столь же яростное сопротивление встретило противника и в соседнем *кибуце* Негба, находившемся в нескольких милях от *кибуца* Яд-Мордехай, — там наступление египтян тоже было приостановлено. В конце концов генерал Нагиб решил обойти это поселение, однако *кибуц* Негба продолжал угрожать его флангу. Поэтому Нагиб продвигался вперед с большой осторожностью, а в шестнадцати милях от Тель-Авива остановился.

Тель-Авив, население которого достигло четверти миллиона, к этому времени превратился в один из самых процветающих развивающихся городов Ближнего Востока. Он был уже в три раза больше иерусалимского Нового города, прежнего крупнейшего центра поселения евреев. Захват Тель-Авива означал бы военное поражение Израиля. Поэтому Ядин решил предпринять контрнаступление. 29 мая по его приказу подкрепления, прибывшие из “иерусалимского коридора”, ночью окружили позиции Нагиба и атаковали египтян с тыла. Евреи, силы которых были в два раза меньше, чем египетские, использовали преимущества ночи и внезапности нападения не хуже, чем Саде и Уингейт в 1930-х гг. В бригаде Нагиба началась паника, вызванная неожиданным появлением противника. Ядин удачно использовал растерянность египтян: он созвал пресс-конференцию и сообщил журналистам, что “преобладающие силы израильтян” перерезали египетские коммуникации. Эта “новость” была немедленно подхвачена информационными агентствами и вскоре достигла Каира. Как и рассчитывал Ядин, египетское командование поверило этому сообщению и дало Нагибу приказ срочно отходить. Недоумевающему генералу оставалось только подчиниться.

Неудача Нагиба стала переломным моментом в действиях египтян. Больше они уже не угрожали Тель-Авиву. Однако египетское правительство и командование были удовлетворены ходом кампании. К 11 июня, времени вступления в действие первого перемирия, заключенного по инициативе ООН, египетские войска находились на подступах к Иерусалиму и на расстоянии пушечного выстрела от Тель-Авива. Кроме того, они контролировали основные дороги в Негеве. В то же время еврейские подкрепления, посланные на юг, потеряли почти 1200 человек убитыми и ранеными и остро нуждались и в оружии, и в отдыхе. Сионистские поселения в Негеве оказались в изоляции — их жителям угрожала голодная смерть.

Еще хуже было положение евреев в районе Иерусалима, осажденного трансйорданским Арабским легионом. Следует заметить, что и сионисты, и англичане всегда считали Абдаллаха самым стоворчивым из арабских ли-

дерев. Действительно, он неоднократно давал понять, что его интересы в Палестине связаны исключительно с арабскими районами. Весной 1948 г. трансйорданский премьер-министр Тауфик-паша, находясь в Лондоне для заключения нового договора, сообщил Бевину, что в Аммане решено после окончания британского мандата направить Арабский легион за Иордан с ограниченной целью — оккупировать Восточную Палестину, то есть области, отведенные арабам согласно резолюции ООН о разделе. Присутствовавший при встрече генерал Глабб вспоминал: “Я по сей день помню великолепную комнату и мистера Бевина, сидящего за столом. Когда я кончил переводить, он прервал речь Тауфика-паши и сказал: “Это совершенно оправданный шаг”. Затем он добавил: “Только не занимайте областей, отведенных евреям”. [Премьер-министр ответил:] “У нас не хватило бы сил, даже если бы мы этого хотели””.

Абдаллах не скрывал своих намерений от Арабской лиги. На встрече с арабскими делегациями в Аммане 14 октября 1947 г. король заявил, что оставляет за собой свободу действий в Палестине. Ни при каких условиях не потерпит он особого палестинского правительства — с муфтием или без муфтия. Абдаллах не одобрял и использования палестинских арабов в операциях против евреев. Двумя неделями раньше он изложил свои взгляды одному из доверенных лиц:

“Муфтий и Куватли [президент Сирии] хотят создать в Палестине независимое арабское государство во главе с муфтием. Если это произойдет, я буду со всех сторон окружен врагами. Это заставляет меня принять меры, чтобы помешать их плану. Поэтому мои войска займут районы, оставленные англичанами. Я не стану нападать на евреев, если они первыми не нападут на мои войска. Я не допущу боины в Палестине. А после того, как будут восстановлены спокойствие и порядок, можно будет достичь и взаимопонимания с евреями”.

Такое взаимопонимание как будто было достигнуто месяц спустя. Хашимитское королевство под британским покровительством в течение двадцати пяти лет существования поддерживало тесные экономические связи с евреями. Сам Абдаллах всегда высоко ценил возможности и энергию сионистов, не упуская из виду тех выгод, которые его маленький бедный народ мог извлечь из деятельности евреев по возрождению Палестины. За эти годы он обзавелся множеством друзей среди евреев и надеялся на заключение политического соглашения. Возможно, при этом понадобилось бы внести некоторые незначительные изменения в резолюцию ООН о разделе Палестины, например, предоставить Трансиордании право пользования хайфским портом и открыть палестинский рынок для сбыта арабской сельскохозяйственной продукции. Становится понятно, почему в ноябре

1947 г. трансйорданский монарх согласился на неофициальную встречу с г-жой Голдой Меерсон (Голдой Меир)³. Беседа, проходившая в дружественной атмосфере, состоялась в здании гидроэлектростанции Нагараим, расположенной на реке Иордан. Абдаллах сказал г-же Меерсон, что если ООН примет решение о разделе, он предполагает присоединить арабский сектор к своему королевству. Его собеседница не высказала никаких возражений, согласившись с королем в том, что “у нас общий враг — муфтий”. Она добавила, что евреи не намерены нарушать границу, предусмотренную резолюцией ООН, и происходящее в арабском секторе их не касается.

Такое добрососедское взаимопонимание всегда проявлялось не только в отношениях между Абдаллахом и сионистами, но и прежде — в переговорах между евреями и братом Абдаллаха Фейсалом. В арабском мире это вызывало серьезное недовольство; позже начались прямые обвинения в “хашимитско-сионистском сговоре”. “Из всех арабских лидеров глава Хашимитской династии король Абдаллах особенно пришелся по душе сионистам, — писал иракский историк Мухаммед Удах. — По мнению ведущих сионистских авторов, одной из главных гарантий безопасности Израиля было то, что Абдаллах находился на иорданском троне”. Даже после бесед Тауфика-паши с Бевинотом и Абдаллаха с г-жой Меерсон еще не было уверенности в том, что Арабская лига примет решение о вооруженном вторжении в Палестину. Лишь позже, 26 апреля, когда вопрос об интервенции был почти решен, Абдаллах в интервью сделал следующее признание: “Все наши попытки найти мирное решение палестинского вопроса закончились неудачей. Нам остается одно — война. Для меня будет честью и счастьем спасти Палестину”.

Абдаллах не рассчитывал на завоевание всей Палестины — в легионе было не более 4500 солдат, могущих принять участие в боевых действиях. Однако он надеялся на известный успех, поскольку в его распоряжении была артиллерия, а большинство офицеров легиона были англичане. Кроме того, за два дня до британской эвакуации Арабская лига пообещала Аб-

3 Меир (Меерсон) Голда (урожд. Мабович; 1898–1978) — израильский государственный и общественный деятель. С 1915 г. была членом партии *Поалей Цион*, с 1921 г. жила в Израиле. В 1928 г. была избрана секретарем исполкома женского отдела *Гистадрута*, с 1934 г. являлась членом исполкома *Гистадрута*. В 1946 г., после ареста британскими властями лидеров *ишува*, была избрана главой политического отдела Еврейского агентства. После провозглашения Государства Израиль назначена послом в Советский Союз (октябрь 1948 г. — апрель 1949 г.). Депутат *кнесета* от партии *Мапай*. В 1956–1965 гг. — министр иностранных дел, с 1965 г. — генеральный секретарь партии *Мапай*. Сыграла большую роль в объединении различных рабочих движений в Израильскую партию труда. После смерти Л. Эшколя в 1969 г. возглавила правительство Израиля. В апреле 1974 г., после публикации отчета комиссии Ш. Аграната о причинах неудачи в начальный период Войны Судного дня, Голда Меир подала в отставку.

даллаху как главнокомандующему 3 млн фунтов. После того как стало ясно, что война в Палестине неизбежна, король решил использовать имеющиеся у него преимущества и опередить другие арабские государства. Свою позицию он изложил г-же Меерсон во время второй секретной встречи с нею в Аммане 11 мая. В сопровождении сефарда Эзры Данина, уроженца Палестины, г-жа Меерсон, переодевшись крестьянкой, совершила полное опасностей путешествие в столицу Трансиордании. Абдаллах убеждал свою гостью в том, что следует отложить провозглашение еврейского государства и согласиться вместо этого на неделимую Палестину с автономными еврейскими районами. Г-жа Меерсон заявила, что это невозможно. Тогда король с некоторым смущением сообщил, что был бы рад сдержать свое обещание и не вторгаться на еврейскую территорию, однако теперь он — “лишь один из пяти”, а потому “не имеет выбора и не может действовать иначе”.

В ходе беседы г-жа Меерсон напомнила Абдаллаху, что евреи — единственные его друзья. “Я это знаю, — ответил король, — и сомнений на этот счет у меня нет. Я знаю [других арабов] и их “добрые” намерения. Я твердо верю в то, что Божественное провидение возвратило вас — семитский народ, изгнанный в Европу и перенявший достижения европейского прогресса, — на семитский Восток, где есть нужда в ваших знаниях и инициативе... Но ситуация сложилась серьезная, и вам не следует торопиться, чтобы не допустить ошибок. Поэтому я призываю вас проявить терпение”. Г-жа Меерсон категорически заявила, что отложить провозглашение государства невозможно. “Мне очень жаль, — ответил Абдаллах. — Я сожалею о грядущем кровопролитии и разрушениях. Будем надеяться, что мы снова встретимся и наши отношения не пострадают. Если вы сочтете необходимым увидеться со мной во время военных действий, прошу вас, приезжайте сюда без колебаний”. Когда г-жа Меерсон и ее спутник возвращались в Палестину, они увидели, как вдалеке тянутся в направлении фронта иракские батальоны на тяжелых грузовиках и мощная полевая артиллерия.

Абдаллах принял решение вступить в войну не только потому, что хотел развеять подозрения своих арабских соседей, но и потому, что всей душой желал заполучить Иерусалим — город, занимающий особое место в мусульманской истории. И действительно, захватив эту почитаемую святыню, хашимитский король компенсировал бы тем самым потерю Мекки и Медины, отобранных у его отца Саудовской династией в 1925 г. Именно по этой причине Абдаллах выразил свое недовольство стратегическим планом Арабской лиги, согласно которому легион должен был действовать в Северной Палестине и Хайфе. Он приказал своим войскам сосредоточить усилия на захвате Иерусалима и окрестностей, а также тех районов Палестины, которые по резолюции ООН были предназначены арабскому госу-

дарству. Интересно, что это решение вызвало упорные возражения со стороны командующего легионом генерала Глабба. Англичанин сомневался в успехе боевых действий в Иерусалиме. Евреи, подчеркивал он, прекрасно владеют тактикой уличного боя. Вступив в такие схватки, легион не сможет использовать свои преимущества в тактической подготовке и мобильности. “У нас недостаточно солдат и совсем нет резервов, мы не можем позволить себе идти врукопашную”, — настаивал Глабб, однако ему не удалось убедить короля. Глабб настолько волновался из-за того, что ему придется вести сражение за Иерусалим, что, по его собственному рассказу, упал на колени и воскликнул: “О Господи! Мне не по плечу это дело. Молю Тебя, помоги мне!”

Однако, если Абдаллах проявил недальновидность, вступив в борьбу за Иерусалим, то Глабб тоже ошибался, переоценивая мощь еврейской обороны. Она была куда слабее, чем ему представлялось. Арабы контролировали все высоты в самом городе и вокруг Иерусалима. На этом участке фронта у них было 4500 солдат. У евреев было столько же бойцов, но почти безоружных. Половина сил *Гаганы* была направлена на защиту поселений в Иудейских горах — эти войска были отрезаны от Иерусалима. Ортодоксальное еврейское население в Иерусалиме было довольно многочисленно, однако ортодоксы были настроены фаталистически и не собирались сопротивляться. Если бы Глабб в этот момент знал, в каком отчаянном положении находится противник, он без колебаний бросил бы на Иерусалим все свои силы.

Битва за Иерусалим

Первые недели наступления трансйорданских войск чуть не оказались роковыми для 85 тыс. евреев Святого города, положение которых усугублялось тем, что арабы блокировали дорогу, ведущую из Иерусалима к побережью. 19 мая Абдаллах бросил свои подразделения в Старый город, исторический центр Иерусалима, где за сооруженными турками стенами жили арабы, армяне, христиане и существовал небольшой еврейский квартал. В то же время 2 тыс. легионеров при поддержке артиллерии и под командой английских офицеров двинулись на Иерусалим с севера и вскоре заняли позиции вокруг города. Война еще только началась, а Арабский легион уже готовился к прорыву в населенный евреями Новый город.

Однако после десяти дней упорных боев меньшие по численности еврейские войска сумели оттеснить легион там, где он продвинулся наиболее глубоко, — в квартале *Меа Шеарим*. 28 мая Глабб решил отказаться от наступления на Иерусалим с севера. Потери в некоторых трансйорданских под-

разделениях достигали 50%, солдаты были деморализованы яростным огнем самодельных еврейских мортир. Арабы начали атаковать Иерусалим с юга. Египетским войскам в это время удалось соединиться с аванпостами легиона в Бейт-Лехеме. 2 мая при мощной поддержке трансйорданской артиллерии египетская пехота пошла в наступление на *кибуц* Рамат-Рахель, находившийся на южных подступах к Иерусалиму. Завязался бой — самый ожесточенный за всю историю палестинской войны. На протяжении четырех дней маленький *кибуц* пять раз переходил из рук в руки. Солдаты, идя в штыковую атаку, шагали по грудам тел. И все-таки евреи — в основном бывшие члены *Эцель* — отстояли *кибуц*. По крайней мере на какое-то время опасность, нависшая над Новым городом, потеряла свою остроту.

Однако еврейский квартал в Старом городе удержать не удалось. Ортодоксов, живших в этом районе грязных запутанных улочек и двориков, защищало всего одно подразделение *Гаганы*. 18 мая в Старый город на помощь ему пробилась еще одна рота. Затем в течение недели другие подразделения *Гаганы* пытались прорвать кольцо окружения, но каждый раз их останавливала трансйорданская артиллерия. 28 мая еврейский квартал был захвачен. Известие об этом глубоко поразило евреев Палестины. Ведь Старый город всегда почитался как место, где некогда стоял древний Храм. Здесь находилась Стена Плача. Сюда совершали паломничество ортодоксальные евреи со всех концов мира. Впоследствии еврейство горько скорбело об этой утрате и осквернении иудейских святынь.

Однако с военной точки зрения израильское командование должно было больше беспокоиться о судьбе Нового города и его еврейского населения. Арабам пока не удавалось провести фронтальное наступление и захватить новые районы Иерусалима. Однако в начале июня возникли серьезные опасения, что городу не удастся выстоять. За три с половиной недели войны по Иерусалиму было выпущено 10 тыс. снарядов, в результате чего было разрушено около 2 тыс. домов и других построек и пострадало 1200 мирных жителей. Поскольку шоссе Тель-Авив — Иерусалим было блокировано, боеприпасы у защитников города кончались. Только благодаря твердости и решительности военного губернатора Иерусалима Дова Йосефа⁴ большинство жителей в какой-то мере соблюдали дисциплину — исключение составляли только не слишком мужественные представители ортодоксальной общины. Выдержка мирного населения была чрезвычайно важна — ведь

4 Йосеф Дов (Бернар; 1899–1980) — израильский политический деятель. В 1918 г. вступил в Еврейский легион. Активный член партии *Мапай*. В 1945–1946 гг. — член правления Еврейского агентства. В 1946 г. вместе с другими руководителями *ишув* был арестован англичанами и заключен в тюрьму в Латруне. В апреле 1948 г. назначен военным губернатором Иерусалима. В 1949–1965 гг. — депутат *кнессета* от партии *Мапай*. В 1956–1961 гг. — казначей Еврейского агентства. В 1961–1966 гг. — министр юстиции.

даже водопровод, соединявший Иерусалим с побережьем, долгое время не действовал, и жителям города приходилось выстаивать в длинных очередях, чтобы получить ограниченное количество питьевой воды. Реальной была и угроза голода. В бедных кварталах, где жили сефарды и восточные евреи, дети просили подавание у прохожих на улице. После долгих и мучительных споров с Ядином Бен-Гурион в конце концов настоял на том, чтобы армия целиком переключилась на снятие блокады Иерусалимского шоссе.

С этой целью 23 мая с севера был отозван самый авторитетный командир израильских войск Игаль Алон. На него была возложена ответственность за штурм Латруна⁵, в районе которого арабы перекрыли шоссе. Еврейские силы получили пополнение из числа новых иммигрантов, не имевших никакого боевого опыта и не прошедших военной подготовки. Новобранцев срочно доставили из Тель-Авива на автобусах и такси. 25 мая, в разгар удушья хамсина⁶, полковник Шломо Шамир⁷ повел войска в атаку. Без предварительной разведки, без поддержки артиллерии еврейская пехота была брошена в наступление. Четвертый полк Арабского легиона, занимавший позиции на окружающих высотах, открыл огонь из пушек и мортир. Евреи понесли тяжелые потери и отступили. В последующие дни они еще несколько раз возобновляли атаку, но безрезультатно. Под Латруном надежды евреев на то, что удастся прорвать блокаду Иерусалима, потерпели крах.

- 5 Латрун — название местности в 24 км к западу от Иерусалима и важный узел дорог. В 1890 г. в Латруне был построен монастырь Молчальников ордена траппистов. В годы британского мандата были построены водонапорная башня и укрепленная полицейская база, а в годы Второй мировой войны — лагерь для немецких и итальянских военнопленных. 16 мая 1948 г. подразделения Иорданского легиона заняли Латрун и перекрыли шоссе на Иерусалим. 25 и 31 мая Седьмая бригада Ш. Шамира, усиленная рядом подразделений, штурмовала Латрун, но не смогла его взять, потеряв в боях 120 человек. 9 июня части Палмаха предприняли третий штурм Латруна, но он также закончился неудачей. Однако в июне—июле в обход Латруна с юга была построена Бирманская дорога, соединяющая Тель-Авив с Иерусалимом.
- 6 Хамсин (*араб.* “пятьдесят”) — сухой, жаркий ветер, дующий из Аравийской пустыни один-два дня, иногда дольше. В году бывает около 50 дней хамсина. Эти дни сопровождаются повышением температуры воздуха, иногда пыльной бурей.
- 7 Шамир Шломо (Рабинович; 1915—1994) — израильский военный деятель. С 1925 г. жил в Эрец-Исраэль, в 1929 вступил в *Гагану*. Командовал полевой ротой. В 1936—1939 гг. играл активную роль в проведении операций возмездия *Гаганы*. В 1940 г. окончил летные курсы. В 1940 г. поступил добровольцем в британскую армию, участвовал в боевых действиях на Ближнем Востоке и в Италии. Служил в Еврейской бригаде, демобилизовался в 1946 г. в звании майора. После начала Войны за независимость возглавил созданную под его руководством Седьмую бригаду. Командовал израильскими войсками во время двух первых штурмов Латруна. В мае 1949—декабре 1950 г. командовал военно-морскими силами Израиля. В декабре 1950—августе 1951 г. командовал израильскими ВВС. В 1963—1967 гг. возглавлял Земельное управление Израиля.

Оставался только один выход — наладить другие коммуникационные линии между побережьем и Иерусалимом. Уже до этого в течение нескольких недель полковник Давид Маркус⁸, выпускник Вест-Пойнта, пошедший на войну добровольцем и командовавший войсками в районе шоссе, воспользовался тропой к югу от Латруна и Баб аль-Вада для переброски пехоты через горы в Иерусалим. Маркус предложил расширить эту дорогу, чтобы по ней могли двигаться автомобили. После того как Ядин одобрил этот план, сотни рабочих из Тель-Авива начали расчищать ее от валунов и подрывать динамитом выступы скал. Работали, несмотря на палящий зной, — времени на отдых не было, поскольку 11 июня вступало в силу перемирие, и после этого работа была бы невозможна. Если бы к этому моменту не удалось закончить эту так называемую “Бирманскую дорогу”, в Иерусалиме начался бы голод. Наконец, к 9 июня дорога через Иерусалимские холмы была проведена. По этому усеянному колдобинами и ямами пути пошли первые грузовики с продуктами и водой. Через несколько часов они были уже в Иерусалиме, где их восторженно приветствовало еврейское население.

Первое перемирие

В Совете Безопасности против резолюции о прекращении огня неизменно голосовал представитель Великобритании сэр Александр Кадоган. Более того, участвуя в дискуссиях в ООН, Кадоган вообще избегал слова “Израиль” — говоря о новом государстве, он использовал выражение “еврейские власти в Палестине”. Заинтересованный в победе арабов, как в своей собственной, британский представитель отказывался голосовать за прекращение огня до тех пор, пока арабские армии окончательно не потеряли бое-

8 Маркус Давид-Даниэль (1902–1948) — американский юрист и военный деятель. В 1924 г. окончил Военную академию в Вест-Пойнте и Юридическую школу Бруклина. В 1927 г. вышел в отставку с военной службы. В 1934 г. назначен первым помощником начальника Управления Нью-Йорка по исправительным учреждениям, в 1940 г. — начальником Управления. В 1941 г. был призван в армию, занимал должности дивизионного юриста и начальника штаба дивизии. Добился перевода в десантные части и участвовал в высадке в Нормандии в июле 1944 г. В 1945 г. служил в штабе американского военного губернатора Германии, в 1946 г. назначен начальником управления по делам военных преступников в Министерстве обороны США. В 1947 г. демобилизовался из армии. В январе 1948 г. приехал в Израиль, вступил в *Гагану*. Разработал план обучения личного состава в условиях, максимально приближенных к боевым. После провозглашения независимости Израиля получил звание бригадного генерала и 28 мая 1948 г. был назначен командующим Иерусалимским фронтом. По ошибке застрелен израильским часовым.

способности. Даже после этого он согласился только на то, чтобы ООН назначила посредника, полномочного давать рекомендации по урегулированию конфликта. Это компромиссное предложение было одобрено Советом Безопасности 20 мая, а на следующий неделе на Ближний Восток прибыл представитель ООН, шведский дипломат граф Фольке Бернадот⁹. Арабы уже были готовы согласиться на перемирие, но евреев не устраивало требование Бернадота ограничить иммиграцию на время прекращения огня, то есть на месяц. В результате был достигнут компромисс: вводился запрет на дополнительные поставки оружия, а мужчин-иммигрантов призывного возраста было решено разместить в лагерях под наблюдением ООН. Как выяснилось впоследствии, ни одна из сторон не соблюдала этих ограничений. Все боевые действия должны были быть прекращены 11 июня.

По выражению одного из израильских военных, для измученных солдат перемирие было “манной небесной”. И у арабов, и у евреев силы были на исходе. В стратегическом отношении арабы мало чего добились. Сирийцы удерживали плацдарм на израильской территории, но он был невелик. Арабский легион захватил Старый город, однако это едва ли имело стратегическое значение. Египтяне закрепились в безлюдной пустыне Негев. Если перед началом войны у арабов существовало нечто вроде объединенного командования, то во время боевых действий оно никак не проявило себя. Например, когда сирийцы наступали на Самах, иракцы в шести милях к югу атаковали Гешер, но ни те ни другие не позаботились о координации действий. Во время затишья на фронтах начальник иракского штаба генерал Салах Саиб аль-Джабури представил своему правительству пространственный доклад, в котором предупреждал, что за время перемирия евреи значительно укрепят свою армию, и требовал, чтобы арабы немедленно объединили силы.

Действительно, такая попытка была предпринята. По собственному почину иракцы предложили пост главнокомандующего генералу аль-Муави, возглавлявшему египетский экспедиционный корпус. Узнав об этом пред-

9 Бернадот Фольке, граф Висборгский (1895–1948) — шведский политический деятель. Во время Второй мировой войны — представитель шведского Красного Креста, с 1943 г. — его вице-президент, организовал обмен военнопленными между Германией и союзниками. От имени Красного Креста вел переговоры с Гиммлером, в результате которых в марте—апреле 1945 г. из Терезиенштадта были освобождены 413 датских евреев и еще несколько тысяч еврейских женщин из лагеря Равесбрюк. В мае 1948 г. назначен Советом Безопасности посредником в арабско-израильском конфликте. Его план по урегулированию, в котором он предложил значительно сократить территорию еврейского государства, был отвергнут Израилем и не получил одобрения Генеральной Ассамблеи ООН. 17 сентября 1948 г. был убит в Иерусалиме боевиками *Лехи*.

ложении, Абдаллах сразу же высказался против него. Причина заключалась в том, что хашимитский монарх в это время уже потерял интерес к войне и не хотел ее продолжать. Его армия понесла тяжелые потери. Надежды на территориальные приобретения в Палестине у короля почти не осталось. Как вспоминал Глабб, когда он попросил у правительства подкрепления, он получил резкий отказ. “Боевых действий больше не будет! — сказал мне [премьер-министр Тауфик-паша], грозя пальцем. — Больше не будет! Мы с Ноакраши-пашой [египетским премьер-министром] пришли к общему мнению, а раз уж мы договорились, остальным придется нас послушаться. Нет! Боевых действий больше не будет!” Комментируя эту речь, Глабб мрачно отмечает, что месячная передышка была упущена. Правда, другие арабские лидеры успешно воспользовались перемирием. Иракские силы в Палестине были увеличены до 10 тыс. человек, на фронт доставлено много нового снаряжения. Сирийцы и египтяне провели мобилизацию, в начале июля численность арабских регулярных войск в Палестине увеличилась с 32 до 45 тыс.

Перед окончанием перемирия в Каире состоялось заседание Политического комитета Арабской лиги. Во время этой встречи Тауфик-паша энергично возражал против возобновления военных действий. Хотя большинство арабских начальников штабов втайне были согласны с ним, его никто не поддержал. Решение принимали политики, а они полагали, вероятно, что, согласившись на продолжение перемирия, нанесут ущерб своей репутации. Египетский премьер-министр Ноакраши-паша опасался, что в этом случае его правительство потеряет власть. Однако события показали, что арабские государства, дав евреям передышку и возобновив после месяца перемирия военные действия, обрекли себя на поражение. “Эти правительства не сумели достойно ни вступить в войну, ни выйти из нее”, — ядовито заметил впоследствии Муса аль-Алами.

Евреям было легче решить, продолжать ли борьбу. К началу перемирия позиции их никак нельзя было назвать прочными. Правда, вражеские армии были остановлены, но более трети всей территории, отведенной по резолюции ООН Израилю (прежде всего, Негев), находилось в руках арабов. На Западном берегу Иордана сирийцы по-прежнему угрожали безопасности Галилеи, а в центре страны иракцы стояли всего в двенадцати милях от Средиземноморского побережья. Наконец, оставалась под угрозой узкая дорога на Иерусалим, и снабжение еврейского населения продовольствием, водой и лекарствами все еще находилось под ударом. Молодая израильская армия испытывала нехватку резервов и оружия. Катастрофа могла произойти на любом из направлений, где она держала оборону. Поскольку семьям солдат оказывалась лишь незначительная помощь, поступавшая нерегулярно, боевой дух войск оставлял желать лучшего.

Согласно условиям перемирия, обеим сторонам было запрещено формировать новые подразделения. В Иерусалим было позволено доставить продукты и воду в количестве, которого хватало лишь на месяц. Однако израильское командование не собиралось соблюдать эти ограничения, поскольку считало, что это равносильно самоубийству. В Иерусалим одна за другой прибывали транспортные колонны с продовольствием и лекарствами. Продолжалась и мобилизация, темпы которой резко увеличились в начале июля. На полную мощность работали оружейные мастерские, изготавливавшие патроны, гранаты и снаряды для мортир. На побережье тайно разгружались суда с боеприпасами. К этому моменту в Израиль начали поступать более крупные партии оружия. Еще до окончания мандата чехословацкое правительство выразило готовность продать евреям продукцию военных заводов «Шкода». На это решение повлияли различные факторы — политические (поддержка Израиля Советским Союзом), гуманитарные (традиционное для Чехословакии сочувствие к беженцам) и экономические (поставки оплачивались в долларах). 20 мая чехи предоставили в распоряжение евреев военный аэродром, который превратился в центральную на территории Европы транзитную базу Израиля по перевозке оружия. Между двумя странами были налажены регулярные рейсы транспортных самолетов, доставлявших в Израиль детали для монтажа истребителей, орудия, а также стрелковое оружие и боеприпасы. Самолеты прибывали и из других стран. Ветераны военно-воздушных сил нелегально перегоняли из Англии и Соединенных Штатов бомбардировщики и истребители. На каждые два самолета, благополучно приземлившиеся в Израиле, приходилось по одному разбившемуся или задержанному по пути. В страну стали поступать тысячи тонн боеприпасов, военного оборудования и обмундирования. Часть поставок была куплена, часть — жертвована евреями разных стран.

Французское правительство и в этот момент не оставило Израиль без помощи. Франция продавала евреям большое количество оружия. Это оружие хранилось на пустующих аэродромах французских ВВС и поблизости от французских arsenалов. Там же проводилась военная подготовка личного состава. Самолеты, летевшие в Израиль, заправлялись горючим на аэродромах Корсики. Премьер-министр Франции не мешал агентам *Эцель* проводить набор добровольцев и закупку оружия на территории страны. Именно благодаря этому *Эцель* приобрела американский транспортный корабль, пришедший в начале мая во Францию. Судно бросило якорь неподалеку от Марселя и приняло на борт сотни европейских и североафриканских евреев призывного возраста и большую партию оружия, которое после вмешательства премьер-министра Франции было передано израильтянам бесплатно. Начальник штаба французской армии генерал

Руан и генеральный инспектор полиции Вейбо позаботились о том, чтобы в момент отплытия судна ему не чинили никаких препятствий. Планировалось, что корабль, названный “Альталена” (литературный псевдоним В. Жаботинского), совершит несколько рейсов между Францией и Израилем для перевозки добровольцев и оружия. 29 мая “Альталена” вышла из Марселя. На борту корабля находилось 500 человек, 5 тыс. винтовок, 450 пулеметов и патроны. Когда началось перемирие, “Альталена” еще была в море.

Бен-Гурион дал согласие на то, чтобы судно бросило якорь у израильского берега 20 июня. Конфликт возник из-за того, что *Эцель* потребовала передать 20% оружия ее бойцам. Премьер-министр наотрез отказался поступиться авторитетом израильского правительства. Когда капитан “Альталены” попытался пристать к берегу к северу от Тель-Авива, на берегу между регулярными войсками и бойцами *Эцель* завязалась перестрелка, продолжавшаяся несколько часов. По кораблю с берега был открыт артиллерийский огонь. На “Альталене” вспыхнул пожар, 10 человек были ранены и 18 погибли (среди них был и Аврагам Ставский, которого судили в 1933 г. за убийство Арлозорова). Остатки корабля затонули. После этого поставки оружия из Франции прекратились. Кроме того, возобновилась ожесточенная борьба между израильскими правыми и социалистами, входившими в правительство. Эта борьба осложняла политическую жизнь государства в течение целого поколения. Непосредственным результатом истории с “Альталеной” стало решение правительства об аресте ряда руководителей *Эцель* и роспуске ее формирований, входивших в состав регулярной армии.

Бен-Гурион был полон решимости добиться единства и дисциплины в войсках. Он объявил, что впредь намерен отдавать распоряжения непосредственно, а не через Израэля Галили, гражданского посредника *Гаганы*. Он стремился назначать командирами офицеров, служивших ранее в палестинских частях английской армии. Неудивительно, что эти решения Бен-Гуриона чуть было не вызвали мятежа в *Палмахе* и *Гагане* и стали причиной недовольства командиров, включая Игаэля Ядина. Однако после долгих дискуссий премьер-министр, несмотря на все препятствия, в главных пунктах настоял на своем. Была введена военная форма и установлены высокие оклады для офицерского состава. За месяц перемирия новобранцы прошли интенсивную подготовку и освоили новые виды оружия. Это оружие начало в больших количествах поступать из Европы и Америки, и израильские вооруженные формирования, насчитывавшие теперь 60 тыс. человек, постепенно приобрели черты современной армии, представлявшей собой грозную силу. На многие месяцы и даже годы она стала решающим фактором в политической жизни Ближнего Востока.

Территориальные и демографические изменения

Между тем египтяне готовились нанести первый удар. 8 июля, еще до окончания перемирия, генерал Нагиб возобновил наступление на Негбу, ключевой пункт израильской обороны на южном направлении. Однако за месяц евреи успели укрепить Негбу и перебросить туда артиллерию — и многократные атаки египтян не имели успеха. Затем евреи перешли в контрнаступление на одном из участков фронта и освободили несколько деревень в Северо-Западном Негеве, оттеснив египетские войска. Вскоре в штабе Ядина стало ясно, что серьезная угроза со стороны египтян миновала. Активные действия против них можно было отложить на будущее.

На севере сирийцы ограничились тем, что укрепились в поселении Мишмар-га-Ярден, откуда могли вести артиллерийский обстрел шоссе. Другими плацдармами на еврейской территории они больше не располагали. Более серьезную угрозу представляли 2 тыс. арабских партизан под командованием Фаузи аль-Каукджи — они дислоцировались в горах Нижней Галилеи. Однако евреи решили и эту проблему, осуществив в недельный срок энергичную операцию и захватив арабский город Назарет и окружающие деревни. В это время направление главного удара израильтян было нацелено на удерживаемый Арабским легионом район Лод — Рамла, который клином входил в расположение еврейской армии. Этот клин всего в 11 милях от Тель-Авива угрожал расщепить еврейскую территорию пополам и позволял арабам контролировать главные дороги Палестины, соединяющие север с югом и запад с востоком, в частности начало “иерусалимского коридора”. В том же районе находился и единственный крупный аэропорт страны. 9 июля две бригады под командованием Игаля Алона начали наступление на арабские позиции. В результате боев, продолжавшихся сутки, арабы были окружены. 11 июля соединение механизированной пехоты под командой подполковника Моше Даяна захватило Лод и международный аэропорт. На следующий день колонна джипов появилась в Рамле. Солдаты Даяна, не сбавляя скорости, ворвались на главную улицу города и открыли пулеметный огонь. Арабские легионеры бежали. После столь впечатляющей победы евреев арабы уже не могли угрожать району Тель-Авива. Одновременно была открыта еще одна — пусть и небезопасная — дорога на Иерусалим, а наиболее важные пересечения шоссе в Палестине были отбиты у арабов. Правда, последующие попытки Алона обойти с флангов Латрун не привели к успеху. Однако от внимания Глабба не ускользнуло то обстоятельство, что после возобновления военных действий евреи непрерывно атакуют, а арабы только обороняются, — иными словами, все обстоит иначе, чем в первый период войны.

Кроме того, к середине июля Глабб, не сумевший удержать Лод и Рамлу, утратил авторитет в глазах Абдаллаха. Поэтому, как только вступило в

силу второе перемирие, король отправил своего английского командующего в Европу “на отдых”. Как и сам Глабб, Абдаллах теперь помышлял только об обороне и сосредоточился исключительно на защите своих позиций в Иерусалиме и окрестностях. После этого Арабский легион перестал играть существенную роль в палестинской кампании. Изменчивое военное счастье отвернулось не только от Абдаллаха, но и от его английских покровителей. В первый день после прекращения перемирия, 9 июля, арабские правительства отклонили предложение о прекращении огня, надеясь на успех своих армий. Эту иллюзию разделяло и правительство Великобритании. Однако 12 июля до Лондона дошло известие о том, что евреи овладели аэропортом в Лоде, что израильский “военный корабль” (а на самом деле — спешно переоборудованное транспортное судно) обстрелял ливанский город Тир, а три “летающие крепости”, только что полученные евреями, по пути из США в Израиль сбросили бомбы на Каир. После этого, следуя экстренным инструкциям из Лондона, Кадоган потребовал от Совета Безопасности немедленно добиться прекращения огня, а в противном случае применить против Израиля санкции. Это предложение было единогласно принято 15 июля: боевые действия должны были быть приостановлены через три дня. В это время Глабб, находившийся в Лондоне, имел беседу с Бевинном. “[Министр иностранных дел] начал разговор с того, что стал горько сетовать на арабов, — писал впоследствии Глабб. — Он помогал им, как мог, а они в ответ только жаловались да склочничали”. Бевин не мог смириться с тем, что к 18 июля Израиль, увы, займет куда большую территорию Палестины, чем ему отводилось в соответствии с резолюцией ООН, между тем как арабам удалось захватить всего лишь одно еврейское поселение Мишмар-га-Ярден и кое-какие земли, удерживаемые египтянами в Негеве.

Произошли и другие непредвиденные перемены — изменения демографического характера. В первые месяцы после принятия в ООН резолюции о разделе Палестины около 30 тыс. арабов решили покинуть страну. Как и во время арабского восстания 1936–1939 гг., большинство эмигрантов составляли бизнесмены и их семьи, проживавшие в крупных городах. Ликвидировав свои предприятия, они перевели деньги в египетские и ливанские банки и, не привлекая к себе внимания, уехали. Все остальные не собирались покидать Палестину. Напротив, после того как в Святую землю начали прибывать арабские добровольцы, а с ними и оружие, после первых побед Армии освобождения Каукджи в начале 1948 г., арабы Палестины почувствовали себя вполне уверенно.

Как уже говорилось, позже, в апреле — мае 1948 г. в Палестине наметился перелом в пользу евреев, которые взяли под контроль основные дороги страны, захватили важнейшие города и главные коммуникации (за исключением Иерусалимского шоссе и отдельных районов Галилеи). В то же

время, после эвакуации англичан в арабских общественных учреждениях воцарился хаос. Снова началась эмиграция арабских семей — на этот раз из страны бежали чиновники, мухтары (старосты) деревень, судьи и кади¹⁰. За ними потянулись тысячи феллахов и городских жителей. На этом этапе арабского исхода особенно драматические события разыгрались в Хайфе, где проживало примерно 70 тыс. арабов. Арабские бизнесмены покинули город сразу после принятия резолюции о разделе. Уже в феврале — марте архиепископ Жорж аль-Хаким, примас Греко-католической церкви, организовал отправку большой группы арабских детей в Дамаск и Бейрут. К концу марта из Хайфы выехало около 25 тыс. человек. Еще 20 тыс. покинуло город в начале апреля — после того, как началось наступление Кавкджи и распространились слухи о том, что арабская авиация собирается бомбить еврейские кварталы на горе Кармель. Наконец 21 апреля английский гарнизон ушел из города, и евреи захватили Хайфу.

Днем 22 апреля еврейский мэр Хайфы и его сотрудники встретились с лидерами арабской общины. Во время встречи евреи просили арабов остаться в городе. До окончания мандата оставалось три с половиной недели, Соединенные Штаты уже не столь твердо поддерживали раздел Палестины, и евреи хорошо понимали, какое впечатление произведет на международную общественность массовая арабская эмиграция. Представители арабов, в том числе архиепископ аль-Хаким, поначалу согласились не покидать Хайфу, однако заявили, что им потребуется несколько часов для консультаций с Верховным арабским комитетом. В Ливан для встречи со сторонниками муфтия и представителями Арабской лиги были срочно отправлены курьеры. В тот же день мэру и другим руководителям еврейской общины был передан ответ: арабы и дня не останутся жить под еврейским господством, а поэтому просят отпустить их из города. Как подтверждают донесения американского консула, все попытки переубедить их были безуспешны. Арабское население — около 30 тыс. человек — за 36 часов покинуло Хайфу и отправилось в Ливан.

В других районах Палестины арабская эмиграция стремительно возрастала, а в последние недели мандата достигла 175 тыс. человек. Бегство объяснялось различными причинами, однако оно, безусловно, не было спровоцировано призывом, с которым к жителям Палестины якобы обратились арабские правительства, планировавшие начать вооруженное вторжение в Святую землю. Хотя израильтяне после войны неоднократно ссылались на это распоряжение, следов его в документах Арабской лиги и в военных коммюнике того периода не обнаружено. Арабская печать и радио ставили

¹⁰ Кади (*араб.*) — в мусульманских странах судья-богослов, единолично осуществляющий судопроизводство на основе законов шарията.

перед собой скорее противоположную цель. За исключением городов, которые, как Хайфа, уже были захвачены евреями, Арабская лига предписывала палестинцам оставаться на местах, а против юношей призывного возраста, бежавших из страны, принимались суровые меры. Это распоряжение Лиги упоминалось даже в еврейских радиопередачах на иврите. В Рамалле командир Арабского легиона пригрозил жителям, что конфискует их имущество и взорвет дома, если они покинут город без разрешения. В какой-то момент ливанское правительство решило закрыть границу для всех палестинцев, кроме женщин, детей и стариков.

Самой очевидной из причин, которые привели к массовому исходу, был крах арабских политических структур в Палестине, последовавший в результате бегства арабских лидеров в тот момент, когда их присутствие в стране было особенно необходимо. Покинув Хайфу, иерусалимский Новый город, Яфо, Цфат и другие города, мухтары, судьи и кади нанесли своему народу серьезный удар. В силу полуфеодалного устройства арабского общества неграмотные феллахи почти целиком зависели от владельцев земельных участков и кади, и стоило этой элите исчезнуть, как крестьяне очутились в общественном и культурном вакууме. Очевидно, под влиянием военных побед, одержанных евреями, страх усилился и ускорил эмиграцию. Кроме того, во многих случаях, например во время сражения за «иерусалимский коридор», евреи, захватив арабские деревни, которые предположительно могли быть использованы арабами в военных целях, изгоняли местное население и взрывали жилые дома. Иногда арабские деревни становились базами для солдат Каукджи, что немедленно вызывало акты возмездия со стороны евреев.

Самая жестокая из этих карательных операций была проведена 9 апреля 1948 г. в деревне Дейр-Ясин, на подступах к Иерусалиму, организациями *Эцель* и *Лехи*. Жестокость, которую эти группы проявляли в своих действиях против англичан, с особой силой выразилась по отношению к арабам. После того как деревня была захвачена, там было убито более двухсот арабов, взрослых и детей, а изувеченные тела брошены в колодезь. Хотя командование *Гаганы*, а затем и еврейское правительство, арестовавшее виновных в расправе офицеров *Эцель*, немедленно осудили это массовое убийство, оно имело далеко идущие последствия. Известие об этом злодеянии быстро распространилось по всей Палестине, обрастая все новыми подробностями. Феллахам ничего не стоило поверить этим рассказам — им ведь было отлично известно, как арабские террористы расправляются с мирными жителями-евреями. На улицах арабы открыто торговали фотографиями, запечатлевшими кровавую расправу. Кроме того, феллахам были известны слова Аззам-паши, сказанные перед началом арабского вторжения, о судьбе, ожидающей евреев: «Это будет война на уничтожение, беспощадная резня,

которую будут сравнивать с монгольским нашествием и Крестовыми походами”. Неудивительно, что палестинские арабы ожидали подобного же отношения со стороны евреев. В то же время их лидеры предавали широкой огласке все действительные или вымышленные зверства сионистов, не задумываясь о том, какое действие окажет эта информация на арабское население. В апреле — мае арабы в ужасе бежали из деревень при приближении еврейских войск. Швейцарский наблюдатель Жак де Ренье так описывал пакику арабов Яфо во время еврейского наступления:

“Страх мгновенно охватил всех, и вскоре эвакуация началась. Шоферы машин “скорой помощи” посадили в них свои семьи и уехали, забыв о своих обязанностях. Больные в пижамах, медицинские сестры, врачи в халатах, покинув больницы, бежали из города. Все были одержимы одним стремлением — спастись любой ценой”.

После 15 мая, когда в страну вторглись регулярные арабские армии, обстановка в арабской общине на короткое время стабилизировалась. О дружбе и сотрудничестве между временной гражданской администрацией и местными арабами сообщается в военных мемуарах ряда арабских офицеров, в том числе в воспоминаниях Насера¹¹, Абдаллаха аль-Теля, Камала аль-Дина Хусейна и Каукджи. Но эти отношения продолжались недолго — арабским армиям не удалось укрепить свое положение. К 11 июня, когда вступило в действие первое перемирие, около 250 тыс. арабов бежало из районов, которые контролировали евреи. Перейдя в наступление, израильтяне изменили политику по отношению к местным арабам. Никто больше не уговаривал их остаться и приобщиться к благам, которые сулило еврейское государство. Наоборот, начав наступление после окончания перемирия,

11 Насер Гамаль Абдель (1918–1970) — египетский государственный деятель. В 1937–1938 гг. учился в военном училище. Участвовал в составе египетской армии в Войне за независимость. Поражение в войне оказало большое влияние на желание многих молодых офицеров свергнуть режим короля Фарука, которого они считали ответственным за это. Насер возглавил организацию “Свободные офицеры”, совершившую военный переворот 23 июля 1952 г. В первые месяцы после переворота он был фактическим руководителем офицеров, пришедшим к власти, не занимая никаких официальных постов. После провозглашения в июне 1953 г. Египта республикой Насер стал заместителем премьер-министра и министром внутренних дел. 23 июня 1956 г. был избран президентом Египта. В концепции Насера о революционном пробуждении арабской нации и ее объединении вокруг Египта одно из центральных мест занимала борьба с Израилем, который в его глазах был инородным телом в центре арабского мира и агентом “западного империализма”. Насер провоцировал вооруженные конфликты с Израилем, а накануне Шестидневной войны 1967 г. заявил, что целью войны является “уничтожение Израиля”.

израильяне в Лоде, Рамле и окружающих арабских деревнях способствовали тому, чтобы около 100 тыс. местных жителей обратились в бегство. Для этого применялся простой метод. Распространяя грозные предупреждения в арабских населенных пунктах, израильская армия еще до захвата их добивалась того, что все население бежало. К 9 июля число арабских эмигрантов достигло 300 тыс. В начале осени, когда началось первое еврейское наступление в Негеве, эмиграция продолжала возрастать. В это время даже самые оптимистически настроенные палестинские арабы вынуждены были признать, что еврейская республика, выстояв против вооруженного вторжения, показала, что и сама способна на жестокие и безжалостные военные действия.

После окончания вооруженного конфликта количество арабских беженцев с контролируемой Израилем территории составило, по оценкам ООН, примерно 720 тыс. человек (по оценкам евреев, около 600 тыс.), то есть 70% арабского населения Палестины. Не все беженцы оказались за ее пределами. Около 240 тыс. арабов укрылось на востоке страны, в районах, оккупированных легионом. Еще 55–60 тыс. перебралось на другой берег Иордана, в Трансиорданию. Кроме того, 180 тыс. беженцев, первоначально оказавшихся на юге, теперь устремились в район Газы, то есть остались в пределах Палестины, вблизи от Синайского полуострова. Этим жителям Газы, брошенным на произвол судьбы, пришлось особенно тяжело. Не получая работы и жилья ни от египтян, ни от израильян, они на протяжении целого поколения вынуждены были прозябать в условиях еще более ужасных, чем те, в которых находились еврейские беженцы в Европе, в лагерях для перемещенных лиц в 1945–1948 гг. Кроме беженцев, попавших в Газу и на территорию, оккупированную Хашимитским королевством, почти 100 тыс. арабов эмигрировало в Ливан, 70 тыс. — в Сирию. Меньшие группы через Ирак и Египет перебрались впоследствии в страны Персидского залива. На первых порах бегство палестинцев отвечало интересам Израиля. Таким образом устранялась опасность “пятой колонны” в стране. Кроме того, тысячи семей без всяких средств к существованию, наводнившие арабские государства, стали там причиной экономических сложностей и мешали ведению войны. Однако после ее завершения беженцы в конечном счете принесли арабским странам не меньше политических выгод, чем когда-то перемещенные лица сионистам.

Задолго до конца войны еврейское руководство ясно сформулировало свой подход к проблеме беженцев. Уже в апреле 1948 г., обращаясь к своим единомышленникам, Бен-Гурион заявил: “Арабы ошибаются, если думают, что ничего не потеряют, вступив в войну. То, что произошло в Хайфе и в Иерусалиме, может случиться и в других районах страны”. Он откровенно говорил о “больших изменениях в составе населения”. Затем, на заседании

правительства 16 июня, израильский премьер-министр высказал свою позицию еще более ясно: “Что касается возвращения арабов, я не только не разделяю мнения, что надо способствовать их возвращению... но и думаю, что их возвращение следует предотвратить... Война есть война... и тем, кто объявил нам войну, придется поплатиться за это после поражения”. В ответ на призыв графа Бернадота разрешить арабам репатрироваться, Бен-Гурион, сознательно положив конец полувековым сомнениям сионистов относительно арабов, официально заявил 1 августа 1948 г.:

“Когда арабские государства выразят готовность заключить с Израилем мирный договор, вопрос [о беженцах] получит конструктивное решение в рамках общего урегулирования, причем во внимание будут приняты наше мнение об угрозе жизни и собственности евреев, долговременные интересы еврейского и арабского населения, стабильность Государства Израиль, перспективы мира между Израилем и его соседями, нынешнее положение и судьба еврейских общин в арабских странах, ответственность арабских правительств за развязывание агрессивной войны и их готовность выплатить репарации. Все это повлияет на то, как, в какой степени и при каких условиях будет позволено вернуться арабам, ранее проживавшим на территории Израиля”.

Каковы бы ни были намерения Бен-Гуриона, стиль этого заявления разительно напоминает высказывания турецких дипломатов на конференции 1922–1923 гг. в Лозанне, когда они после войны с Грецией отказывались выплатить репарации этой стране. В 1920-х гг. за этим последовал грандиозный обмен беженцами. Эти события отчасти напоминают израильско-арабский конфликт, хотя судьба арабских беженцев впоследствии легла тяжким бременем на совесть израильской интеллигенции. В тот момент, когда Бен-Гурион делал свое заявление, угроза мусульманской ксенофобии нависла над большими еврейскими общинами, веками жившими в Северной Африке и исламских странах Ближнего Востока. В этих государствах преследование со стороны правительств, экономическое давление и погромы привели к тому, что в 1948–1957 гг. 467 тыс. евреев вынуждены были покинуть мусульманские страны, где некогда поселились их предки. Большая часть этих беженцев оказалась в Израиле.

Предложение Бернадота

Учитывая намечающиеся демографические изменения и успехи в военных действиях, израильское правительство было заинтересовано в том, чтобы

придать новому перемирию характер постоянного мира. Это перемирие, начавшееся 18 июля 1948 г., явилось результатом мер, предпринятых Организацией Объединенных Наций и ее представителем графом Фольке Бернадотом, и было введено путем давления, а не переговоров — государствам, которые отказались бы подчиниться, грозили суровые экономические санкции. Более того, перемирие было бессрочным. На время затишья, пока обе стороны продолжали обвинять друг друга, Бернадоту был предоставлен солидный штат сотрудников, в том числе 310 шведских, американских, французских и бельгийских военных наблюдателей, а также технический персонал, необходимый для обслуживания восемнадцати самолетов, четырех кораблей, сотен автомашин и множества радиопередатчиков. Этого было достаточно не только для наблюдения за исполнением условий перемирия, и Бернадот собирался использовать этот штат в своих лихорадочных попытках добиться постоянного урегулирования.

Посредник ООН был самого высокого мнения о себе как об организаторе переговоров. Этот опытный дипломат, связанный узами родства со шведской королевской семьей, свободно владел шестью языками. В годы Второй мировой войны и после нее он был президентом шведского Красного Креста. В этой роли Бернадот в последние недели войны вел переговоры с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, добываясь от него освобождения узников нацистских лагерей смерти. Свою миссию граф выполнял с исключительной (а с точки зрения евреев — непростительной) осторожностью и оглядкой, до последнего момента воздерживаясь от того, чтобы дать Гиммлеру гарантию неприкосновенности. Хотя тысячи евреев были перевезены на запад Германии, где их впоследствии освободили англичане и американцы, большинство заключенных в лагерях уничтожения, еще оставшихся в живых в апреле 1945 г., погибло в мае. Тем не менее шведский дипломат полагал, что добился успеха, и позже без колебаний рассказал о том, как он спасал “своих” евреев от нацистских людоедов. Теперь же, летом 1948 г., Бернадот — пятидесятилетний энергичный, подтянутый, общительный человек — рассматривал ситуацию в Палестине как дело своей жизни и стремился от договора о прекращении огня перейти прямо к заключению мирного договора. Если бы он сумел этого добиться, у него были бы шансы получить Нобелевскую премию мира.

Его внимание было прежде всего направлено на быстроту и инициативу, а не на идеально справедливое решение. “Опыт последнего месяца, — писал Бернадот о первом перемирии в июне 1948 г., — постепенно привел меня к мысли, что резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 г., была неудачной... Искусственность границ Государства Израиль, а также категорическое неприятие раздела Палестины и создания отдельного еврейского государства арабскими странами не могли не привести к ослож-

нениям военного характера”. Поэтому предложение посредника, которое он подготовил к 27 июня, заключалось в пересмотре резолюции ООН. Вместо двух независимых государств предусматривалось создание двух независимых “членов союза”, в котором арабская сторона представляла собой не арабско-палестинское государство, а расширенное Королевство Трансиорданию. Бернадот предлагал на первые два года снять ограничение на еврейскую иммиграцию. Затем право определять абсорбционные возможности Палестины передавалось социально-экономическому совету ООН. Кроме того, посредник настаивал на том, чтобы все палестинские арабы вернулись домой, а их имущество было им возвращено. Наконец, предлагалось передать Негев Трансиордании, а Западную Галилею — Израилю. Иерусалим отходил к Трансиордании, но его еврейскому населению гарантировалась полная автономия. Хайфа и аэропорт Лода получали статус свободной зоны. Предложение Бернадота было чревато многими осложнениями: оно сводило на нет анализ палестинской проблемы, полтора года проводившийся под эгидой ООН, оно вызвало гнев всех арабских стран, за исключением Трансиордании, и привело в ярость евреев, которые провозгласили и защитили независимость своей части Палестины (включая и иерусалимский Новый город) вовсе не для того, чтобы теперь вернуть половину назад и утратить контроль над иммиграцией. Нет ничего удивительного в том, что Кадоган в Совете Безопасности оценил план посредника как реальный выход из “неразрешимой” ситуации насильственного раздела. С точки зрения Лондона, очевидное достоинство этого плана заключалось в том, что большая часть Палестины должна была достаться английскому протезе Абдаллаху. А позицию Арабской лиги выразил офицер сирийского штаба Мухаммед Нимр аль-Хатиб: “Все эти посредники, по большей части, еврейские шпионы, — заявил он. — Это известно каждому”. Арабские лидеры категорически отвергли план Бернадота, и Абдаллаху пришлось последовать их примеру. Израильское правительство отказалось даже обсуждать инициативу шведского дипломата. “По выражению, которое появилось на лицах тех, кто сидел рядом со мной, — писал Бернадот о тель-авивских переговорах, — я понял, что им глубоко несимпатично и мое предложение, и я сам”. Убедившись, что обе стороны отвергли его план, посредник ООН решил на время оставить этот вопрос. В течение месяца после второго перемирия, с 13 августа по 16 сентября, Бернадот побывал в Стокгольме, где в спокойной обстановке проанализировал ситуацию, а потом — на Родосе, где консультировался с персоналом своей миссии. “Евреи наглядно продемонстрировали, что не склонны к серьезному сотрудничеству, — сказал граф, — а арабы попросили меня дать им несколько недель, чтобы народные страсти немного поутихли”.

К тому времени, когда посредник вернулся в Иерусалим, евреи отвоевали позиции, позволившие организовать надежную оборону, и Бернадот

решил отказаться от своего плана отдать Иерусалим арабам и ограничить еврейскую иммиграцию. В его итоговом девяностостраничном докладе, составленном при участии сотрудников миссии и представленном в Совет Безопасности 16 сентября, первоначальные предложения были коренным образом изменены. Как отмечалось в документе, евреи создали свое государство, и Израиль стал “живой, прочной и полной энергии реальностью”. О политико-экономическом союзе уже не упоминалось, Иерусалим рассматривался теперь не как арабский город, а как международный анклав под контролем ООН. Бернадот по-прежнему считал, что следует передать арабам Негев, а также недавно захваченные евреями Лод и Рамлу. Однако в качестве компенсации к израильтянам переходила вся Галилея. Кроме того, в начале доклада посредник с искренней озабоченностью писал о том, что “невозможно справедливое и полное урегулирование, если арабским беженцам не будет предоставлено право вернуться домой...”. Однако, несмотря на продуманность и непредвзятость этого документа, он был с презрением отвергнут обеими сторонами.

На следующий день после того, как доклад был передан в ООН, а также арабским правительствам и правительству Израиля, три автомобиля, где находились Бернадот и группа его коллег, выехали в штаб-квартиру посредника в здании ИМКА, расположенном в иерусалимском Новом городе. Когда машины проезжали нейтральную зону, в которой можно было попасть под выстрелы арабских и еврейских снайперов, джип, неожиданно выскочивший из-за поворота, преградил им дорогу. В джипе сидели четверо мужчин в одежде цвета хаки и форменных кепи израильской армии. Трое из них выскочили на мостовую и подошли к машине Бернадота, и один несколько раз выстрелил в упор. Бернадот и еще один сотрудник ООН были убиты. Два дня спустя, 19 сентября, тело Бернадота было доставлено самолетом в Швецию. Потрясенное и испуганное этим убийством израильское правительство немедленно отдало распоряжение о розыске преступников. Поначалу подозрение пало на *Лехи*, но затем выяснилось, что убийцы принадлежали к еще более правой экстремистской группировке и считали шведского дипломата шпионом. Их так и не нашли. Однако в ходе розыска было арестовано более четырехсот членов *Лехи*, в том числе их глава — Натан Фридман-Елин. Многие из них находились в заключении до конца войны и даже дольше — по обвинению в подстрекательстве и провокации. Перед судом, однако, предстали очень немногие, что не ускользнуло от внимания шведского и других европейских правительств.

Трагедия Бернадота наложила особый отпечаток на восприятие его доклада. То, что первоначально рассматривалось просто как потенциальная возможность, превратилось в “политическое завещание” человека, отдавшего свою жизнь ради мира на Святой земле. Основываясь на этом до-

кументе, Бевин заявил в палате общин, что “правительство всем сердцем поддерживает рекомендации графа Бернадота”. В США Государственный секретарь Маршалл также одобрил доклад посредника и призвал Генеральную Ассамблею принять его. У израильтян такое развитие событий вызвало самую серьезную озабоченность. План, согласно которому Израиль лишился Негева, а Иерусалим приобретал международный статус, был для англичан и американцев удобным средством давления на еврейское государство. Бен-Гуриону и его коллегам стало ясно, что Израилю придется упрочить свои позиции и предпринять новые решительные действия военного характера.

Битва за Негев

К 18 июля, началу второго перемирия, евреям удалось отбить у противника несколько деревень на северо-западе Негева. Однако большая часть негевских поселений по-прежнему оставалась под контролем египтян. По мнению Ядина и его штаба, стратегические соображения требовали от израильтян наступления в пустыне. Теперь, после того как возникла необходимость что-то противопоставить предложениям Бернадота, кампания в Негеве стала неотложным делом. Кроме того, поскольку египтяне представляли наибольшую опасность для еврейской республики, требовалось широкомасштабное наступление. В этой пустыне на юге Палестины египетские войска в той или иной мере контролировали три участка. Один из них тянулся вдоль берега моря от Рафияха до Газы. Другой представлял собой полосу, проходившую с юга на север от аль-Ауджи к Бейт-Лехему через Беэр-Шеву и Хеврон. Эти два района соединяла еще одна полоса, шедшая с запада на восток вдоль дороги из Мадждала в Бейт-Гуврин через Фалуджу. В тактическом отношении эти участки были чрезвычайно уязвимы, хотя египтяне перебросили туда дополнительно 15 тыс. солдат и мощную артиллерию. По сравнению с первыми неделями боев еврейские войска — в не меньшей степени, чем египетские, — ощутимо выросли численно и получили немало оружия. К середине октября израильская армия насчитывала 90 тыс. человек, в числе которых было около 5 тыс. евреев-добровольцев и несколько сотен неевреев-наемников из-за границы, обладавших богатым боевым опытом. Все это время не прекращались поставки из Чехословакии и других стран: в Израиль прибывали истребители, танки, орудия, тысячи ящиков с винтовками и патронами, а также станки для оружейных заводов. В ходе подготовки к новому наступлению войска и оружие переправлялись на транспортных самолетах в Северный Негев, где был построен

аэродром. С августа и до конца октября 1948 г. таким образом было доставлено 2 тыс. тонн оборудования и 1900 бойцов. Под покровом ночи солдаты пробирались в расположенные за линией египетской обороны *кибуцы* — в итоге там сосредоточилась целая бригада израильской армии. В это же время испытанные в боях северные бригады под командованием Игалья Алона подтягивались к южному фронту. К середине октября Алон располагал 30 тыс. бойцов, кроме того, в военных действиях должна была участвовать эскадрилья истребителей. Молодому военачальнику не терпелось вступить в сражение.

Такая возможность представилась 14 октября. С согласия ООН израильтяне направили на юг невооруженную транспортную колонну с продуктами для еврейских поселений. В районе пересечения дорог близ Фалуджи, контролируемом египтянами, головная машина колонны взлетела на воздух. Дело в том, что сами израильтяне незаметно от наблюдателей ООН начинили грузовики динамитом. Теперь у Алона был подходящий предлог, и он решил незамедлительно действовать. Темп, в котором он начал наступление, ошеломил египтян. Израильские самолеты разбомбили за линией обороны противника базы и коммуникации, проложенные через Синай. В то же время бригада, тайно перемещенная в Неgev, вывела из строя железнодорожную линию, ведущую к египетским складам боеприпасов, клином врезалась в позиции египтян и стремительно двинулась в сторону Бейт-Хануна.

Но это был лишь отвлекающий маневр. Подлинной целью Алона была Фалуджа, пересечение главных дорог пустыни Неgev. На следующий день подразделения израильской пехоты пошли в атаку на египетские укрепления в Ирак аль-Маншия. Разгорелся жестокий бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. Евреи захватили египетские позиции. 20 октября, в результате фронтального наступления, оплаченного дорогой ценой, солдаты Алона захватили Хулейкат, укрепленный пункт, имевший стратегическое значение для египтян в Верхнем Негеве. Линия обороны противника была прорвана — теперь 35-тысячные египетские силы в районе Фалуджи оказались под угрозой удара и даже окружения. Однако у евреев почти не оставалось времени, чтобы воспользоваться плодами этой победы. Англичане, обеспокоенные развитием событий, внесли в Совет Безопасности резолюцию с очередным требованием о прекращении огня в Палестине. Она была принята. Евреи вынуждены были действовать быстро. Не задерживаясь на занятых позициях, Алон решил использовать открывшийся перед ним путь на Беэр-Шеву и направил три своих бригады ускоренным маршем на эту сонную арабскую «столицу» Негева. Египетский гарнизон был застигнут врасплох и сдался почти без сопротивления. Через два дня в соседний район Лахиша вошли моторизованные колонны израильтян.

На протяжении недели после 22 октября, когда постепенно входило в действие соглашение о перемирии, египтяне эвакуировали свои части из Западного Негева на транспортных судах. Но и во время эвакуации они понесли тяжелые потери. Два военных корабля были пущены ко дну израильскими подводниками. Один из них, флагман египетского флота “Эмир Фарук”, затонул у Газы с 700 солдатами на борту. Кроме того, 3 тыс. человек из отборных частей Четвертой бригады были окружены к северо-западу от Фалуджи. В этом районе египтяне и евреи не соблюдали условий перемирия. Четвертая бригада под командованием талантливого суданского генерала Таха-бея организовала оборону и стойко держалась в сужавшемся израильском кольце.

Показательна реакция союзников Египта на эту кризисную ситуацию. Вместо того чтобы атаковать евреев на другом фронте и таким образом ослабить натиск на Фалуджу, Глабб направил подразделения легиона в Бейт-Лехем и Хеврон, которые он хотел “спасти” для Хашимитского королевства. Легионеры заняли район, оставленный египтянами. 23 октября главы правительств арабских стран встретились в Аммане и с соблюдением всех формальностей обсудили вопрос о том, как спасти египтян. Встреча эта напоминала фарс. Абдаллах так рассказывал об этом в воспоминаниях:

“Обратившись к Ноакраши-паше [египетскому премьер-министру], я сказал: “Послушаем, что скажет его превосходительство”. Он ответил буквально следующее: “О Боже, я приехал сюда слушать, а не говорить”. Я заметил: “Думаю, что при нынешних обстоятельствах вы, ваше превосходительство, должны были бы говорить — ведь Беэр-Шева пала, а аль-Фалуджа в осаде”. “Кто это сказал? — ответил он. — Египетская армия пока удерживает свои позиции.. Египетскому правительству не нужна ничья помощь. Но где же королевские иорданские и иракские войска? Все мы знаем, что от сирийских войск нет никакого прока”. Так было сказано в присутствии Джамии Мирдам-бея, который все это слышал”.

Наконец Глабб предложил план, согласно которому два иракских батальона и один батальон Арабского легиона должны были атаковать еврейские позиции в районе Бейт-Гуврина. В это время окруженная в Фалудже египетская бригада, выведя из строя свое тяжелое вооружение, должна была выйти из окружения по тайной тропе, известной некоему английскому майору Локхиду, служившему в легионе и уже наладившему связь с Таха-беем. Однако египетский штаб немедленно отклонил эту идею. Мало того, что по плану Глабба нужно было бросить артиллерию, — план этот был предложен англичанином!

В то же время израильский командир Игаль Алон по собственной инициативе решил вступить в переговоры с Таха-беем. Встреча состоялась в

кибуце Гат, в двух милях от места, где были окружены египтяне. Командующий египетскими войсками оказался рослым темнокожим суданцем, любезным и улыбочивым. Он поздравил Алона с замечательными военными победами Израиля и согласился с тем, что египтяне оказались в тяжелом положении. “Но одно я могу спасти, — заявил генерал, — честь египетской армии. Поэтому я буду сражаться до последнего патрона и до последнего человека”. Ни эта, ни две последующие встречи ни к чему не привели — Таха-бей не изменил своего решения. Но беседа была не полностью безрезультатной: в ходе ее йеменский еврей, служивший Алону переводчиком, майор Йерухам Коґен, установил дружеские отношения с адъютантом Таха-бея полковником Гамалем Абдель Насером. Насер восхищался *кибуцами* и демократизмом *ишува*. Израильский “прогрессивизм” он противопоставлял жуликоватым и ко всему безразличным египетским землевладельцам. Однако самые резкие обвинения он приберет для англичан. “Они втянули нас в войну, — говорил Насер. — Что нам Палестина? Все это англичане выдумали, чтобы отвлечь наше внимание от оккупации Египта”. Так называемые “союзники” Египта тоже вызывали гнев Насера, особенно Абдаллах, который и пальцем не пошевелил, чтобы помочь окруженным египтянам. Когда-нибудь хашимитский король поплатится за свое предательство, заявил Насер.

В речах молодого майора отразилось глубочайшее недоверие, которое уже давно питали друг к другу арабские государства. Особенно сильным было взаимное недоверие между Египтом и Трансиорданием. Эти чувства в связи с проблемой оккупированной Палестины наконец проявились во всей полноте. Египтяне, которые не собирались отдавать Палестину Трансиордании, начали повсюду твердить о “правах палестинского народа” и заявили о своем намерении создать правительство Святой земли. С этой целью в конце октября 1948 г. в Каире было организовано “правительство всей Палестины” с резиденцией в Газе. А 1 октября в Газе собрался поддерживаемый египтянами Национальный палестинский совет, который послушно избрал президентом муфтия. Через две недели правительство в Газе было официально признано Сирией, Ливаном и Ираком. Однако вскоре стало ясно, что это марионеточный режим: когда Хадж Амин, вопреки указаниям Каира, отправился в Газу и был там опознан, муфтия немедленно задержали и отправили в Суэц, где он был помещен под неусыпное наблюдение.

Между тем Абдаллах тоже не терял времени даром. Заявив, что “правительству” Газы нечего делать на территории, оккупированной Трансиорданием, король поспешил созвать другую конференцию из числа покорных ему палестинских представителей, по большей части беженцев. В конце октября они собрались в Аммане и официально осудили осуществленный проегипетскими элементами в Газе фактический раздел Палестины. Затем

в арабских городах и деревнях на Западном берегу Иордана прошли “стихийные” массовые демонстрации — толпы на улицах умоляли Абдаллаха аннексировать районы Палестины, оккупированные легионом. Наконец, 1 декабря в Иерихоне состоялась “полномочная” конференция палестинских и трансйорданских делегатов, которая приняла резолюцию, поддерживавшую объединение Палестины и Трансиордании в неделимое “Арабское Хашимитское Королевство Иордания”. Абдаллах “согласился” с этой резолюцией и назначил на место иерусалимского муфтия шейха Хассана Мухьи аль-Дина аль-Джараллаха взамен Хадж Амина аль-Хусейни.

Политический маневр Абдаллаха вызвал бурю возмущения в Каире и других арабских столицах. 10 декабря 1948 г. король Фарук сделал официальное заявление, в котором лишил поддержки палестинцев, принявших участие в Иерихонской конференции. Египетская армия, подчеркнул Фарук, не для того проливала кровь, чтобы предоставить палестинцев самим себе; принятая в Иерихоне резолюция ставит под удар арабское единство, и Арабская лига этого не потерпит. На следующий день великий улем¹² Аль-Азхарского университета официально осудил хашимитский режим за “дурную политику, способную нанести ущерб арабскому единству”.

Последняя кампания палестинской войны

В то время как египтяне и иорданцы осыпали друг друга обвинениями, евреи готовились к началу наступления против египетской армии и изгнанию ее с израильской территории. На этот раз главная цель операции заключалась в том, чтобы убедительно продемонстрировать суверенность и силу Израиля и, как надеялись евреи, положить конец войне. Войска были к этому готовы. Была усовершенствована организация армии, последние подразделения *Палмаха* и *Эцель* влились в регулярные части, была создана четкая мобилизационная система. К декабрю 1948 г. израильская армия насчитывала 100 тыс. человек, в ее распоряжении были теперь транспортные и военные суда.

Войска противника, дислоцированные в это время к северу от Синая, удерживали фронт, образовывавший два выступа. На северном выступе оборонны были две бригады, расположенные в районе Рафияха и Газы, в тылу у них находилась ключевая для египтян база в Эль-Арише. Южный выступ, кото-

12 Улемы (от *араб.* “улама” — “ученые”) — сословие мусульманских богословов и законоведов; в данном контексте — совет, собрание мусульманских богословов и законоведов.

рый также удерживали две бригады, тянулся от Аль-Ауджи до Бир-Аслуджа и был направлен на Беэр-Шеву. Кроме того, четвертая бригада, окруженная в районе Фалуджи, сковывала довольно значительные израильские силы. Линия египетской обороны была хорошо укреплена. Преимущества израильтян заключались во внезапности атаки и умении выбрать выгодную для нее местность — этими преимуществами Ядин и Алон собирались воспользоваться как можно эффективнее. Предполагалось, что египтяне будут ожидать наступления на своем северном участке, там, откуда они угрожали плотно населенным прибрежным районам Израиля. Поэтому израильское командование приняло решение начать наступление на юге, в направлении Аль-Ауджи, опорной точки египетской обороны в Негеве. Взяв Аль-Ауджу, евреи смогли бы пройти через Синай и, выйдя к Эль-Аришу и к Средиземноморскому побережью, одним ударом расстроить планы противника.

Для того чтобы осуществить этот смелый план, надо было захватить Аль-Ауджу. Однако главная дорога из Бир-Аслуджа в Ааль-Ауджу была хорошо защищена египетскими танками и артиллерией. Прямую атаку вдоль южного шоссе можно было бы осуществить, только пожертвовав жизнями множества солдат и техникой. Ядин почти неделю пытался справиться с этой задачей. 17 декабря он нашел решение в руководстве по археологии греко-римской Палестины, где имелась карта с изображением второй дороги на Аль-Ауджу, идущей с юга. Конечно, настоящей дорогой эту каменистую тропу римских времен назвать было нельзя. Алон немедленно послал разведчиков выяснить, существует ли еще эта тропа. Она в конце концов была обнаружена в дюнах под Бир-Аслуджем и оказалась пригодной для передвижения.

Тогда закипела работа, которая продолжалась три дня. Под покровом темноты инженерные подразделения мостили и выравнивали самые сложные участки. Делалось это настолько тихо, что египетские аванпосты, находившиеся в двух милях от дороги, ничего не заподозрили. А в ночь на 22 декабря началось наступление. В соответствии с планом, Алон направил бронетанковую колонну в направлении Газы. Пехотная бригада под прикрытием бомбардировщиков двинулась к главному шоссе между Бир-Аслуджем и Аль-Ауджей. Но это были лишь отвлекающие маневры. Обманутый противник решил, что израильтяне разворачивают наступление согласно плану, предусмотренному египетским командованием. В следующие дни, пока египтяне отбивали одну за другой атаки на центральном участке, мощная израильская колонна, состоявшая из броневиков и машин с пехотой, медленно продвигалась вперед по римской дороге. На рассвете 26 декабря евреи подошли к Аль-Аудже на расстояние выстрела. В прекрасно укрепленном форте было тихо — его гарнизон был сосредоточен на северном направлении. На север смотрели и стволы египетских орудий, которые

держали под контролем главную дорогу. Авангард израильтян неожиданно врвался в тыл египтянам, а на городской площади появились израильские танки и броневики. Несмотря на потрясение, египтяне сражались отважно. Бой продолжался сутки, а затем они капитулировали. Командир гарнизона, которого молниеносная атака израильтян застала во сне, сдался в плен прямо в пижаме.

Алон не собирался останавливаться на достигнутом. Его войска, совершив фланговый обход, на десять миль продвинулись в глубь египетской территории и заняли Абу-Агейлу. Затем они двинулись к Средиземноморскому побережью и в направлении центральной египетской базы Эль-Ариш. За восемь месяцев войны евреи продвинулись далеко — и не только в географическом смысле. В мае их плохо вооруженные, малочисленные отряды остановили египетские танки в шестнадцати милях от Тель-Авива. А в декабре закаленная в боях пехота при поддержке танков и самолетов вторглась в Египет и совершила рывок к Эль-Аришу, отрезав египетской армии все пути к отступлению. Пораженное этим египетское правительство начало лихорадочную дипломатическую деятельность, пытаясь получить военную помощь у других арабских государств. Но рассчитывать на Каиру было не на что. Силы Сирии и Ирака истощились. Абдаллах считал войну законченной. В ноябре 1948 г. в результате ряда встреч между Моше Даяном и полковником трансйорданской армии Абдаллахом аль-Телем, командующим частями легиона в Иерусалиме, было достигнуто соглашение о прекращении огня, вступившее в силу 1 декабря. В дальнейшем эти два офицера обсуждали вопрос о допуске еврейских транспортных колонн на гору Скопус и о снабжении находившегося там еврейского полицейского участка. Таким образом, эти беседы вышли за рамки чисто военных проблем и походили на переговоры о заключении перемирия.

Мало того что египетское правительство не нашло поддержки у своих союзников — вскоре оно столкнулось с не менее тяжелыми последствиями военного поражения и у себя в стране. Вступая в палестинскую войну, Фарук надеялся отвлечь внимание народа от внутренних проблем и победить своих противников из партии “Вафд”. Сначала могло показаться, что королю это удалось. Газеты кричали об успехах армии — подлинных и мнимых. В честь победы были заблаговременно выпущены почтовые марки. После того как в декабре началось наступление Алона, в Каире было решено скрыть поражение не только от союзников, но и от собственного народа. Но в конце концов египтяне, конечно, обо всем узнали. В ноябре по Египту прокатились бурные демонстрации против иностранных и еврейских предпринимателей, организованные “Мусульманскими братьями”. В больших городах начались беспорядки. Националистические лозунги соседствовали с выпадами против Ноакраши-паши и его правительства. В ответ премьер-

министр объявил “Мусульманских братьев” вне закона и отдал распоряжение о конфискации имущества этой организации. Но приказ остался невыполненным — 28 декабря один из членов братства убил Ноакраши-пашу. Многие полагали, что в Египте может начаться гражданская война.

Но раздираемая конфликтами страна все-таки не осталась без помощи. По условиям англо-египетского договора 1936 г. Великобритания должна была оказать содействие Египту в случае, если он подвергнется нападению. Между тем 29 декабря Совет Безопасности принял решение о немедленном прекращении огня в Палестине. Теперь у англичан появился шанс укрепить свои пошатнувшиеся позиции в Египте, а может быть, и в Святой земле. Разумеется, в 1948 г. ничто, даже иностранное вторжение в Египет, не могло бы заставить Каир вернуться к договору о взаимопомощи 1936 г. Однако англичане использовали возникшую ситуацию, чтобы пригрозить Израилю. Если Израиль не подчинится резолюции Совета Безопасности, заявили они, Великобритания введет в действие свои вооруженные силы в соответствии с англо-египетским договором. Этот ультиматум не оставлял евреям никакого выбора. Каковы бы ни были права Израиля в соответствии с имевшимися прецедентами, он не мог вступить в конфронтацию с великой державой, и Бен-Гурион прекрасно это понимал. Того же мнения придерживался и Ядин. Слишком многого добилась израильская армия, чтобы теперь рисковать. 2 января 1949 г. штаб Алона получил приказ уйти из Синая.

Однако по настоянию Ядина Бен-Гурион разрешил Алону оставить за собой командные высоты в районе пограничного города Рафиаха. Таким образом, понесшим большие потери египетским войскам в полосе Газы был отрезан последний путь к отступлению. Англичане ответили на это еще одной угрозой: в течение нескольких недель самолеты британских ВВС регулярно сопровождали египетские эскадрильи в полетах над египетско-израильской границей. 7 января, когда в ООН была принята еще одна резолюция о прекращении огня, израильскими ВВС было сбито пять английских истребителей. Бевин, судя по всему, решил, что теперь у него есть подходящий предлог, чтобы пригрозить еврейскому государству прямой интервенцией и тем самым ослабить позиции Израиля на предстоящих в будущем арабо-израильских переговорах. 8 января он заявил, что евреи совершили акты “неспровоцированной агрессии” против Египта, но англичане “пока” не начали перебрасывать свои войска с суэцких баз к палестинской границе. Через три дня английское Министерство иностранных дел сообщило журналистам, что “с исключительной серьезностью” следит за военными операциями евреев.

Каир не замедлил воспользоваться тем, что англичане грозят Израилю вторжением. 12 января египтяне выдвинули свой ультиматум. Переговоры о перемирии, заявили они, не начнутся, пока евреи не уйдут с высот в районе

Рафиаха. Однако израильский штаб никак не мог согласиться на это требование: разомкнув кольцо, в котором оказались войска противника, Израиль лишился бы на мирных переговорах своего главного козыря и, кроме того, оставил бы под контролем противника полосу Газы, глубоко вдававшуюся в израильскую территорию. Принять решение предстояло Бен-Гуриону. По мнению премьер-министра, отказ от условий, предложенных Каиром, означал бы продолжение войны с Египтом и — неизбежно — английскую интервенцию. Между тем еврейское государство уже было создано и, защитив себя от врагов, жило нормальной жизнью. Более того, Израиль захватил дополнительные 600 квадратных миль и сумел выгодным для себя образом изменить демографический состав своего населения. Другие арабские государства готовы были вслед за Египтом сесть за стол переговоров. Вероятно, в этой ситуации правильнее всего было дать Каиру возможность спасти свою репутацию. Поэтому, несмотря на настоятельные просьбы Алона, который прибыл в Тель-Авив и убеждал премьер-министра сохранить для Израиля главный козырь на переговорах, Бен-Гурион принял решение отвести войска.

Во вторую неделю января евреи покинули высоты в районе Рафиаха. Через две недели после этого, когда начались переговоры о перемирии, израильтяне выпустили солдат Таха-бея из Фалуджи. Стоя на склоне холма, Йерухам Коген, адъютант Алона, смотрел, как строятся остатки египетской бригады. Неожиданно он увидел полковника Насера. Коген окликнул его, они подбежали друг к другу и обменялись дружеским рукопожатием. Под музыку израильского военного оркестра египетская колонна двинулась в направлении лагеря в Эль-Арише.

Переговоры о перемирии

29 декабря 1948 г. Совет Безопасности, который на протяжении полугода ограничивался резолюциями о прекращении огня и временных перемириях, призвал к окончательному перемирию во всех районах Палестины. Хотя Египет и другие арабские государства к этому моменту были уже обессилены и явно были бы рады прекратить военные действия, само собой разумелось, что ни одна из арабских стран не согласится на “прямые” переговоры с Израилем, то есть не сможет обойтись без посредничества ООН. Поэтому, когда в начале января 1949 г. на острове Родос начались предварительные переговоры между Израилем и Египтом, было установлено, что они проводятся в рамках ООН. Обе делегации разместились в одной гостинице. Это повлекло за собой комические затруднения. Глава израильской делегации Вальтер Эйтан, сотрудник Министерства иностранных дел,

рассказывал, что если египтянин сталкивался в коридоре с израильтянином, то, “демонстративно отвернувшись, только искоса поглядывал [на еврея], а потом, не справившись с любопытством, оборачивался, чтобы все-таки по-лучше его разглядеть”. Посредник ООН д-р Ролф Банч, сорокалетний афроамериканец, бывший в свое время заместителем Бернадота, оказался талантливый и умный дипломатом. Однако поначалу даже Банчу с его обаянием не удалось убедить египтян встретиться с их израильскими коллегами. Поэтому предварительные беседы посредник или его заместитель проводили отдельно с каждой делегацией.

Однако через несколько дней настойчивость Банча увенчалась успехом. Он собрал у себя в номере египтян и израильтян. Сам Банч председательствовал, сидя на диване. Впоследствии переговоры о перемирии с Иорданией, Ливаном и Сирией развивались примерно по той же схеме. Правда, сначала египтяне обращались только к Банчу, как если бы евреев в комнате не было. Но долго придерживаться столь неестественной линии поведения было невозможно. Вскоре делегации вступили в прямой диалог — по-английски и по-французски. Представители Израиля и Египта заверили друг друга в том, что стремятся достичь прочного мира в Палестине. С этой целью на первом этапе было разработано соглашение о перемирии в соответствии с реальной военной обстановкой. В результате Неgev — за исключением узкой прибрежной полосы Газы, оккупированной египетскими войсками, — остался в составе Израиля. Город Аль-Ауджа с окрестностями должен был быть демилитаризован под наблюдением ООН. Израиль согласился на такое решение, чтобы дать египетскому правительству возможность сохранить свой престиж: египтяне могли теперь заявить своему народу, что держат под контролем один из районов Палестины, так же как это сделал хашимитский режим.

Обе стороны исходили из предположения, что перемирие в ближайшем будущем должно быть закреплено постоянным мирным договором. Собственно, об этом говорилось и в самом соглашении о перемирии: “Стремясь установить постоянный мир в Палестине и признавая в связи с этим важность взаимных гарантий относительно дальнейших военных действий сторон, принимаются... следующие принципы”. И далее: “Установление перемирия между вооруженными силами сторон рассматривается как необходимый шаг для ликвидации вооруженного конфликта и восстановления мира в Палестине”. Соглашение было подписано 24 февраля 1949 г. Эйтан, руководитель израильской делегации, впоследствии вспоминал о том, в какой теплой атмосфере завершились переговоры:

“За те полтора месяца, что мы прожили вместе с египтянами в отель “Де Роз”, у нас установились вполне дружеские отношения... Помимо переговоров мы

почти не общались, но когда Абдул Монеим Мустафа, главный политический советник египетской делегации, заболел, мы навестили его, а когда наконец было подписано соглашение, д-р Банч пригласил всех нас на вечеринку, которая удалась благодаря египтянам: для этого случая из Каира были доставлены самолетом деликатесы от Гроппи. Хорошо помню, как мы сидели вместе с главой египетской делегации и он показывал мне фотографии родных.. Словом, атмосфера ничем не напоминала обстановку первого дня, когда египтяне отворачивались от нас в коридорах”.

На Родосе был создан прецедент, ставший основой для последующих переговоров Израиля с другими арабскими странами. Если Египет, крупнейшее арабское государство, согласился на переговоры с евреями, другим странам было не так трудно пойти по его пути. Так, например, условия перемирия с Ливаном обсуждались в Рош-га-Никра на ливанско-израильской границе. В соответствии с соглашением, подписанным 23 марта 1949 г., израильтяне вывели свои войска из четырнадцати ливанских деревень, захваченных во время войны, и между Ливаном и Израилем была восстановлена старая международная граница. Этот документ, за исключением деталей территориального урегулирования, по содержанию ничем не отличался от израильско-египетского соглашения. В нем также выражалась надежда на то, что после окончания вооруженного конфликта удастся достичь постоянного мира. На подписание соглашений с Египтом, Ливаном и Иорданией ушло менее полутора месяцев. Трудности возникли только во время переговоров с сирийцами. Позиция Сирии объяснялась отчасти националистическими страстями (Сирия — колыбель арабского национализма), а отчасти нежеланием сирийцев вывести свои войска с оккупированной израильской территории. Переговоры тянулись с 5 апреля по 20 июля 1949 г., они проходили в палатке, расположенной на нейтральной полосе, у дороги Тверия—Дамаск. Стояла палящая жара. После бесконечных споров сирийцы наконец согласились отвести свои войска за линию границы, но только при условии, что в освобожденные районы не вступит израильская армия. Таким образом, возникла еще одна демилитаризованная зона. В остальном основные положения совместного сирийско-израильского документа соответствовали принципам, принятым в соглашениях Израиля с другими арабскими странами.

19 марта иракское правительство сообщило Банчу, что оно уполномочило иорданскую делегацию вести переговоры от его имени и что иракские войска будут выведены из Палестины. Действительно, иракская армия покинула Святую землю. Однако Ирак оказался единственной арабской страной, которая не подписала соглашения о перемирии с евреями. Это обстоятельство впоследствии позволило Багдаду на словах выступать против

еврейского государства значительно резче, чем это делали непосредственные соседи Израиля, и в то же время воздержаться от каких-либо практических действий. Нури ас-Сайд уже давно убедился в том, что с помощью подобных методов можно добиться популярности в народе, а может быть, и главенствующего положения в арабском мире. В дальнейшем такой подход был принят на вооружение и другими мусульманскими государствами, в частности Алжиром и Ливией.

В ходе переговоров с арабскими правительствами самыми сложными и в то же время самыми перспективными для израильтян оказались контакты с Хашимитским Королевством. Переговоры с Трансиорданием начались на Родосе через несколько дней после подписания соглашения с Египтом. Трансиорданские дипломаты производили куда менее внушительное впечатление, чем египтяне: они вели себя беспомощно и неуверенно, казалось, что у них нет точных инструкций. Так оно и было — Абдаллах, не дав им никаких ясных указаний, предпочел напрямую связаться с израильтянами через полковника аль-Теля, находившегося в Иерусалиме. В результате было решено, что израильская делегация тайно встретится с Абдаллахом в королевской резиденции в Шуне, у Мертвого моря. Судя по всему, хашимитский монарх не собирался предоставлять необходимые полномочия своим представителям на переговорах, хотя он и согласился на формальное продолжение их на Родосе.

С помощью аль-Теля израильская делегация пересекла трансиорданскую границу, на пропускном пункте полковник представил их как наблюдателей ООН. Это едва ли показалось убедительным — ведь, кроме Эйтана, в израильскую делегацию входили Ядин и Даян, которых все знали в лицо. Однако пограничники спорить не стали. Абдаллах принял своих гостей в Шуне и показал себя таким же радушным хозяином, как и до войны. В ходе первого заседания, в котором участвовали евреи и арабы, король обратился к присутствующим с обзором событий, которые привели делегатов на эту странную встречу. Абдаллах говорил очень откровенно и подчеркнул, что его министры вместе с египтянами втянули Трансиорданию в войну, которой он не желал. Его выступление, направленное против его собственных чиновников, заняло двадцать минут. После этого арабы и евреи были приглашены на банкет, однако премьер-министр Абд аль-Уда, сославшись на боль в желудке, попросил разрешения не присутствовать на нем.

После банкета Абдаллах удалился, а делегации приступили к переговорам, которые заняли всю ночь. Под утро евреи отправились назад в автомобиле аль-Теля, чтобы успеть в Иерусалим до рассвета. Ночные поездки и переговоры продолжались целую неделю. Все это время, стремясь оказать давление на Трансиорданию, израильская армия продолжала демонстрировать подготовку к широкомасштабному наступлению в том случае, если Аб-

даллах не согласится на пересмотр границ. В конце концов было достигнуто компромиссное соглашение. Демаркационная линия была проведена не в соответствии с дислокацией обеих армий, а на несколько миль восточнее. Таким образом, к Израилю отходили шоссе Хадера — Афула, железная дорога между Лодом и Хайфой, а также часть горного района. Из соображений престижа иорданцы оставили на своей стороне большое количество деревень, но не позаботились сохранить за собой прилегающие к ним земельные участки. В результате многие крестьяне были отрезаны от своих полей. В любом случае соглашение рассматривалось как временное — за ним должен был последовать мирный договор и урегулирование вопросов, связанных с границей. После того как были внесены необходимые изменения, демилитаризованная пограничная полоса протянулась от Мертвого моря до Акабы на юг и до Бейсана на север. Вместе с тем пересмотр границ не коснулся Иерусалима — там сохранялся *status quo*: Новый город остался в руках евреев, Старый город — в руках арабов. Иорданцы гарантировали израильтянам свободный доступ к больнице *Гадаса* и Еврейскому университету, расположенному на горе Скопус, а также к святым местам и кладбищам на Масличной горе.

Такова была суть договоренности, достигнутой сторонами в три часа утра 1 апреля. Сразу после этого Даян и Джунди, представители израильской и арабской делегаций, вылетели на Родос, где 3 апреля соглашение было подписано “официальными” делегациями. После этого израильские войска выдвинулись на отданные еврейскому государству в ходе переговоров командные высоты. В августе 1949 г. на израильско-иорданской границе еще находились (предполагалось, что временно) представители ООН, которые наблюдали за соблюдением условий перемирия. В последующие месяцы продолжались весьма обстоятельные тайные беседы Абдаллаха с израильскими представителями, а в марте 1950 г. началась работа по подготовке мирного соглашения. Однако, руководствуясь политическими соображениями, король решил не спешить с этим. Возможно, он допустил ошибку. Если бы он продолжил переговоры и, не медля, подписал соглашение, это было бы воспринято как свершившийся факт. А вместо этого информация о переговорах Абдаллаха с израильтянами начала распространяться в тот период, когда действовало зыбкое соглашение о перемирии. Это и погубило самого способного государственного деятеля арабского мира.

В результате перемирия с арабскими странами территория Израиля составила 8 тыс. квадратных миль, то есть на 21% больше того, что предусматривалось планом раздела Палестины. Предполагалось, однако, что эти границы имеют временный характер и подвергнутся изменениям и уточнениям в ходе предстоящих мирных переговоров. Этого не случилось, и в результате территориальная проблема стала для Израиля источником по-

стоянных трудностей. Так, например, проведенная между Израилем и Иорданией демаркационная линия, по одну сторону которой остались крестьяне, а по другую — принадлежащие им поля, непрерывно нарушалась и стала причиной постоянных пограничных конфликтов между двумя сторонами. Благодаря своему статусу, предусматривающему свободный доступ к святым местам и некоторым гражданским учреждениям, Иерусалим оказался в полной зависимости от арабов, и соглашения на этот счет оказались по сути нереальными. Евреи вынуждены были направить специальные силы полиции для охраны больницы и университета на горе Скопус. Не удалось достичь и договоренности о доступе к еврейским религиозным святыням в Старом городе и о надлежащем уходе за ними. Это, в свою очередь, постоянно омрачало жизнь верующих евреев как в Израиле, так и за его пределами.

Соглашение с Сирией тоже было чревато опасностями. На территории, примыкающей к израильской демилитаризованной зоне вдоль сирийской границы, находились еврейские сельскохозяйственные поселения. Израиль планировал осуществить в этих районах несколько больших проектов по развитию земледелия. Предполагалось, в частности, осушить озеро Хула и повернуть русло реки Иордан. Собираясь приступить к освоению этих земель, евреи ссылались на пункт сирийско-израильского соглашения от 20 июля 1949 г., в котором в качестве главной цели перемирия признавалось “постепенное восстановление нормальной жизни в районе демилитаризованной зоны”. Сирийское правительство не приняло такого толкования, и вскоре это стало поводом для конфликта. Когда евреи занимались сельскохозяйственными и ирригационными работами на приграничных участках, сирийцы время от времени обстреливали их с позиций, расположенных на Голанских высотах. Таким образом они помешали израильтянам осуществить план по созданию водозаборной системы на Иордане, и евреям пришлось прибегнуть к менее практичному и более дорогостоящему методу и пользоваться водой из Кинерета. Демилитаризованные зоны и в дальнейшем были источником напряжения и вооруженных конфликтов.

Такое же положение сложилось в полосе Газы, где по-прежнему оставались египетские войска. При подстрекательстве Каира эта переполненная беженцами зона была превращена террористами в базу, откуда они проводили операции против Израиля. Неопределенность формул израильско-египетского соглашения позволяла египтянам закрывать глаза на эту деятельность. Во всех соглашениях о перемирии говорилось о полном прекращении военных действий и о том, что на “агрессивные действия” обеих сторон налагался мораторий. Однако одно положение, включенное во все остальные документы, не вошло — возможно, по недосмотру — в текст

израильско-египетского соглашения. Положение это сводилось к следующему: “С территории, контролируемой одной из сторон, не должно производиться никаких военных или враждебных действий по отношению к другой стороне”. Впоследствии египетское правительство использовало отсутствие подобного пункта в израильско-египетской договоренности как юридическое оправдание для того, чтобы поощрять террористическую деятельность, не пропускать израильские суда через Суэцкий канал и (до 1956 г., а также весной 1967 г.) блокировать Тиранский пролив. Таким образом, Газа тоже представляла для Израиля смертельную угрозу. Однако в 1949 г. все эти опасности казались столь далекими и недолговечными (как и сами соглашения о перемирии), что еще до того, как летом того же года были подписаны итоговые документы, в роли посредника выступила Комиссия по примирению — новый орган, созданный Организацией Объединенных Наций. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1948 г., перед комиссией ставилась задача не больше и не меньше, чем достичь “окончательного урегулирования всех спорных вопросов”, возникших между Израилем и арабскими странами. Авторы этой резолюции были настолько уверены в благоприятных перспективах, что это само по себе было для евреев вознаграждением за все перенесенные в ходе войны страдания. А страдания эти были велики. Во время войны погибло 6 тыс. человек, более 30 тыс. были ранены — немалые потери для страны с населением, не превышающим 600 тыс. Одни только военные расходы составили 500 млн долларов. Снова, как в 1917–1918 гг., в стране воцарилась разруха. Плодородные поля были изрыты и заминированы; цитрусовые плантации, десятилетиями служившие основой еврейской экономики в Палестине, уничтожены. И все же, несмотря на кровоточащие раны, маленькая еврейская республика выжила, а ее суверенитет был признан мировым сообществом. После того как в январе 1949 г. были проведены парламентские выборы и народ передал власть правительству и *кнесету*, те государства, которые ранее, сразу после создания Израиля, признали его *de facto*, начали открывать свои миссии и посольства в Тель-Авиве и Иерусалиме.

Когда были подписаны соглашения о перемирии, просьба Израиля о принятии его в ООН была одобрена 11 марта 1949 г. Советом Безопасности, а затем, в мае 1950 г., Израиль стал полноправным членом Организации Объединенных Наций. В те времена вступление в ООН еще считалось важным свидетельством суверенитета и жизнеспособности государства. Когда на площади перед зданием Генеральной Ассамблеи в торжественной обстановке был поднят израильский флаг, присутствовавшие при этом Шарет и Эйтан, как и все евреи мира, не могли не вспомнить о том, что всего лишь за четыре года до этого *маген Давид* (“щит Давида”) был знаком об-

реченности, эмблемой, которую носили узники концентрационных лагерей. Даже умудренному опытом журналисту или ученому не хватило бы ни знаний, ни таланта, чтобы описать путь к независимости, пройденный еврейским народом — народом, с которым так жестоко обошлась история. Казалось, случившееся можно объяснить только неизвестным, новым законом природы.

Глава XIV.

Развитие израильской государственности

Основы системы государственного управления

Если судить только по внешним признакам, то решимость руководителей израильского *ишува* в мае 1948 г. провозгласить государство была непреклонной, однако несколько спонтанной, не имеющей под собой продуманного плана. Известно, например, что даже решение относительно названия нового государства откладывалось до самой последней минуты, а окончательный машинописный вариант Декларации независимости был одобрен буквально за час до публичного оглашения этого документа. Однако видимые признаки, лежащие на поверхности, зачастую могут ввести в заблуждение. В действительности правительство Израиля формировалось не беспорядочно, а на основе тщательно продуманного плана. Еще в октябре 1947 г. объединенными усилиями *Ваад Леуми*¹ и Еврейского агентства были разработаны правовые основы и общие конституционные положения будущего независимого государства. Согласно первому этапу этого плана, 1 марта 1948 г. был сформирован официальный временный правительственный орган, Народный совет (*Моэцет га-ам*), состоявший из 37 членов, представителей *Ваад Леуми* и Еврейского агентства, отобранных таким образом, чтобы

1 *Ваад Леуми* (Национальный комитет) — исполнительный орган Собрания депутатов (*Асефат га-нивхарим*) евреев подмандатной Палестины (1920–1948). Формальный юридический статус получил 1 января 1928 г. *Ваад Леуми* представлял *ишув* в отношениях с британскими властями и арабскими лидерами. Он имел своих представителей в постоянной мандатной комиссии Лиги Наций и в многочисленных международных комиссиях по решению палестинского вопроса. *Ваад Леуми* руководил внутренними делами еврейского населения. *Агудат Исраэль* и другие ультраортодоксальные группы бойкотировали *Ваад Леуми*.

обеспечить пропорциональное представительство всех партий и политических сил *ишува*. Именно Народный совет, в свою очередь, три недели спустя одобрил детально разработанную структуру Временного правительства, власть к которому должна была перейти по окончании срока действия британского мандата.

Согласно Декларации независимости Государства Израиль, структуры управления, созданные до образования государства, подлежали преобразованию в государственные органы. Законодательный орган Временного правительства, именуемый Временным государственным советом, должен был состоять из 37 членов Народного совета, действовавшего с 1 марта, а исполнительный орган — из 13 членов Народного правления², также функционировавшего с 1 марта. 14 мая Временный государственный совет официально объявил о своих юридических полномочиях. Таким образом, Бен-Гурион действовал от имени Временного государственного совета, сообщая о том, что все законы мандатных властей сохраняют силу — за исключением тех, которые будут пересмотрены самим Советом. Далее было заявлено об отмене ряда положений, установленных британскими властями и абсолютно неприемлемых для еврейского населения, включая Белую книгу 1939 г. и последующие указы 1941 и 1945 гг., налагавшие дополнительные ограничения на еврейскую иммиграцию и права евреев на приобретение земли, а также ограничивающие их свободу передвижения. Все эти изменения и дополнения были встречены бурными аплодисментами присутствовавших.

Временный государственный совет избрал 16 мая своим президентом (но не президентом Государства Израиль) Хаима Вейцмана и приступил к решению практических задач, связанных с жизнью в условиях чрезвычайного военного положения. Министерства нового правительства, за незначительными исключениями, были сформированы из отделов и бюро, существовавших в рамках *Ваад Леуми*, Еврейского агентства и мандатной администрации. Так, отделы *Ваад Леуми*, ведавшие здравоохранением, вопросами религий и социального обеспечения, стали соответствующими министерствами правительства Израиля, а отделы культуры и образования были объединены в Министерство образования и культуры. Аналогичным образом, отделы финансов, иммиграции, труда, политики, торговли и промышленности Еврейского агентства стали министерствами финансов, иммиграции, труда, иностранных дел, торговли и промышленности. Сорок

2 В начале 1948 года руководство *ишува* приняло решение начать интенсивную подготовку к провозглашению государства сразу же после ухода англичан. Были созданы временные законодательные и исполнительные органы: *Мозет га-ам* — Народный совет, состоящий из 37 человек, и *Мингелет га-ам* — Народное правление, состоящее из 13 человек, во главе с Д. Бен-Гурионом.

с лишним отделов мандатной администрации перешли в ведение новых властей, и их функции были распределены между тринадцатью министерствами. Временное правительство находилось у власти с 14 мая 1948 г. по 10 марта 1949 г., когда начало официально функционировать первое правительство Израиля, сформированное на основе первых демократических выборов, и на протяжении этого периода оно пользовалось широким доверием населения страны. Никто не подвергал сомнению его моральное и юридическое право сформировать Верховный суд³ страны, выпустить в обращение национальную валюту и почтовые марки, его полномочия по установлению и взиманию налогов, а также по определению правил и норм выборов в Учредительное собрание. Окончательным подтверждением жизнеспособности Временного правительства стало одобрение общественностью страны тех чрезвычайных мер, которые были приняты во время Войны за независимость.

Никто из жителей страны при этом, разумеется, не полагал, что правящий орган военного времени является чем-то большим, нежели “временное правительство” — как свидетельствовало и само его название. Решение ООН о разделе Палестины предусматривало, что “Учредительное собрание каждого из двух государств (еврейского и арабского) предложит проект демократической конституции для своего государства”. Более того, в Резолюции ООН были перечислены все аспекты такой конституции, в том числе формирование законодательных органов путем всеобщих выборов, подотчетность исполнительных органов законодательным, а также гарантированное равенство гражданских, политических, экономических и религиозных прав населения. Все эти обязательства подтверждались в Декларации независимости Государства Израиль, и было заявлено, что Учредительное собрание должно быть избрано не позднее 1 октября 1948 г. Хотя условия военного времени вынудили сдвинуть намеченные сроки, тем не менее Временное правительство в конечном итоге выполнило свои обязательства. В июле 1948 г. кабинет министров определил дату выборов — 25 января 1949 г., дал указание о проведении переписи населения и разработал детальную процедуру проведения выборов.

3 Верховный суд является высшей апелляционной инстанцией, а также Высшим судом справедливости. Его функции — защита свободы личности граждан и жителей Израиля и охрана правопорядка. Здание Верховного суда находится в Иерусалиме. В качестве Высшего суда справедливости Верховный суд правомочен: издавать распоряжения об освобождении незаконно задержанных лиц; поддерживать или отменять действия государственных и местных властей и должностных лиц в рамках их полномочий; отдавать распоряжения судам низшей инстанции. В последние десятилетия в Израиле усиливается критика Верховного суда из-за политики “Судебного активизма”, ставящей Верховный суд выше законодательной и исполнительной власти.

Одним из наиболее примечательных аспектов этой процедуры был принцип пропорционального представительства на основе списков политических партий, причем к тому времени этот принцип соблюдался на протяжении десятилетий — при проведении выборов на Сионистских конгрессах и в Собрание депутатов (*Асефат ѓа-нивхарим*)⁴ *ишува*. Далее было определено, что численность будущего Учредительного собрания составит 120 человек. Право голоса было предоставлено всем жителям Израиля, достигшим восемнадцатилетнего возраста, вне зависимости от пола, расовой принадлежности и вероисповедания. Таким образом, на выборах 25 января кандидаты от 21 партийного списка соперничали за 120 мест в Национальной ассамблее. В голосовании приняло участие около 440 тыс. человек, или 87% всего населения, имевшего право голоса. С учетом требования пропорционального представительства каждой партии, депутаты рабочих партий получили 57 мест, депутаты центристских и правых сил — 31 место и депутаты религиозных партий — 16 мест. Это соотношение в целом соответствовало расстановке сил, наблюдавшейся в *ишuve* до создания государства. Из общего числа избранных делегатов 117 человек были евреями и трое — арабами.

Первое заседание Учредительного собрания состоялось 14 февраля 1949 г. Были проведены выборы спикера и его заместителей, а также образованы соответствующие комитеты. Два дня спустя Учредительное собрание обсудило и приняло свой первый закон, который, собственно говоря, был разработан партийными лидерами задолго до выборов. Речь идет о так называемом “Законе о переходном периоде”, известном также под названием “Малая конституция”. Он определял структуру правительства, которое должно было функционировать вплоть до принятия постоянно действующей конституции. Однако (и ниже об этом будет сказано подробнее) этой “Малой конституции” было суждено оставаться законодательной основой деятельности израильского правительства и до сего дня. Данный документ состоит из пятнадцати кратких разделов, определяющих форму государственного правления как республику и устанавливающих (в числе прочего) положения о президенте, кабинете министров и парламенте. Сразу же после принятия Закона о переходном периоде Учредительное собрание официально избрало Хаима Вейцмана президентом государства, после чего Временное правительство подало в отставку.

4 *Асефат ѓа-нивхарим* (ивр. “Собрание депутатов”) — представительный орган евреев Палестины во время британского мандата. Первые выборы в *Асефат ѓа-нивхарим* состоялись в 1920 г. Из 67 746 лиц, обладающих правом голоса, в выборах участвовало 57%, избравших 221 делегата. Собрание депутатов проводило выборы в *Ваад Леуми*, руководило внутренней жизнью *ишува* и определяло отношения с британскими властями. В выборах в Собрание депутатов не участвовали *Агудат Исраэль* и другие ультрарелигиозные группы. Собрание депутатов функционировало до образования Государства Израиль.

Проведя в течение нескольких дней консультации с партийными лидерами, Вейцман поручил Бен-Гуриону, возглавлявшему партию *Мапай*, которая получила большинство голосов в ходе выборов, сформировать первое правительство страны. После трехнедельных переговоров Бен-Гурион подписал коалиционное соглашение с тремя партиями — Объединенным религиозным фронтом (в состав которого входили партии *Мизрахи* и *Га-Поэль ха-мизрахи*⁵, Прогрессивной партией и Сефардским списком. Представители этих партий должны были возглавить несколько министерств. Наконец, 8 апреля вновь сформированный кабинет министров и предложенные им программы были представлены на утверждение Собранию, которое провозгласило себя израильским парламентом — *кнесетом*. 10 марта *кнесет* утвердил первое правительство Государства Израиль (73 голосами против 45).

Надо подчеркнуть, что Собрание избиралось не только для того, чтобы стать *кнесетом*, то есть парламентом, действующим как обычный законодательный орган. Несомненно, его задачей также было принятие конституции. Накануне выборов 25 января 1949 г. было совершенно очевидно, что большинство населения страны, и уж тем более авторы Резолюции ООН о разделе Палестины и Декларации независимости Государства Израиль, не сомневались в скорейшем создании такого документа. Во-первых, конституция имела у всех стран, которые обрели независимость после 1945 года. Более того, Сионистская организация как таковая тоже функционировала на основе собственной конституции. И вот наконец специальный комитет под председательством д-ра Лео Кона, юридического советника Еврейского агентства, за несколько месяцев разработал проект конституции, и Временное правительство, чей срок полномочий уже заканчивался, передало этот проект Учредительному собранию. Но, несмотря на все имеющиеся преце-

5 *Га-Поэль ха-мизрахи* — религиозное сионистское рабочее движение, при котором действовало молодежное движение *Бней Акива* и объединение религиозных *кибуцев* и *мошавов*. Возникло как религиозное халуцианское политическое движение в апреле 1922 г. в Эрец-Исраэль. Основной своей целью оно ставило: «Строительство своим трудом страны в соответствии с Торой и еврейской традицией, углубление религиозного чувства у трудящихся». Социалистические элементы в идеологии *Га-Поэль ха-мизрахи* привели к конфликту с движением *Мизрахи*, которое из-за своей религиозной концепции еврейского народа, неприятия идеи классовой борьбы и требования принудительного арбитража в трудовых конфликтах не присоединилось к *Гистадруту* и в 1925 г. создало собственную всемирную организацию *Га-брит ха-оламитишел тнуат тора ва-авода* (Всемирный союз движения Торы и труда), в рамках которой были созданы женские и молодежные организации. Движение основывало поселения типа *мошавов* и *кибуцев*. В 1935 г. коллективные группы создали *Га-Кибуц ха-дати*. В 1956 г. *Га-Поэль ха-мизрахи* и *Мизрахи* объединились в Национально-религиозную партию *Мафдаль*.

денты, равно как и подготовленный черновой вариант текста, Бен-Гурион и руководство партии *Манай* все-таки приняли решение отклонить проект.

Это неожиданное на первый взгляд решение было принято сразу по нескольким причинам. Прежде всего, как указал премьер-министр, было бы ошибкой столь поспешно взваливать на себя бремя юридических ограничений. Он отметил, что даже Соединенным Штатам понадобилось одиннадцать лет для принятия своей конституции, после чего через семь лет им пришлось принимать еще и “Билль о правах”⁶. С другой стороны, правительство Великобритании функционировало достаточно эффективно на протяжении столетий без какой бы то ни было формальной конституции. Бен-Гурион также указал, что численность населения страны непрерывно увеличивается, что необходимо время для абсорбции иммигрантов и для борьбы с угрозой вторжения соседних арабских государств. Вопросы, связанные с конституцией, таким образом, способны лишь отвлечь внимание и усилия *кнесета*, в то время как у него имеется достаточно проблем, требующих неотложного решения. Одна из таких проблем, в частности, связана с позицией ортодоксальных партнеров по коалиционному правительству Бен-Гуриона, которые настаивают на том, что основной закон Израиля должен базироваться на положениях Библии и Талмуда. Очевидно, что правительство и народ Израиля не могли пойти на культуркампф⁷, поскольку это послужило бы причиной раскола между религиозной и светской общинами страны. С учетом названных причин в июне 1950 г., после продолжительных дебатов, было решено отложить принятие основного закона. Вместо формальной конституции *кнесет* различных созывов принял

- 6 “Билль о правах” — первые десять поправок к Конституции США 1787 г., принятые конгрессом 25 сентября 1789 г. и вступившие в силу 15 декабря 1791 г. Отсутствие в тексте Конституции США статей, гарантирующих гражданские права, уже в первые годы существования государства стало одним из главных объектов критики со стороны широких слоев населения страны. В конгресс направлялись из штатов многочисленные предложения; основные из них были сформулированы Д. Медиссоном и вошли в “Билль о правах”: свобода слова, свобода религии, свобода прессы, свобода собраний и право на подачу петиции; право хранить и носить оружие; запрет размещать солдат в частных домах без согласия владельца; запрет на произвольные обыски и аресты; гарантия надлежащего уголовного процесса, запрет на повторное привлечение к ответственности заочно; право не свидетельствовать против себя; права обвиняемого, в том числе право на суд присяжных; запрет на чрезмерные залоги и штрафы, жестокие и необычные наказания.
- 7 Культуркампф (нем. “борьба за культуру”) — распространенное в литературе наименование политики германского правительства О. Бисмарка против католической церкви в 1870-х гг. В ходе культуркампфа были приняты законы о запрещении священникам вести политическую агитацию, о лишении священников права надзора над школами, о передаче в руки государства подготовки и назначения на должности духовных лиц. Были распущены все католические ордена и приняты законы о гражданской регистрации браков. Культуркампф обозначает борьбу светских правительств против религиозных кругов.

ряд “основных законов”, которые должны были в совокупности составить конституцию.

На практике, однако, это компромиссное решение оказалось недостаточно эффективным. Не удалось провести четкую границу между принятием “основных законов” и утверждением обычных законодательных актов. На протяжении ряда последующих лет *кнесет* принял несколько “основных законов”, весьма важных по своей сути, хотя процедура их принятия фактически ничем не отличалась от принятия самых рядовых законов. В конечном итоге страна так и не имеет формальной конституции. Для практических целей используется “Закон о переходном периоде” 1949 года, так называемая “Малая конституция”, где определены основные контуры израильского правительства. Аналогичным образом, Учредительное собрание стало первым действующим *кнесетом* страны, а конкретные законы, принятые *кнесетом*, определили ход национального политического развития.

Законодательная и исполнительная власть

Система государственного управления Израиля покоится на прочном фундаменте — опыте, накопленном за годы, предшествовавшие созданию государства. Более половины членов *кнесета* первого созыва принимали участие в работе Сионистских конгрессов и *Ваад Леуми*. Три десятилетия британского мандата — это приобретенный опыт английского законодательства, что способствовало формированию смеси британского парламентаризма и континентальной сионистской практики. Таким образом, израильский *кнесет* демонстрирует сходство с английским парламентом: наличие права законодательной инициативы, контроль за правительственной и административной деятельностью, анализ внутренней и внешней политики. Отличается *кнесет* от британской законодательной системы тем, что он принял, в модифицированном виде, систему Сионистских конгрессов; это однопалатный законодательный орган, выборы в который осуществляются путем голосования по партийным спискам, а не за конкретных кандидатов, представляющих интересы определенных избирательных округов. Каждый из партийных списков включает до 120 кандидатов. Если, например, одна их крупных партий получает 50% всех голосов, вследствие чего ей причитается 60 мест в *кнесете*, то эти места занимают первые 60 человек, включенные в список этой партии. Порядок внесения имен в партийные списки определяется центральным комитетом партии и отражает значимость каждого члена партии в партийной иерархии или его потенциальные возможности для привлечения голосов избирателей (так, например, первое место в списке партии *Манай* занимал Бен-

Гурион). Израильский избиратель лишен возможности вычеркивать имена кандидатов из партийного списка по своему усмотрению. Фактически избиратель голосует за партийную идеологию, а не за конкретных политиков, чью динамичность и благоразумие он вынужден принимать на веру.

Четырнадцатого февраля 1951 г. правительство потерпело поражение при голосовании по вопросу о религиозном образовании в транзитных лагерях иммигрантов (Глава XIV. Кризис израильской демократии, ч. II), и Бен-Гурион незамедлительно выступил с предложением об отставке кабинета. Это привело к новым трудностям, поскольку не существовало одобренной *кнесетом* процедуры проведения новых выборов. Тогда кабинет министров и *кнесет* выдвинули законодательную инициативу о прекращении полномочий *кнесета* первого созыва и о назначении даты выборов в *кнесет* второго созыва, причем срок полномочий *кнесета* всех последующих созывов был определен в четыре года. Такого рода “процедурное” законодательство применялось нечасто, хотя впоследствии и принимались отдельные поправки к Закону о переходном периоде. Обычно вопросы регламента и устава решались путем внесения постепенных изменений в практику работы *кнесета* и на основе постановлений спикера. Изменения, которые вносились в технические процедуры работы *кнесета*, были заимствованы из практики законодательных органов других стран, главным образом Великобритании. Так, *кнесет* каждого нового созыва избирал своего спикера, работал на протяжении двух сессий в год, хотя мог собираться и на чрезвычайные сессии. Работа *кнесета* в основном происходила в девяти постоянных комиссиях, включая финансовую комиссию, юридическую комиссию и имеющую особо важное значение комиссию по иностранным делам и национальной обороне. Членство в этих комиссиях определялось в зависимости от того, сколько мест получила в *кнесете* та или иная партия. Все выдвигаемые на рассмотрение *кнесета* законодательные предложения должны были (и эта практика сохранилась и в наши дни) пройти, согласно английской традиции, три чтения. После того как законопроект был обсужден в соответствующей комиссии *кнесета* и одобрен в третьем, последнем, чтении, он передается на подпись премьер-министру, министру, в чьем ведении будет исполнение этого закона, и президенту.

Разумеется, в *кнесете* имеется оппозиция, но, в отличие от Великобритании, оппозиционные партии не образуют “теневого кабинета”⁸. Такая практика восходит к прецеденту, созданному Сионистскими конгрессами, где обычно предпочиталось обеспечивать всем партиям хотя бы минималь-

8 “Теневой кабинет” — в Великобритании группа руководящих деятелей, принадлежащих к крупнейшей оппозиционной партии в парламенте. Из числа своих руководящих деятелей такая партия выделяет группу депутатов, каждый из которых контролирует деятельность определенного министерства. В 1929 г. журналисты дали такой группе депутатов название “теневого кабинета”.

ное представительство в президиуме, а не давать им возможность активно действовать в оппозиции. Существовало и еще одно, чисто израильское, обстоятельство: партии, оставшиеся вне правительственной коалиции, обычно не отличались единством или сплоченностью и, соответственно, были не в состоянии нанести урон правительству или свалить его. Таким образом, правительство Израиля зачастую было в состоянии функционировать даже при наличии минимального большинства в *кнесете*. Давление законодательной власти на исполнительную было несущественным. Так, хотя *кнесет* мог осуществлять достаточно эффективное и целенаправленное руководство внутренней политикой, ему редко удавалось оказывать давление на правительство по таким критически важным вопросам, как внешняя политика или национальная безопасность, и с “парламентскими запросами” члены *кнесета* выступали, как правило, уже после принятия правительством соответствующего решения. И все-таки, по прошествии двух десятилетий существования Государства Израиль, *кнесет* уже принимал от шестидесяти до девяноста законов ежегодно и пользовался всеобщим уважением как эффективно функционирующий законодательный орган. Члены *кнесета* постепенно привыкали к нормам парламентского поведения, и благодаря уважительному отношению к спикеру удавалось предотвращать конфликтные ситуации, которые на первых порах могли иногда привести к оскорблению действием. Члены *кнесета* изначально опасались также многословных выступлений “не по делу” и бесконечных бессодержательных дебатов, но опыт показал неосновательность таких опасений.

Президент государства, в свою очередь, призван служить естественным противовесом законодательному органу. Вейцман, человек, пользовавшийся широкой международной известностью, прибыл в Израиль к концу 1948 г. с тем, чтобы играть именно такую роль на посту президента Временного государственного совета. Бен-Гурион с самого начала сделал все от него зависящее, чтобы этому выдающемуся деятелю сионистского движения были предоставлены права, немногим более значительные, нежели те, которыми располагают монархи Соединенного Королевства. Согласно положениям Закона о переходном периоде, президент страны не избирается всенародно, а выбирается *кнесетом* (Вейцман, кстати, был избран без промедлений и подавляющим большинством голосов), на срок полномочий *кнесета* соответствующего созыва, но с 1951 г. срок президентских полномочий был продлен до пяти лет. В качестве главы государства, президент наделен полномочиями назначать Государственного контролера⁹,

9 Государственный контролер назначается президентом по рекомендации *кнесета* сроком на пять лет. Он не зависит от правительства и несет ответственность только перед *кнесетом*. Проверке Государственного контролера подлежат: правительственные учреждения; лицо или группа лиц, ведающие государственной собственностью; ор-

председателей судов и судей. Ему также предоставлены права помилования и отсрочки приведения приговора в исполнение, но тоже с оговорками — каждое решение требовало рекомендации министра юстиции и могло быть обжаловано в апелляционном суде. Вейцман не скрывал своего разочарования тем, что ему была уготовлена такая, хотя и почетная, но преимущественно представительская роль, и жаловался своим близким: “Я — как пленник здесь, в Реховоте” (местонахождение его дома).

Несмотря на все эти обстоятельства, основатели Государства Израиль, подобно государственным деятелям большинства стран в послевоенный период, были полны решимости иметь сильную исполнительную власть, которую не могли бы парализовать бесконечные правительственные кризисы. Они намеревались добиться сочетания самых значительных достижений европейской политической системы с лучшими британскими традициями. В результате страна получила сильную — правда, скорее на бумаге, чем на практике, — законодательную власть и влиятельную — пусть не на бумаге, но зато на практике — исполнительную власть. Формирование кабинета, или правительства, как это именовалось в Законе о переходном периоде, поручалось лидеру той политической партии, члены которой получали наибольшее число мест в *кнессете* (в феврале 1949 г. это был Бен-Гурион, лидер партии *Мапай*). Назначенный, но еще не вступивший в должность премьер-министр подбирал министров своего правительства с учетом рекомендаций партий, входящих в правящую коалицию, причем не обязательно из числа членов *кнессета*. Затем сформированное правительство представлялось на утверждение *кнессету*.

Глава правительства, израильский премьер-министр, принимает решения относительно повестки дня заседаний кабинета, а также определяет приоритеты правительственной политики и деятельности правительственных органов. С формальной точки зрения премьер-министр является лишь *primus inter pares*, первым среди равных, в своем правительстве, однако его заявление об отставке могло автоматически привести к падению правительства, и это обстоятельство позволяло ему оказывать решающее воздействие как на свой кабинет, так и на *кнессет*. Правда, с другой стороны, израильский премьер-министр не обладал такой полнотой власти, как его британский коллега. Он не мог сместить членов своего правительства. Он не мог предложить президенту распустить *кнессет* с целью проведения новых (и дорогостоящих) национальных выборов — такое право *кнессет* оставил за собой. Более того, падение израильского правительства вовсе не означало,

ганы местного самоуправления и многое другое. Отчет Государственного контролера публикуется ежегодно. Если в результате проверки возникло подозрение в совершении уголовного преступления, Государственный контролер обязан сообщить об этом Генеральному прокурору.

что обязательно будут проведены новые всеобщие выборы. Напротив, в подобном случае президент, после консультаций с руководителями всех партий, входящих в состав *кнесета*, должен был предложить одному из них формирование нового правительства.

И все-таки наиболее значительный фактор, ограничивающий власть премьер-министра, — это сама по себе природа коалиционного правительства. Характерным свойством израильской политической системы следует считать регулярно происходящие провалы политики совместной ответственности членов кабинета. Этот принцип коллективной лояльности был сформулирован в Законе о переходном периоде, равно как и в правительственных программах 1949, 1951 и 1955 гг., где указывалось, что “Правительство формируется на основе коллективной ответственности всех министров и всех входящих в него партий”. Однако, прежде чем войти в состав правительства, ряд партий нередко выдвигают предварительные условия, на основе которых они могли бы в дальнейшем не соглашаться с определенными действиями правительства — в качестве “исключений”, допускающих нарушение принципа совместной ответственности. Так, партии, представляющие интересы ортодоксальных кругов, ставят условием вхождения в правительственную коалицию свободу голосования по вопросам, связанным с религией. Аналогичные требования в защиту интересов своего электората выдвигают и другие партии, входящие в коалицию. К числу эффективных мер, способствующих предотвращению такого рода деструктивных действий по отношению к политике правительства, относится искусство вести переговоры, заключать соглашения и выработать компромиссные решения, а также умение премьер-министра решительно настоять на соблюдении общего политического курса. Несомненно, Бен-Гурион был человеком достаточно решительным для того, чтобы отстаивать принцип совместной ответственности.

Когда же дело все-таки доходило до отставки правительства, Бен-Гурион, равно как и его преемники на этом посту, могли быть уверенными, что страна не окажется в состоянии неопределенности. Кабинет продолжал временно исполнять свои обязанности вплоть до того дня, когда *кнесету* предлагался для одобрения новый состав правительства. “Временно исполняющее обязанности” правительство, разумеется, не было достаточно сильным, чтобы выступать с законодательными инициативами, но все-таки сам факт его наличия позволял избежать вакуума власти и всех связанных с этим неприятных последствий, которые случаются в подобного рода обстоятельствах в таких странах, как Франция или Италия. Сопоставляя сильные и слабые стороны израильской правительственной системы, следует при этом отметить, что на протяжении первого десятилетия существования государства доминирующее влияние правительства в *кнесете* было неизменным. Со-

храня контроль над программой работы *кнесета* и выступая с наиболее важными законодательными инициативами, правительство, то есть исполнительная власть, главенствовало в сфере законодательства. Именно правительство определяло основные направления политики и принимало решения фактически по всем вопросам, имеющим принципиально важное значение для страны.

Двуглавая судебная власть

Деятельность конституционных органов, *кнесета* и правительства, основывалась на новом израильском законодательстве, тогда как судебная система и свод законов, на которых базировалось отправление правосудия, оставались почти неизменными со времен мандата и практически не были затронуты в рамках “Малой конституции”. Впоследствии *кнесет* усовершенствовал и дополнил структуру судебных учреждений, но не внес в нее никаких принципиальных изменений. Итак, низшей судебной инстанцией в стране являются мировые суды (23 мировых суда, шесть местных, или муниципальных, судов и 11 мировых судов по делам несовершеннолетних). Средняя судебная инстанция — окружные суды (пять окружных судов). И наконец, Верховный суд, который является высшей апелляционной инстанцией, а также Высшим судом справедливости (во времена мандата он находился в подчинении Тайного совета¹⁰ Соединенного Королевства). Существуют также специальные суды (и законодательство) для вооруженных сил и суды по трудовым конфликтам. Согласно принятому *кнесетом* закону от 1953 г., кандидатуры всех судей подбираются специальной комиссией по назначению судей, в которую входят министр юстиции (председатель комиссии), два министра, назначенные правительством, два члена *кнесета*, трое судей Верховного суда и двое избранных представителей Коллегии адвокатов. Все кандидатуры представляются президенту страны, и он утверждает их назначение, которое является пожизненным. К 1956 г. во всех судах Израиля имелось около ста судей, хотя (как и в других странах свободного мира) количество судей всегда считается недостаточным. Рост численности населения страны способствовал значительному затягиванию сроков судебных разбирательств.

10 Тайный совет — государственной орган при британском монархе, в основном с совещательными функциями. Дает советы монарху по вопросам законодательства, рекомендует сроки созыва и роспуска парламента. Является также высшей судебной инстанцией для всех дел, введущихся в английских колониях. Члены Тайного совета, за исключением входящих в него в силу должности министров и премьер-министра, назначаются монархом.

Основные компоненты израильского законодательства заимствованы из целого ряда различных источников. Один из таких источников — правовая система Османской империи, положения которой используются главным образом при разборе дел, связанных с землевладением. Вторым компонентом — нормативы, установленные британскими мандатными властями. С течением времени, однако, эти предписания и правила мандатных властей и османские законы стали заменяться третьей составляющей — собственно израильским законодательством. Четвертый и, по всей видимости, самый значительный элемент, унаследованный израильской юридической системой, — это английское Общее право¹¹. Общее право и дополняющее его Право справедливости составили тот фундамент, на котором Израиль, основываясь на прецедентах, или Статутном праве (“писаном законе”), выстроил фактически всю свою правовую систему, включая судопроизводство, а также уголовное и гражданское законодательство. И наконец, при создании израильского законодательства иногда использовался пятый элемент — библейские и талмудические источники еврейского закона.

Несмотря на отсутствие в стране формальной конституции, суды — без содействия *кнесета* и средств массовой информации — способствовали развитию гражданских прав, основанных на следовании британской и американской юридической традиции. В Израиле не существует суда присяжных — потому, видимо, что его не существовало в годы мандата. Но, как бы то ни было, в основе израильских судебных разбирательств и решений, несомненно, лежат *Хабеас корпус*¹² и принцип презумпции невиновности. Хотя государство иногда и ограничивает гражданские свободы и вводит цензуру по соображениям безопасности, это делается на основе либо ряда чрезвычайных правил британского мандата, сохраненных в своде законов страны, либо законодательных положений, принятых *кнесетом* и заменивших старые постановления и положения о чрезвычайной ситуации. Например, когда возникают ситуации, связанные с соображениями национальной безопасности на территориях Израиля, где проживает арабское

11 Общее право (*англ.* Common law) — правовая система, при которой основным источником права признается судебный прецедент. Первоначально сложилось в Англии в XIII—XIV вв. на базе местных обычаев и обобщающей практики королевских судов. Действует в Великобритании (кроме Шотландии), в США (кроме штата Луизиана) и в некоторых других странах, бывших ранее английскими колониями или доминионами и воспринявших английскую правовую систему.

12 *Хабеас корпус* (*лат.* habeas corpus) — закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г.; определяет процедуру ареста и привлечения к суду обвиненного в преступлении, предоставляет суду право контролировать законность содержания и ареста граждан, а гражданам — право требовать контроля за процедурой.

население (Глава XIV. Кризис израильской демократии, ч. VI), суды обычно поддерживают правительственные решения более последовательно, чем в Великобритании, США или других западных странах.

Израильская юридическая система допускает еще один отход от англосаксонских норм, когда речь идет о правах индивидуума, определяемых так называемым “личным статусом”. Вспомним, что в Палестине времен Османской империи каждая религиозная община пользовалась самой широкой юридической автономией, если речь шла о таких вопросах, связанных с личным статусом граждан, как браки, разводы, погребение, наследование и т. д. Эта система сохранилась во времена мандата, давая возможность раввинским, а также мусульманским, христианским и друзским религиозным судам решать эти вопросы на основе соответствующих законодательств. Израиль, став независимым государством, сначала сохранил, а впоследствии и расширил такую систему. Бен-Гурион и его единомышленники-социалисты, безусловно, с неохотой упрочили власть религиозных кругов, однако наличие более неотложных проблем — военных и экономических — было важнее, чем конфронтация с ортодоксами.

Таким образом, в ходе последующей законодательной деятельности *кнесета* первых двух созывов были в значительной степени расширены пределы юрисдикции раввинских судов, равно как и религиозных судов мусульман и различных христианских общин. Во времена британского мандата вхождение в еврейскую общину было делом добровольным. Однако, согласно закону, принятому *кнесетом* в 1953 г., раввинские суды не только получили более значительные права в сфере “личного статуса”, но их юрисдикция была расширена и теперь охватывала любого “гражданина еврейской национальности или постоянного жителя Израиля”. Таким образом, теперь даже наличие иностранного гражданства не исключало еврея, проживающего в Израиле, из сферы юрисдикции раввинского суда. И, что значительно более важно, Закон 1955 г. о *даяним* (членах религиозного суда) предоставил судьям раввинских (равно как и мусульманских и христианских) судов статус государственных служащих. И они, соответственно, назначались — как и судьи нерелигиозных судов — указом президента страны, по рекомендации специального комитета. В состав такого комитета входили — для назначения судей раввинского суда — оба Верховных раввина страны, двое судей раввинского суда, а также несколько членов правительства и *кнесета*. Неудивительно, что такие законы привели к ожесточенным дебатам в *кнесете* и вызвали сильное недовольство светского большинства страны. Тем не менее Бен-Гурион и его коалиция настояли на их принятии. Взамен премьер-министр обеспечил себе поддержку ортодоксов по другим вопросам, имевшим жизненно важное значение для его правительства. Как будет показано далее (Глава XIV. Кризис израиль-

ской демократии, ч. V), система религиозных судов стала лишь верхушкой того айсберга, который представляет собой политическая власть ортодоксов в Израиле.

Кризис израильской демократии

1. ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Речь идет об одной из наиболее опасных слабостей молодого еврейского государства — о политизации, не менее всеохватывающей, чем во времена *ишува*. Не следует забывать о том, что для подобного положения дел существует объяснение: израильские партии зародились не на местной почве. Они возникли и сформировались в странах диаспоры. Такая партия не ставила своей целью приход к власти. Это была, как правило, организация международного характера, стремившаяся к достижению порой не вполне определенных, но достаточно высоких целей в некоей отдельно взятой стране. Деятельность этих партий в Палестине также не обязательно определялась какими-либо конкретными местными условиями. Партии продолжали черпать идеи за рубежом, с тем чтобы впоследствии переносить их на почву *ишува*. Они представляли собой довольно замкнутые политические образования, имевшие четко сформулированные устав и программу и с подозрением относившиеся друг к другу. Их идеологические взгляды и платформы, европейские в своей основе, оставались неизменными на протяжении примерно десяти лет с момента образования Государства Израиль, а их непреклонная верность своим принципам делала неприемлемой саму мысль о компромиссах по вопросам, затрагивающим убеждения, — и уж тем более речь не могла идти о том, чтобы представить себе даже чисто умозрительную возможность самоликвидации.

После обретения этими партиями государственного статуса их члены тут же получили новые, прежде неведомые им возможности — право занимать государственные должности и пользоваться различными материальными благами. Речь теперь шла о доступе к источникам финансирования — в частности, о занятии должностей в министерствах и прочих государственных учреждениях либо же в многочисленных организациях и на предприятиях, находящихся под контролем или влиянием правительственных органов (поселения, жилищное хозяйство, система образования). Таким образом, после 14 мая 1948 г. партии с особым рвением вступили в борьбу за основной и самый важный источник голосов электората — за го-

лоса иммигрантов. Случалось, что партийные эмиссары даже направлялись за рубеж, дабы организовать и привезти группу иммигрантов в конкретное поселение, находящееся под влиянием той или иной партии. Если иммигранты по прибытии в Израиль еще не имели определенных политических предпочтений, то партии предлагали их вниманию стимулы, лучше всего доступные пониманию вновь прибывших: жилье, работу и прочие виды экономических благ. Плохо разбиравшиеся в политике и идеологии евреи из стран Востока были в особенности склонны к изъявлению своей лояльности по отношению к тем политическим силам, которые демонстрировали наибольшую эффективность в ходе распределения продуктов питания, денежных ссуд, одежды, в предоставлении рабочих мест, жилья и социальных услуг, а также помогали не затеряться в бюрократических лабиринтах.

Отражением этой всепоглощающей политизации стал тот факт, что в ходе выборов в Учредительное собрание — *кнесет* первого созыва, в 1949 г., — списки кандидатов были представлены от двадцати одной партии, и все они вели активнейшую предвыборную борьбу; выборы в *кнесет* второго созыва, в 1951 г., проходили с участием семнадцати партий, в *кнесет* третьего созыва, в 1955 г., баллотировалось восемнадцать партий, а в *кнесет* четвертого созыва, в 1959 г., — не менее двадцати шести партий. Различия между соперничающими партиями далеко не всегда могли быть отнесены на счет экономического статуса их избирателей. Напротив, представители рабочего класса являлись основой электората почти всех партий, причем практически в равных долях. Так, численность рабочих среди членов партии *Херут*¹³ была не меньшей, чем среди членов рабочих партий. Следует, правда, отметить, что *Херут* получила большую часть голосов благодаря малоимущим выходцам из стран Востока. При этом заметим, что за *Манаи* голосовало немало избирателей, не относившихся к рабочему классу. Различия были скорее идеологическими и организационными, нежели экономическими. В общем и

13 *Херут* (ивр. “свобода”) — политическое движение, основанное в июле 1948 г. членами организации *Эцель*. Его основателем и многолетним лидером был М. Бегин. Движение, опираясь на концепции В. Жаботинского, выступало за примат государственных и национальных интересов над классовыми и ставило своей целью создание еврейского государства на всей территории Эрец-Исраэль. Оно призывало евреев всего мира к массовой *алие*. В общественно-экономической области *Херут* выступал за свободную экономику, основанную на частном предпринимательстве и конкуренции, и был против монополии *Гистадрута* на представительство всех трудящихся. В 1950 г. все ревизионистские организации мира образовали Всемирный союз сионистов-ревизионистов. В выборах 1965 г. *Херут* участвовал единым блоком с Либеральной партией (блок *Херут* — Либералы, аббр. *Гахаль*). В 1977 г. был образован партийный блок *Ликуд* в составе *Гахаль*, Свободного центра и части бывших членов *Рафи*, победивший на парламентских выборах 1977 г., что позволило ему сформировать правительство во главе с М. Бегинном.

целом, партии разделились на две основные группировки: лейбористы и консерваторы, плюс религиозная подгруппа. На правом фланге находились *Херут*, Общие сионисты и Прогрессивная партия, отличавшиеся одна от другой некоторыми нюансами в области внутренней политики. Не имелось существенных идеологических различий и между тремя основными рабочими партиями. Но даже при таких условиях борьба между партиями за идеологическую чистоту и стремление законодательно закрепить за собой определенные имущественные права обострялись из-за намечающихся возможностей доступа к государственной распределительной системе.

Так, например, партия *Мапам*¹⁴, находящаяся в политическом спектре левее, чем *Мапай*, строго следила как за соблюдением своих принципов, так и за чистотой партийных рядов. Корни партии *Мапам* уходили в 1930 г., когда была создана и *Мапай*; именно тогда левые активисты группировки *Га-Шомер га-цаир* отклонили приглашение одной из основных политических организаций, *Мапай*, в состав которой входили представители всех направлений социалистического сионизма (Глава VII. Рост городского населения. Борьба за рабочее единство). Они сохранили тогда верность революционному марксизму и кибуцному движению. В результате на протяжении прошедших восемнадцати лет группировка *Га-Шомер га-цаир* пользовалась весьма умеренной политической поддержкой и даже теряла сторонников — поскольку выступала за создание двунационального арабо-еврейского государства. Затем, в 1948 г., *Ахдут га-авода*, левый фланг партии *Мапай*, порвала с партией-основательницей, обвинив бывших соратников в полном бездействии. После этого *Га-Шомер га-цаир*, объединившись с *Ахдут га-авода* и с остатками старой *Поалей Цион*, образовали *Мапам*. Рядовой электорат новой партии составляли в основном кибуцники, а партийная программа настойчиво повторяла старые мелодии *Га-Шомер га-цаир*: бесклассовое общество, руководители из числа кибуцников, равные права для израильских арабов, отказ от военной формы правления на арабских территориях, а в области внешней политики — призыв к “нейтральной позиции”, что на практике означало ориентацию на Советский Союз.

14 *Мапам* (ивр. аббр. от *Мифлегет га-поалим га-меухдет* — Объединенная рабочая партия) — левосоциалистическая партия, основанная в 1948 г. в результате объединения ряда левых группировок в израильском рабочем движении. Партия подчеркивала свою приверженность подлинно социалистической идеологии и обвиняла партию *Мапай*, руководимую Д. Бен-Гурионом, в оппортунизме. *Мапам* сочувственно относилась к режиму И. Сталина в Советском Союзе, но подчеркивала свой сионистский характер. Антисемитская кампания в Советском Союзе в конце 1940-х — начале 1950-х гг. привела к идеологическим конфликтам внутри партии, в центре которых стоял вопрос об отношении к СССР. Партия создала кибуцное движение *Га-Кибуц га-арци*. До конца 1970-х гг. лидерами партии были М. Яари и Я. Хазан. В 1992 г. *Мапам*, *Рац* (Движение за гражданские права) и *Шинуй* образовали партию *Мерец*.

Именно доктринерская близость к СССР привела в конечном итоге к ослаблению и развалу *Мапам*. В 1951 г. чехословацкая полиция арестовала израильского гражданина Мордехаю Орена, уважаемого лидера *Мапам*, который находился в Праге с партийным поручением и был обвинен в “подрывной сионистской деятельности”. Проведенный в 1952 г. процесс над четырнадцатью видными чехословацкими коммунистами, многие из которых были евреями, причем некоторым было предъявлено обвинение в “сотрудничестве с мировым сионизмом”¹⁵, потряс израильское общественное мнение не меньше, чем “дело врачей”¹⁶, начавшееся в январе 1953 г. в Москве. После этого *Мапам* потерпела сокрушительное поражение на выборах в

- 15 Имеется в виду процесс Сланского — судебное дело в Чехословакии в начале 1950-х гг. по обвинению видных деятелей Чехословацкой коммунистической партии и правительственных чиновников во главе с генеральным секретарем партии Р. Сланским в заговоре с целью свержения коммунистического режима и реставрации капитализма. Процесс был организован по образцу сталинских процессов в СССР по личному указанию И. Сталина и под непосредственным контролем советских секретных служб. Процесс отличался беспрецедентной антисемитской направленностью: из 14 подсудимых 11 были евреями, как и сам Р. Сланский. Еврейское происхождение обвиняемых всячески подчеркивалось, и представители прокуратуры именно с ним связывали инкриминируемые обвиняемым преступления. Суд утверждал, что сионизм превратился в “самого верного прислужника наиболее человеконенавистнической реакции воинствующих кругов мирового империализма”, и поэтому причастность к сионизму должна рассматриваться как одно из тягчайших преступлений против человечества. 11 подсудимых, в том числе Р. Сланский, были приговорены к смертной казни. Процесс Р. Сланского явился подготовкой к углублению антисемитской кампании в СССР.
- 16 “Дело врачей” — крупный антисемитский судебный процесс, который готовился в Советском Союзе в 1952–1953 гг. и не состоялся в связи со смертью И. Сталина 5 марта 1953 г. В 1952 — начале 1953 гг. в Москве были арестованы 37 врачей, 28 из которых были евреями, в том числе крупнейшие медики страны — профессора М. Вовси, Б. Коган, А. Гринштейн, А. Фельдман, Я. Раппопорт и др. Врачи были обвинены в том, что путем “вредительского лечения” они сокращали жизнь советских руководителей А. Жданова, А. Щербакова, руководителя Болгарии Г. Димитрова. Врачей обвиняли в том, что они планировали убийства И. Сталина, Л. Берии и Г. Маленкова и что они действовали по заданию “Джойнта”, спецслужб США и Великобритании. После публикации в начале января 1953 г. сообщения ТАСС “об аресте группы врачей-вредителей” в стране развернулась беспрецедентная антисемитская кампания. Врачи-евреи боялись ходить на работу, а пациенты — лечиться у них. В Харькове, Челябинске и других городах было арестовано много врачей-евреев. По всей стране, во всех учреждениях устраивались собрания, на которых часто принимались резолюции о высылке всех евреев из европейской части страны. По некоторым сведениям, в марте 1953 г. должен был состояться процесс врачей, который завершился бы их публичной казнью, и после этого должна была произойти депортация евреев в отдаленные районы страны. После смерти Сталина министр внутренних дел Л. Берия подписал 31 марта постановление о прекращении уголовного преследования и об освобождении из-под стражи арестованных по делу кремлевских врачей.

кнесет третьего созыва. Однако когда центральный комитет партии решил проводить достаточно сбалансированную политику по отношению к Советскому Союзу, раскольники во главе с видным сионистом и командиром *Гаганы* д-ром Моше Снэ¹⁷ образовали еще более радикальную группу, дав ей название “Левые социалисты”. В конечном итоге отколовшаяся фракция присоединилась к коммунистам — и тем самым полностью ушла в политическое небытие. На следующий год откололся правый фланг *Мапам*, приняв решение тем самым возродить *Ахдут ха-авода*. В результате всех этих расколов *Мапам*, бывшая в 1949 г. второй по численности партией Израиля, стала третьей на выборах 1951 г. и шестой на выборах 1955 г. Помимо всего прочего, руководство партии сохраняло неизменную приверженность сельскохозяйственному социализму, что не находило ни малейшего отклика у многочисленных иммигрантов, преимущественно из стран Востока, для которых главным вопросом была безопасность, а не идеалы коллективизма.

Оставив *Мапам* в 1954 г. и сформировав в том же году независимую партию *Ахдут ха-авода*, бывшая правая фракция *Мапам* заявила о своем решительном отходе от доктринерской марксистской политики, как в социальной сфере, так и в области международных отношений. Пражский процесс и московское “дело врачей” стали последней каплей, переполнившей чашу терпения социалистов “правой ориентации”. С одной стороны, *Ахдут ха-авода* продолжала придерживаться традиционной идеи о доминирующей значимости халуцианских ценностей физического труда как в сельском хозяйстве, так и на промышленных предприятиях. Как и *Мапам*, она выступала за отмену военного правления в арабских деревнях. Но, с другой стороны, партия отвергала просоветскую ориентацию *Мапам* в области международных отношений и склонялась к идее неприсоединения

17 Снэ (Клейнбаум) Моше (1909–1972) — израильский политический деятель и публицист; в студенческие годы возглавлял объединение студентов-сионистов Варшавы, а с 1933 г. — сионистскую организацию Польши. После начала Второй мировой войны — офицер польской армии. После недолгого пребывания в советском плену в 1940 г. приехал в Эрец-Исраэль. С июня 1941 г. — член штаба *Гаганы*, в 1941–1946 гг. — начальник штаба. С конца 1947 г. стал сторонником ориентации на СССР, в январе 1947 г. принял участие в создании партии *Мапам*. В январе 1953 г. вышел из нее по причине недостаточно просоветской, с его точки зрения, позиции партии. Вместе с группой сторонников организовал антиссионистскую партию “Левых социалистов” Израиля, а в октябре 1954 г. добился ее слияния с Коммунистической партией Израиля (*Маки*). Многолетний лидер партии и редактор ее печатного органа. В начале 1960-х гг. пришел к выводу об ошибочности своего “отрицательного отношения к сионизму” и вместе с Ш. Микунисом сыграл основную роль в расколе Компартии на две: еврейскую (по составу) *Маки* и по преимуществу арабскую *Раках*. В период Шестидневной войны М. Снэ и Ш. Микунис поддержали действия Израиля.

к военно-политическим блокам. Такая позиция привлекала своей “прогрессивностью”, и потому лидеры *Ахдут ха-авода*, бывшие герои *Палмаха* Игаль Алон и Исраэль Галили, пользовались всеобщим признанием. Тем не менее, хотя *Ахдут ха-авода* на протяжении почти десятилетия неизменно занимала в *Гистадруте* второе место, уступая только *Мапай*, в *кнесете* ее позиции ухудшились. Будучи пятой по численности партией на выборах 1955 г., она откатилась в 1959 г. на шестое место.

Помимо *Херута* (Глава XIV. Кризис израильской демократии, ч. IV), видное место в правоцентристском лагере занимала партия “Общие сионисты”. Напомним, что само название, “Общие сионисты”, было принято в начале XX в. с тем, чтобы добиться широкой поддержки в рамках Сионистского движения. Выступая сторонниками единства и интеграции, “Общие сионисты” не предпринимали особых усилий для разработки своей идеологии или программы и после 1920-х гг. не пользовались особой популярностью в *ишуве*. В 1946 г. две фракции партии, известные как “Общие сионисты — А” и “Общие сионисты — Б”, слились, образовав Объединенную партию общих сионистов. Это примирение было очень недолгим, и в августе 1948 г. фракция “А” откололась с целью образования Прогрессивной партии (см. ниже), а оставшаяся фракция “Б” стала именоваться партией “Общие сионисты Израиля”. Начиная с этого времени Общие сионисты стали именовать себя выразителями интересов израильского политического центра. Придерживаясь в целом консервативных взглядов, они поддерживают частное предпринимательство, выступают против хронической политизации национальной жизни и являются сторонниками прозападной ориентации в международных делах. На выборах они выступали с переменным успехом. В 1949 г. они набрали всего лишь 5% голосов и получили в *кнесете* первого созыва семь мест. В дальнейшем, однако, по мере нарастания в народе недовольства правительственными мерами, ориентированными на контроль экономики и рacionamento потребительских товаров, Общие сионисты улучшили свое положение, и в 1951 г. получили в *кнесете* 20 мест. В 1955 г., однако, их представительство в *кнесете* уменьшилось до 13 мест, партия переместилась со второго места на третье, а после выборов 1959 г. — и вовсе на пятое. Хотя снижение популярности Общих сионистов можно в известной степени отнести и за счет роста популярности *Херута*, общее ослабление их позиции было вызвано также достаточно неожиданной стойкостью Прогрессивной партии, бывшей фракции “Общие сионисты — А”. Небольшая по численности, она, тем не менее, пользовалась неизменной поддержкой иммигрантов 1930-х гг. из стран Центральной Европы, вызывая у них симпатию своей осмотрительной сдержанностью. Возглавляемая Пинхасом

Розеном¹⁸, Прогрессивная партия в чем-то напоминала Либеральную партию Великобритании. Отражая в основном интересы среднего класса, она пользовалась большей симпатией электората, чем партии правого фланга, благодаря своей политике в области занятости и социального обеспечения, а также за счет своего более умеренного курса по отношению к арабскому населению. В *кнесете* представители партии первоначально голосовали в поддержку законоположений, предлагаемых *Манай*, а затем стали достаточно надежным партнером *Манай* в коалиционных правительствах. Впрочем, сами по себе они не оказывали достаточного воздействия на политику правительства. В 1949 г. Прогрессивная партия занимала шестое место по популярности в стране, затем восьмое в 1951 г., а в 1955 г. ушла на девятое место.

Долгое время после провозглашения государства *Манай* занимала исключительное положение среди всех израильских партий. Результаты выборов свидетельствовали о ее лидирующем положении в Израиле — точно так же, как и ранее в *ишув*. В *кнесете* первого созыва (1949 г.) у *Манай* было 46 мест; в *кнесете* второго созыва (1951 г.) — 45 мест; в 1955 г. — 40 мест; в 1959 г. — 47 мест. Израильский избиратель считал *Манай* именно той партией, которая способствовала росту *Гистадрута*, усилению *Гаганы*, которая в конечном итоге превратила *ишув* в Государство Израиль и одержала победу в Войне за независимость. *Манай*, что весьма немаловажно, была партией Бен-Гуриона, патриарха и национального героя, каким он выглядел в глазах всех израильян, в особенности выходцев из стран Востока. И ведь, в конце концов, именно *Манай* смогла лучше, чем какая-либо другая партия, решить во времена *ишув*а две критически важные проблемы. Во-первых, она смогла отказаться от идеологической догмы в пользу соображений прагматической гибкости. Мы помним, что по инициативе Кацнельсона и Арлозорова *Манай* отказалась от узколобой классовой позиции. “От класса — к нации” — таким стал один из ключевых лозунгов партии, и он был в полной мере реализован после образования государства, когда в ряды партии стали принимать не только рабочих, но и ремесленников и когда были даже созданы ассоциации врачей и юристов, членов *Манай*.

18 Розен Пинхас (Феликс Розенблют; 1887–1978) — израильский политический деятель. В 1905 г. был одним из основателей Союза еврейских студентов Германии и Сионистской молодежной организации. Во время Первой мировой войны — офицер германской армии. В 1920–1923 гг. — глава сионистской организации Германии. С 1933 г. жил в Эрец-Исраэль; один из лидеров Общих сионистов. В 1949–1961 гг. — лидер Прогрессивной партии, в 1949 г. — член Учредительного собрания, в 1948–1968 гг. — член *кнесета*, в 1948–1961 гг. — первый министр юстиции Израиля. Розен сыграл ведущую роль в формировании судебной и всей юридической системы страны.

Манай также демонстрировала образцовое умение работать и с низовыми структурами. Руководство партии довело до совершенства технику осуществления контроля над группами населения, имеющими общие интересы, чтобы затем, путем переговоров, скоординировать политику этих групп и политику партии. Так, на раннем этапе *Манай* сосредоточила свое внимание на деятельности *Гистадрута*, отчасти выполнявшего правительственные функции, и неизменно играла лидирующую роль в этой федерации трудящихся. В сельскохозяйственном секторе *Манай* энергично пропагандировала свои взгляды в рамках *Хеввер га-квуцот*, крупнейшего кибуцного объединения. Аналогичным образом, партия традиционно сохраняла свое влияние и в Ассамблее Еврейского агентства. *Манай* прилагала усилия для укрепления своего контроля над правительством. Так, в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда большие группы иммигрантов прямо по прибытии отправлялись в города развития, *Манай* способствовала принятию решения, которое определяло порядок абсорбции на основе партийного “ключа”. Суть этой системы состояла в следующем: каждая политическая партия страны получала свою квоту репатриантов и имела право направлять их в те *кибуцы* или *мошавы*, деревни или поселения, где традиционно было сильно их влияние. Как стало ясно, благодаря системе “ключа” *Манай* смогла только усилить свое доминирующее положение.

Тем не менее партийная верхушка ничего не пускала на самотек. Организация, координация и пропаганда среди иммигрантов велись всеми возможными и невозможными способами. Их побуждали вступать в *Гистадрут*, для них организовывались специальные женские отделы, издавались газеты и журналы на языках иммигрантов. С практицизмом, имевшим отчасти циничный характер, *Манай* сосредоточивала свои усилия на иммигрантах из стран Востока, создав Йеменский, Североафриканский и Иракский отделы партии, а также зарезервировав места для этнических представителей в бюрократической системе *Гистадрута* и в находящихся под его контролем министерствах и органах местного управления. С другой стороны, вплоть до 1960-х гг. руководящие посты на высших уровнях управления в партийной системе занимали исключительно ветераны партии ашкеназского происхождения. Впрочем, такой евроцентризм был характерен практически для всех партий страны. Как будет показано ниже (глава XIX), политические процессы в Израиле того времени привели к определенной стагнации, способствовали выработке иммунитета к фундаментальным переменам и затормозили процессы демократизации.

II. КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Эти же самые политические процессы способствовали формированию такого типа правления, который Герберт Сэмюэл определил в своей достопамят-

ной фразе как разделение сущностей, “что сплелись в безжалостных объятиях, подобно вступившим в схватку змеям”. В “безжалостных объятиях” израильской политики сплетались соперничающие партии при формировании недолговременных коалиционных правительств. За всю историю политической жизни страны не было случая, чтобы какая-либо одна партия получила абсолютное большинство в ходе национальных выборов. Так, *Манаи* даже в лучшие времена располагала большинством всего в 38,2%, тогда как (до 1974 г.) ни одна из других партий не получала более 20% всех голосов. В подобного рода ситуациях заключение политических сделок при формировании коалиционных кабинетов было неизбежно. Такова же была традиция Сионистских конгрессов, где практически все партии получали представительство в Исполнительном комитете и где, в силу этого, никогда не существовало явно выраженной оппозиции с формально определенным статусом.

Заключение коалиционных сделок относительно распределения мест в кабинете было делом весьма непростым. Необходимо было договориться не только о числе министерских портфелей, которые получает каждая из партий, но и о том, какие именно это будут портфели. Бен-Гурион всегда настаивал на том, что его партия, *Манаи*, должна получить портфели министров обороны, иностранных дел и финансов — так что эти должности даже не обсуждались в ходе переговоров. О чем можно было договариваться, так это о политике и принципах. Бен-Гурион вспоминал:

“Мой опыт при формировании всех правительств, которые мне довелось возглавлять, свидетельствует о том, что малые партии, приглашаемые в коалицию, высказывали пожелания относительно выполнения их фракционных требований. Я обычно говорил им, что их требования уже отвергнуты большинством избирателей — ведь иначе бы именно они, а не моя партия, располагали большинством голосов в *кнесете*. На это они отвечали, что без тех голосов, которые они дают мне, у меня не будет коалиции. Я на это отвечал, что у меня есть возможность обратиться к другим малым партиям. Иногда они умеряли свои требования — а иногда проявляли неуступчивость, полагая, что я всего лишь блефую. И в таких случаях я действительно обращался к другим партиям”.

Однако иногда, особенно когда приходилось иметь дело с религиозными партиями, Бен-Гурион чувствовал, что приходится соглашаться с требованиями меньшинства (Глава XIV. Кризис израильской демократии, ч. V). В период 1949–1960 гг. в Израиле было девять правительств, и каждое из них было сформировано партией *Манаи* в коалиции с рядом других партий. Собственно говоря, лишь две партии — *Херут* и коммунисты — не были включены в некоторые из этих девяти правительств. Как правило, *Манаи* предпочитала иметь дело скорее с ортодоксами, нежели с Общими сионистами, поскольку последние выступали с очень серьезными экономическими требованиями.

Но кто бы ни был кандидатом в коалиционные партнеры, переговоры с ним велись долго, мучительно, с немалой долей хитрости и напористости. Бывали ситуации, когда формирование коалиции затягивалось на целых три месяца. И, что еще хуже, из-за коалиционных разногласий и непомерных требований партнеров сроки пребывания этих девяти правительств у власти были неимоверно короткими — от четырех до двадцати шести месяцев. Ни одно из правительств не продержалось в течение установленного законом четырехлетнего срока, хотя при этом лишь дважды — в 1950-х и в 1960-х гг. — приходилось распускать *кнесет* и проводить досрочные выборы.

Первый правительственный кризис произошел в октябре 1950 г., когда возникли проблемы, связанные с деятельностью единодушно ненавидимого подавляющим большинством населения страны Министерства снабжения и нормирования (Глава XV). Будучи не в силах решить эту проблему ко всеобщему удовлетворению, Бен-Гурион подал в отставку. В сложившейся ситуации кризис кончился довольно быстро, и Бен-Гурион сформировал второе правительство, по составу практически не отличавшееся от предыдущего. Однако в феврале следующего года правительство пало по значительно менее серьезной причине — речь шла о религиозном образовании в транзитных лагерях иммигрантов, где партии религиозного фронта требовали непременно подключать их к системе образования йеменских детей. Когда руководство партии *Манай* отказалось удовлетворить это требование, религиозные партии тотчас же отказали Бен-Гуриону в поддержке, и стало ясно, что новые выборы неизбежны.

Выборы в *кнесет* второго созыва прошли в июле 1951 г., и в результате его состав существенно изменился. Первая сессия *кнесета* этого созыва начала свою работу в конце августа; однако прошло еще полтора месяца, прежде чем Бен-Гурион смог сформировать новую коалицию, третье по счету правительство Израиля. По иронии судьбы, этот новый кабинет был почти точной копией предыдущего: он оказался таким же нестабильным, а разница заключалась в том, что в коалицию не вошла Прогрессивная партия. Однако на этот раз религиозные партии, в качестве компенсации за свое согласие войти в коалицию, получили четыре министерства — а не три, как в предыдущем правительстве; кроме этого, были удовлетворены их требования относительно предоставления религиозной системе образования государственной поддержки, а также относительно запрета на импорт некошерных продовольственных товаров. Через год, в декабре 1952 г., возник новый кризис, когда религиозная партия *Агудат Исраэль* покинула коалицию, высказав свое несогласие по вопросу о военной службе женщин из ортодоксальных семей. Бен-Гурион внес соответствующие изменения в состав кабинета — это было уже четвертое его правительство, — включив в него партию Общих сионистов и Прогрессивную партию. Менее чем год

спустя возникла угроза существованию коалиции со стороны партии Общих сионистов, которые не захотели более мириться с системой приоритетов, принятой в образовании, и потребовали деполитизации школ. *Манай* согласилась с их требованиями, конфликт был разрешен, и партия Общих сионистов вернулась в правительство. Но, однако, к этому времени бесконечная череда взаимных претензий и уступок и постоянные реорганизации правительства настолько утомили Бен-Гуриона, что в декабре 1953 г. он подал в отставку с поста премьер-министра.

В течение последующих двух лет пост премьер-министра занимал Моше Шарет (Черток)¹⁹. Его пребывание на этом посту было непростым. В июне 1955 г. разразился правительственный кризис, вызванный тем, что партия Общих сионистов воздержалась при голосовании по вотуму недоверия в связи с делом Кастнера (Глава XIV. Кризис израильской демократии, ч. IV). Шарет оставался на своем посту, временно исполняя свои обязанности, поскольку правительство пало всего лишь за месяц до уже назначенной даты новых выборов в *кнесет* третьего созыва. Однако после выборов Бен-Гурион взял бразды правления в свои руки, возглавив кабинет, где большинство составляли представители партии *Манай*. По прошествии трех месяцев изнурительных переговоров была сформирована новая коалиция; места ушедших министров от партии Общих сионистов заняли представители партий *Мапал* и *Ахдут ха-авода*. К этому времени всем уже было очевидно, что такого рода коалиционная система, с ее перетасовкой министерских постов, с ее фракционными союзами и раздорами, никак не может считаться идеальной для страны, страдающей от серьезных проблем в области экономики и безопасности.

19 Шарет Моше (Черток; 1894–1965) — израильский политический и государственный деятель. С 1913 г. изучал право в Стамбуле. Во время Первой мировой войны служил офицером в турецкой армии, в которую вступил добровольцем. С 1919 г. — член партии *Ахдут ха-авода*. С 1931 г. — секретарь политического отдела Еврейского агентства, в 1933 г. после убийства Х. Арлозорова стал главой политического отдела, которым раньше руководил Арлозоров, и оставался на этом посту до образования Государства Израиль. В 1948–1953 гг. был министром иностранных дел, а в январе 1954 — ноябре 1955 г. — премьер-министром Израиля. В 1956 г. вышел из правительства, но остался членом *кнесета* от партии *Манай*. Во многом благодаря Шарету в Министерстве иностранных дел Израиля был создан высококвалифицированный штат сотрудников, установлены официальные отношения со многими странами. Государственная деятельность М. Шарета была осложнена его взаимоотношениями с Бен-Гурионом, который относился к Шарету критически из-за его осторожности. Так, Шарет упорно сопротивлялся присоединению Израиля к странам Запада в начавшейся во второй половине 1940-х годов “холодной войне” с Советским Союзом — из-за опасений потерять поддержку со стороны последнего. Шарет был решительным противником проводившихся по указанию Бен-Гуриона частых акций возмездия и превентивных операций против террористов в приграничных районах соседних государств, поддерживающих арабский террор.

Следует, однако, заметить, что парламентская ситуация в целом не была абсолютно беспросветной. *Мапай* по-прежнему оставалась неизменной основой правительственной коалиции, удерживая за собой ключевые министерские посты. Новые имена в кабинете появлялись нечасто, и им доставались менее важные сферы деятельности. Бен-Гурион все это время — вплоть до 1960-х — оставался премьер-министром, за вычетом 22-месячного периода добровольного отхода от дел, и это, разумеется, способствовало сохранению определенной преемственности правительственной политики. Более того, надо отметить, что израильская демократическая система в целом функционировала практически без сбоев, пусть даже это не всегда было очевидным для стороннего наблюдателя. Избирательные кампании проходили живо и энергично, и население в целом проявляло к ним немалый интерес; процент явки избирателей на участки был довольно высок. Факты коррупции в ходе избирательной кампании были почти неизвестны, не говоря уже о случаях запугивания или шантажа; беспорядков в дни голосования фактически не наблюдалось, как не бывало и подтасовок при подсчете голосов. Даже система пропорционального представительства имела свои достоинства, точно отражая все оттенки фракционных мнений. Если бы в стране существовала система абсолютного большинства, подобная английской или американской, то, даже набрав 49,9% голосов на каждом избирательном участке, вторая по значимости из двух ведущих партий могла бы все равно не получить ни одного места в *кнессете*.

И все-таки вряд ли кто-либо мог бы усомниться в том, что недостатки израильской парламентской системы, если рассматривать положение дел в долгосрочной перспективе, все же перевешивают ее достоинства. Жители конкретных городов или районов лишены возможности голосовать за конкретного кандидата, и не существует члена *кнессета*, который представлял бы их интересы в связи с проблемами местного характера. Сами члены *кнессета* в ходе своей законодательной деятельности руководствуются практически исключительно мнениями и решениями центрального комитета своей партии, причем отклонение от партийной линии грозит исключением из партийного списка кандидатов на членство в *кнессете* следующего созыва. Несомненно также, что пропорциональное представительство ведет к дроблению национального электората. Малые партии успешно занимаются шантажом, вымогая у крупных партий уступки в обмен на свои голоса. Впрочем, такое положение могло бы быть терпимым, если бы только избиратели представляли себе заранее, что именно они получают в конечном итоге. Однако, как отмечал Бен-Гурион, “те, кто голосует за *Мапай*, не знают заранее, кого мне придется пригласить в коалицию и на какие уступки мне, тем самым, придется пойти”.

Ко всему прочему, коалиционная система не гарантирует создания эффективной администрации. Нередки случаи, когда министр от партии-

победителя получает в качестве своих заместителей депутатов от другой партии (или даже партий) и не испытывает никакого желания передавать им часть своих полномочий, превосходно зная, что они на деле являются противниками его курса и планов. Бывают также расхождения между взглядами и политикой министров одного правительства. Так, в правительстве Шарета (1954–1955 гг.) министр финансов от партии *Манай* выступал за ужесточение контроля над использованием иностранной валюты, тогда как министр торговли и промышленности от партии Общих сионистов предлагал вовсе отменить такой контроль. Не сойдясь во мнениях на правительственном уровне, министры принялись проводить каждый свою политику, не задумываясь о координации действий подведомственных им учреждений и безнадежно запутав систему выдачи лицензий на импорт. Можно привести еще пример: создание Министерства по делам развития изначально объяснялось политическими соображениями и имело вполне определенную цель — руководство проектами развития пустыни Негев; однако вскоре его функции стали пересекаться с функциями других министерств. Тем не менее *Манай* не выражала готовности упразднить это совершенно лишнее министерство, поскольку сам факт его наличия был полезен для ведения коалиционных переговоров. При этом, однако, *Манай* противилась передаче в ведение этого министерства реально значимых, стратегических функций, поскольку министерство фактически создавалось для представителя одной из малозначительных партий. Все подобного рода причины и приводили к правительственным кризисам 1950-х гг. Невозможно было заниматься долгосрочным планированием и развитием национальных программ в сфере социальной политики, транспорта, здравоохранения и еще ряда областей, которые не входили в круг интересов основных министерств, обычно предназначавшихся для партии *Манай*. При этом религиозные партии захватили под свой контроль и мертвой хваткой удерживали все существенно важные вопросы, связанные со свободой вероисповедания и национальной самоидентификации (Глава XX). Итак, можно сказать, что коалиционные правительства уделяли приоритетное внимание достижению консенсуса по вопросам тактического характера, практически игнорируя при этом решение стратегических проблем.

III. БЮРОКРАТИЯ

С недостатками израильской демократии в первую очередь сталкивались рядовые граждане страны, подолгу ожидая приема в государственных учреждениях, и именно эти многочасовые очереди в приемных были самым болезненным свидетельством указанных недочетов. Трудно назвать другую полосу препятствий, преодоление которой было бы сопряжено с такими же трудностями. Однако это болезненное место израильской бюрократии, по-своему уни-

кальное и вызывающее всеобщее негодование, объясняется не только причинами политического характера. *Хуцпа* (бесцеремонность, нахальство) стала для государственного служащего фундаментом, на котором строилось его возрождающееся самоуважение — и как еврея, и как полноправного гражданина социалистического общества. Ближневосточная апатия и едва ли не летаргическое левантийское оцепенение вкупе с восточноевропейскими традициями также способствовали формированию этой бюрократической преисподней. К тому же израильские государственные учреждения зарождались в хаосе, вызванном уходом британской мандатной администрации и началом арабского вторжения — и от этого беспорядка они так до конца и не оправались. Прекращение действия мандата лишило страну наиболее квалифицированных (то есть английских) госслужащих. Как следствие, заново создающееся израильское правительство вынуждено было поспешно набирать персонал из четырех источников: евреи, служившие на низших должностях в британской администрации, сотрудники Еврейского агентства и *Ваад Леуми*, ветераны войны (вне зависимости от их профессии и квалификации) и — основной источник! — функционеры различных политических партий, получавшие рабочие места в соответствии с традиционной системой партийных “ключей”.

Лишь две сферы, армия и судебная система, были полностью свободны от пороков политизации (впрочем, несколько лет спустя была деполитизирована и система образования) — и все это благодаря титаническим усилиям Бен-Гуриона. Тем не менее повсюду в стране подбор новых служащих осуществлялся на основе принципа партийной лояльности. Спустя некоторое время министерства уже мало чем отличались от партийных ячеек. Сама по себе идея политической нейтральности государственных служащих была настолько несвойственна израильской ментальности, что комиссия по вопросам госслужащих была образована лишь в 1950 г., когда прошла первая лихорадка правительственной активности. Однако и тогда принцип деполитизации действовал только при назначении на новые должности, причем лишь на низших ступенях иерархической лестницы. Ни в Еврейском агентстве, ни в полуправительственном *Гистадруте* деполитизация, в сущности, так никогда и не начиналась; не только все должностные вакансии заполнялись на основе принципа пропорционального партийного представительства, но и вообще целые подразделения этих организаций были укомплектованы подобным образом. Следует также заметить, что даже те госслужащие, которые обладали необходимой квалификацией и опытом, далеко не всегда могли убедить в своей правоте своих начальников — политических назначенцев. На протяжении десятилетий британского мандата у жителей *мишва* выработалось подозрительное отношение к “специалистам”, и особенно к британским “специалистам”, которые име-

ли обыкновение игнорировать целый ряд специфических аспектов жизни еврейских поселенцев. Подобное отношение сохранилось и после образования еврейского государства. Следует помнить, что Израиль был создан именно политиками, которые были склонны к нетрадиционным и порой блестящим импровизациям, но при этом зачастую с пренебрежением относились к выкладкам и расчетам специалистов-профессионалов.

К тому же не будем забывать, что не так уж много было специалистов-профессионалов, к чьим рекомендациям можно было прислушиваться все-ръем. Численность квалифицированных госслужащих, как отвечающих, так и не отвечающих партийным критериям, быстро сокращалось. Лишь немногие из числа репатриантов получили соответствующую подготовку в странах исхода, и уж совсем единицы имели высшее образование. Более того, люди, все же имевшие образование и способности, не видели для себя особой перспективы на государственной службе. В мандатной администрации высокопоставленные чиновники зарабатывали в десять раз больше, чем их подчиненные, а в социалистическом Израиле — в лучшем случае втрое; да к тому же инфляция и прогрессивный подоходный налог это и без того небольшое различие в жалованье практически сводили на нет. Кроме всего прочего, условия труда государственных служащих были далеки от идеальных. В первые годы независимости две трети министерств располагались в старых, ветхих домишках или в бараках, а офисные помещения и мебель были просто убогими. Лишь в немногих министерских столовых можно было получить горячую пищу. Рабочий день обычно начинался в 7:30 и заканчивался в 14:30, с коротким перерывом на чай примерно в половине одиннадцатого. При таких условиях лишь немногие служащие выражали готовность трудиться усердно и быть приветливыми с посетителями.

Государственные служащие собственными усилиями добились улучшения условий своего труда. На протяжении первых месяцев существования государства проблемы, связанные с отсутствием квалифицированного руководства в государственных учреждениях, решались благодаря *Гистадруту*. Комитеты служащих начали составлять свод основных правил, определяющих условия их труда, причем в некоторой степени эти правила отражали нормативы, существовавшие в Еврейском агентстве и *Гистадруте* и укрепившиеся во времена мандата. Правительство, переложив организационные заботы на чужие плечи, подписало в конце 1948 г. контракт с *Гистадрутом*, который гарантировал, что все изменения в правилах найма и условий труда госслужащих будут предварительно обсуждаться с представителями комитетов служащих. После того как правительственные учреждения отказались от своих прав на контроль госслужащих, администрация практически полностью утратила возможность уволить работника, чье поведение, прилежание или квалификация не отвечали установленным нормам. С тех пор

многие госслужащие стали выполнять свои обязанности так, как им заблагорассудится, будучи полностью уверенными в своей неуязвимости.

В дальнейшем, однако, появился слабый проблеск надежды. В 1950 г. была учреждена комиссия по делам государственных служащих. После малообещающего начала комиссии все-таки удалось выработать приемлемый пакет процедур. Начался постепенный отказ от рекрутирования служащих среднего и низшего уровней из числа партийных активистов. От кандидатов на должность стали требовать сдачи квалификационных экзаменов. При каждом министерстве был образован отдел профессиональной подготовки и переподготовки, где сотрудники могли пройти курсы управления делами и основ делопроизводства. И наконец, Государственный контролер, действующий от имени *кнесета* и выполняющий функции аудитора, приступил к ревизии всех министерств и коммунальных служб, результатом чего стал целый ряд нелицеприятных отчетов, по следам которых безотлагательно принимались соответствующие меры. К концу 1970-х гг. качество административной деятельности в Израиле хотя и оставалось по-прежнему многим хуже, чем в США или Великобритании, все же стало более или менее приемлемым — по восточноевропейским или средиземноморским стандартам.

IV. ДЕМАГОГИЯ

В первые годы существования независимого Израиля все более очевидной становилась непрестанная, непримиримая до озлобления враждебность определенных кругов по отношению к правительству страны, возглавляемому партией *Манай*. Эта враждебная недоброжелательность угрожала не только целостности правительственной коалиции, но и тем традициям сдержанности и тактичности, которые лежат в основе самого принципа демократии. Главным источником, из которого исходила эта враждебность, была партия *Херут*. Основанная членами организации *Эцель* на идеологической базе ревизионистского движения, *Херут* и после 1948 г. сохраняла все ту же бескомпромиссность, что была свойственна сионистам-ревизионистам времен Жаботинского. Согласно партийной программе, Израиль должен был стремиться к расширению своей территории в пределах “исторических” границ, по обе стороны реки Иордан, а также принять безоговорочную прозападную ориентацию во внешней политике и исходить исключительно из капиталистических ценностей в своей внутренней политике. Следовало также безусловно поддерживать массовую иммиграцию и принять конституцию, чтобы гарантировать политическую стабильность страны в будущем.

Первоначально сторонниками *Херут* были главным образом представители среднего класса, выходцы из стран Восточной Европы, жители круп-

ных городов Израиля. Однако в начале 1950-х гг. партия стала активно сосредоточивать свое внимание на городской бедноте, преимущественно на иммигрантах из стран Востока, которым был заказан доступ в ашкеназские властные структуры и которые на эмоциональном уровне целиком и полностью поддерживали антиарабскую политику *Херут*. Демонстрируя свою твердость и бескомпромиссность, *Херут* довольно быстро сделалась выразителем чаяний этих кругов и самым значимым противником правительства, большинство в котором составляла партия *Манаи* и ее сторонники. Популярность *Херут* была различной в разные годы. В ходе выборов 1949 г. она достигла впечатляющего положения третьей по величине партии в стране, получив 14 мест в *кнесете*. На выборах 1951 г., уступив партии Общих сионистов, *Херут* получила всего восемь мест в *кнесете*, став пятой по популярности партией. Именно это поражение побудило лидера *Херут* Менахема Бегина, в прошлом командира *Эцель*, обострить политическую борьбу против правящей партии (*Манаи*).

Первая значительная возможность противоборства представилась партии *Херут* в 1951 г., вскоре после выборов в *кнесет* второго созыва. К тому времени страна переживала глубокий финансовый кризис, и Бен-Гурион годом раньше принял непростое для него решение востребовать репарации с западногерманского правительства. Бонн в принципе согласился обсудить этот вопрос (Глава XVI). Израильское правительство предприняло значительные усилия для того, чтобы разъяснить свою позицию: получаемые от Германии деньги следует расценивать как финансовое содействие, цель которого — облегчить Израилю абсорбцию сотен тысяч репатриантов, переживших ужасы нацистского террора. Ни в коем случае эти деньги не могут рассматриваться как “компенсация” за жизни миллионов уничтоженных нацистами евреев. Несмотря на такое тщательно сформулированное разъяснение, начавшиеся разговоры о “плате за кровь” буквально взорвали израильское общественное мнение. К декабрю 1951 г. предварительные переговоры с Бонном были завершены, и на 7 января 1952 г. было назначено заседание *кнесета*, которому предстояло одобрить продолжение переговоров. Дебаты на этом заседании стали беспрецедентными по своему накалу. Яростно противостояли сделке с Германией представители всех политических течений — и Общие сионисты, и *Манаи*, и коммунисты. Однако безудержнее всех вели себя представители партии *Херут*. Менахем Бегин заявил, что немецкие репарации для него означают “крайнюю мерзость, подобную которой мы не видывали с того дня, когда стали независимой страной”. Лидер *Херут* при этом предпринял все усилия, дабы его сторонники осознали самый глубинный смысл этих высказываний. Утром 7 января, выступая перед 15-тысячной аудиторией на площади Сиона в Иерусалиме, он сказал (имея в виду инцидент с “Альталеной” во время Войны за неза-

висимость): “Когда они стреляли в нас из пушки, я отдал приказ “Нет!” Но сегодня я говорю: “Да!” Это будет война не на жизнь, а на смерть”. В ожидании значительных беспорядков было отдано распоряжение обнести здание *кнесета* колючей проволокой, и пятьсот полицейских были приведены в состояние полной готовности. Все эти предосторожности, однако, оказались недостаточными.

Колонны демонстрантов направились к *кнесету*, прорываясь через полицейские кордоны, поджигая автомашины, и принялись забрасывать здание камнями и обломками кирпичей. В зале заседаний *кнесета* Бегин с трибуны обрушил на Бен-Гуриона поток яростных нападок, называя премьер-министра “фашистом и хулиганом”. Тем временем демонстранты продвигались вперед, вступая в стычки с полицией и грозя ворваться в зал заседаний. Тогда спикер *кнесета* объявил перерыв в заседании. Но Бен-Гурион не ограничился полумерами — он вызвал войска, и вскоре армейские силы, разогнав толпу демонстрантов, восстановили порядок. В итоге более ста полицейских получили ранения и в здании *кнесета* были выбиты стекла. Но могли ли эти беспорядки вылиться в гражданскую войну? Когда заседание *кнесета* возобновилось во второй половине дня, Бегин в своем выступлении не исключил такой возможности и предостерег законодателей:

“В жизни есть вещи страшнее смерти, и сейчас речь идет об одной из таких вещей. Мы готовы отдать за это наши жизни. Мы оставим своих близких, мы распостимся со своими детьми — но переговоров с Германией не будет... Сегодня арестованы сотни человек. Может быть, завтра вы арестуете тысячи. Мы отправимся вместе с ними в тюрьму. Если понадобится, мы умрем вместе с ними — но мы не допустим репараций из Германии”.

Лидер партии *Херут* добавил, что он и его сторонники более не гарантируют неприкосновенности членов *кнесета* — угроза физического насилия была более чем очевидной.

На следующий день Бен-Гурион выступил по радио с обращением к нации: “Вчера рука зла замахнулась на суверенитет нашего *кнесета*, и были предприняты первые попытки нанести ущерб израильской демократии... Я хочу уверить народ в том, что мы приняли все необходимые меры для защиты демократических институтов, закона и порядка...” Твердость и спокойствие премьер-министра принесли желаемые результаты. При голосовании по вотуму доверия правительству, состоявшемуся 9 января 1952 г., Бен-Гурион получил внушительную поддержку своей политики — шестьдесят один голос против пятидесяти. Утративший решимость Бегин отменил дальнейшие демонстрации. Более того, он без возражений принял резолюцию *кнесета*, лишившую его права участвовать в заседаниях *кнесета* сроком на пятнадцать месяцев. Создалось впечатление, что *Херут* на время отказалась от подстрекательств к насилию как от формы политической борьбы.

Этот отказ, однако, не был продолжительным. 1 января 1954 г. в окружном суде Иерусалима начался исторический судебный процесс. Подсудимый, Малкиэль Гринвальд, еврей венгерского происхождения, 72 лет, обвинялся в клевете на сотрудника правительственного аппарата. Гринвальд эмигрировал в Палестину в 1938 г. и присоединился к движению *Мизрахи*. Десять лет спустя он стал издавать информационный бюллетень, публикации которого преимущественно основывались на слухах касательно случаев коррупции среди членов руководства *Манай*. Этот род занятий для Гринвальда был не внове, поскольку в молодые годы, в Венгрии, он выпускал аналогичный бюллетень и уже был осужден за клевету. В Иерусалиме, в 1944 г., британский мировой суд оштрафовал его за устное клеветническое оскорбление. Однако, не обращая внимания на предыдущие приговоры суда, Гринвальд продолжал свою вьедливую и не вполне адекватную (в чисто медицинском смысле этого слова) кампанию “за моральное обновление” правительственных кругов. В 1953 г. в одном из выпусков его бюллетеня был помещен материал, направленный против д-ра Рудольфа Кастнера²⁰, тоже выходца из Венгрии, который тогда занимал пост заведующего отделом по связям с общественностью в Министерстве торговли и промышленности. “Три года я ждал этого момента — сорвать маску с карьериста, который разжирел на пособничестве нацистам, грабившим и убивавшим евреев, — говорилось в статье. — Его преступные махинации и сотрудничество с нацистским режимом дают мне право обвинить его в убийстве наших возлюбленных братьев”. После такой публикации Дов Йосеф, министр торговли и промышленности от *Манай*,

20 Кастнер Реже-Рудольф (Израэль; 1906–1957) — член комитета по спасению венгерского еврейства в годы Второй мировой войны. В 1930-х гг. руководил сионистским молодежным движением в Трансильвании. После аннексии Северной Трансильвании Венгрией в 1940 г. Кастнер переехал в Будапешт и работал в отделении *Керен ха-Йесод*. В 1943–1945 гг. был заместителем председателя Венгерской сионистской организации и участвовал в акциях по спасению еврейских беженцев из Польши и Словакии, возглавлял операции по спасению евреев Венгрии. А. Эйхман предложил Кастнеру довести до сведения союзников план “Товары за кровь”, в соответствии с которым немцы в обмен на грузовики и другое военное снаряжение должны были прекратить депортацию евреев Венгрии в лагерь смерти. Союзники отказались обсуждать этот план, но 1691 еврей был переправлен из Венгрии в Швейцарию. После окончания войны Кастнер поселился в Израиле, вступил в *Манай*, редактировал несколько партийных изданий. В 1953 г. журналист М. Гринвальд выпустил листовку, обвиняющую Кастнера в сотрудничестве с нацистами и в гибели сотен тысяч венгерских евреев. Кастнер возбудил против Гринвальда судебное дело по обвинению в клевете, однако окружной суд в Иерусалиме оправдал Гринвальда. В марте 1957 г. Кастнер был убит тремя юношами, убежденными, что Кастнер работал на нацистов. В январе 1958 г. Верховный суд Израиля признал М. Гринвальда виновным в клевете и тем самым снял с Кастнера часть обвинений.

принял решение преподать Гринвальду урок, возбудив против него уголовное дело.

Рудольф Кастнер, венгерский юрист, был в годы войны председателем комитета по спасению евреев в Будапеште. Его заместитель Йоэль Бранд был приглашен 24 апреля 1944 г. в будапештский отель “Маджестик” на встречу с Адольфом Эйхманом. В ходе беседы этот высокопоставленный эсэсовский офицер выступил с предложением сделки “Товары за кровь”, в рамках которой 800 тыс. венгерских евреев могли бы выехать из страны в обмен на поставки союзниками военного оборудования и техники для нужд немецкой армии (Глава X. Трагедия и спасение). Бранд, вылетел 13 мая в нейтральную Турцию, чтобы передать это предложение представителям союзников и Еврейского агентства. Тем временем начались массовые депортации венгерских евреев, по 12 тыс. человек в день. Кастнер, не зная о том, что Бранд был интернирован англичанами в Сирии, продолжал вести переговоры с Эйхманом, пытаясь выиграть время — но безуспешно. В ходе этих переговоров, однако, Кастнер выступил с еще одним предложением, на которое немцы дали свое согласие: Эйхман, как бы в подтверждение искренности своих намерений, разрешил эмиграцию небольшой группы венгерских евреев в Швейцарию. Эсэсовцы поручили Кастнеру сформировать эту группу — не более 200 семейств, и тот принес список из 1685 имен. Эйхман сдержал свое обещание, и этих счастливиц двумя специальными эшелонами отправили в Швейцарию. Их жизни были спасены. На протяжении следующих двух месяцев, пока войска Красной Армии не взяли Будапешт, еще 434 тыс. евреев были отправлены в Освенцим, на гибель. Сам Кастнер остался в живых.

И вот теперь, в январе 1954 г., отвечая на вопросы Шмуэля Тамира²¹, адвоката Гринвальда, Кастнер признал, что он давал показания на Нюрнбергском процессе в пользу одного из нацистских офицеров, принимавшего участие в будапештских переговорах. Перекрестный допрос при рас-

21 Тамир Шмуэль-Моше (1923–1987) — израильский юрист и политический деятель. В возрасте 15 лет вступил в *Эцель*, где занимал ряд ответственных постов. Был несколько раз арестован британскими властями. Приобрел известность как адвокат. В 1953 г. защищал обвиняемых по делу о взрыве во дворе советского посольства в знак протеста против развернувшейся в СССР антисемитской кампании. На процессе 1954 г. Тамир защищал М. Гринвальда. Своей активной защитой Тамир превратил процесс Гринвальда в процесс Кастнера. В 1948 г. был в числе основателей движения *Херут*, но в 1952 г. вышел из движения. В 1964 г. вернулся и был избран в *кнессет* от блока *Гахаль*, однако в 1966 г. после ряда обвинений против М. Бегина был исключен из партии. Основал партию Свободный центр, которая на выборах в *кнессет* седьмого созыва в 1969 г. получила два места. В 1977 г. Тамир со своими сторонниками присоединился к Демократическому движению во главе с И. Ядином. В октябре 1977 — июле 1980 г. занимал пост министра юстиции.

смотрении этого эпизода был очень жестким. Тамир являлся командиром подразделения *Эцель*, действовавшего в Иерусалиме, а впоследствии стал активным членом партии *Херут* — хотя незадолго до этого процесса он вышел из партии. Тамир был полон решимости возложить все бремя ответственности за трагедию венгерских евреев на Кастнера и его “союзников” — то есть на руководителей партии *Манай*, возглавлявших во время войны Еврейское агентство, а сейчас занимавших высокие посты в правительстве Израиля, и потому обрушился на него с особым рвением. Почему, спрашивал он, венгерские евреи покорно позволили отправить их в Освенцим, не предприняв даже попытки скрыться? Почему Кастнер ничего не сделал, чтобы предупредить их о грядущей опасности? Ответ Кастнера, что он не хотел ставить под удар переговоры с Эйхманом, прозвучал неубедительно. Затем Тамир сообщил суду, что из 1685 евреев, спасенных Кастнером и отправленных в Швейцарию, 388 человек происходили из Клужа, родного города Кастнера, причем все они были его родственниками или друзьями. Правительственные круги, со своей стороны, представили свидетелей, которые подтвердили показания Кастнера и указали, что сам Кастнер отнюдь не извлек выгоды из этих переговоров и прибыл в Израиль буквально без гроша. Тамир подверг настойчивому допросу всех свидетелей обвинения, постоянно ставя им в вину, что они пытаются защитить “правящую клику”, которая совместно с Кастнером “предала” венгерских евреев.

К концу августа 1954 г. процесс стал подходить к завершению. Восемьдесят судебных заседаний и две тысячи страниц свидетельских показаний — такого не знала вся история палестинского судопроизводства. Действительно, дело Кастнера стало самым известным судебным разбирательством в Израиле. На протяжении более чем полугода вся страна находилась в напряжении, и никто не мог спокойно говорить об этом процессе. Очевидно, одного только факта прямых переговоров Кастнера с Эйхманом было достаточно, чтобы буквально ошеломить общественность. К тому же всем были понятны политический смысл и подтекст, определявшие то беспрецедентное неистовство, с которым Тамир (человек, пользовавшийся всеобщим уважением благодаря своему патриотизму, храбрости и прямоте) и пресса партии *Херут* нападали на Кастнера — а вместе с ним и на руководителей партии *Манай* и Еврейского агентства за ту роль, которую они играли во время войны. Ведь в Израиле жили сотни тысяч евреев, переживших нацистский ад, и теперь эти люди были поражены злокачественной опухолью подозрений в том, что их предали свои же, евреи, те, кто занимает теперь высокое положение в партии *Манай* и в системе государственной власти. В этом вроде бы не было сомнений — ведь люди вроде Эгуда Авриэля и Менахема Бадера, сотрудников Еврейского агентства, которые находились в контакте с Йоэлем Брандом в 1944 г. и которых ранее почитали как нацио-

нальных героев, теперь запинались и противоречили сами себе, давая показания на процессе. Более того, конспиративная теория Катастрофы европейского еврейства обладала определенной и вполне естественной притягательной ценностью, представляя собой альтернативу иной, значительно менее лестной оценке действительности, согласно которой жертвы Катастрофы шли на смерть, как овцы на заклание.

Судья Биньямин Галеви зачитал приговор суда 22 июня 1955 г., за месяц до даты выборов в *кнесет*. Триста страниц приговора как громом поразили страну. Галеви заявил, что Кастнер ничего не сделал, чтобы предупредить венгерских евреев о нависшей над ними угрозе, призвать их бежать и прятаться в укрытия. Напротив, Кастнер допускал распространение успокоительных слухов, и отнюдь не простым совпадением было то обстоятельство, что причастность к этому обману дала ему возможность спасти своих родственников и друзей из Клужа. Согласившись взять на себя составление списка тех 1685 евреев, которые были отпущены в Швейцарию, Кастнер, по словам судьи, “продал свою душу дьяволу”. Действия Кастнера были “коллорабационизмом в самом полном смысле этого слова”, и, согласно еврейскому закону, спасая одних за счет других, “человек утрачивает свое право на жизнь”. Судья Галеви объявил Гринвальда невиновным по основным пунктам обвинения в клевете. Потрясение, с которым был встречен приговор суда, вызвало замешательство и в правительстве. На следующий день, 23 июня, состоялось экстренное заседание правительства, и было принято решение подать апелляцию в Верховный суд. А в *кнесете* партия *Херут* через четыре дня выдвинула вотум недоверия правительству, обвинив его в “предосудительном” поведении, выразившемся в подаче такой апелляции. Вотум недоверия не получил необходимого числа голосов, однако один из коалиционных партнеров — партия Общих сионистов — воздержался при голосовании, что было равносильно его выходу из коалиции. Премьер-министр Шарет немедленно подал в отставку, оказавшись не в состоянии соблюсти принцип коллективной правительственной ответственности; при этом он оставался исполняющим обязанности премьер-министра вплоть до намеченных через месяц всеобщих выборов.

В ходе всей этой кампании партия *Херут* в самой полной мере использовала вынесенный Кастнеру приговор, выступая даже с требованием арестовать его как нацистского коллаборациониста. Пресса партии *Херут* задавала неллицеприятные вопросы. Разве намерение правительства держать Кастнера на государственной службе не является столь же гнусным, как и решение принять немецкие репарации? Если правительство, большинство в котором составляют члены партии *Мапай*, не в состоянии положить конец арабским террористическим атакам, если оно и далее намерено столь же пассивно воспринимать трагедию населения и считать разочарование в

обществе нормой жизни, то разве не виновны в этом те же самые политические фигуры, члены партии *Манай*, которые одиннадцать лет тому назад, будучи сотрудниками Еврейского агентства, проявили такую же слабость и нерешительность перед лицом нацистской угрозы и уничтожения евреев? Обвинения, выдвигаемые партией *Херут*, достигли своей цели, и на последовавших выборах она практически удвоила число своих мест в *кнессете* — с восьми до пятнадцати, став, таким образом, второй по значимости партией страны.

При всем своем враждебном отношении к правительству *Херут*, тем не менее, в основном не выходила за рамки политической борьбы; однако в то время отмечалось, что оппозиционная политика партии *Херут* может стать по-настоящему опасной, если ее подхватят и используют в своих целях фашиствующие и психопатические элементы. Как бы то ни было, этого не произошло благодаря событиям двух последующих лет.

В марте 1957 г. три молодых человека подстерегли Кастнера возле его дома и выстрелили в него практически в упор. Нападавшие были арестованы и в ходе следствия показали, что являются сторонниками запрещенной организации *Лехи*. Один из них действительно оказался членом *Лехи* и одновременно полицейским агентом. В ходе дальнейшего расследования были обнаружены тайные склады с большим количеством оружия, с помощью которого юные преступники и их сторонники намеревались осуществить свои параноические планы создания “Израильской империи от Средиземного моря до Тигра и Евфрата”. Широкая общественность, включая сторонников партии *Херут* и большинства других несоциалистических партий, пришла в смятение и ужас, представив себе неосознаваемую до того момента опасность, которая может исходить от распоясавшихся демагогов. Затем последовали смерть Кастнера от полученных им ранений и принятое в январе 1958 г. решение Верховного суда, которое во многом пересматривало приговор окружного суда. Но в значительно большей степени стабилизации обстановки в стране способствовала начавшаяся 29 октября 1956 г. Синайская кампания, которая продолжалась до 5 ноября; в результате кампании была ликвидирована угроза существованию Израиля со стороны Египта (Глава XVII). Такое свидетельство национального единства и мощи способствовало успокоению общественного мнения и обретению гражданами Государства Израиль утраченного было чувства уверенности в себе и своей стране. Сомнения и тревоги предыдущих месяцев рассеялись сами собой. Все произошедшее в Европе принадлежало европейской истории, а не истории Израиля. Ведь, в конце концов, именно правительство партии *Манай* поставило мир перед фактом существования суверенного еврейского государства, которое не так просто уничтожить. Самые резкие националистические выступления и высказывания правого лагеря, во вся-

ком случае, утратили свою остроту. Однако пройдет время, и они возобновятся — с прежней силой и настойчивостью.

V. РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО

Остается, однако, одна сфера израильской жизни, где страсти не только не утихают, но и продолжают до сих пор бурлить с неугасающей силой. Речь идет о наделенных формальным статусом религиозных учреждениях. Как уже отмечалось, гарантии свободы вероисповедания были включены в тексты как Резолюции ООН о разделе Палестины, так и Декларации независимости Израиля. Для того чтобы обеспечить выполнение этих гарантий, было принято решение: следуя примеру ряда стран Центральной и Восточной Европы, создать Министерство по делам религий, с подразделениями, отвечающими за положение дел в рамках основных конфессий (речь шла не только о последователях иудаизма, но и о христианах, мусульманах, друзах). На министерство возлагались такие обязанности, как защита интересов верующих и субсидирование деятельности религиозных учреждений и святых мест, а также утверждение кандидатур на должности служителей культа и судей религиозных судов. Разумеется, подразделение министерства, занимающееся вопросами иудаизма, стало самым большим по численности; в круг его обязанностей входили организация религиозной жизни в поселениях репатриантов, строительство и ремонт синагог и ешив, координация деятельности религиозных судов, подготовка к выборам в религиозные советы, а также к выборам Верховного раввинского совета и верховных раввинов. Совместно с раввином министерство следило за соблюдением свода правил, определяющих пригодность пищи к употреблению. Начиная с 1953 г. министерство отвечало за выплату жалованья практически всем лицам, связанным с религиозной деятельностью (речь идет о представителях всех конфессий).

Однако, если говорить о системе иудаизма в целом, то права и привилегии всех относящихся к этой отнюдь не малочисленной категории обеспечиваются не столько административными мерами и решениями, сколько политической властью и влиянием. Министерство по делам религий, Верховный раввинат, религиозные суды, раввинские советы и даже местные религиозные советы — все они ревностно и старательно поддерживают связи со своими (религиозными) партиями, а эти партии, в свою очередь, неукоснительно блюдают принципы функционирования израильских религиозных учреждений, наделенных формальным статусом, а также наблюдают за всеми сторонами их повседневной деятельности. Изначально таких партий насчитывалось четыре: *Мизрахи*, *Га-Поэль га-мизрахи* (Рабочее движение *Мизрахи*), *Агудат Исраэль* и *Поалей агудат Исраэль* (Рабочее

движение *Агудат Исраэль*). Первые две из названных партий, как уже отмечалось, возникли и развивались в рамках сионистского движения, тогда как две другие отвергали идею сионизма. Как бы то ни было, ведущее положение в обоих блоках, как сионистском, так и несионистском, занимали выходцы из стран Европы, хотя в последующие годы они все больше стали ориентироваться на репатриантов из стран Востока.

Мизрахи — старейшая и самая многочисленная из всех религиозных партий страны. Хотя ее членами являются в основном представители среднего класса, горожане, выходцы из восточноевропейских стран, руководство партии не имело и не имеет четко сформулированной и явно выраженной социальной программы и не уделяло особого внимания экономическим вопросам. В целом партия была готова поддерживать *Манай*, требуя взамен оказать ей поддержку по вопросам, связанным с религиозной жизнью. До 1974 г. *Мизрахи* входила в состав всех коалиционных правительств Израиля. *Г'а-Поэль г'а-мизрахи*, с ее ориентацией на интересы сельскохозяйственных поселений и тред-юнионистскими (несоциалистическими) взглядами, испытывала еще меньше проблем при сотрудничестве с партией *Манай*. В 1955 г. *Мизрахи* и *Г'а-Поэль г'а-мизрахи* выступили на выборах единым списком, получив 9% голосов и 11 мест в *кнессете*. В 1956 г. они формально слились, образовав Национальную религиозную партию (*Мафдаль*²²).

Электорат *Агудат Исраэль*, напротив, значительно более консервативен, в том числе и по своим религиозным убеждениям, по сравнению со сторонниками *Мизрахи*. Их идеология далека от халуцианского идеализма; в первую очередь они заботятся о развитии системы ортодоксального религиозного образования и о строительстве новых ешив. Напомним, что в годы британского мандата партия *Агудат Исраэль* наотрез отказывалась отождествлять себя с *кнесет Исраэль*, то есть с еврейской общиной Эрец-Исраэль. Решение участвовать в политической жизни Государства Израиль после 1948 г. было принято, что называется, скрепя сердце, главным образом с той целью, чтобы не остаться в стороне от раздачи государственных

22 *Мафдаль* — Национальная религиозная партия (аббр. от *Мифлага датит леумит*), сионистская ортодоксальная религиозная партия, образованная в июне 1956 г. в результате слияний партий *Мизрахи* и *Г'а-Поэль г'а-мизрахи*. Свою цель *Мафдаль* видит в построении в Израиле общества, основанного на духовных и социальных ценностях иудаизма. Признает Верховный раввинат Израиля в качестве высшего религиозного авторитета. В своей повседневной политической деятельности *Мафдаль* представляет интересы религиозных сионистов страны, борется за проведение в *кнессете* религиозного законодательства и неукоснительного соблюдения статус-кво (компромисса, достигнутого между светским и религиозным населением страны в первые годы существования Израиля). После того как в 1968 г. в партии официально оформилась молодежная фракция во главе с З. Хаммером, партия активно поддерживает еврейскую поселенческую деятельность на контролируемых территориях.

должностей и привилегий; во всяком случае, партия не собиралась отказываться от своей фундаменталистской позиции. Члены *Поалей агудат Исраэль*, дочернего политического движения партии *Агудат Исраэль*, к жизни и деятельности в светском государстве относились со значительно большей терпимостью. К 1955 г. *Поалей агудат Исраэль* организовала около пятнадцати поселений и сельскохозяйственную школу, а некоторые члены партии вступили в профсоюзы (из числа не связанных с *Гистадрутом*). Тем не менее детей они отдавали только в школы, относящиеся к учебной системе *Агудат Исраэль*, и в подавляющем большинстве голосовали за кандидатов этой партии. В конечном итоге, однако, осознавая, что их электоральная сила уступает даже коммунистам или Прогрессивной партии, они, подобно *Мизрахи*, также выступили на выборах 1955 г. единым списком, а год спустя формально объединили свои силы, создав “религиозный фронт”. В *кнессете* третьего созыва они получили шесть мест, но их истинную силу составляла та безоговорочная поддержка, которой они пользовались у своих верных сторонников, особенно в Иерусалиме.

В 1949 г. названные четыре религиозные партии создали временную коалицию перед выборами в *кнессет* первого созыва. Все вместе они получили 12% голосов, а к 1955 г. эта цифра возросла до 13,8%. Особо влиять на внутреннюю политику такая сила не могла, но и пренебрегать ею было уже невозможно. Более того, религиозные ортодоксы являлись удобными партнерами в коалиционных переговорах — именно потому, что их требования были заранее известны. Они выражали готовность поддержать *Манай*, при условии, что там также отнесутся с пониманием к их требованиям — преимущественно религиозного характера. Со своей стороны, *Манай* сочла такой союз значительно более целесообразным, нежели коалицию с партиями правой ориентации, чьи экономические концепции были в принципе неприемлемы для их лейбористско-сионистской идеологии; к тому же их требования относительно получения государственных должностей и прочих привилегий грозили нанести серьезный урон планам партии *Манай*. Нет никакого сомнения в том, что выбор ортодоксов в качестве коалиционных партнеров во многом объясняет долговременное и стабильное пребывание у власти партии *Манай* и ее союзников.

Этот “брак по расчету” между социалистами и ортодоксами оказал значительное воздействие на многие стороны общественной жизни Израиля — даже в большей степени, чем это было во времена мандата. Закон о соблюдении субботы²³ был введен во всех крупных городах с еврейским

23 Суббота (*шабат*, связано с корнем *шин-бет-тав* — “покоиться”, “прекращаться”, “воздерживаться”) — седьмой день недели, в который Библия предписывает воздерживаться от работы. Объяснение этому предписанию содержится в книге *Берешит*: Бог сотворил мир в шесть дней, а на седьмой покоился, благословив и освятив его.

населением, кроме Хайфы, и в этот день оставались закрытыми магазины, увеселительные заведения, государственные учреждения, не работал городской транспорт. По субботам и в дни религиозных праздников предприятия связи по всей стране не оказывали услуг даже в минимальном объеме или в экстренных случаях. В рамках неформального соглашения между правительством и религиозными кругами был фактически запрещен импорт некошерного мяса, за исключением некоторой квоты для нужд христианского населения. Аналогичным образом, под давлением ортодоксов в 1954 г. *кнессет* принял закон, запрещающий разведение свиней и торговлю свининой. Много лет спустя в одном из интервью Бен-Гурион так объяснял эти уступки:

“Каждый государственный деятель обязан задать систему приоритетов и определить для себя, какие решения являются самыми неотложными. Если возникал вопрос относительно того, что является самым важным для меня, я был готов пойти на уступки по вопросам, представляющим важность для других. Так, когда зашла речь о введении всеобщей воинской повинности, представители религиозных партий сказали, что они, несомненно, поддержат это предложение, — но при этом они настаивают на том, чтобы все армейское питание было кошерным. Для них кошерность системы питания имела определяющее значение, для меня — второстепенное. Эту цену я был готов заплатить за их поддержку создания оборонной системы, имеющей жизненно важное значение для страны. Аналогичным образом я принял решение не изменять *status quo*, оставив вопросы “личного статуса” в ведении религиозных властей. Я осознавал, что для отдельных граждан это могло быть сопряжено с определенными трудностями. Но и в данной ситуации я не сомневался в целесообразности такого подхода, если в конечном итоге нам удалось, при такой сравнительно незначительной цене, добиться сохранения *status quo*”.

Цена эта, однако, не всегда была столь уж незначительной. Ортодоксы сыграли решающую роль в срыве усилий по принятию конституции страны, превосходный текст которой был представлен д-ром Лео Коном. Система

Святость седьмого дня была открыта Израилю во время скитаний в пустыне после исхода из Египта. Четвертая заповедь дает обоснование запрета работы в субботу: “Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, моря и то, что в них, а в день седьмой покоился. Поэтому благословил Господь день субботний и освятил его”. Наряду с этим ритуальным обоснованием воздержания от работы в субботу в Библии содержится и общественно-гуманистическое обоснование: “Шесть дней делай дела твои, а в седьмой день покойся, чтобы отдохнул вол твой и осел твой и покоился сын рабы твоей и пришелец”. Несоблюдение субботы считается столь же серьезным нарушением Завета, как поклонение иным богам.

раввинских судов, функционировавшая в период мандата, не только сохранилась в том виде, в каком она существовала накануне создания государства, но была затем еще и расширена согласно Закону о раввинских судах (1953 г.). После принятия этого закона юрисдикция раввинских судов стала распространяться на всех живущих в Израиле евреев, вне зависимости от их гражданства — как будто бы недостаточно было того, что правовые архаизмы, проводимые в жизнь этими судами, отравляли существование коренных израильтян. Назовем несколько примеров: судья раввинского суда мог отдать распоряжение мужу развестись со своей женой, жене — распоряжение не противиться этому разводу, а бездетной вдове мог запретить вступить в повторный брак, если та не заручилась согласием брата своего покойного мужа, который, согласно древнему закону о левиратном браке²⁴, должен был жениться на ней, чтобы сохранилась линия родства. Однако, несмотря на протесты светского большинства страны, коалиция, возглавляемая партией *Манай*, неоднократно шла на уступки, соглашаясь на требования ортодоксов. И лишь когда под вопросом оказались основополагающие принципы существования государства, напряженность в отношениях между религиозным и светским населением проявилась в целой серии правительственных кризисов, парализовавших жизнь страны.

Первое из таких столкновений пришлось на конец 1949 г., когда возник кризис, связанный с проблемами религиозного образования в лагерях репатриантов. Напомним, что принятая в Израиле образовательная система, предусматривающая существование не связанных между собой нескольких различных направлений среднего образования, принадлежащих *Гистадруту*, партиям Общих сионистов и *Мизрахи*, функционировала на протяжении всего мандатного периода (Глава VII. Рост городского населения. Борьба за рабочее единство). В первый же год существования Государства Израиль эта устаревшая и консервативная система получила новую жизнь благодаря принятию Закона об обязательном образовании, который откровенно поощрял конкуренцию различных политических партий в погоне за популярностью у школьников, а точнее, у их родителей. Именно эта конкурентная борьба и поставила под угрозу целостность коалиции, сфор-

24 Левиратный брак — предписанная Библией женитьба на бездетной вдове брата. От такого брака освобождает *халица* — обряд освобождения бездетной вдовы от обязанности выйти замуж за брата покойного мужа. В 1944 г. Верховный раввинат Израиля придал силу религиозно-юридического постановления *галахическому* решению, обязывающему деверя содержать вдову брата, пока не освободит ее посредством обряда *халица*. Это постановление, признавшее за основу нормы, существующие у ашкеназского еврейства, но действительные и для сефардских и восточных общин Израиля, было принято с целью “поддержать мир и гармонию в Государстве Израиль, сделав соблюдение обрядов Торы обязательными для всех”.

мированной партией *Манай*, после менее чем десяти месяцев существования первого правительства Израиля. Ортодоксы были твердо уверены в том, что, поскольку репатрианты из Йемена традиционно относятся к категории верующих, то их дети по прибытии в лагерь для репатриантов должны автоматически вноситься в списки школьной системы *Мизрахи*. Как и следовало ожидать, по этому вопросу *Манай* капитулировала. Однако такое положение вещей просуществовало лишь до февраля 1951 г., когда возник новый кризис в системе образования — на этот раз в *маабарот*, транзитных лагерях, куда распределялись новые репатрианты после первичного приема в специальных центрах. Представители светского населения считали, что люди, живущие в *маабарот*, — это уже не растерянные и безропотные новые репатрианты первых дней после прибытия, а полноправные граждане страны, и потому, вне зависимости от места происхождения, будь то Йемен или какая-либо иная страна исхода, они вправе свободно выбирать систему образования для своих детей. Иными словами, происходящее на начальном этапе репатриации не должно повторяться на стадии *маабарот*.

Разгневанные представители религиозного блока объявили, что если будет принят такой порядок, то они выйдут из коалиции. На этот раз *Манай* решила стоять на своем. Тогда религиозные партии привели свою угрозу в исполнение, и коалиция распалась, после чего Бен-Гурион немедленно объявил об отставке своего кабинета. Чувствуя себя неспособным и далее справляться с неблагодарной задачей по руководству коалиционным правительством, он воспользовался удобным предлогом для того, чтобы объявить о новых выборах. Тогда и светские, и религиозные круги, мобилизовав все свои силы и всех своих сторонников, вступили в битву за места в *кнесете* второго созыва. В ходе этой неистовой избирательной кампании стороны обсуждали самый широкий круг вопросов, причем в большей степени даже экономических, нежели религиозных, не скупясь при этом на взаимные нападки и оскорбления. И все-таки основой этой избирательной кампании, предметом самых яростных споров следует считать культуркампф. Дискуссии именно на эту тему не дали никаких результатов; столь же безосновательными оказались и надежды партии *Манай* на получение подавляющего большинства мест в *кнесете*. Попытки построения коалиции с участием партии Общих сионистов также потерпели неудачу из-за расхождений по экономическим вопросам. Таким образом, к своему глубочайшему неудовольствию, Бен-Гурион был вынужден снова обратиться к религиозным партиям. В конечном итоге, после длительных споров и переговоров, к октябрю 1951 г. удалось прийти к определенному соглашению. Согласно его условиям, *Манай* добилась согласия ортодоксов на отмену пагубной для страны школьной системы различных направлений. Взамен, однако, руководство *Манай* вынуждено было согласиться с тем, что религиозные шко-

лы должны получить одинаковый статус со светскими школами в рамках “официальной” системы государственного образования. В ходе длительной межпартийной дискуссии, продолжавшейся не менее полутора лет, по этому вопросу удалось прийти к взаимопониманию, на основе которого был принят Закон о государственном образовании (1953 г.).

Как и ожидалось, принятие этого Закона способствовало созданию двух новых категорий средних учебных заведений: государственных школ и государственных религиозных школ. Предполагалось, что 75% учебных часов и в тех, и в других школах будет уделено изучению светских предметов, но в государственных религиозных школах оставшиеся 25% времени отводились исключительно религиозным предметам. Достигнутый “компромисс” оказался более чем односторонним. Так, например, государственные религиозные школы, хотя формально и относившиеся к системе Министерства образования и культуры, на практике находились в ведении религиозных советов (в состав которых преимущественно входили ортодоксы), причем эти советы сохраняли за собой право принимать окончательные решения как при определении содержания учебных программ, так и при подборе преподавателей. Более того, в тех случаях, когда две трети родителей изъявляли соответствующее пожелание, правительство обязано было предоставить равный статус и так называемым “признанным” школам. Признанные школы — это эвфемизм для учебных заведений, относящихся к сохраняющей свою независимость образовательной системе *Агудат Исраэль*, которая теперь получила право официально продолжать свое существование — причем зачастую при финансовой поддержке городских органов самоуправления. В результате всех этих преобразований к 1955 г. в “признанных школах” училось уже 17 тыс. человек. Получаемое ими образование было, безусловно, ортодоксальным по своей сути и ни в коей мере не отвечало потребностям светской жизни.

Закон о воинской повинности, вынесенный на обсуждение *кнесета* в 1953 г., — это не менее вопиющий пример капитуляции перед ортодоксами. Согласно первоначальному варианту документа (1949 г.), предусматривалось, что девушки также будут призываться на военную службу, на годичный срок. Но раввины заявили, что армейская служба может вступить в противоречие с “этическими нормами”, которых придерживаются девушки из ортодоксальных семейств, и ввиду этого обстоятельства эти девушки стали массово получать освобождение от армии. Когда же в этот закон были внесены изменения, устанавливавшие более продолжительные сроки службы как для мужчин, так и для женщин, они ни в коей мере не затронули статус девушек из ортодоксальных семейств. Общественность весьма негативно отнеслась к столь явному проявлению неравенства, и тогда, в начале 1951 г., правительство представило в *кнесет* еще один вариант за-

кона, согласно которому девушки из ортодоксальных семейств могли призваться для прохождения не военной, а “национальной” службы, что предусматривало их работу в государственных учреждениях, больницах или на предприятиях общественного питания системы социальной службы. Они не должны были жить в казармах, носить форму, и на ночь они возвращались домой. В число их обязанностей входило, главным образом, преподавание, уход за больными, помощь репатриантам. Иными словами, было сделано все возможное для того, чтобы предвосхитить любые возражения религиозного населения.

Однако все эти примирительные жесты оказались тщетными. Когда законопроект был передан на рассмотрение нового *кнесета* второго созыва в конце 1952 г., сторонники *Агудат Исраэль* выступили с бурными протестами. Иерусалимский квартал *Меа Шеарим*, оплот ультраортодоксов, был весь оклеен плакатами, призывающими “защитить наших дочерей от бесчестья и растления”. Толпы религиозных фанатиков устраивали демонстрации перед зданием *кнесета*, энергично нападая на полицейские кордоны. Надо сказать, что кампания, организованная *Агудат Исраэль*, выплеснулась за пределы Израиля. Манифестации были организованы в Браунсвилле и Уильямсбурге — нью-йоркских районах компактного проживания хасидов. Даже верховный раввин Израиля рабби Ицхак Герцог²⁵, известный своей мягкостью и терпимостью, оказался втянутым в общую кампанию протеста. После нескольких недель борьбы негодование и недовольство сошли на нет — поскольку был достигнут очередной “компромисс”. Встретившись с рабби Герцогом, Бен-Гурион дал ему в неофициальном порядке обещание, что если сторонники *Мизрахи* (как партии, с которой, по всей видимости, проще всего вести переговоры) прекратят акции протеста, то правила национальной службы для религиозных девушек будут трактоваться с максимальной гибкостью. После такой договоренности поправка к закону была принята. Как стало очевидным впоследствии, значительная категория религиозных девушек вообще была исключена из числа подлежащих призыву на национальную службу.

Следует также заметить, что при всей беспощадности нападков на законодательные власти в целом по стране, религиозные фанатики удваивали свой напор, когда речь заходила о Иерусалиме. Объяснялось это переменной стату-

25 Герцог Ицхак (1889–1959) — ученый галахист, верховный раввин Израиля. Когда он был ребенком, его семья эмигрировала в Англию. В 1908 г. он получил звание раввина, в 1914 г. — степень доктора литературы Лондонского университета. В 1916–1919 гг. — раввин в Белфасте, в 1912–1936 г. — в Дублине, в 1925 г. стал главным раввином Ирландии. Убежденный сионист. Один из основателей движения *Мизрахи* в Великобритании и Ирландии. В 1937 г. был избран главным раввином Палестины и занимал этот пост до конца жизни. Автор большого количества религиозных трудов.

са города. В годы мандата британские власти неизменно делали все от них зависящее, чтобы мэром Иерусалима был араб. После того как власть перешла в руки евреев, сторонники *Агудат Исраэль*, по большей части проживавшие в Иерусалиме, осознали, что им представилась уникальная возможность взять в свои руки контроль над городской жизнью и получить значительную долю общественных должностей и привилегий. Какие бы изменения ни происходили в других городах Израиля, здесь, в Иерусалиме, община ортодоксов, составлявшая в 1948 г. треть еврейского населения города, была твердо намерена защищать, не щадя сил, свои интересы: свой традиционный образ жизни, свои дома и дворики в *Меа Шеарим*, свою больницу *Бикур Холим*, свои кредитные товарищества и свою систему школьного образования.

Первые выборы городской администрации проходили одновременно с выборами в *кнесет* первого созыва. Сторонники *Агудат Исраэль* знали, что они не составляют большинства даже среди религиозных евреев, поскольку в численном отношении их уже превосходили сторонники *Мизрахи*. И тогда они предложили поддержку кандидату на пост мэра Иерусалима от партии *Поалей Мизрахи*, выставив при этом “обычные” условия: получение своей доли должностей и привилегий. Представители *Мизрахи*, хотя и без особого восторга, согласились, признав, что в противном случае существует реальная опасность победы светских партий. Сотрудничество оказалось достаточно эффективным, и на протяжении практически семи последующих лет муниципалитет Иерусалима оставался в руках религиозного населения, причем деятельность представителей партии *Мизрахи* служила своего рода прикрытием для склонных к воинственному поведению сторонников *Агудат Исраэль*. Надо заметить, что последние не проявляли излишней скромности, когда дело доходило до дележа прибылей. Их сеть “специальных учебных заведений”, отличавшаяся узостью кругозора и низким качеством преподавания, стала получать стопроцентное финансирование из городского бюджета. Они требовали для своих сторонников все большее и большее количество должностей в муниципальной системе. Кроме того, они добивались снижения городских налогов для тысяч и тысяч своих приверженцев, которые объявляли себя, зачастую безосновательно, лишенными средств к существованию. И наконец, *Агудат Исраэль* со всей решительностью принялась проводить свою политику, внося в городское законодательство положения относительно *кашрута* и *шабата*, беспрецедентные по своей строгости и бескомпромиссные с точки зрения методов их претворения в жизнь.

Время, однако, показало, что ортодоксы значительно больше преуспели в законодательном творчестве и обеспечении для себя финансовых привилегий, нежели в таком непростом деле, как управление жизнью города, численность населения которого к 1955 г. составляла уже 150 тыс. человек. Ни

один из двух первых мэров Иерусалима от партии *Поалей Мизрахи* не имел ни малейшего представления о том, как следует решать все эти малопривлекательные проблемы, имеющие явно выраженный “светский” характер. Уличное освещение постоянно выходило из строя, мусор не вывозился, налоги не собирались вовремя, и муниципальные служащие месяцами не получали зарплату. К 1955 г. положение дел стало невыносимым. Многие иерусалимцы, жившие в городе на протяжении длительного времени, вынуждены были переехать в Тель-Авив и другие места. В конце концов Министерству внутренних дел пришлось распустить городской совет и уволить мэра Карива. Затем в течение четырех месяцев город управлялся специально назначенным комитетом, после чего на последовавших выборах *Манай* получила — впервые в истории города — большинство, достаточное для принятия решений (семь мест из двадцати одного). Представителям религиозных партий пришлось, стиснув зубы, согласиться с кандидатурой нового мэра Гершона Агрона (Агронского), бывшего главного редактора выходившей на английском языке газеты “Палестайн пост”. Но и тогда они не отказались от борьбы; уже будучи не у власти и, следовательно, не обремененные ответственностью за городские дела, они настойчиво проводили политику непримиримости, и это способствовало распространению культуркампа за пределы города и далее, по всей стране, причем складывавшаяся ситуация грозила выйти за пределы норм гражданской терпимости (Глава XX).

VI. АРАБСКОЕ МЕНЬШИНСТВО: ГРАЖДАНСТВО И ВОЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Выступая перед Специальным комитетом ООН по вопросам Палестины (ЮНСКОП) летом 1947 г., сионистские представители безоговорочно подтвердили, что арабское меньшинство в будущем еврейском государстве будет обладать всеми гражданскими, национальными и культурными правами. Впоследствии эти права были определены в Резолюции ООН о разделе Палестины, а также специально гарантированы в Декларации независимости Государства Израиль. Однако непредвиденное развитие событий в первые годы после обретения Израилем государственной независимости воспрепятствовало безусловному выполнению этих обещаний и заверений. Речь, в частности, шла о таких факторах, как массовое бегство арабского населения с территории вновь образованного еврейского государства, а также прочие изменения демографического характера. К этому надо добавить последствия вторжения соседних арабских государств и безжалостный характер их действий на заключительном этапе войны.

По окончании войны в пределах государственных границ Израиля осталось приблизительно 156 тыс. арабов. В 1970 году арабское население Из-

раиля составляло 440 тыс. человек. Они выбирали себе место жительства по большей части в населенных пунктах, где проживали исключительно арабы, а также в пяти городах со смешанным населением, где евреи составляли большинство — в Афо, Хайфе, Яфо, Рамле и Иерусалиме. Приблизительно 60% арабского населения проживало в Галилее, еще 20% — в “малом треугольнике”, деревнях, примыкающих к иорданской границе; два небольших арабских анклава, в каждом примерно по 7%, оставались в районе Хайфы и в Негеве. В целом, как мы видим, все центры компактного проживания арабского населения находились поблизости от границ Израиля с враждебными ему государствами, и это обстоятельство обусловило необходимость пересмотра обещаний и заверений, данных руководителями еврейского государства относительно предоставления арабам равных прав гражданства. Как будет показано ниже, арабы получили полное право избирать представителей и самим быть избранными в *кнесет*, создавать свои политические партии, критиковать деятельность правительства, издавать свои газеты и журналы, обучать детей в школах, где преподавание ведется на арабском языке. Они имели право пользоваться услугами всех государственных учреждений и учреждений судебной системы. Наконец, подобно представителям всех прочих религиозных общин, мусульмане (составляющие большинство арабского населения) получили широкую юридическую автономию по вопросам личного статуса. Мусульманские кади, равно как и *даяны* раввинских судов, стали государственными служащими, чья деятельность финансировалась из государственных источников. Вакфы, мусульманские религиозные траст-фонды, ранее управлявшиеся муфтиями, были выведены из сферы их ответственности, и функции муфтиев были переданы Министерству по делам религий Израиля, которое и осуществляет до сих пор управление от их имени. И наконец, арабы были полностью освобождены от несения всех видов воинской службы.

Освобождение от воинской службы стало свидетельством того глубокого недоверия, которое еврейское население испытывает к арабам, проживающим в Израиле. Известно, что они поддерживают тесные связи с сотнями тысяч своих родичей, которые, покинув Израиль, поселились в соседних странах. Таким образом, нетрудно было предположить, что оставшиеся в Израиле члены арабской общины станут испытывать психологические проблемы, связанные по меньшей мере с двойной лояльностью, а то и с явно выраженной неприязнью к новым израильским властям. Исходя из указанных предположений, правительство вплоть до апреля 1952 г. все время откладывало принятие законодательства о гражданстве. На протяжении четырех первых лет своего существования Израиль оставался, с юридической точки зрения, государством без граждан — как урожденных, так и натурализованных. Правда, *кнесет* первого созыва принял Закон о возвраще-

нии²⁶ (1950), согласно которому всем евреям, вне зависимости от места их проживания, предоставлялось право репатриации в Израиль. Заметим при этом, что арабское меньшинство вряд ли могло счесть для себя ободряющим толкование, которое давал закону Бен-Гурион: “Закон о возвращении подтверждает, что Израиль — это не только еврейское государство, большинство населения которого составляют евреи, но и государство для всех евреев, где бы они ни жили, равно как и для каждого еврея, который пожелает здесь поселиться. Это право является неотъемлемым для всех, кто был рожден евреем”. Выборы в *кнесет* первого и второго созывов проводились не на основе гражданства, а по месту жительства. И в том, что решение по вопросу о гражданстве все время откладывалось, не было ничего удивительного. Необходимо было изыскать “юридически обоснованный” способ ограничить права значительного по численности и не вызывающего особого доверия арабского меньшинства. Наконец, после длительных дебатов, *кнесет* принял в 1952 г. Закон о гражданстве, не упоминавший конкретно ни евреев, ни арабов, благодаря чему эта проблема и была решена весьма рациональным образом.

В рамках этого Закона назывались четыре способа обретения израильского гражданства: путем иммиграции (репатриации), путем натурализации, по месту рождения и по месту жительства. Что касается первого способа, то гражданство предоставлялось всем тем, кто въехал в страну официальным образом в качестве иммигранта (репатрианта) как до, так и после провозглашения независимости Государства Израиль, а также тем, кто пожелал, в рамках Закона о возвращении, выбрать Израиль в качестве постоянного места жительства. Очевидно, что в каждом таком случае речь могла идти только о евреях. Что касается остальных трех способов, то здесь интересы арабов задевались в значительно большей степени, чем интересы евреев. Так, гражданство могло быть предоставлено лицу, рожденному в стране как до, так и после провозглашения независимости Государства Израиль, при условии, что хотя бы один из его родителей являлся гражданином Израиля. Гражданство по месту жительства предоставлялось детям вернувшихся в Израиль палестинских беженцев при условии, что они зарегистрировались по состоянию на 1 марта 1952 г. как жители Израиля. (Надо сказать, что всевозможные оговорки и поправки лишали права на гражданство

26 Закон о возвращении (1950) провозглашает право каждого еврея репатрироваться в Израиль; он является правовой основой для предоставления израильского гражданства (Закон о гражданстве принят позднее, в 1952 г.). Согласно этому закону и поправке к нему (1970), право на получение гражданства и льготы для репатриантов имеет лицо, рожденное от матери-еврейки и не перешедшее в другую веру, а также тот, кто принял иудаизм. Нееврейский супруг (супруга), дети и внуки еврея (еврейки) пользуются теми же правами, что и другие репатрианты.

большинство арабских беженцев.) И наконец, гражданство путем натурализации могло быть предоставлено тем, кто жил в Израиле на протяжении не менее трех лет, имел право на постоянное жительство, хотя бы в какой-то мере владел ивритом и отказался от своего предыдущего гражданства.

Условия получения гражданства “по месту жительства”, были — со всей очевидностью — сделаны умышленно трудновыполнимыми именно с оглядкой на арабов. У большинства феллахов не имелось документов о палестинском гражданстве; в период британского мандата они тысячами переходили из соседних арабских государств через границу с Палестиной и селились там без какого бы то ни было официального разрешения. То же самое можно сказать и об арабах, вернувшихся после Войны за независимость (1948 г.) — их число составляло, по меньшей мере, 50 тыс. человек. Никто из этих людей не мог претендовать на израильское гражданство — что, кстати, являлось явным нарушением Резолюции ООН о разделе Палестины, в которой говорилось, что и арабы, и евреи, “проживающие в Палестине, станут гражданами того государства, жителями которого они являлись на момент провозглашения независимости”. Неудивительно, что Закон о гражданстве вызвал сильное разочарование и негодование арабской общины. Впрочем, у закона нашлись и еврейские критики, причем не только в *кнессете*, но и за его стенами. Разумеется, этот закон не был исполнен во всей его полноте и строгости. В течение буквально пяти лет после его принятия подавляющее большинство арабских жителей Израиля получили израильское гражданство. В сущности, арабская община была возмущена тем, что закон давал властям законный повод для дискриминации.

Был также предусмотрен еще ряд мер, имевших целью усложнить жизнь арабского населения страны. “Юридические и административные предписания” Временного правительства позволяли министру обороны предпринимать действия, оговоренные в Чрезвычайных правилах безопасности, установленных еще в 1945 г. британской администрацией для борьбы с подрывной деятельностью еврейского подполья. Речь, в частности, шла о создании “зон безопасности”, в которых вводилось военное правление. Предписания были незамедлительно претворены в жизнь в стратегически важных приграничных районах, где проживало большинство арабского населения. Там были созданы органы военного управления, существовавшие вплоть до окончания Войны за независимость. Таким образом, общая атмосфера, определяемая постоянными угрозами со стороны враждебно настроенных арабских государств и увеличением числа антиизраильских терактов, организованных за границей, способствовала тому, что впечатляющие израильские заявления относительно предоставления арабам равных прав оказались во многом сведенными на нет. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию с так называемыми “зонами особой безопасности”. Это были

небольшие по площади и весьма специфические анклавов, примыкавшие к границам страны, через которые можно было с легкостью осуществлять инфильтрацию с территорией Сирии и Иордании. Арабское население анклавов было выселено, причем соответствующие предупреждения они получили всего за четыре дня. Несколько бедуинских племен в Негеве, а также жители приграничных деревень Шааб, Эль-Бира, Умм-аль-Фарадж и Мадждаль были эвакуированы армейскими силами. Жителей христианской деревни Иркин в Западной Галилее выселили, дав обещание, что им будет предоставлена возможность вернуться через две недели; на деле же они оказались выселенными навсегда, и в 1951 г. армия разрушила все дома деревни, не пощадив даже здание церкви.

Такого рода действия в “зонах особой безопасности” коснулись в целом не более полутора тысяч человек; что же касается ситуации в приграничных “зонах безопасности”, где проживало большинство арабского населения, то там было введено военное правление, и власти получили указание использовать в случае необходимости “все необходимые силовые меры” для обеспечения безопасности. В частности, там были учреждены военные суды с широкими полномочиями для рассмотрения дел, связанных с нарушениями законов чрезвычайного положения, причем судебные заседания зачастую проходили при закрытых дверях. Полиция и армейские силы получили право проводить обыски в любом жилом доме или производственном помещении, если возникают подозрения, что происходящее там “представляет угрозу для общественной безопасности”. Любой человек, находившийся в зоне действия военной администрации, мог быть задержан, подвергнут обыску, на его передвижение или трудовую деятельность могли быть наложены ограничения, и он мог быть депортирован. Также “в интересах общественной безопасности” окружные комиссары получали право брать во владение любой участок земли и конфисковывать любое имущество. Полицейские и военнослужащие могли быть расквартированы в домах жителей этих зон, причем жители несли все связанные с этим издержки. Движение по дорогам могло быть запрещено или ограничено, мог быть введен комендантский час, а также прекращено действие всех средств связи, включая почту и телефон.

Разумеется, мало какие из перечисленных мер применялись на практике — разве что в случае крайнего обострения ситуации. В основном военная администрация действовала со всей возможной гибкостью и пониманием — во всяком случае, значительно более мягко, чем вела себя арабская военная администрация по ту сторону границы по отношению к еврейскому меньшинству. В сущности, лишь один вид ограничений постоянно осуществлялся израильскими властями: ограничение свободного передвижения между населенными пунктами. Так, например, араб из Назарета, по-

желавший навестить своего родственника в Яфо, должен был обратиться к представителю военной администрации для получения специального пропуска. Ему предстояло заполнить соответствующие документы, принести их в штаб военной администрации и там ждать в очереди — иногда в течение нескольких часов. Безработному арабу, живущему, скажем, в деревне Шафа-Амр и желающему найти работу в Хайфе, предстояло проделать такую же процедуру, причем с точно такой же вероятностью получить отказ. Собственно говоря, отказывали немногим, но сама процедура подачи прошения отнимала много времени и была довольно унижительной.

Власти страны утверждали, что все эти правила служат только одному — обеспечению безопасности. Отмечалось, что соседние арабские страны вели постоянную радиопропаганду, адресованную арабскому меньшинству Израиля, а израильские арабы тем или иным образом поддерживали контакты со своими родственниками за границей. Эта аргументация была вполне обоснованной; тем не менее возникал вопрос: оправдывают ли соображения безопасности суровость указанных мер? Об этом говорили как еврейские, так и арабские критики существующего положения дел, и этот вопрос неоднократно поднимался в прессе и в *кнессете*. Реагируя на эту критику, Бен-Гурион создал в декабре 1955 г. специальную комиссию для рассмотрения вопроса об отмене военного правления или хотя бы уменьшении числа связанных с ним ограничений. Всесторонне рассмотрев ситуацию, комиссия в марте 1956 г. приняла решение, что еще не настало время для смягчения чрезвычайных мер, поскольку границы по-прежнему остаются небезопасными. Решение комиссии вызвало сильное разочарование у членов арабской общины, которые провели несколько митингов протеста; левая пресса, как арабская, так и еврейская, подвергла деятельность комиссии критике.

Однако к середине 1950-х гг. уже стали появляться признаки постепенного ослабления ограничений. Мало-помалу были сняты запреты на поездки в пределах арабской “зоны безопасности”. В судах начали, впервые со времени создания государства, рассматривать дела по обвинению представителей военной администрации в злоупотреблении властными полномочиями. Верховный суд страны, являющийся также Высшим судом справедливости, стал опротестовывать судебные решения низших инстанций о депортации арабов — даже в случаях, когда имелись подтверждения их противоправной деятельности. Хотя взаимоотношения Высшего суда справедливости и военных трибуналов к 1956 г. еще не были строго регламентированы, все отчетливее стала вырисовываться тенденция в пользу гражданской правовой системы. Так, даже армейские суды начали основывать свои решения на принципах общего права, и все это вместе давало надежду на скорейшие изменения в чрезвычайном положении.

VII. АРАБСКОЕ МЕНЬШИНСТВО: ЗЕМЛЯ И ЭКОНОМИКА

Условия чрезвычайного положения были не просто и не только унижительными для арабов — они также ухудшали и их экономический статус. Ситуация объяснялась не только последствиями войны, но также и израильской земельной политикой. Текст Резолюции ООН о разделе Палестины ясно и недвусмысленно указывал правительству границы его действий. “В еврейском государстве не допускается никакая конфискация земель, находящихся во владении арабов, кроме отчуждения на общественные нужды, — гласил этот документ. — Во всех случаях отчуждения земли владельцам должна быть выплачена полная компенсация по цене, установленной Верховным судом, причем платеж должен быть осуществлен до отчуждения участка”. Но зловещие признаки нависшей опасности проявились уже в декабре 1948 г., когда Временное правительство Израиля опубликовало свои первые постановления, касающиеся собственности отсутствующих землевладельцев. Цель этих постановлений заключалась в том, чтобы опередить эмигрировавших арабов, включая и бывших граждан Израиля, которые бы пожелали вернуть свою собственность, оставленную ими во время войны либо сразу после нее. Первоначально эти меры были, судя по всему, направлены исключительно против того значительного числа арабов, которые во время военных действий бежали на территорию соседних арабских стран, став беженцами. В этом же, очевидно, заключались и намерения *кнесета* первого созыва, принявшего в 1950 г. правила, регламентирующие статус собственности отсутствующих землевладельцев. Согласно этим правилам, ведомство Государственного опекуна собственности отсутствующих землевладельцев получало право продавать Управлению по делам развития земельные участки и здания, принадлежавшие арабам. Действуя через посредство различных учреждений, Управление по делам развития, в свою очередь, получало право сдавать в аренду землю и прочую недвижимость еврейским *кибуцам* и *мошавам*, а если это была собственность в черте города — то и частным лицам (Глава XVI).

Но на протяжении первых двух лет существования государства выяснилось, что правила, касающиеся собственности отсутствующих землевладельцев, применимы и для конфискации примерно 40% земли, принадлежащей арабам, легально проживающим в Израиле. Жертвы такой политики делились на две категории. Первую (и сравнительно небольшую) группу составляли арабы, выселенные из “зон особой безопасности”; как уже отмечалось, численность этой группы составляла примерно 1500 человек, и в основном это были фермеры, пострадавшие от политики эвакуации. Обратившимся за компенсацией было предложено подождать некоторое время, пока им предоставят аналогичные участки земли в других местах. В ко-

нечном итоге выселенные арабы получили обещанное, но лишь по истечении нескольких лет; а до того они вынуждены были довольствоваться временным проживанием у родственников, выполняя в их хозяйствах малоприятную работу за скудное вознаграждение. Значительно большую группу составляли примерно 30 тыс. палестинских арабов, которые оставили свое место жительства после принятия Резолюции ООН о разделе Палестины; эти люди не намеревались покинуть еврейскую территорию, но они, тем не менее, были отнесены к категории “отсутствующих землевладельцев” согласно правилам, принятым в декабре 1948 г. Например, все арабы, имевшие собственность в Новом городе Аки, даже те, кто никогда не удалялся от Старого города Аки на расстояние в несколько сот метров, были сочтены “отсутствующими землевладельцами”. Аналогичная ситуация сложилась и в других районах страны — особенно в Лодде, Рамле и Иерусалиме. Общая площадь землевладений этих “внутренних беженцев” составила примерно 300 тыс. дунамов (подчеркнем, что речь идет только о земельной собственности). Все это стало легкой добычей ведомства Государственного опекуна.

Итак, землевладельцы отсутствовали; однако присутствовали еврейские критики описанных выше несправедливых действий. Так, Моше Смилянский, член партии *Манаи*, в своей статье в газете *Га-Арец*²⁷ в ноябре 1949 г. предупреждал, что “наступит день, когда нам придется отвечать за этот грабеж и захват имущества не только перед своей совестью, но и перед законом”. Правительство под нажимом этой критики вынуждено было создать специальную комиссию для рассмотрения арабских требований относительно компенсации. Пришлось сделать несколько жестов доброй воли: шестидесяти семи арабским жителям Яфо, Хайфы и Иерусалима, из числа никогда не покидавших страну, было возвращено их имущество — полностью или частично; примерно тридцать-сорок фермеров получили обратно свои фермы. В целом, однако, ведомство Опекуна выдало всего лишь 209 сертификатов, подтверждающих возвращение земельных участков их изначальным владельцам. Столь незначительные масштабы восстановления справедливости вызвали гневное осуждение членов *кнессета*, независимо от

27 *Га-Арец* (букв. “Страна”) — израильская ежедневная утренняя газета на иврите. Выходит в Тель-Авиве. Основана в 1919 г. в Иерусалиме и первоначально называлась *Хадашот га-арец* (“Новости страны”). В 1923 г. издательство переехало из Иерусалима в Тель-Авив. До 1925 г. была единственной выходившей там ежедневной газетой. Хотя с конца 1960-х гг. начался процесс сокращения числа ежедневных газет общего характера и многие ранее выходившие издания прекратили свое существование, *Га-Арец* сумела сохранить круг читателей. Она является утренней газетой, занимающей третье место по тиражу. *Га-Арец* — газета леволиберального направления, рассчитанная на читателя с интеллектуальными и культурными запросами.

их партийной принадлежности. Реагируя на эту критику, в 1950 г. правительство согласилось внести ряд дополнительных изменений в существующий порядок вещей. Ведомство Опекуна впервые было вынуждено называть источники, из которых поступала информация о статусе отсутствующих землевладельцев. В результате понятие “отсутствующий землевладелец” подверглось значительному пересмотру, и из этой категории были исключены арабы, проживавшие на территориях, контролируемых израильскими вооруженными силами по состоянию на 29 ноября 1947 г. (дата принятия Резолюции ООН о разделе Палестины). Однако поскольку лишь небольшая часть территории тогдашнего Израиля находилась в ноябре 1947 г. в руках евреев, то число арабов, оказавшихся в выигрыше благодаря таким изменениям, тоже оказалось не столь уж большим. В числе других изменений следует назвать ограничения прав ведомства Опекуна на конфискацию деловых предприятий. Теперь, в частности, конфискация становилась возможной, если только отсутствовали абсолютно все арабские партнеры, акционеры и руководители предприятия — а не половина, как это было ранее. Впрочем, за исключением названных оговорок и ряда им подобных, статус отсутствующего владельца остался практически неизменным.

Защищая правительственную политику в *кнесете*, министр финансов Элиэзер Каплан²⁸ особо подчеркнул, что собственность отсутствующих землевладельцев, израильских арабов, — это “деликатный вопрос”, напрямую связанный “с проблемой безопасности государства”. У него лично, разумеется, нет никаких сомнений в справедливости принципов равноправия, но при этом, спрашивал он, “разве можно оставлять без внимания тот факт, что мы окружены враждебными государствами, в которых постоянно раздаются призывы к началу новых военных действий; потому-то нам и следует принимать меры предосторожности”. Каплан указал, что “не деловые или коммерческие соображения, а соображения безопасности” должны определять нашу стратегию по вопросу собственности отсутствующих землевладельцев. Незадолго до выборов в *кнесет* 1951 г. правительство приняло еще несколько, по сути своей малозначимых, поправок к правилам, касающимся собственности отсутствующих землевладельцев. В тот же период, между прочим, группа израильских арабов привлекла внимание общественно-

28 Каплан Элиэзер (1891–1951) — израильский политический деятель. С ранней юности принимал участие в сионистском движении, был членом молодежной фракции движения *Цеирей Цион* в России. В 1919 г. — член комитета еврейских делегаций на Версальской мирной конференции. С 1923 г. находится в Эрец-Исраэль. Руководил деятельностью отдела общественных и строительных работ *Гистадрута*. С 1933 г. возглавлял отдел финансов Еврейского агентства. После образования Государства Израиль был назначен первым министром финансов. Незадолго до смерти стал заместителем главы правительства Израиля.

сти к более чем странной ситуации: основная часть арабских земель из тех 300 тыс. дунамов, что были конфискованы в пользу еврейских сельскохозяйственных поселений, так и оставалась необрабатываемой. Как отмечалось в заявлении этой группы, не следует ли вернуть эту землю ее прежним владельцам для использования по назначению — руководствуясь пусть даже не соображениями законности, но хотя бы экономическими интересами самого Израиля? Эта аргументация произвела должное впечатление, и в 1952 г. ведомство Опекуна приступило к возвращению значительного количества земельных участков. В течение двух лет порядка 100 тыс. дунамов были “сданы в аренду” пяти тысячам “отсутствующих” семейств в ста деревнях.

И наконец, в 1953 г., принимая в расчет постепенную экономическую стабилизацию Израиля, а также реагируя на критику внутри страны и за рубежом, правительство приняло Закон о приобретении земли. По сути дела, этот закон обеспечил выплату компенсаций за 300 тыс. дунамов земли, изъятых у арабских граждан Израиля, а также возмещение ущерба за землю и собственность, конфискованные “с учетом соображений безопасности или жизненно важных государственных интересов” в период между 4 мая 1948 г. и 1 апреля 1952 г. Большинству безземельных фермеров был предоставлен выбор: финансовая компенсация или возможность арендовать земельный участок, достаточный для содержания своей семьи. Все платежи должны были производиться, исходя из цен на землю по состоянию на январь 1950 г.

Именно последнее условие вызвало особое негодование “отсутствующих землевладельцев”. Начиная с 1948 г. постоянно растущая инфляция лишала израильскую лиру ее покупательной способности. Так, например, один дунам земли, стоивший в 1950 г. 25 лир, в 1954 г. стоил уже 150 лир, а в 1955 г. — 170 лир. В ответ на все критические замечания был дан официальный ответ: стоимость увеличилась за счет того, что теперь это земля еврейского государства; достигнуто это благодаря усилиям еврейского народа, и потому арабы не могут претендовать на связанную с этим компенсацию. Тем не менее после нескольких месяцев переговоров с арабскими истцами и их адвокатами (среди последних, кстати, было немало евреев) правительство согласилось на очередной “компромисс”: стоимость будет исчисляться по формуле, согласно которой к стоимости реквизированной земли в ценах 1950 г. будет добавлено по 3% за каждый год. Многие арабы не согласились на такое предложение и продолжили свою борьбу в судебных инстанциях. Впрочем, были и такие, кто согласился, пусть и с неохотой, взять деньги — чтобы только разорвать этот заколдованный круг. К 1956 г. Управление по делам развития сообщило, что примерно треть из 3076 поданных исков удовлетворены путем выплаты денег или предоставления земельного участка. В целом процесс разрешения спорных ситуаций продвигался очень мед-

ленно. Прошло еще два года, прежде чем стороны смогли прийти к окончательному и более подобающему решению (Глава XVIII), а до того времени трагедия израильских “отсутствующих землевладельцев” являла собой вопиющее несоответствие хваленым израильским притязаниям на равенство и справедливость для всех граждан страны.

У арабов были и другие проблемы экономического характера. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. нехватка земли для сельскохозяйственной деятельности в арабских деревнях привела к тому, что многие молодые люди стали искать работу в другом месте. Довольно скоро они поняли, что в городе для них нет подходящих занятий. Евреи им не доверяли. *Гистадрут*, основанный сионистами и партией *Мапай*, на протяжении многих лет не проявлял желания бороться за равенство прав арабского населения на труд. Таким образом, арабские рабочие были в состоянии найти только такую работу, которая не требовала особой квалификации. Очевидно, что при этом и уровень зарплаты, и социальные блага были минимальными. Зачастую арабам приходилось тратить очень много времени на дорогу — домовладельцы Хайфы или Тель-Авива не желали сдавать им жилье. Организация их досуга также оставляла желать лучшего. Экономическая ситуация, в которой находилось арабское население, значительно улучшится в середине и особенно к концу 1950-х гг. (Глава XVIII). Но до середины 1950-х гг. арабские рабочие и земледельцы в финансовом отношении жили так же плохо и трудно, как и малоимущие еврейские репатрианты из мусульманских стран.

Общинная структура в иностранном государстве

Явно выраженное отсутствие сколько-нибудь определенной политики по отношению к арабскому меньшинству Израиля было одновременно и причиной, и следствием наличия в стране нескольких правительственных учреждений с частично пересекающимися функциями. Так, три независимые структуры — Министерство внутренней безопасности, Министерство обороны и Управление по делам арабского населения Министерства главы правительства — отвечали за проблемы безопасности. Другие структуры, в том числе Министерство сельского хозяйства, Министерство по делам религий, Министерство внутренних дел, Министерство труда, Министерство образования и культуры, занимались в основном улучшением качества жизни арабского населения. Однако их усилия, в том числе и деятельность министерств, не связанных с вопросами безопасности, зачастую оказывались тщетными, несмотря на все попытки найти подход к этой немалочисленной, легко уязвимой и не склонной к ассимиляции группе населения.

Достаточно типичными были трудности, стоявшие перед Министерством образования и культуры. Израильский Закон об обязательном образовании был рассчитан как на еврейских, так и на арабских детей. Впервые во всех арабских деревнях были построены школы, в результате чего количество арабских начальных школ возросло с 59 в 1948 г. до 114 в 1956 г., количество учителей — с 250 до 846, количество учащихся — с 10 тыс. до 26,5 тыс. человек, причем численность всего арабского населения в стране была меньше, чем в годы мандата. Доля арабских девочек, посещающих школу, увеличилась с менее чем 2% в 1949 г. до 40% в 1956 г. Учителя со стажем проходили переподготовку и повышали свою квалификацию на курсах при Министерстве просвещения; новых преподавателей готовили на специально организованных семинарах. Сотрудники Министерства просвещения прилагали все усилия к тому, чтобы ненароком не ущемить самолюбие и достоинство арабского населения. Обучение велось на арабском языке, иврит изучался только как второй язык. Учебные материалы по литературе и истории были посвящены практически исключительно арабскому культурному наследию. В учебных программах фактически отсутствовали материалы, связанные с еврейской тематикой, кроме основных сведений по еврейской истории. В арабских учебниках не было ничего, чем-либо напоминающего сионистскую пропаганду. Несмотря на эти явно искренние и великодушные усилия израильтян, арабские преподаватели не могли не заметить, что как ни мало места в учебных программах было отведено сионистской истории, еще меньше внимания уделялось арабскому националистическому движению в Палестине и соседних арабских государствах. Произведения арабских авторов, высоко ценимых в арабском литературном мире, включались в учебные программы в ограниченном объеме, если их тематика была связана с панарабизмом.

Арабское сельское население выражало также недовольство тем, как было организовано содержание школ и прочих учебных заведений. В годы мандата британские власти, как правило, обеспечивали финансирование арабских учреждений. Израильское правительство, напротив, полагало, что арабские местные власти должны делать то же самое, что и еврейские органы местного самоуправления — а именно финансировать всю систему коммунальных служб (включая и учительскую зарплату, и школьное оборудование) за счет введения специальных местных налогов. Когда же выяснилось, что арабские власти, то в одном месте, то в другом, отказываются брать на себя эти заботы, то израильское правительство было вынуждено ввести особый подушный налог и обеспечивать неукоснительность его сбора. В знак несогласия местные жители устраивали забастовки, а иногда и демонстрации, переходящие в беспорядки, и тогда приходилось прибегать к вмешательству полиции. Причиной такого рода конфликтов между араб-

скими местными властями и израильским правительством была, по сути дела, скрытая борьба за политическое лидерство внутри самой арабской общины. На протяжении первых нескольких лет после создания Государства Израиль рычаги власти в арабской деревне по-прежнему оставались в руках главы местного семейного клана — хамулы. Как правило, никто, кроме этих старейшин, возглавлявших хамулы, не был в состоянии нести соответствующие расходы, связанные с выборной кампанией. Однако у молодых членов общины росло чувство негодования против “патриархального” застоя в системе местной власти, и было немало таких, кто стремился к проведению давно назревших социальных реформ. Отсутствие у них возможностей коренным образом перестроить традиционную систему управления зачастую находило свое выражение в возмущении израильскими правящими кругами, которые молодые арабы считали ответственными за сохранение старого порядка вещей.

Несомненно, весьма серьезную психологическую проблему для арабских националистов составляла невозможность направить свое возмущение в политическое русло. Самые известные выразители настроений и чаяний арабской общины — семейства Хусейни и Нашашибиды — были в числе первых, оставивших страну в 1948 г. Последовавшие за тем попытки израильских арабов образовать новые политические партии неизменно оканчивались неудачей. Во-первых, сам по себе механизм политических организаций, действующих в рамках подлинно демократической страны, был неизвестен арабам. Более того, израильским арабам неоткуда было получить советы опытных политических лидеров, да к тому же они не располагали необходимыми денежными средствами для ведения политической борьбы. Их честолюбивые политики не могли рассчитывать на поддержку ни армии, как это было в соседних арабских странах, ни влиятельных деловых кругов, как это было в Ливане. Напротив, по прихоти судьбы, содействие, получаемое арабами, исходило от еврейских политических кругов. Наиболее яркий пример такого странного сотрудничества — активная роль, которую сыграла *Маки*, Коммунистическая партия Израиля. В годы мандата эта партия не имела никакого влияния и вообще была практически неизвестна на политической арене; после создания Государства Израиль коммунисты с гордостью заявляли, что они — единственная в стране партия, чья идеология не является сионистской, и что, таким образом, лишь они могут принимать близко к сердцу интересы арабского населения. Избегая теоретических дискуссий по проблемам марксизма, лидеры *Маки* — и евреи, и арабы — сосредоточили свои усилия на критике военного правления, национальной земельной политики и прочих проблем, вызывавших недовольство арабского населения. Первоначально *Маки* даже выступала за предоставление арабам полной независимости, но через несколько лет

партия сменила свои требования и настаивала уже на обеспечении арабской автономии в пределах израильских границ. Однако, как будет показано ниже, все попытки *Маки* привлечь большое число арабских голосов оказались тщетными.

Столь же малоуспешными оказались и все усилия в данном направлении партии *Манап*. В начале 1949 г. эта левая рабочая партия, известная своими идеалистическими настроениями и стремлением защитить права арабского населения, способствовала организации и оформлению списка арабских кандидатов на выборах в *кнесет* первого созыва. Однако, после того как этот “Арабский народный блок” не смог получить ни одного места в парламенте, *Манап* сформировала свою собственную арабскую секцию, а к выборам 1951 г. ее руководство пошло на включение арабского кандидата в свой избирательный список, поставив его на достаточно высокое место, чтобы гарантировать ему избрание. Руководители *Манап* вели активную работу среди арабского населения. Их *кибуцы* выступали с предложениями дружбы и помощи соседним арабским деревням. *Манап*, с учетом интересов арабского населения, также организовывала сельскохозяйственные школы, открывала программы профессиональной подготовки, транспортные кооперативы, издавала арабскую литературу и организовывала встречи и дискуссии между арабскими и еврейскими преподавателями и представителями интеллигенции. Тем не менее *Манап* преуспела не больше коммунистов в своей борьбе за права арабов; с другой стороны, даже будучи членом правящей коалиции во главе с *Манаей*, *Манап* не смогла предложить арабам каких-либо существенных материальных стимулов. В целом усилия *Манап* были восприняты в арабском секторе страны без особого энтузиазма.

Ирония ситуации заключается в том, что наиболее значимым политическим фактором в рамках арабской общины оказалась основная правящая партия страны, *Манаей*, которая также несла основную ответственность за все невзгоды арабского населения. Поддержанные этой партией арабские избирательные списки носили эффектные названия: Демократический список арабов Израиля (Назарет и Галилея), Партия сельскохозяйственного развития (Западная Галилея и друзы) и еще несколько других списков. Но вне зависимости от названия все списки содержали имена арабов, отобранных в индивидуальном порядке, с учетом интересов партии *Манаей*, причем каждый список включал, в соответствующей пропорции, арабов различных конфессий — мусульман, христиан и друзов. Списки также отражали интересы наиболее значимых кланов-хамул, и основные места в списках были отданы представителям богатых и знатных семейств. В большинстве своем эти арабские представители партии *Манаей* были явными и откровенными оппортунистами, которых более всего волновали вопросы личного престижа и карьерные соображения. Но одновременно они также демонстрирова-

ли и прагматичность, то есть ясное понимание того, в чьих руках находится власть — поскольку здесь же был и источник материального благосостояния для их общин. Ведь, в конце концов, прочие партии могли лишь выступать с протестами, и только *Манай* была в состоянии — при желании, разумеется, — предпринять конкретные действия. Таким образом, чтобы обеспечить хорошее отношение и поддержку со стороны правящей партии, арабские кандидаты были сговорчивыми и умеренными в своих требованиях, сосредоточиваясь в основном на местных и общинных программах. Их электорат, в массе своей, с пониманием относился к их сдержанности, осознавая, чего можно добиться благодаря такому поведению.

Более того, преодолев послевоенный шок и осознав перемену своего статуса в еврейском государстве, арабы довольно скоро начали принимать активное участие в национальных выборах. Если не считать выборов в *кнесет* 1949 г., когда лишь немногие израильские партии предприняли скольнибудь серьезные попытки привлечь арабов к своей избирательной кампании, участие арабского электората всегда было (если учитывать численность населения) более активным, чем участие электората еврейского. Уже в 1949 г. 79,3% зарегистрированных арабских избирателей опустили свои бюллетени в избирательные урны. Тогда же начала вырисовываться общая тенденция поведения арабского электората. Опыт подтвердил, что арабский инстинкт “главного выигрыша” не имеет практически ничего общего с националистическими устремлениями. Так, 51,7% всех арабских голосов были отданы за четыре арабских списка рабочих партий, три из которых сформировала *Манай* и один — *Манам*. Далее, 22,2% избирателей голосовало за *Маки* (коммунисты), 11,4% — за партию восточных евреев (которая вскоре прекратила свое существование), и 9,6% проголосовали непосредственно за *Манай*. Таким образом, *Манай* и сформированные ею списки получили 61,3% арабских голосов, то есть абсолютное большинство. В ходе последующих выборов приверженность арабов партии *Манай* сохранялась, а иногда даже и возрастала. Очевидно было, что арабы хранили преданность и верность своим клановым вождям, “источнику всех благоденствий”.

Что касается социального состава арабских членов *кнесета*, то из семи-восьми человек подавляющее большинство составляли крупные землевладельцы; кроме них было двое журналистов и один архитектор. Вне зависимости от своего происхождения, арабские члены *кнесета* редко выступали с его трибуны по вопросам общеполитического характера. Основное внимание они уделяли темам, представляющим особый интерес для арабского меньшинства, регулярно и ненавязчиво поддерживали идею мира на Ближнем Востоке, выражали осторожную надежду на ослабление режима военного правления и на воссоединение арабских семей. В более конкретном плане они требовали повышения уровня жизни арабского населения,

увеличения бюджетов на дорожное строительство, медицинские и учебные учреждения, расширения возможностей для трудоустройства арабской молодежи в тех сферах, которые не связаны с простым физическим трудом. Но вне зависимости от того, насколько удовлетворялись их требования, арабские члены *кнесета* при голосовании неизменно соблюдали партийную дисциплину (то есть дисциплину партии *Манай*).

Такое послушание, кстати, отнюдь не означало, что арабы начали приспособляться к условиям жизни под израильским правлением. Ситуация вдоль иорданского “выступа” границы по-прежнему оставалась крайне сложной и запутанной. Переходы через границу и посещения родственников по обе стороны зоны перемирия были как бы в порядке вещей. Возможность слушать по радио (а потом и смотреть по телевизору) передачи из соседних стран неизменно укрепляла чувство национального самосознания израильских арабов, поддерживая их духовную связь с остальным арабским миром. По мере того как для арабов Израиля расширялся спектр экономических возможностей, неизменно росло их недовольство своим положением граждан второго сорта. Еврейское население все больше укреплялось во мнении, что в середине 1950-х гг. “израильские арабы жили лучше, чем когда бы то ни было, и несравнимо лучше, чем их собратья в арабских странах”. Так оно в действительности и было — но сами арабы не осознавали, что, не будь Израиля, не было бы и такого прогресса в их жизни. Постоянно слушая разговоры о демократии и гражданском равенстве, а также наблюдая за тем, как эти разговоры становятся действительностью в еврейском секторе, израильские арабы стали соотносить свою жизнь не с жизнью арабов вне пределов Израиля, а с жизнью своих еврейских соседей в Израиле. Ростки лояльности, которые пытались взрастить министерства сельского хозяйства, благосостояния, здравоохранения и просвещения, были загублены на корню вследствие политики военного правления и действий ведомства Государственного опекуна. Арабы составляли более 10% всего населения Израиля, но никто из них не получил ни министерского поста, ни другой достаточно высокой правительственной должности. “Какой смысл открывать университет для арабской молодежи, — писал в *Га-Арец* Зеэв Шиф, — если военный губернатор может на несколько месяцев задержать выдачу разрешения на свободное передвижение молодому человеку, который учится в Иерусалиме, и он не сможет выехать из своей родной деревни, потому только, что его отец когда-то был замечен в антиправительственных действиях”.

На протяжении многих лет израильское общественное мнение игнорировало, сознательно или неосознанно, статус израильских арабов. Такое положение вещей становилось все более и более нестерпимым, и в 1953 г. кади из Назарета шейх Тахир аль-Табари обратился с письмом к президенту

Израиля. Он писал, что среди евреев растет убежденность в том, будто арабы являются пятой колонной²⁹ в стране, и что его соплеменники опасаются, как бы ситуация не сделалась совсем невыносимой, по мере того как отношения между двумя народами будут и дальше ухудшаться. Ввиду этого он предлагает, чтобы любой израильский араб, пожелавший оставить Израиль и воссоединиться со своим народом, мог бы свободно продать свое имущество и уехать из страны. Это письмо было напечатано на первых страницах всех израильских газет и послужило поводом для широкой дискуссии. Отвечая шейху Тахиру, также через газету, министр иностранных дел Шарет напомнил своему оппоненту, равно как и всему народу в целом, что израильские арабы “связаны кровными узами и общим национальным самосознанием с арабами за рубежом, притом что последние продолжают считать себя находящимися в состоянии войны с Израилем”. Таким образом, “угроза подрывной деятельности не может не оставаться основным предметом обеспокоенности правительства, до тех пор пока не удастся достигнуть мира”. Смысл сказанного был предельно ясен. Для обеспечения своей безопасности Израиль готов был поступиться благополучием израильских арабов — невзирая на все данные им гарантии и на те принципы, что легли в свое время в основу государства.

Хотя судьба арабского меньшинства и свидетельствовала об отсутствии идеальной справедливости в Израиле, вместе с тем арабы были не единственной группой населения, страдавшей от неравенства и несовершенства общественного порядка. Достаточно назвать проблему юридического характера, которая причиняла неудобства и неприятности отнюдь не всем гражданам Израиля, а только и исключительно евреям — речь идет о политике раввината и законах, определяющих “личный статус”. И тут следует признать, что данной проблеме, по всей видимости, суждено было оставаться в перспективе значительно более мучительным анахронизмом. При этом, как по контрасту, после 1956 г. и юридический статус арабов, и в особенности их экономическое положение стали изменяться к лучшему, и к тому же эти перемены были значительно более заметными, нежели перемены во всех иных областях израильской жизни. Впрочем, страну в целом также ждали перемены к лучшему. В частности, с течением времени коалиционные правительства стали более устойчивыми. К 1955 г. из восемнад-

29 Пятая колонна — наименование тайных сторонников генерала Франко, действовавших в Испанской республике во время Гражданской войны 1936–1939 гг. Термин “пятая колонна” возник в октябре 1936 г., когда один из руководителей мятежников, генерал Мола, заявил, что четыре колонны Франко наступают на Мадрид, а пятая их ждет в городе и в нужный момент атакует республиканцев. С тех пор “пятой колонной” стали называть всех, поддерживающих наступление войск неприятеля своими действиями в тылу.

цати партийных списков осталось только двенадцать. Год спустя процесс слияния политических партий пошел еще более быстрыми темпами, подобно тому как это происходило в свое время в западных странах; партии лейбористов и консерваторов стали объединяться, на широкой основе, в “блоки” (Глава XIX). Чиновничий аппарат постепенно начинал функционировать все более и более профессионально — хотя эти положительные изменения были заметны далеко не во всем. Но, по-видимому, важнее всего — даже важнее повышения эффективности государственной машины — было укрепление демократических начал в израильском обществе. С каждым годом становился все более и более значимым авторитет народной власти, что позволяло справляться с проблемами, в основе которых лежали военный кризис, политическая демагогия и, казалось бы, непреодолимые экономические и социальные трудности, связанные с возвращением евреев в страну отцов. Действительно, хотя положение дел в стране было и не самым простым, но при этом выборы проходили без особых нарушений, *кнесет* ставил на рассмотрение и принимал законы, налоги собирались, решения суда выполнялись, законы соблюдались, общественный порядок охранялся. Если сравнивать ситуацию в Израиле с происходящим в других странах, которые также были образованы после Второй мировой войны, то нельзя не признать, что политические достижения Израиля выглядели более чем значительными. Можно сказать, что в этом плане Израиль не знал — или почти не знал — себе равных.

Глава XV.

Возвращение в страну отцов и борьба за экономическое выживание

Двери распахнуты

На протяжении полутора лет со дня принятия Декларации независимости в Израиль прибыло 340 тыс. евреев. Они приплывали на комфортабельных морских лайнерах и на суденышках, едва держащихся на плаву, прилетали самолетами и пробирались через границу тайными пешеходными тропами. Война еще не закончилась, и казалось, что страна стоит на грани гибели или экономического краха, — однако поток репатриантов не прекращался. В годы мандата число иммигрантов составляло в среднем 18 тыс. человек в год. На протяжении первых трех лет независимого существования Израиля туда в среднем прибывало 18 тыс. человек в месяц, а бывали месяцы, когда эта величина доходила до 30 тыс. человек. За время между 15 мая 1948 г. и 30 июня 1953 г. численность еврейского населения страны удвоилась. Таких темпов прироста населения не знала ни одна страна в период новой истории. Это была политика “открытых дверей”, на проведение которой не могли бы решиться старые и значительно более богатые страны. Основываясь на фундаментальных принципах сионизма, в эмоциональном плане эта политика восходила к библейским пророчествам и ориентировалась на реализацию Декларации независимости, гласящей, что Израиль “будет открыт для евреев всех стран рассеяния”. В самом деле, основной смысл создания государства, как указывалось в Законе о возвращении, заключался в том, чтобы Израиль стал родиной для каждого, кто захочет оставить диаспору и “вернуться домой”.

Существовала, однако, еще одна, не менее значимая цель, которую ставило правительство, организуя столь массовое, беспрецедентное по масштабам возвращение евреев в страну отцов. В Израиле со всей ясностью

понимали, что существует необходимость незамедлительно увеличить численность населения и тем самым способствовать решению сразу нескольких взаимосвязанных задач: укрепление вооруженных сил за счет репатриантов, годных к службе в армии; заселение пустующих районов страны; создание новых и расширение существующих сельскохозяйственных поселений, а также поселений в приграничной полосе; обеспечение рабочей силой предприятий, необходимых для развития современной экономики и достижения западного уровня жизни. Хотя об этом предпочитали не говорить во всеуслышание, но именно эти факторы экономического и оборонного характера побудили израильских лидеров пойти на риск практически бесконтрольной массовой иммиграции. Собственно говоря, решение “распахнуть двери” никем и не оспаривалось — тем более что разрозненные еврейские общины в странах Европы, Азии и Африки стали выступать с требованиями переправить их в Израиль, где они могли бы чувствовать себя в безопасности. Едва удалось разрешить этот первый “кризис репатриации”, как последовала новая кризисная ситуация.

Провозгласив создание Государства Израиль, израильское правительство, совместно с Еврейским агентством, сразу же приступило к доставке в страну заключенных из лагерей для перемещенных лиц, расположенных в Германии, Австрии и Италии. Таким образом, за период с сентября 1948 г. по август 1949 г. в Европе было закрыто 52 центра для перемещенных лиц, а их обитатели переправлены в Израиль через порты Марсель и Бари; кроме того, в Израиль вывезли 25 тыс. евреев, интернированных в лагерях на Кипре. Практически в то же время началась массовая репатриация болгарских евреев, а также значительной части югославских и турецких евреев. В период между весной 1948 г. и осенью 1950 г. коммунистические режимы Польши и Румынии дали согласие на эмиграцию проживавших там евреев, хотя потоки репатриантов из этих стран время от времени и прерывались ввиду запретов местных властей. Однако в сентябре 1950 г. Варшава, под нажимом СССР, запретила дальнейшую эмиграцию евреев, а Бухарест перестал выдавать разрешения на выезд в феврале 1952 г. Впрочем, к этому времени в Израиле уже проживало 100 тыс. польских и 120 тыс. румынских репатриантов. На протяжении последующих четырех лет численность репатриантов увеличилась еще на 48 тыс. евреев, приехавших из стран как Восточной, так и Западной Европы.

Эта волна репатриантов в массе своей была напрочь лишена халуцианского энтузиазма. Следует прямо сказать, что прибывшие не подвергались никакому предварительному отсеву. Люди пожилые и больные, измученные и лишенные всех иллюзий, они приехали в поисках мира и покоя, а не рискованных приключений. В большинстве своем это были люди, прошедшие войну, а многие из них смогли выжить в немецких концлагерях. Они

вряд ли годились для суровой жизни в приграничных поселениях и вовсе не были готовы к тому, чтобы противостоять бездушным и безжалостным бюрократам или выносить экономические трудности. Их опасения по поводу того, как сложится жизнь на новом месте, в полной мере подтвердились не только тяготами эмиграции и проживания в транзитных лагерях, но и конфликтами — уже по прибытии в Израиль — с лавиной приехавших одновременно с ними евреев из мусульманских стран, чье почти полное отсутствие интереса к идеалам прогрессивного, динамичного сионизма оказалось заразительным даже для идеалистически настроенного меньшинства “западных” евреев.

Иммиграция из стран Востока

Прибытие евреев из стран Востока в Израиль стало для европейских евреев запоздалым напоминанием о стародавнем мире еврейской “глубинки”. Это был мир былых времен, более старый, чем ашкеназская диаспора. Восточные евреи поселились частично в Вавилонии и странах Леванта (еще до времен Вавилонского пленения), частично на Аравийском полуострове и в Северной Африке, но по большей части они мигрировали на территорию Ближнего и Среднего Востока, следуя за арабской экспансией и расселяясь в странах, захваченных армиями Пророка. Начиная с VII в. н. э. и вплоть до расцвета европейского империализма в XIX в. восточные евреи практически не вступали в непосредственный контакт с западными странами и западной культурой. Их мировосприятие и культурная среда были в основе своей “восточными”, и по мере того, как исламское возрождение уходило в небытие в годы позднего Средневековья, восточные евреи все больше и больше погружались в апатию и оцепенение, свойственные ближневосточному региону.

По состоянию на 1939 г. общая численность евреев, живших в странах ислама, достигла 1,7 млн человек. Если учесть, что численность ашкеназских евреев на эту дату составляла порядка 15 млн человек, то становится ясным, что восточные евреи представляли лишь неполные 11% всего мирового еврейства. К тому же влиятельные центры еврейской жизни также были сосредоточены в странах Запада, и потому вряд ли вызывает удивление тот факт, что идеология сионизма и его первые сторонники уделяли мало внимания как далекой и бедной восточной окраине еврейского мира в целом, так и небольшим группам сефардских или восточных евреев, которые поселялись в Палестине на протяжении нескольких последних веков, движимые религиозным мессианством либо по причинам экономического характера. Накануне Второй мировой войны европейские евреи составля-

ли большинство населения *ишува* — почти 77%. К концу войны Катастрофа европейского еврейства коренным образом изменила демографическую картину еврейской жизни как в Палестине, так и во всем мире. За пять лет, на протяжении которых нацисты осуществляли свое “окончательное решение еврейского вопроса”, доля сефардских и восточных евреев в общем составе мирового еврейства увеличилась почти вдвое, а численность потенциальных иммигрантов в Израиль возросла до 45%. Лишь тогда сионистское руководство спохватилось, по-новому взглянув на жителей восточной глубинки, и, пусть с опозданием, оценило ту роль, которую они могли сыграть в деле создания еврейского государства.

Община выходцев из Йемена была первой, кто увеличил свою долю в составе населения Израиля. Имамат Йемена, расположенный на юго-западной оконечности Аравийского полуострова, был не менее отдален от взоров Запада, чем Тибетские твердыни Гималаев. В начале XX в. там жило порядка 30 тыс. евреев, а к 1945 г. — почти 50 тыс. человек, в основном в столице страны Санае и ее окрестностях. Йеменская диаспора прослеживает свою историю в стране со времен римского господства. После завоевания Йемена в VII в. мусульманами йеменские евреи получили статус зимми¹, то есть религиозного меньшинства, находящегося на низшей ступени социальной лестницы. Этот статус, дававший евреям минимальные права и юридическую защиту, ограничивал их местожительство еврейским кварталом, а род занятий — ремеслом. Вплоть до XX в. они платили особые налоги, обязаны были носить особую одежду или отличительные знаки, не имели права ездить верхом на лошадях и верблюдах. Не может не вызывать приятного удивления, что при таких унижительных ограничениях эта небольшая, отчасти подвергшаяся арабскому влиянию группа населения сохранила свои еврейские традиции и жила в неколебимом и трогательном в своей наивности ожидании прихода Машиаха, который вернет всех сынов избранного народа в Эрец-Исраэль.

В 1880 г. это видение Возвращения неожиданно обрело вполне определенные черты. С торговыми судами и караванами до Йемена дошли сведе-

1 Зимми (*араб.* “покровительствуемый”) — термин мусульманского права, определяющий юридический статус “людей Писания”, то есть евреев и христиан, живущих под покровительством (зимма) мусульманского государства. Статус зимми являлся дискриминационным. Мусульманский закон, признавая за зимми право на жизнь, собственность и свободу вероисповедания (ограниченную запрещением строить новые культовые здания), а также на общинную автономию, обязывал зимми платить особый подушный налог, запрещал вступать в брак с мусульманками и предписывал ношение особой одежды или отличительного знака. В различные периоды истории и в различных мусульманских странах законодательство о зимми применялось с большей или меньшей последовательностью. В XIX — первой половине XX в. в мусульманских странах статус зимми был отменен.

ния о том, что немалое число европейских евреев поселилось в Палестине и что, таким образом, начала сбываться извечная еврейская мечта. Возможно, в этих рассказах было немало преувеличений, но нельзя было упускать даже малейший шанс на избавление. Охваченные мессианской горячкой, сотни семейств Саны наскоро продали свое имущество и отправились в Святую землю. Дойдя пешком до портов Ходейда и Джидда, они пересели на дау, одномачтовые суденышки, доплыли по Красному морю до Суэца, там пешком добрались до Александрии, оттуда морем в Яфо и далее в Иерусалим. Почти треть из них не выдержала тягот пути, но на следующий год их примеру последовали еще сотни йеменских евреев, и к 1914 г. в Палестине уже жило не менее 7400 йеменцев. Три десятилетия спустя, благодаря иммиграции и естественному приросту, численность йеменской общины в стране составляла почти 40 тыс. человек. Это были бедняки, самые неимущие из всех жителей *ишува*. Они либо нанимались на цитрусовые плантации, либо работали ремесленниками. Жили йеменские евреи преимущественно в трущобах и выполняли самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу. Их жены в основном нанимались в прислуги. Но почти никто не жаловался на судьбу — ведь они были в Сионе.

После того как Израиль в 1948 г. провозгласил свою независимость, Сион и вовсе оказался единственным местом, пригодным для жизни. Речь шла уже не только о мессианских устремлениях: Йемен стал регионом повышенной опасности. Озлобленные поражением арабских сил в Палестине и разгоряченные мыслью о легкой наживе, мусульманские банды совершали грабежи и поджоги в еврейских кварталах Саны и других городов страны. Отъезд из Йемена стал вопросом жизни или смерти. Имам Йемена не чинил особых препятствий на пути отъезжающих: достаточно было всего лишь оставить свое имущество государственной казне. Еврейское агентство, в свою очередь, достигло согласия с шейхами, по чьим территориям проходил путь из имамата Йемена в Аден, колониальное владение Соединенного Королевства. Была оговорена определенная сумма, за которую правители этих территорий соглашались пропустить йеменских евреев. И вот они отправились в южном направлении, к морскому побережью, и их путь лежал по мрачной, пустынной и каменистой местности. К тому времени, когда они дошли пешком до лагеря “Джойнта” в Хашеде, многие исхудали до того, что выглядели как живые скелеты.

Водный путь по Красному морю был теперь невозможен, поскольку Египет закрыл Суэцкий канал для судов, направляющихся в Израиль. Тогда “Джойнт” избрал воздушный путь, заключив контракт с группой американских чартерных авиаперевозчиков, и эта операция получила название “Ковер-самолет”. Изнуренных и истощенных йеменцев (даже взрослые, случалось, весили менее 40 килограммов) по 200 человек сажали в

американские самолеты DC-4 и отправляли в Израиль по круглосуточному воздушному мосту, до семи-восьми рейсов в день. Курс был проложен над территорией Йемена, но в обход других арабских стран; самолеты летели по очень узкому воздушному коридору; ночами это были “слепые” полеты, причем пилоты вынуждены были полагаться на не очень надежные приборы и не имели возможности пользоваться радиомаяками. Вынужденная посадка где-либо на протяжении маршрута почти наверняка имела бы самые тяжелые последствия. К счастью, вся операция “Ковер-самолет” прошла без сбоев. К сентябрю 1950 г., по завершении операции, в Израиль было доставлено 47 тыс. йеменских евреев, то есть практически вся община страны, а также около 3 тыс. евреев из Адена.

После репатриации йеменских евреев была проведена еще более масштабная операция — доставка в Израиль иракских евреев. Евреи Ирака — это крупнейшая, старейшая и самая значительная из всех восточных еврейских общин. В 1948 г. ее численность составляла приблизительно 130 тыс. человек, и члены общины прослеживали свое происхождение от жителей еврейских поселений в Вавилонии² в годы еще до Вавилонского пленения. Во времена древности и Средневековья эта община не знала себе равных по культурному уровню и экономической мощи. В Багдаде была резиденция эксиларха³, “главы пребывающих в изгнании”; там же находились самые почитаемые академии Суры и Пумбедиты. Однако начиная с середины XI в. последовавшие одно за другим нашествия монголов и турок нанесли ущерб экономике Ирака и подорвали ощущение безопасности — в равной мере и у

- 2 Вавилония (*ивр. Бавель*) — древнее государство в Западной Азии на территории современного Ирака. В VI в. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор покорил Иудею и насильственно переселил в Вавилонию тысячи евреев. Еврейская община в Вавилонии просуществовала до Нового времени. Здесь были созданы величайшие духовные ценности еврейского народа.
- 3 Эксиларх (эллинизированная калька с арамейского *resh galuta*, “глава пребывающих в изгнании”) — должность светского главы еврейской общины в Вавилонии. Еврейская традиция относит возникновение этой должности ко времени иудейского царя Иегояхина, т. е. к 68 г. до н. э. Однако эта традиция не имеет документального подтверждения. Официальное признание должность эксиларха получила во время административных реформ Парфянского царя Вологаза (Вавилония входила в состав Парфянской империи). Мусульманские правители предоставили эксиларху еще больше власти, чем у него было раньше. Он был наделен полномочиями решать споры между различными группами внутри его общины, вести судопроизводство и надзирать за благотворительными фондами. Всякий, кто отказывался подчиниться ему или препятствовал отправлению им его функций, подлежал наказанию. Он ведал сбором налогов со всей общины и отвечал за их передачу в государственную казну. С XI в., когда начался упадок Аббаситского халифата, значение эксиларха пошло на убыль. Но, несмотря на упадок, институт эксилархата продолжал существовать вплоть до его официального упразднения Тимуром (Тамерланом) в 1401 г.

евреев, и у арабов. Следующие сто лет были полны опасности и риска. Потом, на протяжении заключительного периода существования Османской империи, евреи смогли снова вернуться к тихой, хотя и отчасти застойной, жизни; при этом некоторая часть еврейской общины достигла определенного процветания. Однако наибольших успехов иракские евреи достигли к концу Первой мировой войны. Именно тогда, в годы правления британского ставленника короля Фейсала I, иракская община вновь обрела большую значительность. Ее представители стали играть ключевую роль в работе крупнейших предприятий, действующих на национальном уровне, и немало евреев получило важные должности в государственных учреждениях.

Первые признаки перемен к худшему стали наблюдаться после проникновения в страну в конце 1930-х гг. немецких агентов влияния и, одновременно с этим, активизации арабских националистов правой ориентации. Ксенофобские настроения достигли пика в 1941 г., во время восстания Рашида Али⁴, когда чернь врывается в еврейские дома и магазины и когда было убито несколько сот евреев. Хотя пронацистский режим вскоре был свергнут вошедшими в страну английскими войсками, евреи осознали, что их безопасность вновь находится под угрозой. Началась эмиграция в Палестину, впрочем, не очень многочисленная, и этот процесс продолжался, то ускоряясь, то замедляясь, до создания Государства Израиль. Однако в 1948–1949 гг., в период израильской Войны за независимость, для иракских евреев наступили самые тяжелые времена. В стране было объявлено о действии законов военного времени, и багдадские власти начали организованное преследование евреев. В еврейских домах проводились обыски, нередко сопровождавшиеся актами мародерства. Сотни евреев были арестованы и посажены в тюрьму по обвинению в шпионаже. Евреев стали увольнять из государственных учреждений, были введены запреты на практику еврейских врачей и фармацевтов, еврейских студентов исключали из университета, еврейские банки были закрыты, а еврейские торговцы не могли возобновить свои лицензии на импорт. Община стояла перед угрозой полного экономического краха.

После начала военных действий в Палестине эмиграция в Израиль была приравнена к государственной измене. Однако некоторое время спустя вла-

4 Рашид Али аль-Гайлани (1889–1965) — государственный политический деятель Ирака, министр внутренних дел Ирака в 1925–1927 гг., премьер-министр (20 марта — 28 октября 1933 г.; 31 марта 1940 — 20 января 1941 г.). В апреле 1941 г. при активной помощи нацистской Германии совершил пронацистский государственный переворот. Сразу же после переворота чернь при попустительстве властей убила несколько сот евреев, разгромила еврейское имущество и осквернила синагоги. Сразу же после вступления в Ирак в мае 1941 г. английских войск Рашид Али бежал из страны. Заочно в 1942 г. был приговорен к смертной казни. Находился в эмиграции до августа 1958 г. В декабре 1958 г. был арестован в Ираке и приговорен к смертной казни. В июне 1961 г. смертная казнь была заменена условным заключением на год. Был освобожден.

сти страны пересмотрели свою точку зрения, с учетом тех перспектив, которые открывала перед ними возможность завладеть оставленным в стране еврейским имуществом. И тогда, в марте 1950 г., иракский парламент дал официальное разрешение на эмиграцию евреев, при условии, что все подающие на отъезд отказываются от иракского подданства. В качестве побудительного стимула к эмиграции евреи получили заверения, что все их имущество, включая недвижимость, деловые предприятия и банковские счета, будет реализовано в законном порядке, после чего им будут возвращены все вырученные суммы. Крайним сроком подачи заявлений на эмиграцию объявили 9 марта 1951 г., и буквально на следующий день был обнародован, совершенно неожиданно, правительственный указ, согласно которому вся собственность и банковские счета евреев-эмигрантов объявлялись конфискованными в пользу государства.

К этому времени уже десятки тысяч иракских евреев подали заявления на эмиграцию. Основной проблемой теперь стал транспорт. Первоначально Еврейское агентство планировало организовать перевозку иракских евреев морем, из Басры в Эйлат. От этих намерений пришлось отказаться ввиду того, что Ирак находился в состоянии войны с Израилем, а египтяне ужесточили блокаду Тиранского пролива. Невозможной была и перевозка по суше, через территории Сирии и Ливана. Наконец, багдадский режим разрешил использовать транспортную авиацию — при условии, что это не будут прямые рейсы в Израиль, а самолеты совершат промежуточную посадку на нейтральном Кипре. Так в мае 1950 г. был налажен воздушный мост; вся операция, получившая в Израиле кодовое название “Али-Баба”, завершилась в декабре 1951 г., и в ходе ее реализации в Израиль было доставлено 113 тыс. человек. В дальнейшем оставшиеся члены иракской общины были переправлены в Израиль через Иран, и общая численность репатриантов из Ирака составила 121 тыс. человек. По состоянию на 1955 г., число оставшихся в Ираке евреев уже не превышало 4 тыс. человек.

Однако организация массовой доставки йеменских и иракских евреев в Израиль не означала окончания еврейской эмиграции из стран ислама. Вскоре начался исход ливийских евреев. Среди них были представители коренного населения, чьими предками являлись берберы⁵, принявшие иудаизм под влиянием еврейских купцов и беженцев. Не отличавшиеся ни осо-

5 Берберы — группа народов, таких, как риф, шильх, туареш, кабилы и др., с древних времен населяющих Африку. После завоевания Магриба арабами в конце VII — нач. VIII в. начался процесс арабизации берберов и восприятия ими религии завоевателей — ислама. Современные арабоязычные народы Магриба являются потомками берберов, воспринявшими язык, культуру и религию арабов. Части берберского населения удалось сохранить свой язык до настоящего времени. В 2004 г. в мире проживало около 12 млн берберов.

бым богатством, ни высоким уровнем культурного развития, ливийские евреи, обладая статусом зимми, неизменно пользовались покровительством и арабов, и турок, а впоследствии итальянцев, которые оберегали общину от физического насилия. К 1945 г. численность общины достигала 23 тыс. человек — это были преимущественно торговцы и ремесленники, жители Триполи, Бенгази и еще ряда небольших городов. Кроме того, 7 тыс. ливийских евреев жили в пустыне, и их образ жизни был близок к берберскому. В 1945 г. — как ни странно, уже после занятия Ливии британской армией — произошел ряд антиеврейских выступлений, подверглось разрушению более тысячи еврейских домов и магазинов, несколько сот евреев погибли и получили ранения. Это насилие организовали активисты зарождающегося ливийского националистического движения, для которых ситуация в Палестине послужила удобным поводом. В июне 1948 г. очередная вспышка антисемитских выступлений привела к новым жертвам среди еврейского населения. После этих событий большинство ливийской общины осознало, что далее жить в этой стране невозможно. К счастью, в 1949 г. Еврейское агентство организовало прямые рейсы судов из Бенгази в Хайфу. К лету 1951 г. практически все члены ливийской общины распродали свою собственность по бросовым ценам и перебрались в Израиль.

История евреев Сирии и Ливана насчитывала не меньше веков, чем история ливийских евреев, однако члены этих двух общин были в значительно большей степени богатыми и просвещенными. На протяжении столетий еврейские купцы из прибрежных городов играли важную роль в международной торговле Средиземноморья. Во времена французского мандата евреи занимали высокие должности в системе государственных учреждений, и даже в короткий период правительства Виши их жизни не подвергались особой опасности. К 1943 г. приблизительно 20 тыс. евреев жило в Дамаске, Халебе (Алеппо), Бейруте и других городах, занимаясь своим ремеслом и сохраняя еврейские религиозные и культурные традиции. И все же в странах Леванта — в большей степени, чем в других странах Ближнего Востока, — идея эмиграции укоренилась задолго до образования Государства Израиль. С начала XX в. и до 1945 г. более 40 тыс. сирийцев и ливанцев (неевреев) уехали в Европу, Северную и Южную Америку, Египет и Палестину. Что же касается евреев, то появление независимых арабских государств после Второй мировой войны способствовало усилению эмиграционных тенденций. Так, в Сирии после провозглашения независимости страны начались увольнения еврейских служащих из банков и государственных учреждений; это сопровождалось погромами и грабежами еврейских домов и магазинов. А принятие Резолюции ООН о разделе Палестины означало конец еврейской общины Сирии — равно как и еврейских общин во всем арабском мире. После 1948 г. власти Дамаска заморозили еврейские счета,

принялись чинить всяческие препятствия попыткам продажи еврейской собственности и, наконец, ввели в еврейских кварталах комендантский час от заката до восхода. Впрочем, многим евреям удалось перейти ливанскую границу, а оттуда (при неофициальной поддержке властей Бейрута) перебраться в Израиль. В период между ноябрем 1947 г. и февралем 1949 г. 14 тыс. сирийских и ливанских евреев оказались на земле Израиля. Три тысячи их соплеменников, оставшихся в Сирии, запуганное и обнищавшее меньшинство, продолжали жить там в повседневном страхе, не будучи уверенными даже в своей физической безопасности (Глава XXIII).

Еврейская община Египта отличалась от других общин Ближнего Востока как краткостью своей истории, так и затянувшейся агонией своего распада. Почти 75 тыс. евреев (согласно данным переписи населения Египта 1948 г.) относили себя к категории “европейцев”, полагая, что принадлежат к этой элитарной социально-экономической группе, включавшей еще 350 тыс. греков, 200 тыс. итальянцев и 40 тыс. англичан, французов и армян. Если не считать очень немногочисленной группы, прослеживающей свое родство с древней общиной Александрии, и столь же малочисленных групп беженцев из стран османского Леванта, то еврейской общины Египта практически не существовало до конца Первой мировой войны. Значительная миграционная волна евреев прибыла в страну в 1920-х и 1930-х гг., в основном из Турции и стран Балканского полуострова; их выбор пал на Египет в силу стремления расстаться со своим азиатским прошлым. Страна предоставила еврейским пришельцам долгожданную возможность получить европейский статус, равно как и защиту западных консульских представительств. К 1939 г. не менее 80% всех проживавших в Египте евреев считались иностранцами и находились под опекой консульских управлений европейских стран.

Сразу же после начала Второй мировой войны правительство Египта не замедлило положить конец этой капитулянтской политике. Первоначально, правда, при реализации намеченных перемен не обошлись без проблем. Будучи лояльными “подданными”, если не гражданами, египетские евреи по-прежнему пользовались полной юридической поддержкой своей деятельности, не имея при этом никаких обязанностей, связанных со статусом гражданина страны. И они по-прежнему процветали. Принадлежа в массе своей к среднему классу, они занимали административные должности высокого уровня, были брокерами по торговле хлопком, банкирами, финансистами, людьми свободных профессий. Они практически никогда не сталкивались с предрассудками на национальной почве. Первые признаки предубежденности и враждебности стали проявляться лишь после 1945 г., когда начались выступления египетских националистов — сначала против англичан, а затем и против представителей других национальностей, занимавших ведущее положение в египетской экономике. Что же касается египетских евреев,

то чувство враждебности по отношению к ним только усугубилось после событий в Палестине. Так, после провозглашения независимости Израиля египетские власти наложили арест на имущество целого ряда крупных еврейских фирм страны. Затем было утверждено положение, согласно которому медицинская практика и участие в торгах на хлопковой бирже разрешались только лицам, имеющим египетское гражданство. Эти и аналогичные мероприятия вели к подрыву еврейской экономической жизни в Египте.

Тысячи египетских евреев поняли, что эмиграция является единственно возможным выходом из создавшегося положения. Однако воплотить такое решение на практике оказалось непростым делом. Хотя в августе 1949 г. египетское правительство и отменило формальный запрет на выезд из страны, сам процесс эмиграции сопровождался столь значительными взысканиями и поборами, что эмигранты несли убытки, сопоставимые с теми, которые выпали на долю евреев Ирака, Сирии и других стран региона. Дома и прочее недвижимое имущество, равно как и деловые предприятия, приходилось продавать по бросовым ценам, а в целом ряде случаев собственность просто подвергалась конфискации. Те 20 тыс. евреев, которым удалось вырваться из страны в ноябре 1949 г., прибыли на новое место жительства практически разоренными. Часть осталась в странах Европы, чтобы начать все сначала, а приблизительно 7 тыс. человек в 1950 г. уехали в Израиль. Это, однако, не было пиком египетской *алии* — позже, в этом же году, новое каирское правительство смягчило самые суровые из существовавших ограничений, отменило меры по конфискации имущества и даже вернуло некоторую долю конфискованного. Исход из Египта замедлился, поскольку оставшиеся в стране 55 тыс. евреев получили надежду на то, что ситуация нормализуется. Они, однако, заблуждались. Все попытки вернуть свое имущество оказались тщетными, поскольку правительство Насера стало проводить явно выраженную шовинистическую политику. И вот тогда судьба египетских евреев решилась окончательно (Глава XVIII).

Эмиграция евреев Турции и Ирана была сопряжена с меньшими трудностями по сравнению с тем, что пришлось испытать их соплеменникам в других странах Ближнего Востока. В 1948 г. в основных городах Турции проживало 82 тыс. евреев. Во времена старого османского режима власти относились к членам еврейской общины терпимо и даже отчасти благожелательно; евреи не испытывали проблем, связанных с турецким национализмом, вплоть до революции под руководством Кемаля Ататюрка⁶, а точ-

6 Ататюрк Мустафа Кемаль (1880 или 1881–1938) — турецкий государственный, политический и военный деятель, основатель и первый президент (1923–1938 гг.) Турецкой Республики. Фамилию Ататюрк (“Отец турок”) получил от Великого национального собрания Турции при введении фамилий. В 1904 г. окончил Стамбульскую академию Генерального штаба. Участник движения младотурок. В 1909 г. возглавил

нее, до начала 1920-х гг. Затем власти усилили свое давление, причем не только на евреев, но и на представителей других меньшинств: их вынуждали учить турецкий язык, менять свои имена на турецкие, отдавать детей в турецкие школы, брать на работу турецких партнеров. В годы Второй мировой войны, когда власти Анкары поддерживали настороженно-дружеские отношения с нацистской Германией, в государственной политике по отношению к евреям усилился элемент антисемитизма. Непомерный налог на капитал, который должны были платить представители всех национальных меньшинств, стал подлинным экономическим бедствием для турецкого еврейства. Если принять во внимание и общий дискомфорт, связанный с жизнью в окружении воинственного мусульманского народа, то ясно, что тысячи и тысячи евреев с радостью восприняли весть о создании еврейского государства, и уже в 1948 г. начали подавать прошения о выезде. Власти не чинили тому никаких серьезных препятствий. К 1950 г. в Израиль прибыло не менее 33 тыс. турецких евреев. В основном это были представители беднейших слоев населения, а также те, кто стал жертвами налоговой политики турецкого правительства. В первые годы своей жизни в Израиле они в полной мере испытали все те трудности, которые пришлось перенести и другим новым репатриантам, а их бедность только усугубила общие экономические проблемы страны.

Сходной была и общая картина исхода иранских евреев. Подобно иракской общине, персидские евреи также были одной из древнейших общин Среднего Востока, чья история восходила ко временам, предшествовавшим Вавилонскому пленению. При этом, однако, они жили в состоянии край-

штаб “Армии действия”, подавившей контрреволюционный мятеж султана Абдул-Хамида II. Участвовал в Итало-турецкой (1911–1912 гг.) и Второй Балканской войнах (1913 г.). В годы Первой мировой войны сыграл большую роль при обороне Дарданелл (1916 г.), в том же 1916 г. получил чин генерала и звание паши, в 1919 г. возглавил национально-освободительное движение в Турции, получившее по его имени название кемалистского. После оккупации Стамбула войсками Антанты и разгона английскими войсками заседавшей там палаты депутатов, Ататюрк созвал в Анкаре (1920 г.) Великое национальное собрание Турции. Он был избран председателем собрания и главой созданного им правительства. Ататюрк возглавил Вооруженные силы Турции в национально-освободительной войне. Под его командованием турецкая армия разбила войска Антанты. По инициативе Ататюрка был упразднен султанат, провозглашена республика, ликвидирован Халифат (1922–1924), проведен ряд антиклерикальных реформ, укрепивших светский характер страны. Конституция Турции (1924 г.) закрепила равенство всех жителей вне зависимости от их этнического происхождения и вероисповедания; в ходе насильственной секуляризации страны даже в еврейских школах были отменены уроки традиции и истории, а изучение иврита сведено к минимуму. В ведение гражданских судов было передано все, чем раньше занимались религиозные суды, в том числе и еврейские. От евреев постоянно требовали перехода в быту от джудесмо (он же ладино, язык испанских евреев) на турецкий язык.

ней бедности, не сравнимой с экономическим положением других общин Азии и Африки. Их численность в 1945 г. составляла около 80 тыс. человек, и в массе своей они скученно ютились в жалких еврейских кварталах Тегерана и Исфахана, с трудом зарабатывая на жизнь торговлей в мелочных лавках и в разнос. Следует подчеркнуть, что из 25 тыс. евреев Тегерана (по состоянию на конец Второй мировой войны) практически половина жила на пособия западноевропейских еврейских благотворительных фондов. Кроме того, еще порядка 18 тыс. евреев проживало в иранском Азербайджане и Курдистане; их культурная и экономическая отсталость была сопоставима с уровнем жизни окружающих их самых примитивных мусульманских племен. Несколько тысяч иранских евреев перебрались в Палестину на рубеже XIX и XX столетий; большинство же, однако, предпочитало выжидать, пока им не будут обещаны оплата переселения и государственные пособия по прибытии. Израиль был готов взять на себя все эти расходы — притом что тегеранские власти воспринимали отъезд евреев с искренним облегчением. В период между маем 1948 г. и октябрем 1956 г. число иранских евреев, уехавших в Израиль, составило 39 тыс. человек, то есть почти половину еврейской общины Ирана. Не все уезжавшие рассчитывали на социальные пособия — среди репатриантов были и обеспеченные люди, располагавшие определенным капиталом и готовые вложить его в дело. Но все же большинство иранских евреев, равно как и большинство репатриантов из других исламских государств — Ирака, стран Северной Африки, Турции, стран Леванта, Йемена и крошечных, полузабытых еврейских анклавов Афганистана и Кавказского региона — прибывали в Израиль на грани нищеты. Приток этих едва ли не изгоев, грозивший разорить еврейское государство в первые же месяцы его существования, мог стать не менее губительным, чем враждебные действия соседних арабских стран.

Демографический эффект иммиграции был весьма значительным. За период 1948–1953 гг. в Израиль прибыло не менее 7% всего населения диаспоры. Численность еврейских жителей Израиля составляла 6% всего мирового еврейства на момент основания государства и достигла 13% по состоянию на конец 1953 г. На протяжении первых четырех с половиной лет существования Израиля численность его населения удвоилась, а к концу 1956 г. практически утроилась, достигнув 1 млн 667 тыс. человек. Однако к этому времени темпы возвращения евреев в страну отцов замедлились (хотя вскоре они снова возрастут). Прирост численности населения Израиля пока что определялся иммиграцией, а не естественным воспроизводством. И эти иммигранты прибывали в основном из стран Востока. В 1948 г. евреи из исламских стран составляли 14% всех вновь прибывших, в 1949 г. — 47%, в 1950 г. — 71%, в 1952 г. — 71%, в 1953 г. — 75%, в 1954 г. — 88%, в 1955 г. — 92% и в 1956 г. — 87%. В 1948 г. евреи европейского происхожде-

ния составляли 75% еврейской общины Израиля; к 1961 г. их доля снизилась до 55%, и этот процесс снижения продолжился в последующие годы. В сионистском государстве произошла подлинная этническая революция, причем такого исхода сионистские вожди не ожидали ни после Катастрофы, ни в 1948 г. Вместо того чтобы служить форпостом Запада в Азии, Израиль сам стал обретать восточный, в известном смысле даже азиатский, характер — и по составу населения, и отчасти по образу жизни.

Шок абсорбции

Страна с немногочисленным населением, Израиль не был готов к приему такой лавины беженцев. На начальных этапах многие из числа вновь прибывших поступали в соответствии со своим обострившимся за военные годы инстинктом выживания и захватывали оставленные арабские дома в Хайфе, Иерусалиме и Яфо, в Цфате, Рамле и Лоде, равно как и в маленьких городках и деревушках. В конечном итоге 200 тыс. еврейских репатриантов захватили 80 тыс. арабских помещений (Глава XVI). Но вскоре все брошенные арабские районы и деревни оказались уже занятыми, а иммиграция продолжалась, и стала ощущаться острая нехватка жилья. Еврейское агентство завезло в страну тысячи сборных домиков скандинавского производства. Наряду с этим государственная строительная компания *Амидар*⁷ приступила к строительству постоянного жилья для репатриантов, используя все известные способы ускоренной и недорогой застройки, включая дома из сборных железобетонных блоков, изготовляемых непосредственно на стройплощадке. Семья из четырех человек могла рассчитывать на одну комнату с небольшой нишей, которая служила кухней, кладовой и местом для стирки. К концу 1949 г. было построено 25 тыс. таких домов; год спустя их число удвоилось. Однако строительство занимало слишком много времени. Таким образом, необходимо было изыскать другие способы расселения новых репатриантов, и очевидным решением проблемы должны были стать специальные центры или лагеря. В последние годы британского мандата Еврейское агентство селило иммигрантов в наскоро построенных бараках возле Хайфы и Хадеры; в начале 1948 г. та-

7 *Амидар* — израильская национальная компания, обеспечивающая жильем вновь прибывших репатриантов. Была основана правительством страны в 1949 г. 75% ее акций принадлежат государству, 25% — Еврейскому агентству. С середины 1960-х гг. *Амидар* не занимается непосредственным строительством, а выполняет функции владельца и управляющего жилым фондом, следит за состоянием жилплощади, ведает сдачей в аренду и продажей квартир.

кие же временные жилища были сооружены в Раанане и Реховоте. Хотя в этих местах можно было разместить одновременно до 5 тыс. человек, они оказались абсолютно непригодными для нужд того потока иммигрантов, который хлынул в страну после создания государства. Разумеется, можно было бы использовать казармы английских вооруженных сил, оставленные в связи с окончанием срока мандата. Однако, повинуясь приказам, полученным из Лондона, англичане перед отбытием домой разломали всю мебель, выбили окна и двери, оставив лишь остовы зданий. После ремонта, впрочем, казармы были заселены евреями, прибывшими с Кипра, из лагерей для интернированных.

После этого настало время палаточных городков. Сначала они располагались возле Хайфы, но после того, как окрестности города оказались буквально перенаселенными, Еврейское агентство приступило к созданию лагерей для репатриантов в других местах — вдоль Средиземноморского побережья, в “иерусалимском коридоре” в Галилее, на границе с Северным Негевом. К началу 1951 г. было создано 53 таких лагеря на 17 тыс. палаток, где проживало 97 тыс. человек — мужчины, женщины и дети, ровно одна десятая всего населения Израиля. Условия жизни в каждом из таких палаточных лагерей были одинаковыми: питание из центральной кухни, одежда со склада Еврейского агентства, школы в зданиях-временках, предоставленных правительством страны. И ко всему — безработица. По окончании военных действий солдаты вернулись на свои прежние рабочие места, и затем на протяжении почти двух лет практически не было вакансий для репатриантов, которые, прежде чем начинать поиски работы, должны были оставить свое место в лагере.

Это были нелегкие времена для репатриантов. Их единственным источником доходов служило пособие по безработице, и они были вынуждены владеть таким существованием из месяца в месяц. В их бараках и палатках зимой протекали крыши, а летом люди задыхались от жары. Школы, в которых учились их дети, оставляли желать лучшего. И, что хуже всего, репатрианты были оторваны от привычной социальной среды, а зачастую и от своих родных и близких. Жить с чужими людьми, выходцами из разных стран Европы, Азии и Северной Африки, зачастую делить с ними одну палатку — все это было мучительным испытанием. Бесчисленные переживания усугублялись чувством отчуждения, крахом традиционных устоев, зачастую падением нравов, отсутствием уверенности в завтрашнем дне. К 1952 г. около 40 тыс. репатриантов, измученных морально и физически, отказались от попыток начать новую жизнь в еврейском государстве. С помощью зарубежных родственников они оставили Израиль, чтобы поселиться в Европе, Северной или Южной Америке, странах Содружества. Немногие из них вернулись потом в Израиль.

Но еще до начала массовых отъездов правительство страны и Еврейское агентство осознали, что проблема абсорбции — не только и не столько экономическая, сколько психологическая. Не одна лишь бедность способна подорвать человеческие силы и расстроить рассудок, но также и вынужденная праздность. Могли пройти еще годы и годы, пока улучшатся условия жизни и будут созданы условия для полной занятости населения — а тем временем нельзя допустить, чтобы репатрианты слонялись без дела и без цели. Осенью 1950 г. Леви Эшколь⁸, директор поселенческого отдела Еврейского агентства, обратил внимание на то, что лишь немногие из лагерей репатриантов расположены поблизости от тех мест, где существует потребность в рабочей силе. Теперь, когда участники войны уже были трудоустроены, существовала возможность исправить дисбаланс занятости, расположив “поселения развития” поблизости от тех городских или промышленных зон развития, где существует возможность хотя бы частичной занятости. Во всяком случае, следовало предпринять такую попытку.

Первый из таких транзитных лагерей, получивших название *маабарот*, был устроен возле Тель-Авива. На первый взгляд он не очень отличался от других репатриантских лагерей. Условия жизни в транзитном лагере были не менее суровыми, чем в центрах приема репатриантов. Жилища были сделаны из листового алюминия или оцинкованного железа. Заливаемые зимними дождями, раскаляемые летним солнцем, лишенные элементар-

8 Эшколь Леви (Школьник; 1895–1969) — израильский политический и государственный деятель. В Вильно вступил в *Г'а-Поэль га-цаир*, с 1914 г. находился в Эрец-Исраэль. Работал на цитрусовых плантациях Петах-Тиквы, был членом совета сельскохозяйственных рабочих Петах-Тиквы, весной 1918 г. вступил в Еврейский легион. В 1920 г. был одним из создателей поселения Дганья-Бет, членом которого оставался всю жизнь. С весны 1921 г. — член совета *Гаганы*; занимался закупками оружия. Сыграл большую роль в объединении *Ахдут га-авода* и *Г'а-Поэль га-цаир* в партию *Манаф*. С 1934 г. жил в Берлине, возглавлял поселенческий департамент Палестинского бюро и был ответственным за перевоз в Израиль имущества репатриантов. В 1937 г. вернулся в Эрец-Исраэль. С июля 1941 г. стал членом центрального командования *Гаганы*. Был ответственным за закупку и производство оружия. После образования Израиля был назначен генеральным директором Министерства обороны. В 1949 г. возглавил поселенческий отдел Еврейского агентства, много сделал для расселения сотен тысяч новых репатриантов. В 1951 г. — министр сельского хозяйства, в 1952–1963 гг. — министр финансов; определял экономическую политику страны, многое сделал для использования немецких репараций в развитии основных отраслей экономики Израиля. Один из руководителей партии *Манаф*. В июне 1963 г., после ухода Д. Бен-Гуриона с поста главы правительства и по его рекомендации, Эшколь был назначен премьер-министром и оставался на этом посту до своей смерти. Сыграл большую роль в улучшении отношений с США. Находясь на посту премьер-министра и министра обороны, делал все от него зависящее для подъема обороноспособности страны и для победы в Шестидневной войне.

ных удобств, эти поселки были лишь немногим лучше самых примитивных иранских или североафриканских гетто. Но все же между транзитными лагерями и центрами приема репатриантов существовала разница — незначительная с виду, однако принципиальная по сути. Неподалеку от транзитного лагеря можно было найти пусть временную, но работу. Каждая семья получала здесь от Еврейского агентства не пищу и одежду, а пусть скромное, но регулярное денежное пособие. В транзитном лагере репатрианты могли сами купить себе продукты и сами приготовить их по своему вкусу на дешевой газовой плите. Несмотря на все лишения и неудобства, репатрианты могли, наконец, жить своей семьей, без посторонних, и пользоваться свободой передвижения. Для тех, кто изведal депрессию и безысходность репатриантских центров, транзитный лагерь означал заметный шаг на пути к прогрессу.

Убедившись в правильности подобного начинания, Еврейское агентство приняло решение полностью отказаться от идеи репатриантских центров в пользу транзитных лагерей. К ноябрю 1951 г. неподалеку от крупных городов страны было создано не менее 127 *маабарот*. Год спустя в транзитных лагерях уже было расселено 223 тыс. репатриантов. Между тем правительственные учреждения открывали там школы, детские сады, синагоги и клубы; репатриантам предлагалось избирать свои советы поселений и брать на себя руководство общинной жизнью. И немало репатриантов с готовностью откликнулось на эти призывы. При всех недостатках этих транзитных лагерей, репатрианты воспринимали их в качестве временных промежуточных станций на пути к полной занятости и хорошему жилью — как бы следуя буквальному смыслу самого слова *маабарот* (от слова *маавар* — “переход”). Никто не думал, что там придется провести более одного-двух месяцев. На деле же переходный период затягивался, как правило, на один-два года, если не больше.

Усилия по расселению репатриантов и обеспечению их продуктами питания

Будущее репатриантов зависело не столько от их собственных (и, как правило, весьма незначительных) ресурсов, будь то денежные средства или наличие в Израиле родных и друзей, сколько от политики, проводимой государственными властями. При этом речь шла отнюдь не только о правительственных органах. С момента провозглашения независимости стало очевидным, что суверенное государство должно быть в полной мере ответственно за свою внутреннюю и внешнюю политику и что большинство

функций, приходившихся до тех пор на долю Еврейского агентства, должно быть передано в ведение правительственных органов. Но столь же ясно осознавалось, что правительство страны, находящейся во враждебном окружении, вынужденное иметь дело одновременно со множеством проблем, не в состоянии без посторонней помощи оперативно и эффективно решать масштабные задачи абсорбции и расселения сотен тысяч репатриантов. Причина тут была не только экономической, но и этической. Израиль не должен был в одиночку нести все тяготы репатриации — их следовало возложить, в той или иной степени, на плечи всех евреев мира. Таким образом, в первые годы существования Израиля, в период массового прибытия репатриантов, Еврейское агентство, бывшее с 1929 г. каналом, по которому поступали денежные средства из-за рубежа, приняло на себя ответственность за такие задачи, как организация переселения евреев в Израиль и удовлетворение их основных потребностей. Вопросы постоянной абсорбции также должны были решаться совместно Еврейским агентством и правительством страны, за счет развития жилищного строительства и сельскохозяйственных поселений. Этот процесс был особенно эффективным в 1951–1952 гг., когда Леви Эшколь занимал одновременно посты министра сельского хозяйства и директора поселенческого отдела Еврейского агентства. При этом Еврейское агентство, совместно с Министерством главы правительства и министерствами жилищного строительства и внутренних дел, занималось расселением репатриантов по всей стране.

Задача расселения, по сути дела, являлась на момент создания Государства Израиль самой неотложной. Во-первых, концентрация еврейского населения (60% всего *ишува* по состоянию на май 1948 г.) в трех городских центрах страны — Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме — представляла собой экономическую и социальную аномалию, в связи с чем следовало принять неотложные меры. Но еще более важной была необходимость заселить, не теряя драгоценного времени, такие регионы страны, как Негев и горные районы Галилеи. Лишь создание сети поселений с преобладанием еврейских жителей способно было заполнить вакуум, образовавшийся после ухода арабов, и предотвратить проникновение арабов через линию перемирия. Ко всему прочему, в Израиле наблюдалась серьезная нехватка продовольствия, и необходимо было срочным образом взяться за развитие сельскохозяйственного сектора. Следует подчеркнуть, что изначальная сионистская идея, согласно которой “жизнеспособное” население, занятое в сельском хозяйстве, должно быть основой государства, сохранила свою значимость и после создания Израиля. Так, если приходилось выбирать между созданием промышленного либо крупного сельскохозяйственного предприятия, то социалистическое правительство начала 1950-х гг. было склонно принять решение в пользу последнего.

По совокупности этих причин, связанных с экономикой, социальной сферой и проблемами безопасности, исходная программа развития, сформулированная в 1950 г. Комиссией Эшколя по вопросам комплексного сельскохозяйственного планирования, предусматривала реализацию четырехлетнего плана самообеспечения Израиля продукцией сельского хозяйства. Некоторые из основных положений этого плана были, вне всяких сомнений, нереалистичными. В плане ошибочно оценивалось необходимое количество сельскохозяйственных поселений и работников в этих поселениях, а также количество воды для нужд сельского хозяйства. И в самом деле, к 1958 г. (после того, как 35% валовых национальных капиталовложений оказались затраченными на нужды сельского хозяйства и ирригации) пришлось произвести перерасчет исходных данных этого плана, и было показано, что достижение самообеспечения само по себе не является правильным экономическим решением. Более рациональным оказалось уменьшение дефицита торгового баланса путем увеличения экспорта цитрусовых и продукции легкой промышленности — то есть за счет тех отраслей, где Израиль был конкурентоспособным. Тем не менее в первые годы после создания государства совокупность таких факторов, как опасность проникновения арабов на израильскую территорию, угроза продовольственного кризиса, диспропорция между городским и сельским населением, говорила в пользу интенсивного развития сельскохозяйственных поселений.

Во всяком случае, не было проблем с земельными участками — в отличие от времен, предшествовавших созданию государства. Основная часть неиспользуемых земельных ресурсов Израиля, вместе с участками, оставленными арабами, была передана под совместный контроль правительства и Еврейского национального фонда. Здесь сионистское руководство также строго следовало принципам, на основе которых были образованы сотни *кибуцев* и *мошавов*, — земля должна была находиться исключительно во владении евреев, и обработка земли также должна была вестись самими еврейскими жителями. Финансовые условия получения земли были столь же необременительными, как и до 1948 г.: арендная плата чисто номинальная, и ее начинали взимать лишь после того, как новый поселенец обустроивался на новом месте и его участок начинал давать урожай. Трудно представить себе более весомые побудительные стимулы. Возможность получить земельный участок практически бесплатно была весьма существенным фактором, привлекавшим внимание новых поселенцев, особенно когда речь шла о местах, удаленных от цивилизации и с трудными климатическими условиями.

Впрочем, другим побудительным — и, пожалуй, в конечном итоге еще более убедительным — стимулом было отсутствие у репатриантов выбора. На протяжении первых трех лет со дня провозглашения независимо-

сти доля репатриантов, имевших ту или иную профессиональную подготовку, не превышала 1%. Более 50% вообще не владели каким бы то ни было ремеслом. Надо признать, что выходцы из Европы, как правило, с неохотой воспринимали саму идею занятий сельским хозяйством. В лагерях для перемещенных лиц они утратили свой запас жизненных сил, а зачастую и свои идеалы; многие безо всякого энтузиазма воспринимали сионистско-халуцианские идеалы труда на земле. Подчеркнем, что репатрианты, обратившиеся к сельскохозяйственной деятельности в первые после провозглашения независимости годы, были преимущественно евреями из стран Востока. Так, в 1947–1951 гг. из стран ислама прибыло меньше половины всех новых репатриантов, но при этом 136 из 231 сельскохозяйственных поселений были основаны выходцами из стран Востока, и лишь 95 поселений — ашкеназами (остальные 67 поселений основали коренные израильтяне).

Несходство халуцианских идеалов и психологии восточных евреев нашло свое отражение и в статистике создания *кибуцев* и *мошавов*. В 1947 г. в *ишуве* насчитывалось 176 *кибуцев* и 58 *мошавов*. К 1959 г. это соотношение изменилось — теперь в стране было 229 *кибуцев* и 264 *мошава*. Однако само по себе число поселений не дает картины во всей ее полноте. До создания государства две трети еврейского населения, занятого в сельском хозяйстве, проживало в *кибуцах* и лишь одна треть в *мошавах*. К началу 1960 г. эта картина изменилась самым радикальным образом. Численность населения *кибуцев* увеличилась вдвое, тогда как численность населения *мошавов* — в пять раз. Очевидно было, что коллективные поселения, вначале рассматривавшиеся как идеал сионистского национального и социального развития, в значительной степени утратили свою привлекательность. Можно припомнить, что уже в период мандата *кибуцы* не были столь популярными, как прежде, особенно среди людей семейных — туда продолжали стремиться в основном одиночки. Приехавшие после 1948 г. восточные евреи были в массе своей именно семейными людьми, да к тому же полностью лишенными сионистских идеалов — они никак не воспринимали халуцианскую сущность *кибуцного* движения. Уж если им суждено было заняться сельским хозяйством, то взамен они требовали таких осязаемых, материальных преимуществ, как возможность жить в кругу своей семьи и получать прибыль от своей работы.

С самого начала условия жизни в этих поселениях были весьма непростыми. *Мошавы*, созданные после 1948 г., точно так же, как и *кибуцы*, находились либо на территории покинутых арабских деревень, либо в непосредственной близости от них. Первым регионом, где создавались еврейские сельскохозяйственные поселения, стала узкая полоса приморской равнины, затем гористая местность “иерусалимского коридора” и, наконец, северные и южные районы Израиля. В новых поселениях репатриан-

тов ждали домики, сложенные из бетонных блоков, и небольшие земельные участки. Согласно нормам, разработанным поселенческим отделом Еврейского агентства, каждая семья, поселившаяся в *мошаве*, получала одну корову, пятьдесят кур-несушек и 10–15 дунамов орошаемой земли; замысел состоял в том, чтобы поощрить развитие комплексного хозяйства, то есть земледелия в сочетании с животноводством. На практике, однако, создание целого ряда поселений осуществлялось безо всякого плана. Проходило два года, если не больше, прежде чем вводилась в строй система орошения или прокладывалась дорога, соединявшая *мошав* с ближайшим шоссе. В сезон зимних дождей *мошав* оказывался отрезанным от всего мира; нередко были проблемы с электричеством. В пиковые периоды иммиграции многие *мошавы* оказывались перенаселенными, а земельные участки составляли всего 8–10 дунамов на семью. Экономические трудности вели к образованию противостоящих друг другу групп, и в результате происходило деление изначального *мошава* на два или три поселения.

Разумеется, поселенцы не были оставлены без помощи и совета. Еврейское агентство авансом предоставляло им семена, удобрения, средства для аренды сельскохозяйственной техники. Агентство также помогало им советами относительно того, что и где сажать; в сбыте урожая содействие оказывала подчиненная *Гистадруту* организация *Тнува* (Глава VII). В первые годы предпочтение отдавалось таким скороспелым культурам, как помидоры или табак, выращивание которых могло принести скорый доход и стимулировать дальнейшую работу фермеров. Члены *мошавов* получали также временную работу в рамках проектов Еврейского национального фонда по осушению болот и лесонасаждению. Но, несмотря на предоставление всех этих достаточно значительных гарантий — как экономических, так и моральных — неизбежны были и потери, связанные с такими факторами, как неудовлетворительные орудия труда, случающиеся неурожаи, изнурительные условия работы, налеты арабских грабителей. Бывали и случаи, когда выходцы из стран Востока продавали предоставленное им оборудование или съедали своих кур-несушек. Многие *олим* (репатрианты) высказывали недовольство тем, что им приходится жить бок о бок с репатриантами из других стран, принадлежащими к иной культуре. Иракцы ссорились с марокканцами, болгары с йеменцами. Нередки были случаи, когда члены *мошава* высказывали недовольство по поводу своего *мадриха*, консультанта по вопросам сельского хозяйства, полагая, что тот вводит их в заблуждение или вовсе обманывает. Иногда скандалы охватывали весь *мошав*, и случалось, что репатрианты просто-напросто уезжали оттуда, поселяясь в городских трущобах, причем свое имущество они оставляли безнадзорным, а долги — невыплаченными. В период между 1948 и 1958 гг. 35% всех репатриантов-мошавников бросили свои хозяйства и уехали в город.

Однако, несмотря на подобного рода неудачи, эту экстренную программу сельскохозяйственного развития и расселения репатриантов по всей территории страны отнюдь не следует считать неудавшейся. С одной стороны, численность населения Тель-Авива, Хайфы и Иерусалима продолжала увеличиваться по-прежнему. Тем не менее если в 1948 г. население этих трех городов составляло 52% всего населения Израиля, то в 1957 г. эта цифра снизилась до 31%. И хотя рост численности сельского населения страны не был особенно заметным (с 18% в 1948 г. до 22% к концу 1957 г.; впрочем, позже эта цифра опять уменьшится), тем не менее еврейское сельское население Израиля, составлявшее 116 тыс. человек в 1948 г., к 1959 г. увеличилось до 325 тыс., что является впечатляющим в абсолютном выражении, хотя и не столь заметным по темпам роста. В 1948 г. евреи обрабатывали 1,6 млн дунамов, десять лет спустя эта величина составила 3,9 млн дунамов. К 1958 г. объем сельскохозяйственного производства еврейского сектора Израиля увеличился до 675,7 млн израильских лир. И что особенно важно, к концу первого десятилетия своего существования страна производила основные виды сельскохозяйственной продукции — молочные продукты, птицу, овощи и фрукты — в количествах, достаточных для собственного потребления.

Кризис израильской экономики

Притом что успехи в области сельского хозяйства представлялись довольно обнадеживающими, экономическая инфраструктура Израиля в первые годы после образования государства выглядела удручающе неразвитой — и это во времена, когда численность населения страны удвоилась, а неприятельские армии находились под ружьем. В таком состоянии войны и речи не могло идти об арабском рынке, на долю которого до 1948 г. приходилось 15% всего экспорта Палестины. Далее, в условиях военного времени несли убытки предприятия Мертвого моря по производству поташа, простаивали нефтеперегонные заводы в Хайфе, израильские производители ориентировались на военные нужды и на спрос растущего местного рынка — все это лишало израильскую экономику возможности зарабатывать на экспорте. Плантации цитрусовых подверглись разорению во время войны, и производство этих плодов, экспорт которых традиционно составлял основу палестинской экономики, упало ниже довоенного уровня. Даже сам факт победы Израиля в Войне за независимость — и тот оказал негативное воздействие на состояние экономики, поскольку зарубежные друзья Израиля ослабили усилия по сбору средств в пользу еврейского государства в своих странах, что стало особенно заметным на фоне беспрецедентных по разме-

рам пожертвований в 1948 г. Ожидавшийся заем от Экспортно-импортного банка США в размере 100 млн долларов должен был улучшить положение дел в израильской экономике, но этих денег было недостаточно, чтобы заметно повысить уровень жизни в стране.

У молодого государства появилась была одна возможность поправить положение дел, но она была упущена. Речь идет о визите в Израиль ста еврейских бизнесменов из-за рубежа, которые приехали с предложением создать в стране предприятия и частные компании. Большинство израильтян, однако, пребывало в уверенности, что если американцы и другие еврей-иностранныцы проявляют чрезвычайную щедрость, когда речь идет о пожертвованиях и дарах, то еще большего великодушия от них следует ожидать при обсуждении инвестиционных планов. Почему-то никто не предполагал, что зарубежные бизнесмены начнут с обсуждения затрат и прибылей и что деловое соглашение отличается от благотворительного пожертвования. Когда это обстоятельство, пусть и с опозданием, было осознано израильской стороной, *кнесет* в марте 1950 г. принял Закон о поощрении капиталовложений, а затем еще и дополнение к нему — об освобождении от налогов, что должно было повысить привлекательность Израиля в глазах иностранных инвесторов. Но эти меры не вызвали ничего похожего на “золотую лихорадку”. Действительно, были сделаны некоторые вложения — в частности, можно назвать фирму по производству автомобильных шин, текстильную фабрику, обувную фабрику и еще несколько заводиков по производству радиодеталей и пластмассовых изделий, но в целом эти капиталовложения не могли иметь серьезного экономического значения. Иностранные бизнесмены к тому времени уже поняли, что производительность труда в Израиле существенно ниже, чем в промышленно развитых странах Запада. Рабочие зачастую безответственно относились к оборудованию и сырью и не думали о работодателях и конечных потребителях — ведь те, в конце концов, были всего-навсего такими же евреями, как и они сами. Работники противились использованию новых технологий, опасаясь, что это может привести к потере рабочих мест или к необходимости работать с большей отдачей. *Гистадрут* при этом выступал в защиту всех работников — кроме нанятых совсем недавно или абсолютно профессионально непригодных. Правительство также было виновато в сложившейся ситуации: введенные им высокие налоги никак не способствовали росту производства.

К середине 1949 г. кризис платежного баланса стал настолько острым, что министр финансов обратился к государственным учреждениям и частным импортерам с просьбой изыскать зарубежные источники кредитов под долгосрочные правительственные гарантии. Ограниченные кредиты, полученные Еврейским агентством в Скандинавии, Бельгии, Швейцарии и еще в ряде стран, были привязаны к импорту товаров из этих стран. Неуто-

мимый Давид Горовиц (Глава XII. США делают выбор) отправился в начале 1950 г. в Великобританию и на этот раз сумел разморозить там израильские стерлинговые счета. Эти и подобные усилия позволили получить некоторую передышку, но в ноябре 1950 г. ситуация стала настолько критической, что правительство вынуждено было пойти на реквизицию всех иностранных ценных бумаг с целью их продажи и получения твердой валюты. Начиная с 1949 г. инфляция стала практически неуправляемой, и в апреле этого года Бен-Гурион обратился к Дову Йосефу, чтобы тот взял на себя реализацию политики строгой экономии. Йосеф, жесткий и вместе с тем пользовавшийся уважением политический деятель, бывший во время Войны за независимость военным губернатором Иерусалима, являлся подходящим человеком для выполнения этой неблагодарной задачи. Он, не медля, ввел в действие суровую, бескомпромиссную программу рационирования, а также контроля над уровнем издержек и заработной платы. Его усилия дали определенные результаты. В период между апрелем 1949 г. и июлем 1950 г. Йосеф добился некоторого снижения индекса прожиточного минимума. При этом, однако, дефляционные меры вынудили израильтян пойти на болезненные жертвы. Нормы продовольствия были урезаны до самого скудного минимума: в неделю можно было получить небольшую порцию мяса и два яйца на человека. Практически все основные продукты питания, одежда и прочие потребительские товары были строго нормированы и распределялись по твердым ценам. Жизнь обычного человека потускнела, утратив значительную часть своих красок и своей привлекательности. Началась нехватка продуктов и товаров; люди выстраивались у магазинов в длинные очереди, чтобы получить свою норму, но даже нормированных товаров не хватало на всех. Программа строгой экономии 1949–1950 гг. остановила грозившую выйти из-под контроля губительную инфляцию и дала государству возможность существовать, пусть и при самом минимуме потребления; но вместе с этим в стране скопились значительные излишки непрерывно теряющих покупательную способность денег, которые стали выходить на черный рынок.

Когда Йосеф ввел зимой 1950/1951 гг. нормированное распределение одежды, жизнь сделалась совершенно невыносимой, и возмущенные частные торговцы немедленно закрыли свои магазины. Йосеф продолжил и дальше уменьшать нормы продуктов питания, после чего народное негодование вылилось в спонтанные марши протеста, в которых принимали участие и рабочие, и домохозяйки. В конечном итоге Йосеф был снят со своего поста. Кризисная ситуация, вызванная нехваткой потребительских товаров и возникновением черного рынка, была отсрочена, но полностью не решена. Сельское хозяйство страны производило всего лишь четвертую часть необходимого стране продовольствия, промышленность удовлетво-

рля спрос населения в еще меньшей степени. Импорт превышал экспорт в пять раз — и это при том, что дальнейшее сокращение, пусть даже в самой малой мере, закупок мяса и зерновых за рубежом могло привести к голоду в стране. В начале 1951 г. начали останавливаться промышленные предприятия — из-за нехватки сырья и электроэнергии. Газеты выходили в половинном формате из-за дефицита газетной бумаги. Израильская лира была на грани краха, поскольку Министерство финансов обеспечивало национальные деньги не твердой валютой, а долгосрочными “государственными ценными бумагами”. К этому времени практически повсюду в стране установились цены черного рынка. Жизнь даже сравнительно обеспеченных израильтян начала зависеть от продуктовых посылок, присылаемых их зарубежными родственниками. Армия занялась выращиванием овощей.

Наконец, в качестве крайней меры, правительство в феврале 1952 г. взяло курс на “новую экономическую политику”. Бен-Гурион объявил, что вызывающая инфляцию кредитная экспансия прекращается. Были остановлены продажи казначейских векселей и земельных облигаций и проведена выборочная девальвация валюты. На все банковские вклады был наложен обязательный заем в размере 10%. Осенью этого года в правительство согласилась войти партия Общих сионистов, назвав в качестве одного из предварительных условий отмену нормирования одежды и продуктов питания. Отмена нормирования привела к постепенному исчезновению черного рынка. Была восстановлена система стимулов в промышленном производстве, а затем предложены выгодные условия для покупки облигаций и осуществления частных капиталовложений. Наряду с возвращением к рынку, свободному от ограничений, было принято еще одно, не менее важное, правительственное решение. Признавая, что бесконтрольная иммиграция подрывает экономические устои страны, правительство негласным образом внесло изменения в политику возвращения, ограничив на время въезд в Израиль и принимая только тех, чьей жизни угрожает серьезная опасность. В результате этих мер к 1953 г. началась постепенная стабилизация экономики. В дальнейшем, благодаря немецким репарациям, а также финансовой помощи США и зарубежных еврейских финансовых организаций, начался рост израильской экономики (Глава XV. Оживление экономики).

Роль общественного сектора

Тяжеловесное воздействие государственного сектора национальной экономики стало ощущаться в первые годы массовой миграции, когда страна уже стояла на пороге банкротства. В известном смысле развитие экономи-

ки само по себе было не чем иным, как расширением сферы государственной ответственности, лежавшей в годы *ишува* на еврейских национальных институтах — к числу которых относились Еврейский национальный фонд и *Керен га-Йесод* (их деньги распределялись через посредство Еврейского агентства), *Гистадрут*, *Ваад Леуми* и муниципалитеты. После 1948 г., однако, возникла необходимость в укреплении идеологии. Для приема потока репатриантов и национального экономического развития у местных структур просто не хватало средств. Однако если зарубежные займы и дотации обеспечивались усилиями *Гистадрута* и других государственных и полугосударственных организаций, то эти последние вполне логично настаивали на том, что им же принадлежит право играть ключевую роль в распределении полученных средств. И в самом деле, к 1954 г. правительственный бюджет составлял 50,2% национального дохода и более четвертой части совокупных национальных активов.

В первые годы после образования государства половина этого бюджета выделялась на жилищное строительство; второй по значимости статьёй расходов была национальная оборона. Кроме этого, правительственные дотации и займы предприятиям государственного сектора охватывали практически все отрасли национальной экономики, включая государственные системы связи и правительственные корпорации, занимающиеся добычей полезных ископаемых, ремесленным производством, водоснабжением и электроснабжением. К 1960 г. в государственном секторе — в правительственных и муниципальных учреждениях, *Гистадруте* и еврейских национальных институтах — было непосредственно занято 60% всех наемных работников; кроме того, не прямые правительственные вложения (принимавшие форму субсидий, займов, налоговых льгот, а также совместного владения) в значительной степени определяли деятельность большинства крупных частных предприятий Израиля. Собственно говоря, к тому времени Израиль был страной, где правительственные и околоправительственные агентства влияли на национальную экономику в значительно большей степени, нежели в любой другой демократической стране мира — за исключением Швеции.

Наряду с правительственными учреждениями, *Гистадрут* также оказывал сильнейшее воздействие на экономическое развитие Израиля. Как мы помним, в годы британского мандата федерация труда стала чем-то большим, нежели простой федерацией отраслевых профсоюзов. Через посредство *Хеврат га-овдим*, органа, владеющего и руководящего всеми предприятиями *Гистадрута*, в Израиле был создан кооперативный сектор, включавший крупнейшие федерации *кибуцев* и *мошавов*, а также основные сельскохозяйственные и потребительские кооперативы. В числе предприятий *Гистадрута* были крупнейшая израильская строительная фирма Со-

лель боне, концерн Кур, объединивший все промышленные предприятия Солель боне, банк Га-Поалим, местные сберегательные и кредитные банки, а также крупнейшая страховая компания страны. Более того, уже в 1954 г. Гистадрут являлся крупнейшим работодателем в промышленности Израиля, охватывая более 100 тыс. мужчин и женщин. Фактически не было ни одной сферы экономической или социальной деятельности, где бы не принимала участия федерация труда. Круг ее интересов был весьма широк — от издания газет и книг до производства труб и импорта лекарств, включая гостиничное дело, цементные заводы, дома престарелых, детские сады и так далее, вплоть до авиации и рыболовецкого флота.

Сам по себе размах деятельности Гистадрута уже давал ему существенные преимущества. Его сложные и взаимосвязанные функции и сферы деятельности позволяли ему выступать фактически в качестве самостоятельной экономической структуры в рамках национальной экономики. Так, в сферу контроля компании Солель боне входили поставки столь значительного количества строительных материалов, что она фактически превратилась в трест, способный вытеснить частные строительные компании и занять практически монопольное положение, когда речь шла о контрактах на строительство в государственном секторе. Федерация труда получала на льготных условиях земельные участки, оставленные арабами, зачастую обходясь без процедуры конкурса или аукциона, и при этом по цене, существенно ниже рыночной. Даже если бывали случаи, когда частная фирма одерживала победу в конкурсе, то впоследствии работники — члены Гистадрута устраивали забастовку и вынуждали фирму уступить выигранный подряд или контракт. В первые годы существования государства бывали случаи, когда израильский или иностранный предприниматель осознавал, что, продав Гистадруту 51% своей доли в предприятии, он тем самым покупает себе спокойную жизнь и впоследствии может без особого труда получать в правительственных учреждениях необходимую валюту или лицензии на импорт.

Впрочем, воздействие Гистадрута на экономическую и общественную жизнь Израиля не ограничивалось созданием некоего конгломерата, занимающегося производственной деятельностью и наймом работников; все-таки главным образом он выполнял функции защитника и блюстителя интересов израильских рабочих — сионистов-социалистов. Так, например, вследствие большого числа репатриантов из стран Востока образовательный уровень израильских рабочих к 1954 г. заметно снизился по сравнению с периодом, предшествовавшим созданию государства. Тем не менее, по мнению руководителей Гистадрута, не имеющие специальностей, а порой и неграмотные рабочие с большими семьями заслуживали такого же внимания и защиты со стороны профсоюза, как и высококвалифицированные

выходцы из стран Европы с большим стажем. Йосеф Альмоги⁹, известный деятель *Гистадрута* и партии *Манаи*, так сформулировал эту мысль:

“Не будем забывать, что наша единственная надежда избежать социальных проблем с катастрофическими последствиями, и особенно в среде иммигрантов из стран Востока, — это предложить им социальные услуги по высшему разряду. Есть страны, достаточно богатые, чтобы не думать об этом. Например, Германия может позволить себе удерживать заработную плату на сравнительно низком уровне. Однако этот заработок, каким бы низким он ни был, в любом случае гарантирует немецкому рабочему благополучие и чувство социальной защищенности. У нас же совсем другая ситуация. Израиль — это бедная страна. И именно потому, что мы бедны, нам следует поддерживать некий минимальный уровень жизни — а иначе мы рискуем скатиться до состояния наших арабских соседей. Вот этого мы, безусловно, не хотим. Мы полагаем, что в долгосрочной перспективе столь прогрессивная община, как наша, достигнет — будет вынуждена достичь — достаточно высокого уровня производительности труда, чтобы обеспечить такого рода социальные услуги. С другой стороны, отсталая в социальном отношении община просто не сможет развивать израильскую экономику. Тогда мы, по всей видимости, не сможем обеспечивать и самих себя. Ведь даже наше военное превосходство над арабскими странами определяется нашим технологическим уровнем и нашей прогрессивной системой образования, более качественными продуктами питания и средой обитания. Мы не можем отказаться от всех этих преимуществ — иначе мы погибнем”.

Процесс репатриации тем временем набирал темпы, и поскольку продолжало увеличиваться число предприятий, подписывавших соглашение о найме на работу только членов профсоюза, трудящиеся осознавали, что их экономическое благополучие зависит самым непосредственным образом от членства в *Гистадруте*. В самом деле, через десять лет после образования государства *Гистадрут* уже фактически контролировал все биржи труда в стране. Вновь прибывшие репатрианты вступали в *Гистадрут* десятками

9 Альмоги Йосеф-Агарон (Крегенбойм; 1910–1991) — израильский государственный и общественный деятель. В Эрец-Исраэль находился с 1930 г. Стал членом *кибуца* Рамат-га-Ковеш. Во время арабского восстания 1936–1939 гг. возглавил отряд *Гаганы*, руководил обороной Кфар-Сабы, в годы Второй мировой войны добровольно вступил в британскую армию, попал в нацистский плен. Вернувшись в Палестину в 1945 г., стал секретарем хайфского отдела *Гистадрута*. В 1960–1962 гг. — генеральный секретарь партии *Манаи*. В 1963–1965 гг. был министром без портфеля, а также министром строительства и развития в правительствах Д. Бен-Гуриона и Л. Эшколя. В 1965 г. стал одним из руководителей отколовшейся от *Манаи* партии *Рафи*. В 1968–1973 гг. — министр труда, в 1973–1976 гг. — мэр Хайфы и одновременно председатель Еврейского агентства.

тысяч, и число его членов к 1955 г. достигло 35% от общей численности всех наемных рабочих Израиля.

Требования местных рабочих и профессиональных союзов в первые годы существования Государства Израиль были столь настойчивыми, что ни один работодатель в здравом уме не мог подолгу им противиться. На протяжении первого десятилетия наблюдался устойчивый рост заработной платы. Но размеры заработной платы сами по себе не давали полной картины доходов. Для того чтобы оценить в достаточной степени динамику своего благосостояния, трудящимся следовало принимать во внимание такие выплаты, как прибавка к заработной плате в связи с ростом стоимости жизни, различные вознаграждения и премии, пособия многодетным семьям, надбавки за выслугу лет, пособия по болезни и по старости. Более того, поскольку работодатели обязаны компенсировать своим работникам определенные виды их затрат, то совокупность пособий была расширена за счет привлечения *Мишан* (“Опора”), социальной организации, предоставляющей помощь хроническим больным; выплаты страховок по временной нетрудоспособности; организации убежищ для детей с проблемами в семье; создания *Дор ле-дор* (“От поколения к поколению”) — фонда для престарелых, нуждающихся в помощи помимо пенсии по старости. В общей сложности, пособия включали выплаты из семи крупных и еще целого ряда мелких фондов.

Напомним, что еще во времена *ишува* самым важным из этих фондов была *Купат холим* (больничная касса). В рамках медицинского страхования там предоставлялся довольно большой объем услуг, пусть и не всегда достаточно высококачественных. Эти услуги включали медицинское обслуживание как в лечебных учреждениях, так и на дому; госпитализацию в больницах — либо принадлежащих данной больничной кассе, либо, в случае необходимости, в больницах государственных, муниципальных или принадлежащих организации *Гадаса*; бесплатные лекарства в аптеках и амбулаториях больничной кассы, а также слуховые аппараты и протезы, включая зубные; уход за выздоравливающими; оплату временной нетрудоспособности; охрану материнства и педиатрическую помощь; медицинскую помощь, связанную с производственным травматизмом и профессиональными заболеваниями; лечение хронических больных. Все эти услуги предоставлялись за семь-восемь израильских лир — месячный членский взнос в больничную кассу (по состоянию на 1950-е гг.). Таким образом, с учетом услуг больничной кассы и всех вышеназванных дополнительных льгот и пособий, зарплата работника увеличивалась не менее чем на 50%.

Следует также отметить, что ряд этих наиболее существенных льгот и пособий работники получали не в ходе переговоров при заключении коллективного договора с работодателем, а согласно условиям, определенным

общенациональным законодательством. Не будем забывать, что занимающая ведущее положение в правительстве партия *Мапай* и *Гистадрут* были соратниками, и порой сферы их ответственности совпадали. Они единодушно относили законодательство в области социального обеспечения и трудовое законодательство к числу национальных приоритетов. Так, в марте 1949 г. был принят один из основных законов Израиля, признающий право трудящихся на организацию профессиональных союзов и на забастовки. Закон о национальном страховании (1954 г.) предусматривал страхование по старости, нетрудоспособности, безработице, страхование пенсий по старости, а также страхование по беременности и родам, страхование детей, лишившихся родителей, и страхование по случаю потери кормильца (при этом страховые выплаты осуществлялись в равной мере самим работником и его работодателем). В числе других законодательных актов следует назвать Закон о труде и отдыхе, устанавливавший 47-часовую рабочую неделю, с 25-процентной надбавкой за сверхурочную работу; Закон об очередном отпуске, предоставляемом раз в году, который гарантировал ежегодный двухнедельный оплачиваемый отпуск; Закон о работе в ночную смену в пекарнях; Закон о работе несовершеннолетних, запрещающий детский труд до достижения 14-летнего возраста и ограничивавший продолжительность рабочего дня до 19-летнего возраста; Закон об ученичестве и обучении ремеслу; Закон о занятости женщин, запрещающий женский труд в ночную смену; Закон об отпуске по беременности и родам; Закон о санитарных условиях; Закон об увольнении, предусматривавший выходное пособие в размере месячного жалования за каждый год стажа; Закон о бирже труда, обязывавший работодателей осуществлять наем работников через посредство официальных бирж труда. В целом это было замечательное трудовое законодательство, охватывавшее самые разнообразные аспекты трудовой деятельности. Будучи воплощением классической социалистически-сионистской мечты, это законодательство должно было отражать базовые принципы подлинного “государства всеобщего благосостояния”. Именно так его традиционно описывали западные наблюдатели.

В действительности всех этих мер было недостаточно. В государстве всеобщего благосостояния, согласно его описанию в политэкономической литературе, основную часть расходов на социальные нужды несет государство, и финансируются они за счет прогрессивного подоходного налога. В Израиле, напротив, правительство брало на себя лишь расходы по содержанию начальной школы; выплаты по медицинскому и социальному страхованию осуществлялись, на основе обоюдной договоренности, самим работником и работодателем. В Великобритании основная часть услуг национального здравоохранения финансируется Государственным казначейством (Министерством финансов). В Швеции правительство и муниципальные органы

берут на себя расходы по госпитализации, составляющие единственный значительный компонент системы медицинских услуг. Пенсии по старости в Великобритании и Швеции также в основном субсидируются государством из налоговых поступлений. По сравнению с Великобританией и Скандинавскими странами, Израиль представляет собой государство далеко не всеобщего благосостояния. И работники, и работодатели в Израиле по-прежнему сами полностью отвечают за пенсии и страховые выплаты, и этот груз тяжелее, чем тот, что несут жители Швеции, Великобритании или Дании. Ввиду того что израильские ресурсы являются более ограниченными, а также, возможно, потому, что *Гистадрут* всегда стремился удержать систему социальных услуг в рамках своей юрисдикции, Израиль предпочитал двигаться к идеалам подлинного социального обеспечения неспешно и осмотрительно.

Возобновление процесса репатриации, корни социального кризиса

В 1952–1953 гг. число новых репатриантов резко уменьшилось — за эти два года в страну приехало менее 36 тыс. человек. Большому числу европейских евреев было отказано в выездных визах; так, Румыния закрыла двери своим евреям в 1952 г., и потом, до 1956 г., оттуда мало кому удавалось выехать — бывший поток превратился в тоненькую струйку. Начало 1950-х гг. — это период, когда коммунистический антисиионизм отличался особой ненавистью и ожесточением (Глава XVII), и немало евреев было брошено бухарестским режимом в тюрьмы по обвинению в “антипартийной” деятельности, причем чаще всего эти обвинения были вымышленными. Польша закрыла выезд евреям в 1950 г. В самом Израиле неблагоприятное экономическое положение вынудило правительство страны и Еврейское агентство впервые с 1948 г. ограничить въезд, разрешив его только тем евреям, жизни которых угрожала реальная опасность. Что же до всех остальных, то предпочтение отдавалось молодым, энергичным, имеющим хорошую профессиональную подготовку. Такая политика не была заявлена в официальном порядке, но осуществлялась на практике.

Однако, по мере стабилизации экономического положения страны, процесс репатриации стал набирать прежние обороты; в 1954 г. приехало 18 тыс. человек, в 1955 г. — 37 тыс., в 1956 г. — 56 тыс., и в 1957 г. — 72 тыс. В этот период в основном прибывали репатрианты из стран Северной Африки. Так, например, в 1954 г. евреи из стран Магриба составили 67% от всего числа репатриантов, в 1955 г. — 87%, в 1956 г. — 80%. К маю 1958 г.,

когда отмечалось десятилетие еврейского государства, число евреев, прибывших из стран Северной Африки, составило 160 тыс. человек, превысив численность йеменской и иракской иммиграционных волн. Эти цифры свидетельствуют о трагических и опасных событиях в той части земного шара, которая до сих пор оставалась вне поля зрения западноевропейского еврейства. Немногие израильтяне представляли себе, что выходцы из стран Магриба являются прямыми наследниками одной из самых древних цивилизаций в еврейской истории, которая возникла еще до Карфагена. А ведь во времена исламского возрождения (IX—XIII вв.) магрибская община соперничала с испанскими евреями и по богатству, и по уровню культуры; к тому же после XV в. в Северную Африку переселилось около 40 тыс. сефардских беженцев, ставших жертвами инквизиции и испанского закона об изгнании евреев. Со времен Средневековья и до периода новой истории магрибская еврейская община породила целое созвездие выдающихся людей — таких, как философ и кодификатор *Галахи* Моше Маймонид, поэт Йеѓуда Ибн-Аббас, математик Юсуф Ибн-Акнин, видный коммерсант Шмуэль Палаш, посол Марокко в Нидерландах, другие известные ученые и писатели.

Затем, в XVIII в., во времена мусульманской религиозной реакции, на Магриб обрушилась беда. Особые налоги, которые обязаны платить зимми, были утроены. Евреев поставили в рабскую зависимость от их мусульманских господ и фактически заперли в еврейских кварталах, запретив им передвигаться по стране и за ее пределами. По прошествии столетия такой жизни очень многие североафриканские евреи утратили умение читать и писать. И лишь появление французов (в 1830 г. — в Алжире, в 1881 г. — в Тунисе и в 1912 г. — в Марокко) способствовало отмене самых жестких ограничений и дало возможность североафриканским евреям хоть в какой-то мере восстановить прежний образ жизни. В Алжире, первой стране, попавшей под власть Франции, евреи уже в 1870 г. получили французское подданство и все гражданские права. Община вновь стала процветать и благоденствовать; евреи приняли французский язык как язык общения и стали возвращаться к былой культурной жизни. В подобных обстоятельствах, учитывая также, что Алжир был самым спокойным из французских владений Магриба, лишь немногие из 130-тысячной еврейской общины всерьез задумывались об эмиграции. Число переехавших в Израиль в 1950-х гг. было минимальным.

Что касается Туниса, то положение тамошней 105-тысячной еврейской общины было не столь благоприятным. К 1951 году тунисские евреи в большинстве своем принадлежали к нижней прослойке среднего класса и занимались в основном торговлей, проживая в перенаселенных, похожих на трущобы гетто Туниса, Бизерты, Сфакса и других городов. Треть из них

имели французское гражданство, остальные относились к тунисской гражданской юрисдикции. Евреи, жившие в городах, расположенных в приморской зоне, чувствовали себя спокойно, тогда как евреи в изолированных горных районах страны не только подвергались оскорблениям и побоям, но и сама их жизнь порой была в опасности. Когда арабская националистическая партия “Новый Дестур” возглавила борьбу за независимость Туниса в 1950-х гг., евреев охватил страх при мысли, что их положение может резко ухудшиться после того, как французы покинут страну. В 1956 г., после обретения страной независимости, евреи осознали всю обоснованность своих опасений. Правда, вначале президент Хабиб Бургиба заверил евреев в устойчивости их положения и даже включил нескольких представителей общины в свое правительство. Но вскоре, в рамках претворения в жизнь государственной программы “тунисификации”, был отменен статус всех религиозных общин, дающий права на самоуправление, — включая и еврейскую общину. Узнав об этом и предвидя дальнейшее, еще более угрожающее развитие событий, тунисские евреи приняли решение об эмиграции. В период 1950—1958 гг. 22 тыс. человек прибыли в Израиль, а 15 тыс. — во Францию. В общей сложности это составило 35% тунисского еврейства. Однако следует учесть, что эти две группы эмигрантов сильно отличались друг от друга по своему социальному составу. Наиболее обеспеченные и образованные отправились во Францию, а те, кто оказался в Израиле, по большей части жители тунисской глубинки, не привезли с собой ни капиталов, ни квалификации.

Самое большое число североафриканских евреев прибыло в Израиль из Марокко, где около 225 тыс. евреев представляли собой некое подобие острова, окруженного океаном из 8 млн мусульман. На протяжении столетий, до установления французского протектората в 1912 г., евреев в Марокко терпели как имеющих статус зимми, хотя их жизнь была подвержена бесчисленным и унижительным ограничениям. Их экономическое положение позволяло им с трудом обеспечивать свое существование, их культурная жизнь практически полностью угасла. Некоторое улучшение их юридического статуса наступило в годы французского протектората, но они жили по-прежнему скученно в убогих еврейских кварталах Касабланки и других, менее значительных городов, изолированные как от мусульманского населения, так и от французской колониальной администрации. Марокканская община была очень бедной. На протяжении многих лет как до, так и после создания Государства Израиль материальная помощь американского “Джойнта” спасала десятки тысяч марокканских евреев буквально от голодной смерти.

Жизнь еврейской общины особенно осложнилась после того, как “Истикляль”, набирающее силу марокканское националистическое движе-

ние, в начале 1950-х гг. привело марокканских берберов и французских поселенцев едва ли не на грань гражданской войны. Лишь в 1956 г., после целого ряда кровавых стычек, было достигнуто соглашение о провозглашении независимости страны. На протяжении всей этой борьбы еврейская община оставалась официально нейтральной, хотя в глубине души евреи и поддерживали власть Франции. По правде говоря, у них были все основания опасаться арабского национализма: летом 1955 г. по всей стране, особенно в малых городах, прошла волна погромов, и были разграблены еврейские магазины. Как реакция на эти события, в 1950-х гг. в Марокко был создан ряд израильских репатриантских центров. Действуя совместно с Сионистской организацией Марокко, сотрудники этих центров принялись яркими красками рисовать перспективы жизни в еврейском государстве. Первоначальная реакция на эту пропаганду была отнюдь не единой. Образованное и обеспеченное меньшинство общины, которое в первую очередь рассчитывали привлечь израильтяне, по большей части оставалось безучастным к этой сионистской кампании. Напротив, известный интерес к ней проявили мелкие торговцы, ремесленники и рабочие. Были случаи, когда целые деревни изъявляли желание отправиться в Израиль. Во всяком случае, в период 1952–1955 гг. ежегодно уезжало более 5 тыс. человек. При этом не следует забывать, что в годы экономического застоя и спада израильское правительство по сути дела объявило мораторий на крупномасштабную иммиграцию неквалифицированных и малообразованных евреев.

Однако в 1955 г., когда националистическое движение “Истикляль” оживилось, поток репатриантов увеличился. На протяжении нескольких последующих лет Еврейское агентство значительную часть своего бюджета выделяло на “спасение” марокканских евреев — как имеющих профессию, так и совсем неквалифицированных. Вскоре число евреев, обращающихся за помощью, достигло десятков тысяч. Первоначально движение “Истикляль”, уже пришедшее к власти в стране, не придавало особого значения происходящему и не пыталось воспрепятствовать отъезду евреев. Власти проявили беспокойство лишь позже, увидев, что речь идет о потере значительной группы национальной буржуазии. В 1957 г. были наложены ограничения на перевод денег за рубеж. Два года спустя, подчинившись требованиям арабских стран Ближнего Востока, правительство Рабата прервало почтовую связь с Израилем. И наконец, в 1960 г. марокканские власти прекратили выдачу заграничных паспортов тем евреям, которых они подозревали в намерении уехать в Израиль. В результате процесс эмиграции был остановлен в самом разгаре, и численность репатриантов снизилась с 36 тыс. человек в 1956 г. до 9,9 тыс. в 1957 г. и 2 тыс. в 1958 г. Но к тому времени уже около 120 тыс. марокканских евреев оказалось в Израиле.

Эти вновь прибывшие евреи были, по сути дела, нищими; они продали свое имущество по бросовым ценам, и денег им хватило лишь на несколько недель жизни в Израиле. Их образовательный уровень был из числа самых низких среди всех репатриантов (Глава XV. Североафриканская болезнь), причем многие были просто неграмотными. Среди евреев Магриба имелось немало кожевников, сапожников, ювелиров, но все же в массе своей это были мелкие лавочники, зеленщики, продавцы фруктов, торговцы взвешенной бижутерией и безделушками, грузчики, торговцы поношенной одеждой. Подобно десяткам тысяч евреев из стран Востока, приехавших в Израиль в предыдущие годы, они стали для страны обузой. Нужно было их как-то обустроить и подыскать им работу.

К 1954 г., когда поток репатриантов из Марокко увеличился, Еврейское агентство приняло действенную программу под названием “с корабля в поселение”, задача которой состояла в том, чтобы репатрианты могли избежать неопределенного положения, неизбежного при жизни в транзитных лагерях. Речь шла о том, чтобы ни один вновь прибывший ни при каких обстоятельствах не мог оказаться в районе городских трущоб, бывшем для него в стране исхода местом привычного обитания. Всех новых репатриантов предполагалось сразу же поселить в *мошавах* и городах развития. Таким образом, в ходе реализации этой программы 83% марокканцев, прибывших после 1954 г., были направлены непосредственно в новые общины, частично на севере, но в основном на юге, в граничащих с пустыней Негев районах. Из 31 *мошава*, что были там основаны, 27 предназначались для расселения выходцев из Северной Африки. На этот раз удалось избежать самых неприятных ошибок, характерных для первых этапов иммиграции. Была использована новая методика регионального расселения, позволяющая обеспечить жизнеспособность кооперативных сельскохозяйственных поселений. Раньше *мошавы* располагались поодиночке, образуя нечто вроде лоскутного одеяла. Теперь же закладывалось сразу три-пять расположенных по соседству поселений, представляющих собой единую группу. В каждом *мошаве* предусматривалось 80–100 хозяйств, и у всей группы был общий центр, где располагались заготовительная контора, занимающаяся скупкой произведенной продукции, складские помещения, тракторная станция, магазин, поликлиника, кинотеатр, отделение банка, школа, почта, представительства правительственных и муниципальных учреждений и Еврейского агентства.

С самого начала такой подход позволял избежать экономической уязвимости, которая была характерна для прежних, изолированных *мошавов*; этот подход также решал и проблемы социального характера. С одной стороны, теперь в каждом *мошаве* можно было селить репатриантов, принадлежащих к однородной этнической группе. С другой стороны, обеспечивалась воз-

возможность неформальных контактов между различными репатриантскими общинами в непринужденной обстановке региональных центров. Взять, например, группу *мошавов* Лахиш (к северу от Беэр-Шевы): в *мошаве* Озем жили выходцы из Марокко, в *мошаве* Шахар — выходцы из Туниса, а в соседнем *мошаве* Нир Онен — коренные израильтяне. Эти три *мошава*, вместе с *мошавом* Ноба, также заселенном марокканцами, и *мошавом* Зохар, где жили выходцы из Румынии, пользовались услугами одного регионального центра. Дети из всех *мошавов* учились там в одной школе, а сами *мошавники* общались, встречаясь в кино, в спортивном центре или в магазине. После того как на примере Лахиша была продемонстрирована функциональная оправданность такого подхода, аналогичные группы *мошавов* были построены в “иерусалимском коридоре” и в Изреэльской долине. К 1965 г. уже существовало 45 таких региональных центров и планировалось создание еще шестнадцати.

Такие центры, однако, не были единственной моделью расселения репатриантов из стран Северной Африки. В отдаленных регионах страны строились города развития (Глава XVIII). Это также позволяло избежать расселения в репатриантских центрах и транзитных лагерях. По прибытии в эти незаселенные города в середине-конце 1950-х гг. марокканские евреи поселялись в отведенных им домах. Каждый дом из шлакобетонных блоков был обставлен простой мебелью, снабжен основным кухонным оборудованием и прочими необходимыми вещами. Новым репатриантам предлагалось приобрести эти дома по себестоимости; им представлялся ипотечный кредит с низкой процентной ставкой. К услугам репатриантов были социальные работники, дававшие им консультации по всем аспектам жизни в новых условиях. Они получали все виды помощи *Гистадрута*, и в первую очередь членство в больничной кассе. К их услугам были школы, синагоги, игровые площадки и клубы. Использовались все возможные стимулы, имевшиеся в распоряжении правительственных учреждений и Еврейского агентства, чтобы иммигранты не покидали места своего поселения.

Эта программа оказалась по-своему удачной, хотя и нельзя сказать, что ей сопутствовал безусловный успех. К 1959 г. немногим больше половины евреев из стран Северной Африки (52%) по-прежнему жили в городах развития. Еще 24,8% жили в *мошавах*. Собственно говоря, из 206 *мошавов*, основанных в первое десятилетие после образования государства, 82 были с самого начала заселены выходцами из Северной Африки. Впрочем, эта статистика была из тех, что вводит в заблуждение. Лишь 10% всех репатриантов из стран Магриба продолжали жить в сельскохозяйственных поселениях. Что еще хуже — по состоянию на конец 1959 г. 6 тыс. североафриканских семейств составляли самую большую однородную группу из общего числа в 19 тыс. наименее обеспеченных семей Израиля; по сути дела, это были со-

циальные неудачники, которые решительно отказывались покинуть обветшалые домишки транзитных лагерей, перебраться в нормальные поселения и начать зарабатывать на жизнь.

Североафриканская болезнь

Хотя трудности, с которыми сталкивались репатрианты из стран Магриба, были в известном смысле общими для всех восточных евреев, не все выходцы из стран Востока относились к ним одинаково. Так, 43 тыс. евреев из Ирана и Афганистана приспособились к израильской жизни достаточно легко, не испытывая особых трудностей. То же, в общем и целом, можно сказать и о 35 тыс. турецких, 23 тыс. ливийских, 36 тыс. египетских, 14 тыс. сирийских и ливанских евреев. Репатрианты из Йемена, прибывшие в страну в 1948–1950 гг., проявили удивительное умение с легкостью приспосабливаться к новым условиям и в этом превзошли многих и многих. Полагая, что жизнь в Святой земле — сама по себе благо, они безропотно и с готовностью сносили все трудности сельского труда. Таким образом, составляя всего лишь 8% от общего числа репатриантов по состоянию на лето 1951 г., йеменцы заселили, к концу первого десятилетия существования государства, 57 из 206 новых *мошавов* (то есть более 25%). Их хозяйства были образцовыми — йеменские евреи проявили беспримерное усердие, прилежание и бережливость и тем самым добились всеобщего, пусть отчасти и покровительственного, расположения.

Напротив, иракская община, насчитывавшая 121 тыс. человек, восприняла свою новую жизнь в Израиле со значительно меньшим самообладанием. Собственно говоря, заявляя о себе как о потомках интеллектуальной элиты Багдада и Басры, иракцы полагали себя аристократами, во многом превосходящими западных евреев. Они, не жалея усилий, противились всем попыткам властей поселить их в *мошавах* или городах развития. Всего лишь 3% выходцев из Ирака занялись сельскохозяйственным трудом. Возмущенные равнодушным отношением бюрократов правительственных учреждений и Еврейского агентства, иракцы возвысили голос, причем до крика, протестуя против дискриминации на этнической почве. В июле 1951 г. они устроили в Тель-Авиве многолюдную демонстрацию против “расовой дискриминации в еврейском государстве”, что стало первым (но отнюдь не последним) выступлением такого рода. В ходе этой манифестации они возмущались, что их превращают в “граждан второго сорта”. Если раньше они занимали самое высокое положение в странах Арабского Востока, то почему же еврейское государство отказывает им в таком же праве? Благо-

даря протестам и настойчивости иракские евреи в конечном итоге сумели обрести свое место в израильской экономике. Это было то место, которого они добивались — а не то, которое предлагали им власти. Они поселились в городах. К 1951 г. 33% глав семейств вернулись к своему привычному занятию — торговле; 42% — квалифицированные рабочие — устроились на хорошо оплачиваемую работу; 21% стали конторскими служащими, полицейскими, а также лицами свободных профессий. Вместе с тем 5 тыс. иракских семейств (по большей части, курды) до 1959 г. отказывались покинуть транзитные лагеря, став второй по численности, после марокканцев, группой, упорствующей в своем нежелании начать нормальную жизнь.

Не вызывало сомнений, что многие репатрианты из стран Востока столкнулись с серьезными проблемами в процессе абсорбции и приобщения к новой культуре. Начнем с того, что не менее 68% репатриантов этой категории — это дети (восточные семьи известны своей многодетностью), пожилые люди, вдовы, инвалиды, лица с хроническими заболеваниями, а также просто люди, плохо адаптирующиеся к новым условиям. Все они нуждались в помощи. Но и профессиональная подготовка трудоспособного населения оставляла желать лучшего. Из числа прибывших в Израиль на протяжении первого десятилетия существования государства 37% репатриантов-мужчин из мусульманских стран были ремесленниками или работниками физического труда. Остальные — это конторские служащие, причем в основном низшей категории, мелкие и уличные торговцы и прочие неквалифицированные рабочие. Государство не взяло на себя задачу профессиональной подготовки и переподготовки этих новых репатриантов — во всяком случае, не было сделано ничего подобного тому, что имело место во время первых волн сионистской иммиграции в начале XX в. Более чем половине репатриантов из стран Востока была предложена работа в сельском хозяйстве либо малоквалифицированный ручной труд; при этом из оставшейся половины 30% были вынуждены вернуться к своим старым занятиям — мелочной торговле, торговле вразнос, неквалифицированному труду или еще менее производительным занятиям. Вышеприведенный перечень занятий, по сути дела, отражает образовательный уровень новых репатриантов. По состоянию на 1954 г., только 5% имели начальное образование и 1% — среднее (эти цифры включают также иракских евреев, которые имели и гораздо более высокий образовательный уровень). Это печальное положение в сфере образования нашло свое отражение и в способности репатриантов зарабатывать себе средства к существованию. Как свидетельствует статистика, в 1957–1958 гг. на долю беднейших 10% всех еврейских городских семейств (практически все — выходцы из стран Востока) приходилось всего лишь 1,6% совокупного дохода всех граждан страны. В то же время на долю самых богатых 10% (практически все — европейцы) приходилось 24,2%. Хотя подходящий

налог и пособия *Гистадрута* несколько сглаживали этот разрыв, тем не менее в 1957 г. доходы выходцев из стран Востока все равно были меньше доходов тех, кто прибыл из стран Европы, на 27%.

Таким образом, одной из самых неотложных задач в сфере абсорбции выходцев из стран Востока стало образование их детей. При наличии в стране бесплатного обязательного школьного обучения (до момента достижения учениками 14 лет) десятки тысяч детей и подростков из стран Востока, казалось бы, должны были ухватиться за такую ранее непредставимую возможность. Следует, однако, заметить, что в 1950-х гг. израильская школьная программа была крайне ограниченной. Кроме того, катастрофически не хватало квалифицированных учителей. В большинстве новых школ, открытых в репатриантских центрах и транзитных лагерях, *мошавах* и городах развития, приходилось мириться с неквалифицированным преподавательским составом — часть его набиралась из числа самих репатриантов, но в основном учителями были восемнадцатилетние девушки, служившие в Армии обороны Израиля. И вот на таких наставников возлагались сложнейшие задачи: они должны были не только дать ученикам необходимые сведения из учебной программы, но и обучить их самым элементарным правилам гигиены, дисциплины, пунктуальности и взаимоотношений между полами.

В школьных учебных заведениях, равно как и в израильском обществе в целом, существовало нечто вроде сегрегации де-факто, разделявшей выходцев из стран Европы и стран Востока. В каждом районе была своя школа, и европейцы, как правило, проживали в лучших районах, тогда как в трущобах селились восточные репатрианты. В переполненных классах их дети с трудом усваивали навыки чтения; в тесных жилищах им нелегко было делать домашние задания, не говоря уже о том, что они не могли ждать помощи от своих родителей. Неудивительно, что при таких обстоятельствах восточные дети разочаровывались в своих возможностях, у них развивался комплекс неполноценности, и они пропускали занятия или вовсе бросали школу. Учеба в старших классах, после 14-летнего возраста, была платной, и лишь немногие восточные семьи могли позволить себе еще и этот расход. Таким образом, среди 100 тыс. закончивших начальную школу в 1958 г. и зарегистрировавшихся для продолжения учебы в средней школе было всего 4 тыс. детей из восточных семей, и к тому же большая их часть впоследствии отсеклась, поскольку семьи нуждались в дополнительных заработках.

Бросившие школу направлялись на биржи труда для молодежи. Согласно результатам обследования, проведенного в 1958 г. в Хайфе, из 2 тыс. молодых людей, зарегистрировавшихся на бирже труда, практически все были выходцами из стран Востока, и 1800 из них были североафриканцами. Лишь немногие обладали какой-либо квалификацией. Если им и удавалось полу-

чить работу, то она была плохо оплачиваемой; однако многие так и не преуспели в поисках работы. Уровень преступности среди несовершеннолетних был высоким; так, в 1958 г. 80% всех правонарушений приходилось на долю детей из восточной общины, более половины из которых являлись выходцами из Марокко. В том же году коэффициент преступности для восточных евреев был в восемь раз выше, чем этот же показатель для ашкеназов, а для выходцев из североафриканских стран — в 11 раз выше. Впрочем, асоциальное поведение было характерно не только для молодых людей из стран Северной Африки. В период существования иммигрантских центров, в первые годы после провозглашения независимости страны, все репатрианты из стран Магриба отличались беспокойным поведением. Так, один обозреватель (еврей-ашкеназ) газеты *Га-Арец* в 1950 г. писал с тревогой:

“Ими властвуют исключительно примитивные и дикие страсти. Сколько же надо приложить трудов, чтобы обучить африканцев не нарушать общественный порядок хотя бы в очереди на раздачу в столовой. Как-то один болгарский еврей сделал им замечание относительно соблюдения очереди — и марокканец, выхватив нож, отрезал ему нос. Неоднократно случалось, что они нападали на сотрудников Еврейского агентства и избивали их. Персонал лагерей для репатриантов пребывал в постоянном страхе, опасаясь таких нападений. В помещениях, где жили выходцы из Северной Африки, всегда было грязно, там царил игра в карты на деньги, пьянство и блуд. Никто не мог считать себя полностью защищенным, и никакой замок не обеспечивал сохранности имущества. Некоторые районы Иерусалима снова стали небезопасными; девушки, а то и молодые люди опасались ходить в одиночку с наступлением темноты. А теперь еще появились и африканцы, отслужившие в армии... Один из них заявил: “Вот кончим воевать с арабами, возьмемся за ашкеназов!” Кто-нибудь задумывался над тем, что станет со страной, у которой будет такое население?”

Прошло несколько лет, прежде чем европейские евреи смогли определить причину этой “североафриканской болезни”: оказалось, что марокканцы просто задыхались от едва подавляемой ярости.

Можно указать и точную дату начала “заболевания”: 9 июля 1959 г. Все началось с отвратительной ссоры в баре в Вади-Салиб (один из убогих трущобных районов в бывшем арабском квартале Хайфы). Вади-Салиб во многом напоминал типичный еврейский квартал Ближнего Востока: узкие извилистые улочки и убогие дома с перенаселенными одно- и двухкомнатными квартирами, двери которых выходят в запущенные дворики. Около 15 тыс. его жителей — выходцы из стран Востока, и треть из них — марокканцы. Когда началась ссора в баре, хозяин вызвал полицию. В завязавшейся схватке один пьяный марокканец оказал сопротивление полицейскому, и

тот применил оружие. Нападавший был ранен и сразу же доставлен в больницу, причем врачи определили его состояние как серьезное, но стабильное. Тем не менее немедленно стали распространяться слухи, что он умер, став жертвой “полицейского произвола”.

На следующий день ранним утром большая толпа марокканских репатриантов окружила полицейский участок в Вади-Салиб, требуя “отмщения”. Сначала полиция позволила провести демонстрацию, но беспорядки продолжались в течение всего дня. Тогда около шести вечера полицейские решили навести порядок и разогнали толпу. При этом тринадцать полицейских и двое жителей были ранены, по большей части камнями, которые бросали с крыш. Было арестовано 32 человека. В Нижнем городе толпа нанесла серьезный материальный ущерб: были сожжены машины, разгромлены двадцать магазинов и кафе, а также клубы партии *Манай* и *Гистадрута*. Сообщения о беспорядках появились на первых страницах всех газет страны. Стало совершенно ясно, что речь идет о своеобразном массовом акте протеста восточной общины и что он имеет значительно более серьезную подоплеку, чем обычная пьяная драка в баре.

Несколько дней спустя правительство назначило независимую комиссию для расследования глубинных причин, приведших к беспорядкам в Вади-Салиб. Комиссия заслушала свидетелей, и один из них, Давид Бен-Харуш, представил вниманию общественности список случаев индивидуальной и коллективной дискриминации. Он сам прибыл в Палестину из Марокко в 1947 г. и служил в Армии обороны Израиля в годы войны. После демобилизации он начал поиски жилья и вскоре убедился, что правительственные организации и Еврейское агентство приберегают лучшие дома для репатриантов из стран Европы. Ему, таким образом, пришлось поселиться в лачуге в Вади-Салиб. Со временем он нашел работу в полиции; однако обязанности полицейских из стран Востока сводились лишь к охране. В конце концов Бен-Харуш уволился из полиции и открыл небольшое кафе в Хайфе, куда ходили только выходцы из стран Северной Африки. “И вы еще спрашиваете, есть ли несправедливость в этой стране! — воскликнул Бен-Харуш. — Выходец из Северной Африки всегда в конце списка — куда бы он ни обратился: в Управление по делам развития, муниципальный совет, Еврейское агентство, благотворительную организацию для пожилых людей. Везде и всюду все лучшее получают репатрианты из Европы”.

Страстное выступление Бен-Харуша поддержали другие свидетели. Один из них, также выходец из Северной Африки, утверждал, что учеба в школе — это исключительно привилегия европейцев. Была названа незначительная доля восточных репатриантов в старших классах и постыдно высокий коэффициент отсева. И отмечено, что нет никаких признаков того, что ситуация изменится — а если она и изменится, то лишь в худшую сто-

рону. Увеличение общего числа репатриантов в стране побуждает школьную администрацию ужесточать отбор принимаемых учащихся. Первыми кандидатами на отсев являются дети с недостаточным культурным кругозором или с низким коэффициентом умственного развития — как правило, ими оказываются выходцы из стран Востока. Все эти факты хорошо известны всем, и в первую очередь самим репатриантам из Северной Африки. Но у них нет своих газет, нет своих представителей в *кнесете*, нет никаких способов выразить свое мнение. Вот они и сидели в бессильном молчании. Пока не случился этот инцидент в Вади-Салиб.

Комиссия опубликовала свой отчет в августе. Он не был таким острым, как ожидалось. Там не говорилось достаточно подробно ни об ограничивающих факторах, характерных для марокканской общины, ни о том, что органы власти редко склонны предоставлять североафриканцам равные с прочими возможности. Возможно, чиновники-бюрократы не выдержали накала ежедневного общения с новыми репатриантами. Но вполне возможно также, что они, как и многие другие израильтяне, утратили тот идеализм, который был присущ евреям в дни, предшествовавшие созданию государства. Ведь после 1948 г. для того, чтобы получить жилье, продукты питания и работу, приходилось все чаще пользоваться покровительством и политическими связями. У ашкеназов эти связи были. У сефардов — нет. И потому последние нередко получали такую работу, где они не могли составить конкуренцию выходцам из Европы.

С другой стороны, в отчете справедливо отмечалось, что с момента прибытия в Израиль североафриканцы были подвержены целому ряду серьезных психологических потрясений. В репатриантских лагерях они столкнулись с ситуацией, отмеченной противостоянием между евреями Европы и Магриба, а впоследствии они обнаружили, что такое же противостояние существует и в обществе в целом. Европейцев буквально преследовал страх “левантизации”. Согласно их нормам и критериям, отсталые восточные люди подлежали “реформированию” — то есть “очищению от примеси ориентализма”, как писала в сентябре 1950 г. газета *Давар*, орган *Гистадрута*. Идея “реформирования примитивных личностей”, преобразования их согласно европейской модели, являлась доминирующей тенденцией израильских попыток приобщения репатриантов к новой культуре в ходе иммиграционного процесса, начавшегося после 1948 г. (Глава XVIII). Все это вызывало и негодование, и обиду выходцев из стран Востока. Как писал в 1959 г. в одной из израильских газет некий еврей из Индии, “мнение, будто бы западная культура и цивилизация выше, чем “летаргическая” и “сонная” цивилизация Востока, все еще разделяется многими мыслящими израильтянами. Они, очевидно, полагают, что европейская культура — это “плавильный котел” и все прочие культуры должны в нем раствориться”.

В отчете комиссии рассматривается еще одна и, пожалуй, самая серьезная обида. На протяжении всего периода французского владычества в Северной Африке душу марокканца разъедало состояние, известное как “раздвоение личности”. В Магрибе евреи познакомились с французской культурой, что называется, “из первых рук” и восприняли немало ее, пусть даже чисто внешних, черт. Они даже рассчитывали занять влиятельные места во французской администрации и французском обществе. Этим надеждам не суждено было сбыться: колонизаторам евреи не нужны были ни в каком качестве. Прибыв в Израиль, иммигранты из Магриба полагали, что добьются того признания, в котором им было отказано дома. Они, однако, увидели, что большинство постов, на которые они рассчитывали в Марокко (хотя так и не получили) и которые они надеялись теперь получить в Эрец-Исраэль, предназначаются ашкеназам. Сильнейшим ударом по самолюбию стала также попытка переселить их из города в сельскую местность — если учесть, что в Марокко еврейская миграция была направлена именно в сторону города; кроме того, их хотели заставить трудиться на земле, а ведь в Северной Африке сельское хозяйство считается уделом нищих феллахов! И, не будучи сами уверенными в том, какая именно из составных частей, восточная или европейская, является отражением их истинного характера, дважды отвергнутые — сначала французами в Марокко, а затем и ашкеназскими охранителями нового, западного порядка в Израиле — магрибские евреи почувствовали себя глубоко оскорбленными. И вот, устроив беспорядки в Вади-Салиб и в других местах, они таким образом дали выход своим эмоциям.

Сделав это язвительное замечание, авторы отчета, однако, не представили детальных планов на будущее. Впрочем, общий вывод был самоочевиден: необходимо нечто большее, нежели добрая воля властей, нечто большее даже, чем увеличение государственных пособий и ассигнований на образование, предназначенных репатриантам из стран Северной Африки и стран Востока в целом. Эпизод в Вади-Салиб позволил заглянуть в самое сердце этой маленькой страны — Израиля. Как-то незаметно, на протяжении всего лишь десятилетия, в пределах одного еврейского общества материализовались два Израиля. И власти осознали неотложную необходимость как можно скорее примирить Якова и Эсава, если Израиль хочет сохранить свою жизнеспособность, не говоря уж о своем существовании как таковом.

Оживление экономики

Все эти исподволь зреющие социальные проблемы не слишком бросались в глаза в значительной степени благодаря тому, что в середине-конце

1950-х гг. произошли впечатляющие перемены к лучшему в сфере национальной экономики. В определенной степени это случилось за счет реализации “Новой экономической политики” (1952 г.). Увеличивался объем производства, улучшался платежный баланс, и бурный поначалу рост инфляции удалось ограничить вполне контролируемые 7% годовых. Однако еще большее значение имел существенный рост иностранных капиталовложений в экономику страны. И в самом деле, трудно назвать другие страны, где столько времени и внимания было бы уделено поискам зарубежных ресурсов. Эта задача решалась совместными усилиями министра финансов, министра торговли и промышленности и ответственных сотрудников политических ведомств. Все фракции сионистского движения, все сектора *Гистадрута* (сельскохозяйственный, промышленный, коммерческий, культурный), все органы местного самоуправления и все заинтересованные энергичные частные предприниматели объединили свои возможности и посвятили этой цели тысячи дополнительных человеко-часов.

Целый ряд израильских экономистов отнесся к этой кампании скептически, предупреждая, что существует опасность значительного экономического спада, вызванного не столько недостаточным объемом потенциального национального дохода, сколько тем, в какой мере можно рассчитывать на добрую волю зарубежных инвесторов. Выступая за немедленное сокращение расходов как на уровне потребления, так и в рамках программ намечаемых капиталовложений, эти критики призывали к тому, чтобы страна жила “по средствам” и накапливала резервы в преддверии “тощих лет”. Это была ортодоксальная политика, основанная на том соображении, что экономический рост и даже темпы иммиграции должны быть снижены, дабы приноровиться к общепринятым экономическим законам. Ведущий сторонник этой осторожной политики, Дан Патинкин¹⁰, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, предостерегал в своем труде, посвященном обзору национальной экономики, что отсутствие накоплений “следует расценивать как основную неудачу израильской экономической политики. Неспособность уменьшить пассивное сальдо торгового баланса и решение

10 Патинкин Дан (Патенкин; род. 1922 г.) — израильский ученый-экономист. Экономическое образование получил в Чикагском и Иллинойском университетах. С 1949 г. живет в Израиле, профессор Еврейского университета в Иерусалиме; в 1956–1972 гг. был директором Института экономики им. М. Фолка; в 1983–1986 гг. — президентом Еврейского университета. Патинкин — первый профессор экономики в Израиле, создатель и глава израильской экономической школы. Разрабатывает проблемы теории денег и денежного обращения, влияния валютной политики на экономический рост, а также исследует общие тенденции экономического развития Государства Израиль.

ежегодно, начиная с 1954 г., значительно увеличивать иностранную задолженность, свидетельствует о нежелании правительства со всей серьезностью рассматривать инфляционные проблемы экономики”.

Однако такой ортодоксальный подход был отвергнут. Даже если бы израильские органы планирования, возглавляемые всеми уважаемым министром финансов Элизером Капланом, и согласились с таким догматическим подходом, предлагаемым Патинкиным и его коллегами-теоретиками, они не могли не осознавать, что при управлении государством во главу угла нельзя ставить исключительно экономические соображения, когда речь идет о таких приоритетах, как национальная безопасность, абсорбция репатриантов, освоение и сохранение природных ресурсов и развитие системы образования. Положение новых репатриантов было столь незавидным, что лишь неотложные меры, направленные на повышение их уровня жизни, могли превратить их в лояльных граждан страны. Все эти задачи были беспрецедентными по своей масштабности. И для их успешного решения требовалось не уменьшать, а увеличивать расходы, получая при этом все больше иностранной помощи. Чтобы поддерживать уровень вложений, правительство использовало все имеющиеся в его распоряжении возможности привлечения иностранной помощи от стран Запада, и в первую очередь от США. Поддержка, оказываемая американским правительством, принимала различные формы: гранты, займы в неконвертируемой валюте, займы Экспортно-импортного банка США, а также техническая помощь. Начиная с 1950 г. и далее поступления из этого источника составляли от 40 до 60 миллионов долларов ежегодно.

В долгосрочной перспективе, однако, финансовая помощь мирового еврейства оказалась еще более значительной, чем американские правительственные взносы и займы. В период сразу после 1948 г. помощь диаспоры в основном имела вид частных переводов, то есть благотворительных взносов. Тут особо следует отметить пожертвования Еврейскому университету в Иерусалиме, Техниону¹¹, Институту Вейцмана¹², больнице *Гадаса* и

11 Технион (Хайфский политехнический институт) — крупнейший центр подготовки инженеров, архитекторов и ученых, а также исследователей в области технических, точных и естественных наук. После получения пожертвований от Д. Шифа и К. Высоцкого в 1912 г. в Хайфе было заложено здание Технического училища. Оно не было открыто из-за спора о языке преподавания, а затем из-за начала Первой мировой войны. В декабре 1924 г. Технион начал функционировать в качестве высшего учебного заведения. В середине 2000-х гг. в Технионе существовало 19 факультетов.

12 Научно-исследовательский институт им. Х. Вейцмана в Реховоте. Основан в 1949 г. на базе Исследовательского института им. И. Зифа. Фундаментальные и прикладные исследования в области естественных и точных наук ведутся в двадцати научных подразделениях, в которые входят пять факультетов: математики, физики, химии, био-

ряду менее крупных учреждений. В период 1949–1961 гг. общая сумма таких поступлений превысила 750 млн долларов. При всем впечатляющем размере этой суммы, она была превзойдена поступлениями из двух других еврейских источников. Первый источник — поступления от Объединенного израильского призыва (американского еврейства) и от его аналога за пределами США, *Керен га-Йесод*, которые составляли от 60 до 100 млн долларов ежегодно на протяжении первого десятилетия существования Израиля (Глава XXIII); второй источник — распространение израильских государственных облигаций среди евреев диаспоры, что сначала, в 1950-х гг., давало от 40 до 60 млн долларов в год, а затем в 1960-х гг. эта сумма заметно увеличилась.

Почти столь же значительными были переводы из Западной Германии; они включали как репарации правительству Израиля, так и реституции израильским гражданам, пострадавшим от нацистского режима. Договор о репарациях, известный в Израиле как договор *Шилумим*, был подписан осенью 1952 г.; в рамках этого документа правительство ФРГ должно было выплатить правительству Израиля и ряду израильских организаций сумму, эквивалентную 820 млн долларов на протяжении 12-летнего периода, причем значительная часть этих выплат осуществлялась в виде немецких товаров. Получаемая финансовая помощь использовалась по-разному. Специально созданная межминистерская корпорация *Шилумим* направляла полученные средства в те секторы экономики, развитие которых имело для Израиля приоритетное значение, причем особое внимание уделялось модернизации производства электроэнергии, железнодорожному транспорту, развитию морских портов, ирригационным системам в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых в пустыне Негев и приобретению морских судов (Глава XVI). Трудно переоценить роль, которую сыграли эти жизненно важные приобретения — морские суда, промышленное оборудование, транспортные средства, горючее, сырье — для развития национальной экономики Израиля. Так, в 1953–1954 гг. четвертая часть всего государственного бюджета Израиля, выделенного на развитие экономики, была получена из фондов *Шилумим*. На следующий год эта доля возросла до 47%. Впоследствии она несколько уменьшилась, но, однако, на протяжении периода 1953–1966 гг. не менее 20% бюджетных ассигнований на развитие экономики выделялось из фондов *Шилумим*.

На протяжении первого десятилетия существования страны лишь одна двенадцатая всех национальных расходов в иностранной валюте покрыва-

логии, биофизики и биохимии. Для организационного и материального обеспечения исследований, а также для установления и поддержания контактов с зарубежными учеными в институте создано 15 научных центров. При Институте им. Вейцмана функционирует Университетский колледж им. Файнберга, в который принимаются студенты с первой и второй академическими степенями.

валась за счет доходов от производственной деятельности; все остальные платежи осуществлялись из американских, немецких и иных зарубежных источников. В 1950-х гг. 59% дефицита платежного баланса Израиля было покрыто за счет помощи мирового еврейства, 12% — за счет США и 29% — за счет Западной Германии. Эти фонды буквально помогли выжить израильской экономике, позволили справиться с беспрецедентной по сложности проблемой: обеспечить население страны питанием, жильем и работой, при одновременной защите государственных границ. Более того, иностранная помощь послужила тем стимулом, благодаря которому Израиль добился впечатляющего увеличения своих внутренних активов, ежегодный рост которых составил к середине 1950-х гг. 8,7%. Несмотря на огромные трудности, связанные с возвращением евреев в страну отцов, и критическое отношение экономистов-теоретиков к “экономике внешней помощи”, валовый национальный продукт на протяжении первого десятилетия существования государства возрос на 74%.

Для среднего израильтянина все эти положительные результаты означали улучшение качества жизни. Страна перешла на самообеспечение продуктами питания к концу 1950-х гг. (Глава XV. Усилия по расселению репатриантов и обеспечению их продуктами питания). Реальный доход населения непрерывно увеличивался. Так, средний семейный доход горожанина в 1951 г. составлял 936 израильских лир, а в 1957 г. возрос до 3290 израильских лир, что означает прирост на 252%. Разумеется, это не был чистый прирост, поскольку за то же время индекс стоимости жизни увеличился на 173%. Тем не менее улучшение положения израильских трудящихся происходило не только за счет роста реальной заработной платы, но и благодаря более равномерному распределению доходов в стране — за счет прогрессивного налогообложения, дополнительных выплат и льгот *Гистадрута*, причем все эти факторы в Израиле были более значимыми, чем в любой другой стране свободного мира, за исключением Скандинавских стран. Одним из самых заметных показателей национального благосостояния является средняя продолжительность жизни. К 1956 г. эта величина достигла 70 лет для мужчин и 73 лет для женщин — на 8% выше соответствующих цифр для 1949 г. Другой показатель — это плотность заселения жилья (данные для еврейского населения Израиля). К 1955 г. эта величина снизилась до 2,3 чел. на комнату, что явилось очень заметным улучшением по сравнению с 1951 г. В 1960 г. (данные для еврейского населения Израиля) электричество имелось в 81% жилищ, водопровод — в 94%. Несколько лет спустя эти показатели улучшились в еще большей степени (Глава XVIII). К 1960 г. на территории страны практически не осталось *маабарот* — если не считать нескольких временных, специально сохраненных как свидетельство нелегких дней начального периода репатриации. К 1961 г. численность еврейского населе-

ния страны составила 1 млн 938 тыс. человек. Широкий пояс деревень и городов возник вдоль “иерусалимского коридора” и приморской равнины, по всей Галилее и даже на севере Негева. Все большее число израильтян имело работу, крышу над головой и хорошее питание. Хотя жизнь все еще не могла похвастаться особым блеском, к концу 1950-х гг. она, во всяком случае, уже утратила мрачный колорит предыдущих лет.

Вряд ли граждане Израиля оставались безразличными к достижениям своей страны. Но в то же время мало кто мог забыть о той цене, которую пришлось за это заплатить. Шрамы, оставленные тяжелейшими испытаниями иммиграции, были не столько физическими, сколько психологическими; и они имелись не только у выходцев из стран Востока, но и у коренных израильтян. Продолжавшийся на протяжении ряда лет приток незадачливых иммигрантов являлся подлинной угрозой для идеалистических настроений европейских евреев, давно уже живших в Израиле. Многие из этих “западников” были потрясены столь очевидной левантизацией их сионистской Утопии и впервые в жизни поставили под сомнение свои традиционные спартанские ценности. Израильские *сабры* — уроженцы страны — стали покидать *кибуцы* и приграничные поселения. Перебираясь в Тель-Авив и другие крупные города, они как бы следовали примеру новых репатриантов, отправляясь на поиски более легкой жизни, в расчете на счастливый случай.

Впрочем, свои действия они не расценивали как свидетельство угасающего чувства патриотизма. Они всегда гордились своей любовью к стране, равно как и неизменной готовностью защищать ее границы и вносить свой вклад в дело помощи собратьям-евреям, которые репатриировались в Эрец-Исраэль в поисках убежища и желали начать новую жизнь. Но теперь, после провозглашения государственной независимости, они уже не чувствовали себя по-прежнему обязанными брать на себя столь большую личную ответственность за все происходящее. В стране наконец появилось правительство и государственные учреждения, которые должны были заниматься репатриантами, давать молодежи уроки гражданского долга, направлять в сельскохозяйственные поселения и на промышленные предприятия инструкторов, получающих за свой труд заработную плату. В обществе, живущем по своим законам, где существуют юридически установленные нормы социальной жизни и официальные директивы, где набирает силу власть политиков и увеличивается разрыв между “истеблишментом” и рядовыми гражданами, где наблюдается явно выраженное недоверие и даже элементарное отсутствие взаимопонимания между “отсталыми” восточными евреями и “современными” западными, — в таком обществе альтруизм и спонтанное эмоциональное участие, характерное для периода, предшествовавшего созданию государства, выглядели все более и более устаревшими.

Утрата этого “старого идеализма” стала самой прискорбной из всех потерь эпохи, последовавшей за обретением независимости. Не исчезнувший до конца, этот идеализм еще будет возрождаться — но лишь в дни военных кризисов, а не в обыденные годы повседневной рутины.

Глава XVI.

В поисках мира и безопасности

Сущность израильской внешней политики

Преамбулы подписанных Израилем на острове Родос соглашений о перемирии представляют собой занимательное и поучительное чтение. В каждом из текстов утверждается, что задача соглашения — перейти от перемирия к подлинному миру. Каждое соглашение одобряет призыв Совета Безопасности ООН к отказу от применения силы и подтверждает права как Израиля, так и арабских стран на безопасность. Для израильских государственных деятелей, однако, будущее направление политического курса определялось не высокопарным многословием международных документов, а острым ощущением уязвимости своей страны. Со стратегической точки зрения географическое положение Израиля было ужасным. Площадь этого молодого государства составляла всего 8 тыс. квадратных миль, длина сухопутной государственной границы — 600 миль, и сама граница не обеспечивала практически никакой защиты для тыла. Три четверти населения страны были втиснуты в полосу приморской равнины между Хайфой и Тель-Авивом и в узкий коридор, ведущий к Иерусалиму. Ни один город или сельскохозяйственное поселение страны, за исключением отдельных форпостов в пустыне Негев, не отстоял более чем на 18 миль от границ с арабскими соседями. “Галия”, самая узкая часть Израиля, составляла каких-то девять миль между Трансиорданским выступом и Средиземным морем. В некоторых местах “иерусалимский коридор” суживался до десяти миль, а израильский сектор Святого города мог с трех сторон обстреливаться хашимитской артиллерией. С Голанских высот сирийские орудия были в состоянии нанести невосполнимый ущерб еврейским сельскохозяйственным поселениям в Восточной Галилее. И наконец, доступ к Эйлату, южным воротам Израиля в страны Азии и Африки,

мог быть перекрыт посредством египетской морской блокады. Короче говоря, вся страна была одной сплошной приграничной полосой, передним краем, единственным в мире неостровным государством, доступ к которому был возможен только по морю (или воздушным путем, над тем же самым морем).

Людские ресурсы страны также были ограниченными. Население окружающих арабских стран превосходило население Израиля в соотношении сорок к одному, а их вооруженные силы — восемь к одному. Даже после заключения соглашения о перемирии правительство Израиля не могло быть уверенным в сохранении договоренностей с соседями, не всегда держащими данное ими слово. Следует также подчеркнуть, что на протяжении первых двух десятилетий существования Израиля в качестве независимого государства в соседних арабских странах произошло не менее двадцати политических переворотов, совершенных, как правило, военными группировками; при этом ни один из пришедших к власти режимов даже не пытался смягчить политику своей страны по отношению к Израилю, опасаясь лишиться поддержки населения. Более того, сама враждебность этой политики выглядела довольно специфически: она не увязывалась с какими-либо конкретными политическими или территориальными претензиями, ее основой не являлись притязания на земельные или водные ресурсы Израиля либо его полезные ископаемые. Очевидно было, что арабские страны были охвачены одним, всепоглощающим и не оставляющим сомнений, стремлением: уничтожить Израиль как независимое государство.

Для отражения возможной агрессии еврейское государство располагало более чем скудными ресурсами — и территориальными, и военными, и людскими. У него не было ни друзей, ни покровителей. Израиль являлся единственной ближневосточной страной, которая не принадлежала ни к какому оборонительному пакту или политическому альянсу. У Израиля не было достаточных средств и практически не имелось профессиональных дипломатов, чтобы заняться установлением зарубежных связей. Действительно, первый министр иностранных дел Израиля Моше Шарет (Черток), соратник Бен-Гуриона со времен второй *алии*, был человеком блестящих способностей и редкого обаяния, отличавшийся особым языковым даром и умением вести переговоры. Его ближайшие помощники, Реувен Шилоах и Вальтер Эйтан¹, также были людьми, преданными свое-

1 Эйтан (Эттингхаузен) Вальтер (1910–2001) — израильский государственный деятель, дипломат. Образование получил в Великобритании. В 1934–1940 гг. преподавал немецкий язык и литературу в Оксфорде. В годы Второй мировой войны служил в британской армии. В Эрец-Исраэль находился с 1948 г. В 1948–1959 гг. был первым генеральным директором Министерства иностранных дел Израиля. В январе—апреле 1949 г. возглавлял израильскую делегацию на переговорах о перемирии с Египтом и Трансиорданием, завершивших Войну за независимость. В 1959–1970 гг. — посол Израиля во Франции.

му делу и необыкновенно увлеченными своей работой; однако их подчиненные не всегда и не в самой полной мере отвечали требованиям, предъявляемым к сотрудникам внешнеполитического ведомства. Кроме того, даже в 1968 г., то есть двадцать лет спустя после образования государства, персонал всего восьми дипломатических представительств Израиля за рубежом составлял десять и более человек, тогда как в двенадцати представительствах работало лишь по одному человеку, а в остальных — по три человека и менее.

Ощущение, что страна недостаточно защищена от угрозы извне, долгое время оставалось навязчивой идеей израильского руководства. Единственное преимущество, имевшееся у правительства в этой связи, носило характер чисто политический. Национальная изоляция являлась гарантией того, что хотя бы в сфере внешней политики у правительства имеется определенная свобода действий. Собственно говоря, *кнесет* не играл практически никакой роли в иностранных делах; он даже не ратифицировал договоры Израиля с зарубежными странами. Проходившие в *кнесете* дебаты по вопросам внешней политики были полезными в основном тем, что давали общественности пищу для ума, хотя даже такого рода обсуждения, как правило, случались не чаще одного раза в год. Впрочем, Комиссия *кнесета* по иностранным делам заседала еженедельно, заслушивая выступления и отчеты министров, дипломатов и армейского руководства; ее заседания были закрытыми, а их участники давали подписку о неразглашении. Членство в этой комиссии было особо почетным, поскольку давало возможность оказывать определенное воздействие на курс внешней политики страны. Но, тем не менее, выбор вопросов для обсуждения и право принимать решения оставались прерогативой кабинета министров.

Палестинская комиссия по примирению (ПКП), статус Иерусалима

Между тем соглашения о перемирии стали предпоследней стадией усилий, осуществляемых под эгидой ООН с целью прекращения арабо-израильского конфликта. Согласно положениям Резолюции ООН от 11 декабря 1948 г. (Статья XIII) была создана Палестинская Комиссия по примирению, на которую были возложены следующие три основные задачи: заключение прочного мира между Израилем и его арабскими противниками; осуществление мер по репатриации и расселению палестинских беженцев; разработка плана передачи Иерусалима под международное управление. Время показало, что Комиссия оказалась не в состоянии

выполнить ни одну из этих задач; более того, своими поспешными и неадекватными действиями она свела на нет имевшиеся шансы решить эту проблему мирным путем. Так, в Израиле считалось целесообразным безотлагательно начать прямые переговоры с каждой из противостоявших ему арабских стран. Вместо этого три члена Комиссии, представлявшие Турцию, Францию и США, действовали в высшей степени неторопливо, словно пребывая в оцепенении. Потратив три месяца на неспешную и бестолково организованную поездку по странам Ближнего Востока, они добрались до Лозанны, где находилась их штаб-квартира, лишь к апрелю 1949 г. По прибытии в Швейцарию члены Комиссии приступили к работе и тут же совершили роковую ошибку, позволив арабским представителям участвовать в переговорах не по отдельности, а единым блоком. В таких условиях никто из арабов не рискнул взять на себя инициативу и первым занять хоть сколько-нибудь сдержанную позицию. Напротив, за редкими исключениями, когда члены Комиссии предпринимали конкретные шаги по сближению сторон, арабы решительно отвергали саму идею переговоров о перемирии и даже отказывались сидеть в одной комнате с евреями (Глава XIII).

Что же до самих членов Комиссии, то их мнения сходились лишь в одном: арабо-израильские договоренности не должны вступать в противоречие с интересами их собственных стран. Намерения Франции, например, сводились к тому, чтобы ограничить влияние Абдаллаха, британского ставленника. Вот почему на первом этапе Лозаннской конференции французский представитель Клод де Буассанжер открыто поддерживал сирийскую делегацию. Представитель Турции, Хусейн Калкит Ялсин, разделяя опасения правительственных кругов своей страны относительно советской угрозы, а также имея намерение установить некое подобие военного союза с арабскими странами, не скрывал своей проарабской ориентации. Марк Этридж, представитель США, активно поддерживал официальную политику Арабской лиги по таким вопросам, как Иерусалим и беженцы, и настаивал на том, что Израиль должен согласиться с необходимостью пойти на серьезные уступки в долгосрочной перспективе. Такой подход подрывал позицию как самого Израиля, так и умеренных арабских стран.

Однако и без вмешательства европейских держав между арабами и евреями существовали серьезные разногласия. Об этом свидетельствовал хотя бы текст единственного, да к тому же спорного, документа, подписанного на Конференции. Членам Комиссии, в их метаниях от одного представителя договаривающихся сторон к другому, удалось достичь согласия относительно ряда протоколов, которые были, наконец, признаны обеими сторонами 12 мая 1949 г. Основным документом гласил:

“Действующая от имени ООН ПКП, в своем стремлении достигнуть в максимально сжатые сроки целей, сформулированных в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 г. относительно беженцев, уважения их прав и сохранения их собственности, а также относительно территориальных и прочих проблем, предложила делегациям арабских стран и делегации Израиля, чтобы прилагаемый рабочий документ был принят за основу для последующих обсуждений силами Комиссии”.

“Рабочий документ”, о котором шла речь, — это карта раздела, принятая в ноябре 1947 г. по предложению ООН. По сути дела, все означенные протоколы являлись не договором между Израилем и арабскими странами, а всего лишь соглашением для последующего обсуждения и дискуссий. Карта раздела 1947 г. была приложена “в качестве основы для обсуждений с Комиссией”. В то время, когда подписывались протоколы, это была единственная из числа существовавших на тот момент официальных карт ООН; по состоянию на 12 мая 1949 г. соглашение о перемирии между Израилем и Сирией еще не было подготовлено. Тем не менее, когда Комиссия оказалась не в состоянии сгладить противоречия между арабскими и израильскими требованиями, арабы тут же пожелали вернуться к границам, обозначенным в Резолюции ООН о разделе Палестины от 1947 г., назвав их своей основой для достижения соглашения. При этом они обычно ссылались на Лозаннские протоколы как на обязательство со стороны Израиля признать эти границы. Израильяне решительно отвергали такую интерпретацию, заявляя, что подписанные ими соглашения о перемирии с арабами аннулируют границы, указанные в Резолюции о разделе Палестины.

Еще более запутанные, да к тому же значительно более фундаментальные расхождения во мнениях наблюдались по вопросу Иерусалима. Палестинская комиссия полагала, что одной из ее задач является определение постоянного режима опеки для Святого города, о чем говорится в Резолюции ООН (1947 г.). Однако еще задолго до окончания срока британского мандата, по мере того, как бои в Иерусалиме становились все более ожесточенными, стало ясно, что у такого режима нет будущего. Накануне окончательного ухода англичан из Палестины Генеральная Ассамблея ООН отвергла план опеки как нереальный. На фоне непрекращающихся боев, которые велись в Иерусалиме все последующие недели, в ООН было принято решение возложить решение задач, связанных со статусом Иерусалима, на графа Фольке Бернадота. Однако к тому времени, когда ооновский посредник прибыл в страну (28 мая), Арабский легион оккупировал весь Старый город, основная же часть Нового Иерусалима оставалась в руках израильян. И вот когда, вскоре после этого, вступило в силу первое перемирие, Бернадот решил, что достижение статуса

“*corpus separatum*”² для Иерусалима более не представляется реалистичным. Мы помним (Глава XIII), что посредник предложил передать весь город Трансиордании. Все остальные члены Арабской лиги, как и следовало ожидать, отвергли это предложение; Старый город к тому времени был в руках Хашимитов, и арабские лидеры отнюдь не собирались вручать Абдаллаху весь приз целиком. Этого же мнения придерживались и израильтяне. Они выдержали нелегкую осаду и готовы были защищать Новый город изо всех сил; сама мысль о том, чтобы передать его Трансиордании, казалась невообразимой.

Когда в июле 1948 г. возобновились военные действия, Бернадот проанализировал изменившуюся ситуацию и выступил с альтернативным предложением: Иерусалим будет демилитаризован, но административное управление каждой из частей города остается в руках соответствующих оккупационных сил. Израиль и Трансиордания были, во всяком случае, хотя бы готовы обсуждать такой вариант, однако другие арабские страны не хотели об этом и слышать. Таким образом, 29 июля Совет ООН по опеке принял решение отложить на неопределенный срок всякое обсуждение статуса Иерусалима. Вслед за этим, в тот же самый день, министр иностранных дел Израиля Моше Шарет заявил, что ввиду арабской агрессии в Палестине его правительство не считает возможным далее соблюдать условия Резолюции ООН о разделе Палестины. Шарет также дал понять, что Израиль скоро потребует передать Новый город еврейскому государству. А уже 2 февраля 1949 г. Бен-Гурион официально объявил, что находящийся в руках Израиля Новый город более не считается “оккупированной территорией”. Соответственно, в новой части Иерусалима было отменено военное правление, а 1 марта Трансиордания и Израиль подписали соглашение о демаркации в Иерусалиме границ перемирия, и в тот же день хашимитское правительство заменило военное правление в своем секторе города на гражданскую администрацию.

Другие арабские страны следили за развитием событий с чувством нескрываемой тревоги. Для того чтобы хоть как-то противодействовать происходящему, они информировали Палестинскую комиссию по примирению о своей согласии на передачу Иерусалима под международный контроль. Удивленный столь неожиданной демонстрацией арабской умеренности, Бен-Гурион, в свою очередь, объявил о смягчении своей позиции, согласившись на статус “*corpus separatum*” — но не для всего Нового города, на-

2 “*Corpus separatum*” (лат. “особая, отдельная единица”) — статус города как автономной единицы с элементами государственности. План ООН по разделу Палестины 1947 г. предусматривал выделение Иерусалима и Вифлеема в особую международную зону под эффективным контролем ООН, т.е. предоставление этим городам статуса “*corpus separatum*”.

ходящегося под израильским управлением, а для святых мест. Впрочем, такой жест был не столь уж и широким: из тридцати основных святых мест, обозначенных на карте ООН о разделе Палестины, в Новом городе находились лишь две христианские церкви и две мечети, а все остальное было в Старом городе и его окрестностях, включая близлежащий Вифлеем. Оказавшись не в силах преодолеть неуступчивость как Израиля, так и Трансиордании, Комиссия предложила 1 сентября 1949 г. компромиссный план. Этот план предполагал установление постоянного международного контроля над всем Иерусалимом, причем город разделялся на две зоны — арабскую и еврейскую, соответствующие трансйорданскому и израильскому секторам. В каждой из зон местные власти должны были нести ответственность за городское хозяйство, тогда как на комиссара ООН возлагалась ответственность за сохранность святых мест, и, кроме того, он должен препятствовать “какой бы то ни было иммиграции, могущей угрожать нарушению демографического баланса в Иерусалиме и окрестностях”.

Такое предложение привело как еврейскую, так и арабскую стороны в состояние крайнего раздражения. Израильцы просто отказались обсуждать этот план. Абдаллах заявил, что передача Иерусалима под международный контроль осуществится только через его труп. И в самом деле, к тому времени, как Генеральная Ассамблея ООН приступила к обсуждению этого компромиссного плана в конце ноября, представители Абдаллаха уже вовсе вели тайные переговоры с израильцами о разделе города де-факто. События последующих месяцев носили отчасти сюрреалистический характер: на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН велись дебаты о статусе Иерусалима, а в самом городе тем временем израильцы и иорданцы принимали прагматические, оперативные решения относительно своего будущего. В ООН католические государства, следуя инициативе Ватикана, выступали с требованиями передать Иерусалим под международный контроль. Святейший престол не очень волновало, какой политический режим установится в Иерусалиме, — до тех пор, пока все были уверены, что город войдет в состав мусульманского государства. Но как только Новый Иерусалим сделался частью, а в перспективе и будущей столицей еврейского государства, папские власти немедленно объявили, что склоняются к идее “*corpus separatum*”. Во всем католическом мире началась широкая кампания, имеющая явно выраженную антиизраильскую направленность; при этом Трансиордания даже не упоминалась, хотя Хашимиты контролировали территорию, на которой находилось подавляющее большинство иерусалимских святых мест.

Позиция Ватикана, по всей видимости, отражала опасения католиков относительно того, что может случиться с мистическим духом города, если Иерусалим окажется под израильским управлением. К тому же, перейдя в руки евреев, город вряд ли сохранил бы свою притягательность для хри-

стианского населения, численность которого могла стать недостаточной, чтобы и впредь отстаивать интересы папского престола на Ближнем Востоке. Была еще одна причина, по которой передача святых мест Иерусалима под еврейский контроль не нравилась Ватикану. На протяжении столетий православные и католики безжалостно соперничали между собой в Святом городе. В целом численность прихожан Римско-католической церкви в Иерусалиме уступала числу прихожан православной церкви и представителей других христианских конфессий, не связанных с Римом. В ООН же, напротив, интересы православной церкви представляла только лишь одна Греция. Обладая столь внушительной дипломатической поддержкой, католический лагерь осознавал, что в данной ситуации нет места полумерам и что следует поддержать в самой полной мере идею ООН о статусе “*corpus separatum*” для Иерусалима. Исходя именно из этих соображений, папа Пий XII³ выпустил 15 апреля 1949 г. свою вторую энциклику о Палестине, в которой призывал верующих, не щадя усилий, выступать за полную передачу всей территории Иерусалима под международный контроль.

Когда настал день голосования (9 декабря 1949 г.), Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов отвергла предложенную Швецией резолюцию о “функциональном” международном контроле (что предусматривало контроль ООН только над святыми местами) и проголосовала за идею “*corpus separatum*”, как это и было предусмотрено в первоначальном варианте, согласно Резолюции ООН о разделе Палестины. По иронии судьбы делегаты советского блока голосовали за этот план вместе с делегатами католических стран — в пику королю Абдаллаху и его британским покровителям. Реакция Израиля на это решение была быстрой и решительной: 13 декабря *кнесет* единогласно одобрил предложение Бен-Гуриона разместить все учреждения законодательной власти в Иерусалиме, и 1 января 1950 г. в Иерусалим были переведены все правительственные учреждения страны,

3 Пий XII, в миру Эудженио Пачелли (1876–1958) — Папа Римский в 1939–1958 гг. В 1917–1920 гг. — папский нунций в Баварии, в 1920–1929 гг. — в Германии, в 1929 г. — кардинал, в 1930–1939 гг. — статс-секретарь Ватикана. В значительно более мягкой форме, чем его предшественник Пий II (1922–1939), выступал против нацистского антисемитизма. Он ограничивался осторожным изъявлением симпатии к жертвам несправедливости и призывал к более гуманным методам ведения войны, то есть фактически занял позицию нейтралитета. Несмотря на получение Ватиканом отчета об уничтожении евреев в лагерях смерти и на напоминание президента США Ф. Д. Рузвельта о том, что отсутствие ясно выраженной позиции относительно истребления евреев может нанести Ватикану моральный урон, Пий XII хранил молчание. Вопреки опасениям немцев, он не нарушил своего молчания даже во время облавы на евреев Рима 18 октября 1943 г. (около тысячи евреев было отправлено в Освенцим). Однако, с ведома папы, около 4 тыс. евреев нашли убежище в монастырях и зданиях католических орденов, а несколько десятков их были спрятаны в самом Ватикане.

кроме министерств обороны, полиции и иностранных дел (перевод двух последних был осуществлен несколько позже). В тот же день, по другую сторону границы, король Абдаллах издал декрет, дававший статус подданных Трансиордании населению Западного берега реки Иордан, включая и жителей арабской части Иерусалима. Далее, в апреле, он пошел на переименование своих владений, назвав страну Королевством Иордания (Глава XVI. Движущие силы арабской воинственности). Несколько месяцев спустя Москва не без издевки объявила, что отзывает свою поддержку идее международного контроля, поскольку она оказалась неприемлемой ни для еврейского, ни для арабского населения города. К этому времени Советский Союз уже выполнил свою задачу, рассорив Иорданию и Великобританию с остальными членами Генеральной Ассамблеи ООН. На последующих сессиях продолжали выдвигаться предложения о территориальном и “функциональном” международном контроле, которые неизменно проваливались, не набрав большинства голосов. А со временем вопрос о статусе Иерусалима сам собой прекратил существование, перестав быть предметом дипломатических споров и разногласий.

Тем временем власти Израиля не ограничились переводом государственных учреждений в Иерусалим. 23 января 1950 г. *кнесет* торжественно провозгласил, что Святой город “всегда был” столицей еврейского государства. Через три с половиной года, в июле 1953 г., Министерство иностранных дел заявило, что с этого дня иностранные послы будут вручать свои верительные грамоты в Иерусалиме. После некоторых колебаний послы Великобритании и США согласились на эти требования и вручили свои рекомендательные письма президенту Израиля в его официальной иерусалимской резиденции. Их примеру последовали и другие страны. К 1957 г. в Израиле имелось 54 дипломатических представительства, и почти 40% из них имели свои офисы в Иерусалиме (следует заметить, что большинство среди них составляли посольства латиноамериканских стран). Правительство Израиля вкладывало миллионы израильских лир в городское хозяйство, поселяя в Иерусалиме десятки тысяч репатриантов, но при этом строжайшим образом соблюдало свои обязательства относительно святых мест. Никому не воспрещался доступ к христианским или мусульманским святыням. Сами здания содержались в полном порядке и под надежной охраной. На иорданской стороне демаркационной линии христианские святыни также содержались под охраной и в порядке, чего нельзя было сказать о еврейских святых местах, находящихся на иорданской территории. В рамках соглашения о перемирии, подписанного между Израилем и Трансиорданией, евреи получали неограниченный доступ к Стене Плача. Однако хашимитские власти не всегда соблюдали это соглашение. Некоторое время спустя иорданцы проложили дорогу через ев-

рейское кладбище на Масличной горе⁴, а разрушенные при этом надгробья использовали в строительных целях, в том числе и для мощения дорожек, ведущих к армейским отхожим местам.

Арабские беженцы: судьба оставленной собственности

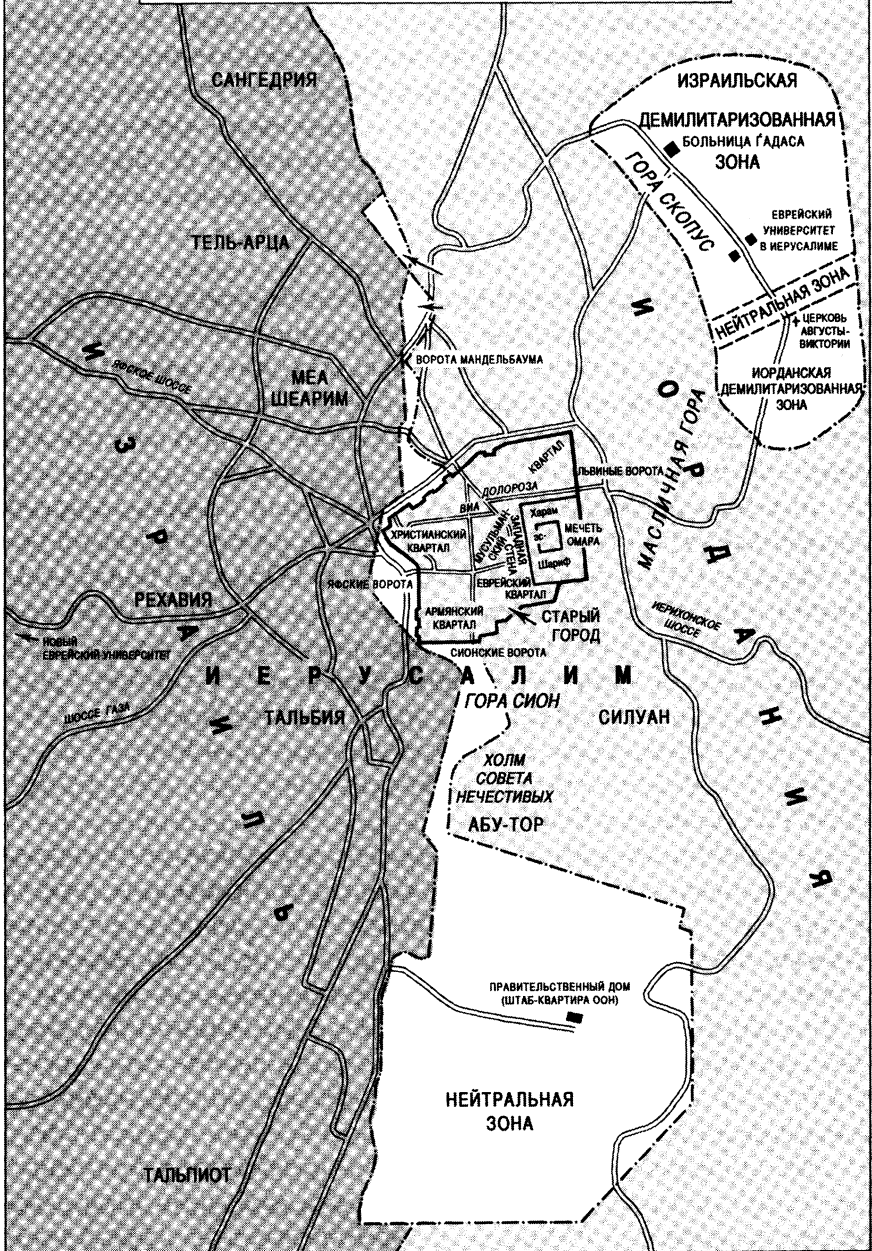
Одно из наиболее важных положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 г. сформулировано в параграфе 11, который гласит, что “беженцы, желающие вернуться домой и жить в мире со своими соседями”, должны иметь такую возможность и что “должна быть выплачена компенсация за утраченную собственность тем, кто не пожелает вернуться, или тем, чья собственность была утрачена или повреждена”, и это является долгом правительственных структур или властей. В этом параграфе идет речь о самом тяжелом последствии войны — о судьбе палестинских арабов, ставших беженцами. Оценки их численности расходятся. По мнению израильтян, их было 539 тыс.; по оценке ООН (1959 г.) — на 100 тыс. больше. В общем и целом, принято считать, что 100 тыс. человек бежали в Ливан, 80 тыс. — в Сирию, от 5 до 10 тыс. — в Ирак, от 115 до 150 тыс. — в Газу, и от 250 до 325 тыс. — в восточный сектор Палестины, находившийся под контролем Хашимитов. С самого начала их положение было ужасным. Кеннет Билбюи, корреспондент нью-йоркской “Геральд трибьюн”, так описывал свое посещение лагеря беженцев на иорданском Западном берегу:

“В палаточном лагере, расположенном в Иорданской долине, на подъезде к Иерихону, живет, по-видимому, 20 тысяч человек. Я заходил в их жилища, где царит запустение: охапка веток вместо матраса, пара рваных одеял, в полупу-

- 4 Масличная гора (*ивр.* *Гар га-зейтим*, в русской традиции — гора Елеонская) — возвышенность, тянущаяся с севера на юг напротив восточной стены Старого города Иерусалима. На южной оконечности Масличной горы расположено еврейское кладбище, святость которого определяется непосредственной близостью к долине Кидрон. С еврейским кладбищем связана традиция, согласно которой в конце дней Машиах взойдет на Масличную гору, и оттуда по звуку трубы Йехезкеля начнется воскрешение из мертвых. Захоронения здесь начались в эпоху Первого храма. В результате Войны за независимость Иордания восстановила контроль над всей Масличной горой, за исключением университетского кампуса. Еврейское кладбище было осквернено, многие надгробья разрушены, а могильные плиты использовались для мощения дорог. После Шестидневной войны Масличная гора полностью перешла под контроль Израиля, еврейское кладбище было реставрировано и стало доступно для захоронений.

Разделенный Иерусалим, 1948–1967 гг.

0 М И Л Я

стом шкафчике для провизии — горсть муки, немного масла. В лагере все говорили об арабском бизнесмене из Хайфы: вчера он вывел двух своих сыновей из палатки, убил их выстрелами в голову, после чего застрелился сам. Евреи забрали его дом и магазин, а ему не позволили вернуться хотя бы ненадолго, чтобы продать свое имущество. Он остался без гроша и не мог смотреть, как его дети пухнут от голода. Еще хуже ситуация в палаточном лагере в Рамалле. Ледяной ветер с Иудейских гор врывается сквозь драную ткань палаток. Вдова из Рамле напялила на себя мешок вместо платья, ее босые ноги — синие от холода. Пятеро ее детей непрестанно плачут, и она то и дело утирает им носы. Ее муж, плотник из Рамле, погиб на войне. Она с трудом выдавливает из себя вопрос: “Что стало с моим домом?” Я мог бы ответить ей, что там живет семья из Болгарии или из Польши, но ушел от ответа, сказав: “Не знаю”.

Еще в июле 1948 г. граф Бернадот обратился к мировому сообществу с призывом заручиться содействием международных благотворительных организаций и начать оказание беженцам неотложной помощи. Генеральная Ассамблея ООН назначила сэра Рафаэля Киленто (Австралия) координатором деятельности этих организаций, в число которых входили Международная организация по делам беженцев, оказывавшая содействие арабам, ставшим перемещенными лицами на территориях Палестины, оккупированных Израилем и Трансиорданией; Красный Крест, принявший на себя ответственность за ситуацию в Ливане, Сирии и Трансиордании к востоку от Иордана; Американский комитет помощи, занимавшийся делами беженцев в секторе Газа. Для поддержания деятельности этих и других организаций Генеральная Ассамблея ООН выделила в ноябре и декабре 1949 г. сумму в 34,5 млн долларов. Тем не менее эта финансовая помощь не могла полностью решить данную проблему. Требовалось найти более действенное решение, и таким решением, по всей очевидности, мог стать параграф 11 декабрьской Резолюции ООН.

Однако подобного рода ответ отнюдь не представлялся очевидным еврейской стороне. Уход арабского большинства из израильского сектора Палестины помог вновь созданному еврейскому государству решить целый ряд неотложных проблем. Одной из них была проблема экономического характера. Более 60% всех земель Израиля приходилось на долю участков, оставленных бывшими арабскими владельцами (в том числе и теми, кто в свое время самовольно захватил эти участки). Следует, однако, признать, что в немалой степени эти участки были неорошаемыми, малопродуктивными, неосвоенными или вообще представляли собой пустоши и что впоследствии израильские эксперты оценили общую площадь пригодных для возделывания земель, оставленных законными арабскими владельцами, в 5 млн 793 тыс. дунамов. Эта цифра, однако, отличалась от оценок, сделанных

Арабской лигой и ООН, согласно которым площадь участков, оставленных арабскими владельцами, была близкой к 10 млн дунамов. Во всяком случае, любые оценки подтверждают тот факт, что площадь сельскохозяйственных земель, оказавшихся в распоряжении еврейских земледельцев, по меньшей мере вчетверо превышала площадь тех участков, которыми они владели до того, как страна обрела независимость. Помимо сельскохозяйственных земель, арабы оставили целые города, включая Яфо, Ака, Лод, Рамле, Бейсан и Мадждаль, а также 388 небольших населенных пунктов и деревень и еще целые кварталы в 94 больших и малых городах, что составляло около четвертой части всех построек Израиля, в общем — порядка 100 тыс. жилых строений и 10 тыс. торговых и деловых предприятий и складских помещений. В 1951 г. Палестинская комиссия по примирению оценила стоимость оставленной арабской собственности в 120 млн израильских лир (в ценах 1947 г.).

Израильяне отнеслись к собственности, оставленной арабскими беженцами, как к неожиданной удаче, буквально свалившейся с неба. Еще не окончилась война и еще не все беженцы покинули свое место жительства, как Временное правительство опубликовало первый Указ об оставленных зонах (от 30 июня 1948 г.). В этом документе в качестве “оставленной” определялась всякая зона, завоеванная израильской армией или покинутая всеми жителями либо их частью. В рамках этого Указа две недели спустя, 15 июля, был назначен первый израильский Государственный опекун. Когда сотрудники ведомства Государственного опекуна вошли в зону, покинутую арабами, то обнаружили, что значительная доля оставленной беженцами собственности уже используется как еврейскими сельскохозяйственными поселениями, так и отдельными лицами. И тогда было принято решение просто-напросто легализовать существующее положение, дав этим поселениям и лицам статус “временных” (еврейских) земледельцев и собственников. В декабре правительство приняло долгосрочные меры по удержанию этой собственности, сделав это в еще более явном виде — а именно опубликовав ряд Правил, касающихся собственности отсутствующих землевладельцев. Как мы помним (Глава XIV), на практике реализация этих Правил означала лишение арабов, в том числе и граждан Израиля, права на всю собственность, оставленную ими во время либо же сразу после окончания войны. Государственный опекун получил право лишить арабского владельца его земельной собственности, жилых построек и производственных сооружений путем простого удостоверения того факта, что данное лицо или группа лиц “отсутствуют” (в дальнейшем некоторые положения этих Правил были частично видоизменены).

На протяжении первого года существования независимого еврейского государства значительная часть этой собственности была просто занята евреями — как старожилыми, так и новыми репатриантами. Еще до того, как определилось будущее арабских территорий, Еврейское агентство и

армия направляли поток новых репатриантов в сторону освобождающихся земель и жилья. Еврейские власти полагали, что сотни тысяч репатриантов не должны бесконечно жить в палатках и лачугах и что следовало бы просто обеспечить им жилье за счет арабов. Таким образом, однажды начавшись, этот процесс не мог остановиться. К 1951 г. вся оставленная арабами собственность уже имела новых владельцев. Десятки тысяч евреев, являвшихся, в свою очередь, жертвами конфискационных мер в исламских странах, захватили чужую собственность, и не оставалось никаких сомнений в том, что при любой попытке принудить их вернуть эту собственность прежним владельцам они дадут отпор — если понадобится, то и силой оружия. Никому не удастся подвергнуть их экспроприации вторично.

Собственно говоря, у израильского правительства и не было таких намерений. В сентябре 1951 г. *кнесет* принял новый закон, легализовавший захват арабских владений. Основное положение этого закона явилось для отсутствующих арабских собственников тяжелым и крайне болезненным ударом. Ведомство Государственного опекуна получило право не только управлять оставленной собственностью и сдавать ее в аренду, но и продавать ее. Покупателем должно было выступать Управление по делам развития, некое юридическое лицо, созданное для того, чтобы правительство могло избежать обвинений в конфискации собственности; это Управление в дальнейшем перепродавало землю правительственным структурам либо, что чаще случалось на практике, Еврейскому национальному фонду, который, в свою очередь, сдавал собственность в аренду тем же поселенцам или поселениям, которые изначально ее и захватили. Таким образом, все улаживалось в кратчайшие сроки, и ясно было, что в сложившейся ситуации арабам не на что претендовать. Из 370 еврейских поселений, основанных в период 1948–1953 гг., 350 были созданы на базе собственности отсутствующих землевладельцев. В 1954 г. более трети еврейского населения Израиля проживало на территории, являвшейся собственностью отсутствующих землевладельцев, и почти треть новых репатриантов (350 тыс. человек) поселились в городах и деревнях, оставленных арабами.

Отвечая на запросы Палестинской комиссии, Израиль высказывал заверения в том, что средства, полученные от продажи собственности отсутствующих землевладельцев, будут переданы беженцам для использования по их усмотрению. При этом, однако, отмечалось, что не может быть и речи о выплате компенсаций до тех пор, пока не начнутся мирные переговоры, как это предусмотрено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 г.; впрочем, и тогда, как подчеркивал министр иностранных дел Моше Шарет, компенсационный фонд будет использоваться отнюдь не для репатриации беженцев, а исключительно для их расселения вне

территории Израиля. К тому же будет произведен взаимный учет убытков, при котором принимались бы во внимание встречные иски граждан Израиля по поводу конфискации еврейской собственности в арабских странах. Моше Шарет не упускал случая напомнить мировой общественности, что в период 1948–1953 гг. в Израиль прибыло порядка 400 тыс. еврейских беженцев, ставших жертвами ксенофобии в мусульманских странах, и что все они приехали в Израиль без гроша, поскольку власти этих стран перед выездом лишили их практически всего имущества, в результате чего они вынуждены были жить на полном иждивении еврейских благотворительных организаций в Израиле. И наконец, неизменно добавлял Шарет, возможности его правительства выплачивать компенсации с неизбежностью ограничиваются экономическими проблемами, связанными с непрекращающейся арабской блокадой и бойкотом — и это обстоятельство также не может не быть принятым во внимание. Позиция Израиля была твердой и, судя по всему, непоколебимой.

Арабские беженцы: репатриация или переселение

Положения Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 г., призывавшие арабские страны и Израиль безотлагательно начать мирные переговоры и позволить беженцам вернуться в свои дома “в кратчайшие разумно возможные сроки”, несомненно, выглядели гуманными и человечными. Однако обе стороны — и арабы, и евреи — реагировали на эти условия безо всякого энтузиазма. Арабы настаивали на том, что следует дождаться окончательного решения проблемы беженцев, прежде чем они согласятся приступить к рассмотрению идеи мирных переговоров. Для израильтян такой подход был неприемлем. Дело, однако, заключалось в том, что израильтяне не считали нужным четко сформулировать свою позицию — хотя бы для того, чтобы самим уяснить ее в полной мере. Джеймс Д. Макдональд, первый посол США в Израиле, вспоминал:

“Я сомневаюсь в том, что на протяжении первого беспокойного года существования страны у высшего руководства Израиля могло найтись время сосредоточиться на проблеме беженцев. У меня сложилось совершенно отчетливое впечатление, что этот вопрос был оставлен ими на усмотрение технических исполнителей. Похоже, что никто из большой тройки — ни Вейцман, ни Бен-Гурион, ни Шарет — не задумывался о глубинном смысле этой трагедии, не говоря уж о необходимости предпринять некие меры в этом направлении. Д-р Вейцман, при всем его врожденном рационализме, с чувством и

волнением говорил мне о “столь чудесном упрощении задачи Израиля”, а также о значительно более страшной трагедии — гибели шести миллионов евреев в годы Второй мировой войны. При этом он спрашивал: “Что сделали страны мира для предотвращения этого геноцида? Почему в штаб-квартире ООН и в западных столицах проявляют такое беспокойство о судьбах арабских беженцев?”

В январе 1949 г. правительство Бен-Гуриона заняло следующую позицию: возвращение беженцев будет зависеть от подписания мирного договора — в противном случае возвращение арабских беженцев становится угрозой для безопасности Израиля. Однако через несколько недель и общественное мнение, и позиция правительства резко ужесточились, и стала отвергаться уже сама идея возвращения беженцев. Даже после подписания мирного соглашения, заявляли израильтяне, “принципиальное решение” проблемы беженцев может быть основано лишь на их расселении в соседних арабских странах. Шло время, и непримиримая позиция Израиля по этому вопросу начала всерьез беспокоить друзей еврейского государства. В довольно резком письме Бен-Гуриону от 29 мая 1949 г. Гарри Трумэн выразил свое “серьезное разочарование” неспособностью Израиля подойти к вопросу о беженцах с большей гибкостью. Президент США предупредил, что если не последуют “видимые изменения относительно проблемы беженцев”, то “Соединенные Штаты будут вынуждены пересмотреть свое отношение к Израилю”. Бен-Гурион не отступил ни на йоту. “Соединенные Штаты — это могущественная страна, — сказал он, выступая в *кнесете*. — Израиль — это маленькая и слабая страна. Нас можно сломить. Но нас нельзя принудить к самоубийству”.

Тем не менее, когда в конце июля 1949 г. началась вторая стадия Лозаннской конференции, израильтяне согласились поставить на обсуждение вопрос о беженцах и даже рассмотреть возможность принятия не более 100 тыс. палестинских арабов, — при условии, что их возвращение будет сопряжено с началом рациональных мирных переговоров. Это было искусной проверкой того, насколько серьезны намерения арабской стороны. Но на первых порах сама идея вызвала волну возмущения в самом Израиле — не только со стороны партии *Херут*, но и со стороны *Мапам*, и даже видных членов *Манаи*, которые при обсуждении этого вопроса пошли на нарушение партийной дисциплины. Однако, как показал дальнейший ход событий, даже такому выгодному израильскому предложению не суждено было осуществиться. К концу лета, когда стал явным провал мирных переговоров, кабинет Бен-Гуриона определил круг потенциальных арабских репатриантов, ограничив их женами и несовершеннолетними детьми тех “глав арабских семей, которые проживают в Израиле на законных основа-

ниях”, а также “к исключительным случаям гуманитарного характера”. На практике результаты таких израильских уступок оказались весьма незначительными: к 1956 г. общее число членов арабских семей, воссоединившихся в рамках этой схемы, составило не более 35 тыс. человек.

К началу 1950-х гг. позиция Израиля относительно арабских беженцев ужесточилась. В ходе дебатов на заседании Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу посол Израиля в ООН Аба Эвен официально отказался от израильского предложения, сделанного на Лозаннской конференции, относительно приема 100 тыс. палестинцев, причем не стал увязывать этот отказ с тем, будет или не будет подписан мирный договор. В своем выступлении он развил эту мысль:

“Страна, доступ к которой сухопутным путем закрыт, а морским путем — контролируется недружественными соседями, страна, подверженная блокаде и бойкоту, страна, которой официально объявлена война, страна, чьи соседи непрерывно наращивают свою военную мощь, — вот какова общая картина израильской безопасности. И можно ли представить себе нечто более невероятное, чем наше согласие на прибытие с враждебной территории большого числа людей, которые буквально исходят ненавистью к нашему государству, к самому факту его существования? Я не верю, что чувство моральной ответственности позволит кому-либо поддержать такую идею. Помимо всего прочего, трудно представить себе худший способ проявления недоброжелательности и по отношению к арабам, поставив их в точно такое же положение, из которого они уже нашли единственно возможный выход — став беженцами”.

Министр иностранных дел Моше Шарет, выступая в это же время в *кнессете*, подчеркнул, что не одни только палестинцы переживают трагедию беженцев. Он заметил, что в настоящее время в свободном мире существует 60 млн беженцев и что по отношению к этой цифре даже официально названное сотрудниками ООН число палестинских беженцев — 700 тыс. человек — составляет не более 1,25%. Не существует исторических прецедентов возвращения такого значительного числа беженцев, заметил Шарет, тем более что эту арабскую эмиграцию, по сути дела, следует рассматривать как “обмен” на еврейских беженцев из мусульманских стран, которых принял Израиль. В начале 1920-х гг., например, Турция и Греция совершили обмен населением, в который было вовлечено почти 2 млн перемещенных лиц, жертв военных действий. После Второй мировой войны 900 тыс. немцев были насильственно переселены в Германию из Чехословакии, Польши, Венгрии и Югославии, тогда как обмен населением между Польшей и Советской Россией затронул интересы 2 млн 520 тыс. поляков, украинцев, белорусов и литовцев. После раздела Индии в 1947 г. 13 млн индусов и

мусульман были насильно выселены с привычных мест жительства в рамках встречной миграции. Такого рода обмена населением необратимы, настаивал Шарет. Значительно лучше, сказал он, признать исход арабов из Израиля и евреев из мусульманских стран как *fait accompli* (фр. “свершившийся факт”) и принять меры по поощрению их расселения среди своих соотечественников.

В марте 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН пришла примерно к таким же выводам, в результате чего была упразднена временная комиссия под председательством Рафаэля Киленто по оказанию неотложной помощи беженцам. Вместо нее было учреждено Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (UNRWA-БАПОР) с бюджетом 54 млн долларов. В отличие от своих предшественников, это агентство не должно было заниматься оказанием помощи палестинцам, ему полагалось содействовать им в процессе трудоустройства по месту их проживания в арабских странах. Согласно оценкам, в течение полутора лет беженцы в большинстве своем должны были стать независимыми работниками и самостоятельно обеспечивать свое существование, как и все их соседи — после чего оказание помощи должно было раз и навсегда уйти в прошлое. Однако эти иллюзии довольно скоро рассеялись. Вступив в переговоры с правительственными учреждениями соответствующих арабских стран, БАПОР натолкнулось на решительный отказ сотрудничать в деле реализации каких бы то ни было планов экономической интеграции. “Параграф 11 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от декабря 1948 г. гарантирует беженцам право на возвращение в свои дома, — заявляли официальные представители арабских стран. — Мы не намерены участвовать ни в каких проектах, которые могут поставить под угрозу такое право”. При этом следует подчеркнуть, что в свое время все арабские страны единогласно проголосовали против декабрьской (1948 г.) Резолюции, поскольку она предусматривала, в конечном итоге, мирные переговоры с Израилем. Проблема беженцев использовалась как удобный повод для сворачивания дискуссий и эффективное средство оказания воздействия на общественное сознание. Правительства арабских стран не собирались заниматься ее решением. К концу 1950-х гг., то есть к тому моменту, когда, по решению ООН, предполагалось прекратить оказание помощи, к работе приступили не более 10 тыс. человек из общего числа 650–700 тыс. беженцев. Все остальные предпочитали по-прежнему жить в палатках и стоять в очередях за пособиями и продовольственной помощью.

Были, однако, палестинцы, которые приняли свое собственное решение по этому вопросу. В 1952 г. отчет БАПОР указал, что за последние несколько лет немалое число арабских беженцев нашли жилье и работу в соседних странах — в Ираке и княжествах Персидского залива. Не менее 280 тыс. бе-

женцев обосновались в иорданской Палестине и включились в экономическую жизнь Хашимитского Королевства. Более того, их присутствие в Иордании способствовало тому, что Амман из тихого городка (в 1948 г. там было 50 тыс. жителей) превратился к концу 1950-х гг. в оживленный и достаточно современный город с населением 150 тыс. человек. В 1954 г. доклад Королевского института международных дел отмечал, что

“...наиболее информированные и здравомыслящие из числа беженцев, собственно говоря, и не собирались жить в Израиле. Они полагали, что арабское меньшинство в Израиле со временем будет чувствовать себя еще менее уверенно, чем даже сегодня, когда основное внимание властей, естественно, уделяется в первую очередь трудоустройству и расселению еврейских репатриантов, а не арабов. Значительно лучше было бы посмотреть правде в глаза и приложить все усилия для того, чтобы разъяснить арабским беженцам, насколько незначительны их шансы на репатриацию и почему именно они столь незначительны, а также предоставить им альтернативный вариант решения проблемы: поселение в другой стране, где они могли бы начать новую и лучшую жизнь”.

В январе 1951 г. Комитет палестинских беженцев в Ливане направил политическому комитету Арабской лиги письмо, в котором говорилось, что для большинства палестинцев возвращение в их дома вряд ли возможно в ближайшем будущем и что, прежде чем будет найдено приемлемое политическое решение проблемы беженцев, вряд ли следует оставлять их на произвол судьбы в глуши, без нормальной пищи, жилья и средств к существованию. В письме говорилось, что арабские страны должны дать беженцам, выражающим желание поселиться вне пределов Палестины, такую возможность. Единственным положительным ответом на это письмо стало решение иорданского короля Абдаллаха предоставить иорданское подданство примерно 200 тыс. беженцев на Западном берегу. Из этого числа, как уже отмечалось, примерно половина нашли работу, а остальные продолжили жить в лагерях беженцев на пособие БАПОР. Сравним это положение дел с ситуацией в Газе, где беженцы содержались на положении едва ли не заключенных. Если не считать примерно 20 тыс. человек, которым в 1951 г. удалось устроиться на работу в Ираке и княжествах Персидского залива, все остальные не могли найти работу в Египте, не говоря уж о получении египетского гражданства. Жили они в состоянии крайней нищеты.

Время от времени руководство БАПОР выступало с предложениями относительно реализации конкретных и хорошо финансируемых программ обеспечения занятости в соседних с Израилем арабских странах. Однако арабские правительства делали все возможное, чтобы торпедировать эти

программы, позволяя тратить деньги исключительно на пособия. Впрочем, их негативная позиция со временем перестала быть “делом принципа”, поскольку они начали осознавать, что абсорбция каждого последующего поколения беженцев неизбежно будет сопряжена со все большими трудностями. В 1949 г. доля взрослых мужчин-беженцев, имевших специальность или профессиональную подготовку, составляла менее 20% (они-то и стали экономически самостоятельными). Остальные 80% были либо сельскохозяйственными рабочими, либо не имели никакой квалификации. Кроме того, проблема абсорбции беженцев усугублялась по причине политической нестабильности в большинстве арабских стран и в силу разногласий между властями этих стран. Таким образом, завоевав симпатии арабского общественного мнения, палестинцы могли зачастую оказывать эффективное давление на правительства различных стран — в частности, в Иордании, где они составляли треть населения, и в Ливане (десятая часть населения). Поселяясь в разных частях арабского мира, палестинские беженцы приносили в общую атмосферу свое чувство горечи и разочарования, в немалой степени дестабилизируя обстановку в стране. С учетом всех этих обстоятельств, правительства арабских стран проявляли естественное нежелание усугублять за счет этих пришельцев свои политические и экономические трудности.

Что же касается самих палестинцев, то — после формального введения в действие программ помощи — они обретали определенные “преимущества”, связанные со статусом беженцев, и эти преимущества были не столь уж и незначительными. Во-первых, беженцы обеспечивались услугами системы здравоохранения. Уровень заболеваемости и смертности у этой категории населения был ниже, чем у проживающих по соседству коренных жителей, а уровень рождаемости — выше. Около 45% их детей школьного возраста получали бесплатное образование. Полагающийся им рацион был скудным — примерно 1600 калорий в день (мука, бобовые, сахар, рис), но они не страдали от недоедания. По состоянию на конец 1956 г. только 39% всех официально зарегистрированных беженцев жили в лагерях БАПОР, но ооновский паек получали все 100%. Их физическое существование не вызывало опасений — тревогу внушало их моральное состояние. Прозабающие в убогих лачугах лагерей БАПОР, лишённые каких-либо занятий, они зачастую испытывали столь острое нервное напряжение, что регулярно устраиваемые ими беспорядки представляли опасность для стран, где были расположены эти лагеря. Тяжелое моральное состояние этих сотен тысяч ожесточенных изгнанников затрудняло достижение мира на Ближнем Востоке; вместе с тем устраиваемые ими волнения и беспорядки могли привести к конфликту не только между Израилем и его арабскими соседями, но и между самими арабскими странами.

Вспышки приграничного насилия

Наличие этих озлобленных и охваченных гневом беженцев в лагерях, расположенных вблизи арабо-израильских границ, являлось дестабилизирующим фактором и определило необходимость уделить особо пристальное внимание одному из самых важных пунктов, включенных во все четыре соглашения о перемирии. Напомним, что при заключении этих соглашений ставилась задача добиться установления некоторого переходного периода, когда должны были утихнуть негодование и обида и могли создаться предпосылки для ведения мирных переговоров. С этой целью был создан механизм, призванный уменьшить опасность насильственных действий вдоль границы, который состоял из двух элементов: Смешанные комиссии по вопросам перемирия, сформированные на основе соглашений о перемирии, и орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия в Палестине (ОНВУП), созданный ранее, еще в ходе израильско-арабских военных действий. Сотрудники последнего набирались из числа ооновского персонала, наделенного соответствующими полномочиями. Деятельность обоих элементов была взаимосвязанной, и планы по уменьшению угрозы конфликта зависели от их тесного сотрудничества. Так, Смешанные комиссии (по одной на каждую из четырех границ Израиля с арабскими соседями) состояли из равного количества израильских и арабских представителей, под председательством старшего сотрудника ОНВУП. Задачей этих смешанных органов было определение фактов нарушения перемирия и последующее наблюдение за ходом разрешения конфликта. На заседаниях Смешанных комиссий представителю ОНВУП принадлежало право решающего голоса.

В принципе, идея этого механизма представлялась весьма целесообразной, но на практике его эффективность зависела от желания как арабов, так и Израиля действовать на основе положений, включенных в преамбулу соглашения о перемирии, — то есть не только избегать применения силы, но и признать, что “заключение настоящего соглашения о перемирии является необходимым шагом на пути установления мира в Палестине”. Когда соглашения были подписаны в 1949 г., стороны полагали, что всего лишь несколько месяцев отделяют их от заключения окончательного и безоговорочного мирного договора. Однако мирные устремления сторон, возникшие было в ходе переговоров на Родосе, довольно быстро угасли, после чего вновь вернулись разногласия. Механизм перемирия в принципе не может слишком долго служить заменой мирному договору. Еще одним источником проблем стали намеченные на Родосе границы. Переговорные группы исходили из того, что эти границы дадут временное решение проблемы, и потому не приняли во внимание нужды гражданского населения. Между тем израильско-иорданская граница отрезала арабские деревни от их полей и источников воды. Более того,

границы почти нигде не были обозначены с достаточной точностью, и потому местные арабы, проживавшие на иорданской стороне, начали переходить эту искусственно созданную границу, имея целью вернуть свою собственность. Некоторые даже предпринимали попытки собирать урожай на ранее принадлежавших им полях. Многие беженцы переходили на территорию Израиля — либо к своим семьям, либо просто не представляя себе с достаточной точностью, где именно проходит демаркационная линия перемирия.

Израильские власти отнеслись к этим попыткам проникновения на их территорию с естественным беспокойством, поскольку появление палестинцев из-за рубежа оказывало негативное воздействие на моральное состояние жителей приграничных поселений, многие из которых были новыми репатриантами. На первых порах Смешанные комиссии по вопросам перемирия оказывались в состоянии, пусть и не с полной эффективностью, реагировать на хищения имущества и сельскохозяйственной продукции. Однако к концу 1951 — началу 1952 г. случаи воровства или нанесения ущерба сельскохозяйственному имуществу участились, и израильтяне стали осуществлять более решительные ответные действия. По нарушителям границы, оказывающим сопротивление израильским пограничникам, открывался огонь на поражение. В 1952 г. 394 араба были убиты, 227 — ранены и 295 — арестованы. Не все израильтяне с одобрением относились к столь решительным действиям силовых структур. Поэт Натан Альтерман⁵ с негодованием писал в газете *Давар*: “О вы, члены *кнесета*, известные тем, что сами еще недавно прибыли сюда по поддельным паспортам, вы, нарушители границ и внуки нарушителей границ, как же быстро вы усвоили мораль милитаристов!” Однако последние сомнения отпали после 1952 г., когда арабы, не ограничиваясь воровством и вредительством, перешли к поджогам и убийствам. Не проходило недели, чтобы вторжение арабских грабителей не влекло за собой жертв — убитых или раненых из числа граж-

5 Альтерман Натан (1910–1970) — израильский поэт. В Эрец-Исраэль находился с 1925 г. Закончил гимназию “Герцлия” в Тель-Авиве, затем учился в сельскохозяйственном институте в Нанси (Франция). Стихи начал публиковать в возрасте 21 года. Творчество Альтермана развивалось в двух направлениях. Он рано получил известность как автор популярных стихов, выражавших политические устремления *ишува* в борьбе против британских колониальных властей в 1930–1940 гг. В то же время Альтерман — блистательный поэт-лирик, один из лидеров израильского литературного авангарда. В 1934 г. он начал систематически печатать политические стихи на актуальные темы в газете *Га-Арец*, а в 1943 г. — в газете *Давар*, где вел еженедельную колонку, публикуя в основном сатирические стихотворения с резкой критикой действий британских властей. Некоторые из этих стихотворений были запрещены английской цензурой и печатались подпольно. Лирические стихи Альтермана отличаются виртуозностью и разнообразием ритмики, образностью, богатой звуковой аранжировкой. Поэт переводил на иврит Мольера, Шекспира, Бернса и многих других авторов.

данского населения. Навряд ли эти вторжения организовывались по прямой инициативе хашимитских властей, но они, несомненно, проходили при попустительстве мелких чиновников и иорданской полиции. Ведь, в конце концов, почему они должны были препятствовать своим братьям-арабам наносить ответные удары? Факт соучастия вряд ли можно было доказать даже в случае, если следы вели прямо к полицейскому участку. Поэтому израильтяне приняли решение возлагать ответственность на власти конкретной арабской страны и наносить ответные удары, все более и более усиливая их мощь. Так, в период с июня 1949 г. по октябрь 1954 г. Израиль 1612 раз обвинил Иорданию в нарушении перемирия; Иордания, в свою очередь, выдвинула 1348 встречных обвинений. Смешанные комиссии по вопросам перемирия пришли к выводу, что иорданская сторона ответственна за 34 случая убийства (124 убитых израильтянина), а израильская сторона должна отвечать за 127 случаев убийства как штатских, так и военных лиц, проникавших на израильскую территорию (всего 256 убитых иорданцев).

В 1953 г. насилие достигло своего пика; 13 октября в окно дома в Тират-Йеѓуда, довольно далеко от границы, была брошена граната, погибли мать и двое детей. Состоялось заседание израильско-иорданской Смешанной комиссии, которая пришла к выводу, что ответственность за теракт несет иорданская сторона. Израильский кабинет министров принял решение не ждать, пока власти Аммана выполнят свое обещание “найти и наказать виновных”, а нанести ответный удар по базам подготовки террористов. Одна из таких баз находилась в деревне Кибия, напротив Тират-Йеѓуда по ту сторону границы. Перед армейскими частями была поставлена задача атаковать базу и разрушить имеющиеся там жилые строения, числом около пятидесяти. В ходе израильского рейда погибло 69 иорданских жителей, половина из них — женщины и дети, которые прятались в намеченных к разрушению домах. Находясь в состоянии шока и замешательства, Бен-Гурион выступил с утверждением, что якобы это была не воинская операция, а лишь акт мести, совершенный жителями Тират-Йеѓуда. Смешанной комиссии не понадобилось много времени, чтобы установить истину и осудить виновных. С осуждением выступил также и Совет Безопасности ООН. Шарет и Эвен в частном порядке высказали свое неодобрение подобных действий, опасаясь, что они способны принести вред дипломатическим усилиям Израиля.

Однако Израиль не отказался от политики возмездия. Генерал Моше Даян, новый начальник Генерального штаба, заявил, что Израиль продолжит наносить ответные удары по лагерям террористов и даже по армейским блокпостам. 17 марта 1954 г. израильский автобус с экскурсантами попал в засаду у “Перевала скорпионов” в пустыне Негев; одиннадцать че-

ловец погубило и двое получили ранения. Смешанная комиссия отказалась возложить вину на правительство Иордании, заявив, что теракт — дело рук арабских уголовных элементов; после этого Израиль вывел своих представителей из состава Комиссии. Затем последовала масштабная операция против тех баз, где, как предполагалось, проходили подготовку террористы. Надо сказать, что такая стратегия ответных ударов начала давать определенные результаты. Амманское руководство, учитывая эффективность израильских операций, приняло неотложные меры по пресечению террористических вылазок с территории Иордании, в результате чего в 1954 г. число израильтян, погибших от рук террористов, сократилось до тридцати трех, а в 1955 г. — до двадцати четырех. Однако основной жертвой стала сама израильско-иорданская комиссия, которая к середине 1950-х гг. прекратила свое существование. Линия “перемирия” на восточной границе Израиля превратилась в ничейную полосу.

Демилитаризованные зоны и отряды фedaинов

В демилитаризованных зонах вдоль границ Израиля с его арабскими соседями поднялась очередная волна насилия, цепная реакция нападений и ответных действий. В рамках соглашения о перемирии было создано четыре такие зоны: первая (разделенная на два сектора) — на севере Израиля, в районе бывшей сирийско-палестинской границы; вторая — вокруг зданий Еврейского университета и больницы *Гадаса* на горе Скопус в Иерусалиме; третья — на Джебель-аль-Мукабир в Иерусалиме, включавшая бывшую резиденцию верховного комиссара; четвертая, ромбообразная, — вокруг Аль-Ауджа на египетской границе. Первой зоной столкновения интересов стала гора Скопус; место, откуда открывался вид на весь Иерусалим и просматривались подступы к городу с востока и с севера, находилось внутри хашимитских владений. Согласно израильско-иорданскому соглашению о перемирии, этот анклав был отдан под контроль ООН, и туда не имели доступа представители вооруженных сил обеих сторон, хотя под это ограничение не подпадала ни арабская, ни израильская полиция. Несмотря на соглашение, обе стороны нарушали договоренность практически с самого начала. Арабский легион, не скрываясь, разместил свои силы вокруг церкви Августы-Виктории на Масличной горе. А вокруг Еврейского университета и больницы *Гадаса* дежурили израильские военнослужащие, одетые в полицейскую форму. Израильтяне регулярно пополняли запасы оружия и боеприпасов, завозя их под видом доставки продовольствия и складирова в подвалах университетского и больничного зданий.

Значительно более критической и взрывоопасной была зона на израильско-сирийской границе, созданная в качестве “компромисса” в ходе длительных переговоров о перемирии, проходивших в 1949 г. в атмосфере противостояния и враждебности. Первоначально сирийцы отказывались оставить свой небольшой плацдарм на израильской территории. В качестве стимула для сирийской стороны израильтяне согласились с тем, что эвакуируемый плацдарм получит статус демилитаризованной зоны и будет состоять из двух несоприкасающихся участков общей площадью 40 квадратных миль. Первый, центральный, участок протянется от южной части озера Хула вдоль реки Иордан до ее впадения в Кинерет, второй — вдоль юго-восточного берега Кинерета, причем часть его будет выдаваться в восточном направлении на три мили. Оба сектора полностью находились в пределах Палестины. И в Иерусалиме, и в Дамаске понимали, что даже ограниченный контроль над демилитаризованной зоной даст сирийцам возможность воспрепятствовать реализации важных для израильтян проектов — так как только в пределах этой зоны те могли осуществлять осушение болот Хулы, переброску воды в Негев и строительство гидроэлектростанций. Действительно, из всех соседей Израиля Сирия могла наиболее эффективно — с учетом ее географического положения, политической ориентации и психологического настроения — препятствовать экономическому росту Израиля. Для того чтобы предупредить дальнейшую возможную конфронтацию по вопросам, связанным с экономическим развитием Израиля, Ральф Бунч, ооновский посредник, заверил израильских представителей в ходе переговоров о перемирии в 1949 г., что в демилитаризованной зоне будет возможно возобновить нормальную, мирную жизнь. Сирия в противоположность этому считала, что демилитаризованная зона не может рассматриваться как суверенная израильская территория.

Представитель ОНВУП, выполняющий функции председателя сирийско-израильской Смешанной комиссии по вопросам перемирия, был наделен полномочиями “для принятия мер, призванных обеспечить постепенное возвращение жизни в демилитаризованной зоне к нормальному, мирному состоянию”, без ущемления прав обеих сторон. Первоначально он пришел к выводу, что намерения Израиля осушить болота Хулы с целью рекультивации 45 тыс. акров земель вполне отвечают плану Бунча, тем более что сами болота находились вне пределов демилитаризованной зоны. Однако после начала работ в январе 1951 г. выяснилось, что в рамках этого проекта существует необходимость строительства дороги, и это может захватить 100 акров земель, находящихся в пределах демилитаризованной зоны, во владении сирийцев. Израильтяне вступили в переговоры с землевладельцами, и вскоре удалось достичь предварительного соглашения о выплате им соответствующей компенсации. Однако затем, буквально в последний мо-

мент, арабских фермеров вызвали в Дамаск и настоятельно рекомендовали отказаться от израильских предложений. В такой ситуации израильтяне приняли решение об экспроприации земель, а сирийская сторона 14 февраля обратилась с жалобой в Смешанную комиссию по вопросам перемирия. После этого, 7 марта 1951 г., руководитель ОНВУП генерал Уильям Райли, американский морской пехотинец, дал ход сирийской жалобе относительно того, что земли, находящиеся в арабском владении, используются против воли их владельцев, и это никак не соответствует принципу “возвращения жизни к нормальному, мирному состоянию”, а также нарушает условия соглашения о перемирии. В демилитаризованной зоне ни одна из сторон конфликта не может быть суверенной, заявил Райли, и потому не может идти и речи о принудительном приобретении земель.

Возмущенные этим решением, израильтяне 25 марта объявили о несогласии с ним и возобновили работы. Сирийцы начали обстреливать дорожных строителей. В ответ израильтяне выселили 630 арабов (которых они определили как потенциальную пятую колонну) из центрального сектора демилитаризованной зоны и сровняли их дома с землей. Сирийцы направили в зону свои воинские части и расположили их в деревне Аль-Хамма, на границе демилитаризованной зоны, после чего израильтяне 5 апреля подвергли бомбардировке эту деревню. Обе стороны увеличили свое присутствие в зоне, и 2 мая начались тяжелые бои, продолжавшиеся в течение 12 дней, пока Совет Безопасности ООН не принял резолюцию о прекращении огня. После обсуждения инцидента в ООН было принято решение о немедленном возвращении выселенных арабов и о прекращении строительных работ на арабских землях. Израильтяне неохотно подчинились. В конечном итоге они изыскали возможность продолжить работы, не выходя на арабскую территорию, и напряженность постепенно сгладилась. В 1953 г. сооружение канала было завершено, и началось осушение болотистой местности.

Этот кризис не был последним в демилитаризованной зоне. Так, при строительстве гидроэлектростанции у моста Бнот-Яков, к северу от озера Кинерет, возникла необходимость сооружения в демилитаризованной зоне обводного канала, который оказал бы влияние на уровень воды в реке Иордан на сирийской территории. Хотя израильская сторона и была готова гарантировать сирийцам причитающуюся им долю воды в рамках готовящегося к реализации ирригационного плана Джонстона (Глава XVI. Причины арабской воинственности), правительство Дамаска подало жалобу в ООН и получило там поддержку. Таким образом, израильтяне вынуждены были отказаться от реализации этого проекта. Затем возникла более серьезная конфликтная ситуация, связанная с правами на рыболовство в Кинерете. Это небольшое спокойное озеро расположено исключительно на

территории Израиля, хотя местами граница с Сирией проходит буквально в десяти метрах от его восточной береговой линии, и нередко бывали случаи, когда сирийцы открывали огонь по израильским рыбацким лодкам, приближавшимся к северо-восточному берегу. В августе 1951 г. Израиль согласился с тем, что рыбаки, во избежание возникновения конфликтных ситуаций, не должны подходить к берегу ближе, чем на 250 метров. Однако в декабре того же года сирийские пограничники открыли огонь и убили нескольких израильских рыбаков, а затем Дамаск объявил, что израильтяне обязаны держаться не менее чем в 400 метрах от береговой линии. Израиль отверг эти требования, после чего инциденты продолжались в течение нескольких лет, и сирийцы нередко подвергали обстрелу израильские рыбацкие лодки.

В октябре 1955 г. пятеро израильских солдат были захвачены на сирийской территории, когда они ремонтировали поврежденную систему перехвата телефонных переговоров. После отказа освободить пленных два израильских взвода пересекли демилитаризованную зону в районе северного берега Кинерета, атаковали сирийский военный конвой и захватили пятерых сирийских военнослужащих в качестве заложников для последующего обмена пленными. Однако переговоры по обмену не дали результатов, и сирийцы продолжали обстрел израильских рыбаков. Тогда израильтяне в ночь 11 декабря провели масштабную военную операцию, уничтожили несколько укрепленных позиций на северо-восточном берегу, убили 26 сирийских военнослужащих и 12 гражданских лиц, а также захватили 30 сирийских пленных. Рассмотрев 12 января 1956 г. отчет израильско-сирийской Смешанной комиссии, Совет Безопасности ООН осудил израильскую атаку и предупредил о возможном принятии серьезных мер в случае, если подобного рода инциденты не будут прекращены. Это предупреждение отчасти отрезвило израильтян, и на протяжении некоторого времени они вели себя более сдержанно. Число обстрелов с сирийской стороны также уменьшилось, и напряженность между двумя странами на некоторое время снизилась.

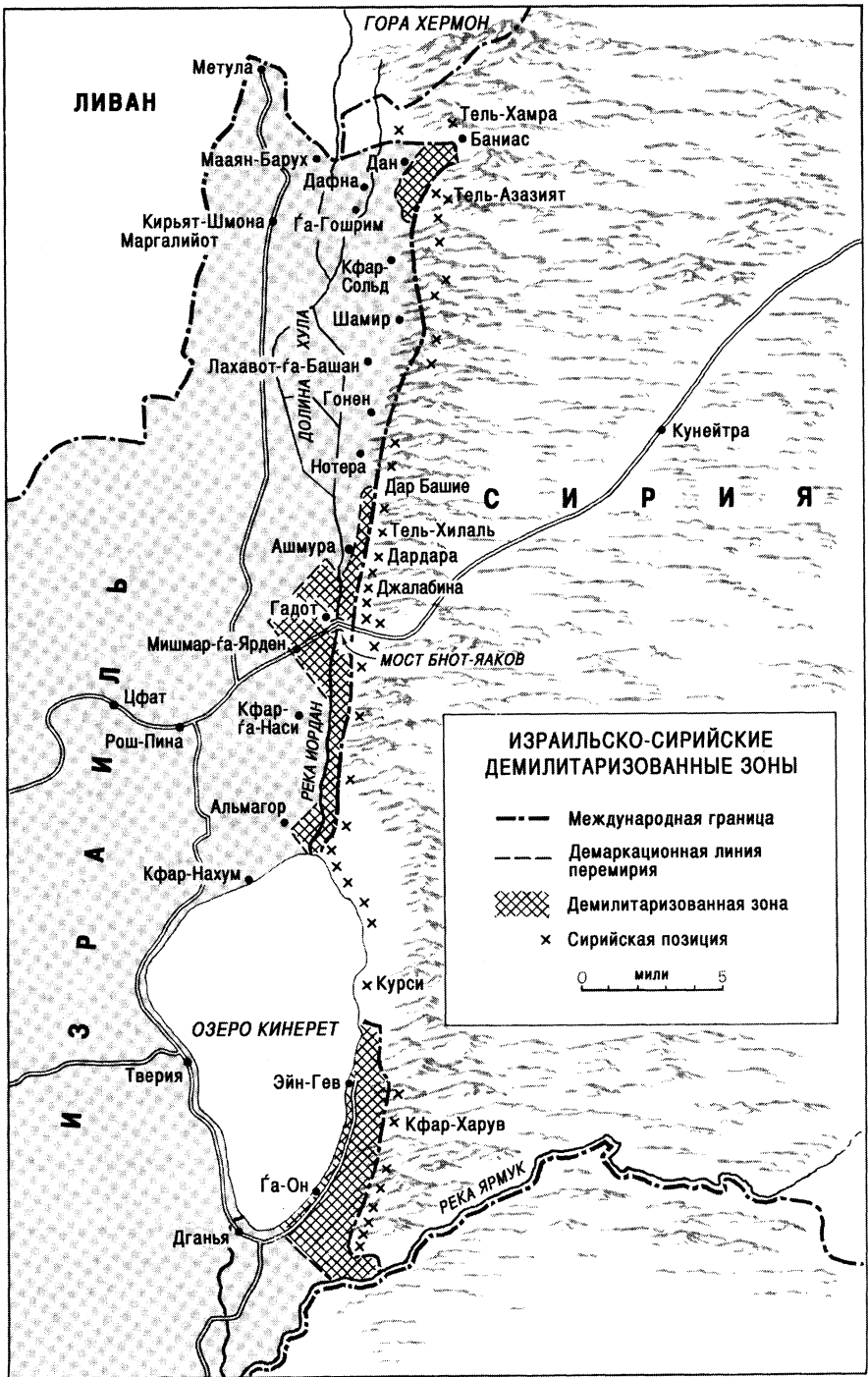
В тот же период, в 1950-х гг., особенно напряженная ситуация возникла в демилитаризованной зоне Аль-Ауджа и во всем секторе Газа, находившемся под египетским контролем. Эта зона, оставленная египтянами в ответ на договоренность о взаимной демилитаризации, представляла собой участок ромбовидной формы, протянувшийся на расстояние в 22 мили вдоль бывшей палестино-египетской границы в Синае. Фактически сразу же после заключения перемирия израильтяне начали предпринимать неоднократные попытки устроить там, под видом *кибуца*, военный лагерь — чтобы таким образом обойти содержащиеся в заключенных на Родосе соглашения условия демилитаризации. Для этого надо было живущих там

6 тыс. бедуинов выселить, а остальных лишить находившихся в их традиционном владении водных источников. Израильяне провели акции по выселению в два этапа — в сентябре 1950 г. и в мае 1951 г., предав огню бедуинские шатры, имущество и посевы, а также убив тринадцать человек, оказавших им сопротивление. Среди этих несчастных кочевников, быть может, и в самом деле были египетские агенты, как об этом заявило израильское командование, а также и потенциальные саботажники, и воры — но в большинстве своем это были мирные обитатели пустыни, занимавшиеся разведением верблюдов на искони принадлежавших им землях.

Наконец, в сентябре 1953 г., израильяне основали свое первое поселение в зоне Аль-Ауджа. Это был *кибуц* военного формирования *Нахаль*, члены которого совмещали военную службу с сельскохозяйственной деятельностью. Вскоре в демилитаризованной зоне был обнаружен и египетский контрольно-пропускной пункт. Израильяне потребовали его демонтажа, но египтяне отказались сдвинуться с места, пока не будет эвакуировано подразделение *Нахаль*. В конце 1954 — начале 1955 г. произошло несколько столкновений, и с обеих сторон были потери. Ситуация в зоне становилась все более и более напряженной. В результате в октябре 1955 г. израильяне атаковали египетский армейский форпост в Аль-Кунтилле, далее к югу; пять египетских солдат было убито и двадцать три взято в плен. Когда же египтяне решительно отказались уступить эти несколько метров демилитаризованной зоны, израильяне 2 ноября предприняли наступление на египетские позиции. Египтяне потеряли около пятидесяти человек убитыми, и более сорока оказались в плену. Совет Безопасности ООН резко осудил Израиль за его действия, но евреи не собирались уходить из Аль-Ауджа.

Собственно говоря, упорство, с которым Израиль стремился закрепить позиции своего воинского контингента в демилитаризованной зоне, объяснялось не только и не столько его решимостью отстаивать свой суверенитет. Эта зона обеспечивала жизненно важную фланговую защиту от все более и более частых случаев проникновения из Газы, поскольку число таких случаев к 1955 г. достигло критической отметки, и ситуация становилась гораздо более проблемной, чем в районе озера Кинерет или на конфликтной иорданской границе. Газа, сравнительно небольшой сектор Палестинского побережья (четыре мили в ширину и тридцать в длину), была передана в ведение египетской администрации после войны 1948–1949 гг.; ее население, составлявшее первоначально 50 тыс. человек, в 1949 г. увеличилось до 180–200 тыс., а в 1967 г. эта цифра составляла чуть больше 356 тыс. Права проживающих в Газе беженцев были жестко ограничены египетской военной администрацией, им не позволялось работать на территории Египта; их ненависть к Израилю была сильнее,

чем у любой другой группы беженцев, живущих вблизи израильских границ. Свою иступленную вражду и то ожесточение, с которым совершались вооруженные вылазки на территорию Израиля, они мотивировали своим патриотическим долгом. В первые годы египетские власти не были склонны к поощрению таких вылазок, не говоря уж о своем в них участии. Соглашение о перемирии здесь соблюдалось достаточно строго. Однако приход к власти в Египте Гамалья Насера, жесткая израильская политика в приграничных областях и обострение египетско-израильских отношений (Глава XVII) — все это, вместе взятое, способствовало тому, что общая ситуация начала меняться в худшую сторону. Египетские пограничники стали закрывать глаза на проникновение в Израиль мародерствующих банд — израильтяне, в свою очередь, ужесточили ответные меры.

Согласно отчетам ООН, Израиль за период 1949–1956 гг. провел не менее 17 армейских операций различной масштабности на территории, находящейся под египетским контролем, а также 31 раз атаковал арабские населенные пункты и воинские соединения (за тот же семилетний период). Практически все эти действия были осуждены египетско-израильской Смешанной комиссией либо Советом Безопасности ООН — что, впрочем, имело место и по отношению к провокациям арабской стороны. Явная неспособность Израиля добиться понимания со стороны международной общественности заставила Абу Эвена, израильского посла в ООН, признать, что политика ответного удара является тупиковой. Когда Израиль был единогласно осужден Советом Безопасности ООН после его рейда в Газу весной 1955 г. (Глава XVII. Даян создает боевые части), Эвен написал своему другу: “Ответный удар как принцип внешней политики стал неприемлемым, и нам следует научиться жить по тем же правилам, что и другие страны, поскольку не только мы подвергаемся провокациям”.

Живя и работая все эти годы за рубежом, Эвен, видимо, оказался не в состоянии должным образом оценить всю силу гнева, охватившего страну. Ведь он же сам сообщал Совету Безопасности в 1950-х гг. о том, сколько граждан Израиля стали жертвами арабских лазутчиков и диверсантов. Число погибших в период 1949–1956 гг. израильтян составило 1300 человек — в результате обстрелов, вооруженных нападений, внезапных и коротких рейдов, совершаемые феодаинами⁶, этими прошедшими специаль-

6 Федаины (*араб.* “смертники”) — организованные группы террористов, преимущественно палестинских арабов, которые проникали в Израиль с территорий Египта, Иордании и Сирии, чаще всего при помощи военных и гражданских властей этих стран, для осуществления террористических актов, в результате которых в 1949–1950 гг. погибло около 1300 граждан страны и был причинен значительный материальный ущерб.

ную подготовку террористами-диверсантами. Четыре пятых израильских потерь пришлось на долю мирного населения, включая женщин и детей, — притом что две трети погибших арабов были военнослужащими. Помимо прочего, гибель каждого израильянина следует рассматривать в контексте непрекращающегося состояния войны, усугубляемого посредством постоянной изоляции, блокады и враждебной пропаганды, которые имели целью подорвать израильскую экономику, ослабить способность Израиля к сопротивлению и в конечном итоге добиться исключения Израиля из международного сообщества.

Движущие силы арабской воинственности

Соглашения о перемирии, подписанные в 1949 г., не давали оснований предполагать, что последовавшая за подписанием конфронтация будет столь острой. Судя по этим документам, речь, вне всякого сомнения, шла о переходном периоде на пути к постоянному миру. Дело в том, что руководители арабских государств — не в меньшей степени, чем правительство Израиля, — были заинтересованы в политике взаимного признания. По всей видимости, у них имелись неотложные проблемы, требующие скорейшего решения, в том числе нестабильность и искусственный характер границ, установленных в спешке, исходя из временных военных нужд; демилитаризованные зоны; выход к израильскому Средиземноморскому побережью; обеспечение контактов между Египтом и Хашимитским Королевством через пустыню Негев; определение статуса Иерусалима. Кроме того, король Абдаллах был очень заинтересован в достижении компромиссного соглашения, которое могло бы умиротворяюще воздействовать на десятки тысяч палестинских арабов, живущих на Западном берегу Иордана. Преуспей он в получении желаемых уступок от Израиля, беженцы стали бы считать его спасителем, а не козлом отпущения. Абдаллах, не сомневавшийся в своем умении вести переговоры, решил рискнуть, хотя и существовала опасность вызвать гнев других арабских правителей и быть неправильно понятым своими подданными. Он возобновил тайные контакты с подполковником Моше Даяном, бывшим командующим Иерусалимским фронтом.

Первоначально израильяне откликнулись на попытки Абдаллаха прозондировать почву без особого энтузиазма. Существовало мнение, что если сначала заключить соглашение с Египтом, то хашимитский правитель будет готов пойти на более значительные территориальные уступки. К тому же первоначальные запросы Абдаллаха были довольно значительными. Он хотел обеспечить себе доступ к Средиземному морю через Беэр-Шеву и

Газу, вернуть арабские кварталы Нового Иерусалима, а также получить право проезда по шоссе Иерусалим—Вифлеем и бесплатное обслуживание судов в Хайфском порту. Взамен он предлагал Израилю доступ к разработкам поташа на северном берегу Мертвого моря и бесплатное обслуживание судов в иорданском порту залива Акаба, причем последнее предложение в неявном виде подразумевало, что по крайней мере часть Южного Негева будет возвращена Трансиордании. Израильское правительство не возражало против включения Газы в состав Хашимитского Королевства (в конце концов, это было чисто арабским делом) и даже соглашалось на доступ Трансиордании к Средиземному морю. Против чего евреи категорически возражали, так это против послаблений на юге, поскольку существовала явная опасность раздробления Израиля в этой пустынной местности. Бен-Гурион был готов говорить о коридоре шириной в несколько метров—а не в несколько миль, как это представлял себе Абдаллах. Первоначально стороны казались очень далекими от достижения договоренности.

Тем временем сведения о секретных переговорах попали в печать арабских стран. Египет отреагировал, обратившись в ООН с требованием ускорить передачу Иерусалима под международный контроль, что произошло, как мы помним, в декабре 1949 г.—и, в свою очередь, способствовало возобновлению израильско-хашимитских контактов. На этот раз переговоры принесли результаты. В начале 1950 г. стороны достигли формального согласия, в рамках которого границы между Трансиорданием и Израилем должны были оставаться неизменными на протяжении пяти лет, нерешенные проблемы передавались в ведение соответствующих совместных комиссий, а тем временем между двумя странами могли начаться нормальные торговые отношения. Трансиордания получала право свободного пользования услугами Хайфского порта, доступ к которому обеспечивался благодаря коридору, проходящему по самой густонаселенной территории Северного Израиля. И наконец, стороны намеревались гарантировать взаимный доступ к святым местам всего Иерусалима. В марте 1950 г. черновой вариант договора был парафирован уполномоченными представителями Израиля и Трансиордании.

Едва только эти новости достигли столиц арабского мира, над головой Абдаллаха разразилась гроза. Кабинет министров Трансиордании оказался в состоянии кризиса. Начались волнения в лагерях беженцев на Западном берегу. На Амман обрушился град обвинений и угроз. Сирия пригрозила закрыть свою границу с Трансиорданием. На состоявшемся несколько дней спустя совещании Арабской лиги в Каире Египет и Саудовская Аравия предложили исключить Трансиорданию из сообщества. Угроза не была исполнена только потому, что Трансиордания вынуждена была принять резолюцию Лиги, запрещающую сепаратные переговоры с Израилем. В част-

ном порядке Хашимитский король направил послание израильтянам: “Абдаллах, сын Хусейна, всегда держит свое слово”. Он надеялся, что предстоящие в Трансиордании выборы станут свидетельством поддержки его курса избирателями, и тогда он сможет смело игнорировать позицию Египта. Однако на выборах одержали победу кандидаты, занимавшие откровенно враждебную позицию по отношению к Израилю. Тогда Абдаллах решил осторожно, но настойчиво продвигать свою линию в отношениях с Израилем. 1 января 1950 г. он аннексировал всю арабскую Палестину, а 25 апреля дал своему владению новое название — Хашимитское Королевство Иордания. Арабская лига выступила с протестом, но никаких практических мер принято не было. Король решил, что в настоящий момент сделано достаточно и не следует заходить слишком далеко, публикуя договор с Израилем. В действительности же Абдаллах, по мнению своих врагов, уже зашел слишком далеко, и 20 июля 1951 г., при выходе из мечети Омара на Храмовой горе в Иерусалиме, он погиб от руки египетского наемного убийцы. Для израильтян ужесточение противостояния с арабским миром стало очевидным, когда зашли в тупик переговоры при посредстве Палестинской комиссии по примирению в Лозанне. Следует принять во внимание, что арабским странам не пришлось расплачиваться за участие в военных действиях — ни в материальном, ни территориальном плане. Никто, кроме палестинцев, не понес имущественных потерь и не утратил своих территорий. С точки зрения человеческих ресурсов, потери арабских стран были невелики — если принимать во внимание численность их населения. Все их расходы, связанные с войной, в целом составили порядка 300 млн долларов — сумма в данном контексте весьма незначительная. Послевоенный уровень цен в этих странах оставался достаточно стабильным, а численность голодающих феллахов если и увеличилась, то лишь в небольшой степени. Ни одной из этих стран не пришлось нести бремя содержания беженцев — по той очевидной причине, что они просто отказались принимать их на своей территории. Подписав перемирие на Родосе, ни одна из арабских стран — за исключением, пожалуй, Иордании и, в какие-то периоды, Ливана — не видела никакой пользы от заключения мира, тогда как потери могли стать значительными. Восстановление сообщения по суше между Египтом и другими арабскими странами не имело особой важности, потому что по территории Палестины не проходили сколько-нибудь значимые торговые пути. Мир не давал практически никаких территориальных выгод ни одной из стран, за исключением Иордании. Более того, будь мирный договор заключен формальным образом, Ливану пришлось бы лишиться своей монополии на транзит и на нефтепроводы. И наконец, мирный Израиль — с учетом его экономических и технологических преимуществ — мог стать весьма серьезным конкурентом на ближневосточных рынках.

Таким образом, высокая вероятность израильского экономического роста внушала арабскому миру серьезные опасения. “Арабам хорошо известно, — писала газета “Аль-Хайят” в мае 1954 г., — что рост численности населения на небольшой по площади территории Израиля, вне всякого сомнения, приведет к экспансии. И ясно, что осуществлять эту экспансию Израиль будет за счет своих соседей, приграничных арабских стран”. В политическом плане мир с Израилем был для арабских лидеров крайне нежелательным, а мог стать и смертельно опасным. Премьер-министр Египта Нукраши Паша был убит братьями-мусульманами только за то, что высказался за прекращение огня с израильянами — еще до того, как Египет подписал Родосское соглашение о перемирии. Вся сирийская правящая верхушка была свергнута в результате военного переворота, будучи обвиненной в том, что она проиграла войну и подписала соглашение о перемирии. Премьер-министр Ливана Риад аль-Сольх погиб от руки убийцы по той причине, что высказался в пользу политики сдержанности — хотя его страна принимала лишь незначительное участие в арабо-израильском противостоянии. От пули убийцы погиб и король Иордании Абдаллах, вступивший с Израилем в мирные переговоры. Когда межарабские отношения ухудшались до кризисного состояния, идеи панарабизма обычно поддерживались путем нагнетания антиизраильских настроений. Начиная с 1948 г. бойкот Израиля и иные способы выражения враждебности по отношению к этой стране являлись тем надежным средством, с помощью которого можно было сохранять внешнее единство противоборствующих государств и группировок арабского мира.

В плане чисто психологическом — и это, пожалуй, самое важное — арабы просто были не в состоянии признать свое поражение перед лицом “сионистского образования”, как они называли Израиль. Мусульманская традиция джихада, непрестанной борьбы против неверных, также сыграла здесь существенную роль. Однако наиболее важными факторами следует считать гордость и самоутверждение. Подписать мирный договор значило признать, что игра кончена. Аззам Паша высказался по этому поводу со всей прямоотой: “У нас есть секретное оружие, намного лучшее, чем ружья и пулеметы, — это время. До тех пор пока мы не заключили мир с сионистами, война еще не окончена, в ней нет ни победителей, ни побежденных”. Даже арабы, известные в прошлом своими умеренными взглядами, не в состоянии были снести израильской победы в 1948 г. Кей Антониус, вдова видного арабского историка Джорджа Антониуса, говорила с горечью: “До образования еврейского государства у меня было много знакомых евреев в Иерусалиме, и с некоторыми я поддерживала добрые отношения. Теперь же я готова влупить пощечину любому из моих арабских друзей, который осмелится иметь деловые отношения с евреями. Да, мы проиграли первый

раунд, но война еще не закончена”. Сионисты сравнивались со средневековыми крестоносцами и современными империалистами, тогда как история арабского мира рассматривалась как непрестанное сопротивление европейскому вторжению и господству (Глава XXI). Яд и желчь, изливаемые в 1950-х гг. арабской прессой и арабскими интеллектуалами на Израиль и сионизм, на евреев — “злокозненный и вероломный народ” и на иудаизм — “змеиное гнездо коварства”, не имели прецедентов прежде, до создания Израиля. Именно такая предубежденность и враждебность позволили одному из наиболее почитаемых египетских авторов, в прошлом выходцу из Палестины, Махмуду Дервишу возложить на евреев “исторически обусловленные” грехи злобы, предательства и себялюбия. “Разве не удивительно, — писал он, — что их свойства и в наши дни, хотя живут они в разных концах земли, остаются точно такими же, как это описано в Коране. Время ничего не меняет в их натуре, но лишь усугубляет все, им присущее. Их грехи переходят от отцов к сыновьям”.

Причины арабской воинственности

Вероятность заключения мирного договора в начале 1950-х гг., по мере усиления арабской воинственности, уменьшалась. Какое-то время методы, используемые арабскими странами, были в основном невоенными. Они ставили перед собой цель изолировать, запугать и в конечном итоге удущить Израиль путем политического давления, бойкота, блокады, враждебной пропаганды и создания напряженности в приграничных районах. При этом арабы исходили из того соображения, что соглашение о перемирии по своей юридической сути еще не отменяет состояния войны.

Прежде всего арабские соседи постарались изолировать Израиль. Были перекрыты все границы с Израилем, за исключением перехода у Рош-га-Никра, на границе с Ливаном, который был открыт для иностранных дипломатов, и Ворот Мандельбаума в Иерусалиме, проход через которые был разрешен только для неевреев, направляющихся в еврейский сектор города и обратно. Вся почтовая, телефонная и телеграфная связь между арабскими странами и Израилем была запрещена, равно как и сообщение по морю, воздуху, а также посредством автомобильного и железнодорожного транспорта. Более того, если у человека в паспорте стояла израильская виза, то ему запрещался въезд в любую арабскую страну; граждане нейтральных стран вынуждены были путешествовать с двумя паспортами. Арабские правительства прилагали все усилия к тому, чтобы не дать возможности другим странам установить дипломатические отношения с Израилем. Эта полити-

ческая кампания пользовалась особым успехом у новых государств Азиатского континента, большинство из которых поддерживало арабскую формулировку, объявлявшую Израиль империалистической марионеткой, а не страной, заявившей о своей независимости. Самые значительные из них — Индонезия, Пакистан, Иран, Индия — были мусульманскими или частично мусульманскими, и, помимо этого, крупные общины выходцев из этих стран имелись в арабских государствах. Хотя Турция, Иран и Индия установили консульские отношения с еврейским государством, они отвергли израильские предложения о развитии политических или экономических связей. Израиль, в свою очередь, со все большей серьезностью относился к дипломатической мстительности арабского мира. Израильское руководство надеялось, что социалистическая ориентация и технологические успехи страны будут способствовать установлению связей со странами Азии. Этим надеждам не суждено было сбыться. Организаторы Бандунгской конференции⁷ стран Азии и Африки, состоявшейся весной 1955 г., отказались пригласить Израиль в качестве участника. Этот унижительный жест в известном смысле увенчал арабские усилия по изоляции Израиля и недопущения его в формировавшийся тогда блок так называемых “нейтральных” стран.

Наиболее серьезные и болезненные последствия для Израиля имел, однако, экономический бойкот. В январе 1950 г. Арабская лига официально предложила план, имеющий далеко идущие последствия и направленный на то, чтобы удержать отдельные фирмы и целые страны от установления делового сотрудничества с Израилем. В следующем году центральный офис по координации бойкота был открыт в Дамаске, а его отделения — по всему арабскому миру. Арабские страны последовательно принялись проводить в жизнь политику бойкота и применения соответствующих санкций для его нарушителей. Наказанию подлежали фирмы европейских стран, США, других стран мира, не только имевшие отделения, предприятия или агентства в Израиле, но и продававшие Израилю патенты, авторские права или торговые марки, а также покупавшие акции израильских предприятий. Предпринимались активные меры, чтобы убедить нейтральные страны сделать политику бойкота составной частью своей общей дипломатической политики. Впрочем, такого рода попытки по большей части не имели успе-

7 Бандунгская конференция — конференция 29 стран Азии и Африки, состоявшаяся 18–24 апреля 1955 г. в Бандунге (Индонезия) по инициативе Бирмы, Индии, Индонезии, Пакистана и Цейлона (с 1989 г. — Шри-Ланка). В принятой “Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству” участники конференции заявили о поддержке “Десяти принципов Бандунга”: уважение основных прав человека, уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран и др. Бандунгская конференция способствовала зарождению Движения неприсоединения.

ха. Западные страны, не поддававшиеся арабскому нажиму, также не ощущали от этого особых последствий. Так, например, ФРГ начиная с 1953 г. выплачивала Израилю ежегодные репарации, но, несмотря на это, объем экспортных продаж Германии арабским странам постоянно увеличивался на протяжении всего этого времени.

И все же, в нарушение устоявшейся западной традиции вести свободную торговлю с дружественными странами, немало фирм, пусть и неохотно, согласились с арабскими требованиями относительно бойкота — чем нанесли Израилю немалые убытки. Основные американские и британские нефтеперерабатывающие компании, прекратив транспортировку нефти из Ирака в Хайфу в 1948 г., с тех пор ее не возобновили. На протяжении многих лет мощности нефтеперерабатывающего завода в Хайфе, совместного предприятия групп “Роял Датч Шелл” и “Ирак Петролеум К°”, были задействованы лишь на одну треть. Многие крупные авиакомпании и морские перевозчики прекратили обслуживать Израиль. По условиям бойкота суда не могли в рамках одного рейса заходить и в израильские, и в арабские порты. Так, второй по значимости (с учетом стоимостных характеристик и объема грузов) пакет рейсов компании “Америкэн Истерн лайнз” приходился на долю Хайфы, и в 1950-х гг. более 120 судов были включены в черный список по причине совершаемых ими рейсов в Израиль. Хотя арабские страны оказались не в состоянии заставить крупнейшие авиакомпании мира вовсе прекратить полеты в Израиль, они все-таки добились хотя бы того, что ни один самолет, совершающий рейс в Израиль, не мог пользоваться воздушным пространством этих стран. В результате пришлось отменить все рейсы по маршрутам из Европы в Азию через Израиль, и центральный израильский аэропорт из международного перекрестка туристических путей превратился в тупиковый полустанок.

Но самой, пожалуй, действенной оказалась египетская блокада международных водных путей. Когда подписывалось Родосское соглашение о перемирии, израильтянам и в голову не могла прийти мысль о блокаде, поскольку в подписываемом документе содержалось явно выраженное предупреждение о недопустимости “агрессивных действий” любой из сторон. Предполагалось само собой разумеющимся, что существовавшая в военное время блокада Суэцкого канала и залива Акаба должна немедленно прекратиться. Именно так и понимал ситуацию д-р Бунч, сказавший в своем выступлении перед Советом Безопасности 26 июля 1949 г.: “Должно быть обеспечено свободное передвижение разрешенных законом грузов, и недопустимо сохранение каких-либо запретов, связанных с блокадой водных путей, существовавшей в военное время, поскольку они несовместимы ни с буквой, ни с духом Соглашения о перемирии”. Кроме того, согласно Кон-

стантинопольской конвенции от 1888 г⁸., должен быть гарантирован свободный проход через Суэцкий канал всех судов под всеми флагами, как в мирное, так и в военное время. Тем не менее египетская сторона, несмотря ни на что, по-прежнему отрицала право Израиля на проход его судов через Суэцкий канал. Хотя первоначально Каир сделал некоторые послабления для судов под другими флагами, направляющихся в Израиль через Суэц, в феврале 1950 г. египетское правительство опубликовало список “стратегических” товаров, доставка которых в Израиль была запрещена. Этот список включал нефть и нефтепродукты, лекарственные препараты, химические продукты, суда и автомобили. Египет явно поставил задачу не допустить доставку в Израиль через Суэцкий канал наиболее важных грузов. В ноябре 1953 г. к этому списку добавились продовольственные и прочие потребительские товары.

Более того, еще в июле 1950 г. Египет усилил блокаду, опубликовав ряд правил, имевших целью помешать провозу грузов в Израиль через третьи страны. Капитаны судов обязывались подписывать в порту отправки декларацию, скрепленную подписью египетского консула, которая заверяла бы, что груз был действительно выгружен и предназначался исключительно для местных нужд. В дальнейшем египетские власти ввели новые, еще более жесткие ограничения. Израиль с возмущением опротестовал эти меры в Совете Безопасности ООН. Так, в августе 1951 г. Аба Эвен заявил, что если в рамках соглашения о перемирии Египет получил право закупать оружие, то Израиль несомненно вправе пользоваться Суэцким каналом и заливом Акаба — поскольку эти две выгоды являются “взаимными и дополняющими одна другую”. Совет Безопасности принял эту аргументацию к сведению и обязал Египет снять запреты на провоз международных грузов. Египет счел целесообразным на несколько месяцев ослабить блокаду. Однако в 1952 г. египетские власти вновь ввели этот запрет. Собственно говоря, запрет был расценен как свершившийся факт в июле 1954 г., когда Великобритания и Египет подписали соглашение об отводе британских сил из зоны Суэца. Израиль выступил с протестом, заявив, что в рамках этого соглашения игнорируется египетский незаконный запрет провоза израильских гру-

8 Константинопольская конвенция 1888 г. (конвенция 1888 г. о Суэцком канале) — международная конвенция об обеспечении свободного плавания по Суэцкому каналу. Заключена в Константинополе в октябре 1888 г. Австро-Венгрией, Великобританией, Германией, Испанией, Италией, Нидерландами, Россией, Турцией и Францией. Египет, на территории которого был построен канал, конвенцию не подписал, так как в момент ее заключения он находился в вассальной зависимости от Турции. Конвенция провозгласила, что “не будут допущены никакие действия... враждебные или имеющие целью нарушение свободного плавания по каналу”. Правительство Египта в ряде своих актов заявляло о своем согласии соблюдать конвенцию о Суэцком канале.

зов — на что не последовало практически никакой международной реакции. Вскоре израильское грузовое судно *Бат Галим* испытало на себе действие египетской блокады: судно было задержано, его груз конфискован. Совет Безопасности оказался не в состоянии принять меры из-за советского вето. С тех пор не находилось перевозчиков, желающих проверять на практике действенность блокадных мер против Израиля.

Египтяне затруднили проход Израиля и по второму из имевшихся у него морских путей в страны Африки и Азии, через Акабский залив и Красное море. Акабский залив, продолжительность береговой линии которого составляет 230 миль, фактически находится во владении четырех стран — Саудовской Аравии, Иордании, Египта и Израиля. Из-за наличия в южной части пролива двух принадлежащих Саудовской Аравии необитаемых островков, Тирана и Санафира, выход в Красное море суживается до трех миль — то есть на ширину Тиранского пролива. В конце 1949 г., с согласия Саудовской Аравии, Египет установил тяжелую артиллерию на этих островах, а также на южной оконечности Синайского полуострова, в Рас-Насрани. Таким образом, египтяне закрыли проход по Тиранскому проливу для всех судов, направляющихся в израильский порт Эйлат. Эти действия противоречили не только соглашению о перемирии, но и существующим международным нормам и прецедентам, определяющим статус заливов и бухт, находящихся во владении более чем одного прибрежного государства.

Вопрос Тиранского пролива имел для Израиля особое значение. Пусть даже грузооборот Эйлатского порта в 1950-х гг. был весьма ограниченным, тем не менее сама по себе идея одностороннего закрытия судоходства ставила под угрозу перспективы развития торговых связей Израиля со странами Востока и Восточной Африки. Обратившись же в Совет Безопасности в 1954 г., Израиль не мог ожидать ничего иного, кроме советского вето. Соответственно, не была принята и резолюция, осуждающая действия Египта. Таким образом, доступ Израиля ко всем потенциальным восточным рынкам оказался заблокированным, поскольку страна была лишена возможности пользоваться Суэцким каналом и Акабским заливом. Не существовало также и вероятности того, что удастся заставить Египет пересмотреть свою политику, используя нормальные дипломатические процедуры. Следует особо подчеркнуть, что такое сочетание методов арабского давления на Израиль — бойкота, блокады, дипломатической изоляции и создания напряженности в приграничных районах — все равно не смогло подорвать способности Израиля к выживанию и даже не замедлило темпов его экономического развития. Однако к середине 1950-х гг., начав принимать и абсорбировать первые волны репатриантов, Израиль осознал, что его потенциал, позволяющий сохранять как физическую, так и экономическую

жизнеспособность государства, является предельно, если не критически ограниченным.

Возможно, наиболее явный пример такой ограниченности относится к сфере, которая является жизненно важной для экономического будущего нации — речь идет о водных ресурсах и их освоении. В начале 1950-х гг. Джон Фостер Даллес⁹, Государственный секретарь США, утверждал, что существует возможность смягчения арабской враждебности по отношению к Израилю и облегчения непростого положения репатриантов благодаря экономическому проекту, осуществление которого потребует совместных усилий как арабов, так и евреев. План Даллеса предусматривал создание Управления по развитию Иорданской долины — для планомерного распределения и использования водных ресурсов реки Иордан с учетом интересов всех соседствующих прибрежных государств. Собственно говоря, эта идея уже высказывалась израильскими специалистами на протяжении ряда лет и неоднократно была поддержана экспертами БАПОР.

Река Иордан берет начало в Израиле при слиянии речек Снир (исток в Ливане) и Хермон, текущих с предгорий Хермона, и впадает в Мертвое море. Один из крупных притоков Иордана, Ярмук, протекает по территории Иордании, другой приток, Литани, течет по территории Ливана. Если бы удалось рационально использовать все ресурсы водной системы реки Иордан, то можно было бы оросить не менее миллиона с четвертью дуна-

9 Даллес Джон Фостер (1888–1954) — государственный деятель США, дипломат. Родился в семье, многие представители которой занимали крупные государственные посты — к примеру, его младший брат А. У. Даллес в 1953–1961 гг. возглавлял Центральное разведывательное управление США. После окончания университета стал работать в крупной юридической фирме “Салливан энд Кромуэлл”, где специализировался в области международного права. Во время Первой мировой войны был призван в армию и в чине майора состоял в совете по военной промышленности. В 1918 г. был назначен президентом США В. Вильсоном юридическим советником американской делегации на Парижской мирной конференции. По завершении конференции работал в комиссии по репарациям. После ухода с дипломатической службы возглавил “Салливан энд Кромуэлл”. В 1944–1948 гг. был ближайшим сотрудником Т. Дьюи, кандидата на пост президента США от Республиканской партии. Возглавлял делегацию США на Генеральных Ассамблеях ООН в 1946, 1947 и 1950 гг. В январе 1953 гг. новый президент Д. Эйзенхауэр назначил Даллеса Государственным секретарем США. Даллес являлся автором “Доктрины сдерживания Советского Союза”, он сыграл ключевую роль в укреплении блока НАТО, в создании блока АНЗЮС и Багдадского пакта для борьбы с советской внешней угрозой. Подходя ко всем событиям в мире с этой точки зрения, он считал, что Израиль должен предотвратить переход арабских стран в советский лагерь, пойдя для этого на большие уступки. Был решительным противником Синайской кампании, осуществлявшейся Израилем, Францией и Англией. Под жестким напором Даллеса и Д. Эйзенхауэра израильские вооруженные силы были к 8 марта 1957 г. выведены из Синая и сектора Газа. Даллес ушел в отставку, будучи тяжело больным, в 1959 г.

мов засушливых земель в Израиле, Иордании и Сирии, а также производить 170 млн киловатт-часов электроэнергии. И что важнее всего, по мнению Вашингтона, не менее 160 тыс. арабских беженцев смогли бы зарабатывать средства к существованию на этой возвращенной к жизни земле, еще 60–70 тыс. человек получили бы работу в процессе реализации проекта, и еще 140 тыс. были бы заняты в отраслях, обслуживающих нужды сельскохозяйственного населения. Затраты по проекту не превысили бы 100–110 млн долларов, и США были готовы взять на себя их значительную часть.

Осенью 1953 г. Даллес возложил задачу продвижения этого плана на Эрика Джонстона, динамичного и доброжелательного государственно-го служащего, имеющего богатый опыт ведения переговоров в деловых и политических кругах. Джонстона на удивление тепло приняли в арабских столицах, и особенно в Аммане, — возможно, причиной этому была обеспокоенность будущим палестинских беженцев и их тяжелое положение. Американский посланник искусно использовал эту обеспокоенность, дав понять, что Объединенные Нации (читай: Соединенные Штаты) не намерены до бесконечности финансировать лагеря беженцев и что если не будет предпринята масштабная мелиоративная программа, то Израиль рано или поздно приступит к реализации такого проекта самостоятельно. Оценив ситуацию, Иордания и другие арабские страны согласились обсудить этот план. В ходе переговоров Джонстон, разумеется, не высказывал вслух заветную надежду, что совместная работа может создать экономическую основу для дальнейшего, уже политического, арабо-израильского сотрудничества. Не следует полагать, что все переговоры с заинтересованными сторонами проходили легко и просто. Согласно исходному плану, на долю Израиля приходилось 35% всех водных ресурсов, а остальное должны были поделить между собой Сирия и Иордания. Израильтяне настаивали на 60% плюс право переброски воды из Иорданской долины в Негев; арабы, со своей стороны, полагали, что Израилю причитается лишь 20% при обязательном условии использовать всю квоту исключительно в пределах бассейна реки Иордан.

На протяжении следующих двух с половиной лет Джонстон приезжал на Ближний Восток пять раз. Со свойственной ему необыкновенной настойчивостью и находчивостью он преуспел в выработке формулировки, устраивавшей все стороны переговоров. Согласно предварительному тексту соглашения, готового к августу 1955 г., доля Израиля в проекте должна была составить 40%, причем арабы согласились на то, что израильтяне будут использовать свою квоту для орошения Негева, где должен был возникнуть центр еврейского промышленного и сельскохозяйственного развития. Такое взаимопонимание следует считать поразительным успехом Джонстона, особенно если учесть, что оно было достигнуто именно в то время, когда

постоянно росла напряженность между Израилем и арабскими странами в приграничных районах, а израильский рейд в Газу в начале 1955 г. негативно сказался на престиже египетского правительства (Глава XVII). Окрыленный успехом, американский посредник сказал, что у него нет “ни малейшего сомнения в том, что Израиль и его арабские соседи согласятся на реализацию плана как единственного логического и справедливого подхода к проблеме распределения водных ресурсов реки, которая, в известном смысле, принадлежит им всем”. Джонстон добавил: “Договаривающиеся стороны полагают, что остающиеся незначительные расхождения с легкостью можно будет решить путем переговоров. Я же просто уверен в этом”.

Оптимизм Джонстона оказался преждевременным. На совещании Арабской лиги в октябре план обсудили — и приняли решение “отложить” его, чтобы таким образом избежать дипломатического скандала, связанного с полным и безусловным его неприятием. По прошествии нескольких месяцев арабы принялись возлагать на Израиль вину за провал переговоров, утверждая, что израильтяне якобы отказались от того, чтобы проект реализовывался при руководящей роли ООН. Они также заявляли, что после израильского рейда в Газу арабские страны не могут верить в готовность Израиля соблюдать договоренности по водному проекту. В действительности все объяснялось гораздо проще. Сотрудничество с Израилем, пусть даже по вопросам чисто технического характера, в неявной форме подразумевало признание арабами еврейского государства. И более того — проект развития Иорданской долины мог способствовать совершенно нежелательному, с точки зрения арабов, развитию Израиля. Учитывая всю степень подозрительности и ненависти арабов, а также постоянно происходившие, параллельно с переговорами, вторжения и налеты, удивительно было как раз то, что усилия Джонстона вообще имели какой-либо успех.

Израиль смотрит на Запад

В сложившихся обстоятельствах успех Израиля по обеспечению безопасности и защиты от враждебных действий своих соседей в значительной степени зависел от поиска новых союзников. Однако прийти к этому выводу было непросто. Сначала, осенью 1948 г., израильское правительство объявило о выборе политического курса, в основе которого лежит принцип особых интересов Израиля. “У нас есть друзья и на Востоке, и на Западе, — говорил Бен-Гурион, выступая перед Временным государственным советом. — Мы не могли бы вести свою борьбу без той существенно важной помощи, которую нам оказывали страны и Востока, и Запада. Нельзя, однако,

сказать, что интересы еврейского государства полностью совпадают с интересами какого-либо государства или блока государств..” Эта концепция была формально провозглашена в Основных принципах правительственной программы, объявленных 8 марта 1949 г., а Моше Шарет неоднократно использовал выражение “принцип особых интересов Израиля” в своих публичных выступлениях и официальных заявлениях. Заняв такую позицию, правительство Израиля исходило в первую очередь из двух соображений: необходимо иметь возможность закупки оружия в разных странах и при этом учитывать интересы еврейского населения как на Западе, так и в рамках восточноевропейского коммунистического блока. В качестве еще одного фактора следует назвать внутренний нажим, оказываемый израильскими политическими партиями. В частности, на выборах 1949 г. *Мапам* стала второй по числу полученных голосов, а эта партия левого толка традиционно выступала за дружественные отношения с СССР. Кроме того, в Израиле не забывали о той поддержке, которую оказывал ему Советский Союз на протяжении двух предыдущих лет.

При всем при этом, однако, именно страны Запада предприняли первые решающие действия по восстановлению стабильности на Ближнем Востоке, имея целью блокировать советское проникновение в регион. В мае 1950 г., когда стало ясно, что Лозаннская конференция потерпела полную неудачу, США, Великобритания и Франция выступили с Трехсторонней декларацией, которая гласила: “Если три правительства, подписавшие настоящий документ, обнаружат, что одна из сторон (Израиль или его арабские соседи) вынашивает планы нарушения границ, определенных в рамках перемирия, они предпримут действия, либо в рамках ООН, либо вне этих рамок, с тем, чтобы предотвратить такое нарушение”. Продажу оружия ближневосточным странам предполагалось ограничить таким образом, чтобы это оружие служило исключительно легитимным целям самообороны и чтобы “дать этим странам возможность выполнять свою функцию в деле защиты региона в целом”. Хотя эта Декларация в первую очередь выражала интересы стран Запада, она была с пониманием встречена большинством израильтян.

И в самом деле, возможность строить планы на будущее, основываясь на этой Декларации, была рассмотрена Израилем и Великобританией в начале 1951 г., когда генерал сэр Брайан Робертсон, командующий британскими ближневосточными силами, посетил с официальным визитом Тель-Авив. Робертсон не делал секрета из намерений Великобритании установить взаимовыгодные оборонные отношения со своей бывшей подмандатной территорией. В его планы входило использование британскими ВВС и ВМС израильских аэродромов и гаваней, а также строительство арсеналов, складских помещений и мастерских для обслуживания и ремонта военной тех-

ники. Переговоры проходили в дружественной атмосфере. Вскоре после этого визита Герберт Моррисон, сменивший Эрнеста Бевина на посту министра иностранных дел, направил Бен-Гуриону послание, в котором выражалось намерение британской стороны добиться взаимопонимания между двумя правительствами. Ответ израильского премьер-министра был выдержан в таком же ключе: “Я полагаю, что мы не можем говорить о вхождении Израиля в Содружество, но нам хотелось бы установить между нашими странами отношения, подобные тем, что существуют между Великобританией и Новой Зеландией”. Послы обоих государств приступили к выработке деталей соглашения, и какое-то время казалось, что Израиль и в самом деле станет союзником Великобритании, и это послужит гарантией безопасности еврейского государства, а также будет способствовать его экономическому развитию.

Эти иллюзии, однако, оказались недолговечными. Прошедшие в Великобритании осенью 1951 г. выборы вновь привели к власти правительство консерваторов. Энтони Иден, традиционный покровитель арабов, занял свой привычный пост министра иностранных дел и снова продемонстрировал традиционно настроенное отношение к сионистам. Переговоры о военном сотрудничестве с Израилем были прерваны. Более того, началась реализация других планов, связанных с развитием ближневосточной оборонной системы, где главная роль отводилась Египту. Израиль, соответственно, оказался в стороне и вынужден был ожидать реакции других арабских стран. Бен-Гурион и его коллеги встретили такое развитие событий с большой долей беспокойства. Присоединение других арабских государств к этому оборонному пакту означало, что враги Израиля получают новый доступ к западным вооружениям, и это может быть использовано против еврейского государства. Собственно говоря, одна из самых критических проблем, стоявших перед Израилем в 1950-х гг., заключалась в обеспечении своих собственных каналов для пополнения арсенала. Запас устаревших видов вооружения, накопленный Израилем во время войны 1948 г., вряд ли был уместен в век электроники и реактивной авиации — тогда как страны-производители строго контролировали распространение новинок. Максимум, на что была согласна Великобритания, — это продать Израилю устаревшие реактивные самолеты “Метеор”, да и то в ограниченном количестве. Франция, оказывавшая ранее Израилю помощь в этой сфере, теперь относилась к нему с подозрением, как к стране стерлингового блока, да к тому же тесные связи с Израилем могли негативно сказаться на том влиянии, которым еще пользовалась Франция в Леванте. Таким образом, похоже было, что в обозримом будущем у Израиля практически не существовало надежд приобрести достаточное количество современных вооружений в Западной Европе.

Из всех стран демократического мира, таким образом, лишь Соединенные Штаты оставались наиболее вероятным потенциальным союзником Израиля. К 1950 г., однако, отношение Вашингтона к еврейскому государству диктовалось не столько эмоциональными и политическими соображениями 1947–1948 гг., сколько явно выраженной стратегической необходимостью противостоять советскому империализму на Ближнем Востоке. Одним из способов достижения этой цели стало подписание Трехсторонней декларации, гарантировавшей неизменность арабо-израильских границ. Более того, согласившись на условия Декларации Великих держав, Израиль ощутил, как она в определенной степени накладывает ограничения на его “принцип особых интересов”. В 1950 г. экономическое положение Израиля было близко к критическому. Правительство США и особенно американское еврейство оказались единственными возможными источниками экономической помощи, столь необходимой Израилю. В этом году Израиль получил от США заем на сумму 100 млн долларов, после чего израильский кабинет министров стал прилагать все возможные усилия к тому, чтобы добиться всесторонней дружественной помощи от США. Так, в 1951 г. израильское правительство получило разрешение проводить кампанию по распространению в США израильских государственных облигаций. На очереди были и другие источники американского капитала, как государственные, так и частные (еврейские). К тому времени даже наиболее убежденные израильские социалисты в полной мере осознали, по какую сторону океана живут их настоящие друзья.

За дружбу с Вашингтоном полагалось платить. Когда в июне 1950 г. началась война в Корее¹⁰, Соединенные Штаты потребовали от всех своих союзников занять однозначную позицию по этому вопросу. После нескольких дней внутренних колебаний и рефлексии правительство Бен-Гуриона приняло решение проголосовать за резолюцию Совета Безопасности ООН, осуждающую северокорейскую агрессию. С тех пор Шарет и Эвен оставили свой “принцип особых интересов Израиля” и выступали уже исключительно в поддержку интересов “свободного мира”. Такой подход теперь означал осознанное содействие политическому курсу США, что давало гарантию союзнических отношений. Стремление к такому союзу стало чуть

10 Война в Корее — война в 1950–1953 гг. между Корейской Народно-Демократической республикой (КНДР) и Южной Кореей. Война началась с внезапной атаки войсками КНДР войск Южной Кореи. 27 июня 1950 г. Совет Безопасности ООН принял решение о срочном оказании помощи Южной Корее. В войне на стороне Южной Кореи участвовала мощная группировка войск США, а также многонациональные силы ООН (45 тыс. человек из 15 государств). На стороне КНДР действовали войска Китайской Народной Республики (около 40 дивизий) и советский 64-й особый истребительно-авиационный корпус (26 тыс. человек и 240 самолетов). 27 июля 1953 г. было подписано соглашение о прекращении огня. Стороны остались в пределах старых границ.

ли не навязчивой идеей израильского Министерства иностранных дел в период 1951–1955 гг., и рвение, с которым Израиль добивался реализации этой идеи, находилось в прямой зависимости от той степени враждебности, которую проявлял по отношению к еврейскому государству Советский Союз (Глава XVI. В поисках дружбы с СССР).

И тем не менее, польза от проамериканской ориентации, будучи весьма значительной с экономической точки зрения, все-таки не давала Израилю формальной гарантии безопасности. Джон Фостер Даллес намеревался охватить Советский Союз поясом ближневосточных авиационных баз и добился к 1953 г. от Турции, Ирана, Пакистана и Ирака согласия на сотрудничество в этом вопросе. Действуя совместно с Энтони Иденом, он стремился к созданию нового ближневосточного союза, ориентированного в первую очередь на эти исламские страны “северного яруса”. Усилия американского и английского министров увенчались успехом два года спустя, когда был подписан Багдадский пакт¹¹. Однако, поскольку этот многосторонний союз включал не только Великобританию (и, разумеется, хотя и в неявной форме, США), но также и Ирак, наряду с четырьмя другими мусульманскими странами, нельзя было не ожидать осложнений, связанных с арабо-израильской проблемой. Израильцы были очень обеспокоены тем обстоятельством, что членство Ирака в этом пакте означает расширение западной военной помощи враждебному государству. Американцы, в свою очередь, всячески уверяли Израиль, что в рамках союза с западными странами арабские государства представляют меньшую угрозу, нежели будучи предоставленными сами себе. Однако израильтяне такие рассуждения не утешали; они настойчиво стремились войти в какой-либо союз — либо в НАТО, либо заключить двустороннее соглашение с США. Надеяться на это было бесполезно. Администрация Эйзенхауэра вовсе не намеревалась заключать союз, который мог бы осложнить отношения с арабскими государствами. Более того, президент США отказался продать Израилю самолеты и танки. Прилагая все усилия по вовлечению арабских государств в коллективный ближневосточный оборонительный союз, Вашингтон при этом сохранял особые отношения с Саудовской Аравией и Ливией. Эти две страны предоставляли США территорию для строительства военно-воздушных баз и нефтяные концессии, и Эйзенхауэр с Дал-

11 Багдадский пакт — соглашение, заключенное по инициативе Д. Ф. Даллеса в рамках реализации доктрины сдерживания Советского Союза 24 февраля 1955 г. Соглашение подписали Ирак, Иран, Пакистан, Турция. В соглашении утверждалось, что “оно открыто для любого члена Лиги арабских государств и для любого государства, заинтересованного в мире и безопасности в этом районе мира”. В апреле 1955 г. к пакту присоединилась Великобритания. В 1959 г. Ирак вышел из пакта, который трансформировался в СЕНТО.

лесом не собирались рисковать такими связями. Таким образом, Израилю пока оставалось довольствоваться только американской финансовой помощью.

В поисках дружбы с СССР

В августе 1948 г. в Тель-Авиве открылось советское посольство, а в сентябре этого же года в Москву прибыла Голда Меир (Меерсон), первый посол Государства Израиль в СССР. В официальных советских кругах ее встретили довольно сердечно; прием же, которого она удостоилась у московских евреев, нельзя назвать иначе как восторженным. Всякий раз, когда она приходила в московскую синагогу или Еврейский театр, ее с энтузиазмом приветствовали тысячи евреев. Такие проявления душевного подъема оказались не по нраву советским властям. Их неприятно удивило, что советские евреи, имеющие счастье жить в великой коммунистической стране, где «не существует еврейского вопроса», проявляют такой интерес и демонстрируют такую симпатию к Израилю. В числе мер, вскоре принятых советскими властями, было закрытие выходившей на идише газеты «Эйникайт», а затем роспуск Еврейского антифашистского комитета и арест его членов¹². В Кремле, однако, существовало мнение, что дружественные отношения с Израилем следует поддерживать — пусть даже и параллельно с репрессивной политикой по отношению к собственному еврейскому населению. В ООН Советский Союз продолжал высказываться в поддержку прямых арабо-израильских переговоров.

Однако в начале 1949 г. советское руководство стало проявлять все возрастающее недовольство американско-израильскими отношениями. В этой связи Голда Меир, накануне своего возвращения домой в апреле 1949 г., соч-

12 Руководители Советского Союза, недовольные тем, что Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) пытается помочь евреям, пережившим Катастрофу и stalkивающимся на Украине и в Белоруссии с чудовищным антисемитизмом, в начале 1948 г. готовились закрыть ЕАК. 13 января 1948 г. по личному распоряжению И. Сталина в Минске был убит С. Михоэлс, руководитель ЕАК. Решение о роспуске было отложено из-за планов Сталина использовать арабо-израильский конфликт в советских интересах. Но когда он убедился, что еврейское государство не собирается присоединяться к социалистическому лагерю, а советские евреи стремятся репатриироваться, он принял решение распустить ЕАК и осуществить широкую волну репрессий среди советско-еврейской интеллигенции. Руководители и члены ЕАК, после почти четырехлетнего следствия, 18 июля 1952 г. были приговорены Военной коллегией по сфабрикованному обвинению к высшей мере наказания — расстрелу, за исключением Лины Штерн, приговоренной к 3,5 годам тюрьмы с последующей пятилетней ссылкой.

ла необходимым встретиться с заместителем министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинским и заверить его, что правительство Израиля не намерено ни вступать в союзы, имеющие антисоветскую направленность, ни предоставлять западным государствам свою территорию для военных баз. Но на Вышинского эти заверения не произвели никакого впечатления, и в советских дипломатических кругах продолжилось обсуждение связей Израиля с Западом. Примерно в то же время (конец 1949 — начало 1950 г.) намечилось резкое ухудшение положения евреев в странах Восточной Европы. В Москве был закрыт Еврейский театр. Сократилась, а затем и вовсе прекратилась еврейская эмиграция из Польши и Румынии. Между тем советское правительство выступало с регулярными заявлениями относительно того, что отношения СССР с еврейским государством напрямую зависят от того, насколько Израиль “воздерживается от действий в англо-американских интересах”. Принимая во внимание такого рода заявления, правительство Бен-Гуриона сочло целесообразным вернуться к политике, основанной на принципе “особых интересов” Израиля. Израильская делегация не высказалась даже в ходе голосования (22 октября 1949 г.) по вопросу о нарушениях прав человека и основных свобод в Болгарии, Венгрии и Румынии.

Все это время экономическая зависимость Израиля от США постоянно увеличивалась, причем каждый месяц страна буквально балансировала на грани банкротства. Вместе с тем Трехсторонняя декларация (США—Великобритания—Франция, май 1950 г.) со всей очевидностью обеспечивала Израилю такую гарантию неприкосновенности его границ, которой он не мог ожидать ни от одной из мировых держав, включая СССР. Затем, в июне, началась Корейская война, и Израиль был вынужден, уступив американскому давлению, осудить в ООН северокорейскую агрессию. Хотя это осуждение сопровождалось неоднократными заверениями Моше Шарета, что его страна никогда не примет никакого участия в действиях НАТО в Средиземноморье — даже если мировой кризис и распространится на этот регион, — Государство Израиль оказалось безнадежно скомпрометированным в глазах Советского Союза. В период с 20 октября по 17 ноября 1950 г. Совет Безопасности ООН шесть раз рассматривал жалобы на нарушение соглашений о перемирии между Израилем и его соседями. И впервые за все время существования Израиля Советский Союз каждый раз воздерживался при голосовании. Очевидно, что налицо была смена курса, принятие политики пассивного нейтралитета. В октябре 1951 г., вскоре после того, как Турция стала членом НАТО, три Великие державы сообщили о своем намерении создать Союзное ближневосточное командование и заявили, что “к участию приглашаются все страны, которые могут и желают внести свой вклад в дело защиты интересов региона”. Напомним, что Израиль не получил приглашения к участию — но при этом в Москве даже не возникло со-

мнений, что еврейское государство, принимая во внимание тесные отношения между Израилем и США, рано или поздно вступит в такой союз.

На протяжении всего 1952 г. СССР продолжал воздерживаться при голосовании в ООН по вопросу арабо-израильских отношений. Это отчужденное молчание становилось все более зловещим. Наконец буря разразилась — хотя и не там, где этого ожидали. Мир был потрясен и возмущен начавшимся в ноябре 1952 г. в Праге показательным процессом по обвинению в “государственной измене”: из четырнадцати подсудимых одиннадцать были евреями. Процесс был не только антиеврейским, но и антиизраильским, и обвинение во многом основывалось на той роли, которую сыграли “израильские шпионы” в организации так называемого заговора Рудольфа Сланского, генерального секретаря Компартии Чехословакии, и его группы (Глава XIV. Кризис израильской демократии). Материалы обвинения и ход процесса детально освещались в газетах “Правда” и “Известия”, и при этом нигде не упоминались негодующие опровержения израильских официальных кругов. По сути дела, процесс Сланского стал прелюдией к разразившейся затем в странах социалистического лагеря буре антисемитских выступлений, которая по размаху не имела себе равных со времен Гитлера. В январе 1953 г. Москва поразила даже своих врагов и поставила в тупик своих друзей на Западе, сообщив о “раскрытии заговора врачей”, ставивших своей целью “путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза”. И вновь в списке арестованных по делу врачей преобладали еврейские фамилии; их обвиняли в связях с западными спецслужбами и “международной еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”, созданной американской разведкой”. Не обращая внимания на резкие израильские протесты, советские средства массовой информации развернули атаку на Израиль как на “главного подстрекателя антисоветских настроений во всем мире”. 5 февраля персоной нон-грата был объявлен израильский посол в Праге, через два дня — израильский посланник в Варшаве. А 9 февраля во дворе советской миссии в Рамат-Гане (Израиль) раздался взрыв. Причиненный ущерб был незначительным, и израильское правительство немедленно выступило с осуждением инцидента, но через четыре дня СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем.

Можно назвать целый ряд причин, объясняющих столь яростную антиеврейскую и антиизраильскую политику. Одна из них — страх инакомыслия, преследовавший Сталина со времени его разрыва с югославским лидером маршалом Тито в 1948 г. Будучи малочисленной группой, которая, однако, имела широкие связи за рубежом, и особенно на Западе, евреи, подобно сторонникам Тито, представляли для советского правителя угрозу “уклонизма”. Израиль считался также “заповедником” старомодного, идеалистического троцкистского социализма, бывшего для Сталина еще

с 1920-х гг. источником страха и ненависти. Еще одна причина — это, возможно, стремление использовать разжигаемый антисемитизм, чтобы отвлечь всеобщее внимание от проблем во внутренней экономической жизни. Антисемитские настроения Сталина, несомненно, в значительной степени усилились и благодаря паранойе, которой он, как известно, страдал в последние годы жизни. Несомненно также, что Сталин в 1950–1953 гг. все больше и больше опасался участия Израиля в военных действиях, которые могли предпринять страны Запада на ближневосточном направлении.

Нападки на Израиль, как и в целом на Запад, в известной степени прекратились после смерти Сталина в марте 1953 г., а в годы последовавшей “оттепели” Москва возобновила дипломатические отношения с Израилем. Однако эта мирная передышка продлилась недолго. Израиль снова заверил Советский Союз, что никогда не войдет ни в какой из блоков, агрессивно настроенных по отношению к социалистическому лагерю. Тем не менее, в попытках обрести защиту от растущей агрессивности арабских стран, Израиль снова обратился с просьбой о приеме в НАТО и, получив отказ, выступил с инициативой заключения двустороннего оборонительного соглашения с США — что вызвало очень резкую реакцию Москвы. После этого СССР взял решительный курс на сближение с арабскими странами. В период с марта по декабрь 1954 г. Совет Безопасности ООН восемь раз рассматривал вопросы, связанные с арабо-израильским конфликтом, и всякий раз советский представитель обрушивался с нападками на Израиль. В 1955 г. проарабская ориентация советской политики стала еще более заметной — после того, как события 1954–1955 гг. предоставили Советскому Союзу дополнительные аргументы. С одной стороны, Вашингтон и Лондон прилагали максимум усилий для формирования на Ближнем Востоке союза, имеющего антисоветскую направленность, что увенчалось созданием Багдадского пакта. С другой стороны, режимы левой ориентации упрочили свои позиции в Египте и Сирии, основывая провозглашаемые ими доктрины на ультрарадикальных антиколониалистских лозунгах. Москва, не мешкая, ухватилась за такую возможность и использовала “борцов за свободу” в своих интересах (Глава XVIII).

Следствием укрепления дружбы Советского Союза с “прогрессивными” арабскими режимами стало дальнейшее ухудшение отношений СССР с Израилем. В советской прессе не прекращались злобные нападки на еврейское государство, именуемое не иначе как “агентом западного империализма”, и регулярно осуждались израильские рейды на территории арабских стран. В августе 1955 г. три сотрудника израильского посольства в Москве были объявлены персонами нон-грата. Израиль ощутил себя между двух огней — с одной стороны, создание по инициативе и при участии Запада ряда ближневосточных альянсов могло означать, что в руки его арабских врагов попадут новейшие виды вооружений; с другой стороны, все

более явственным становилось враждебное отношение советского блока. Израильяне осознали, что в подобной стратегической изоляции, опасной и угрожающей, еврейское государство еще не находилось за всю короткую историю своего существования.

Кризис совести: договоренность с Германией

В первые годы существования еврейского государства дипломатические проблемы Израиля были самым тесным образом связаны с крайне тяжелым состоянием его экономики. К концу 1950-х гг. кризисное положение, вызванное наплывом репатриантов, стало столь острым, что Министерство финансов вынуждено было израсходовать практически все резервы иностранной валюты. Именно тогда вопрос о ведении переговоров с Западной Германией относительно выплаты компенсаций неожиданно обрел особую остроту. Сам по себе вопрос о немецких финансовых выплатах, по сути дела, был поднят по меньшей мере десять лет тому назад, в 1941 г., д-ром Нахумом Гольдманом, председателем исполкома Всемирного еврейского конгресса. В дальнейшем об этом также говорили многие еврейские беженцы из Германии, и в том числе Зигфрид Мозес, будущий Государственный контролер Израиля. В декабре 1944 г. д-р Мозес организовал “Совет защиты прав и интересов немецких евреев” — структуру, как оказалось впоследствии, пользующуюся большим влиянием. Еще за восемь лет до Люксембургского соглашения (Глава XVI. Люксембургское соглашение и *Шилумим*) члены этого совета определили основные компоненты будущих немецких репараций: индивидуальные иски, претензии еврейских организаций и коллективные претензии еврейского народа — с тем, чтобы средства из последней категории могли использоваться для создания еврейского национального очага в Палестине. Эти принципы были доработаны и уточнены уже в послевоенный период д-ром Яковом Робинсоном, юридическим советником Всемирного еврейского конгресса, а также Хаимом Вейцманом в его письме от 20 сентября 1945 г., адресованном державам-победителям.

Сама по себе идея репараций вряд ли была новой для лидеров стран-союзников. На конференциях в Ялте и Потсдаме они уже приняли решение наложить на побежденную Германию репарации в размере 20 млрд долларов. Однако на Парижской конференции по вопросам репараций в конце 1945 г. было принято решение о непризнании всех еврейских претензий, кроме иска на сумму, не превышающую 25 млн долларов в немецких активах. Эти активы хранились в банках нейтральных стран и принадлежали тем еврейским жертвам нацистов, которые умерли, не оставив наследников. Далее, в конце

1940-х гг. ФРГ согласилась на выплату некоторой ограниченной компенсации. Еврейские организации, занимавшиеся вопросами возмещения ущерба, получили разрешение выступить с претензиями от имени переживших Катастрофу и их наследников. К сожалению, в рамках этой процедуры надо было подавать индивидуальные прошения, каждое из которых затем подлежало рассмотрению и одобрению властями одной из земель ФРГ. К 1953 г. было подано 110 тыс. прошений, и всего лишь 83 млн долларов было выплачено за “потерю свободы, частей тела или возможности трудиться по своей профессии”.

Между тем в 1949–1950 гг. д-р Ноах Бароу, вице-президент английского отделения Всемирного еврейского конгресса, без особой шумихи обсуждал с немецкими официальными лицами альтернативные пути получения полноценной компенсации. Бароу не менее сорока раз посетил Бонн, и в марте 1950 г. наконец получил заверение Министерства иностранных дел ФРГ относительно того, что принцип коллективного возмещения является юридически обоснованным и может послужить основой для дальнейших переговоров. В январе 1951 г. власти Израиля сделали первый шаг в этом направлении. Израильское правительство направило памятные записки четырем оккупационным державам, объявив о еврейских претензиях к новой Германии на сумму 1,5 млрд долларов, каковая сумма была исчислена с учетом расходов Израиля на абсорбцию примерно полумиллиона еврейских жертв нацизма, из расчета 3 тыс. долларов на человека. Советский Союз даже не откликнулся на этот меморандум (500 млн долларов составляли претензии к Восточной Германии). Западные союзные державы признали моральное право Израиля на претензии, но при этом заметили, что не располагают механизмом для взыскания названной суммы с Западной Германии, и предложили Израилю вступить непосредственно в переговоры с Бонном. Сложилась ситуация, при которой правительство Бен-Гуриона уже более не могло уходить от прямых контактов с ФРГ.

Руководители Израиля оказались в весьма затруднительном положении. Ни одна из тем, подлежавших обсуждению на дипломатическом уровне, — ни статус Иерусалима, ни арабские беженцы, ни определение позиции страны в условиях холодной войны, — не вызывала таких затруднений. Внутри Израиля разгорелись страсти, и особую активность проявляли противники переговоров — собственно говоря, противники каких бы то ни было контактов с Германией. Йосеф Шпринцак¹³, спикер *кнесета*, заявил, что “честь

13 Шпринцак Йосеф (1885–1959) — один из лидеров рабочего движения, государственный деятель Израиля. С юности стал принимать участие в сионистском движении. В 1905 г. был одним из создателей движения *Цеирей Цион*. В 1908 г. уехал из России в Стамбул, где участвовал в переговорах представителей сионистского движения с лидерами младотурок. Переехал в Бейрут и поступил на медицинский факультет университета, но не завершил образования, так как был избран секретарем *Га-Поэль га-цаир* и поселился в Эрец-Исраэль. В годы Первой мировой войны оставался в Эрец-Исраэль,

еврейского народа делает недопустимым принятие любых возмещений от Германии, даже если бы они были предложены на добровольной основе и без нашей инициативы". Другие возражения — в частности, выдвинутые партией правой ориентации *Херут*, были значительно более резкими (Глава XIV. Кризис израильской демократии, ч. IV). Бен-Гурион, однако, продолжил энергично проводить в жизнь репарационные планы. В июле 1951 г. при Министерстве иностранных дел было создано Управление по материальным претензиям еврейского народа к Германии во главе с д-ром Феликсом Шинаром (который сам был беженцем из Германии). Тем временем Бароу проинформировал официальных представителей ФРГ, что Бен-Гурион согласен запросить у *кнесета* полномочия для переговоров с Бонном, но лишь после того, как федеральный канцлер Конрад Аденауэр¹⁴ выступит перед бундестагом и официально признает ответственность немецкой нации за Катастрофу европейского еврейства.

Аденауэр согласился на эти условия. Не только как политический деятель, но как человек и гражданин, престарелый канцлер считал искупление вины перед еврейским народом одной из высших целей страны. По его указанию юристы немецкого Министерства иностранных дел подготовили в июле 1951 г. первый вариант необходимого документа. Потребова-

будучи одним из руководителей *ишува*, защищал его интересы перед турецкой администрацией. В 1921 г. был избран в правление Всемирной сионистской организации, в 1920-х гг. был одним из лидеров *Гистадрута*. В 1940 г. был председателем исполнительного комитета Всемирной сионистской организации и генеральным секретарем *Гистадрута*. Председатель *кнесета* первого — третьего созывов. Сыграл выдающуюся роль в формировании демократических норм в стране и парламенте.

- 14 Аденауэр Конрад (1876–1967) — германский государственный и политический деятель. В 1901 г., по окончании университета, стал адвокатом. В 1906 г. вступил в Партию центра. После окончания Первой мировой войны был сторонником широкой автономии Рейнской области. В 1917–1932 гг. — обер-бургомистр Кельна, в 1920–1933 гг. — председатель прусского Государственного совета. Был одним из руководителей католической Партии центра. Из-за категорического неприятия нацизма после прихода к власти Гитлера был уволен со всех занимаемых постов и дважды, в 1934 и в 1944 гг., арестовывался гестапо. Был одним из создателей Христианско-демократического союза (ХДС). В 1946 г. возглавил ХДС в английской зоне оккупации Германии, в октябре 1950 г. — во всей Западной Германии. В 1948–1949 гг. — президент Парламентского совета. После создания ФРГ в 1949 г. — федеральный канцлер, в 1951–1955 гг. — министр иностранных дел. Сыграл выдающуюся роль в демократизации Германии, резко улучшил ее отношения с европейскими странами, в первую очередь с Францией. Был одним из инициаторов создания Европейского экономического сообщества (Общий рынок) в 1957 г. Аденауэр считал, что для создания демократической Германии, для моральной и политической реабилитации страны в глазах мировой общественности необходимо установление дружественных отношений с Израилем и воссоздание в Германии еврейской общины. 15 октября 1963 г. под сильным давлением партий, входящих в руководимую им правительственную коалицию, подал в отставку.

лось, однако, еще почти три месяца переговоров в Израиле, Лондоне, Нью-Йорке и Бонне, прежде чем был выработан текст, отвечавший требованиям Израиля. Наконец, 27 сентября 1951 г. Аденауэр выступил с этим долгожданным обращением к бундестагу. Он подчеркнул, что Бонн готов сделать все возможное, чтобы искупить содеянное Гитлером, ибо нацистские преступления совершались от имени всех немцев, хотя и не каждый немец принимал в этом участие. Он также особо указал, что его правительство чувствует себя обязанным осуществить воздаяние в форме материальной компенсации в пользу Израиля и всех евреев. Канцлер также поклялся беспощадно преследовать всех тех, кто занимается распространением антисемитских настроений и ненависти к евреям. Выступление Аденауэра было практически единодушно одобрено членами Бундестага, которые встретили слова канцлера стоя — в знак солидарности со сказанным. Это заседание бундестага фактически послужило официальным приглашением израильскому правительству вступить в прямые переговоры.

Следующий шаг с еврейской стороны предпринял Нахум Гольдман как президент Всемирного еврейского конгресса и председатель Еврейского агентства. Родившийся и получивший образование в Германии, Гольдман обладал выдающимися способностями как дипломата, так и лингвиста. И он использовал всю свою личную энергию и навыки ведения переговоров для того, чтобы найти подход к еврейскому народу. Гольдман сумел объединить 22 еврейские организации западных стран в единую Конференцию по материальным претензиям евреев к Германии, после чего добился, что Конференции было поручено вступить в контакты с Бонном. Израильское правительство обратилось к Гольдману с просьбой провести первоначальные переговоры с Аденауэром, чтобы заложить основы израильско-немецких соглашений. В декабре 1951 г., в обстановке полной секретности, состоялась первая встреча Гольдмана с Аденауэром. Встреча происходила в Лондоне, где федеральный канцлер находился с официальным визитом. Их беседа была долгой и сердечной. Представив израильские претензии на сумму 1,5 млрд долларов, Гольдман попросил канцлера подтвердить названную сумму в письменном виде, чтобы использовать этот документ как основу в ходе предстоящих переговоров с Израилем и представителями мирового еврейства. Аденауэр согласился. Гольдман подготовил соответствующий текст, и в тот же день получил этот документ с подписью канцлера.

Бен-Гурион решил более не откладывать решение вопроса о переговорах, и 7 января 1952 г. вынес его на рассмотрение *кнесета*. Напомним, что последовавшая полемика, как в *кнесете*, так и за его стенами, привела к возникновению кризисной ситуации, не имевшей, пожалуй, аналогов во всей истории израильской демократии (Глава XIV). Запросив у *кнесета* разре-

шение вступить в официальные контакты с Бонном, Бен-Гурион напомнил собранию, что, если Израиль не начнет переговоры, это будет означать для страны утрату более миллиарда долларов еврейской собственности, у которой нет наследников. “Нельзя допустить, чтобы убийцы наших братьев стали их наследниками!” — воскликнул премьер-министр. И, несмотря на начавшиеся беспорядки у здания *кнесета*, на толпы демонстрантов, вой полицейских сирен и разрывы газовых гранат, несмотря на яростные обвинения со стороны партии *Херут* в зале заседания *кнесета*, премьер-министр добился своего: по окончании дебатов, 10 января, он получил одобрение *кнесета*. Затем израильское правительство и Конференция по материальным претензиям евреев к Германии разработали совместную стратегию на предстоящих переговорах. Эти переговоры начались 21 марта 1952 г. на “нейтральной” территории в Нидерландах.

Люксембургское соглашение и Шилумим

В Вассенааре, в старинном герцогском замке, заседали три делегации. Делегацию Германии возглавлял профессор Франц Бём, делегацию Израиля — д-р Гиора Йосефталъ и д-р Феликс Шинар, делегацию Конференции по материальным претензиям евреев к Германии — Моше Левит и Алекс Истерман. Бём, первый послевоенный декан Университета им. Иоганна Вольфганга Гете во Франкфурте, был известен своим безупречным антинацистским прошлым. Йосефталъ, уроженец Германии, получивший докторскую степень в Гейдельбергском университете, был казначеем и руководил отделом абсорбции Еврейского агентства. Левит, американский еврей, возглавлял европейское отделение “Джойнта”. Первое заседание началось в холодной, неприветливой атмосфере. Участники даже не обменялись рукопожатиями и демонстративно избегали обращаться друг к другу по-немецки; переговоры велись исключительно на английском языке.

Израильтяне объявили свои претензии на сумму 1 млрд долларов для покрытия издержек, связанных с интеграцией полумиллиона беженцев. Представители Конференции назвали сумму 500 млн долларов — социальное обеспечение и реабилитация еврейских жертв нацизма, проживающих за пределами Израиля. Представители Германии, в принципе, не возражали против суммы платежей, но не согласились на выдвинутые Израилем условия выплаты: треть в твердой валюте и две трети — товарами, на протяжении пяти-шести лет. Бём и его коллеги отметили, что Лондонская конференция по вопросам задолженности обязала Германию полностью выплатить ее значительные послевоенные долги и что, таким образом, следует заняться по-

исками компромисса между претензиями Израиля и евреев, с одной стороны, и “ограниченными платежными возможностями Германии” — с другой. Задетые таким безразличным казенным ответом, Шинар и Йосефтал решительно отвергли какую-либо связь между еврейскими претензиями и невыплаченными немецкими финансовыми обязательствами. По всей видимости, переговоры зашли в тупик. Тем временем новости достигли Израиля и незамедлительно вызвали резкую реакцию общественности. Около 40 тыс. человек вышли на демонстрацию в Тель-Авиве и потребовали прекращения переговоров. Мэр Тель-Авива объявил о своем намерении начать голодовку протеста. Было похоже, что надеждам правительства Бен-Гуриона не суждено сбыться. Официальный Бонн отреагировал на происходящее и дал своей делегации новые инструкции: предложить Израилю и Конференции суммарный платеж в размере 3 млрд марок ФРГ (приблизительно 750 млн долларов) с выплатой товарами. Это составляло примерно половину того, что первоначально потребовали еврейские представители, но немецкая сторона, представляя себе бедственное финансовое положение Израиля, решила, что такой вариант окажется для них приемлемым. Это предположение оказалось ошибочным. Израильская делегация 31 марта покинула Конференцию, и немецкая делегация также была вынуждена вернуться домой.

И тогда Аденауэр лично вмешался в ход событий, направив Гольдману телеграмму с приглашением прибыть в ФРГ для конфиденциальных переговоров. Они встретились 20 апреля, и Гольдман напомнил канцлеру, что репарационные платежи — это долг чести, а не предмет для политических спекуляций. Аденауэр согласился и пообещал найти способ возобновления переговоров в Вассенааре. Федеральный канцлер сдержал свое слово; он прямо заявил своей Христианско-демократической партии, что уйдет в отставку, если Германия окажется не в состоянии выполнить свои моральные обязательства перед евреями. Правительство ФРГ немедленно согласилось возобновить переговоры. 23 мая в Париже состоялась встреча Бёма с Гольдманом, а несколько позже и с израильскими представителями. Был предложен удовлетворительный компромисс — 3 млрд марок ФРГ платит только Израилю, помимо выплат в пользу Конференции. Такое предложение было в принципе приемлемым. Наконец, 8 июня Аденауэр пригласил израильских и еврейских представителей в Бонн, и в ходе двухдневных совещаний удалось уладить все остававшиеся нерешенными вопросы.

Подписание соответствующих соглашений было назначено на 10 сентября 1952 г., в ратуше Люксембурга; выбор места определялся тем, что Аденауэр должен быть присутствовать там в этот же день на еще одной церемонии и парафировать соглашение о создании Европейского объединения угля и стали. Дата и место подписания держались в секрете, поскольку израильские террористы выступили с угрозами устроить покушение на участников це-

ремонии. Сама церемония подписания прошла без особой торжественности, практически без парадных речей и без рукопожатий перед фотокамерами — участники обменялись рукопожатиями позже, частным образом.

Люксембургское соглашение состояло из четырех взаимосвязанных, хотя и отдельных, соглашений. Первое, заключенное между Израилем и Федеративной Республикой Германией, представляло собой соглашение о репарациях, или *Шилумим*. Согласно его условиям, Бонн должен был выплатить Израилю сумму, эквивалентную 3 млрд марок ФРГ, товарами, путем ежегодных поставок на протяжении четырнадцати лет. Согласно второму соглашению, заключенному с Конференцией по материальным претензиям евреев к Германии, Бонн обязался принять соответствующее законодательство, в рамках которого можно было бы выплачивать индивидуальные компенсации (реституции) жертвам нацистского режима (Глава XVI. Люксембургское соглашение и *Шилумим*). Третье соглашение, также заключенное с Конференцией, предусматривало выплату 450 млн марок ФРГ, через посредство Израиля, с целью реабилитации жертв нацистского режима, живущих вне Израиля. Таким образом, в общей сложности сумма 3,45 млрд марок ФРГ (820 млн долларов) должна была быть выплачена Израилю, причем 450 млн марок ФРГ (107 млн долларов) из этих денег Израилю надлежало перевести в адрес Конференции в Нью-Йорк. Четвертое соглашение, на самую незначительную сумму, обязывало Израиль возместить стоимость имущества, принадлежавшего ордену темплеров и конфискованного в Палестине. Схема выплат в пользу Израиля включала четыре категории товаров: черные и цветные металлы, готовые изделия сталелитейной и металлообрабатывающей промышленности, химикалии и сельскохозяйственная продукция. Для реализации соглашений в Кельне создавалась Израильская закупочная миссия, сотрудники которой получали квазидипломатический статус и иммунитет.

Однако до начала претворения Люксембургского соглашения в жизнь оно подлежало ратификации высшими законодательными органами ФРГ и Израиля, и обсуждение в Бонне оказалось не менее бурным, чем в Нидерландах. К тому же Арабская лига выступила с заявлением, что в случае одобрения этого соглашения арабские страны прекратят выдачу лицензий на импорт немецким фирмам. Угроза возымела действие, и целый ряд немецких политиков воспротивились ратификации — в том числе Франц Йозеф Штраус¹⁵, председатель Христианско-демократического союза. Прошло

15 Штраус Франц Йозеф (1915–1988) — немецкий государственный и политический деятель, один из руководителей, а с 1961 г. — председатель католической партии Христианско-социальный союз (ХСС). В 1953–1962 гг. занимал пост министра обороны правительства ФРГ. В 1966–1969 гг. занимал ряд министерских постов, с 1970 г. Штраус — премьер-министр Баварии, одной из федеральных земель.

полгода, прежде чем удалось ратифицировать Соглашение, и в конечном итоге пришлось задабривать арабские страны, субсидировав их экономические проекты. При поддержке социал-демократов Соглашение было ратифицировано обеими палатами 19 и 20 марта 1953 г., после чего Израиль ратифицировал его 22 марта.

По иронии судьбы сам Бен-Гурион отнесся к ратификации с немалым скептицизмом. “Да, это великий день, — заявил он с усмешкой, — только вот немцы вряд ли заплатят хоть что-нибудь”. После изнурительных переговоров на протяжении прошедшего года он не сомневался в том, что *Шилумим* уготовлена судьба Версальского договора, завершившего Первую мировую войну. Однако премьер-министр недооценил своего партнера по переговорам. Истовый католик, всем сердцем верующий в доктрину греха и искупления, Аденауэр был искренне счастлив, что первый международный договор, подписанный его правительством, стал договором с еврейским государством. С таким национальным лидером Германия самым пунктуальным образом выполняла все положения Соглашения. 30 июля 1953 г. израильское грузовое судно “Хайфа” приняло на борт в порту Бремена первую партию немецких металлоизделий, и это стало началом процесса, продолжавшегося непрерывно в течение 12 лет.

После того как Соглашение обрело силу, была сформирована смешанная германо-израильская комиссия, в задачу которой входило составление графика поставок. Немецкие члены комиссии продемонстрировали понимание ситуации и гибкость, позволив израильтянам составлять графики, рассчитанные не на один год, а на долгосрочную перспективу, чтобы имелась возможность соотносить поставки с проектами национального развития. Вместе с тем израильская закупочная миссия в Кельне практически не испытывала трудностей, когда возникала необходимость получить разрешение на поставку товаров. Ко времени завершения поставок в рамках *Шилумим* в 1965 г. в Израиль было доставлено порядка 1,45 млн тонн грузов.

Следует, однако, признать, что не все поставки имели одинаковую ценность. Так, например, было заказано слишком много судов одновременно и по вздутым ценам. В период 1953–1964 гг. по этой статье расходов в рамках *Шилумим* было потрачено 137,3 млн долларов из общей суммы 751,3 млн долларов; тем не менее морские перевозки обеспечили не более 1% национального дохода Израиля (решения относительно приобретения судов определялись также важными стратегическими и политическими соображениями). С другой стороны, около 10% приобретенных в рамках *Шилумим* средств производства были связаны с созданием энергосистемы страны (производство и передача электроэнергии), что заложило основы национальной промышленности. Благодаря *Шилумим* приобреталась также и нефть, жизненно важная для Израиля. В числе других весьма полезных приобретений сле-

дует назвать портовое оборудование, железнодорожную технику, системы связи, а также металлообрабатывающие станки, оборудование для переработки сельскохозяйственной продукции и для нефтеперерабатывающих заводов. В общем, не было практически ни одной отрасли израильской экономики, которая бы не извлекла большую пользу от этих поставок.

Стимулирующее воздействие на израильскую экономику оказало не только соглашение о *Шилумим*. Следует назвать также Федеральный закон о компенсациях, непосредственно связанный с Федеральным законом о возвращении собственности законным владельцам. Эти акты были приняты во благо пострадавших от нацистов “по расовым, религиозным или политическим причинам”. С точки зрения закона, сотни тысяч евреев из различных стран Европы, завоеванных и разоренных нацистами, имели право на компенсацию и возмещение убытков. Вместе с тем самую большую по численности однородную группу евреев, переживших Катастрофу, составляли те, кто смог уехать из Германии и стран Центральной Европы до начала Второй мировой войны. К 1954 г. более половины из них поселилось в Израиле, и они как раз являлись основными получателями согласно вышеназванным законодательным актам. Закон устанавливал четыре категории компенсации: утрата собственности, потеря свободы, потеря здоровья и утрата “экономических возможностей”. Для каждой из категорий были установлены различные схемы выплат, но все они были справедливыми и щедрыми. Выплаты осуществлялись непосредственно после представления обоснований, в том числе и наследникам. Хотя к середине 1960-х гг. еще не все заявления по претензиям были в полной мере обработаны и оформлены, уже стало ясно, что сумма компенсаций в конечном итоге составит сотни миллионов марок ФРГ. Действительно, к концу 1964 г. только израильтяне, пережившие Катастрофу, получили компенсации на сумму не менее 7 млрд марок ФРГ — это не считая 3 млрд марок ФРГ, выплаченных Израилю в рамках *Шилумим*.

Аденауэр неоднократно высказывал пожелание, чтобы выплата компенсаций и возмещение убытков способствовали установлению особых и тесных отношений между ФРГ и Израилем. Этот вопрос он принимал очень близко к сердцу, и Бен-Гурион разделял его чувства. Сразу же после становления независимого еврейского государства израильский премьер-министр утверждал, что только Германия может стать для его осажденной врагами страны мостом в Европу и жизненно важным союзником, который поддержит усилия Израиля, направленные на ассоциированное членство в создававшемся тогда Общем рынке, а может быть, и в НАТО. Собственно говоря, к середине—концу 1950-х гг. сама идея тесных отношений с Германией большинству израильтян уже не казалась немислимой. Немцы скрупулезно выполняли все свои обязательства, связанные с репарациями и компен-

сациями. Немецкие суда одно за другим разгружались в порту Хайфы. По мнению Бен-Гуриона, такой момент нельзя было упускать.

А тем временем трудности не заставили себя ждать. Чтобы воспрепятствовать дипломатическому признанию Восточной Германии — Германской Демократической Республики, заместитель министра иностранных дел ФРГ д-р Вальтер Холшейн сформулировал в сентябре 1955 г. основные направления внешней политики своей страны на ближайшее десятилетие. Эта “Доктрина Холшейна” гласила, что установление дипломатических отношений с ГДР будет рассматриваться “как недружественный акт [по отношению к ФРГ], имеющий целью усугубить состояние разделения Германии”. Арабские страны приняли эту доктрину, хотя и потребовали “свою” цену за отказ от признания ГДР: обещание ФРГ не устанавливать дипломатических отношений с Израилем. Такое “требование взаимности” поставило правительство ФРГ в весьма неловкое положение, особенно с учетом того обстоятельства, что министр иностранных дел фон Brentано совсем недавно принял решение об установлении консульских отношений между двумя странами. С тяжелым сердцем фон Brentано вынужден был пойти на отмену договоренностей. Для Израиля это стало очень сильным ударом. После длительных переговоров на протяжении ряда лет появилась вероятность того, что именно Западная Германия — из всех стран! — будет содействовать становлению Израиля в качестве полноправного члена западного сообщества. Но теперь стало ясно, что не приходится рассчитывать на такие внезапные и драматичные повороты исторической судьбы.

Некоторые итоги

Хотя неудача с ФРГ и стала весьма болезненной, тем не менее в целом картина дипломатических отношений Израиля с другими странами в середине 1950-х гг. выглядела не столь уж и удручающей. Посольства Израиля имелись в странах Северной и Южной Америки, Западной и Восточной Европы, в ряде стран Африки и Азии. Невозможность установления отношений в других регионах объяснялась деструктивной политикой арабского мира. Впрочем, не исключено, что некоторые внешнеполитические неудачи Израиля следовало бы отнести за счет его прямолинейности. Речь идет в первую очередь о неумении балансировать на грани между Западом и Востоком. Несдержанные проявления верности идеалам “свободного мира”, которые демонстрировали Шарет и Эвен в ходе дебатов на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН в 1950–1951 гг., вряд ли были так уж необходимы для получения американской финансовой и дипломатической поддержки. Другие африкан-

ские и азиатские страны не заходили столь далеко и при этом умело достигали своих политических целей, лавируя между интересами Великих держав. Своей горячей поддержкой западных идеалов Израиль в 1950-х гг. добился только одного: усугубил подозрения и недоверчивость Советского Союза по отношению к себе — и, как выяснилось в конечном итоге, на долгие годы.

Но, пожалуй, самая прискорбная дипломатическая неудача Израиля заключалась в том, что он не смог добиться признания азиатских стран третьего мира, не сумел завоевать репутацию успешного борца за освобождение от колониализма. В странах Азии плохо представляли себе, что евреи также вели национальную борьбу за освобождение от иностранного гнета. Неру, например, рассматривал сионистов как пособников британского империализма. Разумеется, в известной степени такой образ был создан не без политического и экономического влияния арабских стран. Однако израильтяне и сами отчасти несли ответственность за такое превратное понимание: на протяжении десятилетий они вели сионистскую деятельность исключительно в Европе и Америке. Также и в более поздние времена израильские лидеры могли бы заявить, что создание еврейского государства — это одно из достижений национально-освободительного движения, и такой подход стал бы понятен другим народам, освободившимся от ига колониализма. Однако идея национального освобождения фактически не упоминалась в статьях и речах Бен-Гуриона, Шарета или Эвена. Израильские государственные деятели предпочитали особо подчеркивать важность “чуда” возрождения и возвращения к историческим и теологическим корням еврейского народа. Как заметил Михаэль Брехер, тонкий аналитик и знаток израильской внешней политики, дипломатическая деятельность Израиля осуществлялась без малейшего воображения. Прояви израильтяне больше проницательности и интуиции, вполне возможно, что их старания завязать дружественные контакты могли быть встречены в азиатских странах с меньшим безразличием.

Еще одна серьезная ошибка — это политика Израиля по отношению к Китаю. В 1955 г. Иерусалим отверг предложение Пекина заключить дипломатические отношения. Израильтяне объясняли такую реакцию опасениями нанести ущерб своим связям с США. Однако во времена Эйзенхауэра — Даллеса американская поддержка Израиля была чисто номинальной. К тому же — и это обстоятельство особенно важно — в то время у Китая фактически не существовало контактов с арабскими странами. Более того, установление отношений с Китаем могло бы положительно сказаться и на расположении Индии к Израилю, поскольку это были как раз лучшие времена индийско-китайских связей. В конечном итоге Израиль смог бы получить приглашение на Афро-азиатскую конференцию в Бандунге (1955 г.) — в действительности же арабская угроза бойкота Конференции закрыла ему туда

дорогу. Если бы Китай занимал более дружественную позицию, а Индия — более сдержанную, то арабские угрозы бойкота оказались бы значительно менее действенными. А так эта конференция стала поворотным пунктом в истории израильской дипломатии, отняв у израильтян последний шанс добиться признания на Азиатском континенте. Эта роковая ошибка объяснима: в Израиле плохо знали Азию вообще и Китай в частности. Шарет, Эвен, Шилоах и прочие деятели, несущие ответственность за названные просчеты, были европейцами по происхождению, образу мыслей и симпатиям. Их мало интересовал мир, расположенный к востоку от Ирана.

На протяжении всей своей истории Израиль был одной из тех немногих стран мира, которые не принадлежали ни к каким блокам, пактам, альянсам или региональным организациям. Вместе с тем его безопасность не была гарантирована ни одной из Великих держав. Ко всему прочему, Израиль в языковом и культурном отношении был довольно далек от всех стран мира — кроме арабских (так уж было суждено по иронии судьбы). Связи с соплеменниками на других континентах были нерушимыми и жизненно необходимыми — но во всех прочих отношениях Израиль оставался страной-одиночкой. Все сказанное звучало отнюдь не обнадеживающе с точки зрения безопасности в те времена, в 1955 г., когда политические и военные обстоятельства резко переменились: страна, бывшая одиночкой, в неблагоприятной ситуации, отчасти в изоляции, вдруг оказалась в критическом положении перед лицом стратегической угрозы.

УДК 94(596.4)
ББК 63.3 (5 Изр)
С 15

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ СИОНИЗМА
ДО НАШИХ ДНЕЙ. ТОМ 1. 1807–1951

Говард М. Сакер

Первое издание на русском языке

Перевод ВИКТОРА ГОПМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО “КНИЖНИКИ”
127055, Москва, ул. Образцова, д. 19, стр. 9
тел. (495) 663-21-06; e-mail: info@knizhniki.ru
Интернет-магазин: WWW.KNIZHNIKI.RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ЛЕХАИМ”
127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., д. 5а
Тел. (495) 710-88-03; e-mail: lechaim@lechaim.ru
Интернет-сайт: WWW.LECHAIM.RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО “ТЕКСТ”
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7
Тел./факс: (499) 150-04-82; e-mail: text@textpubl.ru
Представитель в Санкт-Петербурге: (812) 312-52-63
Интернет-сайт: WWW.TEXTPUBL.RU

Подписано в печать 28.02.2011. Формат 70×100/16
Усл.-печ. л. 51,85. Тираж 3 500 экз. 1-й завод 1500 экз. Заказ № 445

Отпечатано в ОАО Типография “Новости”
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ISBN 978-5-9953-0125-7

9 785995 301257 >